

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ТРУДЫ ОТДЕЛА
ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

XXX

ИСТОРИЧЕСКОЕ
ПОВЕСТВОВАНИЕ
ДРЕВНЕЙ
РУСИ

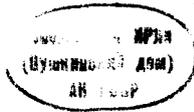

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД 1976

Редколлегия:

Д. С. Лихачев (ответственный редактор),

Я. С. Лурье, М. А. Салмина

ИССЛЕДОВАНИЯ

О. В. ТВОРОГОВ

Повесть временных лет и Начальный свод

(Текстологический комментарий)

«Главный вопрос нашей историографии — отношение Повести временных лет и Новгородского I-го летописного свода», — писал А. А. Шахматов в 1914 г. историку В. А. Пархоменко.¹ Действительно, именно анализ взаимоотношений Повести временных лет (далее: ПВЛ) и Новгородской первой летописи младшего извода (далее: НПЛ) позволил А. А. Шахматову обосновать гипотезу о существовании Начального свода (далее: Нач. свод) и реконструировать его состав. Эта гипотеза не только была важнейшим этапом в изучении истории раннего летописания, но и свидетельствовала о больших возможностях шахматовского метода исследования летописных сводов. В то же время именно данная гипотеза не раз подвергалась критике. Против нее выступали В. М. Истрин,² Н. К. Никольский,³ С. А. Бугославский;⁴ в наше время коррективы в схему А. А. Шахматова попытался внести М. Х. Алешковский,⁵ а А. Г. Кузьмин, хотя и не противопоставляет ей специальных текстологических разысканий (если не считать беглых замечаний по поводу рассказа о призвании варягов), тем не менее не раз указывал на уязвимость гипотезы о Нач. своде.⁶

Новый текстологический комментарий к шахматовской схеме кажется вполне своевременным. Во-первых, надо попытаться выяснить, насколько должны быть изменены построения А. А. Шахматова после уточнений, предложенных его последователями, и возражений оппонентов. Сделать это необходимо еще и потому, что фундаментальный труд А. А. Шахматова, в котором он намеревался обобщить последние результаты своих разысканий, не был завершен: в свет вышел только первый том,⁷ а материалы второго тома были лишь частично опубликованы после смерти

¹ В. Пархоменко. Из листування з акад. О. О. Шахматовим. — Украина, 1925, № 6, с. 128.

² В. М. Истрин. Замечания о начале русского летописания. — ИОРЯС, т. XXVI. Пгр., 1923; т. XXVII. Л., 1924.

³ Н. К. Никольский. Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры, вып. 1. Л., 1930.

⁴ С. Бугославский. «Повесть временных лет». (Списки, редакции, первоначальный текст). — Старинная русская повесть. Статьи и исследования под ред. Н. К. Гудзия. М.—Л., 1941.

⁵ М. Х. Алешковский. Первая редакция «Повести временных лет». — Археографический ежегодник за 1967 год, М., 1969.

⁶ См., например: А. Г. Кузьмин. 1) Русские летописи как источник по истории Древней Руси. Рязань, 1969, с. 49, 50, 52, 53, 60, 61, 67, 162; 2) Начальные этапы древнерусского летописания. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1971, с. 14—15.

⁷ А. А. Шахматов. Повесть временных лет. Т. I. Вводная часть. Текст, Примечания. Пгр., 1916 (далее: Шахматов. Повесть временных лет).

ученого.⁸ Именно в этом втором томе была бы, видимо, изложена в своей окончательной форме гипотеза о Нач. своде, над уточнением и совершенствованием которой А. А. Шахматов работал в течение двух десятилетий.⁹ Поэтому в данной статье я попытаюсь учесть те коррективы, которые внес сам ученый в свои прежние представления о Нач. своде.

Во-вторых, на примере реконструкции Нач. свода особенно наглядна эффективность различных методов изучения летописных текстов, что приобретает особое значение сейчас, после дискуссии по проблемам методологии изучения русских летописей.¹⁰

Указанные задачи и определяют структуру моей статьи. В ней рассматривается начальная часть ПВЛ (до статьи 1015 г. включительно) и сопоставимая с ней часть текста НПЛ, так как именно на материале этих фрагментов летописей построена шахматовская гипотеза о Нач. своде. Обязательным условием такого сопоставления является полный охват материала, поэтому оба текста рассматриваются сплошь, а не только в своих отдельных чтениях, наиболее удобных для текстологического обоснования взаимоотношений ПВЛ и НПЛ. В целях наглядности сопоставлений текст ПВЛ разбит на фрагменты, границами которых являются предполагаемые границы отрезков текста, восходящих к Нач. своду или принадлежащих составителю ПВЛ.

Задача моей статьи — текстологический комментарий к сопоставимым фрагментам ПВЛ и НПЛ, поэтому такие важные вопросы, как датировка Нач. свода, возможность отождествления его с первой реакцией ПВЛ (вопрос, поставленный в работах М. Х. Алешковского), вопрос о древнейшем летописании и подобные, в ней не рассматриваются.

* * *

Итак, согласно гипотезе А. А. Шахматова, Нач. свод был создан в 90-х годах XI в. Составитель ПВЛ в начале XII в. существенно переработал текст и дополнил его новыми материалами. Один из списков Нач. свода был использован также составителем новгородской летописи — Софийского временника,¹¹ легшего в основу как летописного свода середины XV в. (так называемого Свода 1448 г., отраженного в Софийской первой и Новгородской четвертой летописях), так и НПЛ. Таким образом, в составе НПЛ к Нач. своду восходят начало (до статьи 1016 г.) и статьи 1052—1074 гг.¹² Если это заключение справедливо, то состав Нач. свода

⁸ А. А. Шахматов. 1) «Повесть временных лет» и ее источники. — ТОДРЛ, т. IV. М.—Л., 1940; 2) Киевский начальный свод 1095 г. — В кн.: А. А. Шахматов. 1864—1920. Сборник статей и материалов под ред. акад. С. П. Обнорского. М.—Л., 1947 (далее: Шахматов. Киевский начальный свод 1095 г.).

⁹ А. А. Шахматов. 1) О начальном киевском летописном своде. — ЧОИДР, 1897, кн. III; 2) Начальный киевский летописный свод и его источники. — Юбилейный сборник в честь Всеволода Федоровича Миллера, изданный его учениками и почитателями. М., 1900; 3) Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908 (далее: Шахматов. Разыскания), а также упомянутая выше монография «Повесть временных лет» и статьи, названные в прим. 8.

¹⁰ См.: Л. В. Черепнин. Спорные вопросы изучения Начальной летописи в 50—70-х годах. — История СССР, 1972, № 4; А. Г. Кузьмин. Спорные вопросы методологии изучения русских летописей. — ВИ, 1973, № 2; Д. С. Лихачев, В. Л. Янин, Я. С. Лурье. Подлинные и мнимые вопросы методологии изучения русских летописей. — ВИ, 1973, № 8.

¹¹ А. А. Шахматов полагал, что Софийский временник был составлен в 1433—1434 гг. Д. С. Лихачев относит его создание к середине XII в. (см.: Д. С. Лихачев. «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 года. — ИЗ, т. 25. М., 1948).

¹² Шахматов. Киевский начальный свод 1095 г., с. 126—127.

может быть частично реконструирован путем сопоставления НИЛ в указанных пределах с текстом ПВЛ.

Но схема эта осложняется двумя обстоятельствами. Во-первых, до нас не дошла первая редакция ПВЛ: древнейшие списки летописей (Лаврентьевский, Радзивиловский) содержат, по А. А. Шахматову, вторую редакцию памятника, которая могла в какой-то мере отличаться от первой.¹³ Во-вторых, уже А. А. Шахматов отмечал, что текст НИЛ не может быть признан тождественным тексту Нач. свода; в ряде случаев Нач. свод (через посредство Софийского временника) лучше отразился в Своде 1448 г.¹⁴ Такова в общих чертах гипотеза А. А. Шахматова. Перейдем теперь к анализу текста ПВЛ.

* * *

1. Се начнем повѣсть сию. По потофѣ. . . приде в Синопию (с. 9—12).¹⁵

А. А. Шахматов считал весь этот фрагмент принадлежностью ПВЛ, ибо он отсутствует в НИЛ (и, следовательно, должен бы отсутствовать в Нач. своде).¹⁶ Но именно происхождение этого фрагмента вызывало у ученого наибольшие колебания. В одной из ранних своих работ он допускал, что в Нач. своде содержались какие-то фрагменты библейской истории и рассказы о расселении славянских племен,¹⁷ а впоследствии признавал, что рассказ о пути из Варяг в Греки и легенда об апостоле Андрее — вставки, не пояснив, к сожалению, когда и кем они были сделаны.¹⁸ Вставкой считают рассказ о миссии Андрея А. Н. Насонов,¹⁹ Б. А. Рыбаков,²⁰ М. Х. Алешковский²¹ и другие исследователи. Основания для ее выделения следующие.

А. А. Шахматов обратил внимание на то, что вторая часть фразы «И тако разидеся словѣньский язык, тѣм же и грамота прозвася словѣньская» (с. 11) «не стоит во внутренней связи с первой ее частью, но она сильно напоминает сообщение в статье 898 г., где ему естественно место: „Сим бо первое преложены книги моравѣ, яже прозвася грамота словѣньская“».²²

Мы вправе были бы ограничиться указанием на неудачный оборот летописца, если бы вслед за рассматриваемой фразой не следовал весьма неясный текст: «Поляном же живщим особѣ по горам сим, бѣ путь из Варяг

¹³ А. А. Шахматов допускал отличия второй редакции ПВЛ от первой лишь во второй половине памятника (см.: «Повесть временных лет» и ее источники, с. 24 и далее). М. Х. Алешковский, напротив, полагает, что первая редакция ПВЛ (отождествленная у него с Нач. сводом) сохранилась в НИЛ, а древнейшие летописи — Лаврентьевская, Радзивиловская и Ипатьевская — отражают третью редакцию ПВЛ (М. Х. Алешковский. Первая редакция «Повести временных лет»).

¹⁴ Шахматов. Разыскания, с. 197 и 199.

¹⁵ Повесть временных лет. Ч. 1. Подготовка текста Д. С. Лихачева. Перевод Д. С. Лихачева и Б. А. Романова. М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»). Здесь и в дальнейшем текст ПВЛ цитируется по этому изданию, страницы указываются в скобках. Конечный «ъ» в цитатах опускается. В необходимых случаях различия в тексте отдельных списков ПВЛ оговариваются.

¹⁶ Шахматов. Разыскания, с. 394—395. См. также реконструкции ПВЛ и Нач. свода в книге «Повесть временных лет».

¹⁷ А. А. Шахматов. Начальный киевский летописный свод. . . , с. 7—8.

¹⁸ В комментарии к реконструкции ПВЛ А. А. Шахматов определил границы этой вставки: от слов «бѣ путь из Варяг в Греки» и до слов «приде в Синопию» (Шахматов. Повесть временных лет, с. 375).

¹⁹ А. Н. Насонов. История русского летописания. М., 1969, с. 73.

²⁰ Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963, с. 226.

²¹ М. Х. Алешковский. Первая редакция «Повести временных лет», с. 19—20.

²² А. А. Шахматов. «Повесть временных лет» и ее источники, с. 81.

в Греки и из Грек по Днѣпру», т. е.: когда поляне жили сами по себе на этих горах, то по Днепру шел путь «из Варяг в Греки». ²³ Как связаны между собой две части этой фразы? Что значит в этом контексте «по горам сим»? ²⁴ Наконец, почему упоминание полян отделено рассмотренной выше «итоговой» фразой («И тако разидеся словѣньский язык») от перечня славянских племен, где поляне были названы, и примыкает к пассажи, в котором о полянах более не говорится? Сходная фраза о полянах встречается в ПВЛ еще два раза: «Подем же жившем особѣ и володѣющем роды своими, иже и до сее братьѣ бяху поляне, и живяху кождо с своим родом и на своих мѣстѣх» (с. 12) и «Полянм же жиущем особѣ, якоже рекохом, сущим от рода словѣньска, и нарекошася поляне» (с. 14). Нетрудно заметить, что наиболее логично и оправданно звучит эта фраза во втором употреблении, а третье употребление как бы повторяет первое, при этом объединив его с предшествующей ему фразой о «словенском языке».

Попытку объяснить все эти особенности текста предложил А. А. Шахматов, высказав мнение, что после «переходной фразы — „Полянм же жившим особѣ по горам сим“» — мы «находим явно вставленный рассказ о посещении полуостровных стран апостолом Андреем; он вводится описанием пути из Варяг в Греки». ²⁵

Можно предложить такое объяснение происхождения рассматриваемого фрагмента ПВЛ. В первоначальном тексте рассказ о трех братьях следовал непосредственно за рассказом о расселении племен (который в дошедшем до нас тексте ПВЛ заканчивается словами: «. . . и нарекошася Сѣвер»). Другой редактор сделал вставку: «И тако разидеся словѣньский язык, тѣм же и грамота прозвася словѣньская», а затем начал было переписывать последующий текст, начинавшийся словами «Полянм же жившем особѣ и володѣющем роды своими», но оборвал его на слове «особѣ» и сделал вставку о пути из Варяг в Греки и миссии апостола Андрея. Слова «по горам сим» принадлежат, видимо, источнику вставки. После вставки летописец вновь вернулся к своему основному источнику и на этот раз дописал ту же фразу о полянах до конца («Подем же жившем особѣ и володѣющем роды своими»). Им же была сделана, возможно, и еще одна вставка — «Полянм же жиущем особѣ, якоже рекохом, сущим от рода словѣньска. . . да то ся зваху от Грек Великая скуфѣ» (с. 14). Действительно: фрагмент этот начинается цитатой из предшествующего текста, при этом упоминание полян сочетается с упоминанием «рода словѣньска», как и в первом случае употребления этого оборота (ПВЛ, с. 11). Летописец указывает на самоцитирование словами: «якоже рекохом».

В предложенной версии много спорного. Построенная исключительно на внутренней, смысловой, критике текста, догадка эта не подтверждается никакими косвенными данными. Неизвестно также, когда могла быть сделана эта вставка: при составлении ПВЛ (в этом случае придется допустить существование вводной части уже в Нач. своде) или же в процессе последующей переработки авторского текста ПВЛ, как думает, например, М. Х. Алешковский, считающий, что рассказ о разделении земли между сыновьями Ноя принадлежал первой редакции ПВЛ. ²⁶

Однако при любом решении вопроса следует, во-первых, подчеркнуть неправомерность категорического утверждения, будто бы весь текст, от-

²³ В Радзивиловской летописи иначе: «Полянм же живущим особѣ по горам сим, и бѣ путь» (см.: Лаврентьевская летопись. — ПСРЛ, т. 1, изд. 2-е, вып. 1. Л., 1927, стлб. 7).

²⁴ Это словосочетание встречается трижды в рассказе об апостоле Андрее: «видите ли горы сия», «на горах сих», «вшед на горы сия».

²⁵ А. А. Шахматов. «Повесть временных лет» и ее источники, с. 29.

²⁶ М. Х. Алешковский. Первая редакция «Повести временных лет», с. 33.

существующий в НИЛ, должен непременно быть признан добавлением составителя ПВЛ, а во-вторых, напомнить о возможности переработки ПВЛ уже после создания памятника.

А. А. Шахматов и другие исследователи отмечали также ряд «швов» и противоречий в различных местах рассказа о разделении земли и расселении племен.²⁷ К сожалению, эти наблюдения не могут иметь доказательной силы. Дело в том, что нам неизвестна начальная часть древнейшего хронографического свода — Хронографа по великому изложению, который, вероятно, и был использован при составлении «вводной части» Нач. свода. Взаимоотношения этого Хронографа с Хронографической и Толковой палеями, а также с недавно введенным в научный оборот памятником, названным мной «Прибавлением к палею», остаются чрезвычайно неясными.²⁸ Можно допустить, например, что фрагменты из Хроники Амартола были соединены с другими источниками не летописцем, а его предшественником — составителем хронографической компиляции, которую летописец заимствовал уже в готовом виде.

2. Подем же жившем особъ . . . поляне в Киевѣ и до сего дне (с. 12—13).

Текст фрагмента, по А. А. Шахматову, восходит к Нач. своду, но этот источник подвергся переработке при составлении ПВЛ. В НИЛ мы читаем: «В лѣто 6362. Начало земли Русской. Живяху кождо с родом своим на своих мѣстех и странах, владѣюща кождо родом своим. И быша три братия».²⁹ В ПВЛ начало фрагмента сходно: «Подем же жившем особъ и володѣющем роды своими, иже и до сего братьѣ бяху поляне, и живяху кождо с своим родом и на своих мѣстѣх, владѣюще кождо родом своим. И быша три братья» (с. 12). Выделенные слова в НИЛ отсутствуют. В то же время текст, которым начинается НИЛ, мало понятен: слова «живяху кождо со своим родом на своих мѣстех и странах» предполагают какой-то предшествующий рассказ, который, видимо, присутствовал в Нач. своде, но был опущен в НИЛ. Если мы продолжим высказанную ранее мысль, что рассказ о пути из Варяг в Греки и легенда об апостоле Андрее — вставки в текст Нач. свода (утраченный в НИЛ), то рассматриваемый фрагмент мог следовать там непосредственно за описанием расселения славянских племен. К сожалению, повторяю, предположение о начале Нач. свода, утраченном в НИЛ, не более чем догадка.

3. Ини же, не свѣдуше, рекоша. . . елико во Христа крестихомся и во Христа облекохомся (с. 13—16).

По мнению А. А. Шахматова, весь этот фрагмент вставлен при создании ПВЛ. Основанием для этого вывода послужило отсутствие параллельного текста в НИЛ, а также особенности самого рассматриваемого фрагмента: в его составе извлечения из Хроники Амартола и из «Сказания о предложении книг» — памятников, послуживших источниками именно для ПВЛ.

²⁷ А. А. Шахматов. «Повесть временных лет» и ее источники, с. 44—45 и 77—80; ср. также: М. Х. Алешковски й. Первая редакция «Повести временных лет», с. 18—19.

²⁸ См.: О. В. Творогов. Древнерусские хронографы. Л., 1975, гл. V.

²⁹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. А. Н. Сононова. М.—Л., 1950, с. 104. Здесь и далее цитируется НИЛ младшего извода по этому изданию, страницы указываются в тексте в скобках. В цитатах конечный «ъ» опускается.

Но при сопоставлении ПВЛ и НІЛ возникает вопрос, обойденный должным вниманием в работе А. А. Шахматова. Рассматриваемому фрагменту в НІЛ соответствует фраза «. . . от них же суть кыянѣ, бяху же поганѣ, жруще озером и кладзем и роцением, якоже прочии погани» и рассказ о походе Руси на Царьград (НІЛ, с. 105). Фразу о нравах киевлян А. А. Шахматов считал вставкой, сделанной составителем Нач. свода под влиянием сходного места в «Речи философа».³⁰ Рассказ о походе Руси также, по мнению А. А. Шахматова, является добавлением составителя Нач. свода.³¹ Однако зададимся вопросом: почему этот эпизод составитель Нач. свода соотнес с деятельностью Кия, Щека и Хорива (во всяком случае поместил его в середину рассказа о трех братьях), а составитель ПВЛ отнес к определенной дате — к 6374 г. — и принял за описание похода на Византию Аскольда и Дира?

Далее будет рассмотрен источник рассказа о походе и установлено, что в Нач. свод он попал из Хронографа по великому изложению, что из Нач. свода он перешел в ПВЛ и лишь здесь был соотнесен с деятельностью Аскольда и Дира (см. ниже). Пока же поставим следующие вопросы.

1) Чем объяснить соотнесение рассказа о походе Руси в составе Нач. свода с деятельностью Кия, Щека и Хорива?

2) Чем объяснить, что фрагмент, сообщающий о том, что Кия считали «перевозником», отсутствует в НІЛ, но тем не менее отразился в предисловии к Нач. своду («. . . зван бысть град великим князем во имя Кия, егоже нарицают тако перевозника бывша, инѣи же ловы дѣяше около города», — НІЛ, с. 103)?

3) Как истолковать факт, что в общем для ПВЛ и НІЛ тексте, следующем за рассматриваемым фрагментом, говорится: «По сих же лѣтѣх, по смерти братьѣ сея»,³² т. е. предполагается какое-то повествование о деятельности братьев. Оно, действительно, присутствует в ПВЛ (фрагмент: «Ини же, не свѣдуше. . . и сестра их Лыбедь ту скончашася», — ПВЛ, с. 13). Если допустить, что приведенный выше фрагмент ПВЛ читался уже в Нач. своде, но был опущен в НІЛ, это объяснило бы многое: предисловие Нач. свода упоминало бы версию о Кие-«перевознике», более подробно развернутую в основном тексте, рассказ о походе Руси на Византию мог в этом случае быть вставлен в повествование о Кие потому, что там упоминалось, как Кий «ходил Царюгороду»; наконец, в этом случае была бы яснее изложена история Кия. Но эта догадка встречает и контраргументы: упоминание в Предисловии к Нач. своду Кия-«перевозника» могло явиться по в о д о м для включения этой легенды в ПВЛ; Кий «велику честь приял от царя», а в рассказе о походе Руси говорится о п о р а ж е н и и с л а в я н , — и можно допустить обратное: рассказ о славных деяниях Кия явился откликом на рассказ Нач. свода о поражении Руси. Во всяком случае соотношение ПВЛ и НІЛ в рассматриваемых фрагментах заслуживает пристального внимания.

4. По сих же лѣтѣх, по смерти братьѣ сея быша обидими древлями и инѣми околними. . . володѣють бо козары русьскіи князи и до днешнего дне (с. 16—17).

³⁰ А. А. Шахматов сравнивает ее со следующим местом из «Речи философа»: «. . . ови роцением, кладзем и рѣкам жряху» (ПВЛ, с. 64), см.: Шахматов. Разыскания, с. 98 и 322.

³¹ Шахматов. Разыскания, с. 322.

³² Ср. в НІЛ: «По сих лѣтѣх братва сии изгибоша; и быша обидими древляны» (с. 105).

Фрагмент восходит к Нач. своду — он читается в НІЛ (с. 105—106). В Древнейшем своде — источнике Нач. свода — он следовал непосредственно за рассказом о Кие, Щеке, Хориве и полянах, — только в этом случае становится понятным, кто это «братья сия» и кто был обижен «околними».

5. В лѣто 6360 индикта 15 день,³³ наченшю Михаилу царствовати. . . до смерти Святополчи лѣт 60 (с. 17).

Расчет лет, как полагал А. А. Шахматов, принадлежит составителю ПВЛ и сделан им на основании «Летописца вскоре» патриарха Никифора. Исходная дата — 6360 (852) год — неверна: Михаил III вступил на престол в 842 г. А. А. Шахматов предложил следующее объяснение происхождения этой даты. Во второй греческой редакции «Хронографикона» патриарха Никифора, переведенной на Руси в XI в., находился расчет лет, согласно которому от начала нашей эры до воцарения Константина прошло 318 лет, а от Константина до Михаила — 542 года, т. е. в сумме — 860 лет. Прибавив это число к 5500 г. от сотворения мира (согласно Александрийскому летоисчислению, это дата воплощения Христа), мы и получим 6360 (852) год.³⁴

В НІЛ «начало земли Русской» отнесено к 6362 г. А. А. Шахматов так объяснял происхождение этой даты. Составитель Нач. свода ввел в свой текст даты (6362 и 6428 гг.) одновременно со вставками из Хронографа по великому изложению (далее: Хр. по ВИ),³⁵ и, следовательно, «хронология этого свода стоит в тесной связи с заимствованием рассказов о греко-русских событиях: действительно, первый год Начального свода — 6362-й — обозначает год вступления на царство Михаила, когда имел место поход руссов, второй год, 6428-й, прямо заимствован из хронографической компиляции».³⁶ Под «хронографической компиляцией» А. А. Шахматов имеет в виду памятник, названный мной Троицким хронографом и известный сейчас в трех списках (ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 728; ГБЛ, собр. Ундольского, № 1; ГПБ, Нов. собр. рукоп. книг, 1918 г. F. 27). Текст Хр. по ВИ может быть реконструирован на основании восходящих к нему памятников: Полной и Краткой редакций Хронографической палеи и названного Троицкого хронографа. И действительно, мы можем убедиться, что в Хр. по ВИ читалось: «По Феофилъ же царствова Михаил, сын его. . . И при сего царствии в 2-е лѣто царства его крещена бысть Болгарская земля. И приложиша книги от греческа языка на словенскимъ Кирил Философ с Мефодиемъ в лѣто 6363, при Борисъ князи болгарьстѣмъ».³⁷ Приняв 6363 год за дату крещения Болгарии, летописец высчитал и год воцарения Михаила — 6362-й.

Составитель ПВЛ передатировал воцарение Михаила, а упомянутый в Нач. сводѣ под 6362 г. поход Руси на Царьград перенес в статью 6374 г. Но связь, установленная между этим походом и «началом Русской земли» еще в Нач. сводѣ, нашла свое отражение и в ПВЛ, где говорится: «В лѣто 6360. . . наченшю Михаилу царствовати, нача ся прозывати Руска земля. О сем бо увѣдахом, яко при семь цари приходиша Русь на Царьград, якоже

³³ Слово «день» употреблено в тексте ошибочно: речь идет о пятнадцатом индикте.

³⁴ А. А. Шахматов. «Повесть временных лет» и ее источники, с. 64 и 66 (в издании вместо «и 5500» ошибочно напечатано «и 5000»).

³⁵ Об этом памятнике см.: О. В. Творогов. 1) Древнерусские хронографы, гл. II; 2) Повесть временных лет и Хронограф по великому изложению. — ТОДРЛ, т. XXVIII. Л., 1974.

³⁶ А. А. Шахматов. Начальный киевский летописный свод. . . , с. 7.

³⁷ Полная хронографическая палея по списку ГПБ, собр. Погодина, № 1435, л. 440. В Троицком хронографе текст тот же.

пишется в летописании гречьстѣмь» (с. 17). Упоминание «греческого летописания» указывает здесь, видимо, не на то, что составитель ПВЛ извлек рассказ о походе из Хроники Амартола, как полагал В. М. Истрин,³⁸ ибо рассказ этот был перенесен в ПВЛ из Нач. свода; речь идет, вероятно, о том, что, сверяя свой русский источник с Хроникой Амартола, летописец убедился в наличии там соответствующего рассказа.

6. Но мы на прежнее возвратимся. . . мир створи с болгары (с. 17—18).

Фрагмент этот — результат переработки Нач. свода составителем ПВЛ. Так, фраза «Нъ мы на преднее возвратимъся» читается и в НИЛ, где она возвращает повествование от рассказа о будущих событиях — времени, когда русские князья сами станут поведовать хазарами, — к рассказу о преемниках Кия, Щека и Хорива. В ПВЛ использован вариант той же фразы для того, чтобы от хронологической выкладки, доведенной до смерти Святополка (г. е. до 1113 г.), вернуться к описанию событий, последовавших за «исходной датой»: «Но мы на прежнее возвратимся и скажем, што ся здѣя в лѣта си. Яко же преже почали бяхом первое лѣто Михаилом, а по ряду положим числа».

7. В лѣто 6367. Имаху дань варязи из заморья. . . Рюрику же князю в Новѣгородѣ. В лѣто 6371. В лѣто 6372. В лѣто 6373 (с. 18—19).

Фрагмент восходит к Нач. своду (ср. соответствующий ему текст «И по сих, братии тои, придоста два варяга. . . и прия власть един Рюрик, обою брату власть, и нача владѣти един» в НИЛ, с. 106—107), но подвергся при составлении ПВЛ значительной переработке.

Исследователи, изучавшие предание о призвании варягов, обращали внимание прежде всего на противоречия в изложении именно этого эпизода, но мы не должны пройти и мимо другого факта, чрезвычайно важного для установления взаимоотношений НИЛ и ПВЛ. В НИЛ говорится, что после Кия, Щека и Хорива «придоста два варяга и нарекошася князема: одному бѣ имя Асколд, а другому Дир; и бѣста князюща в Киевѣ, и владѣюща полями; и бѣша ратнии с древляны и с улици» (с. 106). Тогда же, «во времена» Кия, Щека и Хорива, племена, обитавшие на северо-западе Руси (словени, кривичи, меря и чудь), платили дань варягам; варяги притесняли их («насилъ дѣяху»), племена восстали и изгнали варягов. Но междоусобицы и раздоры побудили их снова призвать варяжских князей. . . Таковы события в изложении НИЛ.³⁹

В ПВЛ рассказ иной. В статье 6367 г. говорится, что варяги собирали дань со словен, мери, чуди, веси и кривичей, а хазары же обложили данью полян, северян и вятичей. Статья 6370 г. начинается сообщением о изгнании варягов (без мотивировки причин изгнания), затем, как и в НИЛ, речь идет о начавшихся усобицах и призвании варяжских князей. Только после этого следует рассказ, как бояре Рюрика — Аскольд и Дир — отправились на юг и сели княжить в Киеве. Этот эпизод тесно связан с последующим описанием похода Аскольда и Дира на Царьград и рассказом о гибели их от руки Олега.

Допустим, что в НИЛ мы встречаемся со вторичной переработкой версии ПВЛ. В этом случае окажется, что, во-первых, в НИЛ нарушена важ-

³⁸ В. М. Истрин. Замечания о начале русского летописания. — ИОРЯС, т. XXVI, с. 68.

³⁹ Я не касаюсь вопроса о истоках легенды, о различных толкованиях термина «русь» и т. д. Я обращаю внимание на другое: на чисто «сюжетные» отличия, менее подверженные «идеологической» правке и поэтому лучше сохранившие «механизм» переработки.

нейшая идеологическая и историографическая концепция, согласно которой Рюрик и его род — единственные представители варяжской династии. Аскольд и Дир, названные в ПВЛ «мужами» Рюрика и его единоплеменниками, оказываются в НИЛ безвестными варягами, пришедшими в Киев еще до «призвания» князей; во-вторых, поход на Византию, который в ПВЛ точно датирован и приписан Аскольду и Диру (их знает и НИЛ), почему-то окажется «задним числом» лишенным своих предводителей и перенесенным в далекие времена Кия.⁴⁰

Напротив, если мы вернем памятникам традиционную последовательность и согласимся, что Нач. свод, отраженный в НИЛ, был впоследствии переработан составителем ПВЛ, то обнаружим в рассматриваемом эпизоде хорошо знакомые нам тенденции: в ПВЛ события приурочены к определенным годам, рассказы становятся более сюжетными, ярче выражена «варяжская концепция».⁴¹

А. Г. Кузьмин считает, что в НИЛ имеются вторичные чтения.⁴² Сам по себе этот факт еще ни о чем не говорит: и текст НИЛ, и текст предшествующего ему Софийского временника действительно могли подвергнуться вторичной правке. Но дело даже не в этом: отсутствующее в НИЛ упоминание «веси» вполне могло быть добавлено составителем ПВЛ, вообще проявлявшим интерес к этнографическим подробностям, хотя бы на основании упоминания Белоозера, где обитала весь. Что же касается мнения, будто бы, согласно первичной версии, Рюрик пришел из-за моря в Ладогу и лишь потом основал Новгород, то оно не подтверждено убедительной аргументацией.⁴³

Итак, данный фрагмент скорее подкрепляет представления А. А. Шахматова о взаимоотношении Нач. свода (НИЛ) и ПВЛ, чем противоречит им.

8. В лѣто 6374. Иде Асколд и Дир на Греки. . . вѣсвои си възвратишася (с. 19).

Рассмотрим сначала рассказ о походе Руси на Царьград в составе НИЛ. Он бесспорно восходит к Хр. по ВИ: в НИЛ предшествующая рассказу фраза отражает содержание фрагмента, читающегося в Хр. по ВИ перед рассказом о походе. Сравним:

Х р . п о В И

По Феофилѣ же царствова Михаил, сын его, с матерю Феодорою. . . Феодора же. . . простославную вѣру утверди, и святых икон поклоняние проповѣда 1 недѣлю святаго поста.

По сих же царь на агаряны изыде воевати.⁴⁶

Н а ч . с в о д (Н И Л)

В си же времена бысть в Грѣчько земли цесарь, именем Михаил, и мати его Ирина,⁴⁴ иже проповѣдает поклоняние иконам в прѣвую недѣлю поста.

При сем придоша Русь на Царьград (с. 105).

⁴⁰ При этом, как будет показано далее, рассказ о походе в составе НИЛ сохранил первичное чтение и вводную фразу, отражающую текст Хр. по ВИ, но обе эти черты отсутствуют в ПВЛ. Признав первичность ПВЛ, мы не сможем объяснить этих фактов.

⁴¹ Не с этим ли связано опущение рассказа НИЛ о насилиях варягов на Руси?

⁴² А. Г. Кузьмин. Две концепции начала Руси в Повести временных лет. — История СССР, 1969, № 3, с. 99—101.

⁴³ В Ипатьевской летописи читаем: «И избрашася три брата с роды своими, и пояша по собѣ всю Русь, и придоша к словѣнному пѣрвѣе, и срубиша город Ладогу, и сѣде старѣишии в Ладозѣ Рюрик. . . И прія Рюрик власть всю один, и пришед к Ильмерю, и сруби город над Волховом, и прозваша и Новъгород» (Ипатьевская летопись. — ПСРЛ, т. II. СПб., 1908, стлб. 14). Но первичность этого чтения крайне спорна.

⁴⁴ Противнику иконоборчества Феодору летописец спутал с Ириной (матерью императора Константина VI), также восстановившей иконопочитание. Указание М. Х. Алешковского, будто бы это смешение присутствует уже в Хр. по ВИ, ошибочно (см.: М. Х. Алешковский. Первая редакция «Повести временных лет», с. 27).

⁴⁵ Цитирую по Полной хронографической палее (ГПВ, собр. Погодина, № 1435, л. 440). В Краткой хронографической палее и в Троицком хронографе текст тот же.

Итак, и в Хр. по ВИ, и в НИЛ перед рассказом о походе Руси читается сообщение о воцарении Михаила и восстановлении иконопочитания. В Хронике Амартола соответствующие чтения значительно удалены друг от друга.⁴⁶ Следовательно, Нач. свод основан именно на Хр. по ВИ.

Второе наблюдение. Рассказ о походе Руси на Царьград в НИЛ сокращен и переработан; в то же время можно думать, что текст Нач. свода лучше сохранен Сводом 1448 г. В Софийской первой и Новгородской четвертой летописях, этот свод отражающих, мы обнаружим то же, что и в НИЛ, — сочетание фрагментов (за рассказом о воцарении Михаила и восстановлении иконопочитания следует рассказ о походе на Царьград⁴⁷), но сам рассказ о походе изложен подробнее. На первый взгляд он соответствует рассказу ПВЛ, тем более что здесь, как и в ПВЛ, поход датируется 6374 г. и во главе его выступают князья Аскольд и Дир. Но при ближайшем рассмотрении легко убедиться, что в Своде 1448 г. мы встречаемся с компиляцией из фрагментов ПВЛ и Нач. свода. Так, в Софийской первой летописи (далее: СИЛ) интересное нас место расчленяется на такие компоненты.

1) «В лѣто 6374. Бысть в Грецѣх царь, именем Михаил, и мати его Ирина, иже проповѣдаетъ поклонение святым иконам в 1 недѣлю поста», — за исключением даты (из ПВЛ) фрагмент через посредство Софийского современника восходит к Нач. своду.⁴⁸

2) «О семь бо увидѣхом, яко при сем цари приходиша Русь на Царьград и, якоже пишется в лѣтописании гречестѣмь», — фрагмент восходит к ПВЛ.⁴⁹

3) «В лѣто 14 Михаилова царства прииде Асколд и Дир на Греки к Царюграду», — фрагмент из статьи 6374 г. ПВЛ.

4) «Царю же отшедъшю на агаряны воевати. . . с побѣжением възвратишася», — текст восходит, видимо, к Нач. своду, с последующим редактированием по ПВЛ.

5) «И Асколд и Дир в малѣ прииде к Киеву», — источник этого фрагмента неизвестен.

Обратимся к четвертому фрагменту. По своему составу он напоминает не рассказ НИЛ, значительно сокращенный, а рассказ ПВЛ. Однако он не может быть возведен к ПВЛ, поскольку в нем имеется ряд чтений, более близких к тексту Хроники Амартола (и Хр. по ВИ), чем в тексте ПВЛ.

1) В ПВЛ: «Цесарю же отшедшю на агаряны и дошедшю ему»; в СИЛ: «Царю же отшедъшю на агаряны воевати и дошедшю»; ср. в Хр. по ВИ: «По сих же царь на агаряны изыде воевати, дошедшю ему».⁵⁰

2) В ПВЛ: «въсвоеси възвратишася»; в СИЛ: «и въсвоеси побѣгнути съ побѣжением възвратишася»; ср. в Хр. по ВИ: «и въсвоеси съ побѣжением възвратиша(ся)».⁵¹

Обращу внимание на следующее. В ПВЛ говорится: «ризу. . . изнесъше в рѣку омочивше»; в СИЛ: «ризу. . . изнесоша (изнеспе). . . и омочи

⁴⁶ См.: В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе, т. I. Пгр., 1920, с. 503 и 511.

⁴⁷ В Своде 1448 г. также вместо Феодоры названа Ирина; следовательно, это заимствование из Нач. свода, а не из Хр. по ВИ.

⁴⁸ Ср. соответствующий текст в НИЛ, с. 105.

⁴⁹ Ср. в статье 6360 г. ПВЛ: «В лѣто 6360 индикта 15 день наченшю Михаилу царствовати, нача ся прозывати Руска земля. О семь бо увидѣдохом, яко при семь цари приходиша Русь на Царьгород, якоже пишется в лѣтописаньи гречестѣмь» (с. 17). Здесь слова «о семь бо увидѣдохом» правомерны: они связаны с предшествующим текстом. В СИЛ эта связь нарушена.

⁵⁰ Здесь и далее цитируется Полная хронографическая паляя по списку Погодина (л. 440—440 об.). В Троицком хронографе текст тот же.

⁵¹ В НИЛ первому из рассматриваемых чтений соответствия нет; во втором случае читается: «во своя сы възвратишася».

в р ѣ ц ѣ; в НІЛ: «ризу изънесше в море скудь омочиша»; в Хр. по ВИ: «ризу. . . изнесше в море скут омочивше». Не понятное летописцем выражение «в море скут омочивше» (ср. греч. τῆ θαλάσσει ἄκρωσ προσέβασαν) заменено словами «в рѣку омочивше»,⁵² а в НІЛ сохранено чтение Хр. по ВИ. Следовательно, рассказ НІЛ восходит к Нач. своду и не может восходить к ПВЛ. Но как же объяснить чтение Свода 1448 г.? Видимо, сверяя оба своих источника — Софийский временник в Общерусский свод, содержащий ПВЛ в редакции, близкой к редакции Лаврентьевской летописи, — составитель Свода 1448 г. исправил по этому последнему неясное ему выражение Софийского временника.

Поставим теперь вопрос: нельзя ли допустить, что рассказ о походе в ПВЛ восходит непосредственно к Хронике Амартола, независимо от рассказа Нач. свода; иначе говоря, что рассказ Нач. свода был составителем ПВЛ заменен новым извлечением из Хроники Амартола? Это предположение следует отвести по следующим обстоятельствам. В Хронике Амартола начало рассказа таково: «Царь же на агаряны изиде воевать, Оорифаита в Константинѣ градѣ оставивъ. Дошедшу же ему Чръныа рѣкы».⁵³ В Хр. по ВИ: «По сих же царь на агаряны изыде воевати. Дошедшу же ему Чермныа рѣкы». Слова «Оорифаита в Константинѣ градѣ оставивъ» одинаково отсутствуют и в Хр. по ВИ, и в ПВЛ. Трудно допустить, чтобы составитель ПВЛ, самостоятельно обратившись к Хронике Амартола, сделал бы тот же пропуск, что и составитель Хр. по ВИ. А если мы допустим, что рассказ ПВЛ восходит к Нач. своду, то тем самым получим дополнительное подтверждение, что рассказ этот в Нач. своде был полнее, чем в НІЛ, а Свод 1448 г. мог сохранить отдельные чтения, утраченные как в НІЛ, так и в ПВЛ.

Рассматривая рассказ о походе Руси в составе Еллинского летописца второй редакции (далее: ЕЛ-2), Б. М. Клосс обратил внимание на различия в чтениях хронографических палей, ЕЛ-2 и Хроники Амартола.⁵⁴ При этом оказывается, что ПВЛ иногда совпадает с Хронофикой Амартола, отличаясь от Хр. по ВИ. Например:

Хроника Амартола	Хр. по ВИ	ПВЛ
Чръныа рѣкы	Чермныа рѣкы	Черныа рѣкы
тишинѣ же сущи	тишинѣ же бывши	тишине сущи

Но едва ли на основании этих примеров следует отказаться от мнения, что ПВЛ через посредство Нач. свода восходит к Хр. по ВИ. Во-первых, изменения «Чермныа» на «Черныа» или «бывши» на «сущи» могли произойти и независимо от источника; во-вторых, как я попытался показать в другой работе, Нач. свод восходит к иному, более первичному, виду Хр. по ВИ, чем тот, который отражен в хронографических палеях (третий вид, по моей классификации) или в Троицком хронографе (второй вид).⁵⁵

Что же касается совпадения чтений летописи (в ПВЛ: «молитву всю ночь», в НІЛ: «молбу. . . всю ночь») и ЕЛ-2 («всю ночь молбу»),⁵⁶ противопоставленных сходным чтениям Хроники Амартола и Палеи («всенощ-

⁵² Так в Лаврентьевском и Радзивилловском списках; в Троицкой летописи — «в море омочивше в рѣцѣ»; в Ипатьевском списке: «в рѣку омочиша», но в Хлебниковском: «в море омочивше» (ср.: ПСРЛ, т. II. СПб., 1908, стлб. 15).

⁵³ В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола. . . , т. I, с. 511.

⁵⁴ Б. М. Клосс. К вопросу о происхождении Еллинского летописца второго вида. — ТОДРЛ, т. XXVII. Л., 1972, с. 371. Некоторые из приведенных Б. М. Клоссом примеров я не рассматриваю, поскольку эти чтения отсутствуют в летописи.

⁵⁵ См.: О. В. Творогов. Древнерусские хронографы, гл. II и III.

⁵⁶ Цитирую по списку: БАН, 33.8.13, л. 260.

ную молбу», «всюошную молбу»), то объяснить его сложно уже потому, что текст ЕЛ-2 сам подвергся влиянию летописи.⁵⁷

Можно доказать, что составитель ПВЛ первым назвал Аскольда и Дира предводителями похода на Византию.

Для объяснения этого факта придется напомнить историю текста Хроники Амартола. Славянский ее перевод дошел до нас в древнейшем (по В. М. Истрину) виде в списке ГБЛ, собр. МДА, № 100 (я обнаружил второй список этого вида, разделенный на два тома: ГИМ, Синодальное собр., № 1008 — 1-й том, и № 732 — 2-й) и во второй своей редакции. Списки второй редакции распадаются на две группы: одна из них представлена списком ГБЛ, собр. Ундольского, № 1289, и сходными с ним, другая — списками, сходными со списком ГИМ, Чудовского собр., № 352. Так вот, только в списках первой группы в рассказе о нападении Руси после слов «яко Русь на Костянтинь-град идут» добавлено — «Аскольд и Дир». Тот же текст с упоминанием Аскольда и Дира мы находим и в ЕЛ-2. Утверждение В. М. Истрина, будто бы имена князей читаются в Хр. по ВИ,⁵⁸ ошибочно: ни в хронографических паляях, ни в Троицком хронографе Аскольд и Дир в рассказе о походе не упомянуты. Но В. М. Истрина ввел в заблуждение следующее обстоятельство: в списках Краткой хронографической палеи есть явно искаженный текст, дополненный позднейшей вставкой. Сравним:

Полная палея

По сих же царь на агаряны изыде воевати. Дошедшу же ему Чермына рѣкы глаголема, вѣсть епарх посла, яко Русь на Костянтинь град идут. Тѣмь царь прочее не иде (ГПБ, собр. Погодина, № 1435, л. 440).

Краткая палея

По сих же царь на агаряны изыде воевати. Дошедшу же ему Чръмына рѣкы глаголема, вѣсть епарх ему при сего царствию посла, яко Русь, и Чюдъ, и Словены. Рюрик съде в Новѣградѣ.⁵⁹ В лѣто 6334 (так!) Аскольд и Дир на Греки иде в лодях, а на Костянтин град идут Аскольд и Дир с 200 лодии. Тѣмь царь прочь не иде (Краткая палея по списку Срезневского, БАН, 24.5.8, л. 42).

Мы видим, что имена Аскольда и Дира находятся не в пределах основного текста Палеи, а в пределах вставки (она выделена разрядкой), представляющей собой неудачное соединение двух извлечений из летописи в редакции, близкой к редакции Свода 1448 г.⁶⁰

В работе, специально посвященной взаимоотношению редакций Хроники Амартола и древнерусских хронографических сводов, я выдвинул следующую гипотезу: тот вид второй редакции Хроники, который представлен списком Ундольского и сходными с ним, испытал вторичное влияние ЕЛ-2. С другой стороны, ЕЛ-2 имел в числе своих источников летописный свод, близкий к Своду 1448 г.⁶¹ Следовательно, история употребления имен Аскольда и Дира могла быть такова: из ПВЛ через летописный

⁵⁷ См.: О. В. Творогов. Древнерусские хронографы, гл. V.

⁵⁸ См.: В. М. Истрин. 1) Летописные повествования о походах русских князей на Царьград. — ИОРЯС, т. XXI, 1916, кн. 2, с. 13—16; 2) Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе, т. II. Пгр., 1922, с. 294 и 358.

⁵⁹ Опущенный здесь фрагмент содержит рассказ о призвании варягов в редакции, близкой к тексту Свода 1448 г.

⁶⁰ См.: О. В. Творогов. Повесть временных лет и Хронограф по великому изложению, с. 103—106.

⁶¹ О. В. Творогов. Древнерусские хронографы, гл. IV и V.

свод XV в. в ЕЛ-2 и оттуда — в один из видов второй редакции Хроники Амартола.

Это объяснение, полученное независимо от интересующего нас в данной работе вопроса о взаимоотношениях ПВЛ и НІЛ, тем не менее подтверждает взгляд, согласно которому имена Аскольда и Дира не упоминались в Нач. своде, а появились в рассказе о походе на Византию только в ПВЛ.

Вопрос о дате похода Аскольда и Дира остается неясным. А. А. Шахматов уже указал, что дата эта неверна, и предположил, что она была искусственно «создана» составителем ПВЛ.⁶²

9. В лѣто 6375. В лѣто 6376. . . В лѣто 6386 (с. 19).

Текст фрагмента восходит к ПВЛ. Сведения о воцарении Василия и крещении Болгарии извлечены, по мнению А. А. Шахматова, из Хроники Амартола.⁶³

10. В лѣто 6387. Умершю Рюрикови, предасть княженъе свое Олгови . . . еже до смерти Ярославлѣ даяше варягом (с. 19—20).

Фрагмент частично восходит к Нач. своду, но переработан при составлении ПВЛ. Так, в НІЛ читаем: «По двою же лѣту умре Синеус и брат его Трувор, и прия власть един Рюрик, обою брату власть, и нача владѣти един. И роди сын, и нарече имя ему Игорь. И възростшю же ему, Игорю, и бысть храбор и мудр. И бысть у него воевода, именем Олег, муж мудр и храбор. И начаста воевати, и налѣзоста Днѣпру-рѣку и Смолнескград. И отголѣ поидоша вниз по Днѣпру, и приидоша к горам киевским» (с. 107). В ПВЛ иначе: «Умершю Рюрикови, предасть княженъе свое Олгови, от рода ему суца, въдав ему сын свой на рудѣ, Игоря, бѣ бо дѣтеск вельми. . . В лѣто 6390. Поиде Олег, поим воя многи — варяги, чюдь, словѣни, мерю, весь, кривичи, и приде к Смоленску с кривичи, и прия град, и посади мужь свои, оттуда поиде вниз, и взя Любець, и посади мужь свои. И придоша к горам х киевским».

А. А. Шахматов уже обратил внимание на то, что Олег, называемый в НІЛ воеводой Игоря, в ПВЛ превращен в князя-регента при малолетнем сыне Рюрика. Соответственно этому если в НІЛ в рассказе о взятии Киева постоянно подразумеваются два предводителя похода — князь и его воевода — и употребляется двойственное число («начаста воевати и налѣзоста», «узрѣста», «излѣзоста», «сѣзваста» и т. д.), то в ПВЛ, напротив, — единственное число («поиде», «посади», «похорони», «остави», «присла» и т. д.). Если в НІЛ к Аскольду и Диру обращается И г о р ь со словами: «Аз есмь князь, и мнѣ достойт княжити», то в ПВЛ к киевским князьям обращается О л е г: «„Вы нѣста князи, ни родѣ княжа, но аз есмь роду княжа“, и вынесоша Игоря: „А се есть сын Рюриков“». Но в ПВЛ, как отметил А. А. Шахматов, все же сохранился «двойственный взгляд на отношения Игоря к Олегу»: сначала речь идет о походе одного Олега, но неожиданно сказано: «И п р и д о с т а к горам х киевским». В этом случае «двойственное число относится к Олегу и Игорю, после чего, однако, рассказ продолжается в единственном числе».⁶⁴ Это чрезвычайно важное наблюдение: перед нами едва ли не единственный

⁶² А. А. Шахматов. «Повесть временных лет» и ее источники, с. 61.

⁶³ Там же, с. 49. О причинах ошибочной датировки болгарских событий см.: Э. Г. Зыков. Известия о Болгарии в Повести временных лет и их источник. — ТОДРЛ, т. XXIV. Л., 1969, с. 48—53.

⁶⁴ Шахматов. Киевский начальный свод 1095 г., с. 121. Ср. также: Шахматов. Разыскания, с. 292 и 397.

случай, когда составитель ПВЛ не смог уничтожить следа иной интерпретации событий в своем источнике — Нач. своде.

11. В лѣто 6391. Поча Олег воевати деревляны. . . В лѣто 6414 (с. 20—23).

Весь этот фрагмент, по А. А. Шахматову, принадлежит ПВЛ, однако в рассказе о походе Олега на древлян был использован текст Нач. свода. Сравним. В НІЛ: «И дасть же дань деревскую Свѣнделду, и имаша по чернѣ кунѣ от дыма» (с. 109); в ПВЛ: «В лѣто 6391. Поча Олег воевати деревляны, и примучив а, имаше на них дань по чернѣ кунѣ» (с. 20). Остается неясным, откуда взята статья 6392 г. о походе Олега на северян: отражает ли она какое-то предание либо письменный источник, или она сочинена составителем ПВЛ, «иллюстрировавшим» таким образом сообщение о том, как хазары, прежде облагавшие данью славянские племена, сами стали их данниками.

12. В лѣто 6415. Иде Олег на Греки, Игоря оставив Киевѣ. . . бѣ числом кораблей 2000 (с. 23—24).

За исключением слов «Иде Олег на Греки», восходящих к Нач. своду, этот фрагмент принадлежит ПВЛ. Перечень племен, воины которых приняли участие в походе, составлен, как полагают, на основе перечней племен в рассказе о завоевании Олегом Киева в статье 6390 г. («поим воя многи — варяги, чюдь, словѣни, мерю, весь, кривичи») и в статье 6993 г. («обладая Олег поляны, и деревляны, и сѣверяны, и радимичи»). В рассматриваемом фрагменте говорится: «поя же множество варяг, и словен, и чюдь, и словене,⁶⁵ и кривичи, и мерю, и деревляны, и радимичи, и поляны, и сѣверо, и вятичи, и хорваты, и дулѣбы, и тиверци».

13. И прииде к Царюграду; и греци замкоша Суд. . . а в корабли по 40 мужь (с. 24).

Текст восходит к Нач. своду — он читается в составе НІЛ (с. 108). Процесс сложения рассказа о походе Олега в ПВЛ весьма сложен. В НІЛ упомянуты два похода на Царьград: под руководством Игоря в 6428 г. и под руководством Олега в 6430 г. Составитель статьи 6415 г. в ПВЛ соединил фрагменты из статьи 6430 г. НІЛ («И прииде к Царюграду; и греци замкоша Суд. . . и пожгоша церкви»), статьи 6428 г. («А ихже имаху плѣбники. . . елико ратнии творять») и снова статьи 6430 г. («И повелѣ Олег воем своим. . . в корабли по 40 мужь»). При этом статья 6428 г. будет использована и еще раз — в описании похода Игоря в 6449 г. (см. ниже, с. 22).

А. А. Шахматов объяснял происхождение статей 6428—6430 гг. в НІЛ следующим образом. В Нач. своде рассказ о походе Игоря был составлен на основании Хронографа (мы можем уточнить — Хр. по ВИ). Оттуда же была извлечена дата. Однако, как отмечает А. А. Шахматов, при составлении Хр. по ВИ произошла ошибка:⁶⁶ в источнике (Хронике Амартола) дата — 6428 год — относится не к походу на Византию, а к иному событию, и — в соответствии с источником — текст Хр. по ВИ следует разбить так: «По Костянтине царствова Роман, поставлен Константином царемь

⁶⁵ «Словене» дважды упомянуты только в Радзивилловском и Московско-Академическом списках ПВЛ, в Троицкой летописи и в списках Ипатьевской летописи этого повтора нет.

⁶⁶ А. А. Шахматов. Начальный киевский летописный свод. . . , с. 2—3. В этой статье А. А. Шахматов цитирует «хронограф Троице-Сергиевской лавры», т. е. Троицкий список Троицкого хронографа. Хронограф этот, как и обе редакции Хронографической палеи, отражает текст Хр. по ВИ (см. выше, с. 9).

и Николою-патриархом. В лѣто 6428 индикту [. . .]. Июня же мѣсяца в 10 день приплуша Русь». Дело в том, что в Хронике Амартола словами «Николою-патриархом» заканчивается глава 91. Далее нумерация главок начинается снова с первого номера, после которого следует текст: «В лѣто 6428 индикта 8, генуариа мѣсяца в 6, святых богоявлений день, вѣнчаеть царь Феодору, жену его».⁶⁷ Составитель Хр. по ВИ привнял, таким образом, начало следующего пассажа за окончание предыдущего. Совпадение даты коронации Феодоры с датой воцарения Романа сделало эту ошибку незаметной. Следующий же далее текст: «Иувя же мѣсяца 18 день, 14 индик(та) приплу Русь на Константинъ-град» — читается совсем в другом месте Хроники⁶⁸ и примыкает к дате 6428 г. только из-за недоразумения, произошедшего при составлении Хр. по ВИ. Составитель же ПВЛ, сверив, видимо, свой источник — Нач. свод — с Хроникой Амартола, исправил датировку на основании указанного в ней четырнадцатого индикта, которому соответствовал 6449 г.

Итак, рассуждает А. А. Шахматов, в Хр. по ВИ составитель Нач. свода прочитал о поражении Руси под Царьградом в 6428 г.

Но в другом источнике — Древнейшем своде — говорилось о победе Олега. Согласовать эти известия между собой, пишет далее А. А. Шахматов, «было проще всего, установив между ними известную последовательность: сначала было поражение, потом победа. Поражение было изложено под 6428; победу можно изложить под 6430 годом, предполагая, что промежуточный 6429 год пошел на сборы».⁶⁹

Появлению в Нач. своде статей 6429 и 6430 гг. можно предложить и иное объяснение (см. ниже), но для нашей задачи важно сейчас другое.

Во-первых, мне кажется бесспорной первичность даты, сохранившейся в НИЛ и восходящей через посредство Нач. свода к Хр. по ВИ. Сама неправильность даты свидетельствует о таком именно ее происхождении. Естественно и происхождение даты 6449 г. в ПВЛ, составитель которой, в отличие от составителя Нач. свода, пользовался именно Хроникой Амартола.⁷⁰

Во-вторых, напомним, что рассказ ПВЛ в статье 6415 г. состоит из фрагментов двух статей Нач. свода (НИЛ), и это свидетельствует об его вторичности: невозможно предположить обратное: чтобы составитель НИЛ разделил рассказ ПВЛ на два компонента, один из которых восходит к византийскому источнику (статья 6428 г.), а другой — к народному преданию (статья 6430 г.).

Итак, и в данном случае мы можем убедиться в справедливости гипотезы А. А. Шахматова о взаимоотношениях ПВЛ и НИЛ.

14. И яшася греци по се. . . и утвердиша мир (с. 24—25).

Этот фрагмент — вставка, сделанная составителем ПВЛ. При этом договор в статье 6415 г., как полагают исследователи, — извлечение из договора 6420 г.⁷¹

15. И рече Олег: «Испийте парусы. . . людие погани и невѣигласи» (с. 25).

⁶⁷ В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола. . . , т. I, с. 552—553.

⁶⁸ Там же, с. 567.

⁶⁹ Шахматов. Разыскания, с. 99. Иначе объяснял отличия ПВЛ и НИЛ В. М. Истрин. См. об этом: О. В. Творогов. Повесть временных лет и Хронограф по великому изложению, с. 108—113.

⁷⁰ См. подробней: О. В. Творогов. Повесть временных лет и Хронограф по великому изложению.

⁷¹ См.: Шахматов. Киевский начальный свод 1095 г., с. 119.

Фрагмент этот восходит к Нач. своду и соответствует тексту статьи 6430 г. НІЛ. Таким образом, текст Нач. свода разрезан в ПВЛ вставкой: «. . . а в корабли по 40 мужь. [И яшася греки. . . и утвердиша мир.] И рече Олег: „Испийте парусы паволочиты“». Ср. в НІЛ: «. . . а в кораблѣ по сороку мужь. Сам же взя злато и паволоки и возложи дань, юже дають и доселѣ княземъ руским. И рече Олег: „Шийте прѣ паволочитѣ“» (с. 108). Фрагмент 14 соответствует, таким образом, словам НІЛ: «Сам же взя. . . княземъ руским».

16. В лѣто 6416. В лѣто 6417. . . не преступити ни греком, ни руси (с. 25—29).

Весь этот фрагмент — добавление составителя ПВЛ, бóльшая часть его — договор Олега с греками (договор 6420 г.).⁷²

17. И живяше Олег мир имѣа ко всѣмъ странам, княжа в Киевѣ. И приспѣ осень. . . Игорь же нача княжити в Киевѣ, мир имѣа ко всѣмъ странам. И приспѣ осень и нача мыслити на деревляны, хотя примыслити большюю дань (с. 29—39).

Этот фрагмент едва ли не самый сложный для исследовательской интерпретации. Формально ему соответствует текст НІЛ от слов «Иде Олег к Новгороду» статьи 6430 г. и до начала статьи 6453 г. (НІЛ, с. 109—110). Но, как заметил А. А. Шахматов, настораживает сходство фраз об Олеге и Игоре в ПВЛ: оба они «имели мир ко всем странам», и смерть Олега и злосчастный поход Игоря произошли, когда «приспе осень».⁷³ Так явилось предположение, что в источнике ПВЛ фраза «. . . мир имѣа ко всѣмъ странам. . . и приспѣ осень» читалась один раз, а сдублирована она была составителем ПВЛ, поместившим между обоими ее повторениями новый, добавленный им, текст.

Итак, в НІЛ (Нач. своде) и ПВЛ содержатся различные версии рассказа о смерти Олега, причем именно в ПВЛ этот рассказ сопровождается выпиской из Хроники Амартола — памятника, послужившего источником для составителя ПВЛ, но неизвестного составителю Нач. свода.

Обратимся теперь к НІЛ и рассмотрим фрагмент: «Игорь же сѣдѣше в Киевѣ княжа. . . В лѣто 6453. В то же лѣто ркоша дружина ко Игоревѣ». А. А. Шахматов полагал, что в Нач. своде первоначально читалось: «Игорь же нача княжити в Киевѣ, мир имѣа ко всѣмъ странам. И приспѣ осень, и нача мыслити на деревляны». Текст этот был изменен как в ПВЛ, так и в Софийском временнике.⁷⁴ При этом А. А. Шахматов отождествляет в данном фрагменте текст НІЛ с Софийским временником, а текст последнего рассматривает как результат слияния двух источников: протографа Синодального списка НІЛ старшего извода и Нач. свода. Ученый реконструировал текст Нач. свода⁷⁵ и протографа Синодального списка⁷⁶ на основании текстов НІЛ и ПВЛ. Обе эти реконструкции не представляются мне убедительными.

А. А. Шахматов исходил из предположения, что протограф Синодального списка в начальной своей части (как известно, Синодальный список дошел до нас только с конца статьи 6524 г.) отличался от соответствующего текста НІЛ

⁷² Этот договор, исходя из точной даты его заключения, правильнее именовать договором 911 (а не 912) г.

⁷³ А. А. Шахматов отметил, что только в рассказе об Игоре упоминание осени имеет смысл: на полюдьѣ выходили именно осенью.

⁷⁴ Шахматов. Разыскания, с. 100—108.

⁷⁵ Там же, с. 102—103.

⁷⁶ Там же, с. 106.

младшего извода. Это предположение не разделяется всеми исследователями,⁷⁷ и поэтому реконструкция протографа Синодального списка оказывается гипотетичной вдвойне.

Спорной представляется и реконструкция статьи 6453 г., каковой она могла быть в Нач. своде. Начало ее, по А. А. Шахматову, таково: «В лѣто 6453. И живяше Игорь, мир имѣя ко всѣм странам, княжа Къевѣ. И приспѣ осень, и нача мыслити на древляны, хотя примыслити большую дань. В се же лѣто рекоша дружина Игореви: „Отроки Свѣнелъжи изодѣлися суть оружьемъ и порты, а мы нази; поиди, княже, с нами в дань, да и ты добудеши, и мы“. И послуша их Игорь».⁷⁸ Весь текст реконструкции восходит к ПВЛ (только в первой фразе имя «Олег» заменено на «Игорь» и слова «в лѣто 6453» перенесены на другое место). Уже это обстоятельство вызывает сомнение в ее правомерности. Кроме того, если принять данный текст за первичный, возникают естественные вопросы: во-первых, фраза «И живяше Игорь, мир имѣя ко всѣм странам, княжа Къевѣ», повторяет фразу «Игорь же сѣдяше Къевѣ княжа», которой начинается текст реконструируемого фрагмента.⁷⁹ А именно эта последняя и читается в НІЛ и, следовательно, могла принадлежать Нач. своду. После указания, что Игорь пожелал «примыслити большую дань», странно звучит приглашение дружины: «поиди. . . с нами в дань, да и ты добудеши, и мы». В ПВЛ и в НІЛ читается: «В лѣто 6453. В се же лѣто рекоша дружина»,⁸⁰ теперь же, после переноса даты, упоминание года («в се же лѣто») оказывается после указания на время года («и приспѣ осень»). Мне кажется естественней, что фрагмент ПВЛ («Игорь же нача княжити. . . большую дань»), находящийся в конце первой половины статьи 6453 г., перед повторением даты — «В лѣто 6453» (за которым следует текст, соответствующий НІЛ), является творчеством составителя ПВЛ, чем и объяснимы его противоречия с последующим текстом, восходящим к Нач. своду.

Вернемся к тексту НІЛ. Реконструируя его источники, А. А. Шахматов исходил из наблюдения, что ряд событий, описанных в статье 6430 г. (взятие Пересечена и передача прав на сбор дани Свенелду), описан еще раз в статьях 6448 и 6450 гг. При этом А. А. Шахматов считал, что распределение событий по годам принадлежит составителю Нач. свода, а связанное повествование, как я бы назвал — «повествование в хронографической манере», — протографу Синодального списка. Мне кажется более правдоподобной другая версия.

Весь древнейший период русской истории от «начала Русской земли» и до смерти Игоря (а быть может, — до вокняжения Святослава) был изложен в Нач. своде в «хронографической манере», т. е. с относительной, а не абсолютной датировкой.⁸¹ Редкие даты — 6362 и 6428 гг. — не были элементами погодных статей, а имели лишь характер временных ориентиров: их источником явился Хр. по ВИ, и, подобно тому как это присуще византийским хроникам, события, описанные вслед за датой, происходили н о с л е данного года, но отнюдь не в указанный год.⁸² В этом слу-

⁷⁷ Д. С. Лихачев. «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 года. — ИЗ, 1948, т. 25, с. 262—264.

⁷⁸ Шахматов. Разыскания, с. 103. (Приводится — с орфографическими упрощениями — только вторая половина реконструкции).

⁷⁹ Там же, с. 102.

⁸⁰ В НІЛ: «В лѣто 6453. В то же лѣто рекоша дружина» (с. 110).

⁸¹ При абсолютной датировке указывается дата события, при относительной — время, отделяющее одно событие от другого.

⁸² Напомню, например, что в статье 6430 г. говорится о походе Олега, его смерти, вокняжении Игоря, войнах и походах последнего, трехлетней осаде Пересечена. Эти события не могли произойти в один год!

чае фрагмент НИЛ «Посем скажем в преключившихся лѣтех сих. . . В то же лѣто ркоша дружина ко Игоревѣ» должен быть признан позднейшей вставкой, попыткой ретроспективно наложить временную сетку на текст, ее до того не имевший. Первоначально же текст мог выглядеть так: «. . . и рѣша дружина Игоревѣ: „Се дал еси единому мужевѣ много. Отрочи Свѣнльжи изодѣлися суть оружием и порты“» (см. НИЛ, с. 109 и 110). В противном случае окажется странным, что указание на зависть дружинников Игоря к отрокам Свенелда встречается дважды: в статьях 6430 г. и 6453 г. Итак, редактор, располагавший текстом, в котором впоследствии регулярно встречаются абсолютные даты, решил продвинуть годовую сетку вглубь и сочинил статьи 6431—6452 гг., предварив их фразой: «Посем скажем в преключившихся лѣтех сих» — и пересказав в статьях 6448 и 6450 гг. то, о чем речь шла уже в статье 6430 г. При этом текст Нач. свода подвергся некоторой переработке, в результате которой и могло выпасте указание на осень, сохранившееся в ПВЛ. Текст Нач. свода в этом случае мог отличаться от текста ПВЛ не во фрагменте «Игорь же сѣдьяше в Киевѣ. . . дал еси единому мужу много», как думал А. А. Шахматов, а п о с л е этого фрагмента, именно там, где прежний текст был заменен вставкой.

Если высказанная догадка справедлива, то можно предположить, что тогда же были вставлены даты 6429 и 6430 гг. Они основывались на фразе: «Том же лѣтѣ препочиша и другое, на третье идоша», характерной именно для «хронографической» манеры изложения. При этом могла быть сочинена и вся статья 6429 г.: «Игорь и Олег пристроиста воя многы, и варягы, и полянѣ, и словенѣ, и кривичи, и корабля многы бещисленны». Характерно, что эта статья противоречит последующему тексту: собираются в поход д в а князя, а далее упоминается о д и н Олег.

Остается неясным, однако, на каком этапе истории Нач. свода было осуществлено это редактирование: при составлении ли Софийского временника, как думал А. А. Шахматов, или ранее, в процессе редактирования Нач. свода. Мне кажется вероятней второе предположение: составитель ПВЛ, кажется, располагал уже дополненным текстом; он знал дату 6453 г. как дату смерти Игоря (по моей гипотезе — также вторичную), а на основании статьи 6429 г. мог составить свои перечни племен, воины которых участвовали в походах на Византию. При этом остается неясным лишь место фразы «и приспѣ осень» в исправленном тексте Нач. свода. Тем не менее вторичность текста ПВЛ остается и в данном случае неоспоримой, если исходить из общей структуры ПВЛ и НИЛ.

Обратимся теперь к тексту ПВЛ, а именно к фрагменту, заменившему рассказ Нач. свода о смерти Олега и княжении Игоря. Текст ПВЛ может быть условно разделен на несколько сюжетных компонентов: 1) рассказ о смерти Олега, 2) рассказ о княжении Игоря (статьи 6421—6423 гг.), 3) повествование о событиях в Болгарии и Византии (в статьях 6421, 6422, 6423, 6428, 6437, 6442, 6450 и 6451 гг.), 4) рассказ о походе Игоря на Царьград в 6449 г. и 5) рассказ о втором походе Игоря и заключении мирного договора с Византией (статьи 6452 и 6453 гг.).

Рассмотрим прежде всего 2-й и 5-й компоненты. Статьи 6421—6423 гг. не имеют в НИЛ текстуальных параллелей; при этом о печенегах (ср. статью 6423 г.) в НИЛ вообще не говорится. Аналогичная картина предстает перед нами при рассмотрении последней фразы статьи 6449 г., не имеющей отношения к основным источникам статьи — Нач. своду и Житию Василия Нового: «Игорь же, пришед, нача совкупляти воѣ многи, и посла по варяги многи за море вабя е на греки, паки хотя поити на ня», а также статей 6452 и 6453 гг., повествующих о втором походе Игоря на Византию и заключении мирного договора.

Допустим, что оказавшийся в распоряжении летописца текст договора с Византией дал повод для составления статьи 6453 г. Но откуда взято описание второго похода Игоря? А. А. Шахматов полагал, «что рассказ об этом походе придуман, вероятно, для того, чтобы объяснить появление в следующем 6459 г. (ошибка, вместо 6453 г., — О. Т.) мирного договора»,⁸³ и указал на две параллели, свидетельствующие, по его мнению, о влиянии на статью 6453 г. статьи 6449 г. Но вторая из приведенных А. А. Шахматовым параллелей особенно наглядно демонстрирует произвольность такого допущения: едва ли монолог дружинников: «Да аще сице глаголетъ царь, то что хотим боле того: не бившеся имати злато, и серебро, и паволоки? Егда кто вѣсть: кто одолѣеть, мы ли, онѣ ли? Ли с морем кто свѣтен? Се бо не по земли ходим, но по глубинѣ морьстѣй: обыча смерть вѣъм» (с. 34) — мог образоваться из слов «сами ся ввергоша в глубину морскую», как это думает А. А. Шахматов.⁸⁴ Д. С. Лихачев справедливо замечает, что договор 945 г. «ясно свидетельствует о том, что поход Игоря, в результате которого договор этот был заключен, не мог быть неудачным: договор выгоден для русской стороны. Отсюда ясно, что рассказ о походе Игоря 6452 (944) г. имеет некоторые основания».⁸⁵

Итак, мы останавливаемся перед вопросом: что перед нами? Следы ли не дошедших до нас источников, устные предания или же сознательный вымысел летописца, искусно маскируемый им под сообщение о действительных фактах. При этом наиболее загадочными окажутся отнюдь не сюжетные эпизоды (рассматриваемая здесь беседа дружинников с князем, эпизод с движением ладей Олега посуху, мести Ольги и т. п.): вполне могли существовать предания, положенные в их основу. Гораздо сложнее объяснить происхождение сухих «справок», подобных сообщению о первом приходе печенегов на Русь (6423 г.), сведениям, что Игорь «повеле печенегам воевати Болгарскую землю», подробностям заключения договора и т. д. Вопрос может быть поставлен так: способен ли летописец на откровенный и неспровоцированный вымысел? Ибо есть разница между тем, когда факт или легенда расцветиваются сюжетными подробностями, тем, когда восполняются утраченные звенья процесса (так, наличие текста договора предполагает рассказ о походе, в результате которого договор был заключен), и тем, когда вводится «частное сообщение», не вытекающее из окружающего летописного контекста и не «обязательное» для историографической концепции. Этот вопрос заслуживает, видимо, специального рассмотрения.

Обратимся к четвертому компоненту — статье 6449 г., в которой рассказывается о походе Игоря на Византию. Ее источниками и взаимоотношением памятников, содержащих рассказ о походе Игоря, — ПВЛ, НІЛ, хронографическими палями и ЕЛ-2 — особенно обстоятельно занимались А. А. Шахматов⁸⁶ и В. М. Истрин.⁸⁷ Вопреки точке зрения В. М. Истрина, согласно которой НІЛ и ПВЛ восходят к разным видам Хр. по ВИ, я предложил иное объяснение истории текста этой статьи.

В Нач. своде под 6428 г. читался рассказ о походе, восходящий к тексту Хр. по ВИ. В НІЛ этот рассказ был передан с некоторыми сокращениями, но зато лучше (через посредство Софійского временника) отразился в Своде 1448 г. Составитель ПВЛ переработал рассказ Нач. свода,

⁸³ А. А. Шахматов. «Повесть временных лет» и ее источники, с. 72.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Повесть временных лет, ч. 2. М.—Л., 1950, с. 238.

⁸⁶ А. А. Шахматов. «Повесть временных лет» и ее источники, с. 54—57 и 69—72.

⁸⁷ В. М. Истрин. 1) Летописные повествования о походах русских князей на Царьград; 2) Замечания о начале русского летописания, с. 70—75.

дополнив его извлечениями из Жития Василия Нового и передатировав на основании Хроники Георгия Амартола.⁸⁸ Тот факт, что аналогичный текст мы находим в ЕЛ-2, объясняется не существованием общего источника у ПВЛ и ЕЛ-2, как думал В. М. Истрин, а тем, что в ЕЛ-2 был использован летописный свод, близкий Своду 1448 г., содержащий рассказ о походе в версии ПВЛ (т. е. с дополнениями по Житию Василия Нового).⁸⁹

Подведем итог. Если следовать изложенной выше гипотезе, составитель ПВЛ внес в текст Нач. свода следующие изменения.

1) После соответствующих Нач. своду слов «бяху бо людие погани и невѣгласи» были добавлены статьи 6416—6420 гг.

2) После слов: «И живяше Олег, мир имѣа ко всѣм странам, княжа в Киевѣ. И приспѣ осень», — в которых А. А. Шахматов видит отражение рассказа Нач. свода об Игоре, был добавлен рассказ о смерти Олега, заменивший сообщение Нач. свода о смерти князя.

3) В статьях 6421—6453 гг. ПВЛ повествуется о княжении Игоря; при этом события его княжения, упомянутые в Нач. своде (войны с уличами и древлянами, отношения Игоря и Свенелда), частью опущены, а частично перенесены в рассказ о княжении Олега (в статью 6391 г. и, возможно, в статью 6393 г.). Рассказ о походе Игоря, датированный в НІЛ 6428 г. и читающийся там перед рассказом о походе Олега, перенесен в статью 6449 г., т. е. после похода Олега (в статье 6415 г.).

Попробуем допустить, что НІЛ сокращала и перерабатывала текст ПВЛ (как думал В. М. Истрин и его последователи). Мы столкнемся в этом случае с рядом трудностей: во-первых, нам нужно будет объяснить, почему датировка похода Игоря первична (и неправильна!) именно в НІЛ; во-вторых, останутся без объяснения дублировки событий Игоря княжения в статьях 6448 и 6450 гг. (кстати, вообще отсутствующих в ПВЛ); наконец, нам придется объяснить причину разрушения годовой сетки в ПВЛ и замены ее — при этом крайне непоследовательной — повествованием «хронографического» типа.

18. В лѣто 6453. В се же лѣто рекоша дружина. . . и побѣдиша деревяны (с. 39—42).

Обширный летописный фрагмент, повествующий о смерти Игоря и мести Ольги, восходит к Нач. своду (ср. НІЛ, с. 110—112).

19. Деревляне же побѣгоша. . . остави платити дань (с. 42—43).

А. А. Шахматов неоднократно указывал, что рассказ о четвертой мести Ольги — вставка составителя ПВЛ.⁹⁰ Сравним.

П В Л

. . . и побѣдиша деревяны. Деревляне же побѣгоша и затворишася в градѣх своих. . . , а другия работѣ предасть мужем своим, а прок их остави платити дань. И възложиша на ня дань тяжку.

Н І Л

. . . и побѣдиша деревяны и възложиша на ня дань тяжку (с. 113).

⁸⁸ О. В. Творогов. Повесть временных лет и Хронограф по великому изложению, с. 108—113.

⁸⁹ О. В. Творогов. Древнерусские хронографы, гл. V.

⁹⁰ Шахматов. 1) Разыскания, с. 3 и 108—110; 2) Киевский начальный свод 1095 г., с. 122.

Разрядкой выделен текст рассматриваемого фрагмента, который как бы разрезает фразу: «. . и побѣдиша древляны, и възложиша на ня дань тяжку». Трудно предположить, чтобы сокращение текста — изъятие целого фрагмента (если допустить таковое при составлении НИЛ, как думал В. М. Истрин) — не потребовало никакой переработки оставшегося текста и обе его части — предшествующая выпущенному фрагменту и следующая за ним, — сомкнувшись, сложились бы в безупречно ясный текст, который мы и находим в НИЛ.

Есть и еще одно косвенное доказательство вторичности рассказа о четвертой мести Ольги. Как отметил Д. С. Лихачев, именно эти три мести (к тому же три — эпическое число!) составляют законченный ряд деяний-символов, как бы воспроизводящих похоронный обряд: первых послов древлянских несут в ладье, вторых сжигают в бане, наконец, Ольга истребляет древлянских воинов во время пир-тризны. Она как бы задает древлянам загадки, сокровенный смысл которых они не смогли понять (в ладье хоронили покойников, для покойников по языческому обряду топили баню, после погребения совершались тризны, сопровождавшиеся военными играми).⁹¹

20. И възложиша на ня дань тяжку. . . приведу боле дружины (с. 43—51).

Фрагмент восходит к Нач. своду: параллельный текст читается в НИЛ (с. 113—123).

21. И посла слы ко цареви в Деревьстр. . . створив же мир Святослав с греки (с. 51—52).

На вставку указывает прежде всего отсутствие параллельного текста в НИЛ, ибо соединение предполагаемой вставки с окружающим текстом в ПВЛ сделано весьма искусно. А. А. Шахматов писал: «Под 6479 (971) Святослав, видя убыль в своей дружине, говорит: „Поиду в Русь, приведу боле дружины“; мы видим исполнение этого решения ниже: „поиде в лодьях, к порогом“, а между приведенными словами находится сообщение о заключении Святославом мира с Греками и текст договора; признаем то и другое вставкой».⁹² Но почему нельзя допустить, что перед возвращением на родину Святослав сделал попытку закрепить достигнутое договором с Византией? К тому же текст договора признается реальным, и, следовательно, исходя из текста ПВЛ, вставку обнаружить не удается. А. А. Шахматов обосновывает свою гипотезу следующим рассуждением: «В подтверждение того, что именно таково отношение исследуемой летописи (т. е. Нач. свода, — О. Т.) к Повести вр. лет, можно указать еще на следующее. Отличия между ними проведены систематически: если бы в исследуемой летописи мы имели бы извлечение из Повести вр. лет, сокращение Повести, то, конечно, подобного систематического различия между ними мы бы не нашли, так как невероятно допустить, например, систематическое отрицание в сокращенном тексте не только договоров, но и упоминаний о них, или всех заимствований из Амартола и его продолжателя, невероятно в особенности потому, что, судя по части от 6453 (945) г., исследуемая летопись вовсе не представляла сокращенного текста Повести вр. лет; в части от 6453 г. вообще нет сокращений или пропусков, имеющиеся же пропуски касаются определенно только известных статей и известий».⁹³ Действительно, и однотипность характера вставок, и то,

⁹¹ См.: Повесть временных лет, ч. 2, с. 297—301.

⁹² Шахматов. Разыскания, с. 4.

⁹³ Шахматов. Киевский начальный свод 1095 г., с. 152.

что трудно допустить изъятие ряда фрагментов, осуществленное так, что оставшийся текст превратился бы в связное, без «швов» и переходов, повествование, — все это говорит в пользу гипотезы А. А. Шахматова. И тем не менее В. М. Истрин смог возразить, утверждая, что «выпустить договоры не составляло большого труда, не большего труда стоило выбросить и ряд отдельных эпизодов. Если они так удачно вставлены, что течение рассказа идет вполне связно и последовательно, то с таким же умением книжник мог их и выбросить, не нарушив связности рассказа».⁹⁴

В. М. Истрин прав: наличие в одном из текстов «лишнего» эпизода сравнительно с другим, в прочих случаях параллельным текстом, само по себе еще не дает оснований установить, является ли спорный эпизод вставкой в одном тексте или же пропуском в другом. Решающими в этих случаях оказываются либо косвенные данные (например, сравнение с источниками), либо возникающие при пропусках и вставках искажения текста.⁹⁵ В нашем случае таких искажений почти не наблюдается, и речь может идти лишь о степени вероятности того или иного решения вопроса. Но В. М. Истрин упустил из виду другое: «вставки» («пропуски») далеко не единственный, а порой и не самый главный, аргумент в доказательстве существования Нач. свода. Подчеркнуть это обстоятельство я и пытаюсь в данной статье.

22. Поиде в лодьях к порогом. . . В лѣто 6500. Иде Володимир на хорваты (с. 52—84).

Весь этот фрагмент восходит к Нач. своду; он читается в НІЛ (с. 124—165). В НІЛ, однако, есть некоторые отличия от текста ПВЛ. Так, после сходного текста статьи 6496 г. (в ПВЛ: «И бѣ воюяся с ними и одолая им»; в НІЛ: «И бѣ бѣяся с ними и одолая им») в ПВЛ следует статья 6497 г., повествующая о создании Десятинной церкви; в НІЛ этот же рассказ находится в статье 6499 г. Статья 6497 г. в НІЛ повторяется дважды: в первом случае под 6497 г. помещено предание о крещении новгородцев, за которым следуют перечни киевских и новгородских князей и русских митрополитов, новгородских владык, русских епархий, новгородских посадников. Второй раз 6497 и 6498 годы приводятся без упоминания каких-либо событий. За ними следует статья 6499 г., соответствующая, как было сказано, статье 6497 г. в ПВЛ. А. А. Шахматов полагал, что статья 6497 г. (с рассказом о крещении) в НІЛ вставлена из Софійского временника.⁹⁶

23. Пришедшю бо ему с войны хорватския. . . с славою великою (с. 84—85). ❧

По мнению А. А. Шахматова, рассказ о юноше-кожемяке добавлен составителем ПВЛ.⁹⁷

24. В лѣто 6502. В лѣто 6503. В лѣто 6504. Володимер видѣв церковь свершену. . . по устроенью отню и дѣдню (с. 85—87).

Текст восходит к Нач. своду; параллель к нему читается в НІЛ (с. 165—167).

⁹⁴ В. М. Истрин. Замечания о начале русского летописания, с. 66.

⁹⁵ Речь идет не о нарушении логики повествования, а о случаях синтаксической или грамматической несогласованности, возникающих при изменении текста под пером неопытного редактора.

⁹⁶ Шахматов. Разыскания, с. 194—196.

⁹⁷ Шахматов. Киевский начальный свод 1095 г., с. 153.

25. В лето 6505. Володимеру же шедшу Новугороду. . . вьсташа от града, вьсвоеси идоша (с. 87—88).

Этот фрагмент, как считал А. А. Шахматов, добавлен составителем ПВЛ; в НЛЛ статья 6505 г. не содержит никаких известий.⁹⁸

26. В лето 6506. . . на сына своего, но разболѣся (с. 88—89).

Фрагмент восходит к Нач. своду; в НЛЛ ему соответствует сходный текст (НЛЛ, с. 168).

Статье 6523 г. — рассказу о убийстве Бориса и Глеба — посвящено специальное исследование А. А. Шахматова в его «Разысканиях».⁹⁹ Взаимоотношение НЛЛ и ПВЛ в этих пределах может быть исследовано лишь одновременно со всем циклом памятников о Борисе и Глебе; это тема специальной работы.

* * *

Итак, мы рассмотрели сопоставимые тексты ПВЛ и НЛЛ вплоть до статьи 1015 г., т. е. в тех пределах, где отличия летописей позволили А. А. Шахматову выдвинуть гипотезу о Нач. своде. В пользу этой гипотезы имеется ряд весомых аргументов.

Во-первых, отмеченное А. А. Шахматовым сюжетное единообразие фрагментов, отсутствующих в НЛЛ, скорее убеждает нас в том, что фрагменты эти — вставки создателя ПВЛ, чем в том, что в НЛЛ искусно сделанные пропуски.

Во-вторых, подтверждается мысль А. А. Шахматова, что составитель Нач. свода не знал Хроника Амартола, а пользовался только Хр. по ВИ; мало того: можно показать, что в ПВЛ использован только Амартол, а все фрагменты из Хр. по ВИ вошли в ПВЛ через посредство Нач. свода. Обоснованию этого аргумента посвящена специальная работа.¹⁰⁰

В-третьих, начальная часть НЛЛ в сопоставлении с ПВЛ обнаруживает бесспорную первичность: рассказ НЛЛ более архаичен по структуре, он еще не знает годовой сетки; отличия в изложении между НЛЛ и ПВЛ таковы, что допустить вторичность рассказа НЛЛ порой совершенно невозможно (так, бесспорно первичны в НЛЛ рассказы о походах на Византию).

В-четвертых, сравнение НЛЛ и Свода 1448 г. убеждает в том, что НЛЛ в ряде случаев хуже, чем этот свод, передает текст Нач. свода; мы получаем, таким образом, косвенное свидетельство существования Нач. свода, ибо допустить самостоятельное обращение Свода 1448 г. к Хр. по ВИ или к Хронике Амартола у нас нет оснований.

Противники А. А. Шахматова не смогли выдвинуть ни одного сколько-нибудь убедительного возражения против существования Нач. свода.

В. М. Истрин отрицал гипотезу А. А. Шахматова только на основании иного объяснения одной группы доказательств (вставки ПВЛ он считал пропусками в НЛЛ), но не рассмотрел и не объяснил всех тех сложных взаимоотношений ПВЛ и НЛЛ, которые явились предметом особого внимания в данной статье.

С. А. Бугославский ограничился краткими замечаниями о взаимоотношениях НЛЛ и ПВЛ.¹⁰¹ Отстаивая первичность ПВЛ, исследователь

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Шахматов. Разыскания, с. 29—97.

¹⁰⁰ О. В. Творогов. Повесть временных лет и Хронограф по великому изложению.

¹⁰¹ С. Бугославский. «Повесть временных лет», с. 22—23.

не рассмотрел взаимоотношений всех сопоставимых фрагментов, не поставил вопроса о соотношениях летописных сводов с хронографическими источниками, не попытался показать, как именно проходил этот процесс «сокращения» ПВЛ.

В работах А. Г. Кузьмина текстологический анализ по существу отсутствует. Но одно замечание, несколько раз повторенное исследователем, заслуживает рассмотрения. А. Г. Кузьмин утверждает, что «оригинальная хронология начальной части Новгородской I летописи» перекликается с Толковой палеей, а так как «этот памятник сложился на Руси не ранее XIII века. . . , пересмотру должен подлежать и вывод А. А. Шахматова о предшествовании хронологии Новгородской I летописи датировкам Повести временных лет».¹⁰² Несколько далее А. Г. Кузьмин упоминает о наличии сходной хронологии уже не в Толковой палее, а в «Хронографической палее и Еллинском летописце особого вида», но опять-таки настаивает на том, что «первые даты Новгородской I летописи не дают никаких оснований считать их первичными по сравнению с Повестью временных лет».¹⁰³

Я попытался показать выше, что разноречия в датировке между НЛ и ПВЛ укрепляют точку зрения А. А. Шахматова: Нач. свод опирался на Хр. по ВИ, отразившийся в хронографических палеях (но не Толковой палее) и в Троицком хронографе (по терминологии А. А. Шахматова — «Еллинском летописце особого вида»), поэтому датировка хронографических палей (составленных, возможно, в XV в.) и Троицкого хронографа не имеет никакого отношения ко времени создания Хр. по ВИ, который не только своими датами, но и текстуально отразился в Нач. своде.

Итак, гипотеза А. А. Шахматова о Нач. своде представляется убедительно доказанной. Выдержали проверку временем и шахматовские методы исследования летописей, и прежде всего его требование сопоставления сравниваемых текстов на всем их протяжении, стремление реконструировать сам процесс возникновения текстуальных и сюжетных отличий, привлечение для решения чисто «летописных вопросов» широкого круга связанных с летописями памятников.

¹⁰² А. Г. Кузьмин. Русские летописи как источник по истории Древней Руси, с. 60 и 61.

¹⁰³ Там же, с. 96.

В. Л. КОМАРОВИЧ

Из наблюдений над Лаврентьевской летописью

1

Из четырех удельно-княжеских «гнезд» и связанных с ними «земель» или областей, на которые распалась Северо-Восточная Русь вскоре после 1237 г., видное место принадлежит земле Суздальско-Нижегородской. Свой собственный культурно-исторический отпечаток присущ был и ее расцвету, и ее быстро начавшемуся упадку.

Тверь и сама Москва от других земель той эпохи выгодно отличались своей культурно-исторической молодостью; Ростов начал дряхлеть задолго до татар; Рязань вообще не имела доли в владими́ро-суздальском культурном наследстве и с прямыми его наследниками сблизилась лишь как общница в разразившейся над ними беде. Напротив, Суздальско-Нижегородское княжество XIV в. возникает из-под пепла оставленных Батыем пожарищ на исконной территории Северо-Восточной Руси, между Клязьмой, Окой и Волгой, т. е. там, куда в 1237 г. пришелся самый сильный удар; тем трудней было тут что-нибудь восстанавливать; тем легче кое-как восстановленное было украсить, бросив на него отблеск прошлого. Москва росла и отстраивалась почти на девственной почве, не очень-то задумываясь о своем преемстве от Киева и Владимира до тех пор, пока это не стало для нее практически важно. Напротив, чрезмерность культурно-исторических претензий при ограниченности реальных для них возможностей отличает почти всех известных нам деятелей Суздальско-Нижегородской земли. Так, уже родоначальник суздальско-нижегородской княжеской ветви, брат Александра Невского — Андрей Ярославич осторожной ордынской политике брата предпочитает неосторожное бегство зачем-то за море, к немцам (в 1252 г.). С момента его возвращения оттуда (в 1256 г.) «в свою отчину» эта последняя впервые и выступает в наших летописях в характерном составе из трех городов с уездами: древнего Суздаля, Нижнего Новгорода и Городца-на-Волге. Но важно отметить, что уж и раньше ненадолго эти три города объединились в одних руках; в 1218 г., после примирения Константина и Юрия Всеволодовичей, младшему Юрию к выделенному первоначально почти что в порядке опалы Городцу-Волжскому придан был Суздаль; а Нижний Новгород два года спустя построил он сам. Эту вотчинно-территориальную единицу и видим снова 30—40 лет спустя в руках у вернувшегося «из немец» Андрея. Но только при внуках Андрея, Александре и Константине Васильевичах, Суздальско-Нижегородское княжество оформляется окончательно, в 1328 г. соперничая уже с Москвой в Орде; титул великого князя получает Иван Московский, зато стольный город великого княжения вместе с По-

волжьем на короткое время берет себе суздальский Александр. Преемник и брат Александра Константин Васильевич, вынужденный уступить Владимир Москве, переносит свою вотчинную столицу из Суздаля в более отдаленный от Москвы Нижний, ознаменовывая это важное событие постройкой там собора; колонизирует лесные окраины своего княжества, веля, по словам летописей, «русским людям селиться по Оке и по Волге и по Кудьме рекам»; роднится в противовес Москве с литовским великим князем Ольгердом и умирает, заслужив похвалу летописца за то, что «честно и грозно боронил отчину от сильнее себя князей», т. е. от все тех же московских Даниловичей, с которыми, как и брат, не раз «спирался» о Владимирском великом княжении, ища поддержки у желавших его в великие князья новгородцев. Оживление волжской торговли в первой половине XIV в. придало Нижнему Новгороду, новой столице Константина, характер крупного торгового порта с международным товарообменом, посредника между Ордой и Великим Новгородом, чем и объясняются прочные симпатии новгородцев к Константину и его потомству. Оно состояло из трех сыновей — Андрея, Дмитрия и Бориса, с деятельностью которых совпадает и полный расцвет, и окончательный упадок их общей вотчины. Продолжающееся соревнование с Москвой дважды увенчивалось для Дмитрия Константиновича кратковременным успехом, — ханский ярлык великое княжение закреплял за ним, — но дважды же Дмитрий Константинович был вынужден сам уступить Владимир своему более сильному сопернику. После смерти Дмитрия (в 1383 г.) в руках у его брата Бориса ослабленное междоусобицей Суздальско-Нижегородское княжество быстро клонится к окончательной утрате независимости в пользу необычайно теперь окрепшей (после победы на Куликовом поле) Москвы. В 1394 г. Борис был выдан изменившими ему боярами подступившей к Нижнему московской рати и кончил свои дни в заточении. В Нижнем и Городец были посажены московские наместники, и только древний Суздаль да возникшая к тому времени Шуя остаются в руках у потомства двух Константиновичей. Их сыновья и внуки продолжают, однако, еще долго оспаривать свою отнятую Москвой «дедину», не раз захватывая «изгоном» то Нижний, то Городец, договариваясь даже о своих вотчинных правах на Вятку с захватившим ненадолго московский престол Шемякой или организуя, наконец, в качестве уже служивых князей сопротивление Москве там, где оно было еще возможно — в искони к ним расположенном Новгороде и в Пскове. Но когда Москва к концу XV в. возобладала и там, суздальские «княжата» вступают в ряды московской служилой знати и под именем князей Горбатовых и Шуйских возглавляют в течение еще одного столетия боярскую оппозицию московской царской власти — ту «крамолу», с которой боролся Иван IV и которая выдвинула на престол Василия Шуйского. При такой устойчивости чисто областных первоначально претензий в политике Суздальско-Нижегородское княжество — в пору по крайней мере своего расцвета — не могло не проявить своей инициативы также в литературе.

С именем суздальско-нижегородского князя Дмитрия Константиновича, претендовавшего на великокняжеский владимирский престол, связан летописный свод, составленный для него в 1377 г. по поручению епископа Дионисия мнихом Лаврентием и являющийся древнейшим из всех сохранившихся и бесспорно датируемых списков русской летописи. Это последнее обстоятельство предредило надолго характер изучения памятника. Возникновением его в Суздальско-Нижегородской земле в XIV в. интересовались гораздо меньше, чем наличием в его составе сводов, возникших в Киеве в XII в. Столь отрывочны поэтому и противоречивы высказывания о Лаврентьевском своде в целом у академика Шахматова.

«В части до середины XIII века», — читаем у него в «Разысканиях»,¹ — «Лаврентьевская летопись представляется ростовским летописным сводом. . . Кроме ростовского свода, Лаврентьевская рукодствовала еще переяславскою летописью: отсюда ее близкое сходство с дошедшим до нас списком летописи Переяславля Суздальского, а также с Радзивилловскою летописью. Наконец, третьим источником Лаврентьевской летописи признаем общерусский летописный свод, доведенный до 1305 года:² из него сделано несколько заимствований в части до 1205 года; в части же от 1206 года до 1305 года к нему возводим все то, что не имеет явно ростовского характера». Такой дробный и, следовательно, сложный состав Лаврентьевской летописи у Шахматова так и остался без точного приурочения к литературной инициативе самого Лаврентия: «Эта летопись», читаем в «Обзрении», «составлена или только переписана с готового оригинала».³ Но первое допущение плохо мирится с прямым заявлением самого Лаврентия в послесловии о том, что он — лишь «книжный списатель», т. е. копиист, имевший в руках при списывании один определенный оригинал («книги ветшаны»), чтоб обращаться с ним не иначе, как только копируя его, что и выполнено в срок, по краткости своей (два с половиной месяца) ни к чему большому, казалось бы, не пригодный, по крайней мере — для составления компиляции из трех сводов.

Еще большие затруднения встречает первое допущение Шахматова, если учесть текстуальную близость Лаврентьевской и Троицкой. Сам Шахматов первый обнаружил в дублирующих Троицкую местах Симеоновской и в сохранившихся отрывках собственно Троицкой такой свод, который в части до 1305 г. мало чем отличался от Лаврентьевской. Но эту близость в своей специальной статье о Симеоновской и Троицкой Шахматов так и не разъяснил,⁴ а позже при случае ограничивался лишь предположениями, не во всем согласными между собой. «Троицкая (утраченная) летопись, — говорит он, например, в «Разысканиях» — основывалась сама на Лаврентьевской»; но тут же в скобках в виде нового допущения прибавляет: основывалась на «протографе Лаврентьевской».⁵ Третье допущение находим в статье 1915 г. из энциклопедического словаря, переизданной теперь в «Обзрении»: «В основании Троицкого списка положена Лаврентьевская, но текст последней исправлен (по другим суздальским сводам или, быть может, по владимирскому общерусскому своду)».⁶

Есть, однако, неопровержимые доказательства тому, что Лаврентьевская служить источником для Троицкой не могла.

Троицкую при всем сходстве с Лаврентьевской отличает ряд более исправных, чем в ней, или более подробных, но при всем том тождественных с ней по контексту известий, не допускающих, следовательно, для Троицкой ни прямого пользования Лаврентьевской, ни дополнительных к ней заимствований откуда бы то ни было со стороны, вне общего для обеих летописей контекста. Словом, из трех допущений Шахматова необходимо принять второе, наименее, кажется, приемлемое для него самого: источником Троицкой (в части, совпадающей с Лаврентьевской) мог быть

¹ А. А. Шахматов. 1) Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, с. 245—276 (далее: Шахматов. Разыскания); 2) Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, с. 365 (далее: Шахматов. Обзорение).

² На котором обрывается и Лаврентьевская, имея затем лишь приписку 1377 г.

³ Шахматов. Обзорение, с. 9.

⁴ А. А. Шахматов. Симеоновская летопись XVI в. и Троицкая начала XV в. — ИОРЯС, т. V, 1900, кн. 2. Статья, как известно, не доведена до конца.

⁵ Шахматов. Разыскания, с. 247, прим. 2.

⁶ Шахматов. Обзорение, с. 366; ср. там же, с. 39.

только общий им обеим протограф. Но это сразу же и колеблет допущение Шахматова о составлении Лаврентьевской самим Лаврентием. Дело в том, что общими в Троицкой и Лаврентьевской являются многие известия ростовского происхождения, т. е. те, которые Шахматов относил за счет использованной якобы самим Лаврентием ростовской летописи. Но раз в Троицкую они попали не из Лаврентьевской, бесспорным становится наличие этих отрывков ростовской летописи уже в общем протографе Троицкой и Лаврентьевской, и гипотеза о самостоятельном пользовании Лаврентия ростовской летописью отпадает сама собой. Сильно ограничивая литературную инициативу Лаврентия, такой вывод меняет вместе с тем и наше представление о своде 1305 г.: раз признав в нем общий протограф Троицкой и Лаврентьевской с входившими уже в него, в качестве первоосновы, заимствованиями из ростовской — областной и княжеской по своему характеру — летописи, нельзя уже больше признавать в нем труд того или иного митрополита, митрополита Петра в особенности. С вескими в этом смысле возражениями Шахматова выступил в свое время М. Д. Приселков. Отметив, что предельный в этом своде год не есть год смерти митрополита Максима (умершего годом или двумя позже), названный исследователь своду 1305 г. дает следующую характеристику: «Он общерусский не в смысле митрополии всея Руси, а в том общерусском смысле, который жил со времен Андрея Боголюбского в представлении деятелей и носителей великокняжеского владимирского сана, реально охватывая старый Ростово-Суздальский край и Великий Новгород, а теоретически — золотой киевский стол. Иною речью, пред нами летопись великокняжеская владимирская, заботливо отмечающая прежде всего смены на владимирском столе. Можно думать, что летопись эта оканчивалась 1305 годом потому, что в этот год скончался великий князь Андрей, и только дефектностью протографа Лаврентьевской летописи надо объяснять отсутствие этого известия в ней (оно читается в Троицкой летописи)».⁷ Таким образом, гипотезу Шахматова—Приселкова о митрополичьем своде начала XIV в. можно, видимо, раз навсегда оставить. Но к чему при такой постановке вопроса сведется литературная инициатива Лаврентия? По мнению Приселкова, Лаврентий «в основу работы (в 1377 г.) клал просто воспроизведение дурно сохранившегося древнего свода начала XIV века».⁸ Ту же мысль Приселков повторяет в своей новой работе о Лаврентьевской летописи, во многом отличающейся от прежних, но только не в оценке размеров литературной инициативы Лаврентия. Эта оценка остается прежней: «... копия, снятая Лаврентием... с копии... великокняжеского свода 1305 г., — черновик, лишенный какого-либо политического значения для своего и последующего времени».⁹ Лаврентию приписывается по-прежнему только роль переписчика, не больше. Другая крайность, столь же мало сама по себе вероятная, как и противоположная ей у Шахматова. В самом деле, можно ли допустить, чтоб этот «Лаврентий-мних», автор единственного в своем роде летописного послесловия, на всем остальном протяжении своего немалого труда ограничился бы только механическим списыванием? Это невероятно. И как бы спешен ни был выполнявшийся им заказ, как бы авторитетен ни был в его

⁷ М. Д. П р и с е л к о в. Летописание XIV века. — В кн.: Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пгр., 1922, с. 37.

⁸ Там же, с. 29. Ср. также его статью «Летописец 1305 года» (Века. Исторический сборник. Т. I. Пгр., 1924).

⁹ М. Д. П р и с е л к о в. Лаврентьевская летопись (история текста). — Ученые записки ЛГУ, № 32, серия исторических наук, вып. 2, 1939, с. 142 (далее: Приселков Лаврентьевская летопись).

глазах переписывавшийся им памятник, — для авторских или редакторских тут и там вставок у такого литератора, как Лаврентий, не могло не оказаться поводов и желания (а следовательно, и времени). К тому же о чем-то подобном говорит сам он, извиняясь в заключение перед «отцами и братией» в тройкого рода погрешностях: «. . .оже ся где буду описал или переписал или не дописал», и несомненно вкладывая в эту оговорку вполне реальный смысл, что видно из его ссылки тут же, себе в оправдание, на «книгы ветшены»: описок и недописанных фраз, свидетельствующих в самом деле о плохой сохранности переписанного Лаврентием подлинника, в его рукописи немало. А раз так, надо признать вероятной и третью разновидность вменяемых себе в вину Лаврентием отступлений от подлинника: «. . .оже. . . где буду. . . переписал», т. е. написал лишнее. Итак, в распространительных приписках к протографу, как равно в сокращении или даже пропуске отдельных его известий, авторство Лаврентия выразиться во всяком случае могло.

Выразилось ли, однако, оно, и если выразилось, то где именно?

2

Добытые исследованиями Шахматова и Приселкова бесспорные выводы сводятся, как можно видеть, к признанию переписанного Лаврентием памятника за тождественный с протографом Троицкой великокняжеский летописец 1305 г., между Лаврентьевским списком которого и тем, что Лаврентий списывал (т. е. этим самым сводом 1305 г.), никаких промежуточных этапов летописания не было. А следовательно, все то в списке Лаврентия, что по каким бы то ни было соображениям возвести к своду 1305 г. оказалось бы невозможно, надо без колебаний приписать ему самому; таков критерий предстоящего нам отбора. Материалом же, кроме Лаврентьевской, при поисках приписок ее «писателя», должна естественно служить Троицкая.

Наши, однако, сведения об этой сгоревшей летописи, утрату которой русская наука никогда не перестанет оплакивать, все еще не приведены в окончательную систему, несмотря на ценные указания, как это сделать, у Шахматова и Приселкова. Задача состоит в том, чтоб извлечь из «Истории государства Российского» Карамзина все, без исключения, отрывки Троицкой, не ограничиваясь только ссылками и цитатами, в которых Троицкая как источник названа прямо,¹ но дополнив их «анонимными» оттуда цитатами Карамзина, а также косвенными указаниями в цитатах из других летописей на наличие или отсутствие также и в Троицкой соответствующих чтений. Но чтобы сделать это, предварительно надо усвоить карамзинский метод цитирования, что возможно при помощи отрывка Троицкой в не доведенном до конца издании Чеботарева и Черепанова 1804—1810 гг. Десять уцелевших листов этого не вышедшего в свет издания содержат летописный текст Троицкой до 907 г. включительно. Цитаты же отсюда в примечаниях к т. I Карамзина простираются от 89-го примечания по 312-е. Сличение уцелевшего текста с примечаниями и выяснило, что у Карамзина на 12 явных цитат из Троицкой ровно столько же приходится цитат из нее «анонимных», вводимых посредством неопределенного указания — «летопись», «летописец», «Нестор» или просто — «далее», и что, следовательно, такой же примерно процент нераскрытых цитат из утраченной части Троицкой надо предполагать

¹ Эти прямые оттуда заимствования Карамзина давно известны и полностью переизданы в подстрочных примечаниях к Симеоновской в т. XVIII «Полного собрания русских летописей».

в дальнейших примечаниях Карамзина; в-третьих, наконец, раз так широко был использован Карамзиным именно этот источник, — отсутствие на него ссылок там, где все цитаты для той или иной группы известий имеют ссылки, надо расценивать как признак того, что соответствующего известия в Троицкой вообще не было. Бесспорным, в частности, надо признать такой вывод для тех случаев, когда в пределах до 1400 г. Карамзин цитирует одну только «Пушкинскую» (как он обозначал Лаврентьевскую), а не обе «харатейные» (как он обозначал Лаврентьевскую и Троицкую вместе). Вопрос же о том, чего в Троицкой не было, не менее важен для нашей цели, чем вопрос о том, что в ней было.

Это относится в первую очередь к содержавшимся в Троицкой известиям о татарском нашествии 1237 г., пределами которых можно ограничить сличение.

Рассказ Лаврентьевской под 1237—1239 гг., начинаясь с описания рязанских событий, касаясь Коломны и Москвы, живо и подробно рисует затем осаду и взятие Владимира, упоминая попутно о взятии Суздаля; ведет затем нас на Сить, где стали станом Юрий Всеволодович и Василько Ростовский и куда приносит Юрию весть о гибели Владимира, которого он оплакивает; кратко говорится затем о победе татар и убиении Юрия; с подробностями ростовского происхождения изображается далее кончина Василька; говорится о погребении Юрия, и все заканчивается его похвалой. Компильтивный характер рассказа не подлежит сомнению и обнаруживается из целого ряда повторов («Тое же зимы» — четыре раза, «И поидоша» — три раза) и ремарок редактора, вроде: «На предреченная въздем», — обычных в русской летописи признаков сочетания в данном известии двух или больше источников. Есть и другие тому же признаки. «Герои этого рассказа, — по наблюдению проф. М. Д. Приселкова, — умирают на глазах читателя по два раза, и это на пространстве нескольких строк».² Весь рассказ, по мнению Приселкова, «слит из двух источников», и слит задолго не только до работы Лаврентия, но и до составления свода 1305 г., — под пером составителя ростовского свода, возникшего около 1239 г. (на котором, по мнению Приселкова, этот свод заканчивался) и дополнявшего свои ростовские известия известиями владимирскими из так называемого Юрьева свода, тоже XIII в., след которого сохранился, действительно, в разных списках под 1228 г.; вот продолжение этого свода Юрия Всеволодовича, доведенное якобы до года его смерти, Приселков и предлагает считать вторым источником рассказа Лаврентьевской о Батыевой рати. «Сливая в одно два повествования о походе Батя, — говорит Приселков, — ростовский сводчик в основу положил ростовское повествование, делая из владимирского лишь вставки», самой крупной из которых Приселков считает заключительную похвалу Юрию. По его словам, сводчик 1239 г. воспользовался «некрологом Юрия, конечно, читавшимся во владимирском своде под 1237 г., после рассказа о гибели Юрия на р. Сити, перенеся этот некролог в 1239 г., где было описание перевезения тела Юрия во Владимир».³ Но как бы ни относиться к вопросу о Юрьевом своде в целом, доведение его до рассказа о Батыевой рати следует со всей решительностью отвергнуть. Возникший и пополнявшийся погодными записями несомненно во Владимире, как мог этот свод пресекаться не до, а после рассказа о той катастрофе, которая сама пресекла владимирское летописание вообще, по наблюдениям того же Приселкова,⁴ по крайней мере на три десятилетия. Второй источник рассказа

² Приселков. Лаврентьевская летопись, с. 124.

³ Там же, с. 123.

⁴ Там же, с. 134—135.

Лаврентьевской о Батыевой рати требует, таким образом, какого-то другого истолкования. Да и вообще только двумя источниками весь этот рассказ исчерпываться не может, что с отчетливостью видно из тех переходных фраз, — от одного источника к другому, — которые указаны выше: их на весь рассказ под 6745 (1207) г. в Лаврентьевской приходится всего счетом три; но только одна с уверенностью может быть отнесена к эпохе, близкой описываемым событиям: «. . . такого зла, — говорится в ней, — не было ни от крещения, яко же бысть ныне. Но то оставим». Две другие, напротив, на хронологическую близость летописца к описываемым событиям никаких указаний не дают. И, следовательно, если одна из тех трех переходных фраз действительно указывает на исконное наличие в рассказе главных двух источников: ростовского и какого-то другого, то две другие подобные же фразы могут указывать и на какой-то третий. В поисках за этими источниками Лаврентьевской и следует обратиться к Троицкой.

Но ответить на вопрос, что читалось в Троицкой о Батыевой рати, не так-то просто. Симеоновская, как раз в интересующих нас пределах, передает, к сожалению, не Троицкую, а другой свой источник, из числа трех указанных для нее Шахматовым.⁵ Немного на этот раз дает и Карамзин. Обещая следовать при изложении событий 1237 г. «достовернейшим известиям летописей современных», он в прим. 357 (т. III) разъясняет: «Летописи современные суть: Новгородская, Волынская, Суздальская, или Пушкинская».⁶ Троицкая почему-то даже не упомянута. Нет на нее указаний и в соответствующих цитатах, за единственным исключением (в прим. 363), где можно, однако, заподозрить не невозможную у Карамзина неточность (см. ниже). Но при отсутствии прямых указаний особенно ценно одно бесспорное, косвенное. Судя по характеру цитации в прим. 1 к т. IV, то послесловие в рассказе Лаврентьевской, которому Приселков дал название «некролога», в Троицкой не читалось: свою из него цитату Карамзин сопроводил ссылкой, но на одну только Пушкинскую.⁷ Что же, однако, в Троицкой о Батыевой рати читалось? За ответом надо обратиться к тому Московскому своду, который представлен Воскресенской и в основе которого за интересующий нас период лежит, как установил Шахматов, кроме свода 1448 г., также и Троицкая. «Начиная с 6743 (1235) г. в распоряжении составителя Московского свода оказываются, — говорит Шахматов, — как будто только два источника — Новгородский свод 1448 г. и Троицкая летопись. К последней возводим все то, что не может быть выведено из основного источника — свода 1448 г.»⁸ Под эти признаки прямо и подходит рассказ о Батыевой рати, читающийся в Воскресенской под дважды выписанным (т. е. дублированным) 6746 (1238) годом. Следование тут двум источникам не подлежит, таким образом, никакому сомнению; бесспорен также второй источник, под вторично выписанным 1238 годом; тут со слов: «Князь великий Юрьи посла Дорожа в просоки» и до слов: «Батый же взем Козельск и поиде в землю Половецку» — текст почти сплошь дословно совпадает с Софийской I и Новгородской IV, как раз отражающими, как известно, свод 1448 г. Предыдущий рассказ, под первым из дублированных обозначений года, есть, следовательно, все

⁵ ИОРЯС, т. V, кн. 2.

⁶ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. III. СПб., 1892, с. 176.

⁷ Чему, помимо Пушкинской (Лаврентьевской) летописи, вполне соответствует уникальный характер этого отрывка сравнительно с остальными доступными списками летописей: кроме Симеоновской, заимствующей этот отрывок, вернее всего, из той же Лаврентьевской, его нет ни в одном другом списке.

⁸ Шахматов. Обозрение, с. 272; ср. там же, с. 281.

основания признать за текст Троицкой.⁹ И сравнивая его с соответствующим текстом Лаврентьевской, сразу видим, при большом в общем сходстве, ряд таких отличий, благодаря которым тексту Троицкой (=Воскресенской) надо отдать бесспорное преимущество в смысле исправности и старшинства.

Очень краткому рассказу Лаврентьевской о разорении Рязани в Троицкой (=Воскресенской) соответствует рассказ со всеми известными из других летописей подробностями (о татарском стане на Онухле, о посылке во главе с «женой чародейцей», о требовании десятины и отказе рязанцев, об окружении Рязани 16 декабря и взятии 21-го); причем краткая версия Лаврентьевской в одном месте явно дефектна именно из-за краткости, т. е. возникла, значит, в результате сокращения:

Воскресенская (=Троицкая)

Лаврентьевская

... а князя их Юрья убиша, и княгиню ... и князя их убиша, их же емши, его, а мужей емше ... , овых рассекоша. овы расстинахуть.

В Лаврентьевской непонятно, о ком идет речь в словах «их же»; и только параллельный текст Воскресенской (=Троицкой) разъясняет недоумение. В дальнейшем рассказе о бое под Коломной, кроме такого же сокращения рязанских известий (исчезает Роман Ингварович), Лаврентьевская за их счет подчеркивает роль Всеволода Юрьевича Владимирского («Тое же зимы поиде Всеволод, сын Юрьев, внук Всеволож» вм. более простого сообщения в Воскресенской: «Князь же великий Юрьи посла противу им сына своего Всеволода»). Наконец, свободен от погрешностей, отмеченных в Лаврентьевской Приселковым, и весь рассказ Воскресенской о взятии Владимира. В эпизоде с показом пленного княжича в Лаврентьевской пропущено самое главное — слова, читающиеся, однако, в Воскресенской: «... и показаша им Володимера»; в описании самого взятия в Лаврентьевской недостает рассказа о постригах князей утром в воскресенье перед окончательным приступом; при описании гибели от огня всех, кто затворился во Владимирском Успенском соборе, Лаврентьевская, с отмеченным уже (у Приселкова) ущербом для смысла, оставляет без разъяснения, как именно они погибли, хотя слова: «... и тако огнем без милости запалены быша» — предполагают какое-то разъяснение; его опять-таки дает только Воскресенская (Троицкая), указывая, что затворившиеся в церкви разместились «в полатях», т. е. на хорах, а татары «силою выломиша двери церковные и наволочиша леса в церковь и запалиша огнем, издохаша от великого зноя вся», т. е. задохнулись на хорах от разведенного посреди храма костра; Лаврентьевская, напротив, внушает скорее мысль о сожжении укрывшихся вместе с самым зданием, что исторически неверно: Владимирский Успенский собор, в том виде, как отстроил его за 50 лет до Батыею Всеволод Большое Гнездо, дожил до наших дней.¹⁰

Первый из двух источников Воскресенской под 6746 г. доведен только до этого эпизода о разорении Владимира; об участии же князей Юрия и Василька на берегах Сити рассказ едва начат, а затем сразу же прерван и передан указанному выше второму источнику (своду 1448 г.). Что могло в Троицкой читаться дальше, установить можно, следовательно, только

⁹ Подтверждением может служить также самая дата, с разницей в один год по сравнению с датой Лаврентьевской: опережала на год Лаврентьевскую в сходных с ней известиях XII—XIII вв. как раз Троицкая.

¹⁰ А. И. Некрасов. Очерки по истории древнерусского зодчества XI—XVII вв. М., 1936, с. 116.

через самый этот второй источник, т. е. свод 1448 г., восходящий, в свою очередь, через полихрон 1423 г. к той же Троицкой. Отражающий его общий текст Воскресенской, Софийской I и Новгородской IV надо, следовательно, очистить от дополнительной выверки по Лаврентьевской, которую, как оказалось, произвел над данным местом составитель свода 1448 г. (или полихрона), после чего и второй источник Воскресенской обнаружит перед нами текст Троицкой.¹¹

Сравнивая этот общий всем трем летописям текст с Лаврентьевской, мы опять-таки наталкиваемся на ряд таких в нем отличий, которые убеждают в его старшинстве. В Лаврентьевской не отыскивается следующих общих Софийской I, Новгородской IV и отчасти Воскресенской подробностей: слов: «всед на конь» и «отложив всю печаль и поиде к ним» (Софийская и Воскресенская) — о кн. Юрии перед Ситской битвой; слов «ни брашна, ни пития их не прия» — о Васильке в плену у татар; слов самого Василька — «се бо ми наведе бог грех моих ради»; слов «И бе бо лицо его уныло от многого томления от поганых. И весь разлившеса слезами, поминая прежде сътворенные грехи», со следующей далее (в Софийской и Новгородской) первой (из трех) молитвой Василька;¹² имени Васильковой княгини — Мария, читающегося во второй молитве в Софийской I и несколько позже в Новгородской IV; слова «желем» («моя память железом погибает») в третьей молитве (Софийская I и Новгородская IV), измененного в Лаврентьевской на неуместное в этом отголоске народного причитания «железом»; слов «не бе же слышати пения в плачи мнозе» — при описании похорон Василька; слов «и видяще се, възлюбленнии, суету жития человека, иже вчера славою урашен, гордяся о боярах, а ныне персть и прах» — о том же Васильке (Софийская I, Новгородская IV); наконец, слова «вазнив» («на ловех вазнив») — в «похвале» все тому же Васильку (Софийская I, Новгородская IV). Добавим характерное композиционное отличие: дата «месяца марта 4», заканчивающая во всех трех летописях рассказ о убиении Василька, в Лаврентьевской читается выше и относится к смерти Юрия; при этом отсутствует подробность, читающаяся в Софийской и Воскресенской: «. . . в четверток 4 недели поста». В мартовском 6746 г. 4 марта на самом деле падало на четверг. В тексте, восходящем к полихрону, имеем, таким образом, или фактические уточнения к тексту Лаврентьевской (имя княгини, дата), или восстановление явных в Лаврентьевской пропусков (первая молитва Василька, слово «вазнив»), или,

¹¹ Выверка в своде 1448 г. (или в полихроне) всего рассказа о Батыевой рати, вообще весьма там близкого к Воскресенской (Троицкой), по Лаврентьевской видна из следующих примеров. Рассказ о взятии татарами Коломны начат в полихроне (Софийская I и Новгородская IV), чего нет в Воскресенской (Троицкой); при взятии татарами Суздалья указано, как в Лаврентьевской, что сожжены «двор князь» и монастырь св. Дмитрия (Софийская I, Московско-Академический список Суздальской летописи), чего тоже нет в Воскресенской (Троицкой); внутренняя цитадель во Владимире, куда укрылись князья, названа не «средним городом», как в Воскресенской (Троицкой), а в согласии с Лаврентьевской, «Печерним» (Софийская I, Новгородская IV); наконец, эпизод о походе татарами владимирцам взятого ими в плен княжича построен был в полихроне (или в своде 1448 г.) на вовсе никак не согласованном пересказе обоих источников: Троицкой (= Воскресенской) в качестве основного и Лаврентьевской в качестве дополнительного; из первого полихрон взял слова (читающиеся сейчас в Воскресенской): «Воевода же Петр», а из второго присоединил к ним «и рюста оба князя»; получившаяся в результате нелепость: «Воевода же Петр Ослягин и рюста оба князя» (Софийская I, Московско-Академический список Суздальской летописи), перед следующей затем речью, которая в Воскресенской (Троицкой) приписана воеводе Петру, а в Лаврентьевской — двум князьям, не оставляет уже сомнения в указанной выверке, следы которой в тексте полихрона (Софийская I и Новгородская IV) видны и дальше.

¹² В Воскресенской две первых молитвы пропущены.

наконец, уточнения стилистические («желем» вм. «железом»). Ввиду всего этого считаем доказанным заимствование в полихроне текста, хоть и весьма близкого к Лаврентьевской, но не тождественного ей и, что главное, более первоначального. Преемственность же полихрона от ближайшего предшественного Московского свода, каковым и была Троицкая, заставляет рассматриваемый текст отнести именно за ее счет. Но в самой Троицкой отличия от Лаврентьевской тем, что перечислено выше, не ограничивались. Выверка ее текста при внесении в полихрон (или в свод 1448 г.), по Лаврентьевской имела несомненно место и в данных пределах. В этом убеждает «похвала» Васильку Ростовскому. Она совмещает в себе в каждой из трех летописей (как и в Лаврентьевской) два одновременных и различного (ростовского) происхождения: в князе восхваляется внешность («лицом красен и очима светел»), воинская и охотничья доблесть, «ласка», наконец, «до бояр и слуг», евпих «его хлеб» и «чашу его» пивших. Это несомненно ростовский и, следовательно, древнейший слой в летописной «похвале» ростовскому князю. Другой слой — совершенно иного стиля. Вместо воинской доблести и «ласки к боярам» восхваляется нищелюбие князя, его любовь к церковному чину и даже прямо к церковникам. Самая его смерть приравнена «смерти Андрееви», т. е. Андрея Боголюбского, совсем, конечно, не популярного как раз среди ростовских бояр. Разновременность и социальная разнохарактерность второй «похвалы» и первой не подлежат сомнению, если, тем более, учесть место той и другой в сходных вообще текстах Софийской I, Воскресенской, с одной стороны, и Новгородской IV — с другой. В Новгородской вслед за последней, общей всем трем летописям, фразой («. . . оставше такового утешения») находим только несколько слов о похоронах Василька («. . . не бе же слышати пения в плачи мнозе») и затем первую (светскую) «похвалу». Напротив, в Софийской I и Воскресенской эта древнейшая (ростовская) версия перебита вставкой: перед фразой «. . . не бе же слышати пение во мнозе плачи» они помещают другое, гораздо более странное описание тех же похорон и перед светской «похвалой» Васильку — вторую (церковную). Было бы не до конца ясно, с чем мы имеем тут дело: с вставкой ли в Софийскую и Воскресенскую или с сокращением в Новгородской, если бы вторая (церковная) «похвала» в этой последней отсутствовала начисто. В том-то, однако, и дело, что она отыскивается и в Новгородской IV, но только не в середине летописной статьи (как в Софийской и Воскресенской), а в конце. Основной текст, взятый из своего протографа (полихрона, или свода 1448 г.), составители Софийской I и Новгородской IV дополняли, вернее всего, сделанными уже в нем приписками на полях; но дополняли независимо друг от друга, и поэтому одни и те же приписки встали тут и там на разное место. Источником же этих приписок была Лаврентьевская: церковная «похвала» Васильку взята несомненно отсюда.¹³ При восстановлении текста Троицкой эту вторую «похвалу» Васильку надо, следовательно, устранить.

Точно так же необходимо устранить ряд аналогичных подробностей о кн. Юрии. Таков, прежде всего, промежуточный отрывок между первым рассказом под 6746 г. и вторым рассказом под тем же годом в Воскресенской (нач.: «Прииде же весть к великому князю Юрью, яко Владимир взят»). Он несомненно присоединен к первому рассказу из другого, чем сам этот рассказ, источника Воскресенской, т. е. не из Троицкой, а из свода 1448 г.: за это говорит полное с ним совпадение соответствующего

¹³ Пропуск слова «прилежа» (в фразе «. . . паче же и на милостыню прилежа») есть не только в Лаврентьевской, но и во всех списках Софийской I.

места в Софийской I. Но в свод 1448 г. (или в его протограф) этот отрывок попал, в свою очередь, не из основного источника полихрона, каким была все та же Троицкая, а из сверявшейся с ней Лаврентьевской. Весь отрывок «Прииде же весть к великому князю Юрию», кончая молитвой Юрия, читается и в Лаврентьевской. В Троицкой же после общего с Лаврентьевской, Софийской I и Новгородской IV указания на количество разоренных городов, сел и погостов — «в един месяц февраль кончевающуся лету 45» — рассказ прямо переходил, очевидно, к извещению князя Юрия Дорожем (нач.: «Князь . . . посла Дорожа в просоки в 3-х тысячах муж, и прибеже Дорож, и рече»). Легко заметить, что оба отмеченные отрывка: «Прииде же весть» и «Князь. . . Юрьи посла Дорожа в просоки» варьируют одну и ту же тему — извещение князя о случившемся, — и по одному уж этому могут восходить только к двум разным источникам полихрона (или свода 1448 г.): первый отрывок, как сказано, засвидетельствован Лаврентьевской; второй, напротив (с Дорожем), в Лаврентьевской отсутствует, как отсутствует там и сопутствующая ему деталь светской воинской повести: «всед на конь», «отложив всю печаль» (о чем см. выше). Версию с Дорожем не только, следовательно, дублирует версия Лаврентьевской (с молитвой и плачем Юрия), но и явно переосмысливает ее идеологически, — точь-в-точь, как вторая похвала Васильку — церковная переосмыслила первую — светскую. В обоих случаях церковная версия из Троицкой одинаково должна быть устранена.

Не принадлежат затем Троицкой, а восходят к побочным источникам полихрона читающиеся одинаково во всех трех сводах (Софийской I, Новгородской IV, Воскресенской) два рассказа: новгородский — о взятии татарами Торжка — и южнорусский — о взятии Козельска. Их нет и в Лаврентьевской. Не было, наконец, в Троицкой, как уже установлено на основании показаний Карамзина, заключительной «похвалы» Юрию. Ее нет и ни в одной из трех летописей, отражающих полихрон. Весь рассказ в целом, как он выглядел в Троицкой, рисуется в следующем виде.

Более подробный, чем в Лаврентьевской, пересказ рязанских событий и связанных с ними (а не с Юрием Владимирским) событий в Коломне сменялся, как в Лаврентьевской, описанием осады и взятия Владимира с указанными выше мелкими, но существенными от нее отличиями; после общего с Лаврентьевской указания на исход 6745 г. рассказ непосредственно переходил к отсутствующему в Лаврентьевской эпизоду с Дорожем — к выдержанной в тоне воинских повестей картине битвы на Сити, с кратким упоминанием о убиении Юрия и с подробным изображением кончины Василька; церковный элемент ограничивался тремя молитвами Василька с привнесениями в них стилия причитаний; «похвала» Васильку перечисляла затем его мирские достоинства; «похвалы» Юрию не было; рассказ заканчивался перечнем князей, во главе с Ярославом спасшихся от татар «молитвами святых Богородица». Первоначально этой восстановленной редакции рассказа о Батыевой рати в Троицкой сравнительно с близкой к ней, но более распространенной редакцией в Лаврентьевской не подлежит сомнению. А ввиду их близости, как и близости самих летописей в пределах до 1305 г. вообще, несомненно наличие одной из двух этих версий также в общем для обеих летописей протографе — в своде 1305 г. и его предшественниках; несомненно и то, что из двух версий там могла читаться лишь старшая, т. е., значит, версия Троицкой. А раз дело обстоит так, все распространения, сокращения или замены в Лаврентьевской сравнительно с тем, что читалось о Батыевой рати в Летописце 1305 г., могли быть сделаны только тем, кто этот Летописец в 1377 г. собственно-ручно переписывал, т. е. мнихом Лаврентием. Его авторский вклад в рассказ о Батыевой рати теперь может быть, следовательно, легко обнару-

жен. Но сперва несколько слов о самом рассказе в Летописце 1305 г. (Троицкой). Не подлежит сомнению создание его в свое время из двух источников: главным был тот самый рассказ ростовской летописи, на котором, по предположению Приселкова, оканчивался ростовский Ярослав свод 1239 г.; только этим и можно объяснить преобладание в восстановленной редакции Троицкой не Юрия, а Василька.

Другим источником был свод рязанский. . .

Занесение впервые в летопись рассказа о событиях 1237 г. именно в Рязани не обращало до сих пор на себя сколько-нибудь пристального внимания. В нем, однако, едва ли можно сомневаться: с Рязани начинают свой рассказ о нахождении Батя не только все пересмотренные сейчас своды Северо-Восточной Руси (Лаврентьевская, Троицкая, Полихрон 1423 г. Воскресенская, но и Новгородская I, и Волынская (Ипатьевская)). И нигде при этом не слышится более внятно, чем в рязанском эпизоде, голос непосредственного наблюдателя и даже участника изображенных событий. Приписать рассказ о Рязани в восстановленной редакции Троицкой, например, перу ростовского летописца нельзя еще и потому, что тот же самый рассказ, но уже в сочетании не с ростовским, а с новгородским продолжением, читается в Новгородской I. И ближайшее рассмотрение других общих с Троицкой рязанских известий в Новгородской I убеждает окончательно в принадлежности когда-то всех их вместе рязанской летописи.

Кроме совпадающего с Троицкой рязанского эпизода в начале статьи 1237 г., точь-в-точь такие же совпадения есть в двух других известиях Новгородской I, одно из которых — рязанское по событиям и лицам: рассказ под 1218 г. о рязанской усобице; другое должно быть признано рязанским по происхождению ввиду вхождения его в состав позднейшего цикла рязанских памятников: рассказ под 1224 г. о Калкской битве, с которым стоят, как известно, в нерасторжимой связи рязанские сказания о Николе Зарасском и Евпатии Коловрате. Внесение указанных рассказов (под 1218 и 1224 гг.) в Новгородскую I и в протограф Троицкой неотделимо, следовательно, от внесения туда же рязанского эпизода под 1237 г., ввиду, во-первых, ограниченности рязанских известий в обеих летописях вообще, особенно за первую половину XIII в., и ввиду, во-вторых, поразительной симметрии всех трех рязанских эпизодов в каждой из них. Тождественный в Новгородской I и в Троицкой—Симеоновской—Лаврентьевской рассказ под 1218 г. о рязанской усобице использован в Новгородской в качестве аналогии к новгородской смуте, а в Троицкой и сходных — в качестве аналогии к ростовско-суздальской усобице (Константина и Юрия Всеволодовичей); тождественный опять-таки (в начальной своей части) рассказ Новгородской I и Троицкой—Лаврентьевской — о битве на Калке — во второй своей половине (уцелевшей полностью лишь в Новгородской) сильно сокращен в Троицкой—Лаврентьевской и, подобно рассказу под 1218 г., подвергнут ростовской же доработке — о благополучном возвращении от Чернигова Василька: «... сохранен бысть богом и силою креста честного и молитвою отца своего Константина и стрья своего Юрья и вниде в свой Ростов»; точь-в-точь так же, наконец, в восстановленном рассказе Троицкой о Батыевой рати тождественный с Новгородской I вступительный рассказ о Рязани слит с ростовскими известиями опять о Васильке и его стрье Юрие, а в Новгородской он предваряет собой собственно новгородскую часть рассказа — об осаде Торжка. Замечательно, что других, столь же полных совпадений, как три указанные у Троицкой—Лаврентьевской с Новгородской отыскать больше нельзя; эти же три приходятся, кроме того, на более или менее совпадающие периоды летописания в Новгороде и летописания на Северо-Востоке.

В Новгороде это — период работы Тимофея-пономаря (между 1230 и 1262 гг.);¹⁴ на Северо-Востоке — это работа над тем из протографов Летописца 1305 г., который мог быть составлен в Ростове лишь при жизни Ярослава Всеволодовича, т. е. между 1239 и 1246 гг.¹⁵ Вывод из всего сказанного самоочевиден. Оба северных летописца — новгородец и ростовец — в 1239—1246 гг. уже располагали одним и тем же, самым ранним, летописным повествованием о Батые, входившим в состав рязанского летописного памятника, содержавшего, кроме того, рассказ об усобице 1218 г. и рассказ о Калкской битве; выдержки из этого рязанского памятника новгородец сблизил с новгородскими, а ростовец — с ростовскими известиями. Выдержки новгородца — более обширные, чем у ростовца, сохранили даже имя лица, по инициативе которого рязанский памятник мог возникнуть. С удивительным упорством рязанский источник Новгородской I акцентирует одно и то же имя рязанского князя, никак не замешанного в описываемых попутно событиях. Так, к перечню рязанских князей, съехавшихся в 1218 г. на снем в Исадах и перебитых созвавшим их Глебом Владимировичем, рассказ (не только в Новгородской, но и в Лаврентьевской—Симеоновской—Троицкой) присоединяет следующую оговорку: «Ингвар же не приспе приехати к ним: не бе бо приспело еще время его»; вся загадочная многозначительность оговорки, усугубляемая явной реминисценцией из главы второй Евангелия от Иоанна («...не су прииде час мой»), не разъясняется в рассказе никак. Тем красноречивей совершенно аналогичное упоминание того же имени в другом рязанском рассказе той же Новгородской под 1238 г. Погибший при взятии Рязани рязанский великий князь Юрий Игоревич назван тут не по отчеству, а «Гюрги, Ингваров брат», при полном опять умолчании о самом Ингваре, вообще не встречающемся больше в Новгородской I ни разу; необычно, кроме того, и самое наименование великого князя не по отцу, а по брату. Все это может объясняться только тем, что Ингвару действительно принадлежала крупная роль если не в описываемых событиях, то в самом их описании, т. е. что этот Ингвар был для рязанской летописи тем же, чем Святополк Изяславич для Несторовой или Владимир Мономах для Сильвестровской. Подтверждением служит эпизод позднейшей повести о приходе Батя на Рязань, где как раз Ингвару Игоревичу приписана роль восстановителя Рязанской земли после ее разгрома Батыем, чему вполне соответствовал бы и почин или возрождение местной летописи. Впрочем, вопрос об Ингваре наталкивается на ряд генеалогических затруднений, вызванных особой скудостью наших сведений о Рязани вообще¹⁶ и неизученностью рукописной традиции рязанских исторических повестей (о Николе Зарасском и Евпатии Коловрате) в частности. Об этих последних предстоит говорить особо. Пока же надо ограничиться выводом о появлении самой старшей летописной статьи про Батыеву рать в рязанском своде Ингвара в 30—40-х годах XIII в. Статья эта говорила не об одной только Рязани, а несомненно также — в особой версии — о взятии Владимира и об обороне гражданами Козельска. В Новгородской I под 1237 г., как и в статье под 1224 г., заимствование из рязанского источника простирается, видимо, дальше, чем у Ростовской. За счет такого более пространный заимствования относим в Новгородской I ту разницу сравнительно с ростовской обработкой рязанского источника, согласно которой в осажденном татарами Владимире оставлен Юрием только один сын, Всево-

¹⁴ Шахматов. Обзорение, с. 130, 131.

¹⁵ Приселков. Лаврентьевская летопись, с. 122—128.

¹⁶ А. Е. Пресняков. Образование Великорусского государства. Пгр., 1920 (ЛЗАК за 1917 год, вып. 13).

лод, вместо двух (Всеволода и Мстислава) в Воскресенской (Троицкой,) Софийской I, Новгородской IV, Лаврентьевской. Вот этот-то признак прямо и сближает новгородскую версию с особой версией из Волынской (Ипатьевской), где тоже в осажденном Владимире показан один только Всеволод, не убоившийся при этом «лести» Батыя, вышедший «из града» с дарами, зверски тем не менее зарезанный и, таким образом, погубивший своим малодушием не только себя, но и оставленный им на произвол судьбы город. Непосредственно следующий далее (в Ипатьевской) рассказ о стойком сопротивлении неподавшихся «словесам лестным» козлян, «яко ум крепкодушный имеют», в качестве несомненной антитезы предшествующему рассказу об обольщенном и перепуганном Всеволоде, мог возникнуть только в одном с ним своде, который и надо признать все тем же рязанским сводом Ингвара ввиду явно рязанского отпечатка на первом рассказе (о Всеволоде): осажденных владимирцев Батый спрашивает: «. . . где суть князи рязаньстии». След этого эпизода в Лаврентьевской можно видеть в той древнейшей из трех переходных фраз (со словом «ныне»), которая, очевидно, скрепила собой когда-то ростовскую часть рассказа с рязанской. Непосредственно перед ней действительно имеется аналогичный рязанскому эпизод о показе татарами пленного княжича двум его братьям. Под пером ростовца он занял, должно быть, место слишком уж беспощадного рассказа о чужом княжиче в своде рязанском.

Этот свод в целом имел одну разительную черту. Он был сплошной обвинительной речью патриота-народолюбца против прямых, как казалось ему, виновников бедствия: против русских князей. Именно прямой и очень резкой речью к обвиняемым отмечен каждый из сохранившихся эпизодов свода. «Что прия Каин от бога, убив Авеля, брата своего. . . , или ваш сродник, окаянный Святополк, избив братью свою?» — читаем, например, под 1218 г. Сказать о Святополке окаянном всем русским князьям в лицо — «ваш сродник» в XIII в. мог только человек в сильном гневе. Но то же самое видим и в повести о Калкской битве; она тоже оказывается своего рода политической инвективой: «. . . где въписахом о них (татарах, — *В. К.*) памяти ради русских князь и беды яже бысть от них им», — поясняет свои намерения автор повести, с большим мастерством обнаруживая затем в ней самой то «недоумение», т. е. неразумие, которое привело князей в 1224 г. к разгрому. Едва ли не из того же рязанского памятника еще одно, прямо уж лирическое обращение к русским князьям, читающееся в одних летописях (в Симеоновской) в виде послесловия к рязанскому известию 1270 г., а в других (в Новгородской IV) в виде такого же послесловия к событиям 1238 г.: «О возлюблении князи рустии! не прельщайтесь пустошною славою света сего, еже есть хуждыше паучины и яко стень мимо ходить; не принесосте бо на свет сей, ниже отнести можете. Да не обидите меньших сих сродник своих». ¹⁷ Такими призывами богато «Слово о полку Игореве», летопись же, вообще говоря, их не знает. В рязанском своде Ингвара лирический стиль таких обращений мог прямо восходить к песенно-дружинной традиции «Слова»: черниговщина, его родина, вмещала сравнительно долго и Рязань. Рязанцу Софонии принадлежала позже переделка «Слова» в Задонщину. Как бы то ни было, тем же лиризмом злободневного обличения отмечен и главный из сохранившихся эпизодов Ингваровой летописи — эпизод о взятии Батыем

¹⁷ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1. Пгр., 1915, с. 220; т. XVIII. СПб., 1913, с. 73. Ни в одном из сохранившихся приурочений нет повода для наставления не обижать «меньших сих сродник», что и дает право возводить всю тираду или к Ингварову своду в целом, как послесловие, или к какому-нибудь его несохранившемуся эпизоду.

Рязани. При этом вся сила обличения обрушивается тут на голову несчастного Юрия Всеволодовича Владимирского. Прямым виновником народного бедствия в рязанской летописи представлен был он. Отказ его рязанским князьям в помощи рязанский летописец сопроводил обычной своей репликой в гневном тоне библейских пророчеств: «Юрьи же сам не пойде, ни послуша князей рязанских мольбы, но сам хоте особо брань створити. Но уже бяше божию гневу не противитися, яко речено бысть древле Иисусу Наугину богом: огда веде я на землю обетованную, тогда рече: аз пошлю на ня преже вас недоумение, и грозу, и страх, и трепет. Тако же и преже сих отъя господь у нас силу, а недоумение, и грозу, и страх, и трепет вложи в нас за грехы наша». При дословном местами сходстве с обличением княжеского «недоумения» в повести о Калкской битве эта тирада отличается от той совершенно конкретным адресованием: «преже сих», т. е. до появления самих татар, путь им уготовлен был Юрием Всеволодовичем, — давними княжескими усобицами, воплотившимися в последнюю минуту перед нашествием в небратолюбную оболоченность этого князя. И что такое обличение владимирского великого князя было у рязанского летописца руководящей темой, подтверждается принадлежностью ему столь же осудительного изображения сына Юрия, Всеволода, по контрасту с «крепкодушием» собравшихся без князя на вече козлян. Приведенная тирада сохранилась не только в Новгородской I,¹⁸ но и в Воскресенской (Троицкой), в Софийской I и Новгородской IV; т. е., значит, читалась бесспорно и в Летописце 1305 г.

С пропуска этой тирады свой труд над текстом протографа мних Лаврентий и начал.

В Лаврентьевской весь рязанский эпизод, как сказано, сокращен, но при этом так, что ни переговоры рязанцев с Юрием Всеволодовичем, ни его отказ им в помощи даже не упомянуты; нет и вызванной всем этим грозной тирады. Нет, кроме того, упоминания о татарских послых к Юрию во Владимир; они тоже входят, как необходимая подробность, в рязанский эпизод в Новгородской I, Воскресенской (Троицкой), Софийской I и Новгородской IV: «И оттоле пустиша (рязанские князья, — *В. К.*) их (послов, — *В. К.*) к Юрию во Володимерь. . . , а из Володимеря пустиша их от Нухле в татары в Воронежъ». Эта подробность не могла, следовательно, не быть и в протографе Лаврентьевской; отбросив ее вместе со всем остальным во вступительном эпизоде о Рязани, Лаврентий учел ее, однако же, сам ниже: ею начинается та «похвала» Юрию, на которой заканчивается в Лаврентьевской весь рассказ о Батыевой рати и которой не было, как установлено, в Троицкой и в Летописце 1305 г. Вот это-то собственное послесловие к рассказу в целом Лаврентий и начинает с опущенной в начале детали протографа: «Бяхуть бо преже прислали послы свое зли ти кровопийци, рекуще: мирися с нами; он же (Юрий, — *В. К.*) того не хотяше, яко же пророк глаголетъ — брань славна луче есть мира студна». Деталь о татарских послых из осудительного для Юрия Всеволодовича контекста (в протографе) перенесена, таким образом, Лаврентием в свой собственный хвалебный контекст. Понятным только для современников полемизмом проникнута поэтому вся «похвала» в целом. У русских летописцев издавна было в обычае полемизировать с тем, что выпускалось из протографа при переписке. Вспомним полемику киевского летописца о месте крещения Владимира. Так же точно и в данном случае «похвала» Юрию мниха Лаврентия полемизирует с пропущенной при переписке протографа гневной инвективой рязанца. Обвинению там князя Юрия

¹⁸ В Новгородской I, кроме того, есть к рязанскому эпизоду столь же выразительное послесловие — несомненно современника событий, рязанца.

в небратолюбии «похвала» с первых же слов противопоставляет нечто прямо обратное: «. . .се бо чюдный князь Юрьи потчсая божья заповеди хранити. . ., поминая слово господне, еже рече: о семь познають вы вси человеци, яко мои ученици есте, аще любите друг друга». Что «похвала» Юрию вообще не некролог, написанный после его смерти тотчас, а литературный памятник с большой перспективой в прошлое, видно сразу же из ее литературных источников. Она вся как бы соткана из выборок в предшествующем тексте той же Лаврентьевской. Основой послужила читающаяся там под 1125 г. «похвала» Владимиру Мономаху.¹⁹

Похвала
Владимиру Мономаху

Преставися благоверный и великий князь русский Володимер, сын благоверна отца Всеволода, украшенный добрыми нравы.

Сей же чюдный князь Володимер потчсая божья хранити заповеди и божьи страх присно имея в сердце, поминая слово господне, еже рече: о семь познають вы вси человеци, яко мои ученици есте, аще любите друг друга; и: любите врагы ваша, и добро творите ненавидящим вас. Вся бо зломыслы его вда бог под руце его . . . и покоряше под нозе его вся врагы; он же, заповедь божью храня, добро творяше врагом своим, отпушаше я одарены.

Любопытно, что, дойдя в своих выписках до неприменимых к Юрию качеств Владимира, — победителем своих врагов Юрий не был, — Лаврентий прерывает выписку на слове «зломысл», но сейчас же возобновляет, пропустив только несколько строк.

Похвала
Владимиру Мономаху

Милостив же бяше паче меры, поминая слово господне, глаголющее: блажени милостивии, яко ти помиловани будут. . . темь и не щадяше имения своего, раздавая требующим, и церкви зижя и украшая.

Похвала Юрию

Бо Юрьи, сын благоверного отца Всеволода, украшен добрыми нравы.

Се бо чюдный князь Юрьи потчсая божья заповеди хранити и божий страх присно имея в сердце, поминая слово господне, еже рече: о семь познають вы вси человеци, яко мои ученици есте, аще любите друг друга; не токмо же друг друга, но и врагы ваша любите и добро творите ненавидящим вас; всяк зломысл его прежеменены безбожныи татары отпушаше одарены.

Похвала Юрию

Милостив же бяше паче меры, поминая слово господне: блажении [милостиви, яко ти помилованы будут; темь и не щадяше имения своего, раздавая требующим, и церкви зижя и украшая иконами безъценными и книгами, и грады многы постави, паче же Новгород второй постави на Волзе усть Оки, и церкы многы созда, и монастырь Святыя Богородица Новгороде.

Не менее чем пропуск выше любопытна приписка здесь: как и пропуск на слове «зломысл», эта приписка выдает в Лаврентии, кроме желания реабилитировать кн. Юрия, одновременно стремление не расходиться с фактами. К приписке Лаврентия мы еще вернемся.

¹⁹ Подобно тому как она же использована была в своде 1212 г. для «похвалы» Всеволоду Большое Гнездо. Ср. статью под указанным годом в Лаврентьевской и Переславской.

Похвала
Владимиру Мономаху

Похвала Юрию

... чтиша же излиха чернецьскый чин и поповскый, подавая им еже на потребу, и приимаа от них молитвы. . . Темь и бог вся прошенья его свершаша, и исполни лета его в доброденстве. И поселе в Кыеве на отни столе 13 лет.

... чтиша же излиха чернецьскый чин и поповскый, подая им еже на потребу, тем и бог прошенья его свершаша, исполни лета его в доброденствии. И поселе в Володимере на отни столе лет 20 и 4.

Но даже столь длинными выписками заимствования в «похвале» Юрию не ограничиваются: промежутки между кусками, взятыми из статьи 1125 г., заполнялись выборками из других мест. Из статьи 1186 г., о борьбе Всеволода с рязанскими князьями, явно продолжая полемику с рязанской оценкой Юрия, «похвала» заимствует библейскую сентенцию о войне и мире.

Статья 1186 г.

Похвала

Всеволод же не всхоте мира их, яко же пророк глаголет: брань славна луче есть мира студна, со лживым же миром живуще велику пакость землям творять.²⁰

Он же (Юрий, — В. К.) того не хоташа, яко же пророк глаголет: брань славна луче есть мира студна, си бо безбожники со лживым миром живуще велику пакость землям творять, еже и аде многа зла створиша.

Выборка, как и выше, сопровождается новой припиской: «. . . еже и зде многа зла створиша». Где именно «зде» — мы увидим ниже. Но проследим сперва выборки до конца.

Три последних выборки в «похвале» подсказаны статьями: о Владимирском пожаре 1185 г. и о убийении Андрея Боголюбского в 1175 г.

Статья 1185 г.

Похвала

Бог бо казнить рабы своя напастыи различными. . . , да явятся яко злато искушено в горниле; хрестьяном бо многыи напастыи внити в царство небесное; но нужници восхытають е.

Бог бо казнить напастыи различными, да явятся яко злато искушено в горниле, хрестьяном бо многыи напастыи внити в царство небесное; сам бо Христос-бог рече: нужно есть царство небесное, и нужници восхытають е.

Статья 1175 г.

Похвала

Мужеству тезоимените. . . , кровью омывся страдаья ти; аще бо не напасть, то не венець, аще ли не мука, то ни дарове; всякий бо, держася добродетели, не может без многих враг быти.

Георгие, мужество тезоимените! Кровью омывся страдаья ти; аще бо не напасть, то не венець, аще не мука, ни дарове; всякий бо, держася добродетели, не может без многих враг быти.

Статья 1185 г.

Похвала

Но не предажь нас до конца имени твоего ради святого, и не остави милости твоея от нас.

Но не предай же нас до конца имени твоего ради святого, и не остави милости твоея от нас.

Мозаичный подбор применимых к Юрию летописных данных о его предках: отце Всеволоде, дяде Андрее и прадеде Владимире Мономахе — в ответ при этом на опущенную в начале отрицательную его характеристику из переписывавшегося протографа, — литературный прием во всяком случае не современника. Задачу исторической реабилитации современник выполнил бы, конечно, иначе. Только у биографа из другой эпохи

²⁰ То же повторено в статье под следующим 1187 г.

могло оказаться в распоряжении так мало о реабилитируемом лице подлинных фактов. Из всей ведь «похвалы» только вставку о строительной деятельности Юрия можно признать конкретным признаком данного исторического лица, да и то слова: «. . грады многы постави» — имеют в виду не столько факты, сколько далеко отстоящую от них, по времени возникновения, легенду.²¹ А все остальное — просто перенесенные на Юрия отвлеченные признаки чужих книжных характеристик. И замечательно, что прием этот у Лаврентия «похвалой» не ограничивается; он распространяется и на весь предшествующий рассказ о самом нашествии. Кое-что, впрочем, в него внесли из той же летописи, еще до Лаврентия, предыдущие его редакторы. Так, приурочение к взятию Суздаля ряда подробностей из летописного рассказа о взятии Киева половцами в 1203 г. было сделано уже в Летописце 1305 г., так как это, судя по Воскресенской (и Софийской I), имело место и в Троицкой. Зато дальнейшие приурочения подобных же выборок к событиям 1237 г. есть все основания приписать самому Лаврентию. Дата приступа Батыя к Владимиру в Троицкой (=Воскресенской) и полихроне (Софийской I, Новгородской IV): «февраля 7» в Лаврентьевской уточнена: «. . на память св. мученика Феодора Стратилата»,²² — нарочно, как видно, для того, чтобы разъяснить далее, почему «в праздники нам наводит бог сетованье»; самое же разъяснение, читающееся только в Лаврентьевской (от слов: «И бысть плач велик» и до слов: «. . преложю праздники ваша в плач и песни ваша в рыданьи»), целиком перенесено сюда из статьи о половецком набеге 1093 г. Картина разорения Владимира, заканчивавшаяся в Троицкой (=Воскресенской) и полихроне (Софийской I) словами: «. . и чюдную икону самыя Богоматери одрана», в Лаврентьевской продолжена рядом лишних подробностей (от слов: «. . украшену златом, и серебром, и каменьем драгым»), среди которых опять видим выборки не только из статьи 1203 г. (о взятии половцами Киева), но и из статьи о половецком набеге 1093 г. (от слов: «И бе видети страх и трепет, яко на хрестьяньске роде страх, и колебанье, и беда упространися»), так что даже авторское там послесловие, заканчивавшее когда-то собой Начальный киевский свод («Се бо аз грешный и много и часто бога прогневаю и часто согрешаю по все дни»), целиком повторил и Лаврентий, с характерной лишь припиской: «Но ныне на предреченая въздем». Несколькo дальше со сходного выражения («. . но мы на предняя въздем») начинается тот отрывок («. . яко прииде весть»), который мы выше признали собственным вариантом Лаврентия к выпущенному им эпизоду протографа о посылке Юрием Дорожа. Весь отрывок опять пропитан подобными предыдущими заимствованиями. В основу положена летописная статья 1015 г. о кончине Бориса и Глеба; но есть заимствование и из статьи 1206 г.

Статья 1015 г.

В се же время пришла бе весть к Яро-
славу.

Се слышав, Глеб возопи вельми с сле-
зами, плачася по отци, паче же по брате.

Статья 1237 г.

Яко приде весть к великому князю
Юрюю.

Он же, се слышав, возопи гласомь
великым, со слезами, плача по право-
верней вере хрестьяньстей преже, и на-
паче о церкви, и епископа ради, и о лю-
дях, бяше бо милостив, нежели себе,
и жены, и детей.

²¹ См. об этом: В. Л. Комарович. Китежская легенда. Опыт изучения мест-
ных легенд. М.—Л., 1936, с. 107.

²² Руку Лаврентия в этом уточнении даты по святым выдает его общее послесло-
вие к летописи, где точно такие же уточнения из святцев имеют обе встретившиеся там
даты: 14 января и 20 марта.

На заимствованной основе строится, как видим, новый литературный образ: плач Глеба об отце и брате разрастается у Юрия в риторический плач о церкви, епископе и «о людях», жалеемых превыше себя и своей семьи. Самый плач заимствуется из рассказа о кончине жены Всеволода, матери Юрия.

Статья 1206 г.

Статья 1237 г.

Си же блаженная княгини... новый Иов явльшися верою и терпеньем... И Данил рече: «Свет мой годе ти буди».

... рек: «Господи! се ли бы годе твоему милосердью?». Новый Иов бысть терпеньем и верою яже к богу.

Но сейчас же опять дает о себе знать сходство с Глебом.

Статья 1015 г.

Статья 1237 г.

И нача молитися с слезами, глаголя: «Увы мне, господи! луче бы ми умерети с братомъ, нежели жити на свете семь; аще бо бых, брате мой, видел лице твое ангельское, умерл бых с тобою; ныне же что ради остах аз един?..» И сице ему молящюся с слезами, се внезапно придоша послании от Святополка на погубленье Глебу.

И нача молитися, глаголя: «Увы мне, господи! луче бы ми умерети, нежели жити на свете семь; ныне же что ради остах аз един?». И еще ему молящюся со слезами, и се внезапно поидоша татарове, он же отложив всю печаль.

Любопытно, как сквозь наносный слой этих произвольных заимствований в агиографическом стиле проступает уцелевший еще кое-где протограф: из него «поидоша» (вм. «придоша» в статье 1015 г.) в стиле воинской повести; ср. Воскресенскую: «И поидоша оттоле на великого князя Юрия»; из него же уцелевший отголосок эпизода о Дороже: «...отложив всю печаль» (ср. Воскресенскую и Софийскую I). Но агиографический шаблон выступает сейчас же снова: две заключительные молитвы Юрия — из тех же псалмов, что и предсмертные молитвы св. Бориса.

Дальнейшая переработка протографа под пером Лаврентия выразилась в переносе на скупое представленное там Юрия черт и признаков первоначально главного действующего лица, ростовского Василька. Так, выписав фразу протографа (Воскресенская, Софийская и Новгородская IV): «...и ту уьен бысть князь Юрьи, а Василька яша руками безбожнии, и поведоша в станы свое», — Лаврентий не сразу, однако, продолжает начатый уже рассказ о Васильке, но, прервав его, выписывает, во-первых, заканчивавшую его в протографе дату, приурочив ее, таким образом, не к Васильку (как было в протографе), а к Юрию;²³ и, во-вторых, возвращается снова к убитому уже Юрию; повторив еще раз: «И ту уьен бысть князь великий Юрьи», — Лаврентий сообщает о его погребении епископом Кириллом;²⁴ и только после этого возобновляется в Лаврентьевской общий с протографом (Софийская I, Новгородская IV, Воскресенская) рассказ о Васильке. Добавив в нем от себя вторую «похвалу» Васильку (о чем см. выше) с аналогичными предыдущими выборками из летописных характеристик Андрея Боголюбского и отца Василька — Константина (под 1175, 1206 и 1218 гг.),²⁵ Лаврентий умыш-

²³ Дату и здесь Лаврентий усложнил справкой из святцев: «На память святою мученику Павла и Ульяны», чего нет в Воскресенской, Софийской I и Новгородской IV.

²⁴ Что в протографе могло читаться лишь ниже, — ср. Софийскую I, Новгородскую IV, Воскресенскую.

²⁵ Ср. там о проводах Константина на княжение в Новгород: «Жалостные и радостные слезы испущающе, оставше такого утепенья» (до слов: «...паче же и на милостыню») — с дословными (кроме слов «и радостные») повторением этого отрывка в описании похорон Василька; или об Андрее: «Но кровью мученичскою омывая прегрешений своих с братома с Романом и с Давидом» — со следующим местом в похвале

ленно не передает, однако, слов протографа (Софийская I, Новгородская IV, Воскресенская) о погребении Василька: «Не бе же слышати пения в мнозе плаче»; их, как и дату, он приурочивает (ниже) к Юрию. А на месте этих отнятых у Василька слов — перед светской его «похвалой» — Лаврентий опять помещает нечто относящееся не к Васильку, а к Юрию: подробность о вложении в гроб головы Юрия, в протографе, верней всего, не читавшуюся вовсе.²⁶

Весь литературный труд мниха Лаврентия, в пределах статьи о Батыевой рати, сосредоточен, таким образом, на одном образе князя Юрия. Чтоб снять с него тень, наложенную предшествующим летописанием, мних Лаврентий проявил много изобретательности и старания. Едва ли так уж прост был отбор всего, что могло пригодиться, с отдельных страниц и строк 10 летописных статей (1015, 1093, 1125, 1175, 1185, 1186, 1187, 1203, 1206, 1218 гг.) о 6 разных лицах; свои черты передали Юрию, под пером Лаврентия, Борис и Глеб, Владимир Мономах и Андрей Боголюбский, Всеволод и его княгиня, наконец, даже Василько, убитый одновременно с Юрием. Сразу видно при этом, что цель, руководившая пером Лаврентия, неразрывно была связана с его званием «мниха»: полуфольклорному стилю воинских повестей, который присущ был рассказу в протографе, Лаврентий со всей решительностью противопоставляет отвлеченно-риторический стиль житий с молитвами, «плачами» и «похвалами». Не разговорная речь, а книга, не отзвук песни, а цитата характеризуют его вкус и приемы. Цитата из предшествующего текста памятника есть, между прочим, и в собственном послесловии Лаврентия ко всей летописи: «Радуется купецъ, прикуп створив, и кормчий, в отишье пристав, и странник, в отечество свое пришед; также радуется и книжный писатель, дошед конца книгам»; из трех уподоблений «писателя» одно во всяком случае Лаврентий тоже отыскал в переписывавшейся им летописи: под 1231 г. кто-то из его предшественников летописцев просит в молитве: «. . . да и аз. . . направляя, корабль словеси в тихо пристанище введу».

Время, когда труд Лаврентия был выполнен, известно (из того же послесловья) с точностью: между 14 января и 20 марта 6885 (1377) г. Дата эта для понимания возникшего тогда памятника, как увидим, многозначительна. Но предварительно не менее важно установить, где был выполнен труд Лаврентия. В том же все послесловии он сам называет благословившего его на труд епископа Дионисия «нашим епископом суждальским и новгородским и городецким». Естественно напрашивающийся отсюда вывод таков, что в одном из этих трех городов своего епископа должен был проживать и Лаврентий. Но в каком именно? Ответ подсказан выделенными выше приписками Лаврентия к цитатам из статьи 1125 г. в «похвале» князю Юрию. Первая из них — о «великой пакости землям» от злых кровопийц половцев и татар — гласит: «. . . еже и зде многа зла створиша». Намекая на что-то вполне конкретное и недавно лишь происшедшее «зде», т. е. там, где Лаврентий трудился, приписка эта, датируемая, как и вся рукопись, январем—мартом 1377 г., из трех названных городов позволяет сразу же выбрать Новгород (Нижний).

Ни Суздаль, ни Городец около 1377 г. татарским набегами не подвергались. Напротив, Нижний Новгород, незадолго до того, как труд Лаврен-

Васильку: «И Соломон глаголетъ: милостынями и верою очищаются греси. . . Сего бо блаженного князя Василька сприче бог смерти подобно Андреев, кровью мученичскою омывъся прегрешений своих с братом и отцем Георгием с великим князем».

²⁶ В Новгородской IV ее нет вообще; в Софийской и Воскресенской она читается не до, а после светской «похвалы» Васильку, попав, должно быть, сюда в порядке сверки протографа полхрона (или свода 1448 г.) с Лаврентьевской.

тия был окончен, подвергся ряду опустошительных с их стороны нападений. Жертвой одного из них даже чуть было не сделался сам епископ Дионисий.

31 марта 6683 (1375) г., т. е. меньше чем за два года до того, как Лаврентий вписал свое послесловие, в Нижнем Новгороде разыгралось вот что: захваченный незадолго перед тем в плен предводитель татарского посольства Сарайка с дружиною, узнав, что его и его дружину приказано «развести», т. е. рассадить по разным местам, «не восхоте того», — говорят сохранившие это известие летописи,²⁷ «но избежа на владычень двор и с своею дружиною, и зажже двор, и начя стреляти люди, и многи люди явзи стрелами, а иных смерти предасть, и восхоте еще и владыку застрелити и пусти на нь стрелу; и пришед, стрела коснуся перьем епископа токмо в край подола монашьи его. . . , но бог заступи епископа. . . Сами же татарове ту вси избieni быша, и ни един от них не избысть». Переполох на дворе нижегородского владыки, с пожаром, побоищем и стрельбой по нему самому, тем тверже мог запомниться людям, ему близким, а в их числе — и Лаврентию, что это еще только было начало; летом того же 1375 г., т. е. уже за полтора только года до составления Лаврентьевской, «приидоша татарове из Мамаевы орды» и опустошили всю южную окраину Нижегородского княжества, так называемое Запьянье: «. . . пограбиша, и пусто сътвориша, и люди посекоша, а иных в полон поведоша». Нечто подобное, как можно думать, произошло летом следующего 1376 г.,²⁸ чтоб повториться в грандиозных размерах и в 1377 г. (в августе), при походе на Нижний Новгород татарского царевича Арапши.

В затяжной полосе татарских «пакостей землям» был, как видим, около 1377 г., из трех городов епископа Дионисия только Нижний, в котором пострадал в это время даже сам Дионисий. К Нижнему, следовательно, только и может относиться в приписке Лаврентия слово «зде»; к Нижнему необходимо приурочить и самое составление Лаврентьевской.

Вторая из выделенных выше приписок этот вывод позволяет уточнить дальше.

Она, как показано, в дополнение к тому, что заимствовано из «похвалы» Владимиру Мономаху, вменяет в заслугу Юрию Всеволодовичу постройку городов и церквей, а в виде конкретных примеров указывает Нижний Новгород («. . . лаче же Новград второй постави на Волзе усть Оки»), а церковь — «монастырь Святыя Богородица Новегороде». Указанье на один только Нижний из упоминаемых тут же «градов многих» легко теперь объясняется пребыванием в этом именно городе самого Лаврентия. И только такое же объяснение возможно для указанного дальше монастыря. Не он один выстроен был Юрием Всеволодовичем; заново был им отстроен древний собор в Суздале;²⁹ и в Нижнем, кроме названного монастыря, был заложен Спасский собор,³⁰ тот самый, который играл там позже, в эпоху как раз Лаврентия, ту же приблизительно роль, что Софийский в Новгороде, Троицкий во Пскове или Успенский во Владимире; и Архангельский собор в Нижнем приписывался позже Юрию Всеволодовичу.³¹ Но вот ни одна из этих его бесспорно главных построек Лаврентием в «похвале» не упомянута, а упомянут только нижегородский Благовещенский монастырь. Для такого предпочтения поводом могла

²⁷ Симеоновская, Воскресенская, Рогожская, Ермолинская, Типографская, Никоновская и другие летописи.

²⁸ А. Е. Пресняков. Образование Великорусского государства, с. 274.

²⁹ Ср. Лаврентьевскую под 6730 (1222) г., Симеоновскую — под 6731 (1223) г.

³⁰ Ср. Лаврентьевскую под 6733 (1225) г., Симеоновскую — под 6734 (1226) г.

³¹ См.: Нижегородский летописец. Работа А. С. Гацкого. Н. Новгород, 1886, с. 1, 2.

быть только принадлежность к братии этого монастыря самого Лаврентия. Рассказ же о начале того монастыря, где составлялась летопись, хотя бы в краткой форме простого упоминания, был, как известно, у русских летописцев в обычае издавна.

О нижегородском Благовещенском мужском монастыре известно, что он действительно был основан Юрием Всеволодовичем, одновременно с Нижним, в 1221 г.,³² но, придя позже в упадок, был восстановлен заново как раз незадолго перед 1377 г. по инициативе посетившего Нижний митрополита Алексия, о чем сохранилось известие не только в Нижегородском летописце, но и в Степенной Книге;³³ совпав с расцветом только что обновленного Константином Васильевичем Суздальско-Нижегородского княжества, это восстановление древнейшего из монастырей новой столицы княжества³⁴ не обошлось без обычного в таких случаях в Древней Руси литературного начинания, — в монастыре стали вести летопись.

В сводах, отразивших наше областное летописание XIV—XV вв., в летописях Симеоновской, Ермолинской и Рогожской, Никоновской и др., есть ряд известий, которые несомненно заимствованы из какого-то одного, не дошедшего до нас полностью нижегородского свода второй половины XIV и начала XV в.³⁵ Одно из этих известий и указывает с несомненностью Благовещенский монастырь как место, где этот свод мог возникнуть. Сообщение об оползне в Нижнем Новгороде над Волгой отредактировано так, как только это мог сделать монах названного монастыря, отсчитав дистанцию при указании места оползня не от города, как следовало бы ожидать, а от этого самого Благовещенского монастыря («. . . упаде с горы высоки и велики, еже над Волгою, за святым Благовещением»), находившегося, однако, согласно тем же летописям, «вне града», и не на Волге, а на Оке.³⁶ На какую-то давнюю традицию если не собственной монастырской летописи, то летописных в нем интересов, указывает и опись принадлежавших Благовещенскому монастырю до 1791 г. книг. В ней показан какой-то «Летописец от создания мира до царства Константина Палеолога, последнего царя греческого», «на 417 листах, в кожаном переплете»; год не указан, но другие рукописи монастыря, — перечисленные в перечне А. Е. Викторова, — восходят к XVI и даже XV в.³⁷ Все, как видно, говорит за то, чтоб признать действительно нижегородский Благовещенский монастырь средоточием суздальско-нижегородского областного летописания той самой эпохи, когда жил и трудился один из его монахов, «писатель» названной его именем Лаврентьевской летописи. А так как прославление лица, построившего монастырь, где велась летопись, тоже было в обычае у русских летописцев издавна, объясняется отчасти и повышенное внимание Лаврентия к Юрию Всеволодовичу. Но объясняется, как сразу видно, только отчасти. Высоко-

³² В 1229 г. он уже был разорен мордвой, см. под этим годом Лаврентьевскую и Симеоновскую; см. также: П. Строев. Ключ к Истории государства Российского Н. М. Карамзина, ч. 2. М., 1836, с. 101.

³³ Нижегородский летописец, с. 13; ПСРЛ, т. XXI, ч. 2. СПб., 1913, с. 358. Ср.: Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода, составленные Н. Храмцовским, ч. II. Н. Новгород, 1859, с. 111—112.

³⁴ Игравшего в нем, должно быть, роль первого монастыря местной епископской кафедры, что видно из данной Саввы Сычева 1398 г.: «. . . дал есмь в дом св. Спаса (в Нижнем) и св. Благовещения архимандриту Малахею с братиею». См.: Сборник Муханова. М., 1836, с. 195.

³⁵ М. Д. Приселков. Летописание XIV века, с. 37—39.

³⁶ Ср. это известие в Симеоновской (под 6878 г.), Ермолинской (под 6877 г.) и Рогожской (под 6878 г.).

³⁷ См.: А. Е. Викторов. Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России. СПб., 1890, с. 318—319, 325.

парные похвалы князю-ктитору имели бы смысл с точки зрения узко монастырских интересов летописца-монаха только при жизни этого князя; как, скажем, при жизни Юрика Ростиславича, оградившего каменной стеной Выдубецкий монастырь в Киеве, ширококвещательной «похвалой» ему закончен был Выдубецкий летописный свод 1199 г. Не то в своде Лаврентия: восхваляемый им в 1377 г. князь-строитель принадлежал уже тогда далекому прошлому. А с другой стороны, и размах «похвалы» Юрию Всеволодовичу в Лаврентьевской слишком смел для доморощенной только инициативы простого «мниха»: князя Юрия, приравненного в рязанском своде окаянному Святополку, превратить в подобного св. Глебу христороубца и мученика; на неудачника, погубившего и свой княжеский «корень», и свое княжество, перенести впервые на Северо-Восток, задолго до аналогичных опытов над родоначальниками московских князей, династический отблеск имени Мономаха, — едва ли бы додумался и осмелился простой монах, без соответствующих указаний свыше. И что такие указания у Лаврентия в самом деле имелись, видно опять-таки из его послесловия, где он дважды, в торжественных выражениях, назвал своих прямых литературных заказчиков: кн. Дмитрия Константиновича и епископа Дионисия. Инициативе последнего и следует, конечно, приписать все смелое своеобразие проделанной Лаврентием самостоятельной летописной работы.

Дионисия принято считать крупным, но «загадочным» деятелем своей эпохи. Загадочен, однако, не он, а, во-первых, те события, в которые он был волей-неволей вовлечен, и, во-вторых, традиционная точка зрения на эти и подобные им события у той корпорации, к которой Дионисий принадлежал смолоду.

События касались взаимоотношений митрополита с великим князем, корпорация была — Киево-Печерский монастырь.

Типическим печерянином Дионисий оставался всю свою жизнь: начав с основания (около 1335 г.) на далеком северо-востоке, на Волге, в 4 верстах от новой столицы Константина Суздальского, нижегородских «Печёр» — монастыря, и уставом и обиходом подражавшего монастырю Феодосия и Антония, — Дионисий заканчивает свою нетихую, впрочем, жизнь именно там, откуда когда-то вышел, — в Киево-Печерском монастыре: «... и положен бысть, — по словам летописи, — в Киевской Печере великого Антония»,³⁸ — честь, которой и из печерян удостаивались не все. Это было восемь лет спустя после составления Лаврентьевской; а за три года до ее составления, в 1374 г., игуменство в нижегородских Печерах Дионисий сменяет на сан суздальского епископа, и уединенный аскет превращается на все последние 10 лет своей жизни в рясофорного дипломата с большим размахом очень азартной и временами удачной деятельности. На начальный период этой деятельности падает и составление Лаврентьевской.

Борьба за первенство Твери, Москвы и Нижнего Новгорода на каждом отдельном своем этапе зависела в то время, помимо соотношения их собственных сил, и от золотоордынских ханов и византийского патриархата: хан выдавал ярлык на великокняжеский стол, патриарх ставил на Русь митрополита. А роль митрополита и церкви вообще — мы уже знаем — в русской жизни возросла в ту эпоху до весьма значительных размеров. Золотоордынская политика в отношении церкви с самого начала руководилась принципом ее фискальной, административной и юридической экстерриториальности. Клир, монастыри и население их вотчин попадали поэтому в сугубо привилегированное положение. Каждая из удельно-кня-

³⁸ Рогожская и Симеоновская под 6893 (1385) г.

жеских областей стремилась, соревнуясь с остальными, монополизировать эту автономную по отношению к хану силу в свою лишь пользу. Для Москвы, как известно, омосковить митрополичью власть стало первоочередной, важнейшей задачей со времен уже Калиты, таким же его родителем заветом потомству, как и недробимость вотчинного надела старшего из сыновей или откуп в Орде «числа». И к 70-м годам XIV столетия уже многое в этом направлении было достигнуто: в Москву фактически переместилась из Киева (и Владимира) кафедра митрополита «всех Руси»; целых 20 лет эту кафедру занимал природный москвич, из рода бояр Плещеевых, митрополит Алексей; мало того, он и пастырские свои заботы почти уж не отличал от забот и целей московской политики, сам, в качестве регента, не раз осуществляя чисто политические узкомосковские цели средствами пастырского авторитета. Но все же это было только еще начало; и для того, чтобы решить задачу вполне решенной, — к середине XV в., при митрополите Ионе, — России предстояло пережить почти столетие, сплошь заполненное, кроме московских усилий в указанном направлении, также встречными и противоборствующими усилиями других земель и княжеств, по-своему стремившихся решить тот же вопрос о наибольшем благоприятствовании со стороны церкви. Усилия эти были столь же разнохарактерны, как и самые области; и, в частности, для области Суздальско-Нижегородской они осложнялись церковно-административной череполосницей, создавшейся в результате переселения русского митрополита из Киева во Владимир. Присутствие митрополита «всех Руси» во Владимире упраздняло в качестве самостоятельной церковно-административной ступени епископскую кафедру во Владимире, с которой были, однако, искони связаны не только Нижний Новгород и Городец, но и сам древний Суздаль, т. е. все три города Суздальско-Нижегородского княжества. Они становились митрополичьими, а тем самым, при намечавшейся все больше и больше московской ориентации митрополитов, непосредственно подверженным политической давлению Москвы. Политическое соперничество с Москвой без радикального изменения церковно-административной структуры княжества становилось для суздальско-нижегородских князей фактически невозможным. Выход им рисовался сперва в обоюдных с Москвой уступках. Дело в том, что в заботах о закреплении митрополичьей кафедры за «своим человеком» московские князья решили ставить на фактически упраздненную, но номинально существовавшую епископскую кафедру во Владимире наместников митрополита, по выбору митрополита и князей, с таким расчетом, чтобы наместник этот после смерти митрополита мог явиться удобным с московской точки зрения ему преемником. Но кандидатуру такого наместника, выдвинутую Москвой, мог отвести другой (и старший при этом) представитель княжеской власти в пределах бывшего владимирского епископата — князь суздальский. Вот в этой зависимости от суздальско-нижегородских князей — кандидатов на придуманную Москвой должность митрополичьих наместников и заключалась причина известной уступчивости Москвы в вопросе о суздальско-нижегородском епископате. Признать таковой существующим в составе всех трех городов княжества, хотя бы только на время, Москва всякий раз соглашалась при условии, что суздальско-нижегородские князья, в свою очередь, проявят уступчивость в вопросе о митрополичьем наместнике. Так были улажены оба спорных вопроса между Симеоном Ивановичем Московским и Константином Васильевичем Суздальским: Москва получила угодного ей наместника в лице будущего митрополита Алексия, Суздаль — независимую от владимирской кафедры свою собственную епископию с входящими в нее Нижним и Городцом. Таков смысл и результат того княжеского «снима» 1352 г., о котором

говорят летописи.³⁹ Последовавшее затем двадцатилетнее управление митрополией Алексия с новой остротой поставило перед суздальскими князьями вопрос об их одинаково непрочной теперь — церковной и политической — самостоятельности.

В целях московской политики митрополит Алексей не только налагал на Суздальско-Нижегородское княжество церковные интердикты, но однажды прямо даже упразднил там и кафедру, восстановив ее потом только в пределах Суздаля, без Нижнего и Городца. Так что, когда к концу его жизни, по усвоенному уж в Москве обычаю, встал опять вопрос о владимирском митрополичьем наместнике и его решение опять зависело не от одной Москвы, но и от Суздаля, суздальские князья — Дмитрий и Борис Константиновичи с сыновьями — сумели сделать вывод из опыта предыдущих 20 лет: опять уступив Москве в вопросе о наместничестве, они добились, однако, решительных уступок и со стороны Москвы в вопросе о суздальско-нижегородском епископате в объеме всех трех городов их княжества, с епископом по их несомненному выбору. В результате новый княжеский снем в Переяславле, приуроченный к крестинам одного из сыновей Дмитрия Ивановича Московского,⁴⁰ Москве дал в митрополичьи наместники княжеского любимца, коломенского попа Митяя, а Суздаль, вновь объединенный в одну епископию с Нижним и Городцом, получил в епископы друга и духовника своего княжеского дома, печерянина Дионисия. Это произошло за 4 года до составления Лаврентьевской, в 1373 г. И перечисленные выше обстоятельства не остались в ней неучтенными. Один уж перечень городов Дионисиевой епархии в послесловии Лаврентия: «. . . при епископе нашем христоролюбивом священном Дионисье Суждальском и Новгородском и Городьцком» — был, как видим, прямой декларацией об одержанной только что дипломатической победе. Ни у одного из предшественников Дионисия такого титула в летописях нет. Не менее красноречива, с точки зрения областных суздальско-нижегородских интересов рассматриваемой эпохи, еще одна касающаяся титула суздальских иерархов подробность. Под 6722 (1214) г., упоминающая о смерти епископа Иоанна, Лаврентьевская именует его просто: «епископ Суждальский», тогда как в Симеоновской (=Троицкой) читается: «Суздальский, Володимерский», что отражает, вероятно, и общий с Лаврентьевской протограф. Пропуск слова «Володимерский» тем легче приписать самому Лаврентию, что купюра эта прямо соответствует многолетним усилиям суздальско-нижегородских князей обособить друг от друга преемство своих епископов и ставший митрополичьим Владимир.

Переяславльский снем 1373 г. впервые, должно быть, москвичу Митяю противопоставил суздальца Дионисия; и, таким образом, уже самое выступление двух этих лиц на арену больших событий было выступлением антагонистов; вспыхнувшая позже личная их вражда лишь завершила отнюдь не личный по существу конфликт Москвы и Суздаля вокруг вопроса о национальной или вселенской в России церкви. Попа Митяя современник изобразил «новоуком в чернечестве», который на пострижение «акы нужею приведен бысть», но зато был «возрастом не мал, телом высок, плечист, рожает, браду имея плоску и велику и свершену, словеса речист, глас имея доброгласен износящ, грамоте горазд, пети горазд, чести горазд, книгами говорити горазд, всеми дела поповскими изящен и по всему нарочит бе. И того ради избран бысть изволением великого князя во отчество и в печатники, и бысть Митяй не токмо отец духовный князю великому и всем бояром старейшим, но и печатник, яко

³⁹ Новгородская IV под 6860 г.

⁴⁰ О нем см. Симеоновскую под 6882 г.

на себе носил печать князя великого. И пребысть в таком чину и в таком устроении многа леты». Духовником при своих князьях был также и Дионисий, но результат оказался прямо обратным: вместо обмирщенья духовника — уход от мирских дел самого князя; старший из сыновей Константина Суздальского, Андрей, сев после смерти отца, в 1355 г., по старшинству на великокняжеский стол в Нижнем Новгороде (Симеоновская — под 6863 г.), отказывается, однако, через 4 года в пользу брата Дмитрия и от отцовского великого княжества, и от предложенного ему в Орде великого княжества «всей Руси» (Рогожская — под 6867 г.), не будучи при этом удручен ни старостью, ни болезнью; напротив, подвергшись однажды в эти же годы внезапному нападению татар, он сумел, как говорит летопись, «построив крепость свою и не убоясь грозы их», пробиться «сквозе полки их татарския, биючися» с ними как настоящий былинный храбр (Рогожская — под 6869 г.). Отказ от старшинства и власти проистекал, очевидно, из издавна насаждавшегося печерянами умонастроения, виновником которого в данном случае можно признать Дионисия, хотя бы потому, что после смерти Андрея он постригает в монашество княгиню Андрееву, Василису, о чем летописи сохранили особый, в житийном тоне, рассказ (Симеоновская — под 6886 г.).

Иное, чем Митяй, впечатление производил и сам Дионисий. Появившись в 1379 г. в Константинопольском патриаршем синоде, где на русских склонны были еще смотреть как на варваров-«невегласов», Дионисий поразил греков тем, что сумел «святому сбору приложиться», т. е. вступить с собравшимися в беседу, и, беседуя «с теми духовно, иже о божественном писании», обнаружил вдруг неожиданные познания: «. . . знаем обое (и Ветхий завет, и Новый, — *В. К.*) показа яве», так что все, продолжает патриарх Нил, чем «божий и духовный знаменуется человек», в нем превзошло похвалы и ожидания.⁴¹

Конфликт с Митяем был неизбежен и, что особенно важно, начал назревать тотчас после 1373 г. Уже патриарху Макарию, занимавшему патриарший престол между 1376 и 1379 г., следовательно, как раз около 1377 г., Дионисий, как можно думать, жаловался на притеснения своей епископии со стороны митрополичьего наместника Митяя⁴² и получил приглашение явиться в Константинополь; таким образом, еще до собора, окончательно поссорившего двух соперников, их взаимные претензии были и сформированы, и как-то подкреплены. И то, во что вылились они потом на соборе, не могло заранее не наложить свой отпечаток на предпринятый Дионисием при первых сборах в Константинополь литературный труд.

Но поездка Дионисия в Константинополь, видимо, задержалась из-за ожидавшейся всеми смерти престарелого митрополита Алексия.

О событиях, последовавших за нею⁴³ и выразившихся в созыве русских епископов на собор в Москву для поставления Митяя помимо патриарха, узнаем из «Повести о Митяе», читающейся в двух разных редакциях в Симеоновской, Рогожской, Ермолинской, Воскресенской и Никонской. Но хоть и написанная очевидцем на основании бесспорных фактов, повесть эта выдержана в стиле реалистического памфлета, с некоторыми, однако, чертами литературной пародии. Происшедшее на Москве «диво», — самочинное превращение попа из бельцов, т. е. мирянина, в высшего иерарха церкви, — описывается не без горькой иронии как

⁴¹ РИБ, т. VI. СПб., 1880, с. 199—200.

⁴² См.: Пл. С о к о л о в. Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV века. Киев, 1913, с. 490. Выводы этого исследователя вообще положены в основу данного раздела.

⁴³ Митрополит Алексий скончался 12 февраля 1378 г.

чудесное совмещение обеих властей — мирской и духовной — сказочным царем-попом из «Сказания о Индийском царстве»: «. . . и ту быше видети диво полно, иже до обеда белець сый, а по обеде архимандрит, иже до обеда белець и мирянин, а по обеде мнихом начальник и старцем старейшина, и наставник, и учитель, и вожь, и пастух». ⁴⁴ Событиям в повести придан поэтому несколько более анекдотически случайный характер, чем это было в действительности. Сам Митяй будто «умыслил» посоветовать Димитрию Ивановичу: «. . . почтох книги номоканон, еже суть правила апостольскаа и отечьскаа, и обретох главизну сию, яко достоить епископов 5 или 6, спедшесе да поставят епископа, и ныне да повелит держава твоя с скоростию, елико во всей русстей епархии да ся снидут епископи да мя поставят епископа». В действительности же за этим Митяевым умыслом были и почтенная давность, и не менее почтенное будущее. Ссылка Митяя на номоканон в точности повторяла подобную же аргументацию сторонников избрания в митрополиты Клим Смолятича собором русских епископов за двести с лишним лет до Митяя, при Изяславе Мстиславиче Киевском, в 1147 г., при аналогичной к тому же политической ситуации: и тогда, как и теперь, великий князь остро нуждался в поддержке церковью своих чисто княжеских начинаний; почти одновременно, в том же XII в., другой великий князь, и уже не киевский, а владимирский, прямой предшественник Димитрия Ивановича, затевает то же самое на северо-востоке: проект Андрея Боголюбского и его любимца Федорца о создании отдельной от Киева северо-восточной митрополии с митрополитом из русских предвосхищал Митяеву затею даже в деталях. Если прибавить к этому в прошлом имена Ярослава и «русина» Илариона, а в будущем, для Юго-Западной Руси, Виленский собор 1415 г., поставивший по инициативе Витовта в киевские митрополиты Григория Цамблака, для Московской же — сходное поставление на соборе 1449 г. митрополита Ионы, то окажется, что Митяй ничего сам и не «умышлял», а просто в меру сил и возможностей трудился над осуществлением одной из важных задач складывавшегося вокруг Москвы государства: задачи создания национальной общерусской иерархии.

Но не менее традиционны и поведение Митяева противника. На соборе 1379 г. Дионисий опротестовывает избирательные права собора. «По повелению же князю собрашася епископи; ни един же от них дерзну рещи супротив Митяю, но токмо Дионисий, епископ суждальский, повозбрани князю великому, рек: „Не подобает тому тако быти“». Здесь уместно припомнить, откуда такой протест мог простекать. Как относились в Киево-Печерском монастыре, хотя бы *post factum*, к настолованию в Киеве «русина» Илариона, судить не можем, поскольку Повесть временных лет дошла до нас не в печерском изводе, а в выдубецком. Зато при следующей аналогичной попытке — Изяслава с Климом Смолятичем — точка зрения Печерского монастыря с полной ясностью была выражена новгородским епископом, печерянином Нифонтом. Речь Нифонта на соборе 1147 г., протестовавшего против избрания Клим (в Ипатьевской), почти с текстуальной близостью предвосхищала то, что «Повесть о Митяе» сообщает об аналогичном протесте Дионисия на соборе 1379 г. Печеряне не были партией «гречествующей» в собственном смысле: с митрополитами из греков у них бывали даже и ссоры; но, с другой стороны, им решительно была чужда и та уступчивость по отношению к собственному княжеским — сперва феодально-сословным, а потом и государственным — интересам, которая с полной очевидностью наметилась уже в первой четверти XII в. у выдуб-

⁴⁴ Ср. в «Сказании о Индийском царстве»: «. . . аз есмь до обеда папа, а по обеде есмь царь» (В. И с т р и н. Сказание об Индийском царстве. М., 1893, с. 71).

лян. Печерянин Нифонт с исторической неизбежностью и возглавил на соборе 1147 г. оппозицию церковным притязаниям великого князя. На соборе 1379 г. печерянин Дионисий только повторил Нифонта. И как там, так и тут, отпор великокняжеским притязаниям на общецерковном фронте — в вопросе о митрополите — прямо повлек за собой реформу, в духе такой же обороны церкви от князя, в областных пределах соответствующей епископской кафедры.

Роль в истории Новгорода церковно-административной независимости от митрополита епископов, ставших из простых епископов архиепископами, общеизвестна. Может также считаться доказанным, что независимость эта возникла в результате церковно-административной реформы Нифонта. Он первый из новгородских владык добился у Византии титула архиепископа и установил для своих преемников особый, независимый ни от князей, ни в конце концов от митрополитов, порядок избрания по жребию, что имело весьма важное значение для государственного устройства Новгородской земли.

Но вот что предпринимает после собора в Москве тотчас поехавший в Царьград Дионисий? Повторив свой иск, предъявлявшийся уже ранее патриарху Макарию, он доносит теперь и патриарху Нилу (поставленному в 1380 г.) «о двух городах — Новгороде (Нижнем) и Городце, что они, состоя в уделе суздальского князя, принадлежат к той же епархии и находятся вблизи его церкви, но что митрополиты русские беспокоят его (в обладании сими городами). Поэтому он просил на них грамоты у патриарха и получил таковую».⁴⁵ Грамота сохранилась.⁴⁶ Патриарх Нил в ней писал: «Немалая неправда будет, да аще сего (т. е. Дионисия) непочтена отпустим. . . Сего ради благодетельствует и подаеть. . . смирение наше церкви его зватися архиепископъею отныне, святые митрополья киевския и всея Руси. . . и град его, и церкви его возведохом и почтихом второй чин имети в всех епископях митрополья всея Руси». «И убо первая архиепископья, — продолжает Нил, — Великий Новгород, а вторая епископья — Суздаль: облачитись ему во стихарь со источники и во фелонь с четырьми кресты и с еуагеллы. Такову бо да имать честь и достояние архиепископ суздальский, иже одарован есть от нашего смирения второе место имети во всем»; «грабежникам» же и «хищникам», которые дерзнут «возложити руку» и «отторгнути» у новой архиепископии «от предела ее», патриарх угрожает анафемой и не без тревоги высказывает надежду «яко сия вся без мятежа возлюбудтся».⁴⁷ Сходство с новгородской церков

⁴⁵ См.: РИБ, т. VI, Приложения, с. 230.

⁴⁶ Там же, с. 199—204.

⁴⁷ В приподнятом тоне говорит о событии и летопись (Симеоновская — под 6890 г.): «Тое где зимы прииде из Царяграда на Русскую землю Дионисий, епископ Суздальский. . . а исправил себе архиепископью, и благослови его вселенский патриарх Нил, и великая соборная апостольская церковь, и весь священский вселенский собор, повеле ему зватися и быти архиепископом в Суздале и в Нижнем Новгороде и на Городце, и по нем пребыть сущим в тых делех такоже и иным епископом». Что касается опасений патриарха, что вспыхнет мятеж, то они несомненно имели под собой почву: как раз в разгар соборных споров Дионисий и Митяя в Москве на Кучковом поле «повелением князя великого» был казнен сын тысяцкого, Иван Васильев, как об этом узнаем, например, из Симеоновской под 6887 г. Казненный был в родстве с суздальскими князьями.

В. Л. Комарович дает глухую отсылку на работу В. С. Иконникова «Опыт русской историографии» (т. II). Найти сведения о родстве Ивана Васильевича Вельяминова с суздальско-нижегородскими князьями редакции не удалось. Из работ А. В. Экземплярского «Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период» следует, что дочь суздальско-нижегородского великого князя Дмитрия Константиновича была замужем за Николаем Васильевичем Вельяминовым, братом Ивана Васильевича (в 2. СПб., 1831, с. 281 и родословная таблица V). (Прим. ред.).

ной реформой Нифонта не только само бросается в глаза, но даже умышленно подчеркивается в самой грамоте, в трехкратном указании на «второе» после Новгорода место новой архиепископии. Сходство исторических ситуаций было, следовательно, использовано самим Дионисием в качестве аргумента при иске: то, в чем не было отказано Новгороду, могло иметь шансы на успех и для Суздаля с Нижним Новгородом. И что внесению этого аргумента в грамоту могла предшествовать документальная его проверка по летописям, видно как раз из Лаврентьевской. Та собственная интерполяция мниха Лаврентия в заимствованной из статьи 1125 г. «похвале» кн. Юрию, где говорится о постройках этого князя и называется в качестве главной из них постройка стольного города Константиновичей — Нижнего Новгорода, придает названию этого города совершенно необычный в летописях, но в точности тот же, что в грамоте Нила, эпитет «второй».⁴⁸ Устанавливаемый благодаря такому эпитету культурно-исторический параллелизм между «Новгородом Вторым» и Новгородом Великим ни из каких других фактов, кроме как из задуманного Дионисием переустройства своей епископии по новгородскому образцу, объяснен быть не может. Из этого же замысла Дионисия объясняется и весь труд Лаврентия над литературным портретом самого Юрия.

Право на выделение в автономную от митрополита архиепископию Византия признавала за областями и землями с известным историческим и культурным престижем, в том смысле, как этот престиж тогда понимался: прочности светской власти должна была соответствовать прочность и давность христианского культа, внешним подтверждением чему лучше всего могли служить, в глазах Византии, частные культы местных святых. В поисках такого престижа для своей Суздальско-Нижегородской земли, — перед попыткой превратить ее в архиепископию, — Дионисий и должен был обратить особое внимание на ктитора главных монастырей и храмов в этой земле, строителя одного из ее городов и первого из князей, владевших всеми тремя сразу. Недаром в приданных Лаврентием кн. Юрию чертах так много того, что могло импонировать как раз грекам: в качестве династа суздальско-нижегородских князей он был выставлен Дионисием как второй Мономах, родственник византийских василевсов; в своих политических неудачах он не только оправдан как мученик, вроде Бориса и Глеба, но и наделен одной специфической добродетелью, у тех отсутствовавшей: преданностью епископу больше, нежели жене и детям; а это не что иное, как заимствование из поучений патриарха Луки Хрисоверга Андрею Боголюбскому в той к нему грамоте (от 1160 г.), которой постоянно пользовались потом на Руси в качестве нормы княжеско-епископских отношений. Наконец, образу Юрия Лаврентием придан был агиографический отенок, с прямым даже упоминанием о его мощах; но в числе архиепископских привилегий, закрепленных за Дионисием грамотой патриарха Нила, было оговорено и особое право местной канонизации: «Еще же дарует боголюбивому архиепископу сему смирение наше, яко аще восхоцеть архиепископыи своей честные праздники сотворити. . . да не имать ни от кого же забавления, ни смущения».⁴⁹ Пользовались ли в XIV в. таким правом простые епископы, неизвестно; но архиепископ новгородский беспорно пользовался.⁵⁰ Если успел им воспользоваться

⁴⁸ «. . . иначе же Новгород второй постави на Волзе усть Оки»; ни в самой Лаврентьевской летописи, ни в параллельном к ней и дальнейшем тексте Симеоновской Нижней Новгород так не назван больше ни разу.

⁴⁹ РИБ, т. VI, с. 204.

⁵⁰ Е. Г о л у б и н с к и й. История русской церкви, т. II, вторая половина тома, вып. первый. М., 1917, с. 587.

и Дионисий, то, скорее всего, как раз в отношении Юрия Всеволодовича: при очень поздней общецерковной канонизации этого князя (в 1647 г.) празднование ему, приуроченное к «убиению», отнесено было, однако, не к 4 марта, как следовало бы в согласии с датой избранного события, а к 4 февраля, чему объяснение может быть только в издавна установленном в этот день местном праздновании, с приурочением, следовательно, не к «убиению», а например, к постройке города или храма, что и могло произойти при архиепископе Дионисии в Нижнем Новгороде.

Составление Лаврентьевской неразрывно, как видим, связано с учреждением на Руси по инициативе Дионисия второго архиепископства. И так как осуществлению проекта в 1382 г. несомненно предшествовал сравнительно очень долгий период его обдумывания и всесторонней подготовки, то и есть основания признать одним из актов этой подготовки составление Лаврентьевской. Если действительно предшественник патриарха Нила — патриарх Макарий, ведя с Дионисием переговоры между 1376 и 1379 гг., звал его уже тогда в Византию, то к сборам его туда как раз в указанный срок, в 1377 г., было, вероятно, приурочено изготовление летописца, который мог в переговорах с патриархом понадобиться как документ.

А так как поездка Дионисия состоялась не в тот момент, а два года спустя, когда спешно изготовленный список мог быть и перебелен, и дополнен, то наша Лаврентьевская и осталась дома. Чем, однако, кончился связанный с нею церковно-политический план этого смелого печерянина?

Роль Москвы могла быть неясна современникам лишь до 1380 г. Год Куликовской победы многое прояснил. Вернувшись из своей дипломатической поездки через два года после битвы, Дионисий должен был сразу же оценить то, что в его отсутствие произошло. Этим, очевидно, и объясняется явный перелом в его политической ориентации начиная с 1383 г.: он опять едет в Константинополь, но не по делам уже суздальской архиепископии, а «о управлении митрополии русская», и в сопровождении Федора, игумена Симоновского монастыря в Москве. На этот раз поставленный в митрополиты сам, Дионисий на обратном пути в Киеве попадает в плен к Владимиру Ольгердовичу и умирает в 1384 г. в «нятии», по словам летописи, т. е. в заключении, пережив только на год Дмитрия Константиновича Суздальского. Созданное им архиепископство заглохло само собой, по мере политического распада Суздальско-Нижегородского княжества. В тот же год, когда одного из сопротивлявшихся еще суздальских князей «отчичей» московские воеводы ловили по «татарским местам» и дебрям, в Суздале случайно найдены были замурованные в стене вывезенные некогда Дионисием в 1382 г. из Цареграда «страсти господни» — серебряный кивот с изображениями нескольких праздников и надписью, кое в чем напоминающей заключительную приписку Лаврентия. «Боже-ственные страсти, — говорится в надписи, — пренесены изо Царяграда смиренным архиепископом Дионисъем в святую архиепископью в Суздаль, в Новгород, в Городец. . . при святем патриарсе Ниле, при великом князи Дмитрии Константиновиче». Тот же, что у Лаврентия, перечень городов в титуле Дионисия, то же наименование князя Дмитрия Константиновича просто «великим», без указания на Суздальско-Нижегородское княжество. находку с торжеством как трофей перенесли в Москву.⁵¹ Сходная участь ожидала «Летописец» Лаврентия: тоже предназначенный по замыслу своих составителей оспаривать у Москвы ее первенство, он послужил, однако, едва ли не для укрепления собственной московской

⁵¹ См. Симеоновскую под 6909 г., о надписи см.: А. С. Орлов. Библиография русских надписей XI—XV вв. М.—Л., 1936, с. 81—82.

летописной традиции: по крайней мере москвичи быстро переняли, что в нем было нового в чисто литературном отношении. Подобно агиографической переработке статьи 1239 г. суздальцем Лаврентием, свои агиографические к ней дополнения, из Жития своего московского княжеского патрона — Александра Невского, делает и составитель Московского свода 1390 г. В виде своеобразного сборника собственных княжеских житий начинает тогда же строить свое летописание и Тверь. Смоленский летописец Авраамка подражает Лаврентию в послесловии. Наконец, Лаврентьевская вся целиком привлекается как источник составителями больших общерусской сводов Фотия и его продолжателей.

О т р е д а к ц и и

Публикуемое исследование погибшего во время блокады Ленинграда талантливого исследователя В. Л. Комаровича (1894—1942 гг.)¹ представляет собой извлечение из его неизданной монографии «Русское областное летописание XI—XV вв. и связанные с ним памятники письменности и фольклора».² Мы публикуем здесь последнюю (восьмую) главу монографии, имеющую в рукописи заголовок: «Сузд.-Нижег. своды арх. Дионисия и Китежская легенда» (хотя в сохранившемся тексте о Китежской легенде не упоминается). Краткие выдержки из этой работы использовались в качестве одного из разделов академической «Истории русской литературы»,³ однако выдержки эти носили обзорный характер и лишь в небольшой степени сопровождались текстологической аргументацией.

Печатая здесь исследование В. Л. Комаровича о происхождении рассказа Лаврентьевской летописи 1237—1239 гг. в более полном виде, мы должны отметить, что, к сожалению, текстологическое построение исследователя вызывает серьезные возражения.

Построение В. Л. Комаровича основывалось прежде всего на установленном в науке положении: дошедшая до нас в рукописи 1377 г. Лаврентьевская летопись представляет собой летописный свод, доведенный до 1305 г.; тот же летописный свод 1305 г. лежал в основе Троицкой летописи начала XV в. (свода 1409 г.). Сравнение текста Троицкой летописи с текстом Лаврентьевской обнаруживало, по мнению В. Л. Комаровича, что часть рассказа Лаврентьевской за 1237—1239 гг. в Троицкой отсутствовала. Отсюда и вытекал вполне закономерный вывод исследователя: этих разделов рассказа не было и в своде 1305 г., они вставлены в летопись Лаврентием в 1377 г.

Но Троицкая летопись, как известно, не дошла до нас — она погибла в 1812 г. Восстанавливая текст рассказа, В. Л. Комарович основывался не на Симеоновской летописи, передававшей на большом протяжении текст Троицкой, а на Воскресенской летописи XVI в. Объясняется это тем, что Симеоновская летопись именно в известиях 1235—1237 и 1239—1249 гг. опиралась (как это было установлено еще А. А. Шахматовым) не на текст Троицкой, а на более позднее летописание. Что же касается Воскресенской летописи, то она в значительной степени отражала Московский свод конца XV в., а этот последний использовал в качестве одного из источников свод 1409 г. (Троицкую летопись).

Однако Троицкая летопись была лишь вспомогательным источником Московского свода конца XV в.; основным его источником был более поздний свод 1448 г. (Софийская I и Новгородская IV летописи). Подробно разобрав рассказ 1237—1239 гг. в своде 1448 г., А. Н. Насонов показал, что этот рассказ представляет собой сложное соединение рассказов трех источников — Лаврентьевской, NI и Ипатьевской летописей с добавлением моралистических рассуждений сводчика.⁴ Такое построение рассказа о кашевице Батия было очень характерно для свода 1448 г., — ряд других летописных повестей в нем также строился как своеобразный «монтаж» из тех же трех источников — Лаврентьевской (Троицкой), NI и южной (близкой к Ипатьевской) летописей.⁵ Что касается рассказа Московского свода и Воскресенской летописи, то они почти полностью передавали сложный рассказ свода 1448 г., ограничиваясь лишь незначительными

¹ См. о нем: Т. А. Крюкова. Хронологический список трудов Василия Леонидовича Комаровича. — ТОДРЛ, т. XVI. М.—Л., 1960, с. 583—588.

² Архив ИРЛИ, р. I, оп. 12, № 388.

³ См.: История русской литературы, т. II. Литература 1220-х—1580-х гг. Часть первая. М.—Л., 1945, гл. «Лаврентьевская летопись», с. 88—96.

⁴ А. Н. Насонов. История русского летописания XI—начала XVIII в. М., 1969, с. 180—187.

⁵ Ср.: Я. С. Лурье. Общерусский свод-протограф Софийской I и Новгородской IV летописи. — ТОДРЛ, т. XXVIII. Л., 1974, с. 114—139.

изменениями и исключением слишком длинных библейских цитат. Такого рода редактур, статьи, тоже весьма характерна для Московского свода в целом.⁶

Зависимость Воскресенской летописи (Московского свода) от свода 1448 г. была отмечена и В. Д. Комаровичем, но он считал, что Московский свод заимствовал из свода 1448 г. лишь вторую часть рассказа о Батыевом нашествии, после слов «Князь великий Юрьи посла Дорожа в просоки» (см. выше, с. 33), а первую часть взял из Троицкой. Однако обосновывается этот вывод тем, что годовая дата 6746 (1238) читается в Воскресенской летописи дважды: и в начале рассказа о нашествии, и в середине (перед словами «Князь великий Юрьи посла Дорожа»). «Следование тут двум источникам не подлежит . . . сомнению», — заключал Комарович. Но явно ошибочное удвоение даты 6746 г. свойственно только Воскресенской летописи; обратившись к Московскому своду конца XV в. (и по Уваровскому, и по Эрмитажному спискам), мы обнаруживаем, что в начале рассказа о Батые никакой даты нет (рассказ идет, как и в других летописях, под поставленным выше 6745 г.); дата 6746 г. помещена здесь, как и в большинстве летописей, лишь перед словами «Князь великий Юрьи». Самый же рассказ о начале татарского нашествия, так же как рассказ 6746 г., совпадает в Московском своде (и в Воскресенской летописи) с рассказом свода 1448 г. и отражает те же, упомянутые выше, источники. Известия, которых не было в Лаврентьевской и которые В. Л. Комарович возводил к Троицкой, восходят здесь к НИЛ: из нее заимствованы подробности взятия Рязани, упоминание об убийстве «княгини и мужей» владимирских, о пострижении князей перед окончательным падением Владимира, упоминание о гибели князей в «палате» (в СИЛ и Московском своде ошибочное «в полатах») и т. д. (см. выше, с. 33—34).

Пытаясь восстановить рассказ о Батые в Троицкой по поздному и сложному рассказу Воскресенской летописи, В. Л. Комарович не использовал рассказа Симеоновской, связь которой с Троицкой летописью несомненна. А между тем, если рассказ за 6745 г. взят в Симеоновской из более позднего источника — Московского свода конца XV в. (того самого, кстати, по которому В. Л. Комарович пытался восстановить Троицкую!), то известия 6746 и 6747 гг. не сходны с известиями Московского свода и могут быть с полным основанием возведены к основному источнику Симеоновской — Троицкой летописи (лишь после этих известий, под вторичной датой 6747 г., здесь следует новое заимствование из Московского свода). И именно среди этих известий читается текст, который В. Л. Комарович считал отсутствовавшим в Троицкой (и, следовательно, в своде 1305 г.) дополнением, внесенным Лаврентием, — похвала («некролог») князю Юрию Всеволодовичу. В. Л. Комарович отметил это обстоятельство, но высказал предположение, что Симеоновская заимствовала «этот отрывок, вернее всего, из той же Лаврентьевской». Но для такого предположения нет оснований: никаких признаков непосредственного обращения Симеоновской летописи к Лаврентьевской (помимо Троицкой) неизвестно; в Московском же своде, по которому Симеоновская дополняла Троицкую, «похвалы» Юрию как раз нет.

Какой же рассказ о событиях 1237—1239 гг. читался в Троицкой летописи? Реконструкция М. Д. Приселкова и новые материалы, которыми мы теперь располагаем, позволяют утверждать, что текст ее за эти годы, как и в большей части, совпадал с Лаврентьевской летописью (восходя к своду 1305 г.). Н. М. Карамзин не причислял Троицкую к «современным» нашествию источникам, поскольку она относилась к XV в. и была моложе НИЛ, Ипатьевской и Лаврентьевской, но он использовал ее и в одном случае прямо засвидетельствовал ее идентичность «Пушкинской» (Лаврентьевской). Это засвидетельство (т. III, прим. 363) было известно В. Л. Комаровичу, но он отводил его, ссылаясь на «невозможную у Карамзина неточность» (с. 33). Но у нас нет оснований сомневаться в точности этого показания Карамзина, ибо, как установил М. Д. Приселков, и ряд других цитат Н. М. Карамзина о событиях 1237—1239 гг., расходясь по индивидуальным чтением с Лаврентьевской, может быть возведен только к Троицкой.⁷ Наконец, идентичность рассказа 1237—1239 гг. в Троицкой и Лаврентьевской доказывается недавно найденным и опубликованным памятником — Владимирским летописцем, восходящим (с добавлением единичных известий) к Троицкой летописи; а между тем текст рассказа 1237—1239 гг. совпадает в нем, при небольших сокращениях, с рассказом Лаврентьевской.⁸

Итак, исходная текстологическая посылка В. Л. Комаровича — о различиях в рассказе о татарском нашествии в Троицкой (и своде 1305 г.) и Лаврентьевской летописях и, следовательно, о роли Лаврентия в творческой переработке этого рассказа —

⁶ Ср. А. Н. Насонов. История. . ., с. 293—295.

⁷ М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.—Л., 1950, с. 314, прим. 2 и 3, с. 315, прим. 4, с. 316, прим. 2, с. 317, прим. 2, с. 318, прим. 1, с. 321, прим. 1.

⁸ ПСРЛ, т. XXX. М., 1965. Ср.: Я. С. Лурье. Лаврентьевская летопись — свод начала XIV в. — ТОДРЛ, т. XXIX. Л., 1974, с. 50—68.

представляется сомнительной. Однако это обстоятельство не обесценивает публикуемой работы: целый ряд отдельных наблюдений В. Л. Комаровича представляется весьма интересным и должен быть введен в науку. Так, убедительно и важно предположение исследователя о рязанском происхождении (и принадлежности очевидцу) начальной части рассказа Лаврентьевской о Батыевом нашествии (более полно сохранившейся в НЛ и связанных с нею летописях), о «политической инвективе» против князей, восходящей к рязанскому летописанию, о «мозаичном» характере «похвалы» Юрию, составленной из «общих мест», взятых из других летописных рассказов, и т. д. Интересны и данные об истории Суздальско-Нижегородского княжества (хотя эти данные и не могут быть, на наш взгляд, связаны с «творческой работой» Лаврентия в 1377 г.). Все эти достоинства и побуждают нас опубликовать исследование В. Л. Комаровича.

Ю. К. БЕГУНОВ

Житие Александра Невского в сборнике из собрания Н. П. Лихачева

Житие Александра Невского первой редакции, возникшее в 80-е годы XIII в. в Рождественском монастыре во Владимире, первоначально переписывалось и переделывалось только во Владимиро-Суздальской земле, где князь Александр Ярославич почитался как местный святой.¹ Позднее, в XV в., оно получило распространение и в других русских землях. В то время повествование о герое Невской и Ледовой битв, неукрашенное и немногословное, не могло удовлетворить читателей, будь то в Великом Новгороде или Пскове, в Москве или Торжке. Подъем национального самосознания после Куликовской битвы коснулся и народных воспоминаний о славном прошлом, обусловленных настоящим. Открытие во Владимире мощей князя Александра московским митрополитом Киприаном в 1381 г., очевидно, находится в связи с политическими задачами поднимающегося Московского княжества и с оживлением народной памяти о своих героях. Повышенный интерес в Великом Новгороде в XV в. к переписке и литературной обработке Жития Александра Невского также связан с подъемом общерусской и местной культуры. Известно не менее двух видов второй редакции и третья редакция Жития, созданные в то время в Новгороде.² «Сказание о князе Александре» впервые читается в составе Новгородско-Софийского свода 1448 г.³ Здесь летописные известия 1240—1243, 1246, 1251, 1262 гг. старшего Новгородского свода были контаминированы с текстом владими́ро-суздальского Жития первой редакции. Так возникла вторая редакция Жития Александра Невского. Ее архетипный текст до наших дней не сохранился. Свод 1448 г. послужил основным источником для СГЛ (списки Карам-

¹ Ю. К. Бегунов. Памятник русской литературы XIII в. «Слово о погибели Русской земли». М.—Л., 1965, с. 61 и сл.

² См.: В. Мансикка. Житие Александра Невского. (Разбор редакций и тексты). — ПДШ, т. CLXXX. СПб., 1913, с. 59—74; С. К. Шамбинаго. Сказание о Мамаевом побоище. — СОЛЯС, т. LXXXI, № 7. СПб., 1906, с. 64—66; Ю. К. Бегунов. 1) Житие Александра Невского в составе Новгородской 1-й и Софийской 1-й летописей. — В кн.: Новгородский исторический сборник, вып. 9. 1959, с. 229—238; 2) Die Vita des Fürsten Aleksandr Nevskij in der Novgoroder Literatur des 15. Jahrhunderts. — Zeitschrift für Slawistik, Berlin, Bd. XVI, 1971, H. 1, S. 88—109. С. К. Шамбинаго неосновательно считал Академический список Жития Александра Невского первой редакции, изданный В. Мансиккой, ближайшим к тексту Жития Александра Невского СГЛ и датировал вторую редакцию концом XIV в.

³ А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, с. 151—160 (далее: Шахматов. Обзорение); Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, с. 447—449. Ср.: Я. С. Лурье. К проблеме свода 1448 года. — ТОДРЛ, т. XXIV. Л., 1969, с. 142—146.

зинский и Оболенского) и дополнительным для НИЛ младшего извода; Комиссионный список сверялся по своду 1448 г.⁴ Сохранившиеся в них «Сказания о князе Александре» мы называем первым (НИЛ) и вторым (СИЛ) видами второй редакции Жития Александра Невского.

В дальнейшем благодаря своду 1448 г. вторая редакция Жития, с некоторыми изменениями текста, стала широко известна русскому летописанию XV—XVI вв.⁵ Комиссионный список НИЛ, переписанный в конце 40-х годов XV в., хотя и не содержит всех эпизодов первой редакции Жития, имеет немало старших, недефектных, лишенных поздних амплификаций чтений свода 1448 г. СИЛ первой редакции полнее, чем НИЛ младшего извода, сохранила текст своего источника — свода 1448 г.: в ней читаются заимствованные из первой редакции Жития рассказы о возвращении князя Александра в Новгород после Невской победы, о строительстве немцами крепости Копорья в «отечествеи Александрове» и разрушении этого града новгородцами, об освобождении Пскова от немецкого господства, о походе князя Александра на Литву, о второй поездке князя Александра в Орду, о походе князя Ярослава Ярославича на Юрьев. Дополненное новыми предисловием и фактами, снабженное подзаголовками, историческое повествование «О велицѣмъ князѣ Александре» выглядит полным, несмотря на дублировку некоторых известий (князь Александр умирает дважды, под 1251 и 1263 гг., два раза сообщается о походе на Литву в 1247 г.) и несмотря даже на то, что изложение перебивается другими летописными статьями и произведениями (Житием Михаила Черниговского, например). В НИВЛ, созданной в 50-е годы XV в. и основывающейся на том же своде 1448 г., «Сказание» было значительно сокращено и отредактировано, в текст рассказа о Невской битве также добавлено имя предводителя шведов — «Бергель».⁶

Безотносительно к тому, где был составлен свод 1448 г., — в Москве или в Новгороде, все повествование об Александре Невском в упомянутых выше летописях тесно связано с новгородской историей и литературой. С ними связан и текст Жития Александра Невского в сборнике из собрания Н. П. Лихачева.⁷ Он находится на лл. 152—161 об., в середине большого, насчитывающего 247 листов, сборника,⁸ написанного одним полууставным почерком конца XV—начала XVI в.,⁹ форматом

⁴ Шахматов. Обзорение, с. 164. Ср.: Я. С. Л у р ь е. К проблеме свода 1448 года, с. 146, прим. 2.

⁵ Ju. K. B i e g u n o w. Utwory literackie o Aleksandrze Newskim w składzie latopisów ruskich. — Slavia orientalis, Warszawa, rocz. 18, 1969, № 3, s. 293—309.

⁶ Изд. текста см.: ПСРЛ, т. IV, изд. 1-е. СПб., 1848, с. 35—37; 2-е изд. Л., 1925, с. 223—228. Ср.: Шахматов. Обзорение, с. 211—212, прим. 1; Ju. K. B i e g u n o w. Utwory literackie o Aleksandrze Newskim. . . , s. 307; Я. С. Л у р ь е. Общерусский свод — протограф Софийской I и Новгородской IV летописей. — ТОДРЛ, т. XXVIII. Л., 1973, с. 117—118.

⁷ Ркп. ЛОИИ, собр. Н. П. Лихачева (ф. 238), № 71. Изд. текста см.: В. М а н с и к к а. Житие Александра Невского, Приложение, с. 126—137.

⁸ Листы 215-й и 216-й — бумаги XVIII в.

⁹ Н. П. Лихачев считал филигранью этого сборника четырехлистник или розетку, подобный знаку в рукописях 1487—1494 гг. (см.: Н. П. Л и х а ч е в. Лицевое житие святых благоверных князей русских Бориса и Глеба. По рукописи конца XV столетия. СПб., 1907 (Изд. ОЛДП, т. СХХIV), с. 25). Однако внимательное изучение этого плохо видимого на краю листа знака позволяет уточнить, что мы здесь имеем дело не с одной розеткой, а с розеткой на маленькой линии, начинающейся от трилистника короны; на л. 12 усматривается нижняя часть гладкого кувшинчика с одной ручкой, характерного для бумаги конца XV в. (см., например: Лихачев, Вод. зн., №№ 1171 и 1172). Если окажется, что корона с розеткой является верхней частью этого кувшинчика, то следует допустить, что это — филигрань бумаги XVI в. (см., например: Лихачев, Вод. зн., № 3836, из французской рукописи 1491 г.; ср. также №№ 1679, 1680, 1717, 1718, 2950 из русских рукописей 40-х годов XVI в., имеющих сходный кувшинчик,

в 4-ку (19×13 см). Сборник одет в дощатый, покрытый кожей переплет, реставрированный в 1965 г., с одной медной застежкой; края рукописи выкрашены в позднее время густой киноварной краской. На л. 123 об. читается следующая приписка: «7180-го (т. е. 1671) сентября в 27 день продал сию книгу Приказу Большаго Дворца подъячей Мишка Шишков зачисто подписал своею рукою».

Содержание сборника было подробно описано Н. П. Лихачевым.¹⁰

Лл. 1—130 об. Житие Иоанна Богослова, написанное Прохором. Под 8 мая. Начало: «Бысть по вшествии господа нашего Исус Христа». Имеется 108 иллюстраций.

Лл. 104—116 об. Служба Борису и Глебу. Под 24 мая. Начало: «Аще хочеть настоятель».

Лл. 117—151 об. Житие Бориса и Глеба. Под 24 мая. Начало: «Род праведных благословится». Имеется 32 иллюстрации, изданные Н. П. Лихачевым в 1907 г.

Лл. 152—161 об. Житие Александра Невского. Под 14 ноября. Начало: «О велицемъ князѣ нашем».

Лл. 162—246 об. Книга избранных словес из божественных писаний. Содержит: «Слово о Епифании Кипрском», слова Иоанна Иерусалимского, отца Афанасия, Евагрия Мниха, Патрикия Прусского, Емелиана Мниха, Козмы Пресвитера, Полута, Иоанна Колова, Анастасия Синаита, Геннадия Константинопольского, «мучения» Евсигния и Анфиногена, вопросы и ответы о молитве и «трезвении» ума.

Н. П. Лихачев первый сообщил о Житии Александра Невского в этой рукописи как о «весьма редком списке первоначальной редакции Жития».¹¹ В. Мансикка узнал об этом открытии в то время, когда его большая, посвященная этому произведению монография находилась в печати. Исследователь, однако, успел включить в книгу краткий разбор новонайденного текста с указанием его источников — протографа СИЛ, третьей (второй, по терминологии В. Мансикки) и первой редакций Жития, а также издать самый текст Лихачевского списка.¹² Н. И. Серебрянский возражал В. Мансикке, считая «пользование первым источником (т. е. СИЛ, — Ю. Б.) ничем не доказанным»; он отмечал, что в руках древнерусского писца был список первой редакции Жития, по составу одинаковый с Лаврентьевским и Румянцевским списками, а по тексту тождественный Псковско-Печерскому. «По содержанию, — продолжает Н. И. Серебрянский, — эта компилятивная редакция (Лихачевского списка, — Ю. Б.) представляет собою старательно, но неискусно сделанную сводку текста обеих редакций — летописной и особой. Содержание этих источников пополнено по местам выписками из НИЛ, а также личными догадками редактора. Из особого жития (третьей редакции Жития Александра Невского, — Ю. Б.) редактор берет первые. . . пять строк и, не заботясь о какой-либо связи, переходит затем к переписке предисловия летописного жития: «О господѣ божѣ нашем. . .», и т. д. К предисловию особого жития (третьей редакции, — Ю. Б.) он возвращается несколько ниже. В остальных случаях редактор или просто вставляет в текст летописного (первой редакции, — Ю. Б.) жития целые отделы из особого жития, или же пытается объединить тексты обеих редакций, дать свободное чтение. . . Судя по

но только несколько большего размера). Прав был Н. П. Лихачев, когда он осторожно замечал: «Таким образом, наиболее вероятным временем написания является конец XV столетия и в крайнем случае — первые годы XVI века» (Н. П. Л и х а ч е в. Лицевое житие. . . , с. 25).

¹⁰ Н. П. Л и х а ч е в. Лицевое житие. . . , с. 18—25.

¹¹ Там же, с. 20.

¹² В. М а н с и к к а. Житие Александра Невского, Приложение, с. 125—137.

тому, что автор не всегда понимал старинный текст своих источников, появление Лихачевской редакции едва ли можно относить раньше чем к XV в. Ею именно и воспользовался в конце того же века редактор СІЛ. Он сократил свой источник в части, восходящей к тексту летописного жития, устранил почти все ненужные варианты к этому тексту — дополнительные сообщения редактора Лихачевского жития. Из текста особого жития в Софийской летописи находим только параллель святого с его отцом — Ярославом и предисловие. Последнее приводится в той же усеченной форме, в какой помещено оно и в списке Лихачева, и точно так же здесь нет никакого перехода к следующему за этим предисловию из жития летописного. Ясно, таким образом, что и параллель, и предисловие выписаны софийским редактором не из особого жития, а из его переделки — редакции Лихачевской.¹³

С Н. И. Серебрянским согласился В. Л. Комарович, использовавший его аргументы в пользу своей гипотезы существования «светской биографии князя Александра».¹⁴ Аргументация Н. И. Серебрянского нуждается в уточнении. Прежде всего не ясно, какой из двух текстов является первичным, т. е. происходит ли Житие Александра Невского СІЛ из Лихачевского текста или, напротив, последний — из СІЛ. В предыдущих работах мы уже высказывали свои соображения на этот счет в общей форме.¹⁵ Соотношение двух текстов может быть выражено графически в виде ниже следующей табл. 1.

Текст Лихачевского списка мы считаем третьим видом второй редакции Жития Александра Невского. Возможно, что это был уникальный, т. е. единственный, список данного вида текста, поэтому употребляемые здесь понятия «Лихачевский список» и «Лихачевский текст» совпадают. Вероятнее всего, протограф СІЛ первой редакции был источником Лихачевского текста, а не наоборот. В пользу этого свидетельствует большая близость повествования об Александре Невском СІЛ к НІЛ младшего извода, восходящего к тому же самому источнику, т. е. своду 1448 г., особенно в тех случаях, когда Лихачевский текст отстает от НІЛ. Последовательность эпизодов №№ 20—25 (табл. 1) в СІЛ соответствует летописной хронологии, в то время как в Лихачевском тексте эта хронология оказывается нарушенной: последовательность эпизодов здесь — №№ 25, 21, 23, 20. Кроме того, рассказ «о Ярославль смерти», отсутствующий в НІЛ, НІВЛ, Симеоновской летописи и имеющийся в СІЛ, в Лихачевском тексте, носит явные следы вторичной правки (табл. 2); к тому же Лихачевский текст испытал влияние третьей редакции Жития, составленной ранее почти на столетия, в середине XV в.¹⁶

Итак, если допустить, что именно Лихачевский текст был источником СІЛ, тогда искажения в летописном по происхождению тексте Жития

¹³ Н. И. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. (Обзор редакций и тексты). М., 1915, с. 196—197. Буквенные обозначения списков первой редакции Жития Александра Невского здесь и далее даются по книге: Ю. К. Бегунов. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.—Л., 1965, с. 16—17.

¹⁴ В. Л. Комарович. 1) Повесть об Александре Невском. — В кн.: История русской литературы, т. II, ч. 1. М.—Л., 1946, с. 50—58; 2) Областное летописание XI—XV вв. — Архив ИРЛИ, р. I, оп. 12, № 388. Наши контраргументы по поводу гипотезы Комаровича о «светской биографии» князя Александра Невского см.: Ю. К. Бегунов. Памятник русской литературы XIII века. . . , с. 66—71; 2) Die Vita des Fürsten Aleksandr Nevskij. . . , S. 92, u. s. w.

¹⁵ Ю. К. Бегунов. 1) Памятник русской литературы XIII века. . . , с. 29; 2) Die Vita des Fürsten Aleksandr Nevskij. . . , S. 90.

¹⁶ Третья редакция Жития Александра Невского создана в Новгороде в середине XV в., ее источниками были жития первой редакции и второго вида второй редакции (см.: Ю. К. Бегунов. Die Vita des Fürsten Aleksandr Nevskij. . .).

Т а б л и ц а 1

№ п. п.	Названия эпизодов	Софийская I летопись	Лихачевский список
1	О велицѣм князѣ	ЖЗ *	ЖЗ
2	О господѣ бозѣ	Ж1	Ж1
3	Сей бѣ князь	Ж1	Ж1
4	Невское	Ж1, Л	Ж1, Л
5	О Пельгусии Ижерининѣ	Ж1	Ж1
6	О 6 мужъ храбрыхъ	Ж1, Л	Ж1, Л
7	Того же лѣта взяша нѣмци	Л	Нет
8	В то же лѣто по възвращении с побѣды	Л, Ж1	Ж1, ЖЗ
9	А великий князь Александр Ярославичъ	Л	Нет
10	В лѣто 6749	Л, Ж1	Л, Ж1, ЖЗ
11	По побѣдѣ же	Л, Ж1	Л, Ж1, ЖЗ
12	Ледовое	Л, Ж1	Л, Ж1
13	Того же лѣта прислаша	Л	Нет
14	В то же время умножися	Ж1	Ж1
15	Того же лѣта великий князь Ярославъ	Л	Нет
16	В лѣто 6751	Л	Нет
17	В лѣто 6752	Л	Нет
18	В лѣто 6753	Л	Нет
19	Житие Михаила Черниговского	ЖМ	Нет
20	О Ярославлѣ смерти	Л	Л, ЖЗ
21	Въ то же время нѣкто царь	Ж1	Ж1
22	В лѣто 6755—6759	Л	Нет
23	По пленении же Неврюевѣ	Ж1	Ж1
24	Нѣкогда же прислаша	Ж1	Ж1
25	В лѣто 6763... поход на емь	ЖЗ	ЖЗ
26	Поход на Юрьев 1262 г.	Л, Ж1	Л, Ж1
27	Отъезд из Орды	Ж1	ЖЗ
28	Преставление	Ж1	Л, Ж1

* Л — летописные тексты, не зависящие от Жития Александра Невского; Ж1 — текст из Жития Александра Невского первой редакции; ЖЗ — текст из Жития Александра Невского третьей редакции; ЖМ — Житие Михаила Черниговского.

Александра Невского должно будет принять за первоначальные, а правильные чтения НИЛ—СИЛ — за вторичные, не говоря уже о том, что следует тогда предположить существование протографа Лихачевского списка ранее середины XV в. и считать первичным текст третьей редакции Жития не только по отношению к Лихачевскому тексту, но и к СИЛ.

Продолжим сравнение наших текстов на примере двух рассказов: о походе 1240 г. на Новгород и о походе 1262 г. на Юрьев (табл. 3).

По табл. 3 наглядно видна близость текстов второго и третьего видов второй редакции. Оба содержат значительные амплификации: 1) в помыслении и похвальбе короля; 2) в рассказе о сборах в поход; добавлены: 3) поучение о защите бога, сообщение, что «свеи» идут к Ладогге. Заметна и вторичность третьего вида по отношению ко второму: испорчено «Посаду» вм. «Поиду»; написано «свѣщася съ князьми и съ епископы» вм. «местири, и бискупи свои, и свѣя» (последнее слово не было понято переписчиком Лихачевского списка), пропущено местоимение «ми» после глагола «противитися».

По табл. 4 особенно заметна близость текстов второго и третьего видов второй редакции Жития: оба они испытали влияние текста второго вида первой редакции, оба основываются на старшем летописном тексте НИЛ под 1262 г., изменяя его, оба зависят от текста первой редакции Жития,

Рассказ «О Ярославѣ смерти»

Третья редакция	Третий вид второй редакции (Лихачевский текст)	Второй вид второй редакции (СЛГ)
<p>Якоже по первом велицемъ взятыи татарстемъ отецъ его великий князь Ярославъ обновивъ землю Суздальскую, и церкви оцистивъ от трущия, и кости сохранивъ, многи пришедца утѣшивъ и множество людей собирая в домы своя. Поганымъ силу дѣющимъ надъ христианы, того ради великий князь Ярославъ самъ себе не пощади, предасть бо ся самъ за люди своя в великую и темную и пагубную землю и, много пострадавъ за землю отчины своя, обаженъ бысть Феодоромъ Яроновцемъ, и многи дни пострадавъ, и тако с миромъ духъ предасть. Такоже и сынъ Александръ не остави пути отца своего, за тыя же много пленения приятъ, ходя ко иноплеменникомъ, в велице чести будя, себе не пощади, яко все богатство свое раздая, все имѣние иноплеменникомъ, но и отрасли сердца своего не пощади за христианы во иноплеменники отдасть, избавляя от бѣды, и напасти и от плѣна.¹⁷</p>	<p>Якоже бо по первомъ величѣмъ взятыи тотарстемъ отецъ его великий князь Ярославъ и обновивъ землю Суждальскую, и церкви оцистивъ от трущия, и кости сохранивъ, многи пришедца утѣшивъ и множество людей събра. Поганымъ силу дѣющимъ на крестьяны, того ради великий князь Ярославъ самъ себе не пощади, предасть бо ся самъ за люди своя в великую, и темную, и пагубную землю и, много пострадавъ за землю отчины своя, обаженъ бысть Феодоромъ Яроновичемъ и многи дни претерпѣвъ, и тако с миромъ духъ свой предасть. Также и сынъ его Александръ не остави пути отца своего за люди своя, за тыя же много пленения приятъ ходя ко иноплеменникомъ в велицей чести будя, себе не пощади, яко все богатство свое раздая иноплеменникомъ, но и отрасли сердца своего не пощади за крестьяны во иноплеменники отдасть, избавляя от бѣды и напасти и отъ плена.¹⁸</p>	<p>В лѣто 6754. Якоже по первомъ взятыи Батыевъ велики князь Ярославъ Всеволодичъ обнови землю Суждальску, церкви оцистивъ от трущия мертвыхъ и кости ихъ съхранивъ, многи пришедцы утѣшивъ и множество людей собра. Поганымъ же силу дѣющимъ надъ крестьяны, того ради самъ себе не пощади и иде въ Орду, въ великую пагубную землю Татарскую. И много пострада за землю вотчины своя. Обаженъ бо бысть Феодоромъ Яроновичемъ царю. И многи дни претерпѣвъ, и тоеже осени мѣсяца сентября въ 30 день претависа великий князь Ярославъ Всеволодичъ в Орду нужною смертию. Якоже святое писание глаголетъ: «Да кто положитъ душу свою за други своя», — сий же великий князь положи душу свою за вся люди земли Русския. И причте его господь к избранному своему стаду, занеже быше милостивъ всякому. Требующимъ же невъбранно даяше. Слава богу нашему. Аминь. Такоже и сынъ его, велики князь Александръ, не остави пути отца своего, посылая царю въ Орду за люди своя, яже пленени быша отъ безбожныхъ татаръ. И много злата и сребра издая на плѣнникѣхъ, искупая отъ безбожныхъ татаръ, избавляя ихъ от бѣды и напасти.¹⁹</p>

точнее — от второго его вида, где читался рассказ о походе князя Ярослава Ярославича на Юрьев.²⁰

¹⁷ Ju. K. Begunov. Die Vita des Fürsten Aleksandr Nevskij..., S. 108.

¹⁸ В. Мансикка. Житие Александра Невского, Приложение, с. 134—135. Разрядкой отмечен текст, зависящий от СЛГ, но подвергшийся правке; курсивом — текст, зависящий от третьей редакции.

¹⁹ ПСРЛ, т. V, изд. 2-е, вып. 1, Л., 1925, с. 235—236.

²⁰ Ю. К. Бегунов. Памятник русской литературы XIII века..., с. 17—18; Тексты, с. 177. Примеров, показывающих зависимость третьего вида второй редакции от второго вида второй редакции Жития, можно было бы привести гораздо больше. См., например: Ju. K. Begunov. Die Vita des Fürsten Aleksandr Nevskij..., S. 96—97.

Рассказ о походе 1240 г.

Третий вид второй редакции (Лихачевский список)	Второй вид второй редакции (СГЛ)	Первый вид второй редакции (НЛ)	Первая редакция
<p>Се же слышавъ король части Римьския отъ полунощныя страны таковое мужьства князя Александра, и помысли въ себе побѣдити Александра и¹ руками яти, и Великий Новгород поплѣнити, и люди словеньския къ собѣ въ работу створити: «По саду и плѣню землю Александрову». И събра силу велику, свѣщася съ князьми и съ епискупы своими, и Мурманъ, и Сумъ, и Ёмь. И наполни корабля многи зѣло плѣковъ своих, и подвижеса въ силѣ велицѣ, пыхая духомъ ратнымъ. И приде в рѣку Неву, и сташа усть Ижжеры, шатаяся безумемъ своимъ, хотяще въсприяти Ладогу, просто же рку, и Новгородъ, и всю область Новгородскую. Но еще преблагий и премилостивъ человеклоубецъ бог ублюде ны и защити ны отъ иноплеменникъ, яко всуе трудшася безъ божия повелѣнья. Приде бо вѣсть тогда, яко свѣи идуть к Ладозѣ. А в то врѣмя присла король послы, загордѣвся, ко княю Александру в Новгородъ, аркучи тако: «Аще можеша проти-</p>	<p>Се же слышавъ король части Римьския отъ полунощныя страны таковое мужество великаго князя Александра Ярославича, и помысли въ себѣ побѣдити его или руками яти, и великий Новгородъ поплѣнити, и вся грады ихъ, и люди словѣньския къ себе в работу створити: «Пойду и пленю всю землю великаго князя Александра Ярославича». И събра силу велику: местиря, и бискупы свои, и Свѣя, и Мурманъ, и Сумъ, и Ёмь. И наполни корабля многи зѣло полковъ своихъ, и подвижеса въ силѣ велицѣ, пыхая духомъ ратнымъ. И приде в рѣку Неву и сташа усть Жеры, шатаяся безумемъ своимъ, хотя въсприяти Ладогу, просто же рку, и Новгородъ, и всю область Новгородскую. Но еще преблагий и премилостивый человеклоубецъ богъ ублюде ны и защити отъ иноплеменникъ, яко всуе трудшася безъ божия повелѣнья. И приде бо вѣсть тогда, яко свѣи идуть к Ладозѣ.</p>	<p>Се же слышавъ король части Римьския от полунощныя страны таковое мужество князя Александра, и помысли в себѣ: «И пойду, рече, плѣню землю Александрову». И събра вои множество, силу велику зѣло, Свѣя с княземъ и с пискупы своими, и Мурманъ, и Сумъ, и Ёмь. И тако наполни корабля многи полковъ своих, и подвижеса в силѣ велицѣ, пыхая духомъ ратнымъ. И приде в рѣку Неву и ста усть Ижеры, шатаяся безумемъ своимъ, хотяще въсприяти Ладогу, также и Новгород, и всю область Новгородскую. И пакы посла послове с великою гордостию къ князю Александру Ярославичю в великий Новгород, арка тако: «Аще можеша противися мнѣ, королевѣ, то се уже есмь здѣ и плѣню землю твою».²¹</p>	<p>Сеи же слышавъ король части Римьския от полунощныя страны таковое мужество князя Александра, и помысли в себѣ: «Пойду и плѣню землю Александрову». И събра силу велику, и наполни корабля многи полковъ своих, подвижеса в силѣ тяжцѣ, пыхая духомъ ратным. И приде в Неву, шатаяся загордѣвся, в Новгородъ, къ князю Александру, глаголя: «Аще можеша противися мнѣ, то се есмь уже аде, плѣняя землю твою».²²</p>

Третий вид второй редакции (Лихачевский список)	Второй вид второй редакции (СІЛ)	Первый вид второй редакции (НІЛ)	Первая редакция
витися, то се есмѧ уже здѣ и плѣнню землю твою». ²³	А в то время присла король послы, загородѣвса, к великому князю Александру Ярославичю в Новгородъ, арка так: «Аще можеши противися ми, то се есмѧ здѣ уже и пленю землю твою». ²⁴		

Таблица 4

Рассказ о походе 1262 г.

Третий вид второй редакции (Лихачевский список)	Второй вид второй редакции (СІЛ)	Первый вид второй редакции (НІЛ)	Второй вид первой редакции	Первый вид первой редакции
А брата своего молоджьшаго Ярослава и сына своего Дмитрея съ навъгородци послана Западныя страны и вси полки своя с нима, съ сыновцем своимъ и съ зятемъ Александровымъ Костянтиномъ и съ княземъ полоцкимъ Товтивиломъ, а съ нимъ полочанъ и литвы 500, а новгородскаго полку бещисла. И ста подъ градомъ под Юрьевымъ, а градъ бѣше твердъ въ 3 стѣны, и множество людей въ немъ всякихъ, и бязу пристроимъ собѣ брань на градѣ крепку, но	А брата своего молодшаго князя Ярослава и сына своего князя Дмитрия с новгородци на Западныя страны посла и всѣ полки своя с нимъ. И поиде князь Ярослав и князь Дмитрей Александровичъ со княземъ съ Костянтиномъ, съ зятемъ Александровымъ, и со княземъ съ полотъскимъ с Товтивиломъ, а съ нимъ полочанъ и литвы 500, а княжихъ полков и новгородцевъ безчисленное множество, и приидоша къ городу къ нѣмецкому Юриеву, и сташа	Того же лѣта въ осеннѣ, идоша новгородци съ княземъ своимъ съ Дмитриемъ съ Александровичемъ великимъ полкомъ под Юрьевъ и бѣше тогда и Костянтинъ князь, зять Александровъ, и брат Александровъ Ярославъ с своими мужи, и полоческий князь Товтивиль, а с нимъ полочанъ и литвы 500, а новгородчкого полку бещисла, толко богъ вѣсть.	А брата своего молоджьшаго Ярослава и сына своего Дмитрея с новгородци послана Западныя страны и по вси полки своя с нима. Поиде Ярослав с сыновьчим своимъ в силе велице, и плениша градъ великий Юрьев Немецский, и въвратиса восвоися со мно-	А сына своего Дмитрия посла на Западныя страны, и вся полъкы своя посла с ним, и ближних своих домочадец, рекши к ним: «Служите сынови моему, акы самому мне, всемъ животом своимъ! Поиде князь Дмитрій в силе велице, и плени землю Немецкую, и взя град Юрьев, и возвратися к Новуго-

²¹ В. Манси́кка. Житие Александра Невского, Приложение, с. 127—128. Тексты, отсутствующие в НІЛ и первой редакции Жития, отмечаются разрядкой.

²² ПСРЛ, т. V, изд. 2-е, вып. 1, с. 222.

²³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. и с предисловием А. Н. Насонова. М., 1950, с. 291.

²⁴ Ю. К. Бегунов. Памятник русской литературы XIII века. . . , с. 162.

Таблица 4 (продолжение)

Третий вид второй редакции (Лихачевский список)	Второй вид второй редакции (СІІ)	Первый вид второй редакции (НІІ)	Второй вид первой редакции	Первый вид первой редакции
<p>честнаго креста сила всегда низлагает неправду дѣющихъ; тако и сий град: ни во что же твердость та бысть, но помощю божиею единымъ приступлениемъ взять бысть градъ великий Юрьевъ Немецкій, и люди многи града того овы побиша, а другия изымаша живы, а иныи огнемъ пожжены, и жены, и дѣти ихъ. И приидоша въ свояси съ многымъ товаромъ и съ полономъ и съ великою честью.²⁵</p>	<p>подъ градомъ. Бѣ бо велми крѣпокъ о три стѣны каменные, и множество людей въ немъ всякихъ бяху пристроили велику брань на городѣ, но честнаго креста сила всегда низлагаетъ неправду дѣющихъ: такоже и си градъ, ни во что же бысть крѣпость его, но помощю божиею единымъ приступлениемъ взять бысть великий градъ Юриевъ Нѣмецкій, и люди многи града того, овы избиха, а иныи изымаша живыхъ, и иныи огнемъ пожжены быша. И приидоша въ землю свою вси здрави, со множествомъ полона и с честью великою.²⁶</p>	<p>И бяше градъ твердь Гюргевъ, въ 3 стѣны, и множество люди в немъ всяких, и бяше пристроилъ собѣ брань на градѣ крѣпку; нѣ честнаго креста сила и святѣи Софѣи всегда низлагаетъ неправду имѣющихъ: тако и сий град, ни во что же твердость его бысть, нѣ помощю божиею единымъ приступлениемъ взять бысть, и люди многи града того, овы побиша, а другия изымаша живы, а иныи огнемъ пожжены, и жены, и дѣти их, и взяша товара бесчисла и полона, а мужа добра застрѣлиша с города, и Петра убиша Мясниковица. И прииде князь Дмитрии всъ здравъ въ Великий Новъград со всеми новгородци и съ многымъ товаром.²⁷</p>	<p>гымъ полономъ и с великою честью.²⁸</p>	<p>роду с многымъ полономъ и с великою корыстию.²⁹</p>

²⁵ В. Мансикка. Житие Александра Невского, Приложение, с. 136.

²⁶ ПСРЛ, т. V. СПб., 1851, с. 190. Разрядкой отмечены тексты, совпадающие со вторым видом первой редакции; курсивом — тексты летописного происхождения, совпадающие только у второго и третьего видов второй редакции.

²⁷ Новгородская летопись старшего и младшего изводов... с. 311—312.

²⁸ Ю. К. Бегунов. Памятник русской литературы XIII века... с. 17—18.

²⁹ Там же.

Тексты заключительного рассказа о смерти князя Александра в СІЛ и Лихачевском списке не совпадают: в СІЛ он помещен под 1251 г. (как и в НІЛ младшего извода) и с заглавием: «Того же лѣта преставление великаго князя Александра». Его основу составляет не зависящее от Жития летописное известие НІЛ старшего извода: «Иже потрудися за Новгородъ и за всю Русскую землю».³⁰ Тексты СІЛ и НІЛ здесь идентичны: они зависят от гипархетипа списков *ПЛ* второго вида первой редакции Жития Александра Невского.³¹

В Лихачевском списке этот рассказ под заглавием «О кончине Александровѣ» помещен на своем месте, в самом конце повествования, под 1263 г., и обнаруживает зависимость не только от гипархетипа *ПЛ*, но и от текста самого старшего вида первой редакции Жития (гипархетипа списков *ПсБРУ*), например в словах митрополита Кирилла: «Уже бо не обрящется таковой князь въ земли Суздальской»,³² в сообщении о том, что эконоом Севастьян и митрополит Кирилл вместе подошли к раке, чтобы вложить в ладонь умершего духовную грамоту.³³ В гипархетипе *ПЛ* упомянутые выше слова митрополита Кирилла также отсутствуют; к раке святого подходит один лишь эконоом митрополита Кирилла Севастьян, для того чтобы разжать согнутые в кулак пальцы покойного. Все эти факты могут говорить либо о том, что писец Лихачевского списка пользовался непосредственно чтениями протографа НІЛ—СІЛ, т. е. свода 1448 г., где текст был точнее, исправнее, либо о том, что в его распоряжении был отдельный список Жития первой редакции, соединявший чтения гипархетипа *ПЛ* с чтениями гипархетипа *ПсБРУ*. Не исключена и третья возможность: писец Лихачевского списка имел перед глазами оба текста, да еще пользовался и третьим текстом, а именно третьей редакцией Жития, из которой заимствовал эпитет к «кандилам» — «богодуховенные» и сравнение «яко граду колѣбаться». Не мог ли, в таком случае, писец более полно использовать текст третьей редакции Жития, восполнив недостающее «по догадке»? Однако внимательное рассмотрение текстов убеждает нас в том, что к третьей редакции Жития обращались не как к основному источнику. В последней ничего не говорилось о посмертном чуде с духовной грамотой, поэтому писец Лихачевского списка должен был непременно обращаться к другому источнику как к основному, т. е., по всей вероятности, к протографу НІЛ—СІЛ, и к дополнительному источнику — первой редакции Жития Александра Невского.

Книжники Софійского владычного двора в середине XV в., вероятно, имели в своем распоряжении такой список первой редакции Жития, который содержал текст второго ее вида, очень близкий к гипархетипу псковских по происхождению списков *П* и *Л*, но свободный от некоторых его дефектных чтений.³⁴ Вероятно, в конце XV в. писец Лихачевского списка еще раз обратился к этому же тексту Жития, который, может быть, хранился в библиотеке новгородского владыки.

³⁰ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. . . , с. 84.

³¹ Ср.: там же, с. 306; ПСРЛ, т. V, изд. 2-е, вып. 1, с. 238—239; Ю. К. Бегунов. Памятник русской литературы XIII века. . . , с. 177—180. Здесь и далее буквенные обозначения списков первой редакции Жития даются по этой книге; *П* — условное обозначение Псково-Печерского списка (рпк. Государственного архива Псковской области, собр. Псково-Печерского монастыря, № 60); *Л* — условное обозначение Ленинградского списка (рпк. ИРЛИ, р. IV, оп. 24, № 26).

³² В НІЛ и СІЛ эта фраза отсутствует.

³³ В заключительном рассказе о посмертном чуде в НІЛ и СІЛ говорится, что к раке Александра Невского подошел один только эконоом Севастьян.

³⁴ Ю. К. Бегунов. Памятник русской литературы XIII века. . . , с. 82.

Что же касается третьей редакции Жития, то некоторые сходные в ней с Лихачевским списком черты подметил еще В. Мансикка. Приведем здесь примеры из Лихачевского списка, дополнив их новыми: «. . . Александр же отъехавшу на Суздальскую землю. . . , тамо хотя утешити и пособити»; «. . . и поим с собою братию свою и мужи свои»; «. . . и събрашася нѣмьць сея страны, и придоша на новъгороджый градъ на Пльсковъ, и Плесковъскый полкъ побѣдиша, и суди свои посадиша в Пльсковъ, И се слышавъ Александр, и прииде к Новугороду, и поклонися святѣй Софьи такоже с мольбой и плачемъ, велми оскорбѣ за кровь крестьянскую и не умедливъ ни мало по святой Софьи и святой Троице»; «. . . съ кадилы богодухновенными»; «. . . яко граду колѣбаться»; «. . . въ анхимандриты величии»; «. . . богу нашему слава», а также описание похода на Ямскую землю и слова митрополита Кирилла.³⁵ Само заглавие Жития Александра Невского третьего вида второй редакции — «Мѣсяца ноября въ 14 день успение великого князя Олександра Ярославича» — появилось под влиянием третьей редакции Жития, которое во всех списках помещено под 14 ноября и озаглавлено «Успением великого князя новгородского Александра Ярославича». Использование одновременно двух источников — протографа НІІ—СІІ и Жития Александра Невского третьей редакции — привело к дублировке известий в Лихачевском списке. Сообщение о захвате немцами Пскова в 1241 г. читается дважды: «. . . и събрашася нѣмьць сея страны, и придоша на новъгороджый градъ на Пльсковъ, и Плесковъскый полкъ побѣдиша, и суди свои посадиша въ Пльсковъ», «Уже бо бяше взятъ градъ Пльсковъ и тиуни ихъ посажени».³⁶ Особенности текста рассказа «О Ярославлѣ смерти» в Лихачевском списке могут быть объяснены, только если допустить, что именно третья редакция послужила источником этого списка.

Когда и где был составлен третий вид второй редакции Жития Александра Невского? Всего вероятнее — где-то на северо-западе Руси, в Великом Новгороде, после 1484 г., в годы архиепископства Геннадия Гонзова, ставленника Москвы. В пользу северо-западного, новгородского, происхождения текста свидетельствует мена «ц» и «ч» («подсѣце» вм. «подсѣче», «Суболицкий берег» вм. «Суболический берег», «Яроновцем» вм. «Яруновичем»), старая форма имени города («Полсковъ», «Плесковъ»), «пльсковичи», словосочетание «новъгороджый град Пльсков» (то же чтение см. в третьей редакции), «новъгороджый град» вм. «новгородский град»; новгородцы упоминаются в Житии чаще других — 12 раз, Новгород и Новгородская земля — 9 раз, «пльсковичи» — два раза и «Пльсков» — 9 раз, суздальцы и низовцы — один раз, Владимир и Суздальская земля — 7 раз; покровительница города святая София упомянута в Житии 6 раз, а покровительница города Пскова — Святая троица — три раза,³⁷ замена имени «митрополитъ же Кюрикъ» вм. первоначального «митрополитъ же Кирилъ» (или «Кюриль») могла произойти под влиянием чтения известного в Новгороде «Вопрошания Кюрика».

Новгородскими были и источники Жития — общерусский митрополичий летописный свод 1448 г., имевший хождение в Новгороде, третья редакция Жития и предположительно хранившийся в библиотеке новгородского владыки список первой редакции Жития.

³⁵ В. М а н с и к к а. Житие Александра Невского, Приложение, с. 125. Ср. изданный нами критически по всем спискам текст третьей редакции Жития Александра Невского: II, 20—22, 41—42; III, 79—84; IV, 14—15, 26, 32—34 (Ju. K. B e g u n o v. Die Vita des Fürsten Aleksandr Nevskij. . . , S. 105—109).

³⁶ В. М а н с и к к а. Житие Александра Невского, Приложение, с. 131.

³⁷ Ср. в первой, владимирской по происхождению, редакции Жития: новгородцы упоминаются три раза, Новгород — два, псковичи — один, Псков — 4, Владимир и Суздальская земля — 14, св. София — один раз.

История текста третьего вида второй редакции Жития Александра Невского могла бы быть представлена в виде схемы.

Сравнительно с первой редакцией Жития в Лихачевский список были внесены следующие изменения: 1) заглавие произведения вм. «Повѣсти о житии и о храбрости» — «Успение»; 2) добавлено предисловие «О велицеъ князѣ»; 3) прибавлены новые подробности в рассказе о походе «короля части Римской» на Новгородскую землю (см. выше); 4) в рассказе о видении Пелгусия изменена в духе протографа НІЛ—СІЛ фраза о том,

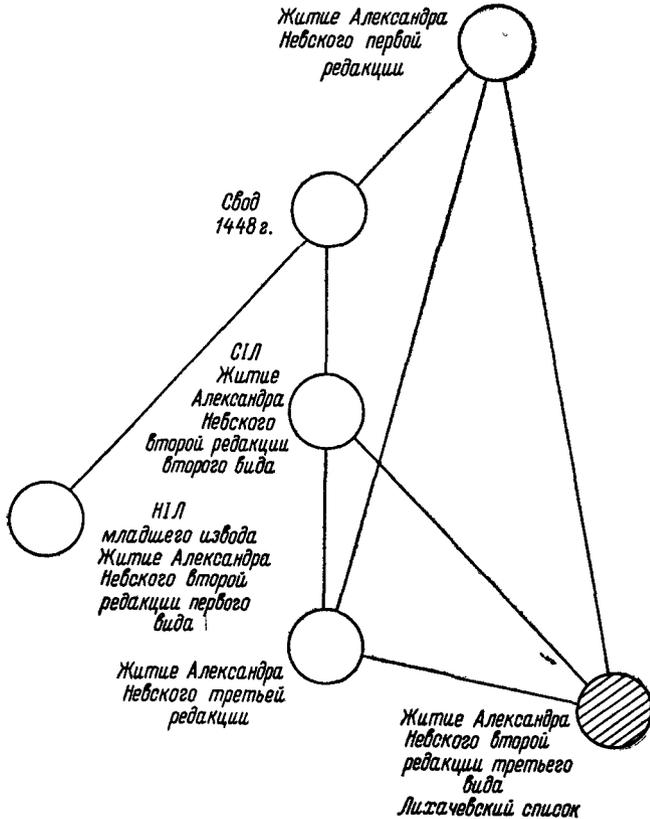

Схема происхождения третьего вида второй редакции Жития Александра Невского.

что именно Пелгусий Ижерянин имел великую веру в мучеников Бориса и Глеба, в первой редакции Жития такой верой наделен князь Александр, а не Пелгусий; 5) в рассказе о 6 мужах храбрых добавлена фраза: «. . и ту убиенъ бысть воевода Спиридон, и пископ их убиен ту же» (так же читается эта фраза в СІЛ); 6) прибавлено известие о павших в Невской битве новгородцах и ладожанам (то же и в СІЛ); 7) дополнены по третьей редакции и СІЛ два рассказа о походах князя Александра в 1241—1242 гг. в земли води и чуди; 8) дополнен многими подробностями по протографу НІЛ—СІЛ и третьей редакции рассказ о Ледовом побоище: об освобождении Пскова от немцев, о зимнем походе 1242 г. в землю чуди, о неудаче конной разведки Домаша Твердиславлича, о выступлении немцев в поход, об атаке позиции русских немцами и чудью «свинью», о преследовании бегущих врагов и их потерях, о прославлении имени князя Александра «по всѣмъ странам»; 9) прибавлен по третьей редакции или СІЛ рассказ

о походе в землю еми в 1256 г.; 10) вставлен по третьей редакции рассказ «О Ярославлѣ смерти»; 11) переработан по протографу НЛ—СЛ рассказ о походе в 1252 г. на Юрьев; 12) внесены небольшие изменения по третьей редакции в рассказ о болезни князя Александра; 13) рассказ о встрече тела умершего князя зимой 1263 г. во Владимире дополнен по третьей редакции Жития.

Все это в значительной мере послужило для амплификации повествования, не нарушая его структуры, не изменяя последовательности эпизодов в развертывании жизнеописания главного героя. В результате из-под пера новгородского книжника возникло новое литературное произведение об Александре Невском.

В Лихачевском списке сочетание текста первой редакции Жития с летописными известиями новгородскими и общерусскими и с текстом новгородской по происхождению третьей редакции Жития привело к созданию особого типа историко-литературного повествования об Александре Невском, где краткость и точность слововыражений, свойственная летописи, сочеталась с яркостью и динамизмом описаний, свойственных княжеской биографии. Устойчивые этикетные формулы и клише, украшавшие повествование близкого к воинской повести Жития Александра Невского первой редакции, были не только полностью сохранены, но и умножены в третьем виде второй редакции Жития за счет заимствований из летописи и третьей редакции Жития. Вся литературная обработка Жития, следовательно, велась в том же самом идейно-стилистическом ключе, в каком было написано первоначальное Житие.

Так, вошедшее в общерусское, а затем в новгородское летописание владими́ро-суздальское по происхождению Житие князя Александра Ярославича возвратилось в четый сборник как целостное историко-литературное повествование о любимом всем русским народом герое. Во второй редакции Жития события новгородской истории соотносились с событиями псковскими и владими́ро-суздальскими, а о ратных подвигах князя Александра и его дружины вместе с новгородцами, псковичами, суздальцами, ладожанами, полочанами рассказывалось как о важных для всей Русской земли.

Идейная направленность второй редакции Жития созвучна основным идеям эпохи. Житие кажется чуждым новгородской литературной традиции XIII—XIV вв., однако возникновение интереса к личности и деяниям князя Александра, как очевидно, связано с оживлением интереса к новгородской старине и к местным святым при архиепископах Евфимии II (1429—1458 гг.) и Ионе (1458—1470 гг.).³⁸ Переписка и переработка в Новгороде второй редакции и создание третьей редакции Жития Невского героя, вероятно, связаны с претензиями новгородской архиепископской кафедры, ибо местные книжники стремились установить новгородскую точку зрения на историю, в том числе и на историю жизни и деятельности князя Александра Ярославича. Отсюда — ясно видимое стремление показать жизнь этого князя на фоне новгородской истории и в связи с ней. Невский герой в первых трех редакциях Жития — это собирательный образ грозного князя, близкий народным мечтаниям об идеальном властителе и защитнике Русской земли. Этот эпический образ, зародившийся в XII в., в эпоху феодальной раздробленности, переходит из галицко-волынской литературы во владими́ро-суздальскую и, через ее посредство, становится достоянием всей России: и Москвы, и Новгорода, и Пскова.

³⁸ Д. С. Лихачев. 1) Русские летописи. . . , с. 312—313; 2) Очерк истории культуры Новгорода XI—XVII вв. М., 1959, с. 66—67.

Н. А. КАЗАКОВА

Хождение во Флоренцию 1437—1440 гг.

(Списки и редакции)

Произведение, о котором пойдет речь, известно в литературе под разными названиями: Путешествие митрополита Исидора, Путешествие Симеона Суздальского, Дневник путешествия митрополита Исидора, Путевые записки неизвестного суздальца, Хождение на Флорентийский собор, Хождение во Флоренцию. Мы будем употреблять последнее название, ибо оно наилучшим образом (в пределах, возможных для заглавия) характеризует памятник, определяя его жанр и указывая географическую цель описанного путешествия.

С путешествием русского посольства на Феррарско-Флорентийский собор 1438—1439 гг. связано возникновение трех литературных памятников. Один из них — это интересующее нас Хождение, содержащее описание путешествия посольства во Флоренцию и обратно на Русь; другой — «Исхождение Авраамия Суздальского» — представляет собой описание двух мистерий, которые автор наблюдал в церквях Флоренции; третий — «Повесть о восьмом соборе» Симеона Суздальского — посвящен деятельности Флорентийского собора, изображенного с резко антилатинских позиций.

Хождение во Флоренцию, написанное неизвестным автором, представляет особый интерес, ибо оно является первым в русской литературе описанием таких европейских стран, как Ливония, Германия, Италия, Сербия, Венгрия, Польша, Литва, принадлежащим перу русского путешественника. Хождение отразило впечатления русских людей от знакомства с ними и в течение долгого времени (вплоть до второй половины XVI в., когда появился перевод на русский язык «Всемирной хроники» Мартина Бельского) служило основным источником сведений о европейских странах.

Хождению во Флоренцию уделяется обычно внимание в общих трудах по истории древнерусской литературы, культуры и истории России периода феодализма. Оно изучалось и авторами специальных работ.¹

¹ А. Павлов. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878, с. 90—97; Ф. И. Делекторский. Критико-библиографический обзор древнерусских сказаний о флорентийской унии г. ССС. — ЖМНП, СПб., 1895, июль, с. 131—184; А. Д. Шербица. Литературная история русских сказаний о флорентийской унии. Одесса, 1902; Н. И. Прокофьев. Русские хождения XII—XV вв. — Ученые записки МГПИ им. Ленина, № 363. Литература Древней Руси и XVIII в. М., 1970, с. 191—204; Н. В. Мошинская. 1) Об авторе «Хождения на Флорентийский собор» в 1439—1441 гг. — Ученые записки МГПИ им. Ленина, № 363. Литература Древней Руси и XVIII в. М., 1970, с. 288—300; 2) «Повесть об осьмом соборе» Симеона Суздальского и «Хождение на Ферраро-Флорентийский собор» неизвестного суздальца как литературные памятники середины XV века. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1972 (далее: Мошинская. Автореферат);

Имеется несколько изданий Хождения, осуществленных по отдельным спискам: Н. И. Новиков опубликовал Хождение по списку Синодальной библиотеки;² И. Сахаров — по списку Черниковскому, с учетом Басовского;³ В. Малинин — по списку Софийского собрания, № 1464, с подведением вариантов по списку № 1465 того же собрания, изданиями Новикова и Сахарова;⁴ Н. А. Казакова — по Академическому списку (БАН, 16.8.13), с подведением вариантов по списку музейного собрания, № 939.⁵

Однако научное критическое издание Хождения до сих пор отсутствует. Необходимым условием осуществления такого издания, так же как и глубокого всестороннего исследования памятника, является обнаружение и изучение его рукописной традиции. В настоящей статье дается описание всех известных ее автору списков Хождения, предлагается их классификация и высказываются некоторые суждения об основных этапах литературной истории произведения.

Прежде чем излагать наши наблюдения, остановимся на существующих точках зрения по поводу литературной истории Хождения во Флоренцию. Первым исследователем, серьезно занявшимся ею, был А. Павлов. Он не ограничился изучением текста Хождения в двух имевшихся в его время изданиях (Н. И. Новикова и И. Сахарова), а обратился к спискам. А. Павлов привлек два неизвестных ранее списка — Синодального собрания, № 46 (ныне № 46/177), в котором путешествие доводится, так же как и в изданиях Н. И. Новикова и И. Сахарова, до столицы Венгрии Буды, и Музейного собрания, № 939, включающего описание последнего отрезка пути от Буды до Суздаля. А. Павлов установил также, что указание И. Сахарова, повторенное А. Горским и К. Невоструевым, на издание Н. И. Новиковым текста списка Синодального собрания, № 329 (ныне № 448/144), является неправильным, так как в этом списке находится только начало произведения.⁶

Тексты, изданные Н. И. Новиковым и И. Сахаровым, А. Павлов отнес к двум разным редакциям Путешествия митрополита Исидора в Италию (так А. Павлов называет Хождение во Флоренцию), предложив именовать их Новиковской и Сахаровской. В результате сравнения обеих редакций А. Павлов пришел к следующим выводам: 1) Новиковская редакция не знает своего автора, который говорит о себе не иначе как «мы»; в Сахаровской редакции автор не раз называет себя по имени — «Симеоном» (один раз «Симеоном, иноком из Суздаля»), что побуждает отождествлять

Reisebericht eines unbekanntenen Russen (1437—1440). Übersetzt, eingeleitet und erklärt von Günther Stökl. — In: Europa im XV. Jahrhundert von Byzantinern gesehen. Verlag Styria—Graz—Wien—Köln (1954) (Byzantinische Geschichtsschreiber, Bd. II), S. 151—189; Н. L u d a t. Lübeck in einem russischen Reisebericht des Spätmittelalters. — Zeitschrift des Vereins für lübeckische Geschichte und Altertumskunde, 1955, Bd. 35; L. M ü l l e r. 1) Ein Russe bereist 1438 die Salzstrasse. — Lauenburgische Heimat. Zeitschrift des Heimatbund und Geschichtsvereins Herzogtum Lauenburg e. v. Neue Folge, № 9, Rassburg, Dezember, 1955; 2) Рец. на кн.: Cünther Stökl. Reisebericht eines unbekanntenen Russen (1437—1440), übersetzt, eingeleitet und erklärt]. — In: Europa im XV. Jahrhundert von Byzantinern gesehen. Verlag Styria—Graz—Wien—Köln (1954); 3) [Рец. на кн.: Herbert Ludat. Lübeck in einem russischen Reisebericht des Spätmittelalters. Zeitschrift des Vereins für lübeckische Geschichte und Altertumskunde, 1955, Bd. 35]. — Zeitschrift der Gesellschaft für Schleswig-Holsteinische Geschichte, 1956, Bd. 80, S. 274—276; 3) «Und die Paläste überaus wunderbar. . .». — Kieler Nachrichten, 1957, 5. Februar.

² Древняя Российская Вифлиопика, ч. VI. Изд. 2-е. М., 1788, с. 27—48.

³ И. Сахаров. 1) Путешествия русских людей в чужие земли, ч. I. Изд. 2-е. СПб., 1837, с. 87—112; 2) Сказания русского народа, т. II. СПб., 1849, с. 81—88.

⁴ В. Малинин. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901, Приложения, с. 76—87.

⁵ Н. А. Казакова. Первоначальная редакция Хождения на Флорентийский собор. — ТОДРЛ, т. XXV. М.—Л., 1970, с. 60—72.

⁶ А. Павлов. Критические опыты. . . , с. 92, прим. 2.

автора Путешествия с автором «Повести о восьмом соборе», бесспорно принадлежащей суздальскому иерею Симеону; 2) в Сахаровской редакции имеется несколько вставок из «Повести» (А. Павлов называет 8); за исключением этих вставок, придающих Путешествию тон и характер полемического сочинения, издание И. Сахарова не отличается от издания Н. И. Новикова: это — краткие путевые заметки, автор которых интересовался более иноземными диковинами, чем религиозными вопросами; 3) в Сахаровской редакции имеются все пропуски и ошибки, какие обнаруживаются в Новиковской при сравнении ее с рукописями той же редакции (А. Павлов приводит пропуски, а из ошибок самую яркую: слова «Христа ради», имеющиеся в рукописях, у Н. И. Новикова и И. Сахарова переданы как «хасрад», с пояснением у Н. И. Новикова — «госпиталь», а у И. Сахарова — «а по нашему рекше, богадельня»); по поводу общих для изданий Н. И. Новикова и И. Сахарова пропусков и ошибок А. Павлов замечает: «По неимению списков Сахаровской редакции мы не беремся объяснить эти странные совпадения»; 4) в Сахаровской редакции по сравнению с Новиковской имеются некоторые сокращения (А. Павлов называет 4 места, выпущенных в Сахаровской редакции).⁷ Подытоживая результаты сопоставления Сахаровской и Новиковской редакций, А. Павлов приходит к следующему заключению: Сахаровская редакция, с одной стороны, — распространение Новиковской вставками из «Повести о восьмом соборе», а с другой — сокращение первоначального текста путевых заметок от Москвы до Флоренции и обратно.

Задаваясь далее вопросом, не мог ли Симеон Суздальский, названный в Сахаровской редакции в качестве автора Путешествия, быть составителем его первой анонимной (Новиковской) редакции, А. Павлов дает отрицательный ответ. Основанием для такого заключения послужили для А. Павлова различия между Путешествием Новиковской редакции и «Повестью о восьмом соборе», несомненно принадлежащей Симеону: первое представляет собой объективные и беспристрастные заметки, второе — антилатинское полемическое сочинение; отождествить авторов обоих произведений не позволяют также и имеющиеся в них фактические несоответствия (разное количество заседаний Флорентийского собора, несоответствие некоторых дат и т. д.). По мнению А. Павлова, путевые заметки принадлежат замыслу Симеона — суздальцу, который, очевидно, был мирянином (что подтверждается вышеуказанным характером сочинения). По поводу возникновения Сахаровской редакции А. Павлов высказывает лишь осторожное предположение: «Не произошла ли она таким образом, что Симеон воспользовался записками своего земляка, чтобы дополнить их вставками из своей Повести?».⁸ Выводы А. Павлова послужили в той или иной степени основой для всех дальнейших суждений о литературной истории Хождения во Флоренцию.

Ф. И. Делекторский, дополнительно к заключениям А. Павлова, высказал два предположения. Первое касается вопроса о первоначальном тексте Хождения. Ф. И. Делекторский считает, что Путевые записки неизвестного суздальца (так автор называет Хождение) сохранились в полном объеме в списке Музейного собрания, № 939, доводящем изложение до возвращения русского посольства в Суздаль, и список этот, «именно в силу своей законченности, цельности, есть верная копия оригинала»; что касается списков, в которых текст заканчивается описанием

⁷ Там же, с. 92—95.

⁸ Там же, с. 95—97.

Буды,⁹ то они возникли, по мнению Ф. Делекторского, вследствие того, что какой-нибудь русский книжник опустил при переписке заключительную часть текста с описанием пути от Буды до Суздаля, так как счел ее неинтересной (здесь почти исключительно указываются расстояния от одного населенного пункта до другого). Второе предположение Ф. И. Делекторского относится к Сахаровской редакции Хождения. Принимая вывод А. Павлова о том, что эта редакция возникла в результате, с одной стороны, расширения текста путевых заметок вставками из «Повести о восьмом соборе» Симеона Суздальского, а с другой — их сокращения, Ф. И. Делекторский указывает, что в Сахаровской редакции Хождения «Повесть» была использована в той ее редакции, которая находится в составе «Слова избрана на латыню», полемического произведения, написанного в 1461 г. Если о Симеоне Суздальском как о возможном авторе Сахаровской редакции Хождения А. Павлов говорит лишь в форме осторожного вопроса, то Ф. И. Делекторский авторство Симеона считает несомненным и рассматривает текст, изданный И. Сахаровым, как сочинение Симеона, возникшее в результате произведенного Симеоном соединения текста путевых заметок неизвестного суздальца с текстом принадлежащей Симеону «Повести» в редакции «Слова» («Слово избрано на латыню» является, по мнению Ф. И. Делекторского, также сочинением Симеона Суздальского).¹⁰

А. Д. Щербина основное внимание уделяет решению вопроса о происхождении Сахаровской редакции Хождения во Флоренцию. Опираясь на наблюдения А. Павлова о наличии в Сахаровской редакции тех же пропусков и ошибок, что и в издании Н. И. Новикова, по сравнению с имеющимися рукописями, А. Д. Щербина устанавливает путем сопоставления изданий Н. И. Новикова и И. Сахарова еще одно важное обстоятельство, — а именно факт внесения в текст произведения в Сахаровском издании добавлений, которые были сделаны Н. И. Новиковым в скобках с целью пояснения неясных мест и слов (отмечены нами курсивом). Например, у Н. И. Новикова: «. . . оттоле на Жунскую (*Шконскую или Шонскую*) землю и оттоле на Свицкую (*Шведскую*)», у И. Сахарова: «. . . оттоле на Шконскую землю и оттоле на Шведскую»; или же у Н. И. Новикова: «. . . есть град Нурбех (*Нирнберг*)», у И. Сахарова: «. . . есть град Нирнберг» (таких случаев А. Д. Щербина отмечает 22).¹¹ Это обстоятельство неоспоримо доказывает, по мнению А. Д. Щербиной, что в Сахаровской редакции Путешествия (Хождения) использован текст издания Н. И. Новикова. Факт использования И. Сахаровым текста издания Н. И. Новикова, с одной стороны, отсутствие рукописей с текстом Сахаровской редакции — с другой, побудили А. Д. Щербину сделать вывод о том, что Сахаровская редакция была создана самим издателем путем произвольной обработки текста Новиковского издания, в первую очередь путем включения в него отрывков из «Повести о восьмом соборе» Симеона Суздальского. Что касается списков Черниковского и Басовского, положенных, по утверждению И. Сахарова, в основу его издания, то они являются вымышленными. При этом А. Д. Щербина ссылается на установленные в научной литературе факты произвольной подправки, а иногда — и сочинения И. Сахаровым изданных им текстов

⁹ Ф. И. Делекторский дополнительно к уже известным спискам назвал список сборника Московской духовной академии, № 80 (Ф. И. Делекторский. Критико-библиографический обзор. . . , с. 7, прим. 1).

¹⁰ Ф. И. Делекторский. Критико-библиографический обзор. . . , с. 5—10, 29—37.

¹¹ А. Д. Щербина. Литературная история русских сказаний о флорентийской унии, с. 11—12.

песен, сказок, хождений и других письменных памятников, а также на факты указания издателем несуществующих рукописей.¹²

Все списки Путешествия (Хождения), по мнению А. Д. Щербиной, восходят к одной редакции, первичной, в которой оно доводится лишь до Буды; лишняя часть (от Буды до Суздаля) в одном только списке является позднейшим прибавлением, сделанным автором «уже со слов кого-нибудь»; этим объясняется краткость последней части, которая «идет вразрез с общим характером самого Путешествия». В отличие от А. Павлова и Ф. И. Делекторского, полагавших, что автором Путешествия (Хождения) был неизвестный суздалец, мирянин, А. Д. Щербина считает неизвестного суздальца, члена свиты суздальского епископа Авраамия, духовным лицом, о чем свидетельствует его склонность к описанию церквей и монастырей.¹³

Н. В. Мощинская в автореферате кандидатской диссертации, посвященной исследованию «Повести о восьмом соборе» Симеона Суздальского и Хождения во Флоренцию неизвестного суздальца, указывает, что ею учтено 17 списков Хождения, но называет только 6: Академический (БАН, 16.8.13), ОЛДП, Q. 63, Погодинский, № 1571, Синодальный, № 46/177, Черниковский, Басовский (из них реально существующими являются первые 4). Списки Хождения Н. В. Мощинская разделяет на три варианта: «Первый вариант содержит после описания горячих ключей города Будина перечисление городов и населенных пунктов от Будина до Суздаля. Основной список первого варианта — БАН, 16.8.13. . . Второй вариант Хождения не сохранил описания последнего участка пути русской делегации и заканчивается на Будине. Вероятно, переписчики опускали эту часть, считая ее маловажной и неинтересной. Основной список второго варианта — ГПБ, ОЛДП, Q. 63 (XVI в.). Третий сокращенный вариант представлен списком ГПБ, собрания Погодина, № 1571. Наблюдения над текстами списков показывают, что Хождение на протяжении своего существования значительно не изменилось. Текст подвергался в основном лишь малозаметной обработке, перефразировке, дающей иные чтения». По поводу Сахаровской редакции Хождения Н. В. Мощинская придерживается того же мнения, что и А. Д. Щербина, считая ее созданием издателя.¹⁴ Из приведенных суждений Н. В. Мощинской, изложенных в разделе ее автореферата, посвященном литературной истории Хождения, следует, что на всем протяжении своей истории оно существовало в одной редакции, представленной тремя вариантами. Однако в конце автореферата, говоря о помещенных в приложении к диссертации текстах исследуемых памятников, Н. В. Мощинская указывает, что Хождение неизвестного суздальца представлено полной редакцией.¹⁵ Но если Н. В. Мощинская называет подготовленный ею к изданию текст Хождения полной редакцией, то, следовательно, существовала и неполная редакция памятника, а не просто варианты его текста, о которых речь идет выше. Нам кажется, что в автореферате Н. В. Мощинской нет должной четкости в понимании автором основных этапов литературной истории Хождения.

В результате обследования рукописных хранилищ Москвы и Ленинграда автором настоящей статьи в дополнение к 10 упоминавшимся в литературе спискам Хождения во Флоренцию (Синодальный, № 448/144,

¹² Там же, с. 7—24; ср.: А. Н. Пыпин. Подделки рукописей и народных песен. — ПДП, т. СХХVII. СПб., 1898, с. 23—32.

¹³ А. Д. Щербина. Литературная история русских сказаний о флорентийской унии, с. 5.

¹⁴ Н. В. Мощинская. «Повесть об осьмом соборе» Симеона Суздальского. . . , с. 10—12.

¹⁵ Там же, с. 15.

Синодальный, № 46/177, Черниковский, Басовский, МДА, № 580, Софийский, № 1464, ОЛДП, Q.63, Музейный, № 939, Академический — БАН, 16.8.13, Погодинский, № 1571) выявлено еще 10 списков (Софийский, № 1453, № 1465, Погодинский, № 1557, № 1572, № 1596, № 1606, ГПБ, Q.I.1366, МДА, № 6 (81), Троицкий, № 801, № 805). Кроме того, учтено имеющееся в литературе указание на существование еще в конце XIX в. в составе Соловецкого сборника № 31 (46) списка «Сказания о градах от Великого Новаграда до Рима»,¹⁶ являющегося, как мы будем говорить об этом дальше, одной из редакций Хождения во Флоренцию.¹⁷ Таким образом, в настоящее время известен 21 список Хождения.¹⁸ Но, поскольку Черниковский и Басовский списки, положенные, по утверждению Н. Сахарова, в основу его издания, никто из исследователей не видел, постольку при рассмотрении списков Хождения и их классификации мы эти списки привлекать не будем, а скажем о них далее особо.

Все обследованные нами списки Хождения во Флоренцию могут быть разбиты на 4 группы.¹⁹

К первой группе относятся списки, содержащие описание путешествия русского посольства от Москвы до Флоренции и от Флоренции в Суздаль. Эта группа представлена двумя списками.

1. Академический (БАН, 16.8.13), сборник в 4-ку, 240 л., полуустав и скоропись, вторая четверть XVI в. (водяные знаки: 1) олень с цветком, знак, схожий у Брикe с № 3319 — 1522 г.; 2) гербовый щит с украшением, на щите три маленькие лилии, под щитом готическое «Р» — знак, схожий у Лихачева, Бум. мельн., № 234 — 1523 г.; 3) змея — близка к Лихачеву, Вод. зн., № 1644 — 1537 г.; 4) кувшинчик с одной ручкой — близок к № 12833 у Брикe — 1529 г.,²⁰ 5) гербовый щит с украшением, на щите три маленькие лилии, под щитом монограмма — у Брикe № 1819 — 1523—1533 гг.).²¹

Сборник включает ряд статей историко-географического содержания: о Флорентийском соборе, Хождения Игнатия Смольнянина, Стефана Новгородца и некоторые другие статьи.²²

Хождение во Флоренцию — на лл. 108 об.—134. Без заглавия.

¹⁶ А. Е. Викторoв. Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России. СПб., 1890, с. 132; Н. В. Рузский. Сведения о рукописях, содержащих в себе Хождение в Св. землю русского игумена Даниила в начале XII в. — ЧОИДР, 1891, кн. 3, с. 67—72. Местонахождение Соловецкого сборника № 31 (46) в настоящее время неизвестно.

¹⁷ На связь «Сказания о градах» с Флорентийским собором обратил внимание также Я. С. Лурье (Я. С. Лурье. [Рец. на кн.: Повесть о Дмитрие Басарге и его сыне Борзосмысле. Исследование и подготовка текстов М. О. Скрипиля. Л., 1959]. — ИОЛЯ, т. XXIX, 1970, № 4, с. 349, прим. 3).

¹⁸ Выявлением списков Хождения автор данной статьи занимался давно, и к 1970 г. им было учтено 13 списков. (См.: Н. А. Казакова. Первоначальная редакция Хождения на Флорентийский собор, с. 62, прим. 11). Параллельно аналогичную работу вела Н. В. Мошницкая, которой известно, согласно автореферату ее диссертации, 17 списков; но в автореферате названо, как уже отмечалось, только 6 списков. Ознакомиться же с неопубликованной диссертацией Н. В. Мошницкой мы не имели возможности.

¹⁹ На особенностях отдельных списков внутри каждой группы мы останавливаться не будем, так как полное текстологическое исследование списков и составление стеммы в задачу настоящей статьи не входят.

²⁰ В нашем издании Хождения во Флоренцию ошибочно указан номер и год этого знака (№ 1283 — 1528 г.). См.: Н. А. Казакова. Первоначальная редакция Хождения на Флорентийский собор, с. 62.

²¹ При описании списков Хождения водяные знаки указываются только для рукописей XVI в.

²² Постатейное описание сборника: Исторические сборники XV—XVII вв. Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР, т. 3, вып. 2. М.—Л., 1965, с. 118—121.

Начало: «В лето 6845 поехал митрополит Сидор с Москвы на рождество святых Богородици».

Конец: «А в Суждаль месяца того же 29 в четверток».

2. ГБЛ, Музейное собрание, № 939, сборник в 4-ку, 58 лл., скоропись, середина XVII в.

Сборник историко-географического содержания, включает статьи о Феррарско-Флорентийском соборе, Краткий русский летописец, Хождения Игнатия Смольнянина и Стефана Новгородца и некоторые другие статьи; по своему составу близок к сборнику БАН, 16.8.13.²³

Хождение во Флоренцию — на лл. 43 об. — 48 об. Без заголовка.

Начало: «В лето 6945 поехал митрополит Сидор с Москвы на рождество святых Богородици».

Конец: «А в Суждаль приехали месяца того же в 29 день в четверток».

Вторая группа списков Хождения во Флоренцию, доводящая изложение, как правило, до описания столицы Венгрии Буды, наиболее многочисленна: она включает 11 списков, которые могут быть разделены на два вида. Списки первого вида заканчиваются описанием Буды, список второго вида — известиями о выезде русского посольства из Венеции и возвращении затем на Русь.

Списки первого вида второй группы.

1. ГПБ, Софийское собрание, № 1465, сборник в 4-ку, 246 лл., полуустав XVI в. многих почерков. На основании водяного знака мы датировем сборник началом XVI в. (водяные знаки: 1) бычья голова с чертой между рогами, оканчивающейся розеткой из 7 лепестков; у Брике знаки этой группы — №№ 14765, 14766 — 1475, 1477 гг.; 2) бычья голова с шестом между рогами, на котором укреплен коронка с розеткой; у Брике — № 14576 — 1474—1477 гг.; 3) папская тиара; у Брике — № 4899—1501 — 1503 гг.; 4) бычья голова с обвитым змеею шестом между рогами, заканчивающимся крестом; у Брике — № 15377 — 1505 г.; 5) неопознанный знак; 6) готическое «Р» с розеткой наверху; у Брике похожий знак — № 8619—1477 г.; 7) бычья голова с чертой между рогами, оканчивающейся звездочкой из пересеченных линий; у Лихачева, Вод. зн., близкие знаки — №№ 1055, 1057—1481 г.).

На л. 1 помета: «Кирилова монастыря».

Сборник смешанного содержания, наряду со статьями церковно-учительными включает много статей исторических (Палея историческая, Судьи израильские, Цари самарийские, группа статей о Феррарско-Флорентийском соборе) и географических (Имена ветров, Имена великих рек, Имена великих гор, О граде Египте, Татарским землям имена, Европейской страны короли и др.), а также тексты Хождения Игнатия Смольнянина и Хождения во Флоренцию.²⁴

Хождение во Флоренцию — на лл. 230—239. Без заголовка.

Начало: «В лето 6945 поехал митрополит Сидор с Москвы на рождество святых Богородици».

Конец: «. . . и есть убо на посаде за градом кладязь, кипит аки в котле горяча водою и зиме, и лете».

2. ГПБ, Софийское собрание, № 1464, сборник в 4-ку, 502 лл., полуустав двух почерков. На основании водяных знаков мы датировем сборник 20—30-ми годами XVI в. (водяные знаки: 1) рука в рукавике с розеткой над пальцами; у Брике — № 11426 — 1514—1524 гг.; 2) единорог; у Брике — № 10178 — 1474 г.).

²³ Постатейное описание сборника: Музейное собрание рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. М., 1961, с. 150—152.

²⁴ Постатейное описание сборника: Д. И. Абрамович. Софийская библиотека, вып. III. СПб., 1910 (далее: Абрамович. Софийская библиотека), с. 273—276.

Сборник по своему составу точно повторяет сборник Софийского собрания, № 1465, отсутствуют лишь две последние статьи сборника (О принятии христианства сербами и отрывок о Риме). Поскольку сборники Софийского собрания, № 1465 и № 1464, по своему содержанию совпадают, и при этом первый, написанный многими писцами, является, согласно водяным знакам, более ранним, то второй, написанный всего двумя писцами, следует считать копией первого. На сборнике № 1464 пометы о принадлежности его Кирилло-Белозерскому монастырю нет. Но, очевидно, сборник № 1464, так же как и сборник № 1465, имеющий такую помету, возник в Кирилло-Белозерском монастыре: за это говорит совпадение содержания обоих сборников, их хронологическая близость, а также последующее нахождение в составе Софийской библиотеки, в которую часть рукописей поступила из библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря.²⁵

Хождение во Флоренцию — на лл. 472—496. Без заголовка.

Начало: «В лето 6945 поехал митрополит Сидор с Москвы на рожество святых Богородицы».

Конец: «. . . и есть убо на посаде за градом кладязь, кипить аки в котле горяча водою и зиме, и лете».

3. ГПБ, ОЛДП, Q. 63, рукопись в 4-ку, 25 лл., полуустав XVI в. На листе, предшествующем рукописи, почерком XIX в. написано, что рукопись — из ветхого сборника Новгородской Софийской библиотеки и что на листе, приклеенном к переплету этого сборника, имеется помета скорописью: «Книга соборная Кирилова монастыря». Следовательно, рукопись входила в состав сборника, первоначально принадлежавшего Кирилло-Белозерскому монастырю, затем попавшему в Софийскую библиотеку. Рукопись датируется серединой XVI в. (водяные знаки: 1) кувшинчик с одной ручкой и украшениями наверху, над которыми розетка из четырех лепестков; у Брике такого типа № 12597 — 1536 г.; 2) геральдическая лилия; у Брике — № 6970 — 1561 г.).

Сборник включает 4 статьи: Хождение во Флоренцию, о митрополите Исидоре, о разделении с латинянами, библейское сказание о Деворе и Вараке.²⁶

Хождение во Флоренцию — на лл. 2—18.

Заголовок: «Хождение митрополита Исидора в Рим».

Начало: «В лето 6945 поехал митрополит Исидор с Москвы на рожество святых Богородицы».

Конец: «. . . и есть убо на посаде за градом кладязь, кипит аки в котле горяча вода и зиме, и лете».

4. ГПБ, Погодинское собрание, № 1572, сборник в 4-ку, 131 л., составлен из нескольких рукописей, писанных полууставом и скорописью XVI, XVII и XVIII вв. Одним почерком, скорописью XVI в., написаны тетради, содержащие списки Хождения во Флоренцию и Хождения в Иерусалим Арсения (лл. 79—87). Списки датируются 20—30-ми годами XVI в., так как водяной знак тетрадей — готическое «P» с розеткой из четырех лепестков; у Брике — № 8636 — 1509—1527 гг.²⁷

Хождение во Флоренцию — на лл. 79—86. Без заголовка.

²⁵ Постатейное описание сборника: Абрамович. Софийская библиотека, с. 270—273.

²⁶ Постатейное описание рукописи: Х. Л о п а р е в. Описание рукописей Общества любителей древней письменности, ч. II. СПб., 1893, с. 102—103.

²⁷ Постатейное описание сборника: А. Ф. Б ы ч к о в. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников Публичной библиотеки, ч. I. СПб., 1882 (далее: Бычков. Описание), с. 59—63. Если сборник составлен из нескольких рукописей, то мы отмечаем водяные знаки и даем характеристику содержания лишь той рукописи, которая включает текст Хождения.

Начало: «В лето 6945 поехал митрополит Сидор с Москвы на рождество святых Богородицы».

Конец: «. . . и есть убо на посаде за градом кладязь, кипит аки в котле горяча водою зиме и лете на ней же».

5. ГПБ, Погодинское собрание, № 1557, сборник в 8-ку, 77 лл., составлен из трех отрывков, взятых, по мнению А. Ф. Бычкова, из рукописей XVII в. Первый отрывок, писанный, по А. Ф. Бычкову, скорописью начала XVII в., включает 4 статьи, в том числе Хождение во Флоренцию и «Повесть о восьмом соборе» Симеона Суздальского. Нам кажется, что скоропись, которой написан этот отрывок, может быть отнесена и к концу XVI в. С этим наблюдением совпадает и датировка водяного знака: папская тиара, узкая, высокой формы, с подвеском внизу неясного рисунка, ближе всего к знаку № 4988 у Брике — 1547—1565 гг. Поэтому мы датировем часть рукописи, содержащую список Хождения, концом XVI в.²⁸

Хождение во Флоренцию — на лл. 1—23. Без заголовка.

Начало: «В лето 6945 поехал митрополит Исидор с Москвы на рождество святых Богородица».

Конец: «. . . есть убо на посаде за градом кладязь, кипит в котле горяча водою и зиме, и лете на ней же».

6. ГПБ, Погодинское собрание, № 1596, сборник в 4-ку, 206 лл., составлен из 4 рукописей, первая рукопись (лл. 1—152), по определению А. Ф. Бычкова, писана скорописью двух почерков конца XVI или начала XVII в., остальные — скорописью XVII в. Мы датировем первую рукопись на основании водяных знаков концом XVI в. (два варианта кувшинчика с одной ручкой и украшениями над крышкой, над которыми розетка из четырех лепестков: 1) с буквой «В» на кувшинчике; у Брике такого типа, но с двумя «В», № 12701 — 1573 г.; 2) с буквами «ID» на кувшинчике; у Брике такого типа — № 12747 — 1563, 1581 гг.).

Рукопись эта, включающая текст Хождения, — смешанного содержания. Хождение следует после «Повести о восьмом соборе» Симеона Суздальского (между «Повестью» и Хождением находится небольшая притча).²⁹

Хождение во Флоренцию — на лл. 93 об.—99. Заголовок: «О том же Сидоре».

Начало: «Лето 6945. Поехал митрополит Сидор с Москвы на рождество святых Богородица».

Конец: «. . . и есть убо на посаде за градом кладезь, кипит аки в котле горяча водою зиме и лете».

7. ГБЛ, МДА, № 5(80), сборник в лист, 318 лл., полуустав XVII в.

Включает сочинения Григория и Нила Солунских и ряд полемических антилатинских статей. Текст Хождения во Флоренцию сверялся с другим, более исправным, списком, о чем свидетельствуют вписанные скорописью XVII в. между строками пропущенные слова.³⁰

Хождение во Флоренцию — на лл. 289—298 об. Без заголовка.

Начало: «Лета 6945 поехал митрополит Исидор с Москвы на рождество святых Богородицы».

Конец: «. . . и есть убо на посаде за градом кладезь, кипит аки в котле горяча водою зиме и лете».

8. ГБЛ, МДА, № 6(81), сборник в лист, 280 лл., скоропись XVII в.

²⁸ Постатейное описание сборника: Бычков. Описание, с. 112—114.

²⁹ Постатейное описание сборника: Бычков. Описание, с. 285—301.

³⁰ Постатейное описание сборника: Леонид, архимандрит. Сведения о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища св. Троицкой Сергиевой лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии в 1747 г. М., 1887 (далее: Леонид. Сведения), с. 166—167.

По содержанию повторяет сборник № 5(80).³¹

Хождение во Флоренцию — на лл. 248—259 об. Без заголовка.

Начало: «Лето 6945. Поехал митрополит Исидор с Москвы на рождество святых Богородицы».

Конец: «. . . есть убо на посаде за градом кладезь, кипит аки в котле горяча водою зиме и лете, не мерзет».

9. ГИМ, Синодальное собрание, № 46 /177, сборник в лист, 381 л., полуустав XVII в.

Сборник включает сочинения Григория и Нила Солунских и статьи против латинян, по своему содержанию повторяет сборники МДА, №№ 5(80) и 6(81).³²

Хождение во Флоренцию — на лл. 343—354. Без заголовка.

Начало: «Лета 6945-го поехал митрополит Исидор с Москвы на рождество святых Богородицы».

Конец: «. . . есть убо на посаде за градом кладезь, кипит аки в котле горячою водою зиме и лете, не мерзет».

10. ГПБ, Q. I.1366, сборник в 4-ку, 119 лл., почерк XIX в. Текст Хождения во Флоренцию представляет собой копию издания Н. И. Новикова, что указано на л. 99.

Хождение во Флоренцию — на лл. 98—111 (по карандашной пагинации). Без заголовка.

Начало: «Лета 6945 (1436) поехал митрополит Сидор с Москвы на рождество святых Богородицы».

Конец: «. . . есть убо на посаде за градом кладезь, кипит в котле горячая вода в зиме и лете».

Второй вид второй группы представлен одним списком.

ГПБ, Погодинское собрание, № 1606, сборник в 4-ку, 342 лл., составлен из 11 рукописей, писанных скорописью и полууставом XVII в.

Включающая наше Хождение одиннадцатая рукопись (лл. 200—342), писанная скорописью XVII в., одним почерком, содержит статьи преимущественно географические (Космография, О четырех великих морях, О реках больших, О островах великих, Хождение игумена Даниила и др.) и исторические (Повесть о Дракуле, О нашествии Батыя, Азовские повести и др.), но наряду с ними — и некоторые статьи религиозно-нравственного характера. В списке Хождения во Флоренцию этого сборника, заканчивающегося известиями о выезде русского посольства из Венеции и возвращении затем на Русь, отсутствует последний небольшой отрывок текста списков первого вида второй группы, содержащий описание пути от Венеции до Буды.³³

Хождение во Флоренцию — на лл. 251—265 об. Заголовок: «Похождение господина Исидора митрополита в Иерусалим и во Царьград».³⁴

Начало: «В лето 6945 году поехал Исидор митрополит с Москвы на рождество пречистых Богородица».

Конец: «И поидохом на море в корабли на рождество Христово на Русь. И доидохом здравы без пакости».

³¹ Постатейное описание сборника: Леонид. Сведения, с. 167—168.

³² Постатейное описание сборника: А. Горский и К. Невоструев. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. Отдел второй, 2. М., 1859 (далее: Горский и Невоструев. Описание славянских рукописей), с. 477—481.

³³ Постатейное описание сборника: Бычков. Описание, с. 336—348.

³⁴ Упоминание Иерусалима в заголовке Хождения во Флоренцию является ошибочным, так как Исидор в Иерусалиме не был. Иерусалим появился в заголовке, очевидно, потому, что в сборнике вслед за текстом Хождения во Флоренцию следует «Сказание о пути в Иерусалим» (Хождение игумена Даниила).

Третья группа списков Хождения во Флоренцию представлена двумя списками.

1. ГБЛ, Троицкое собрание, № 805, сборник в 4-ку, 536 лл., скоропись разных почерков второй половины XVI—начала XVII в., основная часть сборника датируется серединой XVI в. (водяные знаки: 1) рука в рукавике с фестонами, над пальцами корона; у Лихачева, Вод. зн., знак такого типа — № 1760 — 1555 г.; 2) кувшинчик с ручками и находящимся в нем растением; у Брике такого типа № 12900 — 1554—1556 гг., 3) сфера, пересеченная чертою, с кружочком внизу и звездочкой наверху; у Лихачева, Палеогр. знач., — № 1758 — 1555 г.).

На л. 231 имеется помета, повторяющаяся на л. 264 и обороте конечного листа: «А се книга Карпа Иванова, сына Матренина». Карп Матренин, монастырский слуга, в 1593 г. жил на оброке в подмонастырной деревне Кокуеве, в 1594 г. двор его, согласно писцовой книге, был пуст.

Сборник смешанного содержания, включает слова святых отцов, жития святых, их чудеса, Хронограф, Летописец новгородский, Хождение игумена Даниила и другие статьи.³⁵ Находящийся в сборнике список Хождения во Флоренцию отличается от списков второй группы не только отсутствием еще большей части окончания (изложение доводится до Флоренции), но и сокращением текста на всем его протяжении, а также добавлением в начале текста иронического описания Новгорода.

Хождение во Флоренцию — лл. 414—416. Заголовок: «Сказание о градех от Великого Новаграда и до Рима».

Начало: «Новград стоит, стен у него нет».

Конец: «Туто же в том граде преименитом и великом избора кончавше, разидошася кождо восвоеси».

2. Соловецкое собрание, № 31(46), сборник в 8-ку, 512 лл., писан мелким, четким полууставом, приближающимся к скорописи, начала XVII в., последняя часть, с. л. 388, приплетена из другой, более ранней рукописи.

Включает мелкие поучения, повести, хождения.³⁶

Хождение во Флоренцию — лл. 425 об. — 429. Заголовок: «Сказание о градех от Великого Новаграда до Рима».³⁷

Текст четвертой группы списков Хождения во Флоренцию по ряду примет, о которых мы будем говорить дальше, близок к тексту третьей группы. Основные отличия от него — отсутствие иронического описания Новгорода и завершение изложения известием о приезде на собор в Феррару. Рассматриваемая группа включает два списка.

1. ГПБ, Погодинское собрание, № 1571, сборник в 4-ку, 127 лл., составлен из нескольких рукописей, писанных полууставом и скорописью XVI и XVII вв., смешанного содержания, Двенадцатая рукопись, включающая списки Хождения во Флоренцию и «Исхождения Авраамия Суздальского», написанная одним почерком, скорописью XVI в., датируется серединой века (водяной знак — кораблик, у Брике такого типа № 11973 — 1552 г.).³⁸

Хождение во Флоренцию — на лл. 79—81 об. Без заголовка.

Начало: «От Великого Новаграда до Пскова два девяноста 7верст».

³⁵ Постатейное описание сборника: Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевской лавры, ч. III. М., 1879, с. 251—255.

³⁶ Постатейное описание сборника: А. Е. Викторов. Описи рукописных собраний. . . , с. 132; Н. В. Русский. Сведения о рукописях. . . , с. 67—72.

³⁷ Текст списка неизвестен, так как местонахождение сборника в настоящее время, что уже отмечено, не устанавливается.

³⁸ Постатейное описание сборника: Бычков. Описание, с. 63—69.

Конец: «. . . и тот на том святом соборе не преминующим путем к богу отъиде, его же возлюбил».

2. ГБЛ, Троицкое собрание, № 801, сборник в 8-ку, полуустав XVII в. Сборник преимущественно религиозно-богослужебного содержания.³⁹ Хождение во Флоренцию — на лл. 165—169 об. Без заголовка.

Начало: «От Великаго Новаграда до Пскова два девяноста верст».

Конец: «. . . и тои на том соборе неприминующим путем к богу отъиде, его же возлюбил».

Помимо названных 17 списков Хождения во Флоренцию, сохранились еще два отрывка его текста.

1. ГПБ, Софийское собрание, № 1453. Сборник в 4-ку, писан полууставом и скорописью XVI в., лл. 162—168 писаны скорописью XVII в. На лл. 167 об.—168 находится статья «О граде Флорензе в Римской земле».⁴⁰ Статья представляет собой отрывок из описания Флоренции в Хождении, включающий рассказ о больнице и монастыре, в котором живут 40 старцев.

Начинается словами: «Град Флоренза велик зело».

Кончается — «. . . и на них смотрят, поминают час смертный».

2. ГИМ, Синодальное собрание, № 448/144, сборник в 4-ку, писан полууставом, переходящим в скоропись XVI в.

После л. 308 вложена тетрадь позднейшего скорописного почерка (конца XVII или начала XVIII в.), включающая несколько отрывков, в том числе отрывок из Хождения во Флоренцию (лл. 309 об.—310 об.).⁴¹ Отрывок представляет собой начало текста Хождения, содержащее описание пути от Москвы до Новгорода.

Начинается словами: «Лета 6945-го поехал митрополит Исидор с Москвы на рождество святых Богородицы».

Кончается: «А от Воячка пошел рекою Мстою в лодее к Великому Новуграду, а кони берегом».

Первый отрывок — из Софийского сборника, № 1453, — возник, вероятно, в результате выборки из текста Хождения сведений о Флоренции, показавшихся составителю отрывка наиболее интересными; в пользу высказанного предположения говорит наличие заголовка «О граде Флорензе в Римской земле», придающее отрывку определенную тематическую направленность. Второй отрывок, из Синодального сборника, № 448/144, содержащий самое начало Хождения, появился, очевидно, случайно, — благодаря тому, что писец, начавший переписку текста Хождения, затем по какой-то причине прервал ее.

Попытаемся теперь ответить на вопрос о том, что представляют собой установленные нами группы списков Хождения во Флоренцию, — варианты одной или различные редакции. Решение этой задачи следует начать с выяснения соотношения между первой и второй группами списков.

Текст первой группы списков, содержащий, как это уже указывалось, описание путешествия русского посольства на Феррарско-Флорентийский собор от Москвы до Флоренции и от Флоренции до Суздаля, представляет по своему жанру Хождение: перечисление в хронологической последовательности географических пунктов с указанием расстояний между ними перемежается в тексте очерковыми описаниями наиболее поразивших

³⁹ Постатейное описание сборника: Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры, ч. III, с. 242.

⁴⁰ Постатейное описание сборника: Абрамович. Софийская библиотека, с. 217—220.

⁴¹ Постатейное описание сборника: Горский и Невоструев. Описание славянских рукописей, с. 209—210.

воображение автора городов и их достопримечательностей, а также в некоторых случаях описаниями чувств и переживаний путников.

Автор Хождения много внимания уделяет внешнему виду европейских городов: пишет о застройке их каменными зданиями, о каналах и фонтанах, отмечает больницы и библиотеки, суконную мануфактуру (в Любеке), выдающиеся архитектурные сооружения и скульптуры (например, в Венеции — собор св. Марка с квадригой коней). Сообщает он сведения и об экономике, особенно подчеркивая торговое значение таких городов, как Любек и Венеция; делает наблюдения по поводу языка и вероисповедания народов, через земли которых проезжали русские путешественники. Вместе с тем, будучи членом церковного посольства, автор много места отводит рассказу о церквях и монастырях. Так, он описывает устройство девичьего монастыря в Юрьеве, мистерию «дары волхвов» — в одной из церквей в Любеке, монастыри — во Флоренции и Венеции, и т. д. Пишет он и о Феррарско-Флорентийском соборе, но примечательно, как пишет: приводит даты заседаний собора, перечисляет его участников, описывает одеяния церковных иерархов, папских телохранителей и т. д. Одним словом, автора интересует лишь внешняя сторона собора; существо же его деятельности, происходившие на нем жаркие споры между сторонниками и противниками унии автора не занимают. В Хождении полностью отсутствует антилатинская окраска.

Текст второй группы списков совпадает в значительной части с текстом первой группы. Совпадение сохраняется (с небольшими разночтениями) вплоть до известия о въезде русского посольства из Загреба. Последующий отрывок, содержащий описание пути от Загреба до Буды, имеет в тексте второй группы по сравнению с текстом первой расхождение, о чем мы скажем ниже. Описание же пути от Буды до Суздаля, читающееся в тексте первой группы, в списках второй группы, как это уже неоднократно указывалось, отсутствует.

Напомним, что по вопросу о том, текст каких списков следует считать первоначальным, в литературе высказывались две точки зрения: Ф. И. Делекторский считал, что первоначальным является текст, включающий описание пути до Суздаля (списки первой группы), и что в списках, доводящих изложение до Буды (списки второй группы), описание последнего отрезка пути опущено; А. Д. Щербина придерживался обратного мнения — он полагал, что текст, заканчивающийся описанием Буды, был первичным и к нему позже с чьих-то слов было добавлено описание пути от Буды до Суздаля.

Чтобы точнее разобраться в последовательности текстов первой и второй группы списков, произведем их сопоставление начиная с того места, где тексты расходятся, и кончая описанием Буды, на котором завершается текст списков второй группы.

Академический
(БАН, 16.8.13)
(Первая группа)

Софийский, № 1465
(Вторая группа)

От Загреба до Раковица 4 мили. А от Раковица до Крижца 3 мили. От Крижца до Копрыницы 3 мили. От Копрыницы до реки Даравы миля. Та убо река у рубежа Словенской земли с Угорскою землею. От реки Дравы до града Закона миля. А от Закона до града Чергу 2 мили. А от града Чиргу до града Сегистя 3 мили. А на тех трех милях ехати до Шегедя лесом все. И ту есть разбои

От Загреба до града Раковца 20 миль. От Раковца до Крижа 15 миль. От Вепши до Белого града 15 миль. Той убо град стоит в поле чисте, красен, велик, ту бо ставят короля. От Белого моря до Будина 40 верст. Той убо град стольный есть угорского короля на славной реце Дунай, а красен убо и велик, и посади по обе стране реки. Королев двор стоит в граде велики крепок и хорош. И есть

велик велики, без переима, и человек доспешных едва мочи проехати, иже бог поможет; ту и шубу разбили в Федорову субботу; а выежжуют на тот разбой из Чиргова от Шегезяда и от всех сторон. А от Шегезяда до Иляши миля. А от Иляши до Дюд 5 миль великих; и на тых милях есть же разбой велик. А от Дюд до Корешеди до Вешшина 4 мили. А от Вешшина до Белгорода 3 мили. А от Белгорода до Мартомвашера 4 мили. А от Мартомвашера до Будина 4 мили. И той есть град столицы и Угореского крьльвства и стоит на славной реце Дунай. *(Далее следует описание пути от Будина до Сувдаля).*⁴²

убо на посаде за градом кладязь, кипит аки в котле горяча водою и зиме, и лете.⁴³

В приведенных отрывках содержится описание пути от Загреба до Буды. Оно построено по принципу перечисления географических (преимущественно населенных) пунктов с указанием расстояний между ними. В Академическом списке перечисляются следующие географические пункты: Загреб, Раковец, Крижец, Копрыница, река Драва, Закон, Чиргов (Чергу), Сегист (Шегезд), Иляш, Дюды, Корешдь, Вешшин, Белгород, Мартомвашерь, Будин. В Софийском списке ряд этот гораздо более короткий: Загреб, Раковец, Криж, Вешшин, Белгород, Будин;⁴⁴ населенные пункты, расположенные между Крижем (Крижица) и Вешшей (Вешшин), не упомянуты. Далее, в Академическом списке последовательно указываются расстояния от одного пункта до другого; в Софийском же списке этот принцип дважды нарушен: 1) не указано расстояние между Крижем (Крижица) и Вешшей (Вешшин); характерно, что этот перерыв в указании расстояний приходится на то место Софийского списка, где отсутствуют названные в Академическом списке населенные пункты, расположенные между Крижецем и Вешпином: это наводит на мысль о пропуске текста в Софийском списке; 2) не указано расстояние между Белгородом и следующим за ним в Софийском списке Будиним, но вместо того дается расстояние от Белого (Адриатического) моря (в предыдущей части отрывка не фигурирует) до Будина. Отсутствие названий части населенных пунктов в Софийском списке и нарушение в нем принципа последовательности в указании расстояний между географическими пунктами свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что текст Софийского списка (вторая группа) является по отношению к тексту Академического списка (первая группа) вторичным.

Вторичный характер в Софийском списке имеет, как нам кажется, и описание Белгорода и Буды. В Академическом списке оно отсутствует (о Буде сказано лишь, что он стоит на Дунае и является столицей Венгерского королевства), что соответствует характеру рассматриваемого отрывка — перечисление населенных пунктов с указанием расстояний между ними. В Софийском же списке о Белгороде сказано, что он «стоит в поле чисте, красен, велик, ту бо ставят короля»; описание Буды еще более подробное: указывается, что город — столица Венгрии, находится на Дунае, «красен убо и велик» (тот же литературный штамп, что и при описании Белгорода), имеет посады по обе стороны реки; и далее описывается королевский двор и горячие ключи под Будой. Представляется,

⁴² ГПБ, Софийское собрание, № 1465, л. 239. Мы приводим текст по наиболее раннему списку второй группы.

⁴³ Н. А. Казакова. Первоначальная редакция Хождения на Флорентийский собор, с. 70.

⁴⁴ При перечислении населенных пунктов мы употребляем формы, читающиеся в текстах анализируемых списков.

что описания Белгорода и Буды, выпадающие из общего стиля анализируемого отрывка, были добавлены позднее. Эти наблюдения также подтверждают правильность мнения Ф. И. Делекторского о том, что текст Хождения, содержащий описания путешествия до Суздаля (списки первой группы), является первоначальным и что в списках, доводящих изложение до Буды (списки второй группы), заключительная часть текста с описанием пути от Буды до Суздаля была опущена.

Думается, что составитель протографа списков второй группы, совершая обе операции — перерабатывая отрывок, содержащий описание пути от Загреба до Буды, и опуская последнюю часть текста с описанием пути от Буды до Суздаля (сухое перечисление населенных пунктов и расстояний), руководствовался одним побуждением: сделать текст более интересным и занимательным для читателя. Перед нами, таким образом, целеустремленная переработка текста. И хотя она не сопровождалась изменением идеологической направленности или стиля произведения, но за счет исключения неинтересных для читателя отрывков возникли настолько существенные отличия в фактическом содержании памятника, что они дают возможность рассматривать произведенную переработку как новую редакцию. Поскольку главным признаком этой редакции являлось сокращение текста, постольку естественно назвать ее сокращенной редакцией. Но переработка с целью сокращения текста Хождения имела место в истории памятника и позже (о чем мы будем говорить далее), поэтому анализируемую сейчас нами редакцию (списки второй группы) целесообразно именовать первой сокращенной редакцией, текст же, представленный списками первой группы (Академический и Музейный), предшествующий ее возникновению, следует определять как первоначальную редакцию.

К первой сокращенной редакции, помимо 10 списков, заканчивающихся описанием Буды, мы относим также список Погодинского собрания, № 1606, завершающийся известиями о выезде русского посольства из Венеции и возвращении затем на родину. Появление этого списка было вызвано, очевидно, теми же причинами, что и первой сокращенной редакции в целом, — стремлением исключить отрывки, неинтересные для читателя (текст, следующий за известием о выезде русского посольства из Венеции, менее интересен, чем предшествующий, — в нем отсутствуют очерковые описания виденного, характерные для предыдущей части текста). Не выделяя Погодинский список, № 1606, в отдельную редакцию, так как от списков, заканчивающихся описанием Буды, он отличается отсутствием лишь сравнительно небольшого заключительного отрывка, мы определяем его как список второго вида первой сокращенной редакции, считая списками первого, основного, вида названные выше 19 списков, доводящих изложение до Буды.

Время возникновения первоначальной редакции совпадает со временем поездки русского посольства на Феррарско-Флорентийский собор (выезд из Москвы — 8 сентября 1437 г., возвращение в Суздаль — 29 сентября 1440 г.⁴⁵). О том, что Хождение велось в пути и позже не пере-

⁴⁵ Н. И. Новиков в своем издании Хождения дает перевод имеющихся в нем дат на современное летоисчисление. Издатель исходит, очевидно, из предположения об упоминании в Хождении сентябрьского года и датирует, в частности, выезд посольства из Москвы (который, согласно тексту Хождения, произошел «лета 6945. . . на рождество святыя Богородици») 8 сентября 1436 г., приезд в Феррару — 18 августа 1437 г., первое заседание собора в Ферраре — 8 октября 1437 г., провозглашение акта об унии во Флоренции — 6 июля 1438 г., выезд посольства из г. Сени на Средиземном море (последняя дата, имеющаяся в тексте, изданном Н. И. Новиковым) — 7 января 1439 г. (Древняя Российская Вифлиофика, ч. VI, с. 27, 36, 37, 42, 47). Эти даты являются ошибочными: как известно, заседания собора в Ферраре начались в 1438 г., провозгла-

рабатывалось, свидетельствует тот факт, что автор без всяких переходов, обобщений описывает различные явления: заседания собора — и торг на папском дворе, изготовление шелковых тканей — и принятие унии, вид церкви — и устройство зверинца, и т. д. Упомянутые в Хождении характерные для каждого города детали, подробности в описании строений и украшений также нельзя было передать по памяти.⁴⁶ О дневниковом характере Хождения свидетельствуют и точные даты, в нем приводимые, и неизменно указываемые даже между самыми мелкими пунктами состояния, удержать которые в памяти было невозможно.

Несколько слов об авторе Хождения. Поскольку первоначальная его редакция заканчивается известием о возвращении в Суздаль, постольку представляется несомненным, что автор входил в состав свиты суздальского епископа Авраама. Мы присоединяемся также к точке зрения А. Павлова и Ф. И. Делекторского, считавших автора Хождения мирянином, светским чиновником суздальского епископа. В ее пользу свидетельствует отмеченный выше интерес автора к различным сторонам жизни европейских стран, а главное — его религиозная индифферентность и отсутствие антилатинских настроений. Приводимая же А. Д. Щербиной и Н. В. Мощинской аргументация в доказательство принадлежности автора к духовным лицам — указание на его склонность к описанию церквей и религиозных святых — не представляется убедительной, так как, во-первых, эта склонность в Хождении во Флоренцию отнюдь не преобладает, а во-вторых, святых охотно описывали и те древнерусские путешественники, о которых доподлинно известно, что они были мирянами (например, гость Василий в своем «Хождении» на Ближний Восток, относящемся к 1466 г.). Дополнительный довод Н. В. Мощинской — ссылка на два места из Хождения во Флоренцию, в которых речь идет о посещении автором монастырей, доступных только для духовных лиц,⁴⁷ также нам кажется спорным. Первое место, где сообщается о посещении автором в составе свиты митрополита Исидора женского монастыря в Дерпте («... а от мирян никак же к ним не ходят, но токмо же нам у них бывшим с господином»), свидетельствует скорее о светском происхождении автора — подчеркивается, что он был в монастыре в иде и сключе и и я («токмо»). Во втором месте, рассказывающем о посещении участниками русского посольства мужского монастыря во Флоренции, закрытого для мирян («... ни миряне к ним не ходят николи же... в том же монастыре был господин, и нам ту же бывшим»), также отмечается, что автор Хождения попал в монастырь вместе с митрополитом Исидором, перед спутниками которого открывались все двери.

Датировать первую сокращенную редакцию трудно. Несомненно, что верхней гранью является время создания первоначальной редакции — 1437—1440 гг., нижней гранью — время, к которому относится наиболее ранний сохранившийся список первой сокращенной редакции — Софийский список, № 1465, начала XVI в. Таким образом, первая сокращен-

шение акта об унии имело место во Флоренции 6 июля 1439 г. Ошибки, возникшие у Н. И. Новикова, исчезнут, если считать, что в Хождении употреблен мартовский год: тогда выезд из Москвы придется на 8 сентября 1437 г., приезд в Феррару — на 18 августа 1438 г., начало заседаний собора в Ферраре — на 1438 г., провозглашение унии во Флоренции — на 6 июля 1439 г., выезд из Сени — на 7 января 1440 г., возвращение в Суздаль (о котором в тексте, изданном Н. И. Новиковым, речи нет) — на 29 сентября 1440 г. Несомненно, что в Хождении был использован мартовский календарный год.

⁴⁶ Н. В. Мощинская. Об авторе «Хождения на Флорентийский собор» в 1439—1441 гг., с. 295—296. Указанная в заглавии статьи Н. В. Мощинской датировка Хождения 1439—1441 гг. является ошибочной (см. прим. 45 нашей статьи).

⁴⁷ Там же, с. 295—296. См. также: Н. А. Казакова. Первоначальная редакция Хождения на Флорентийский собор, с. 67—68.

ная редакция возникла между 40-ми годами XV в. и началом XVI в. Думается, что возникновение ее следует отнести скорее к началу XVI в.

В начале XVI в. в связи с созданием Русского централизованного государства и расширением его зарубежных контактов в русской письменности возрастает интерес к европейским странам: в летописях увеличивается число известий о них, в сборниках и среди дополнительных статей летописей появляется статья «Европейской страны короли», дающая представление о системе государств,⁴⁸ в 20-х годах переводится «Письмо Максимилиана Трансильвана», содержащее описание путешествия Магеллана,⁴⁹ а также «Сказание о брани венециан противу турецкого царя», повествующее о турецкой угрозе Европе.⁵⁰ В атмосфере возрастания интереса к европейским государствам русских книжников легко могла возникнуть мысль о переработке Хождения во Флоренцию путем удаления из него сухих неинтересных частей текста с целью создания новой, более занимательной для читателя, редакции произведения. И, может быть, не случайно, из 10 сохранившихся списков первого вида сокращенной редакции 4 списка (Софийский, № 1465, Софийский, № 1464, Погодинский, № 1572, ОЛДП, Q.63) приходятся на первую половину XVI в. Но, конечно, предположение о создании первой сокращенной редакции в начале XVI в. является лишь гипотезой.

Еще более гипотетичными представляются суждения о времени возникновения второго вида первой сокращенной редакции. Единственный известный список этого вида — Погодинский, № 1606, находится в сборнике XVII в., включающем статьи преимущественно географические и исторические.⁵¹ Не создан ли был рассматриваемый вид первой сокращенной редакции Хождения (особенностью которого является отсутствие малоинтересного отрывка, следующего за известием о выезде русского посольства из Венеции) специально для этого сборника? Тогда станет понятным, почему второй вид первой сокращенной редакции Хождения не получил широкого распространения.

Как мы уже указывали, тексты третьей (Троицкое собрание, № 805) и четвертой групп списков (Погодинское собрание, № 1571, Троицкое собрание, № 801) отличаются от текста второй (первая сокращенная редакция) не только отсутствием еще большей части окончания (в третьей группе изложение доводится до Флоренции, в четвертой — до Феррары), но и сокращением всего оставшегося текста. Чтобы направление переработки, а также соотношение 4 групп списков были наглядно видны, приведем перечень эпизодов, имеющих в первоначальной и первой сокращенной редакциях (в части, описывающей путешествие до Флоренции), с одной стороны, и в третьей и четвертой группах списков — с другой.

Сопоставление показывает, что текст третьей группы (Троицкое собрание, № 805) по сравнению с текстами первоначальной и первой сокращенной редакций претерпел значительные изменения. Отвлекаясь пока от иронического описания Новгорода, с которого начинается текст третьей группы, отметим следующее: 1) описание путешествия в нем от Новгорода до Любека заменено указанием расстояний; 2) выпущены

⁴⁸ Н. А. Казакова. «Европейской страны короли». Исследования по отечественному источниковедению. — Труды ЛОИИ, вып. 7. М.—Л., 1964, с. 418—425.

⁴⁹ Н. А. Казакова, Л. Г. Катушкина. 1) Русский перевод XVI в. первого известия о путешествии Магеллана. (Перевод «Письма Максимилиана Трансильвана»). — ТОДРЛ, т. XXIII. Л., 1968, с. 227—252; 2) Первое известие древнерусской письменности о путешествии Магеллана. — Известия ВГО, т. 101, вып. 3. 1969, с. 274—276.

⁵⁰ Н. А. Казакова. Новый памятник турецкой темы в русской литературе XVI в. Памятники культуры. Новые открытия. М., 1975, с. 62—70.

⁵¹ См. выше, с. 82.

Первоначальная и первая сокращенная редакции	Третья группа списков	Четвертая группа списков
Путь от Москвы до Новгорода. Пребывание в Новгороде. Пребывание в Пскове. «Град немецкий Коспир».	Ироническое описание Новгорода.	То же.
Описание Юрьева. Путь от Юрьева до Риги. Пребывание в Риге. Плавание по морю от Риги до Любека. Описание Любека.	Расстояния от Новгорода до Пскова, от Пскова до Риги и от Риги до Любека.	То же.
Путь митрополичьего обоза по суше от Риги до Любека. Путь от Любека до Люнебурга. Описание Люнебурга.	Краткое описание Любека.	Еще более краткое описание Люнебурга.
Описание Брауншвейга. Описание Магдебурга («Батмера»). ⁵²	Краткое описание Люнебурга. То же. ⁵⁴ Описание «Мальборка», почти совпадающее с описанием «Батмера». Почти то же.	Еще более краткое описание Люнебурга.
Описание Лейпцига и Эрфурта («Афрата»). Пребывание в Бамберге.	То же, с небольшими сокращениями. То же, с небольшими изменениями и сокращениями. То же. Описание Аугсбурга.	То же. То же. Характеристика Аламанской земли. Описание Аугсбурга.
Описание Форхгейма («Понтиска»). ⁵³ Описание Нюрнберга. Характеристика Аламанской земли. Описание Аугсбурга.	Характеристика Аламанской земли. То же, с некоторыми изменениями. Приезд в Феррару на собор.	То же, с некоторыми изменениями. Приезд в Феррару на собор и перечень православных митрополитов — участников собора.
Путь через Альпийские горы. Приезд в Феррару на собор, перечень православных митрополитов — участников собора — и описание его заседаний. Описание часов во дворце папы в Ферраре. Цены на продукты питания. Решение о переезде собора во Флоренцию. Путь от Феррары во Флоренцию. Описание Флоренции.	Расстояние от Феррары до Флоренции. Краткое описание Флоренции.	

⁵² «Батмер» — едва ли может быть что-либо иное, как на редкость искаженное название Магдебурга (L. M ü l l e r. Ein Russe bereist 1438 die Salzstrasse, S. 5). К этому добавим, что в списке Хождения из Троицкого собрания, № 805, середины XVI в. (третья группа списков), вместо «Батмера» назван «Мальборк», т. е. употреблена форма, более близкая к правильному названию Магдебурга.

⁵³ Согласно обычагальскому мнению, еще в XVII в. Форхгейм считался родиной Пилата (L. M ü l l e r. Ein Russe bereist 1438 die Salzstrasse, S. 5).

⁵⁴ «То же» обозначает эпизод, совпадающий по содержанию и близкий к предыдущей редакции текстуально.

Описание заседаний собора. (Далее в первоначальной редакции следует описание путешествия от Флоренции до Суздаля, в первой сокращенной редакции — до Буды).

Известие об отъезде участников собора на родину.

почти все описания пути по Германии и Италии, за исключением пути через Альпийские горы; 3) сокращены описания Любека (за счет изъятия главным образом описания церквей и монастырей) и Лüneбурга; 4) выпущены все известия, касающиеся Феррары, за исключением известия о приезде на собор; 5) сокращено описание Флоренции (при этом полностью опущены описания церквей и монастырей); 6) описание заседаний собора во Флоренции путешествия из Флоренции на Русь заменено кратким сообщением об окончании собора и возвращении его участников на родину («восвояси»). Все эти изменения показывают, что переработка текста при создании протографа третьей группы списков Хождения шла по линии дальнейшего сокращения. Но сокращение производилось не просто ради сокращения. В результате от текста Хождения остались (если не считать описания пути через Альпийские горы и кратких известий о приезде или выезде из того или иного города) лишь описания немецких и итальянских городов. Получилось действительно «Сказание о градах» (как называется единственный известный список третьей группы), проникнутое к тому же интересом только к светским памятникам. Вместе с тем «Сказанию» была придана ярко выраженная противоновгородская окраска — зарубежные города, с их подчеркнутыми красотой и благоустройством, противопоставлялись Новгороду, с убийственной характеристики которого начинается «Сказание»: «Новгород стоит, стен у него нет; были деревянные, и те погорели», и далее отмечаются неурядицы в Новгороде («меньши их (бояр, — Н. К.) не слушают») и дурное поведение новгородцев («сквернословы, плохы, а пьют много и лихо»). Составитель текста третьей группы списков Хождения использовал Хождение во Флоренцию для того, чтобы создать своего рода памфлет на Новгород. Поэтому мы считаем этот текст новой, очень своеобразной редакцией Хождения во Флоренцию. Поскольку наиболее яркой особенностью ее является противоновгородская направленность, постольку мы предлагаем называть эту редакцию антиновгородской.⁵⁵

Между текстами антиновгородской редакции и четвертой группы списков Хождения имеются различия. В тексте четвертой группы отсутствуют описания Новгорода, некоторых немецких городов (Брауншвейга, Магдебурга, Лейпцига, Эрфурта), а также Флоренции, читающиеся в антиновгородской редакции. В то же время по сравнению с последней в тексте четвертой группы имеется дополнительный отрывок — перечень православных митрополитов, участников собора в Ферраре. Но наряду с различиями между обоими текстами обнаруживается много общего: совпадает читающееся в обоих текстах указание расстояний от Новгорода до Пскова, от Пскова до Риги и от Риги до Любека (которым заменено

⁵⁵ В связи с рассмотрением Новгородского летописца, находящегося в сборнике Троицкого собрания, № 805, А. Н. Насонов упоминает «Сказание о градах», приводит начало и конец его текста и пишет, что содержание «Сказания» показывает, что автор — человек, ненавидевший «меньших», описывавший население своего города в черных красках и восторгавшийся всем иноземным. А. Н. Насонов отмечает также, что тексты «Сказания» и статьи сборника Троицкого собрания, № 801 (четвертая группа списков Хождения во Флоренцию), имеют общий источник (А. Н. Насонов. Летописные памятники хранилищ Москвы. (Новые материалы). — Проблемы источникововедения, IV. М., 1955, с. 255 и прим. 2).

имеющееся в первоначальной и первой сокращенной редакциях описание путешествия русского посольства от Москвы до Любека), совпадают или очень близки описания немецких городов (Любека, Люнебурга, Форхгейма, Нюрнберга, Аугсбурга), «Аламанской земли», пути через Альпийские горы, а также известие о приезде в Феррару на собор. Столь значительная близость между сохранившимся списком антиновгородской редакции (Троицкое собрание, № 805) и списками четвертой группы (Погодинское собрание, № 1571, и Троицкое собрание, № 801) свидетельствует о том, что как первый, так и вторые списки восходят к общему протографу. С нашей точки зрения, таким протографом был созданный неизвестным книжником текст антиновгородской редакции, переработку которой представляют списки четвертой группы.

В пользу предположения о первичности антиновгородской редакции по сравнению с текстом четвертой группы говорят следующие данные: 1) наличие в начале ее описания Новгорода, после которого логично следует отсчет расстояний от Новгорода («От Великого Новаграда до Пскова два девяноста верст. А от Пскова до Риги три девяноста верст. А от Риги до Любка-города морем семсот верст, а берегом тысяча верст»); 2) наличие описания Флоренции и заключительной фразы о возвращении участников собора из Флоренции на родину, благодаря чему текст имеет форму законченного произведения; 3) отсутствие перечня православных митрополитов, участников собора в Ферраре, которое читается в тексте четвертой группы и которое в произведении, содержащем описание городов, выглядит инородным элементом.

Составитель протографа четвертой группы списков Хождения во Флоренцию, перерабатывая текст антиновгородской редакции, с одной стороны, произвел его дальнейшее сокращение, а с другой, пользуясь списком первоначальной или первой сокращенной редакции, — сделал дополнения, освещающие деятельность Феррарско-Флорентийского собора. Очевидно, он хотел создать краткий вид Хождения, но в то же время отображающий работу собора. Поскольку созданная им обработка текста отличалась от антиновгородской редакции и по фактическому содержанию, и по идейной окраске (отсутствие антиновгородской направленности), постольку мы рассматриваем ее как новую редакцию Хождения, которую называем второй сокращенной, в отличие от первой сокращенной редакции. Вторая сокращенная редакция дошла до нас в дефектном виде. Доказательством этого служит перечень православных митрополитов, участников собора в Ферраре, которым завершаются³ тексты списков Погодинского собрания, № 1571, и Троицкого собрания, № 801. Этот перечень имеет смысл только как составная часть описания деятельности Феррарско-Флорентийского собора, и несомненно, что такое описание в протографе третьей сокращенной редакции имелось. Но вследствие механической утраты последней части текста возник дефектный вид рассматриваемой редакции, представленный списками Погодинского собрания, № 1571, и Троицкого собрания, № 801.

Каким временем датируются антиновгородская и вторая сокращенная редакции Хождения во Флоренцию?

Датирующие данные для определения времени создания антиновгородской редакции содержатся в описании Новгорода, с которого начинается ее текст: «Новгород стоит, стен у него нет; были древяны, и те погорели; и костры также возгорели, не покрыты. А ворот нет, хто хочет, тот идет и выидет, а сторожей нету. А река Волхов течет из озера Ильмеря сквози город да в Ладоское озеро. А бояре в нем меншими людьми наряжати не могут, а меншии их не слушают. А люди сквернословы, плохы, а пьют много и лихо, только их бог блюдет за их глупость». В ка-

честве правящего слоя Новгорода, которому, правда, «меньшие люди» в момент, когда составитель антиновгородской редакции писал свое Хождение, не оказывали послушания, но которое тем не менее рассматривалось составителем как правящее, названы бояре. Это обстоятельство заставляет отнести время составления антиновгородской редакции к периоду новгородской самостоятельности, но естественно, что к позднему ее этапу — после 1437—1440 гг., так как в эти годы была создана Первоначальная редакция Хождения во Флоренцию, раньше которой «Сказание о градах» появиться не могло.

Время, когда была создана антиновгородская редакция Хождения, характеризовалось далее, как это следует из описания Новгорода, внутренними неурядицами в нем и бедами, причиненными пожарами. Нам кажется, что эти признаки ведут к 40-м годам XV в. В 1442 г. Новгород охватили страшные пожары, опустошившие значительную часть города и вызвавшие беспорядки; под 1445 г. новгородский летописец записал о дороговизне хлеба, продолжавшейся 10 лет, голоде, несправедном суде; в 1447 г. из-за литвя неполноценных денег в Новгороде вспыхнул «мятежь велик». ⁵⁶ Таким образом, 40-е годы XV в. отмечены в истории Новгорода большими пожарами, острой классовой борьбой, выступлениями низов против бояр. Возможно, что все эти события сказались отрицательным образом на внешнем виде Новгорода и упадке в нем сторожевой службы, о чем язвительно писал составитель рассматриваемой редакции Хождения, хотя более чем вероятно, что с его стороны имело место сознательное сгущение красок. О возможности сгущения темных красок при описании Новгорода свидетельствует и характеристика нравов новгородцев. Такую резкую характеристику мог дать лишь человек, занимавший отрицательную позицию в отношении Новгорода и новгородцев.

Кем же был автор рассматриваемой редакции Хождения? Трудно допустить, чтобы он был новгородцем: вряд ли новгородец, к какой бы части общества он ни принадлежал, стал бы давать такое уничижительно-ироническое описание своего родного города и своих сограждан. Думается, что автор антиновгородской редакции Хождения был москвичом. 40—50-е годы XV в. — время напряженных отношений между Новгородом и Москвой, которые особенно обострились из-за поддержки Новгородом Дмитрия Шемяки в период феодальной войны на Руси второй четверти XV в. ⁵⁷ В связи с этим памятникам московской литературы середины и второй половины XV в. свойственно пренебрежительно-отрицательное отношение к новгородцам. Так, рассказ московских летописей о победе москвичей над новгородцами во время похода Василия Темного на Новгород в 1456 г. проникнут презрением к боеспособности новгородцев, а в «Послании» митрополита Ионы в Новгород 1448—1459 гг. указывается, что там царят «ярость, и свары, и прекословие». виновниками которых были «збродни пьянчивые и кровопролитные человеки». ⁵⁸ Эти характеристики удивительным образом перекликаются с уничижительно-ироническим описанием Новгорода в рассматриваемой редакции Хождения, что является дополнительным аргументом в пользу ее принадлежности к московскому книжнику. ⁵⁹

⁵⁶ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, с. 423—425; Новгородская четвертая летопись. — ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. 2. Л., 1925, с. 443—444.

⁵⁷ В. Н. Б е р н а д с к и й. Новгород и Новгородская земля в XV в. М.—Л., 1961, с. 247—257.

⁵⁸ Московский летописный свод конца XV в. — ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949, с. 275; Послание Ионы, митрополита московского и всеа Руси, в Великий Новгород о боях усобных. — РИБ, т. VI. СПб., 1880, стлб. 549.

⁵⁹ Подробнее об антиновгородской редакции «Хождения» см.: Н. А. К а з а к о в а. «Сказание о градах от Великого Новаграда и до Рима». Памятники культуры (в печати).

Хронологические рамки времени создания второй сокращенной редакции Хождения во Флоренцию определяются, с одной стороны, временем составления антиновгородской редакции, т. е. серединой XV в., а с другой — датой наиболее раннего из известных списков второй сокращенной редакции, списка Погодинского собрания, № 1571, относящегося к середине XVI в. Думается, что вторая сокращенная редакция возникла скорее в первой половине XVI в., когда у русских книжников обозначился интерес к составлению кратких произведений о зарубежных странах (например, статьи «Европейской страны короли»,⁶⁰ «Татарским землям имена»⁶¹), подобных второй сокращенной редакции Хождения.

Произведенный нами анализ основных этапов истории текста Хождения во Флоренцию позволяет сделать следующие выводы.

Если отвлечься от иронического описания Новгорода в антиновгородской редакции памятника, придавшего ему характер памфлета на Новгород, то на всем протяжении истории текста Хождения оставалась неизменной его сущность — произведения, имевшего целью донести до читателя сведения о чужих городах и землях.

Переработка текста шла по линии его сокращения, выпускались в первую очередь наименее интересные для читателя отрывки, содержавшие перечень населенных пунктов и указания расстояний между ними (редакции первая сокращенная, антиновгородская, вторая сокращенная); сокращение происходило также за счет исключения отрывков, посвященных описанию религиозных святынь, церквей и монастырей, деятельности Феррарско-Флорентийского собора (редакции антиновгородская и частично — вторая сокращенная). Таким образом, основная тенденция в развитии текста памятника заключалась, с одной стороны, в придании ему большей занимательности, а с другой — в выявлении его светского характера. Создание же антиновгородской редакции Хождения путем включения в его состав уничижительного описания Новгорода представляло собой отклонение от главного направления рукописной традиции произведения.

Установленной нами тенденции в истории текста Хождения в корне противоречит содержание и направленность списков Черниковского и Басовского, которые, по утверждению И. Сахарова, были положены в основу его издания. Напомним, что изданный И. Сахаровым текст представляет собой соединение текста Хождения с «Повестью о восьмом соборе» Симеона Суздальского, благодаря чему произведению был придан не свойственный ему дух антилатинской полемики. Мы уже отмечали, что А. Д. Щербина, с одной стороны, основываясь на установленном ею факте использования И. Сахаровым текста Хождения в издании Н. И. Новикова, а с другой — учитывая случаи сочинения И. Сахаровым опубликованных им произведений, пришла к выводу о том, что списки Черниковский и Басовский являются плодом вымысла И. Сахарова. Вывод и аргументация А. Д. Щербиной нам представляются убедительными. К сказанному А. Д. Щербиной добавим, что в результате выявления и изучения рукописной традиции Хождения во Флоренцию нами не обнаружено ни одного списка, не только аналогичного Черниковскому и Басовскому, но даже хотя бы отдаленно их напоминающего. Более того, само содержание и направленность текста, изданного И. Сахаровым, идут вразрез, как уже отмечено, с общим характером эволюции текста памятника, которую мы постарались показать в настоящей работе. Это является лишним аргументом в пользу мнения о том, что Черниковский и Басовский списки никогда не существовали.

⁶⁰ Н. А. Казаков а. «Европейской страны короли».

⁶¹ ГПБ, Софийское собрание, № 1465, л. 238 об., и № 1464, л. 502 об.

Я. С. ЛУРЬЕ

Московский свод 1479 г. и его протограф

I

Московский великокняжеский свод 1479 г. был открыт А. А. Шахматовым. Еще в 1900 г. он высказал предположение о существовании великокняжеского свода 1479 г. на основе анализа так называемой Ростовской, или Архивской, летописи (где текст до 1479 г. близок к общерусскому летописанию XVI в., а с 1480 г. следует совсем иной, новгородский, свод),¹ а затем Московский свод 1479 г. был найден им в «чистом» виде — в Эрмитажном списке XVIII в.² А. А. Шахматов открыл и другой памятник, сходный со сводом 1479 г. в своей последней части (после 1425 г.), — свод 1472 г., сохранившийся в Никаноровской и Вологодско-Пермской летописях.³ Сравнивая оба свода, ученый обнаружил основное различие между ними: текст свода 1472 г. до 1425 г. краток, представляя собой сокращенное изложение СИЛ; в своде 1479 г., напротив, первая часть достаточно обширна и отражает влияние целого ряда источников.⁴ Шахматов сделал попытку определить эти источники. По его мнению, Московский свод (уже в более ранней редакции 50-х годов XV в., которую в данном случае отразила редакция 1479 г.) опирался, кроме СИЛ (свода 1448 г.), на общерусский митрополичий свод — Полихрон 1423 г., в свою очередь восходивший и к более древнему Полихрону начала XIV в. Из этого источника в Московский свод, очевидно, проникли особые южнорусские известия конца XII в., близкие к Ипатьевской летописи, и уникальные владими́ро-суздальские известия начала XIII в.⁵ Но что представлял собой Полихрон 1423 г. и как может быть определен его состав? По мнению А. А. Шахматова, этот памятник, не дошедший до нас,

¹ А. А. Шахматов. Общерусские летописные своды XIV и XV вв. — ЖМНП, ч. СССХХХI, 1900, № 2, с. 152—159.

² А. А. Шахматов. 1) О так называемой Ростовской летописи. М., 1904 (оттиск — ЧОИДР, 1904, кн. 1), с. 163—165; 2) Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, с. 236. Стоит отметить, что, открыв «предсказанный» им свод 1479 г., А. А. Шахматов не только не упомянул о том, что этим была подтверждена его гипотеза 1900 г., но даже не указал, что список ГПБ (Эрмит., № 4166) был введен им в науку впервые, — он ограничился только простой ссылкой на этот список.

³ А. А. Шахматов. Общерусские летописные своды XVI и XV вв., — ЖМНП, ч. СССХХХI, 1900, № 9, с. 141—144.

⁴ А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938 (далее: Шахматов. Обзорение), с. 257, 264—265 и 356—357.

⁵ А. А. Шахматов. 1) Общерусские летописные своды XIV и XV вв. — ЖМНП, ч. СССХХХI, 1900, № 2, с. 152—159; 2) Обзорение, с. 273—283. А. А. Шахматов колебался при определении числа источников свода 1479 г.: в тексте «Обзорения» он указывал еще на два источника — Троицкую летопись и Ростовский владычный свод, но в приписке на полях отказался от своего предположения (с. 281).

наиболее непосредственно отразился в Русском хронографе (редакции 1512 г. и западнорусской редакции) и в Ермолинской летописи (представлявшей собой, по предположению А. А. Шахматова, ростовский владычный летописный свод XV в.).⁶

Несколько иначе характеризовал источники свода 1479 г. М. Д. Приселков. Основным предшественником этого свода он считал свод 1472 г., отразившийся в Никаноровской и Вологодско-Пермской летописях; свод 1472 г. был, по мнению М. Д. Приселкова, великокняжеским. Краткую первую его часть — до 1425 г. — ученый считал органической частью свода, принадлежащей тому же великокняжескому сводчику 1472 г., опиравшемуся здесь на СИЛ (а не составителю оригинала Никаноровской и Вологодско-Пермской, как думал А. А. Шахматов); расширение же этой первой части в своде 1479 г. было делом рук уже нового сводчика, не удовлетворенного работой своего предшественника. М. Д. Приселков допускал, что сводчик 1479 г. использовал для пополнения своего текста более раннюю московскую летопись (не дошедший до нас «Летописец великий русский» редакции 1425 г. или 1463 г.), но большинство новых материалов (из ростовского и южнорусского источника) этот сводчик, по мнению М. Д. Приселкова, привлек самостоятельно.⁷

Особенно важное значение для построения истории летописания имело исследование Ермолинской летописи (далее: Е) и ее сопоставление с Московским сводом 1479 г. (далее: М), проведенное А. Н. Насоновым. Уже А. А. Шахматов установил близость Е и М,⁸ но, как справедливо заметил А. Н. Насонов, систематического сличения этих летописей, очевидно, не произвел.⁹ Поскольку, по схеме А. А. Шахматова, М использовал Полихрон в качестве одного из источников, а Е его отражала более непосредственно, то, очевидно, сходные тексты должны были быть в основном первичными в Е и вторичными в М. Сличив М с Е на большом протяжении, А. Н. Насонов установил, что именно в Е содержится «сокращение того сложного текста, который представлен до 1425 г. в Московском своде 1479 г.»¹⁰ Не значит ли это, что М был источником Е? А. Н. Насонов отверг такой вывод, указав, что, несмотря на большую полноту М, в Е «обнаруживаются детали, частью конкретного содержания, отсутствующ-

⁶ Шахматов. Обзорение, с. 133—150. Предположение о Владимирском полихроне как дополнительном (по сравнению с Лаврентьевской и Ипатьевской летописями) источнике, отразившемся в ряде летописей XV—XVI вв., было принято и Е. Ю. Перфецким; однако автор не знал ни Московского свода 1479 г., ни Ермолинской летописи и опирался вместо них на Тверскую и Львовскую летописи (восходящие, как обнаружил уже А. А. Шахматов, в тексте за XII—XIII вв., к Ермолинской), а также на Воскресенскую летопись (в основе которой лежит Московский свод конца XV в.); таким же отражением Владимирского полихрона Е. Ю. Перфецкий считал Софийскую I и Новгородскую IV летописи (ср.: Е. Ю. П е р ф е ц к и й. Русские летописные своды и их взаимоотношения. Братислава, 1922, с. 5—6, 16—18). Рассказ об ослеплении Ростиславичей в 6685 (1177) г., скомпилированный в своде 1448 г. из известий Лаврентьевской, Ипатьевской и Новгородской I и заимствованный из Софийской I в Московском своде, Ермолинской, Воскресенской, Львовской и Тверской летописях, Е. Ю. Перфецкий считал поэтому первоначальным рассказом владимирского свода 1189 г., который был сокращен в протографе Лаврентьевской и Радзивилловской летописей (там же, с. 22—28).

⁷ М. Д. П р и с е л к о в. История русского летописания. Л., 1940 (далее: Приселков. История), с. 174, 177—182.

⁸ А. А. Ш а х м а т о в. Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод. СПб., 1904 (оттиск — ИОРЯС, т. IX, 1904, кн. 1), с. 377, 389.

⁹ А. Н. Н а с о н о в. История русского летописания XI—начала XVIII в. М., 1969 (далее: Насонов. История), с. 260—262.

¹⁰ Там же, с. 262—266.

щие в Московском своде, которые свидетельствуют, что оригинал Ермолинской летописи использовал не самый Московский свод, а его сложный по составу источник.¹¹ К конкретным примерам, приведенным в этом случае А. Н. Насоновым, мы еще обратимся, пока же отметим, что в результате его наблюдений исследование о происхождении М стало на новую почву. А. А. Шахматов возводил М, как и ряд других летописей, к Полихрону начала 1423 г.; однако существование этого источника, в результате последних исследований, вызывает сомнения: из двух памятников, в которых А. А. Шахматов предполагал непосредственное отражение Полихрона, Е, как мы видели, оказывается более вторичной по тексту, чем М, а Русский хронограф обнаруживает черты зависимости от летописания конца XV в.¹² Но если наличие у М этого гипотетического источника сомнительно, то сравнение М с Е открывает реальную возможность реконструкции непосредственного протографа М, сближающего его с Е.

А. Н. Насонов привел ряд данных для датировки и характеристики этого летописного памятника. В протографе М—Е под 6755 г. помещен рассказ об убиении Батые «в Угрех», написанный сербским агиографом Пахомием Логофетом, работавшим на Руси в 1430—1484 гг., а к тексту завещания Киприана (6914 г.) приписано, что «ныне по нем» (т. е. переписывая его грамоту как образец) пишут «и прочие митрополиты русстии и доньне», повелевая после своего преставления класть эту грамоту в гроб. А. Н. Насонов справедливо заключил из этих слов, что протограф М—Е мог быть составлен только после того, как умерли, оставив завещание, по крайней мере два преемника Киприана. Относя слова о «прочих митрополитах» к митрополитам Ионе (1449—1461 гг.) и Феодосию (1461—1464 гг.), А. Н. Насонов датировал составление этого свода временем преемника Феодосия — митрополита Филиппа (1464—1473 гг.).¹³ Опираясь на помещенный в М—Е под 6885 г. рассказ о неудачливом ставлении Дмитрия Донского на митрополичий престол Михаиле-Митяе, завершающийся в М призывом «уповати на господа», а не надеяться на князя, А. Н. Насонов полагал, что протограф М—Е был составлен «в среде, защищавшей церковные интересы „митрополии“ от чрезмерных княжеских притязаний», и представлял собой определенный этап в истории общерусского церковного летописания». Летописную компиляцию, лежащую в основе великокняжеского свода 1479 г., исследователь был склонен рассматривать как свод митрополита Феодосия и его преемника Филиппа.¹⁴

Установление ближайшей текстологической связи М и Е несомненно представляет собой важное открытие в истории летописания. Однако

¹¹ Там же, с. 269—270. Кроме этого аргумента, А. Н. Насонов указывал также и на то, что оригинал Е был, по мнению А. А. Шахматова, составлен до 1472 г., и на расхождение текстов Е и М после 1425 г. Эти аргументы не представляются бесспорными, так как, по нашим наблюдениям, оригинал Е относится не к 1472 г., а к началу 80-х годов (ср.: Я. С. Лурье. Летописание XV в. и Кирилло-Белозерский монастырь. — В кн.: Летописи и хроники. Сборник статей 1973 г. памяти А. Н. Насонова. М., 1974, с. 209—210), и некоторые совпадения с М (т. е. следы влияния великокняжеского летописания) могут быть обнаружены и после 1425 г., хотя основной текст Е за этот период, действительно, резко отличается от текста М.

¹² Ср.: Б. М. Клосс. О времени создания Русского хронографа. — ТОДРЛ, т. XXVI. Л., 1971, с. 246—249, 254—255; О. В. Творогов. Русские хронографические своды XI—XVI вв. Автореф. докторской диссертации. Л., 1973, с. 25—26; Я. С. Лурье. Общерусский свод — протограф Софийской I и Новгородской IV летописей. — ТОДРЛ, т. XXVIII. Л., 1974, с. 114—115, 126—127, 133—134.

¹³ Насонов. История, с. 272—273.

¹⁴ Там же, с. 255, 271 и 273.

исследование это не было доведено А. Н. Насоновым до конца. Сравнение М с Е было произведено исследователем начиная лишь с 6626 (1118) г.; доведено оно было, очевидно, до 6926 (1418) г., на котором сходство между обеими летописями прекращается (в книге А. Н. Насонова сопоставление М и Е приведено лишь частично — с 6626 по 6662 г.; кроме того, приводится сравнение текста М за 6626—6707 и 6715—6746 гг. с более ранними летописными сводами).¹⁵ Начальную часть обеих летописей, соответствующую ПВЛ, исследователь не рассматривал совсем; он не пытался поэтому ответить на вопрос о том, каким текстом начинался предполагаемый «свод Феодосия—Филиппа».

Недостаточно аргументированной и поэтому не вполне убедительной представляется и общая характеристика протографа М—Е, данная А. Н. Насоновым. Рассуждение о Михаиле-Митяе, которому А. Н. Насонов придавал столь важное значение, не было оригинальным текстом этого свода: оно было заимствовано из более древнего памятника, оказавшего большое влияние на протограф М—Е, — из Троицкой летописи (свода 1408 г.; далее: Тр.).¹⁶ Составитель интересующего нас свода ограничился тем, что перенес это рассуждение из 6887 г. (под которым оно было помещено в Тр., судя по Симеоновской и Рогожскому летописцу) в 6885 г. (по которым оно читается в М—Е) и немного распространил библейскую цитату, добавив к словам «добро есть уповати на господя, нежели уповати на князя», еще слова: «не надейтесь на князя, на сыны человеческы» (слова эти, впрочем, могли и читаться в Тр. и быть опущенными в Симеоновской летописи и Рогожском летописце). Во всяком случае одно только это место едва ли может служить основой для характеристики протографа М—Е (в последней, кстати, текст рассуждения о божьей и княжеской помощи совсем не сохранился).

Однако, кроме этого наблюдения, А. Н. Насонов сделал ряд других, весьма существенных для характеристики исследуемого свода. Сравнивая текст, заимствованный в М из более ранних летописных сводов — СІЛ, Тр. и Ипатьевской летописей (далее: Ипат.), — с текстом этих памятников, А. Н. Насонов обнаружил, что из него систематически исключались библейские цитаты, объяснение событий в свете «религиозно-нравственного мировоззрения, частые ссылки на Богородицу, упоминание о молитве родителей и т. п.». Исследователь оставил, однако, открытым вопрос о том, кто именно сделал эти сокращения — «составитель Московского свода или его предшественник, составитель общерусского свода».¹⁷ Легко заметить, что от решения этого вопроса в значительной степени зависит общая характеристика протографа М—Е.

Для определения характера свода, лежащего в основе великокняжеского летописания, необходимо полностью и на всем протяжении сопоставить М с Е. Текст Е, как и текст М, неоднороден по составу и сложен по происхождению. Его заключительная часть (близкая к так называемым «Сокращенным сводам конца XV в.») восходит, по нашему мнению, к неофициальному общерусскому летописанию Кирилло-Белозерского монастыря.¹⁸ В данной работе нас интересуют сходные разделы М и Е. Сравнение этих разделов обеих летописей позволяет определить состав, объем и характер их общего протографа.

¹⁵ Там же, с. 263—266; ср. с. 181—184, 204—225 и 282—288.

¹⁶ Наличие в Тр. этого рассуждения было отмечено Г. М. Прохоровым в его работе «Летописная повесть о Митяе», публикуемой в настоящем томе (с. 241).

¹⁷ Насонов. История, с. 293, прим. 20 и 294.

¹⁸ Ср.: Я. С. Л у р ь е. Летописание XV в. и Кирилло-Белозерский монастырь, с. 204—211.

II

Сравнение М и Е необходимо начать с перечисления списков и версий обоих памятников, доступных нам в настоящее время.

Текст М, как мы уже отметили, сохранился в Эрмитажном списке (ГПБ, Эрмит., № 4166) и, в соединении с новгородским сводом 1539 г., — в Архивском сборнике (так называемой Ростовской летописи — ЦГАДА, ф. 181, № 20). Несколько более поздняя редакция той же летописи (90-х годов) дошла в списке XVI в. (ГИМ, Увар., № 1366); начало летописи до 6579 (1071) г. здесь не сохранилось, но текст 6580—6625 гг. в основном идентичен тексту Эрмитажного и Архивского списков.¹

Текст Е в полном виде сохранился только в единственном списке конца XV—начала XVI в. (ГБЛ, Музейн. собр., № 8665).² Но текст, совпадающий с Е до конца 6925 (1417) г., читается в составе особой летописной компиляции, известной в нескольких видах. Уже А. А. Шахматов обратил внимание на так называемую Уваровскую летопись (далее: Увар.), состоящую из 4 разнородных частей, причем первая ее часть (до 6925 г.) сходна с Е, а вторая близка к Никаноровской летописи и М.³ А. Н. Насонов нашел другую редакцию той же компиляции, доведенную до 7005 (1479) г. и сходную с Увар. до 6992 (1484) г.⁴ Обе редакции были изданы под именем Летописного свода 1497 г. и Летописного свода 1518 г. (Увар.).⁵ В настоящее время В. Ф. Покровская открыла еще одну редакцию этой компиляции — в Лихачевском списке ЛОИИ.⁶ Характерной особенностью всех ее редакций можно считать сочетание двух элементов: текста, сходного с Е иходящего до 6925 (1417) г., и фрагмента великокняжеского летописания за 6925 (1417)—6985 (1477) гг. Постоянный состав этих первых двух частей дает основание считать, что в своей основе свод 1497 г. (Прилуцкая летопись), свод 1518 г. (Увар.) и новонайденный Лихачевский список могут рассматриваться как единый летописный памятник, в своей основной части доведенный до 1477 г.⁷ Памятник этот имеет название, читающееся в большинстве его списков, — «Летописец русский от семидесят и дву язык»,⁸ и это название было бы удобно закрепить за ним и в научной традиции. «Летописец от 72-х язык» дошел до нас в трех видах: Прилуцком, где после 6985 г. помещено продолжение, доведенное до 7005 г. и сходное с Типографской—Синодальной летописью, Лихачевском, где после 6985 г. следует текст, близкий к Московскому

¹ ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949. Ср.: А. Н. Насонов. Московский свод 1479 г. и Ермолинская летопись. — В кн.: Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961, с. 219.

² ПСРЛ, т. XXIII. СПб., 1910.

³ Шахматов. Обзорение, с. 147—148.

⁴ А. Н. Насонов. Материалы и исследования по истории русского летописания. — В кн.: Проблемы источниковедения, вып. VI. М., 1958, с. 252—255.

⁵ ПСРЛ, т. XXVIII. М.—Л., 1963.

⁶ В. Ф. Покровская. Летописный свод 1488 г. из собрания Лихачева. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1974 г. М., 1975, с. 28—32.

⁷ Текст Лихачевского списка, совпадающий с Прилуцкой летописью и Увар. до 1477 г., может служить решающим аргументом против предположения⁷⁰ о своде 1484 г. как протографе Прилуцкой и Увар. (К. Н. Сербина. Из истории русского летописания XV в. — В кн.: Проблемы источниковедения, т. XI. М., 1963, с. 420 и 428; ср.: Я. С. Лурье. Новые памятники русского летописания конца XV в. — История СССР, 1964, № 4, с. 127—128).

⁸ ПСРЛ, т. XXVIII. М.—Л., 1963, с. 13 и 167. В Е слова «от семидесят и дву язык» помещены ниже («Летописец Руский весь от начала и до конца, бысть словенский язык от семидесят и дву язык»); возможно, что присоединение этих слов к заголовку в протографе Прилуцкой и Увар. было вторичным явлением; однако каково бы ни было происхождение этого названия, оно присуще данной группе летописей и удобно для их обозначения.

своду 90-х годов,⁹ и Уваровском, где до 6992 г. читается текст, сходный с Прилуцким видом и Типографской летописью, а после 6992 г. — текст, сходный с Софийской II и Львовской летописями. Сокращенная версия того же свода сохранилась, по-видимому, в так называемом Кирилловском летописце, известном уже А. А. Шахматову.¹⁰ Текст, сходный с Е и доходящий до конца 6926 (1418) г., сохранился в Львовской (а до 6763 г. — и в Тверской) летописи.¹¹

Восстановление общего протографа М и Е в начальной части (до начала XII в.) затрудняется тем обстоятельством, что в Е она наиболее значительно сокращена; кроме того, Е содержит в начальной части группу оригинальных известий, не совпадающих с М и восходящих, очевидно, к протографу Е и «Сокращенных сводов конца XV в.».¹² Однако основной текст в этой части М и Е оказывается все-таки сходным. Как и дальнейший общий текст М—Е, он основывается на СІЛ (своде 1448 г.). К числу статей, восходящих к СІЛ (своду 1448 г.) и отсутствующих в ПВЛ, принадлежат, например, известия о Гостомысле во вступительной части, о рождении Игоря и его участии в походе на Киев, о крещении Владимира в церкви Иакова и ряд других.¹³ При этом начальная часть М—Е, так же как и последующая,

⁹ Текст Лихачевского списка доходит до 1488 г.

¹⁰ Кирилловский летописец сохранился в двух списках XVI в.: ЛОИИ, ф. 11, № 247 (изд.: ПСРЛ, т. XXIII; с начала до 6523 г. — в разночтениях к Е; за 6935—7041 гг. — в приложении на с. 189—295; текст за 6524—6934 гг. не опубликован) и ГИМ, Спб., № 486 (ср.: М. Н. Тихомиров. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962, с. 33—34).

¹¹ ПСРЛ, т. XX, ч. 1. СПб., 1910; ПСРЛ, т. XV. СПб., 1863, с. 1—400. Ср.: А. А. Шахматов. Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод, с. 26—48.

¹² Например, известия 6420 (Олег умер, «уиден скорпиею»), 6472 (Святослав «на войлоце спаше»), 6579 (волхвы вынимали «жыта из закожия») гг. и др. Ср.: А. А. Шахматов: 1) Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод, с. 27—30; 2) Разыскания о древнейших русских летописных сводах, с. 237.

¹³ Ср. М и Е с СІЛ под годами: 6374 (известие о рождении Игоря — в М перед 6374 г.; возвращение Аскольда и Дира из греческого похода на Киев), 6422 (отдача «деревенской дани» Свентелду), 6428 (упоминание царя Константина и патриарха Николая), 6449 (отправление императором Феофана против русских), 6453 (50 мужей во втором посольстве древлян; в Е — 6452 г.), 6481 (воевода «Влуд»), 6485 (слова Ярополка — «яж(д)»; в ПВЛ — «виж»), 6491 (имя варяга — «Иоанн»), 6496 (церковь Иакова; города, доставшиеся Станиславу и Судиславу), 6497 (вся статья; СІЛ — 6496 г.), 6498 (вся статья; СІЛ — 6496 г.), 6499 (Леон, Аким, изгнание Перуна), 6524 (совет «приателя» Ярослава), 6525 (вся статья), 6526 (воевода «Влуд»; в ПВЛ — «Буд»; насилие Болеслава над Преславой), 6527 (помощь ангелов, обретение тела Глеба), 6528 (победа над Брячиславом), 6529 (уступка Брячиславу двух городов, война до смерти), 6560 (приход «певцов из Грек» на Русь), 6565 (игуменство Феодосия; Е — 6562 г.), 6568 (поход Изяслава на Сооль), 6569 (архиепископ Стефан), 6575 (подробности разграбления Новгорода), 6579 (имя архиепископа — «Феодор»), 6586 (поставление Германа Новгородского; Святополк в Новгороде; СІЛ — 6587 г.), 6595 (гибель Ярополка), 6601 (смерть Всеволода; в ПВЛ иной, подробный рассказ), 6605—6606 (переговоры Давида с ослепленным Васильком), 6607 (церковь Благовещения в Новгороде), 6614 (прозвище «Святоша»; СІЛ — 6615 г.; Е — 6613 г.). Помимо этих статей, в М еще совпадают с СІЛ известия под годами: 6374 (цари Михаил и Ирина), 6376 (трус в Царьграде), 6387 (расчет годов в конце), 6389 (ряд отдельных чтений, — ср. СІЛ под 6390 г.), 6407 (поход Угров на землю «Волынскую», заголовок «О приложении книг»), 6420 (отдельные чтения в рассказе о смерти Олега), 6421 (заголовок «Княжение Игорев»), 6449 (использование «Фара» против русских), 6463 (заголовок «Влуд»), 6488 (заголовок), 6494 (заголовок «О срачинской вере», имя философа «Кирил», «тма кромешная» в описании мук грешников), 6496 (заголовок «О испытании веры христианския», «О взятии Корсунстем», — без повторения даты), 6523 (весь рассказ об убийстве Бориса и Глеба), 6527 (убийство Константина Ярославом), 6540 (уход Глеба за Железные врата), 6541 (характеристика Ярослава; СІЛ — 6542 г.), 6546 (приход Ярослава к Киеву и неудачный поход на ятвягов), 6551 («паки на весну», погружение в море пелен, выдача Казимиром вена Ярославу и женитьба Изяслава), 6552 (погребение Ярополка и Олега), 6557 (вся статья), 6558 (освящение новгородской Софии, дата смерти княгини), 6559 (Иларион — «Русин»), 6562 (походы Изяслава), 6563 (дата

дополняет текст свода 1448 г. рядом известий, отсутствующих в СІЛ в заимствованных, очевидно, из Лавр.—Тр.: о битве на Нежатиной ниве в 6586 (1078) г., о сражениях с половцами в 6601 (1093) г. и др.¹⁴ Иногда известия из ПВЛ, добавленные в М—Е к известиям СІЛ, возводятся не к Лавр.—Тр., а к иной редакции, близкой к Ипат.¹⁵ И уже это совпадение текстов, заимствованных из разных источников, с несомненностью доказывает, что в своей начальной части, как и в последующей, М и Е восходят к общему протографу. Вывод этот подтверждается совпадением нескольких уникальных известий, которые могут быть обнаружены в первой части М—Е: в обеих летописях византийский император Василий именуется под

из СІЛ; в ПВЛ начало княжения Изяслава без новой даты), 6567 (освобождение Судислава «во Пскове»), 6572 (бегство новгородцев с Ростиславом в Тмуторокань, изгнание Глеба), 6577 (победа новгородцев над Всеславом, обретение креста), 6580 (весь рассказ о перенесении мощей Глеба и Бориса), 6585 (смерть Феодора Новгородского), 6586 (погребение Изяслава в св. Софии), 6596 (знамение и змий), 6605—6606 (ряд чтений в рассказе об ослеплении Васильки), 6616 (смерть Никиты Новгородского), 6624 (поход на Чудь).

¹⁴ Ср. М и Е с Лавр. и сходными с нею летописями под годами: 6532 (рождение Изяслава), 6544 (рождение Вячеслава; в М под 6541 г.; дата Е совпадает с Лавр.), 6583 (строительство Печерской церкви), 6584 (смерть Святослава от «резания желвей»), 6585 (возвращение Изяслава в Киев), 6586 (бегство Олега, убийство Глеба Святославича, бой у Нежатины), 6589 (вся статья), 6593 (вся статья), 6597 (освящение церкви, смерть Иоанна), 6598 (подробности прихода Иоанна-скопца, церковь Михаила), 6600 (смерть Рюрика Ростиславича), 6601 (дата вокняжения Святополка, война с половцами), 6603 (убийство Итлря и Китана, переходы князей; в Эрмит. — 6611 г.), 6604 (вся статья), 6607 (поход Святополка на Володаря и Василька; Лавр. — 6605 г.), 6609 (дата смерти Всеслава), 6610 (смерть Ярослава Ярополчича), 6611 (вся статья), 6612 (приход Никифора, рождение Брючислава), 6615 (вся статья; Е — 6614 г.), 6616 (церковь Михаила в Киеве), 6623 (вся статья). Помимо этих статей, в М (в отличие от Е) совпадают с Лавр. и сходными летописями еще известия под годами: 6389 (дань, «еже не даваша варягом и до смерти Ярославли»), 6392 (вся статья), 6393 (вся статья), 6453 (вторичная дата в рассказе о смерти Игоря), 6535 (рождение Святослава Ярославича; СІЛ — 6534 г.), 6559 (сказание о Печерском монастыре), 6582 (завещание и похороны Феодосия, рассказ о печерских чудотворцах), 6584 (поход на Чехов), 6592 (вся статья), 6597 (поездка Янки в Греки), 6599 (вся статья), 6600 (знамение, засуха, половецкие походы), 6601 (поход Ростислава к Переяславу), 6602 (смерть Ростислава; в Эрмит. — 6609 г.), 6608 (переговоры с Давидом Игоревичем), 6609 (пленение Ярослава Ярополчича, мир с половцами), 6610 (бегство и пленение Ярослава Ярополчича), 6613 (вся статья), 6624 (смерть епископа Мини, поход Леона и Ярополка).

¹⁵ Ср. М и Е с Ипат. под годами: 6602 (мир с половцами; в Эрмит. — 6609 г.; есть и в Радзивилловском, и в Академическом списках), 6609 (закладка Мономахом церкви Богородицы), 6610 (рождение Андрея Владимировича), 6619 (победа над половцами в проточе Дегея), 6620 (смерть Давида Игоревича; Лавр. — 6621 г.), 6621 (вся статья, только точная дата вокняжения Мономаха — из Лавр.), 6622 (вся статья; Ипат. — 6622 и 6624 гг.), 6625 (вся статья). Помимо этих статей, в М еще совпадают с Ипат. известия под годами: 6450 (рождение Святослава), 6524 («виде же Святополк победѣ в ляхи, и одоле Ярослав», — наряду с Ипат., эта фраза есть в Радзивилловском и Академическом списках), 6562 (княжение Изяслава «в Турове»: СІЛ — «в Новгороде»; в Лавр. нет), 6594 (вся статья), 6595 (точная дата погребения Ярополка и поход Всеволода на Перемышль), 6614 (о половцах — «и гонisha их до Дувая, бьуще их»), 6617 (взятие 1000 половецких вож). После 6618 (когда в Лавр. начинается Повесть временных лет и следуют краткие известия) к Ипат. восходит весь основной текст М за 6619 (кроме текста, сохранившегося и в Е, известия о пении тропарей в походе, упоминание церковных праздников и точных дат, смерть Иоанна Черниговского), 6620—6622 и 6625 гг. А. А. Шахматов, рассматривавший начальную часть М в неизданной части соответствующей главы «Обозрения русских летописных сводов XIV—XVI вв.», высказал мнение, что до 6582 г. она основывается на СІЛ, а после этого содержит ряд известий, близких к Ипат., которые исследователь склонен был возводить к предлагаемому Полихрону 1423 г. (рукопись «Обозрения» — Архив АН СССР, Ленинградское отделение, ф. 134, оп. 1, № 110/1—IV, лл. 386—400). Однако известия из ПВЛ, отсутствующие в СІЛ, читаются в М начиная уже с 6389 (в Е — с 6532 г.); большинство этих известий совпадает в Лавр.—Тр. и Ипат.; часть из них (например, под 6623, 6624 гг.) читается в версии Лавр.—Тр., а не Ипат.

6376 г. «Македонянином» («Макидоном»),¹⁶ рассказ об ослеплении Василька (помещенный в Лавр., Ипат. и СЛ под единым 6605 г.) разделен на несколько годовых статей, и последняя его часть (начиная с похода Святополка на Давида и его бегство «в ляхи») датирована 6607 г.¹⁷

Текст М—Е за XII—начало XV в. был рассмотрен, как мы уже указывали, в исследовании А. Н. Насонова. Отмечая, что текст Е в этой части представляет собой сокращенное изложение текста М, А. Н. Насонов приходил, однако, к выводу, что в основе Е лежал не М, а общий протограф обеих летописей. Главным доказательством существования такого протографа исследователь считал такие случаи, когда текст Е, несмотря на свою краткость, оказывается более полным, чем текст М. Не все примеры, приведенные А. Н. Насоновым, представляются одинаково доказательными. Примерами большей полноты Е могут служить известия 6715 (в М нет даты прихода Всеволода к Москве, читающейся в Е), 6918 (в М нет слов о митрополите — «и приат его князь великы Василей с честью»), 6925 (пропуск конца грамоты о Цамблаке в М) и 6926 (пропуск в М рассказа о чуде в Новгороде) гг., — здесь, по-видимому, в М действительно пропущены фрагменты текста, читавшегося в общем протографе.¹⁸ Но в ряде случаев дополнительные известия и чтения Е должны, очевидно, рассматриваться как вставки, сделанные составителем Е.¹⁹ Наконец, существуют и такие дополнительные известия в М, которые могут быть объяснены не как пропуски в Е, а как дополнения, сделанные в М к тексту общего протографа. К числу таких дополнений следует отнести заимствования М из ростовского свода, близкого к Московско-Академической летописи,²⁰

¹⁶ Дополнение это отмечено А. А. Шахматовым (считавшим, что оно восходит к Полихрону) в неизданной части «Обозрения русских летописных сводов» (Архив АН СССР, ф. 134, оп. 1, № 110/1—IV, л. 392).

¹⁷ В М рассказ об ослеплении Василька помещен под 6605, 6606 и 6607 гг. (в Е даты 6606 г. нет). Кроме того, в начальной части М могут быть отмечены еще отличия от СЛ и ПЛ редакций (не отраженные в Е) под годами: 6489 (нет слов о ляхах — «иже суть и до сего дни под Русью»), 6492 (нет слов о дани с радмичей — «до сего дне»), 6586 (в М к речи Изяслава добавлена реплика — «аз бо не рад есмь злу брати моему, но добру есмь рад»), 6599 (к словам об обретении мощей Феодосия — «аз же грешный... взем мотыку» — добавлено — «иже летописание в то время писаша»), 6611 (к молитвам князей перед столкновением с половцами добавлено — «и правосудство и необидением всем человеком»), 6619 (начало: «Сдумавше князи Руссии... и Володимер, его же бе дума и похотение»). М. Х. Алешковский, обнаруживший дополнение к рассказу 6599 г. «иже и летописание», по его отражению в тексте Воскресенской летописи, предположил, что это — фраза из первоначального текста ПЛ, не сохранившаяся в других летописях (М. Х. Алешковский. Повесть временных лет. М., 1971, с. 25 и 133); однако эти слова могли быть дополнением («конъектурой») составителя М или протографа М—Е.

¹⁸ Насонов. История, с. 269—270.

¹⁹ Из числа известий Е, не читающихся в М, одно известие во всяком случае может рассматриваться как добавление в Е из ее второго источника (общего протографа Е и «Сокращенных сводов»). Это — известие 6873 г. об изъятии из ведения епископа Алексея Суздальского Новгородской (Нижегородской) епархии, явно противоречащее известию М под предыдущим 6872 г. о смерти того же епископа. Очевидно, в протографе М—Е не могло быть этих двух, исключаящих друг друга, известий; заимствовав из общего с «Сокращенными сводами» протографа известие 6873 г. (которое там читается), Е, естественно, опустила известие 6872 г. о смерти Алексея. Как обнаружили Б. М. Клосс, менее полный (по сравнению с Е; ср.: Насонов. История, с. 269) текст известий М за 6668 (нет слов «дьяволом научен») и 6670 (нет слов «и зъ чяды») гг. совпадает с южнорусским источником, отразившимся в Ипат., а известие М за 6834 г. (не указаны годы папства Петра) совпадает с СЛ; таким образом, здесь также можно предположить дополнения в Е.

²⁰ Текст Московско-Академической летописи: ПСРЛ, т. I, вып. 3. Л., 1928. Часть этих известий отмечена уже М. Д. Приселковым (Приселков. История, с. 181; нам не удалось только обнаружить указанное М. Д. Приселковым совпадение с Московско-Академической летописью под 6897 г.). Кроме того, отметим известия 6919 (о ростов-

и из новгородского источника, близкого к НИЛ младшего извода и НИВЛ.²¹ Обоих групп известий нет в Е,²² и предполагать в ней столь последовательное исключение этих известий нет оснований, — скорее это свидетельство пополнения свода 1479 г. (М) по дополнительным источникам.

Однако, если оставить в стороне единичные дополнения и пропуски М и Е, то в целом их текст до XII—XIII вв. несомненно восходит к единому протографу, с наибольшей полнотой отраженному в М. К этому протографу относятся, в частности, те известия обеих летописей (уже отмеченные при исследовании М), которые неизвестны по другим летописям и должны быть возведены к какому-то южнорусскому источнику конца XII в. (6626—6704 гг.)²³ и владимирскому своду первой трети XIII в. (6715—6728 гг.),²⁴ значительная часть остального текста совпадает с Лавр.—Тр.

Но основной источник протографа М—Е — это все-таки несомненно свод 1448 г. (СИЛ). Из свода 1448 г. протограф М—Е заимствовал все основные общерусские рассказы: о битве на Калке (с участием Александра Поповича), о нашествии Батгя, об Александре Невском, о Михаиле Черниговском, о Михаиле Ярославиче Тверском, о Куликовской битве,²⁵ о на-

ской церкви), 6920 (церковь на Дорогомилове), 6922 (отъезд Ярослава Володимировича), 6924 (приезд нижегородских князей), 6925 (приезд Даниила Борисовича), 6926 (бегство Даниила Борисовича) гг.

²¹ Часть этих известий отмечена уже А. А. Шахматовым (Шахматов. Обзорение, с. 261; указанные А. А. Шахматовым совпадения с НИВЛ до 6901 г. не показательны, так как все они читаются и в Симеоновской летописи и могли восходить к своду 1408 г.). Отметим также известия 6926 (приезд Цамблака из Рима в Литву, — ср. НИВЛ), 6927 (ссора Константина Дмитриевича с Василием I, — ср. НИЛ), 6928 (отъезд Швигригайла и новгородско-немецкие отношения), 6929 (кроме поводи в Новгороде, также отъезд Константина в Москву, смерть Симеона, голод, поставление Феодосия), 6930 (скудельница в Новгороде) гг.

²² В Е нет новгородских известий, перечисленных в прим. 21, и известий М, сходных с Московско-Академической летописью за 6796 (поставление Якова и Тарасия), 6798, 6803, 6812, 6836, 6838, 6922, 6924, 6925, 6926 гг.; содержатся только известия 6794 (смерть Федора), 6802, 6805, 6919 и 6920 гг., но под 6919—6920 гг. они читаются в иной редакции, менее сходной с Московско-Академической; известие 6794 г. относится к владимирскому епископу. На 6926 г. текст Е прерывается до 6933 г.

²³ Насонов. История, с. 288—293. К особому, южному, источнику, возможно, следует отнести дополнение к обращению из Лавр.—Тр. Рюрика Ростиславича к Всеволоду: «. . . а Олговичи ко мне крест целовали на том, что им рати не починати. . . свата твоего, яли и привели в Чернигов. То послаи, помещенное в М—Е в начале 6705 г. (в других летописях нет). Из М уникальные известия за XII—XIII вв. проникли в Воскресенскую летопись; это относится, в частности, к речи Святослава Игоревича к киевлянам в 6652 г. о тиунах Ратше и Тудоре (ср.: ПСРЛ, т. VII. СПб., 1856, с. 35). Использование этой речи в «Истории Российской» В. Н. Татищева отмечено Б. А. Рыбаковым (Б. А. Рыбаков. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972, с. 86—87), но автор напрасно отнес этот фрагмент к числу «татищевских известий» (известий, восходящих к неустановленным источникам Татищева) и предположил, что В. Н. Татищев использовал здесь не дошедший до нас киевский свод конца XII в. Источник В. Н. Татищева в данном случае — Воскресенская летопись, использованная историографом в двух списках («Новгородский Крехшина» и «Нижегородской»: В. Н. Татищев. История Российская, т. I. М.—Л., 1962, с. 124—125; т. IV. М.—Л., 1964, с. 48—49; ср.: С. Л. Пештич. Русская историография XVIII в. Л., 1961, с. 252—253).

²⁴ Приселков. История, с. 94; Насонов. История, с. 210—225.

²⁵ Близость рассказа Е о Куликовской битве (и сходного с ним рассказа Львовской летописи) к рассказу М и зависимость версии М—Е от свода 1448 г. (СИЛ и НИВЛ) была отмечена уже А. А. Шахматовым (А. А. Шахматов. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище». СПб., 1910, с. 137—138). Опираясь на эти наблюдения, автор настоящей статьи возражал против предположения М. Н. Тихомирова (М. Н. Тихомиров. Куликовская битва 1380 г. — Вопросы истории, 1955, № 8, с. 15; ср.: Л. В. Черепнин. Образование русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1959, с. 619) о рассказе Е как первоначальном по от-

шествии Тохтамыша, о житии и преставлении Дмитрия Ивановича. Заслуживает внимания при этом одно обстоятельство: гранью общего текста М и Е, после которой мы не обнаруживаем систематического совпадения обеих летописей, оказывается 6926 (1418) год. После известия об убиении на Вятке Анфала, т. е. того известия, которым завершается общий текст

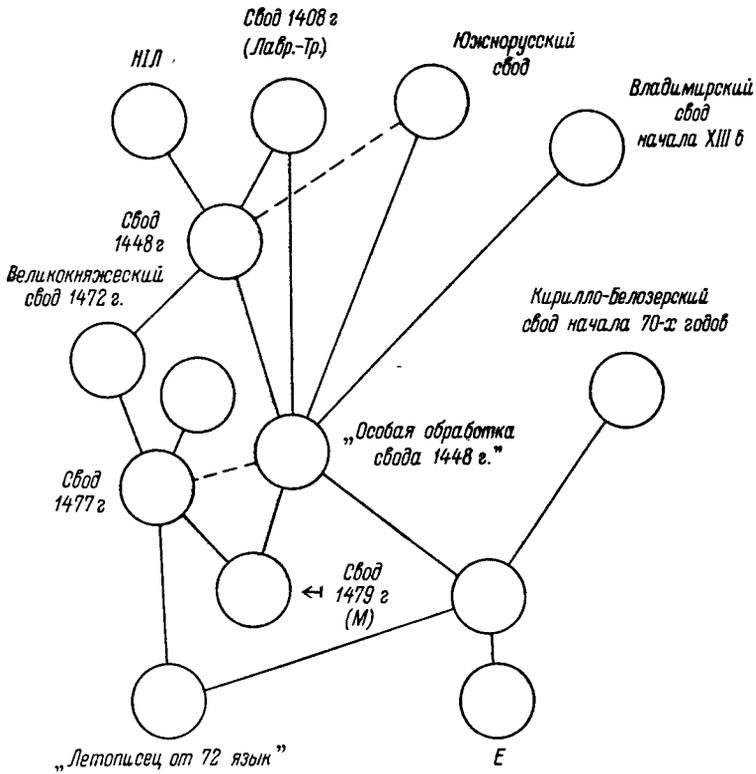

Схема происхождения «Особой обработки свода 1448 г.»

СИЛ и НИЛ и заканчивается старшая редакция СИЛ, в Е обнаруживается перерыв в изложении вплоть до 6933 г. (а в М следуют иные известия). А. А. Шахматов полагал, что «такое совпадение не может быть случайным», — оно доказывает, что первая часть Е (по Шахматову — ростовского владычного свода) «должна быть признана сокращением Полихрона» (доходив-

ношению к СИЛ—НИЛ (Я. С. Л у р ь е. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в. М.—Л., 1960, с. 358—359, прим. 36). Развернутое доказательство зависимости рассказа М и Е от рассказа свода 1448 г. было дано М. А. Салминой (М. А. С а л м и н а. «Летописная повесть о Куликовской битве и «Задонщина». — В кн.: Слово о полку Игореве и памятники Куликовского цикла. М.—Л., 1966, с. 347—349). Один пример первичности текста НИЛ по сравнению с текстом Е был приведен А. Г. Кузьминым, возражавшим против мнения Л. В. Черепнина о первичности Е (но не упоминавшим идентичного мнения М. Н. Тихомирова) (А. Г. К у з ь м и н. Рязанское летописание. М., 1965, с. 226—227). Непонятно утверждение А. Г. Кузьмина, что автор этих строк, говоря о вторичности рассказа Е, «оперирует фактами и положениями, уже приведенными в книге А. Г. Кузьмина» (А. Г. К у з ь м и н. Спорные вопросы изучения методологии русских летописей. — Вопросы истории, 1973, № 2, с. 51, прим. 93); единственное текстологическое наблюдение А. Г. Кузьмина над рассказом о Куликовской битве автором настоящей статьи вообще не было привлечено (ср.: Я. С. Л у р ь е. К изучению летописного жанра. — ТОДРЛ, т. XXVII. Л., 1972, с. 80—81).

шего, как думал А. А. Шахматов, до 1418 г.).²⁶ Теперь, когда мы знаем, что Е в основной своей части (до первой четверти XV в.) восходит к общему с М протографу, мы можем полагать, что именно этот протограф доходил до 6926 г., основываясь на своде 1448 г. в тех границах, в которых он сохранился в старшей редакции СІЛ.

Зависимость основного текста протографа М—Е от свода 1448 г. дает во всяком случае основание предложить определение этого памятника, не предпрещающее вывода о месте и времени его создания, — «особая обработка свода 1448 г.». Для определения характера этой обработки необходимо вновь вернуться к сопоставлению М—Е с другими летописями (см. схему).

III

В чем состояла обработка свода 1448 г. в протографе М—Е? Своеобразие свода 1448 г., составленного во время феодальной войны в Московском княжестве и ослабления московских великих князей, заключалось в попытках его составителя стать «над схваткой» между русскими князьями и занять по возможности беспристрастную позицию. Именно поэтому, несмотря на свой общерусский и прокняжеский характер, свод 1448 г., в отличие от предшествующих летописей (свод 1305 г., свод 1408 г.), широко привлек материал из богатого новгородского летописания.¹ Составитель «особой обработки» считал такое усиленное внимание к новгородской истории излишним и стремился в отличие от своего предшественника расширить великокняжескую владими́ро-суздальскую и южнорусскую часть свода. Для этой цели им вновь были привлечены материалы из ПВЛ, опущенные в своде 1448 г., добавлены общерусские известия за XII—XIV вв. Чаше всего он обращался при этом к общерусскому митрополичьему своду 1408 г., связанному с митрополитом Киприаном, — Троицкой летописи.

Характер дополнений, заимствованных в протографе М—Е из Тр., особенно наглядно обнаруживается на материале XIV — начала XV в., — там, где свод 1408 г. представляет наиболее раннюю московскую общерусскую традицию и где текст свода 1448 г. также более оригинален, чем в предшествующих разделах летописи.

Из свода 1408 г. протограф М—Е заимствовал целый ряд общерусских церковных известий: о митрополитах и других высших церковных иерархах,² о строительстве и украшении церквей,³ знамениях и прочих событиях в жизни православной церкви.⁴ Перед нами — не столько специфические

²⁶ Шахматов. Обозрение, с. 149—150.

¹ Ср.: Я. С. Лурье. Общерусский свод — протограф Софийской I и Новгородской IV летописей. — ТОДРЛ, т. XXVIII. Л., 1974, с. 129—135 и 139.

² 6813 (Тр. — 6815 г.), 6816, 6818, 6819, 6820, 6821, 6834, 6844, 6850, 6854, 6859, 6860 (Тр. — 6861 г.), 6861 (подробности похорон Феогноста; поездка Алексея в Царьград; Тр. — 6862 г.), 6864, 6865 (поездка Алексея к Тайдуле; в М—Е дополнительные подробности), 6866, 6868, 6872 (смерть Алексея Суздальского — только в М), 6875, 6882, 6884, 6885, 6887, 6888, 6889 (Киприан; о заточении Пимена: Тр. — 6885 г.), 6890, 6891, 6892, 6893, 6894, 6896, 6897 (Тр. — 6896 и 6897 гг.), 6898, 6899 (Тр. — 6898 г.), 6900, 6904, 6905, 6907, 6911, 6912, 6913, 6914 гг.

³ 6831 (только в М), 6834, 6837, 6838, 6841, 6852, 6853, 6873, 6874, 6879, 6882, 6888, 6889, 6900, 6901, 6903, 6907, 6913 (в Е приписано на поле, но в «Летописце от 72-х язык» есть) гг. Ср. известия о перенесении Страстей господних в 6890 и 6909 гг.

⁴ 6859, 6880, 6885, 6889, 6893, 6903 гг. Из свода 1408 г., возможно, заимствовано было Слово о чуде от иконы Богородицы (Темир-Аксаке), помещенное в М и Е под 6903 г. (в Тр. текст этого слова не сохранился; в Симеоновской, по-видимому, сокращенное изложение), и рассказ 6904 г. о Стефане Пермском в Симеоновской не сохранился; у Н. М. Карамзина краткая цитата). К событиям истории православной церкви относятся также известия из Тр. о мучениках под 6831 и (только в М) 6874 гг., о завоевании «бесерменами» православных земель и о крещении Киприаном трех татар в 6901 г. (в Е нет второго известия), о нападении турок на Царьград в 6906 г. и о спасении Царьграда Темир-Аксаком в 6909 г.

известия протографа М—Е, сколько отражение свода 1408 г., известия которого были усвоены «особой обработкой свода 1448 г.» и всем великокняжеским летописанием последующего времени. Отражением тенденций свода 1408 г. были рассказы и рассуждения о Михаиле-Митяе, в которых мы уже упоминали, и известие 6876 г., сохраненное в М—Е и в последующем летописании, о вероломном приглашении в Москву и «поимании» тверского князя Михаила Александровича, совершенном главным гонителем Киприана — Дмитрием Ивановичем и соперником Киприана — митрополитом Алексеем (но о назначении Киприана еще при жизни Алексея в 6884 г. протограф М—Е сообщил не по Тр., а на основании враждебного Киприану известия свода 1448 г.). К своду 1408 г. составитель «особой обработки свода 1448 г.» обращался не только для пополнения фонда церковных известий. Если свод 1448 г. стремился быть по возможности общерусским сводом, то Тр., несмотря на свою церковную окраску, имела более ярко выраженный московский характер. Этим, очевидно, объяснялось, что составитель «особой обработки свода 1448 г.», вновь обратившись к своду 1408 г., извлек из него ряд известий, относящихся к московской великокняжеской семье, взаимоотношениям московских князей с их союзниками и соседями,⁵ к внутренней жизни Москвы,⁶ и иные известия светского характера.⁷

«Особая обработка свода 1448 г.» заключалась не только в соединении известий этого источника с известиями Тр. Составитель протографа М—Е в ряде случаев дополнял тексты двух своих источников, пользуясь еще какими-то, неизвестными нам материалами (помимо тех южнорусских известий конца XII в. и владими́ро-суздальских известий начала XIII в., о которых мы упоминали выше);⁸ в ряде случаев он также существенно изменял предшествующие тексты.

⁵ 6809 (поймка Константина Рязанского), 6810, 6811 (известие Тр., добавленное к Лавр.), 6814 (убийство Константина; Тр. — 6815 г.), 6816, 6828, 6834 (дата рождения Ивана Ивановича), 6840 (Тр. — 6839 г.), 6841, 6844, 6845, 6846 (только в М), 6847, 6852, 6853, 6854, 6856, 6858, 6859, 6861 (Тр. — 6862 г.), 6862, 6866 (только в М), 6867, 6870, 6871, 6872, 6874, 6876, 6878, 6879, 6881, 6882, 6889, 6890, 6893, 6894, 6895, 6896, 6897 (Тр. — 6896 и 6897 гг.), 6898, 6901, 6902, 6903, 6904, 6906, 6907, 6908, 6909 гг. Ср. известия о московско-новгородских и московско-псковских отношениях 6901, 6913 гг.

⁶ Пожары 6839, 6845, 6851, 6862, 6873, 6897, 6898, 6903 гг.; бегство Ивана и Федора Акинфовичей в Тверь в 6812 г., смерть тысяцкого под 6864 и 6882 гг., смерть боярина Даниила Феофановича в 6900 г.; гражданское строительство в 6874, 6875, различные бедствия в 6840 (меженина во всей Русской земле), 6874, 6901, 6916 (мор в русских землях) гг.

⁷ Отношения между различными княжествами в 6823—6824, 6833, 6868 (съезд в Костроме о разбойниках), 6877, 6883 (поход новгородцев на Волгу), 6894, 6913 гг., известия о тверских князьях 6854, 6890, 6900, 6903, 6905, 6916 гг., суздальских — 6863 (М; Тр. — 6864 г.), 6873 гг.; стародубских — 6823, 6864 гг.; рязанских — 6850, 6851, 6852, 6859, 6862 гг.; о смерти Андрея Козельского в 6847 г., о предательстве брянцев в 6818 г., о смерти Юрия Смоленского в 6915 г.; о событиях в Золотой Орде в 6850, 6854, 6857, 6863 (только в М), 6866, 6867, 6868, 6869, 6875, 6878, 6883, 6886, 6889, 6891, 6892, 6894, 6899, 6909 (Тр. — 6908 г.), 6916 гг.

⁸ Кроме упомянутых выше южнорусских и владими́ро-суздальских известий, М—Е содержит также следующие известия, отсутствующие в СЛ и Лавр.—Тр.: о том, что после окончания похода Батые в конце 6746 г. Ярослав «обнови землю Суздальскую, и церкви очистив от трушья мертвых, и кости их съхранив, и пришедли утеши, и люди многи събра»; о посылке Батыем «ко Кановичем» Ярослава в 6754 г.; подробности борьбы суздальских князей Бориса и Дмитрия Константиновичей в 6873 г., утверждение, что в 6883 г. Дмитрий Константинович приказал убить мамаевых татар (в Тр. — Василий Дмитриевич); точные даты поездки в Орду московского князя и возвращения тверского князя в 6891 г.: приход Василия I из Орды в Нижний Новгород в ноябре 6900 г.; приезд Витова в Коломну в 6904 г.; известие 6906 г. о приезде Темир-Кутлуя, отличное от СЛ; столкновение и мир между тверскими князьями в 6908 г.; «поимание» Василия Кашинского в 6912 г. и освобождение его в 6913 г.; примирение тверских князей в 6914 г.; подробности приезда Швитригайла и пожалования ему го-

Изменения эти были проникнуты определенной тенденцией: используя свод 1408 г. для расширения фонда общерусских и московских известий, составитель «особой обработки» постарался устранить из своего текста специфические «киприановские» черты свода 1408 г. и все то, что противоречило тенденциям великокняжеской политики. Была подчеркнута роль предшественника и соперника Киприана — митрополита Алексея; к известию Тр. (Тр. — 6861 г.; М—Е — 6860 г.) о княжеском посольстве в Царьград с просьбой поставить Алексея добавлено: «. . . да не поставят иного митрополита на Русь, кроме сего Алексея-епископа, еже и бысть по прошению их» (в действительности, как мы знаем, условие это было потом нарушено поставлением Киприана); вставлено известие о чудесном исцелении Алексеем царицы Тайдулы в 6865 г. Эти известия, как и дополнительные подробности в рассказе об Алексее под 6885 г., были, очевидно, заимствованы протографом М—Е из жития Алексея, составленного Пахомием Логофетом.⁹ К известиям Тр. о самом Киприане в «особой обработке свода 1448 г.» было сделано дополнение, резко противоречащее тенденциям свода 1408 г.: сообщив об отъезде Киприана из Москвы в Киев в 6890 г., протограф М—Е пояснял: «. . . разгнева бо ся на него великий князь Дмитрей того ради, яко не сидел в осаде на Москве» (в Тр. об отъезде Киприана было сообщено без комментариев; в своде 1448 г. об этом факте вообще ничего не сообщалось).¹⁰

Существенно изменилась в протографе М—Е и оценка некоторых князей, сочувственно обрисованных в Тр. В своде 1408 г. литовский князь Ольгерд и тверской князь Михаил Александрович явно пользовались симпатиями летописца, — очевидно в связи с их прокиприановской политикой. Сохранив известие Тр. о «поимании» Дмитрием Михаила Александровича Тверского в 6876 г., М—Е добавляла, однако, что Дмитрий отпустил его, «укрепив князя Михаила крестным целованием». Под 6878 г. «особая обработка свода 1448 г.» сообщала, в отличие от Тр. и остальных летописей, что Михаил «бежа в Литву и нача намольвливати великого князя Олгрида, зятя своего, да бы мьстил его от великого князя московского; Олгерд же послушав князя Михаила и поиде вдругие про него к Москве» (М; Е — «. . . бежа в Литву и вдругие, подмолви Олгерда к Москве на великого князя Дмитрея; и поиде»).¹¹ Была переделана в М—Е по сравнению со сводом

родов в 6916 г., строительство Плеса в 6918 г. (только в М). Следует отметить, что начиная с 6899 г. текст Тр. не может быть с достаточной определенностью восстановлен по Симеоновской летописи; поэтому нельзя считать исключенным, что некоторые из перечисленных известий М—Е были заимствованы из Тр. О столкновении тверских князей в 6908 г. сообщается и в Симеоновской летописи, и в Рогожском летописце, но иначе и значительно подробнее, чем в М—Е; о столкновении в 6912—6914 гг. — только в Тверской летописи (6911 г.) и в совсем ином изложении.

⁹ Из Пахомиева Жития Алексея (ср. его текст по фототипическому изданию: Житие митрополита всея Руси св. Алексея, составленное Пахомием Логофетом, т. IV, вып. I—II. Изд. ОЛДП, СПб., 1877—1878) заимствованы, очевидно, известия М—Е о происхождении Алексея из черниговских бояр (Житие, с. 10—11; в своде 1408 г., судя по Симеоновской, — «бояр литовских») о назначении Алексея епископом владимирским 6 декабря (Житие, с. 48), о посольстве в Царьград от Семена и Феогноста и возвращении послов (в М; Житие, с. 49, 55—56); о том, как поставленный в Царьграде Алексей «примлемом бывает чество от великого князя Ивана Ивановича» (в М; Житие, с. 77—78).

¹⁰ Небольшим дополнением к известиям свода 1408 г. о Киприане служит и сообщение М (в Е нет) о том, что в 6904 г. митрополит отправился в Киев и пробыл там полтора года (в Симеоновской, вероятно вслед за Тр., сообщается о возвращении Киприана из Киева в 6905 г.). Добавление М—Е к известию свода 1408 г. о строительстве в 6887 г. Троицкого монастыря — «и бысть сей монастырь присный великого князя» (Е — «и бысть монастырь великого князя») обнаруживает руку скорее великокняжеского, чем митрополичьего, летописца.

¹¹ В М под 6876 г. добавлено также о Михаиле: «. . . бе бо за ним (Ольгердом, — Я. Л.) сестра родная княжна Михайлова и жаловашеся ему на великого князя Дмит-

1408 г. и характеристика Ольгерда: в рассказе 6876 г. вместо «не толмо силою, елико уменьем воеваша» сказано «не токмо силою, но и злохитрством своим», а из сообщения о смерти Ольгерда в 6885 г. были исключены похвалы «великоумству» литовского князя и его воздержанию от вина; в следующем далее рассказе из Тр. о поражении русских на Пьяне нет, в отличие от Тр., издевательского каламбура — «по истинне за Пьяною пьяни».

Еще более характерными оказываются те изменения, которые протограф М—Е внес в известия своего основного источника — свода 1448 г. Стремление составителя свода 1448 г. к политическому беспристрастию и его резко антитатарская позиция даже в тех случаях, когда московские князья в XIV в. становились на сторону ханов, — все это явно смущало составителей «особой обработки».

Из рассказа 6838 г. было изъято начало о том, как «дьявол» вложил «в сердце князем руським взыскати князя Александра, повелением окаянного царя Озбяка, и подъяша всю землю Русьскую»; вместо этого скромно сказано, что «посла князь велики из Новгорода в Псков», приглашая бежавшего от татар Александра Тверского приехать в Орду (М — 6838 г.; Е — 6837 г.); при описании гибели Александра в Орде в 6847 г. опущены слова: «. . . приемша горкую, нужную смерть за христианскую веру».¹² Под 6868 г., говоря о получении Дмитрием Константиновичем великого княжения, протограф М—Е отверг сочувственную суздальскому князю формулу свода 1448 г. — «комуждо свою отчину» — и вслед за сводом 1408 г. заявил, что это пожалование было «не по отчине, не по дедине».¹³ Как и при переделке материала из свода 1408 г., составитель протографа М—Е при обработке своего основного источника стремился устранить из него положительные черты в характеристике тверского великого князя Михаила Александровича. Из рассказа 6881 г. о взятии Торжка было выпущено упоминание о том, что Михаил обращался к новгородцам со «смирением» и жаждал от них «чистосердечного покорения»,¹⁴ о том, что москвичи и тверичи отказались от боя, «укрепишася. . . верою и силою крестною»; сокращен в М и Е и некролог Михаила под 6908 г.¹⁵ Зато под 6900 г., рассказывая вслед за сводом 1448 г. о получении Василием Дмитриевичем великого княжения, протограф М—Е не преминул добавить, что Василий

рея» (в Е нет); под 6916 г. в М—Е опущено, по сравнению со сводом 1408 г., объяснение, что Иван Михайлович Тверской, уклонившись от помощи Василию I против Едигея, «таковым коварством перемудрова: ни Едигея разгнева, ни князю великому погрубил, обоим обоего избежа. Се же створи уменски, паче же истински».

¹² Ср.: Приселков. История, с. 184. Усиление промосковской линии в изложении событий первой половины XIV в. сказывается еще в рассказе М за 6855 г., где оправдания Семена Ивановича, не пришедшего на помощь новгородцам против шведов и сохлавшегося (в СИЛ) на «дела царевы», дополнены словами: «И егда отпушу их, тогда вборзе буду и свою отчину» (в Е весь этот рассказ сокращен).

¹³ Особое внимание составителя протографа М—Е к московско-суздальским отношениям (и использование им какого-то дополнительного источника) обнаруживается в добавлении к известию Тр. и СИЛ о смерти Андрея Константиновича Суздальско-Нижегородского в 6873 г. слов: «И седе на нем брат его Борис Константинович в Новгороде» — и упоминании, что Дмитрий Константинович «иде к Москве к великому князю Дмитрию Ивановичю просити собе на него помочи» (есть в М и в Е), а также в утверждении М—Е, что суздальско-нижегородским князем, приказавшим в 6883 г. «розвести розно» мамаявых татар, был Дмитрий Константинович (в Тр. здесь назван его сын, Василий Дмитриевич).

¹⁴ В М, кроме того, читается еще прямое осуждение Михаила Александровича за разгром Торжка: «Князь же Михайло Тферьской учинив сие великое зло Торжку, еже ни от поганых татар зло таковое не бывало ему» (в Е нет; в Тр., судя по Симеоновской, было упоминание, что «ни от поганых не бывало такого зла Торжку», но без прямого осуждения Михаила Александровича).

¹⁵ В Е этот некролог совсем отсутствует.

«толику же честь прият от царя, яко же не един от прежних великих князей».

Основные тенденции «особой обработки свода 1448 г.», обнаруживающиеся при сравнении с предшествующим летописанием, свидетельствуют, таким образом, не о церковном, а скорее об официально-княжеском характере этого памятника. Но справедливо ли в таком случае определение протографа М—Е как митрополичьего «свода Феодосия—Филиппа»? Мы уже отмечали, что А. Н. Насонов, предлагая такое определение, опирался в сущности только на единственный текст из рассказа о Михаиле-Митяе, взятого в М—Е из свода 1408 г. Между тем на всем протяжении М—Е, как отметил сам А. Н. Насонов, можно обнаружить систематическое сокращение специфически-религиозных текстов как из Лавр.—Тр., так из СЛЛ, и т. д.¹⁶ Наблюдения А. Н. Насонова могут быть еще значительно расширены. Сопоставляя начальную часть М—Е (соответствующую Повести временных лет) с соответствующими текстами Лавр.—Тр. и СЛЛ, мы также обнаруживаем в М—Е последовательное исключение библейских цитат и религиозных сентенций, — опущено здесь, в частности, все изложение библейской истории от Адама до Христа в беседе философа с Владимиром.¹⁷ В дальнейшем тексте М—Е, кроме указанных Насоновым, может быть отмечен еще ряд аналогичных купюр.¹⁸

Кем же были сделаны эти купюры? Сопоставление М с Е обнаруживает, что во всех, без исключения, случаях религиозные тексты, опущенные в М, отсутствуют и в Е; соответствующих цитат и сентенций нет не только в тех годовых статьях Е, которые сильно сокращены по сравнению с общим протографом, но и в тех статьях, где тексты, непосредственно примыкающие к опущенным цитатам, читаются так же, как в М, — на-

¹⁶ См. выше, с. 98. Насонов. История, с. 294—296. Пропуск поучений 6693 (1185) г. в тексте Воскресенской (совпадающей с М), Тверской и Львовской (совпадающей с Е) летописей был уже отмечен Е. Ю. Перфецием (Е. Ю. П е р ф е ц к и й. Русские летописные своды и их взаимоотношения, с. 21—22, прим. 2; у Перфецкого первые два известия ошибочно помечены 1179 г.); но он считал этот текст первичным (отражающим Владимирский полихрон), а текст Лавр.—Радзивилловской — дополненным. Однако, поскольку сокращения церковных поучений обнаруживаются в М—Е на всем их протяжении, вывод А. Н. Насонова о сокращении в М—Е можно считать бесспорным.

¹⁷ Соответствующие тексты отсутствуют в М и Е под годами: 6488 (библейские цитаты о женской злобе в конце статьи), 6491 (пророческие и апостольские цитаты в конце статьи), 6494 (пересказ Библии от Адама в речи философа, ряд библейских цитат в похвале Владимиру, помещенный в ПВЛ и СЛЛ в конце статьи), 6523 (похвала Владимиру с библейскими цитатами; в рассказе об убиении Бориса и Глеба — цитаты из Псалтыри в описании молитвы Бориса и в рассуждении о бесах), 6527 (библейские цитаты о Святополке), 6581 (библейские цитаты в рассказах об изгнании Ияслава), 6582 (подробности о посте 40-м; рассказ о чернце Исаакии из ПВЛ), 6586 (поучение и библейские цитаты в рассказе о смерти Ияслава из ПВЛ), 6604 (библейские цитаты в рассказе о половецком нашествии из ПВЛ), 6605 (упоминание о любви Мономаха к духовенству).

¹⁸ Соответствующие тексты отсутствуют под годами: 6684 (чудо Богородицы), 6685 (поучение по поводу разорения Боголюбовской церкви), 6686 (библейские цитаты по поводу столкновения с новгородцами), 6694 (рассуждения и библейские цитаты в связи с походом Игоря), 6695 (библейские цитаты по поводу мора), 6698 (библейские цитаты по поводу назначения епископа Иоанна), 6700 (библейские цитаты по поводу пожара, Лавр. — 6701 г.), 6705 (рассуждение о диаволе), 6746 (рассуждение о «суете жития человека»), 6754 (библейские цитаты в начале рассказа о Михаиле Черниговском). Пропуски под 6684—6700 гг. были отмечены уже Е. Ю. Перфецием по Тверской, Львовской и отчасти Воскресенской летописи (Е. Ю. П е р ф е ц к и й. Русские летописные своды и их взаимоотношения, с. 21—22, прим. 1—2); Е. Ю. Перфецкий считал первичным текст этих летописей и вторичным — текст Лавр.—Радзивилловской (см. прим. 16). Ряд пропущенных мест, отмеченных Е. Ю. Перфецием по Тверской и Львовской летописям (там же, с. 23—24), в М (как и в Воскресенской летописи) читаются, — это уже вторичные пропуски в Е по сравнению с общим протографом М—Е; читается в М, в частности, рассуждение о взятии Киева в 6678 г. как о наказании за грех.

пример, под 6650, 6654, 6685, 6697 (М — 6698 г.), 6705, 6776, 6778, 6784, 6855, 6888 гг.¹⁹ Таким образом, сокращение библейских цитат и религиозных сентенций было произведено не редактором свода 1479 г., а уже его предшественником — составителем протографа М—Е. Но такие тенденции «особой обработки свода 1448 г.» едва ли могут считаться характерными для памятника церковного летописания — митрополичьего свода; гораздо естественнее подозревать здесь руку светского, великокняжеского сводчика.

С великокняжеским летописанием позволяет связать протограф М—Е также известие о чуде, произошедшем при рождении Василия II (предсказание боровского старца, таинственный глас, повелевший наречь новорожденного «великого князя» Василием) в 6923 (1415) г., читающееся в М—Е (в отличие от СИ и других более ранних летописей); А. Н. Насонов обратил внимание на то, что в М к этому рассказу добавлено: «Мне же о сем Стефан диак сказа. . . , поведа великая княгиня Мария»; исследователь сделал из этого вывод, что Стефан Бородатый (великокняжеский дьяк, принимавший участие в походе на Новгород в 1471 г.)²⁰ «давал сведения составителю свода» и что «к летописному делу уже в эту эпоху имели отношение дьяки».²¹ Но рассказ о чуде при рождении Василия II в своей основной части читается не только в М, но и в Е; цитированная концовка этого рассказа явно принадлежит автору рассказа в целом («. . . мне же о сем. . . сказа»); гораздо вероятнее поэтому считать, что она читалась уже в общем протографе М—Е (и была сокращена в Е), нежели предполагать, что составитель свода 1479 г. добавил ее со ссылкой на Стефана Бородатого. Во всяком случае явно апологетический рассказ о чудесном рождении «великого князя» (права которого, как известно, потом оспаривались) еще раз связывает протограф М—Е со светской властью.

Мы видим, таким образом, что «особая обработка свода 1448 г.», лежащая в основе М и Е, по своим тенденциям оказывается чрезвычайно близкой к великокняжескому летописанию. Поэтому новые наблюдения не опровергают, на наш взгляд, мнения М. Д. Приселкова о том, что характерные для М «тенденциозные искажения» материала источников ради «согласования настоящего с далеким прошлым» были произведены светским летописцем, связанным с великокняжеской властью.²² Наблюдения А. Н. Насонова исправляют вывод М. Д. Приселкова только в одном отношении: мы можем считать теперь, что редакционная работа над текстом, доведенным до 6926 (1418) г., была осуществлена не при, а перед составлением свода 1479 г. и отразилась не только в М, но и в Е.

Когда же был составлен протограф М—Е? А. Н. Насонов, как мы уже отмечали, пришел к выводу, что этот свод был составлен не ранее 60-х годов, ибо в нем упоминаются «прочие митрополиты». После Киприана таких «прочих митрополитов», писавших завещание по образцу грамоты Киприана, должно было быть по крайней мере два.²³ Наблюдения А. Н. Насонова

¹⁹ В остальных случаях, отмеченных выше, статьи Е сокращены настолько значительно, что религиозные сентенции могли здесь выпасть вместе с примыкающими к ним текстами.

²⁰ Ср.: ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853, с. 192 (6979 г.).

²¹ Насонов. История, с. 297.

²² Приселков. История, с. 184.

²³ А. Н. Насонов считал, что под «прочими митрополитами» следует подразумевать Иону и Феодосия, так как непосредственный преемник Киприана Фотий сам писал свою прощальную грамоту, а Исидор бежал из России (Насонов. История, с. 272—273). Заметим, однако, что слова о «прочих митрополитах» не могут относиться и к Феодосию, так как в 1464 г. он не умер, а «остави митрополию» (ср. Е под 6973 г.). С другой стороны, хотя Фотий и сам писал прощальную грамоту, но она была, согласно

определяют время, после которого был составлен протограф М—Е (*terminus a quo*), однако они не указывают, до какого времени он мог возникнуть: «прочих митрополитов» после Киприана могло быть и не два а больше.

Мы знаем теперь, что своду 1479 г. предшествовал более ранний свод 1477 г., сохранившийся в виде фрагмента за 1417—1477 гг. в составе компилятивного «Летописца от 72-х язык». Не была ли «особая обработка свода 1448 г.» создана для свода 1477 г.? Такое предположение кажется особенно заманчивым потому, что в составе «Летописца от 72-х язык» фрагменту свода 1477 г. как раз предшествует «особая обработка свода 1448 г.», — в той краткой редакции, которая читается в Е.

Вопрос об отношении «особой обработки свода 1448 г.» к своду 1477 г. довольно сложен. Несомненно во всяком случае, что «Летописец от 72-х язык», в том виде, в каком он дошел до нас, не содержит первоначального текста «особой обработки свода 1448 г.». Краткая редакция «особой обработки», читающаяся в Е и в «Летописце от 72-х язык», — это, несомненно, вторичная редакция протографа М—Е: уже А. Н. Насонов справедливо отметил, что текст в Е, идентичный тексту Летописца, явно (и в ряде случаев неудачно) сокращен по сравнению с М. Кроме того, мы легко можем убедиться, что первая часть «Летописца от 72-х язык» до 6925 г. восходит именно к оригиналу Е: в начальном разделе (соответствующем ПВЛ) «Летописца от 72-х язык» содержатся не только известия общего протографа М—Е, но и те известия, которых нет в М и которые, очевидно, восходят к общему протографу Е и «Сокращенных сводов» (Олег умер, «уяден скорпиею», и т. д.).²⁴ Тем самым устанавливается и *terminus a quo* для краткой редакции «особой обработки свода 1448 г.»: восходя к протографу Е и «Сокращенных сводов», она не могла быть составлена ранее 1472 г., до которого доходит текст этого протографа.²⁵ Весьма вероятной представляется еще более поздняя датировка краткой редакции «особой обработки». И в Е, и в «Летописце от 72-х язык» мы обнаруживаем характерное добавление к рассказу о нашествии Тохтамыша в 6890 (1382) г. Здесь говорится, что, когда татары взобрались на московские стены, им удалось сбить с них горожан, «еще бо граду тому ниску сушу». В тексте М этих слов нет, не было их и в источнике рассказа — в СЛ, и они, очевидно, были добавлены уже после того, как был составлен протограф М—Е (т. е. после 60-х годов XV в.). Говоря о «ниских» стенах Кремля в 1382 г., редактор, переделывавший рассказ о нашествии Тохтамыша, указывал тем самым, что во время его работы стены эти были уже достроены; не свидетельствуют ли эти слова о том, что они были написаны после перестройки Кремля, осуществлявшейся Антоном Фрязиным в 80-х

летописному рассказу, составлена «по образцу прежде сего бывшего Киприана-митрополита» (ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853, с. 144). Если подразумевать под «прочими митрополитами» Фотия и Иону, то надо будет считать, что протограф М—Е был составлен не ранее (но, возможно, и значительно позднее) 1461 г.

²⁴ См. выше, с. 100, прим. 12.

²⁵ В пользу более ранней датировки краткой редакции «особой обработки» мог бы говорить текст перечня ростовских владык под 6904 г., доведенный в Уваровском и Лихачевском видах «Летописца от 72-х язык» до архиепископа Трифона (1462—1467 гг.). Но следует учесть, что уже в первоначальном тексте перечня, помещенном в своде 1448 г. (НВЛ), и во всех последующих летописях речь идет о том, кто «бысть» последним архиепископом Ростова до написания данного текста (в своде 1448 г. последним назван Григорий, умерший уже в 1416 г.). Поэтому нам представляется весьма убедительным предположение Б. М. Клосса, что запись, читающаяся в Уваровском и Лихачевском видах, была сделана не при Трифоне, а при преемнике его Вассиане (1467—1481), не попавшем, естественно, в число бывших владык.

годах XV в.²⁶ Созданная позже полной редакцией, сохранившейся в составе свода 1479 г., краткая редакция «особой обработки» свода, была, очевидно, механически соединена в составе «Летописца от 72-х язык» с фрагментом свода 1477 г.

Но, может быть, в полном тексте свода 1477 г. «особая обработка свода 1448 г.» содержалась в своем первоначальном виде? Каково было, иными словами, начало свода 1477 г., совпадало ли оно в основном со сводом 1448 г., как Никаноровская и Вологодско-Пермская летописи (свод 1472 г.),²⁷ или же представляло собой уже «особую обработку свода 1448 г.» — такую, какую мы читаем теперь в своде 1479 г. (М)? К сожалению, как мы знаем, именно интересующее нас начало свода 1477 г. до 6925 г. в «Летописце от 72-х язык» не сохранилось. Однако между текстом первой части, совпадающей в «Летописце» с Е, и текстом московского великокняжеского летописания, сходного в Никаноровской, Вологодско-Пермской и в своде 1479 г. (М), обнаруживается «зазор»: текст «Летописца», сходный с Е, оканчивается на первом известии 6925 г. (краткое известие о смерти Ивана, сына Василия Дмитриевича), и далее на всем протяжении 6925 и 6926 гг. следует текст, сходный с М (этот «зазор», кстати, лишний раз доказывает механичность соединения обоих текстов в «Летописце от 72-х язык»). Что же это за текст? Он пространнее СІЛ и Никаноровской летописи: под 6925 г. здесь сообщается о приезде в Москву Даниила Нижегородского, подробнее рассказывается о море «железой»; под 6926 г. рассказывается о бегстве Даниила из Москвы; после сообщения об убийстве Анфала также помещено несколько известий, которых нет в Никаноровской летописи и СІЛ. О тесной связи свода 1477 г. со сводом 1479 г. (М) свидетельствует одинаковая дефектность известия о Цамблаке 6926 г. (нет окончания грамоты Фотия о Цамблаке) и текст 6926 г., под которым (в отличие от СІЛ и Никаноровской) нет рассказа о волнениях в Новгороде, а известие об убийстве Анфала дано в иной формулировке («. . . Михайло Розъсохин уби. . . Анфала»; в СІЛ и Никаноровской — «. . . убиен бысть Анфал. . . от Михаила Росохина»). Не восходят ли эти изменения к «особой обработке свода 1448 г.»? Обращаясь к Е, мы не находим данных для ответа на этот вопрос: дополнительные известия свода 1477 г. и М (по сравнению с СІЛ и Никаноровской) — это как раз те известия из ростовского и новгородского летописания (приезд и бегство Даниила, мор в Новгороде), которых нет в Е; нет в Е и специфических пропусков и чтений, характерных для свода 1477 г. и М: грамота о Цамблаке доведена до конца, упоминание о событиях в Новгороде в 6929 г. (хотя и краткое) есть, о смерти Анфала сообщено так же, как в СІЛ («. . . убиен бысть. . . Анфал»). Вопрос об отношении свода 1477 г. к «особой обработке свода 1448 г.» остается поэтому открытым и допускает два разных ответа: 1) протограф М—Е мог быть составлен до 1477 г.; в своде 1477 г. «особая обработка свода 1448 г.» была уже дополнена по ростовскому и новгородскому источникам и испытала те изменения, которые обнаруживаются в своде 1479 г. (М); 2) свод 1477 г. не испытал еще влияния «особой обработки свода 1448 г.»; основанный на московском великокняжеском летописании (свод 1472 г.), он лишь немного сократил и дополнил этот текст по ростовскому и новгородскому

²⁶ ПСРЛ, т. XVIII, СПб., 1913, с. 271—272; т. XXVI, М.—Л., 1959, с. 277—279. Отсутствие этого дополнения в СІЛ и М не дает основания связывать его с восстановительными работами, производившимися (согласно М и другим летописям) в том же 6890 (1382) г., после возвращения Дмитрия в Москву (ПСРЛ, т. XXV, с. 210).

²⁷ Ср.: Я. С. Л у р ь е. Никаноровская и Вологодско-Пермская летописи как отражение великокняжеского свода начала 70-х годов XV в. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины, вып. V. Л., 1973, с. 243—245.

летописанию; в своде 1479 г. текст свода 1477 г. с его специфическими чтениями был соединен с текстом «особой обработки свода 1448 г.». ²⁸

Таким образом, на основе имеющихся у нас данных мы не можем пока достаточно точно датировать «особую обработку свода 1448 г.». Вероятнее всего, что эта важная летописная работа, еще не отразившаяся в своде начала 70-х годов (Никаноровская, Вологодско-Пермская и сходные с ними летописи), была произведена между 1472 и 1479 гг. Рассмотренные выше тенденции протографа М—Е позволяют считать «особую обработку» произведением великокняжеского летописца, осуществившего переделку всего предшествующего летописания в период напряженной борьбы московских князей за господство над Северо-Восточной Русью.

²⁸ В этом случае придется предположить что полный текст грамоты против Цамблака читался в «особой обработке свода 1448 г.» (откуда он попал в Е), а свод 1479 г., взяв всю статью 6925 г. из свода 1477 г., позаимствовал вместе с ней и дефектный текст грамоты (без окончания).

Е. И. ВАНЕЕВА

К изучению истории текста Сербской Александрии

(На материале ленинградских списков XV—XVII вв.)

Средневековый роман, который называют Сербской Александрией, в России появился не позднее XV в., поскольку самый древний русский список его относится к концу этого столетия.

Этот переводный памятник пришел к нам от южных славян, которые перевели и, возможно, при переводе несколько переработали греческий текст. А. Н. Веселовский, занимавшийся вопросом происхождения Сербской Александрии, считал, что роман был создан на греческом языке, а время составления греческого подлинника определял XIII или XIV столетием.¹

Сербская Александрия (греческий оригинал ее) представлял собою одну из поздних переработок романа об Александре Македонском, созданного значительно раньше, чем Сербская Александрия («Деяния Александра» Псевдо-Каллисфена). Сербская Александрия — это не историческое повествование о македонском царе Александре; в ней исторические элементы тонут в фантастических дополнениях, она, можно сказать, насыщена всякими элементами чудесного. Поскольку в дальнейшем придется привести ряд примеров, то для того, чтобы было ясно их место в тексте, позволяю себе кратко пересказать роман.

Подлинным отцом Александра в романе является египетский царь и волхв Нектонав, обольстивший Олимпиаду. Начав царствовать, Александр отправляется завоевывать окрестные земли: покоряет Афины, посещает Рим, Трою, — где ему приносят книгу Омира о троянском разорении, — Иерусалим, приходит в Египет, где его признают наследником царя Нектонава. Много места в романе занимает описание войны с персидским царем Дарием. После смерти Дария Александр женится на его дочери Роксане, а затем отправляется дальше на восток, путешествует по невиданным землям с фантастическими обитателями: ему встречаются кентавры, люди шестирукие и шестиногие, одноногие люди с овечьими хвостами и другие необычные существа. Александр доходит до острова блаженных (или нагомудрецов), потомков Сифа, добродетельно живущих около рая. Рай видеть никому не дано, и Александр его тоже не видел. Там, на краю земли, встретили Александра две птицы с человеческими головами и велели ему идти из этих дивных земель в Индию на царя индийского Пора. В поединке Александр побеждает Пора, становится господином Индии. После этого он идет войной на амазонок, но царица их присылает ему 100 девиц и письмо, где пишет, что победить женщин — честь невелика,

¹ А. Н. Веселовский. Из истории романа и повести, вып. 1. СПб., 1886. с. 444—445.

а быть ими побежденным — позорно. В ответ Александр не только не вступает в войну, но и девиц отпускает домой. Выдав себя за своего воеводу Антиоха, Александр помогает царю Кандавлу и вместе с ним идет послом к его матери царице Кандакии, по пути посещает пещеру мертвых. На протяжении всего романа Александру покровительствует пророк Иеремия, с которым он встретился, когда был в Иерусалиме. Перед смертью Александра Иеремия является ему во сне и предупреждает, что ему пришло время умереть. Александр возвращается в Вавилон, там он делит свои земли между воеводами. Роман кончается рассказом об отравлении и смерти Александра и самоубийстве его жены Роксаны.

В России охотно читали и переписывали Сербскую Александрию: дошло много русских списков, начиная с XV в., когда она у нас появилась, и кончая XIX в.

Восстановление истории текста Сербской Александрии в России, т. е. выяснение, каким был пришедший к нам текст и был ли он единственным, как он изменялся и что оказало на него влияние, требует изучения всех русских списков романа, которых более 200, выявления их взаимных связей.

В 1965 г. был издан древнейший русский список — из Кирилло-белозерского сборника Ефросина.² Сопоставление текста Александрии у Ефросина с другими русскими текстами обнаружило ряд черт, с одной стороны, общих всем русским спискам, а с другой — не свойственных южнославянским: одинаковые заголовки, общие пропуски, вставки, сокращения (по сравнению с южнославянскими).³ Например, в русских списках Сербской Александрии имеется значительный пропуск в том месте, где в южнославянских текстах Александр посылает Дарию с персидским послом Клитовнушем грамоту и сосуд с перцем, чтобы Дарий, съев перец, узнал храбрость македонских воинов. Затем рассказывается, что Александр собрался идти войной на селурского царя Архидона, а тот, узнав о намерении Александра, поспешил прислать послов с грамотой и дарами. В тексте русских списков нет конца грамоты Александра к Дарию, где упоминается сосуд с перцем, а следующий за этим эпизод — о походе на селурского царя — начинается словами: «В то же время приидоша послы от Архидона». Таким образом, нет рассказа о намерении Александра пойти войной, об испуге селурского царя и нет текста его письма к Александру. Наличие общих черт позволило предположить, что все русские списки отражают русскую редакцию памятника. В этой редакции был выделен Ефросиновский вид, к которому, кроме Кирилло-белозерского, принадлежат еще 47 списков, и были определены все существенные отличия этого вида от южнославянских текстов. Кроме того, была намечена классификация остальных русских списков, в основу которой положено различное отношение рукописей к особенностям Ефросиновского вида. Списки были разделены на три группы:

1) близкие к Ефросиновскому виду (например, Q.XVII. 209, Q.XVII. 252);

2) имеющие сходство — в результате вторичного сближения вариантов — с Ефросиновским видом и с южнославянскими списками (например, собрание Погодина, № 1772);

3) сходные с южнославянскими во всем, за исключением общих черт русской редакции.

Разработка этой классификации требует более детального просмотра рукописей, с тем чтобы выявить их взаимные связи, отношение к южно-

² Александрия. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века. Издание подготовили М. Н. Ботвинник, Я. С. Лурье и О. В. Творогов. М.—Л., 1965.

³ Там же, с. 207—209.

славянским спискам и к Ефросиновскому виду. Данную статью можно рассматривать как начало такой работы. Были просмотрены ленинградские списки XVII в. из БАН, ГПБ и ИРЛИ: БАН, 16.16.46, 17.5.31, 17.11.2, 28.6.37, 38.2.20, собрание Дружинина, № 937 (далее: Друж. 937), Текущие поступления, № 614 (далее: Тек. пост. 614); ГПБ Q.XV.13, Q.XV.27, Q.XV.31, Q.XV.48, Q.XV.49, Q.XVII.169, Q.XVII.209, Q.XVII.223, Q.XVII.252, собрание Вяземского, Q.71 (далее: Вяз. Q.71), собрание Погодина, № 1703 (далее: Погод. 1703), собрание Погодина, № 1708 (далее: Погод. 1708), собрание Погодина, № 1772 (далее: Погод. 1772), Соловецкое собрание, № 1171/1062 (далее: Сол. 1171/1062), собрание СПб. ДА, № 298 (далее: ДА 298), собрание Титова, № 724 (далее: Тит. 724), собрание Титова, № 3853 (далее: Тит. 3853), собрание Яворского, № 41 (далее: Явор. 41), Новое собрание рукописных книг, 1944.186.Q (далее: НСРК 1944.186.Q); ИРЛИ, коллекция Пухальского, № 6 (далее: Пух. 6). При сопоставлении списков учитывался Ефросиновский список XV в.; списков XVI в. в ленинградских собраниях нет.⁴ Всего 28 списков (кроме не относящихся к данной работе рукописей, содержащих Сербскую Александрию Ефросиновского вида, украинской редакции, Хронографическую Александрию и нерусских по своему происхождению рукописей — сербских, болгарских).

Для их классификации оказались полезными некоторые отличия Ефросиновского вида от южнославянских текстов, пропуски или перестановки в тексте, общие для нескольких рукописей. Назовем наиболее важные из них, чтобы в дальнейшем можно было ограничиться краткими ссылками.

1. Пропуск «Архидон» — это название даем приведенной выше особенности текста в русских списках Сербской Александрии.

2. Пропуск «Змий»: дарю Филиппу, отцу Александра, снится сон о рождении сына, после этого сна пролетающий орел роняет рядом с Филиппом яйцо. Филипп в испуге вскакивает с постели, яйцо падает и разбивается, из него вылезает змей, который, обойдя вокруг яйца, умирает, когда пытается в него опять влезть. Философ Аристотель говорит Филиппу, что сон его истинен. Затем приходят вестники из Македонии, сообщающие о рождении Александра, и Филипп идет в Македонию. В Ефросиновском виде после того, как падает яйцо, сказано: «Филипп с постели скочи и скоро поиде в Македонию»; не упоминается ни змей, ни Аристотель, ни вестники.

3. Эпизод македонского посольства к царю Дарию. Под видом посла к нему приходит Александр; Дарий удивлен многоценным одеянием посла; следует пир, во время которого Дарию говорят, что посол — это сам Александр. Дарий уходит для совета с вельможами, а Александр тем временем снимает с себя одеяния, надевает волшебный перстень, делающий его невидимым, и тайно уходит. В тексте Ефросиновского вида Александр снимает свои одежды раньше, сразу после того, как Дарий удивлен этими одеждami.

4. В южнославянских текстах Александр оставляет своим заместником в Персиде воеводу Селевка, затем вместе с Филоном путешествует по волшебным землям. Наместничеству Селевка в Персиде противоречит то, что в другом месте романа, как в южнославянских, так и в русских текстах, Филон, а не Селевк называется «господином персов», а при разделении земель Филон получает «перское господство». В Ефросиновском виде этого противоречия нет: Александр оставляет в Персиде Филона, а в путешествиях его сопровождает Птоломей.

⁴ XVI в. датируют список в ГПБ АН УССР, собр. Киевского университета, № 24, текст которого ближе к южнославянским текстам, чем русские тексты.

5. Значительное расхождение есть в конце романа, — назовем этот эпизод «Аристотель в Вавилоне»: в том месте, где Александр, узнав от пророка Иеремии, что пришло время ему умереть, возвращается в Вавилон и к нему из Македонии приходит Аристотель с дарами и письмом от Олимпиады, Александр устраивает пир, где читает письмо. До этого места текст Ефросиновского вида соответствует южнославянскому, а затем они расходятся.

Южнославянские

Письмо Олимпиады.

Некий человек украл золотую роменчу (сосуд); беседа Александра с его вельможами о тщете богатства, о данях.

История о старом персе, красившем волосы.

О трусливом муже по имени Александр.

История о «гусарех».

О стрельце-индейце.

Некий воин попросил Александра помочь составить приданое дочери.

Александр одарил Аристотеля и отправил его в Македонию.

Некий человек нашел сокровище в реке Тигр.

Приходит Олимпиада из Македонии.

Ефросиновский вид

Письмо Олимпиады (окончание письма другое, чем в южнославянских).

Александр одарил Аристотеля и отправил его в Македонию.

Некий человек нашел сокровище в реке Тигр.

История о «гусарех».

О стрельце-индейце.

Приходит Олимпиада из Македонии.

Ефросиновский вид отличается иным порядком рассказов и числом их — весь текст вдвое короче.

Рассмотрение перечисленных рукописей начнем с небольшой группы списков: БАН — 16.16.46; ГПБ — Q.XV.27, Q.XV.48 и Q.XVII.209. Они выделяются своим сходством друг с другом и с Ефросиновским видом. Вместе с текстами Ефросиновского вида эти рукописи имеют пропуск, обозначенный как «Змий» (кроме Q.XV.27, где недостает нескольких листов, но поскольку текст Q.XV.27 во многих других случаях сходен с Q.XV.48, Q.XVII.209 и 16.16.46, то присоединяем его к этой группе). Совпадают с Ефросиновским видом они и в конце романа — в эпизоде «Аристотель в Вавилоне», — в порядке следования рассказов и в количестве их (опять-таки одно исключение — в рукописи 16.16.46, где в конце много пропусков и сокращений и весь эпизод тоже очень краток). Спутником Александра в волшебных землях в этих списках является Птоломей, а наместником в Персиде — Филон, что тоже свойственно Ефросиновскому виду. У них есть и общие с этим видом ошибки, например: Александр пишет Дарию, что македоняне будут для него «паче пернатых орлов», чему в южнославянских текстах соответствует «паче пыпренехъ зръв лютеишии» (хуже, чем зерна перца); вместо слов «типане фарижи» (речь идет о конях) в 4 списках, как и в Ефросиновском виде, — «тимпани и органи» (это уже музыкальные инструменты). Для Ефросиновского вида характерны две такие особенности: когда Александр приходит в Трою, жители приносят ему книгу «о разорении И е р у с а л и м у», тогда как обычно — книгу «о троянском разорении» (в некоторых рукописях — «отроком о разорении»); второй особенностью является дополнение: после слов о смерти Александра в Ефросиновском виде читается: «. . . аггел господень в тои час душу из него изят и несе, иде же бог ему повеле» (в южнославянских текстах этого дополнения нет). Книга «о разорении И е р у с а л и м у» встречается в Q.XV.48 и 16.16.46. В Q.XV.27 и Q.XVII.209 — «о троянском разорении». Дополнение «ангел» чи-

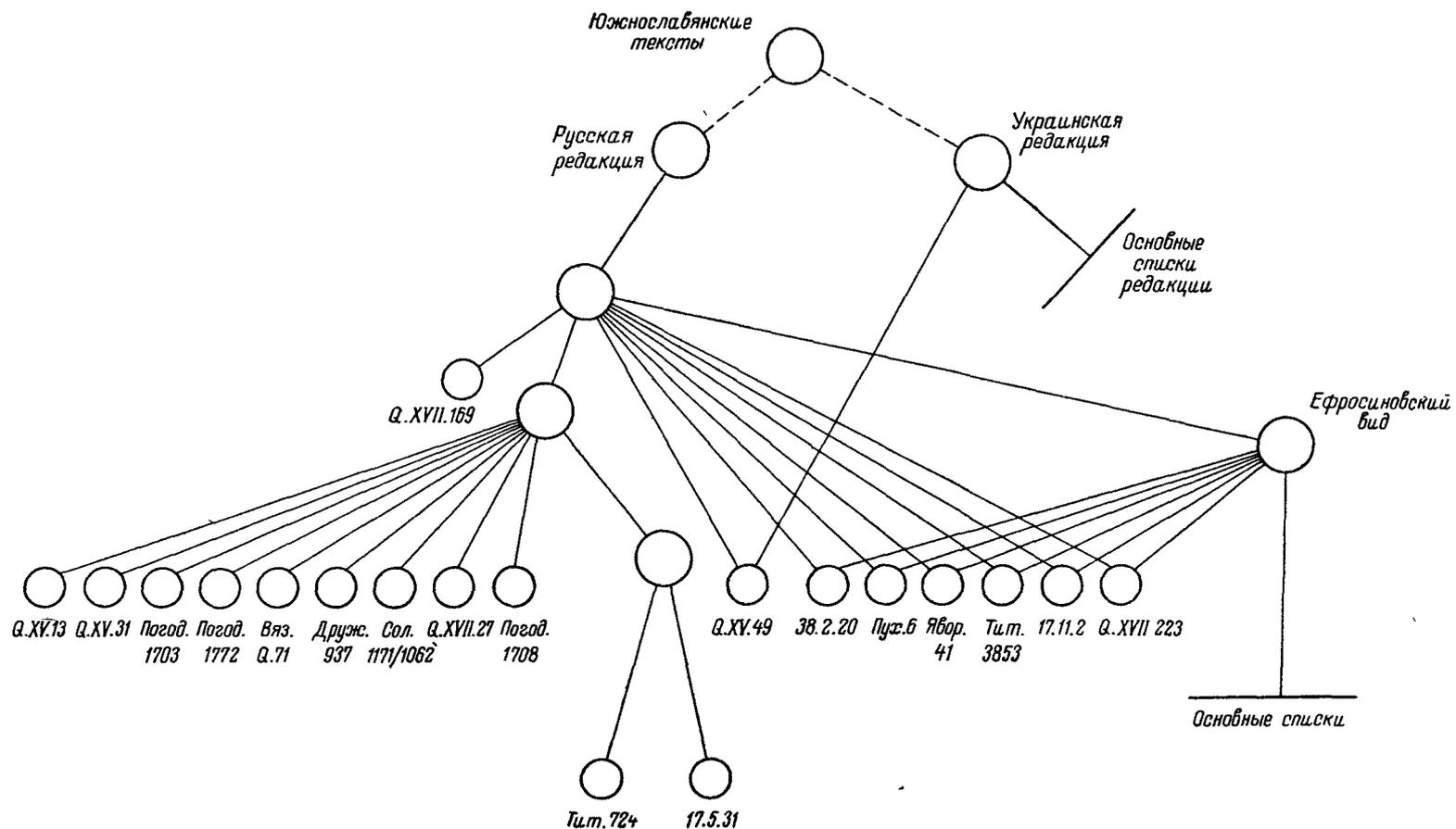

Схема взаимоотношения привлеченных списков Сербской Александрии.

тается только в одной из 4 рукописей — Q.XV.27, но в остальных трех рукописях в конце романа не только нет «ангела», но недостает и других рассказов, читающихся, кажется, во всех видах Сербской Александрии. Чтение «Иерусалиму» является признаком Ефросиновского вида, но отсутствие его (замена «троянским разорением») совсем не означает, что список не принадлежит к этому виду. То, что здесь вместо «разорения Иерусалиму» читается осмысленное и правильное «троянское разорение», можно рассматривать как свидетельство образованности писца, тем более что этому сопутствует и другое изменение в этом же эпизоде: Аполлон, названный в Ефросиновском виде «треагадскы царь», в списках Q.XVII.209 и Q.XV.27 является «троянским царем». Поэтому, несмотря на отсутствие одного из двух главных признаков Ефросиновского вида или даже обоих, как в списке Q. XVII. 209, есть основания отнести данные 4 текста к Ефросиновскому виду, считая их некоторым ответвлением в пределах этого вида.

Остальные списки для рассмотрения разделим на три группы: 1) 12 сходных между собой, более близких к южнославянским текстам, чем к Ефросиновскому виду; 2) 7 рукописей, которые нельзя отнести к какому-либо определенному виду, непохожих друг на друга; 3) 5 весьма неполных рукописей, о которых скажем в конце (две первые группы, — см. схему).

Первую группу из 12 списков в дальнейшем будем называть Мышецкой группой — по имени владельца одного из списков (Q.XVII.169). Их шифры: ГПБ, Q.XV.13, Q.XV.31, Q.XVII.27, Q.XVII.169, Вяз. Q.71, Погод. 1703, Погод. 1708, Погод. 1772, Сол. 1171/1062, Тит. 724; БАН, 17.5.31 и Друж. 937. Объединяет эти рукописи то, что они на протяжении всего текста романа близки к южнославянскому тексту (ближе, чем Ефросиновский вид и остальные рукописи). В них есть черты русской редакции, т. е. они общего происхождения с Ефросиновским видом, но нет отличий, свойственных именно этому виду: нет «ангела», «Иерусалима», целиком читается рассказ об орле, падении яйца и смерти змея (текст во всех 12 списках совершенно одинаков и совпадает с южнославянским); Александр снимает одежды как в южнославянском тексте; нет ошибок Ефросиновского вида — «пернатых орлов» и др. Кроме того, в эпизоде «Аристотель в Вавилоне» текст читаемого письма Олимпиады во всех списках не закончен (как и в Ефросиновском виде, но без его дополнения), и в 8 списках (Q.XV.13, Q.XV. 31, Погод. 1703, Погод. 1772, Тит. 724, 17.5.31, Вяз. Q. 71 и Друж. 937) вслед за прерванным (в одном и том же месте) письмом читается такой текст: «. . .ничто же злата ползова много злата собрал бяше». Если посмотреть в южнославянский текст, то выясняется, что это слова из окончания беседы Александра с вельможами, которая была вызвана кражей роменчи (сосуда). Затем в этих списках читается вопрос к Александру о дани, история о старом персе, красившем волосы, и следующие рассказы, которые по порядку своего расположения совпадают с текстом южнославянских списков. По явной случайности и бессмысленности пропуска трудно предположить, что он мог быть сделан разными писцами независимо друг от друга; очевидно, списки имели его в своем оригинале. В списке Q.XVII.169 письмо Олимпиады закончено словами, которых нет в южнославянском тексте, нет и в Ефросиновском виде, но которые в точности совпадают с окончанием предыдущего обращения Олимпиады к Александру. Нет непонятной фразы о «злате», сразу за письмом следует вопрос о дани и все дальнейшие рассказы. В Сол. 1171/1062 письмо Олимпиады не закончено, а за ним читается рассказ о старом персе и следующие. Общее у Сол. 1171/1062 и Q.XVII.169 с предыдущими 8 рукописями — это то, что в них тоже нет ни кражи роменчи, ни начала беседы с вельможами (и пропущенный текст в них еще больше).

Но, может быть, писцы Сол. 1171/1062 и Q.XVII. 169 сознательно пропустили (и изменили) непонятное место, которое было в их оригиналах.

В Погод. 1708 и Q.XVII.27 эпизод «Аристотель в Вавилоне» сильно сокращен, как, впрочем, и рукописи в целом. К группе, имеющей одинаковый пропуск, присоединяем их предположительно, на основании общего сходства.

Наиболее близкой к южнославянскому тексту в этой группе является рукопись Q.XVII.169. В ней есть южнославянские чтения, которых нет во всех остальных списках, нет некоторых изменений, встречающихся в русских списках, например: Александр получает дары от покоренных вавилонян и в числе их «сто лвов в золотых в е р и г а х и тысячу п а р д у с о в л о в н ы х» — так читается в южнославянских текстах. В Q.XVII.169: «. . . сто лвов во золотых чепех и 1000 пардусов ловных»; в Ефросиновском виде и в просмотренных рукописях (кроме Тит. 724 и БАН, 17.5.31) — «100 лвов в золотых рязезех и 1000 псов ловных и борзых». «Чепи» могли появиться даже в том случае, если в оригинале у писца были «рязези», но чтобы из «псов ловных» получились «пардусы ловные» и чтобы это случайно совпало с чтением южнославянских текстов — представляется маловероятным. Среди рассмотренных нами списков текст Q.XVII.169 можно считать во многих отношениях наиболее близким к протографу русских списков Сербской Александрии.

В Ефросиновском виде, древнейший список которого относится к XV в., Я. С. Лурье были отмечены два случая, когда текст представляется более первоначальным, чем текст южнославянских списков.⁵ Во-первых, Филон — наместник и Птоломей — спутник, т. е. в Ефросиновском виде нет противоречия южнославянского варианта рассказа о Филоне и Селевке, ибо здесь Александр оставляет своим наместником в Персиде Филона, а путешествует после этого с Птоломеем, что вполне согласуется с дальнейшей ролью Филона — именованном его «господином персов», «Дариевым наместником» и получением им Персиды при разделении земель. Но является ли эта непротиворечивость, последовательность в рассказе признаком первичности? Вопрос о наместнике и спутнике довольно-таки неясен. В греческом списке (Иверском)⁶ Сербской Александрии наместником остается Филон, но Филон же и сопровождает Александра в хождении его по волшебным землям, так что здесь совсем странное, откровенно противоречивое сочетание. Интересно, что оно (Филон — наместник и Филон — спутник) встречается и в некоторых русских текстах (из Мышецкой группы). В рукописях этой группы читается и южнославянский вариант (Селевк — наместник в Персиде, а Филон — спутник), и вариант Иверского списка, и даже такой: Филон — наместник в Персиде, а путешествует с Александром Антиох, при этом нельзя сказать, что этот последний вариант был бы хуже Ефросиновского, — в отношении последовательности текста. Но эта последовательность (так же как и в Ефросиновском виде) представляется скорее исправлением первичной непоследовательности. Естественнее предположить, что в оригинале было сочетание Филон — наместник и Филон же — спутник, которое либо воспроизводилось, либо ввиду невразумительности исправлялось. Но возможно, что сначала было как в южнославянских текстах: Селевк оставался в Персиде, а Филон путешествовал; затем как-то получилось, что Филон и оставался, и путешествовал одновременно, а затем — все дальнейшие варианты.

⁵ Александрия. Роман об Александре Македонском. . . , с. 202.

⁶ Издан в кн.: В. И с т р и н. История Сербской Александрии в русской литературе, вып. I. Одесса, 1910.

Неясным остается вопрос со словом «шилатики», дважды встречающимся в Ефросиновском виде (при описании битв), которого нет в южнославянских текстах (и в текстах Мышецкой группы), — там вместо этого «рогатики», «рогатинь», «палицы». В Иверском (греческом) списке в одном случае слову «шилатики» соответствует τὰ πελατικά.

Эти два чтения Ефросиновского вида, как нам кажется, не противоречат предположению о том, что текст Q.XVII.169 в целом ближе к протографу, чем Ефросиновский вид.

В особую подгруппу следует выделить две рукописи — Тит. 724 и БАН, 17.5.31. В отличие от всех 17 рукописей и Ефросиновского вида в волшебных землях вместе с Александром путешествует не Филон и не Птоломей, а Антиох. Сходство двух рукописей проявляется не только в этой особенности, но и во многих других чтениях. Так, только в Тит. 724 и БАН, 17.5.31 дважды вместо воеводы Антигона называется Визант: в начале романа, когда Александру, начинающему царствовать, воеводы его дают советы, — Филон, Селевк, Антиох, Антигон, Птоломей; и в конце, при перечислении воевод: Филон, Птоломей, Селевк, Антигон и Антиох. Еще один маленький пример сходства этих рукописей — вместо львов и «рятезей» в них читается: «100 волов во златых телегах и 1000 псов ловных».

Семь рукописей — Q.XV.49, Q.XVII.223, Тит. 3853, Явор. 41, БАН, 17.11.2, 38.2.20 и Пух. 6 — сложнее по своей структуре, чем рукописи Мышецкой группы или Ефросиновского вида. Отличительной чертой их является отсутствие сходства в целом как с указанными видами, так и между собою. Предположительно можно сказать, что рукописи этой группы имеют сводный характер. Два списка — Q.XV.49 и Тит. 3853 — в своих отношениях к другим русским текстам разделяются каждый на две части, так что в начале рукопись сходна с одним видом или с конкретной рукописью, а начиная с какого-то места — совсем с другим. Так, в Q.XV.49 первая половина текста скорее всего отражает украинскую редакцию Сербской Александрии;⁷ например, в этой рукописи на Афинском царстве Александр оставил своего воеводу Влафиана, в Риме царем поставил Поликратуша, в Трое — Селевка, — все это читается в украинской редакции, в русских же и в южнославянских текстах ни в Афинах, ни в Трое Александр никого не оставляет, а в Риме царем становится Ламаидуш. Вторая часть текста — это текст Ефросиновского вида: есть «ангел», Филон — наместник и Птоломей — спутник, эпизод «Аристотель в Вавилоне» читается точно так же, как и в Ефросиновском виде. Возможно, что эта рукопись была переписана с оригинала, состоявшего из двух разных рукописей, как например Q. XVII. 252 (о ней ниже). То же можно сказать и о рукописи Тит. 3853. До рассказа о сражении с одноногими людьми она похожа на рукопись Вяз. Q.71 (Мышецкой группы), затем сходна с Ефросиновским видом.

В остальных 5 списках — Q.XVII.223, Явор. 41, БАН, 17.11.2, 38.2.20, Пух. 6 — нет такого разделения, но в каждом из них на протяжении всего текста встречаются чтения то Ефросиновского вида, то Мышецкой группы. В них, как правило, нет пропусков, свойственных Ефросиновскому виду (например, «Змия»), и одновременно могут быть такие признаки этого вида, как книга «о разорении Иерусалима», «ангел», «пернатые орлы», «органы» и др. Встречаются удвоения, например: «. . паче перяных зерен и паче пернатых орлов», Александр снимает одежды до

⁷ Издана в кн.: С. Гаевський. Александрия в давній українській літературі. Пам'ятки мови та письменства давньої України, т. III. Давня українська повість, ч. I. Київ, 1929.

пира у Дария и в конце пира; такие удвоения дают основания считать текст рукописи, в которой они читаются, сводным (вторичным), зависящим и от Ефросиновского вида, и от текстов Мышецкой группы.

Последние 5 рукописей — НСРК 1944.186.Q, ДА. 298, БАН, 28.6.37. Тек. пост. 614 и Q.XVII.252 — неполные. Кроме Q.XVII. 252, это разных размеров части рукописей; самая маленькая (28.6.37) содержит всего два листа текста. Единственное, что можно сказать о них — что это тексты Сербской Александрии.

К числу неполных относим и Александрию в сборнике Q.XVII. 252, занимающую 130 листов, поскольку здесь не одна рукопись, а две части совсем разных рукописей, переплетенные вместе: 1) лл. 1—46 и 126—130 (начало и конец романа) написаны одним и тем же почерком; для этой части характерны надписи на верхнем поле листа: «Александр» — на оборотной стороне и «Македонский» — на лицевой стороне листа; 2) лл. 47—122 написаны попеременно двумя почерками; очень многих листов недостает.

Между частями большие пропуски. Первая часть совершенно сходна с текстом Сол. 1171/1062 (Мышецкой группы), а вторую по второстепенным признакам можно отнести к Ефросиновскому виду (главные определяющие Ефросиновский вид признаки находятся в начале — «Змий», книга «о разорении Иерусалима» и в конце романа — «ангел», т. е. в первой части Q.XVII. 252).

В результате просмотра рукописей подтверждается вывод о существовании единого оригинала русской редакции: списки, рассмотренные в этой статье, как и списки Ефросиновского вида, несомненно восходят к одному протографу. А поскольку этот протограф восходил к какому-то южнославянскому тексту, то при рассмотрении рукописей южнославянские списки — условно — можно отождествить с протографом русской редакции.

Каковы же отношения между Ефросиновским видом, Мышецкой группой и южнославянскими текстами? Если выделить из Ефросиновского вида и из Мышецкой группы ту часть их текста, которая соответствует южнославянскому тексту, и сравнить их, то окажется, что часть Ефросиновского вида короче и целиком входит в часть Мышецкой группы. Поясню это на примере пропуска в эпизоде «Аристотель в Вавилоне». В обоих текст письма Олимпиады прерывается незадолго до конца, затем в Мышецкой группе идет непонятная фраза о золоте, о даянх (или история о старом персе) и дальнейший текст совершенно сходен с южнославянским, а в Ефросиновском виде письмо закончено (но окончание иное), а затем следуют 4 рассказа в другом порядке, чем в южнославянском тексте. Если сравнить эти эпизоды в Ефросиновском виде и в Мышецкой группе, то сразу видно, что текст Мышецкой группы целиком включает в себя текст Ефросиновского вида (за исключением окончания письма) и что текст Ефросиновского вида представляет собой лишь часть текста из Мышецкой группы, — поэтому из чтения Мышецкой группы можно получить чтение Ефросиновского вида, а наоборот — нельзя. Следовательно, либо текст Мышецкой группы предшествует Ефросиновскому виду, либо он появился в результате дополнения и исправления текста Ефросиновского вида по какому-то южнославянскому списку. Предположим, что имело место такое исправление. Но как хорошо и одновременно как плохо выполнил редактор эту работу! Хорошо — потому, что в текстах Мышецкой группы нет повторов, удвоений, что может выдать правку: например, он догадался, что «пернатые орлы» — ошибочное чтение, а не дополнение к зернам перца. Но он же оставил пропущенным письмо царя Архидона, несколько более мелких пропусков (пропуск «Змий» заполнил), недостаточно хорошо исправил

эпизод «Аристотель в Вавилоне». Нужно предположить тогда, что этот редактор не только из двух вариантов почти всегда выбирал южнославянский, но и не включал в свой текст дополнений, которые есть в Ефросиновском виде и которых нет в южнославянском тексте, например ангела, унесшего душу Александра. Почему же он попросту не переписал южнославянский текст, если русский текст ему настолько не нравился? Отсутствие в тексте Мышецкой группы следов редактирования и исправлений дает основания предполагать, что текст этой группы ближе к протографу русской редакции, чем Ефросиновский вид.

Но не может ли оказаться, что один из списков, не относящихся ни к Ефросиновскому виду, ни к Мышецкой группе (Q.XVII.223, Q.XV.49, Тит. 3853, Явор. 41, БАН, 17.11.2, 38.2.20, Пух. 6), представляет собой не вторичное сведение двух вариантов в один, а исходный тип, близкий к протографу, и что от него произошли и Ефросиновский вид, и Мышецкая группа: Ефросиновский вид возник в результате дальнейших изменений и удалений от южнославянского текста, а текст Мышецкой группы, напротив, — результат вторичного сближения с южнославянским текстом? Однако есть два соображения против этого мнения: во-первых, опять необходимо предполагать правку, а во-вторых, таких рукописей (с некоторыми чертами Ефросиновского вида и некоторыми — Мышецкой группы) несколько, при этом они различаются, в одних — одно сочетание черт, в других — другое; таким образом, тот факт, что сведение разных вариантов все-таки было, не требует доказательств.

Все эти выводы имеют характер предварительных, поскольку дальнейшая работа с ленинградскими и московскими списками может, конечно, их изменить: что-то, возможно, будет отвергнуто как неверное, а другое, сейчас лишь предполагаемое, получит подтверждение.

Б. М. КЛОСС

Никоновская летопись и Максим Грек

Никоновская летопись составлялась в конце 20-х годов XVI в.,¹ т. е. в период между двумя церковными соборами 1525 и 1531 гг., судившими Максима Грека. Поскольку созданием свода руководил митрополит Даниил — инициатор созыва этих соборов, то возникает предположение: не содёржались ли в нем какие-либо высказывания по тем вопросам, по которым обвинялся Максим Грек. Оказывается, в тексте Никоновской летописи имеется немало параллелей с так называемым «Судным списком Максима Грека», составленным по материалам соборов 1525 и 1531 гг.²

Одним из центральных пунктов обвинения, предъявленных Максиму Греку еще в 1525 г., было его отрицательное отношение к практике поставления русских митрополитов в Москве без благословения константинопольского патриарха. Тогда Максим не сознался в наличии у него таких взглядов,³ но на соборе 1531 г. вынужден был признать: «В том есми виноват, говорил есми то все, что они чинят за гордость, не принимают патриаршеского благословения цареградцкого. . . и ставятся собою самочинно, не по божественным писанием, ни по правилам святых отец, не хотячи ходити к патриарху на поставление».⁴ На судебном разбирательстве Максим рассказывал: «Пытал есми, господине, о чем не ставятся митрополиты руские по прежнему и по старому обычаю у патриарха царегородцкого, и сказали мне, что патриарх царегородцкой дал благословеную грамоту руским митрополитом, поставитися им волно своими епископы на Руси, и яз много тоя грамоты пытал, и до сех мест не видал есми ее. И яз молвил: коли здесе у них грамоты нет патриарха цареградцкого, и они о гордости не ставятся по прежнему и по старому уставу и обычаю от патриарха цареградцкого».⁵

В истории Древней Руси были случаи поставления митрополитов без санкции константинопольского патриарха. Посмотрим, как в Никоновской летописи записано сообщение под 6559 г. об избрании митрополита Илариона (для сравнения приводим текст источника — летописи типа Ермолинской):⁶

¹ Б. М. Клосс. Митрополит Даниил и Никоновская летопись. — ТОДРЛ, т. XXVIII. М.—Л., 1973, с. 188—201.

² Судные списки Максима Грека и Исака Собаки. Изд. подгот. Н. Н. Покровский, под ред. С. О. Шмидта. М., 1971.

³ Там же, с. 111.

⁴ Там же, с. 119.

⁵ Там же, с. 111.

⁶ Данный источник отличают от сокращенных сводов конца XV в., свода 1479 г. и предшествующих им летописных сводов наименование епископов «русскими» и отсутствие упоминания о церкви Софии.

Никоновская летопись

Поставлен бысть митрополит на Руси своими епископы. Ярославу, сыну Владимирову, внуку Святославию, с греки браши и нестроения быша, и сице Ярослав с епископы своими русскими съвещавше, умыслиша по священному правилу и уставу апостольскому сице (правило святых апостол 1-е): два или три епископы да поставляют единого епископа, и по сему священному правилу и уставу божественных апостол съшедшея русстии епископы поставиша Илариона Русина митрополита Киеву и всей Русской земле, не отлучающа от православных патриарх и благочестия греческаго закона, ни гордящася от них поставлятися, но съблюдающася от вражды и лукавства, якоже беша тогда.⁸

Статья Никоновской летописи явно составлена в противовес критическим высказываниям Максима Грека о порядке поставления митрополитов на Руси: снято обвинение в «гордости», обоснована законность акта поставления ссылкой на «правило святых апостол»;⁹ совпадают, кроме того, отдельные выражения в «Судном списке» и в Никоновской летописи («Поставлен бысть митрополит на Руси своими епископы»).

Под 6957 г. в Никоновской летописи говорится как раз о той самой патриаршей «благословенной грамоте», о которой тщетно «пытал» Максим Грек. Сообщение о поставлении митрополита Ионы целиком переписано в Никоновской из Иоасафовской летописи,¹⁰ составленной в канцелярии митрополита Даниила и лично им отредактированной.¹¹ Источником статьи 6957 г. обеих летописей явился свод 1479 г. в редакции конца XV в.¹² Характер переработки источника выясняется из сравнения текстов.

Никоновская летопись

Декабря 15 поставлен бысть на митрополию всея Руси Иона, владыка рязаньской, на Москве архиепископы и епископы Руськия митрополи, по благословению святейшего вселенскаго патриарха: как был Иона в Цариграде после Исидора,

Ермолинская летопись

Ярослав собра епископы руския, постави в Киеве митрополита Русина Лариона.⁷

Московский свод
конца XV в.

Месяца декабря 15 поставлен бысть на митрополию всей Руси епископы руськими, Ефремом Ростовским, Авраамем Суздальским, Варламом Коломенским, Питиримом Пермьским, а новгородцкой архиепископ Евфимий и епископ тфер-

⁷ ПСРЛ, т. XXIII. СПб., 1910, с. 24; т. XXVIII. М.—Л., 1963, с. 21, 176.

⁸ ПСРЛ, т. IX. СПб., 1862, с. 83 (в дальнейшем ссылки на страницы этого тома даются в тексте).

⁹ То же «правило» цитируется в сообщении о поставлении митрополитом Климента Смолятича (ПСРЛ, т. IX, с. 172).

¹⁰ Иоасафовская летопись. М., 1957, с. 42.

¹¹ Б. М. Клосс. Деятельность митрополичьей книгописной мастерской в 20—30-х годах XVI века и происхождение Никоновской летописи. — В кн.: Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972, с. 325—326, 330—332, 335, 337.

¹² ПСРЛ, т. XVIII. СПб., 1913, с. 204 (в дальнейшем ссылки на страницы этого тома даются в тексте); т. XXV. М., 1949, с. 270. Здесь во фразе: «... князь Дмитрий перевезеся Волгу» — пропущено слово «Волгу»; тот же дефект имеется в Иоасафовской и Никоновской летописях. Впрочем, само известие о поставлении Ионы одинаково читается в своде 1479 г. и в летописях, восходящих к своду 1477 г. (Прилуцкой, Уваровской; к этому же своду восходят, по нашему мнению, Вологодско-Пермская и Воскресенская летописи).

и патриарх его благословил и грамоту ему дал.¹³

ский грамоты свои прислаша, что с ними единомыслени на поставление на митрополию Ионы, владыки рязанскаго. А прежде того, коли в Цареграде был о исправлении митрополии, и он и от святейшаго и от всего, еже о нем, священнаго събора благословен последи Сидора на митрополию (XVIII, 204).

Отсюда видно, что несколько неопределенное известие о получении Ионой благословения ставиться «последи Сидора на митрополию» переработано в том плане, будто Иона прибыл в Царьград уже после бегства Исидора и получил там благословение патриарха,¹⁴ — это, естественно, узаконивает акт поставления Ионы в митрополиты собором русских епископов. Той же цели служит внесенное в текст существенное дополнение, что патриарх «и грамоту ему дал». Поскольку после Ионы все митрополиты ставились в Москве, читатель должен был воспринимать это известие как дарование константинопольским патриархом «благословенной грамоты», санкционирующей новый порядок поставления русских митрополитов. Последующее церковное летописание во всяком случае именно так трактует данный эпизод, как это видно из текста патриаршего летописца: «Лета 6957-го году поставлен бысть на митрополию Иона-чюдотворец во Цареграде и дана ему грамота от патриарха Царяграда впредь по нем ставить митрополитов на Москве вселенским собором».¹⁵

Осуждению со стороны правящей иосифлянской верхушки русской церкви подверглись и нестяжательские взгляды Максима Грека. В обвинительной речи митрополита Даниила на соборе 1531 г.¹⁶ звучали такие слова: «Да ты же, Максим, святых божия соборных апостольския церкви и монастыри укоряеши и хулиши, что они стяжания, и люди, и доходы, и села имеют. А в ваших монастырех во Святой Горе и в иных местех в вашей земле у церквей и у монастырей и села есть, да и в писаниих и житиях отеческих писаны: велено их держати святым церквам и монастырем».¹⁷ В Никоновской летописи подобраны многочисленные примеры, указывающие на исконность подобных порядков на Руси: приводятся свидетельства других летописных источников о наличии сел у церкви святого Дмитрия в Суздале (IX, 128), у Чудова монастыря,¹⁸ и Симонова монастыря (XI, 142), о наделении Андреем Боголюбским «селами лучшими» церкви Богородицы во Владимире (IX, 221—223, 254—255). Зато ни одной предшествующей летописи неизвестно, что Всеволод Большое Гнездо «всем удоволи» Рождественский монастырь во Владимире: «. . . и села, и бортми, и озеры, и реками, и многим именованием».¹⁹ Несколько характерных

¹³ ПСРЛ, т. XII. СПб., 1901 (в дальнейшем ссылки на страницы этого тома даются в тексте), с. 74.

¹⁴ Иона прибыл в Константинополь, когда Исидор был уже поставлен в митрополиты «всей Руси»; см.: АИ, ч. I. СПб., 1841, с. 71—75, 83—85.

¹⁵ ЦГАДА, ф. 196, № 373, л. 7 об.; № 387, л. 9. Об этом летописце см.: А. Н. Насонов. Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы). — Проблемы источниковедения, вып. IV. М., 1955, с. 267—268.

¹⁶ Конечно, по вопросу о земельных богатствах церквей и монастырей Максим Грек высказывался и ранее, но прав Н. Н. Покровский, справедливо отмечающий, что в 1525 г., когда в силе был Вассиан Патрикеев, «хулы» Максима на церковное землевладение вряд ли были предметом сколько-нибудь заметного судебного разбирательства: Судные списки Максима Грека и Исаака Собака, с. 51—52.

¹⁷ Там же, с. 99.

¹⁸ ПСРЛ, т. XI. СПб., 1897, с. 33 (в дальнейшем ссылки на страницы этого тома даются в тексте).

¹⁹ ПСРЛ, т. X. СПб., 1885, с. 65 (в дальнейшем ссылки на страницы этого тома даются в тексте).

вставок имеется под 6886 г. в тексте, заимствованном из Жития митрополита Алексея. В известиях об основании Андроникова монастыря и нижегородского Благовещенского одинаково прибавлено, что митрополит «даровал» им «села, и воды, и места» (XI, 32). В сообщении об основании Алексеем Константиноеленского монастыря на Клязьме добавлено: «. . . и всякими потребами удоволи, и села подава и изобильствова всем» (XI, 32), причем слова «и села подава» приписаны на полях списка Оболенского рукой самого митрополита Даниила.²⁰ В летописи имеются также вставные фрагменты, где перечисляются «грады», «села» и другие владения, принадлежавшие русским митрополитам (IX, 116, 152; XI, 194, 213—217, 219, 224; XII, 14).

В качестве одного из доказательств существования монастырского землевладения «во Святой Горе» Максиму Греку было заявлено: «А вы же из Святыя Горы принесли здесе на Москву житие святого Савы архиепископа Сербскаго, а в том житии писано, что у монастырей села есть, а святыи Сава и брат его Стефан давали к монастырем села».²¹ Данное свидетельство зачитывалось также перед Вассианом Патрикеевым;²² соответствующий текст есть и в Никоновской летописи (переписан здесь из Хронографа): «Потом же испросиста у царя Алексева, у свата своего, у него же женися Стефан-деспот, сын Семионов, монастырь Хилондарь со всем стяжанием, и украсиша его всяцем зданием, и Стефану-деспоту послаша, яко в свое имя приати манастырь той; он же посылает множества имениа, и села приложи ему в Сербьской земле, и скотом приплодным обогатив» (X, 42).

В тесной связи с нестяжательскими взглядами Максима Грека на соборе 1531 г. обсуждался вопрос об осуждении Максимом русских «чудотворцев» как стяжателей и резомйцев. «Да ты же, Максим, — обвинял митрополит Даниил, — святых великих чудотворцов Петра, и Алексея, и Иону, митрополитов всея Русии, и святых преподобных чудотворцов Сергия, Варлама и Кирила, Пафнутия и Макария укоряеши и хулиши, а говоришь так: занеже они держали города, и волости, и села, и люди, и судили, и пошлины и оброки, дани имали, и многое богатство имели, ино им не lze быти чудотворцем».²³ На суде Максим отрицал, что осуждал всех вообще русских чудотворцев, и признал лишь обвинение в хуле на Пафнутия Боровского.²⁴ Тогда перед Максимом были зачитаны свидетельства, что «многии святии чудотворцы села имели у святых церквей и у монастырей»; содержатся на этот счет показания и в тексте Никоновской летописи. Выше уже упоминались известия об основании монастырей и наделении их селами митрополитом Алексеем — одним из наиболее почитаемых русской церковью святых. В связи с этим интересна обработка составителем Никоновской летописи Жития митрополита Алексея. Обращает на себя внимание заметка об основании Алексеем Чудова монастыря, где переработан текст Симеоновской летописи: «. . . многа же с е л а , и д о м ы , и л ю д и , и е з е р а , и н и в ы , и м е с т а п о д а в а л е с т ь с в я т ы й , и в с я , е л и к о д о в л е е т ь н а п о т р е б у м а н а с т ы р ю » (XI, 33). Здесь прямо указывается, что «святыи» Алексей владел и «селами», и «людьми» и «многое богатство имел». Любопытна также обработка составителем Никоновской летописи одного места из Жития митрополита Алексея.

²⁰ ЦГАДА, ф. 201, № 163, л. 506 об.

²¹ Судные списки Максима Грека и Исака Собаки, с. 113.

²² Н. А. К а з а к о в а. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.—Л., 1960, Приложение, с. 291.

²³ Судные списки Максима Грека и Исака Собаки, с. 99.

²⁴ Там же, с. 112—113.

Святый же Алексей. . . обрете у града Москвы на реце на Явузе место угодно к монастырскому строению и тако, господу богу действующу и пречистой Богородице споспешествующи, воздвиже церковь во имя нерукотвореннаго образа Христова, иже с собою принесе изо Царяграда, златом и бисером украси и в том монастыри в церкви постави, иже и доньше стоить; и всем удоволи той м а н а с т ы р ь, и вся яже к потребе устрои, и села, и воды, и места. Прииде же в той монастырь и преподобный игумен Сергей, и похвали, и благослови место, и паки возвратися во свой монастырь, иже в Радонеже (XI, 32).

Святый же Алексей. . . обрете же место таково к монастырскому устройению потребна. И тако, богу споспешествующа ему, создана бысть церквы зело прекрасна во имя великаго господа спаса нашего Иисуса Христа, нерукотвореннаго его образа, и всем чудне церковнаю утварию украсив и честную икону образа Христова, юже имеяше принесенну с собою от Коньстянтинаграда, чудне златом украшенну, в ней постави, иже есть и доньше благодатию Христовою. Вручи же и старейнъшинство предиреченному Аньдронику и вся, яже къ потребе монастырскаго строения, таму дарует и общя житие в нем составляет. Прииде же святый Сергие в монастырь той, похвали места и благослови.²⁵

В рассказе Никоновской летописи об основании Андроникова монастыря сделана вставка, что митрополит Алексей «всем удоволи той монастырь» и придал ему «села, и воды, и места». Но тогда эпизод с посещением монастыря Сергием Радонежским, который «похвали и благослови место», должен восприниматься читателем так, будто знаменитый троицкий игумен вполне одобрил порядок устройства и материального обеспечения монастыря. Между прочим, в Житии самого Сергия, внесенном в Никоновскую летопись, имеется рассказ об основании Симонова монастыря, где сообщается, что патриарх Нил дал «братаничу и ученику преподобного игумена Сергия» Федору грамоты — «строить монастырь Симановский в патриаршее имя, и домы, и села м а н а с т ы р с к и е» (составитель Никоновской добавляет: «. . . и реки, и озера, и вся прочаа монастырская»; XI, 142).²⁶

Таким образом, Никоновская летопись содержит своего рода историческое обоснование двух важных положений русской действительности, подвергшихся критике со стороны Максима Грека: это — порядок поставления русских митрополитов «своими епископы» без благословения «вселенского» патриарха и вопрос о вотчиновладении церквей и монастырей. Но текст летописи сближается с «Судным списком» Максима Грека и рядом других, более мелких, деталей.

| Так, в Никоновской летописи имеются два загадочных известия о киевских еретиках, не находящие себе соответствия в других источни-

²⁵ ГИМ, Чуд. собр., № 264, л. 381.

²⁶ Вставки о владении монастырей селами делал несомненно составитель Никоновской летописи, поскольку произведены они в одинаковой стилистической манере и обнаруживаются в различных источниках этой летописи. Сравним: «. . . и всем удоволи: и селы, и бортми, и озера, и реками, и многим именованием у д о в о л и» (о Рождественском монастыре во Владимире, X, 65; вставка в источник, представляющий соединение Симеоновской летописи с летописью типа Ермолинской); «. . . и всем удоволи той м а н а с т ы р ь, и вся яже к потребе устрои, и села, и воды, и места» (об Андроникове монастыре, XI, 32; вставка в текст жития митрополита Алексея); «. . . и села, и воды, и места дарова тому м а н а с т ы р ю, и всякими потребами удоволи» (о Благовещенском нижегородском монастыре, XI, 32; вставка в текст жития митрополита Алексея); «. . . и всякими потребами удоволи, и села подава, и избольствова всем» (о Константиноеленском монастыре, XI, 32; вставка в текст жития митрополита Алексея); «. . . и домы, и села монастырские, и реки, и озера, и вся прочаа м а н а с т ы р с к а а» (о Симонове монастыре, XI, 142; вставка в текст жития Сергия Радонежского).

ках. Под 6512 г. здесь сказано: «Того же лета митрополит Леонт посади в темницу инока Андреяна, скопца. Укаряше бо сей церковныя законы, и епископы, и презвитеры, и иноки; и по мале исправися, и прииде в покояние и в познание истины, якоже и многим дивитися кротости его, и смирению, и умилению» (IX, 68). Другое известие помещено под 6631 г.: «Того же лета пресвященный Никита, митрополит киевский и всеа Руси, в своем граде в Синелице затвори в темнице злаго еретика Дмитра» (IX, 152). Если по существу приведенных известий нельзя сказать ничего определенного, то форма, в которой они поданы, явно образовалась под пером составителя Никоновской летописи, являвшегося одновременно и автором материалов, составивших «Судный список» Максима Грека. Сочетания слов «кротость», «смирение», «умиление» постоянно встречаются в Никоновской летописи, где среди вставок читаются также слова «епископы, и презвитеры, и иноки» (IX, 115, 209). Многочисленны совпадения с «Судным списком». Так, в тексте последнего отмечается, что Максиму Греку «в темнице затворену бывшу» (в Иосифовом монастыре) ради «покаяния и исправления», чтобы «каяться с прилежным плачем и слезами о своих еретических хулах, что еси прежде сего много хулил... на церковныя чины, и уставы, и законы, и на монастыри; Максиму были зачитаны свидетельства от «божественных» писаний, — «чтобы ти было в познание, и в разум истинный, и исправление»; однако Максим «покаяния... и исправления не показал еси в хулах своих на господа бога и на законы его», но еще и «приложи зло ко злу».²⁷ Можно высказать предположение: не затем ли введены указанные известия в текст Никоновской летописи, чтобы показать, как «многие святии чудотворцы... бесчинных же и непокоривых и в темницы затворяли исправления и спасения ради их».²⁸

Несмотря на судебное преследование Максима Грека, его сочинения и переводы активно переписывались, — даже в книгописной мастерской при митрополичьей кафедре.²⁹ Использованы были труды Максима Грека и при составлении Никоновской летописи. Так, «иной перевод» повести о взятии Константинополя турками в 1453 г. представляет собой перевод с латинского сочинения Энея Сильвия, выполненный, как теперь установлено, Максимом Греком.³⁰ В другом месте летописи помещен фрагмент из Бесед Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея, переведенных Максимом в 1524 г.; речь идет о значительном куске текста из послания патриарха Луки Хрисоверга князю Андрею Боголюбскому.

Никоновская летопись

Беседы Иоанна Златоуста
на Евангелие от Матфея
(ГИМ, Чуд. собр., № 186)

Рече убо господь в Евангелии своем. . .

И в Матфеи убо глаголетъ: в воскресение бо ни женятся, ни посягаютъ, но яко аггели божии на небесех суть.

В въскресение бо, рече, ни женятся, ниже посагают, но яко аггели божии суть на небесех. Лука же рече, яко сынове божий (л. 481).

²⁷ Судные списки Максима Грека и Исаака Собака, с. 97, 99, 100.

²⁸ Там же, с. 120.

²⁹ Б. М. К л о с с. Деятельность митрополичьей книгописной мастерской в 20—30-х годах XVI века. . . , с. 330, 332—335.

³⁰ Б. М. К л о с с. Максим Грек — переводчик повести Энея Сильвия «Взятие Константинополя турками». — Памятники культуры. Новые открытия. М.—Л., 1975, с. 55—61.

О сем убо Иоан Златоуст сице глаголетъ: и прежде воскресения покажем вам воинства духовная лик аггелъский, иже Христови плоть распяша со страстьми и похотми, презирающих мимотекущая, держащихся духовных, сии светила вселенна аггелъский лик.

Егда убо солнце въздетъ паче много прежде солнечнаго восхождения, от ложа воставше в страсе господни бодри, трезви, не печалию житейскою и суетою смущаеми, не омрачением тленных и мимотекущих, не труды земными и суетными, не скорбию и желанием настоящего жита, ни ино что от таковых стужаше им, но якоже аггели пребывают на небесех.

Воставше убо от ложа светли и весели, и лик един составляше светлою совестью, согласно вси, якоже от единых уст песников всех богу поют, почитающе его и благодать воздающе ему о всех, и о особных и о общих благодеяних, отнюду же видится Адама оставльше. Да воспросим вас: чим от аггел разстоаше сей лик, иже на земли поющих и глаголющих: слава в вышних богу и на земли мир, в человецех благоволение? И одежда же им мужества достойна, не бо якоже влачащей ризы, и ослаблении и сломлении украшени суть, но по божественных оных аггелех Ильи, и Елисея, и Иоанна по апостоле ризам состроенным им, озем убо от влас козых, озем же от влас велбужих, инем же и кожи довлепа, то чю и сия древле подруженна и песни убо воспевать, и колени преклонют, и воспетаго бога молят о вещех, ихже неции ни в помышление въскоре приходят, просят бо в настоящих ничтоже, то чю согрешением прощения, и с дрязновением стати пред судищем страшным, егда придетъ судити живым и мертвым едиnorodный сын божий, и еже ни единому слышати страшнаго оного гласа: не вем вас, идите от мене проклятии во огнь вечный, уготованный диаволу и ангилом его, и еже яко с чистою совестью и многими исправлениями притрудное, и жестокое, и плачевное совершити житие в суетнем сем и прелестнем веце, и еже лютую преплести пучину в добрым плаванием.

Сии убо, яко на небесех водрузивше кущи, далече от злых жительствующе, воинствующе на диавола, якоже ликующе, сице ратуютъ его.

Что убо ради не самовольне приходим к толикому блаженству, не приидем ли

И прежде въскресения покажем вам. . . да увидим убо и днесь воинства духовнаа. . . иже Христови плоть распяша со страстьми и похотыми (л. 482).

Егда убо солнце въздетъ паче много прежде лучи, от ложа вставше здравии, бодрении, трезви, ниже бо печаль каа и попечение, ниже омрачение и труды вещей, ни стужение, ни ино что от таковых ничтоже им стужает, но якоже аггели пребывают на небеси.

Въставше убо от ложа абие светли и весели, и лик един составляше светлою совестью, согласно вси, якоже от единых уст песник всех богу поют, почитающе его и благодать въздающе о всех ему, и о особных и о общих благодеяних, отнюду же аще видится Адама оставльше. Да воспросим вас: чим от аггел растоаше сѣй лик, иже на земли поющих и глаголющих: слава в вышних богу и на земли мир, в человецех благоволение. И одежда же им мужества достойна, не бо якоже влачащи ризы, и ослаблении и сломлении суть украшени, но по блаженных оных аггелех Ильи, Елисею и Иоанну по апостолах ризам състроенном им, озем убо от влас козих, озем же от влас белбужих, суть же имше и кожи удовлеша токмо, и сия древле потруженна, таже егда убо песни оны рекут, колени преклонше, воспетаго бога молят о вещех, ихже неции ниже в помышление въскоре приходят, просят убо в настоящих убо ничтоже, ни едино бо им о сих слово, но еже с дрязновением стати пред судищем страшным, егда придетъ судити живым и мертвым едиnorodный сын божий, и еже ни единому слышати страшнаго оного гласа, глаголющаго: не вем вас, и яко с чистою съвѣстїю и многими исправлениями притрудное сие съвершити житие, и еже лютую преплести пучину с добрым плаванием (лл. 467 об.—468).

Сего ради вас и к скиням посылаю святых оных, ничтоже бо имеют печально, но аки на небесех въдрузивше кущи, сице далече сущих в настоящем житии злых вселяются, воинствующе на диавола, и якоже ликующе, сице ратуютъ его (л. 475).

Что же убо не самовольне приходим к толикому блаженству, не приидем ли

ко аггелом сим, не сожителствуем ли аггелом сим, не примем ли чистыя ризы и обновимся браком сим.

Не помышляем ли, яко на брак звани есмы, божий брак, не внимаем ли, яко в чертогы сия званной души внити подобаеъ блaгими делы, светлостию жития?

Отъидем убо ко онех скиннам, да деле навикнем удобства.

Ничим же убо их пребывания хужше небес устроаются; ибо аггели сходят к ним, и сам аггелски владыко. Аще бо ко Аврааму приидоша мужу, жену имеющую и дети питающую, понеже убо страннолюбна видена; егда же убо много вящшу обрящут добродетель, и человека телеси свобождена, и во плоти плоть презирающая, много паче зде пребывают и ликуют подобающее им ликование (IX, 226—228).

к аггелом сим, не примем ли чистыя ризы и обявимся браком сим (л. 478).

Не помышляеши ли, яко на брак звани еси, и божий брак, но нешшуеши ли, како в чертогы сия званной души внити подобаеъ (л. 474 об.).

Да отъидем к онем скиннам, да деле навикнем удобства (л. 475 об.).

Ничим же бо их пребывания хужше небес устрааются; ибо аггели сходят к ним, и аггелския владыка. Аще бо к Аврааму приидоша мужу, жену имеющую и дети питающую, понеже убо страннолюбна видена; егда много вящшу обрящут добродетель, и человека телеси свобождена, и во плоти плоть презирающая, много паче зде пребывают и ликуют подобающее им ликование (л. 476).

Имеющиеся разночтения в летописном тексте возникли в результате редакторской правки со стороны составителя Никоновской летописи (каковым являлся митрополит Даниил). Так, например, выражению «в страхе господни» соответствует вставка в другом месте летописи слов «в страхе божий» (IX, 162); выражение «тленных и мимотекущих» употреблял в своих сочинениях Даниил,³¹ вставлено оно и в Никоновскую летопись (IX, 229); слова «жестокое и плачевное житие» можно сопоставить со вставленными в текст летописи близкими фразами — «жестокое житие» (IX, 209), «крепкое и жестокое житие» (IX, 69), «добродетельное и жестокое житие» (IX, 237; XI, 109); оборот «в суетнем сем и прелестнем веце» встречается в сочинениях митрополита Даниила,³² а чуть измененная форма — «суетнаго сего и прелестнаго житиа» — имеется как у Даниила,³³ так и во вставных фрагментах Никоновской летописи (IX, 201, 202, 207; XI, 203; XII, 11), где можно отметить еще и выражения «в суетнем сем веце» (IX, 176; X, 152) и «в прелестнем сем веце» (IX, 220). Выделенный фрагмент в летописи включает фраза: «Сиа убо блаженный Златауст и прочии святии сему согласуютъ» (IX, 228); любопытно, что в «Соборнике» Даниила один из разделов также заканчивается аналогичными словами: «Сиа убо священный Златауст и прочии святии тако глаголють».³⁴

Таким образом, выясняется, что часть текста послания Луки Хрисоверга в составе Никоновской летописи оказалась внесенной самим редактором летописного свода. Это будет иметь значение при выделении первоначального вида памятника, сохранившегося еще только в одном (к сожалению, дефектном) списке.

Обнаружение в Никоновской летописи заимствований из переводов Максима Грека, как и тесная связь идеологической направленности летописного текста с судебными процессами над ученым афонцем подтверждают полученный нами другим способом вывод о составлении Никоновской летописи не ранее середины 20-х годов XVI в.

³¹ ГПБ, Соф. собр., № 1281, лл. 231, 232 об.

³² ГБЛ, Волок. собр., № 514, л. 415 об.

³³ ГПБ, Соф. собр., № 1281, лл. 225 об., 282.

³⁴ ГБЛ, собр. МДА, № 197, л. 242 об.

А. А. ЗИМИН

Выпись о втором браке Василия III

Одним из ярких публицистических произведений, рисующих острую политическую и идеологическую борьбу первой трети XVI в., является «Выпись» о втором браке Василия III. Впервые «Выпись» старца «Керапонтской» обители упомянул в 1817 г. Н. М. Карамзин, изложивший ее содержание по списку XVII в., — ГИМ, Синод., № 466 (далее: С).¹

Через 30 лет «Выпись» по другому списку XVII в. (ГИБ, Погод., № 1597; далее: П) издал О. М. Бодянский.² В этом списке автор «Выписи» Паисий был назван старцем Ферапонтова монастыря. Очевидно, это и дало основание ряду исследователей отождествить его с известным публицистом конца XV в. Паисием Ярославовым, автором Сказания о Каменском (Белозерском) монастыре.³ Но еще Макарий возражал против признания авторства Паисия Ярославова. По его мнению, составитель «Выписи» принадлежал «к числу тех людей, которые держались стороны князя-старца Васьяна и глубоко его чтили, писал не прежде, как во второй половине XVI века, при царе Грозном или даже по его смерти». ⁴ Впрочем, даже В. С. Иконников, опубликовавший свою работу позже Макария, в осторожной форме, все-таки связывал автора «Выписи» с Паисием Ярославовым (для него эта повесть — «приписываемая» автору Сказания о Каменском монастыре).⁵ Этот вывод был принят Д. И. Иловайским и И. Бриллиантовым.⁶

Но постепенно точка зрения Макария завоевывала признание. Так, в 1898 г. С. А. Белокуров, издавая «Выпись» в составе одного из списков начала XVIII в. Жития Максима Грека (далее: У), считал, что она составлена не ранее второй половины царствования Ивана IV.⁷ Ту же мысль повторил и Е. Е. Голубинский.⁸

¹ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. VII. СПб., 1842, Приложения, №№ 277, 343.

² ЧОИДР, 1847, № 7, отд. II, с. 1—8. О. М. Бодянский предполагал дать к опубликованному им тексту варианты по списку: ГИМ, Синод., № 466, но по неизвестной причине этого не сделал.

³ Филарет. Обзор русской духовной литературы 862—1720. Харьков, 1859, с. 156; П. М. Строев. Библиологический словарь. СПб., 1882, с. 222.

⁴ Макарий. История русской церкви, т. VI. СПб., 1870, с. 173.

⁵ В. С. Иконников. 1) Максим Грек и его время. Киев, 1915, с. 455; 2) Опыт русской историографии, т. II, кн. 1. Киев, 1908, с. 900; кн. 2. Киев, 1908, с. 1809—1810.

⁶ Д. И. Иловайский. История России, т. III. М., 1890, с. 609; Бриллиантов. Ферапонтов Белозерский, ныне упраздненный, монастырь. СПб., 1900, с. 65.

⁷ С. Белокуров. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898, Приложения, с. L—LXV.

⁸ Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. II, 1-я половина. М., 1900, с. 732—733.

Пристальное изучение «Выписи» началось только в 20-е годы XX в. В работе, посвященной изучению дела Максима Грека, С. Н. Чернов осторожно замечал, что если бы было установлено, что все произведения из сборника ГПБ, Погод., № 1597 (где, кроме «Выписи», содержались и материалы о процессах 1525 и 1531 гг. над Максимом Греком) «обращались в читающих кругах еще в XVI в.», то можно было бы искать сложение протографа сборника еще в XVI в.». До этого всякие соображения о хронологии сборника, по его мнению, являются «сплошным гаданием».⁹

Специальную работу «Выписи» посвятил М. Н. Тихомиров.¹⁰ Кроме упомянутых выше трех списков памятника, он привлек к исследованию еще два, оба XVII в., — ГИМ, Чудов., № 355 (далее: Ч) и ГИМ, Уваров, № 116 (далее: У). Обратив внимание на то, что в этих двух списках Паисий назван старцем «Серापонского монастыря», М. Н. Тихомиров отождествил его с одноименным монахом афонского Ксиропотамского монастыря, известным по акту 1544 г., и поэтому датировал «Выпись» 40-ми годами XVI в.

Н. А. Казакова готова признать, что «возникновение лишь какого-то первоначального неизвестного нам вида произведения» можно связывать с Афоном 40-х годов XVI в. Дошедшая до нас редакция «Выписи» вряд ли могла появиться «ранее второй половины XVI в.».¹¹

В своем специальном исследовании «Выписи» С. О. Шмидт¹² развивает точку зрения, высказанную еще М. Н. Тихомировым.¹³

Обратимся теперь к тексту памятника. Кроме известных в литературе 5 списков памятника, нам удалось обнаружить еще 9, — в том числе древнейший (начало XVII в.) Библиотечный (далее: Б), списки XVII—начала XVIII в. Академический (далее: А) и Рукописный (далее: Р), список начала XIX в. Хлудовский (далее: Х) и др.¹⁴

Древнейший по времени список «Выписи» Б дает новый, неизвестный ранее исследователям вариант заглавия памятника: «Выпись из святогорские грамоты» (вместо «Выпись из государевы грамоты» списков СЛХ).¹⁵ Этот заголовок несомненно первичного происхождения ввиду соответствия дальнейшему тексту памятника («что прислана к великому князю»). Никакой «государевы грамоты» в «Выписи» нет, а вот святогорской он заканчивается.

В «Выписи» по спискам СЛХ в заголовке говорится, что она — «творение Паисеина, старца Ферапонтова монастыря», в списках РУ упоминаний о Паисии вовсе нет. Зато списки БЛАЧ называют монастырь «Серапонским». Как доказал М. Н. Тихомиров, речь идет о Ксиропотамском монастыре. Но вот отождествление Паисия из «Выписи» со старцем афонским 1544 г. основано лишь на созвучии имен. В истории Ксиропотамского монастыря вряд ли был какой-либо период, когда среди монахов не было «Паисия».

⁹ С. Н. Чернов. К ученым несогласиям о суде над Максимом Греком. — В кн.: Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову. Пгр., 1922, с. 56—57.

¹⁰ М. Н. Тихомиров. К вопросу о Выписи о втором браке царя Василия III. — В кн.: Сборник статей в честь акад. А. И. Соболевского. М., 1928, с. 91—98.

¹¹ Н. А. Казакова. 1) Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.—Л., 1960, с. 69—70; 2) Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI в. Л., 1970, с. 117—118.

¹² С. О. Шмидт. О времени составления «Выписи» о втором браке Василия III. — В кн.: Новое о прошлом нашей страны. М., 1967, с. 110—122.

¹³ Подробнее см.: А. А. Зимин. О методике изучения повествовательных источников XVI в. — В кн.: Источниковедение отечественной истории, т. I. М., 1973, с. 187—211.

¹⁴ Описание всех списков приведено ниже.

¹⁵ В списках АЧУ слов «из святогорские грамоты» нет, в списке Р вместо них — «из государевы беседы».

В выписи по списку У упоминается русский посол в Крым Иван Васильевич Колычев (во всех остальных списках — Иван Колычев). В Крым, как известно, ездил Иван Андреевич Колычев, с 1522-го по 1525 г.¹⁶ Вряд ли он мог с собой привезти в Москву «епистолию» от патриарха Марка, так как вопрос о втором браке Василия III возник уже после его отъезда в Крым, т. е. в 1523 г. Иван Колычев привез с собой, судя по «Выписи», монаха «Серапотанского монастыря» Гавриила (по списку Ундольского — по отчеству «Мстиславича»). Его М. Н. Тихомиров отождествляет с протом Святой Горы Гавриилом (1527 г.). Это предположение основано только на совпадении имен.

В «Выписи» упоминается архимандрит Симонова монастыря Иона. Это ошибка. В Симонове монастыре при Данииле в 1520—1526 гг. был архимандрит Герасим Замыцкий, а в 1528 г. — Филофей. Возможно, речь идет о чудовском архимандрите Ионе Сабине (с 1518 г.).¹⁷

В «Выписи» говорится, что на соборе против Вассиана Патрикеева выступал Вассиан Топорков, двоюродный брат Иосифа Волоцкого, епископ коломенский. Он получил свой сан 2 апреля 1525 г. Об участии в суде над Вассианом Патрикеевым Вассиана Топоркова и Ионы судное дело 1531 г. ничего не говорит.¹⁸

В «Выписи» спутаны соборы 1525 и 1531 гг., которые представлены как один собор. По этому памятнику получается, что Вассиан был «поиман» за свое отрицательное отношение к разводу Василия III. А на самом деле он был осужден в 1531 г., т. е. почти через 6 лет после развода великого князя. При этом в судном списке по делу о Вассиане об отношении его к разводу не говорится. После собора 1531 г., на котором Ионой и Вассианом Топорковыми были оклеветаны Вассиан Патрикеев и его сотоварищи, Вассиан был отправлен в Иосифов монастырь, Максим Грек — в Тверь, Савва Грек — в Зосимин монастырь, Михаил Медоварцев — в Коломну, Селиван — в Соловки. Все эти сведения разновременны. Места заключения Вассиана, Максима Грека и Михаила Медоварцева соответствуют решению собора 1531 г., Савва Грек попал в Рождественский монастырь «на Возмище» (Волоколамский) еще в 1525 г.

«Выпись» по списку Л знает духовника Василия III — протопопа благовещенского Василия. Это реальное лицо, упоминающееся в записи Василия III 1523 г.¹⁹ Однако в архетипе «Выписи» имени этого не было. Трудно сказать, откуда знал имя великокняжеского духовника составитель списка Л. Во всяком случае тот же список дает комментарий и о Вассиане Патрикееве («был. . . боярин») и отчество (неверное) русского посла Ивана Колычева.

По «Выписи» «изымал» Вассиана дьяк, «введенный» Трифон Ильин. Трифон Ильин последний раз в источниках упоминается в августе 1529 г.²⁰ Поэтому его упоминание в связи с событиями 1531 г. сомнительно. По «Выписи», уже после дела Максима Грека и Вассиана Патрикеева, но до развода, Василий III «учинил езд в Александровское село». Это было, следовательно, в 1525 г. Но о поездке великого князя в 1525 г. в это село

¹⁶ Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа за 1614 год. М., 1960, с. 101—102. 18 февраля 1525 г., перед ним, в Крым Сагиб-Гирей принес шерсть, т. е. присягу (СГГД, ч. V, № 101, с. 103).

¹⁷ П. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей. СПб., 1877, стлб. 150, 162.

¹⁸ Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев и его сочинения, с. 285—313.

¹⁹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., 1950, с. 415, № 100.

²⁰ Сборник Русского Исторического общества, т. 35. СПб., 1882, с. 795.

летописи и другие источники ничего не сообщают.²¹ По «Выписи», в Александровское село приезжали архимандрит Иона и епископ Сарский Досифей. Последний, как известно, сыграл в процессах 1525 и 1531 гг. видную роль как свидетель обвинения.

В «Выписи» есть целый ряд наименований на неизвестном языке («о всех ордюкелех, рекше о православных христианех», и др.). Как установил С. О. Шмидт, консультировавшийся со специалистами-языковедами, ни в албанском, ни в греческом, ни в молдавском, ни в сербском, ни в турецком языках «слова в таком написании не встречаются».²² Но тогда перед нами не «малопонятные иностранные слова» (С. О. Шмидт), а искусственная стилизация.

Итак, разбор «реалий» (сведений о событиях и лицах), имеющих в «Выписи», приводит к выводу, что в этом памятнике содержится причудливая смесь достоверных фактов и совершенно ошибочных данных, касающихся самого стержня повествования. Такая смесь не могла быть создана современником событий, который, конечно, не мог спутать два собора по делу Максима Грека, слив их воедино, — в распоряжении его создателя, видимо, находились какие-то материалы о давно прошедших событиях.

Время возникновения «Выписи» определяется двумя ее сторонами — содержанием, в первую очередь интересом к темам опричнины и гибели династии, и формой — стилизацией под делопроизводственные произведения с элементом «предсказаний». Все это ведет нас к началу XVII в. В то время публицистика обращает свое внимание на события опричной поры, в которых она видит корень всех бед, постигших страну. В конце XVI—начале XVII в. распространяется жанр «предсказаний», написанных задним числом, после происшедших событий. Наконец, тогда же появляются такие произведения в приказной среде, как «Сказание о Петре Волосском» и «Повесть о двух посольствах», написанная в виде статейного списка. В последней содержится аналогичное «пророчество» («... в вашей земли будет трясение великое»²³). В приказной среде, близкой к Посольскому приказу, надо искать и составителя «Выписи». Этот памятник сложился, очевидно, в одно время с публицистической обработкой судебных материалов о Максиме Греке. Во всяком случае оба памятника находятся в одном (Погодинском) сборнике, и в обоих процессы 1525 и 1531 гг. слиты воедино, хотя в «Судном деле» это слияние неполное.

* * *

Всего в настоящее время известно 14 списков «Выписи».

1. Библиотечный список (Б) находится в сборнике ГПБ, Q. XVII. 134, написанном скорописью начала XVII в. на 143 листах, в 4-ку.²⁴ Сборник содержит памятники церковной литературы (в том числе о трегубой аллилуйе, Исаино пророчество, Житие Иоанна Дамаскина, повесть о Святогорском монастыре, устав Елеазарова монастыря, написанный Ефросином, и др.). «Выпись» помещается на лл. 88—101. Этот список, как древнейший, положен в основу издания.

²¹ Известно только, что между 10 сентября и 10 ноября 1525 г. князь великий ездил «в объезд» (ЦГАДА, ф. 201, собр. Оболенского, № 42, лл. 22 об.—23).

²² С. О. Шмидт. О времени составления «Выписи». . . , с. 114.

²³ М. Д. Каган. «Повесть о двух посольствах» — легендарно-политическое произведение начала XVII века. — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, с. 251.

²⁴ Водяной знак — крепостные ворота с двумя башнями. Встречается в грамотах иностранного происхождения 1600—1601 гг. (Лихачев, Вод. зн., №№ 3309, 4175).

2. Синодальный список (С) находится в сборнике ГИМ, Синод., № 466, написанном скорописью первой трети XVII в. на 363 листах, в 4-ку.²⁵ В сборнике помещаются произведения церковной и светской литературы (в том числе Повесть о белом клобуке,²⁶ Сказание черноризца Храбра и др.). «Выпись» находится на лл. 354—363 об., т. е. в самом конце сборника. Последние листы сборника, содержащие конец памятника, потеряны.²⁷ Текст «Выписи» по этому списку использовал Н. М. Карамзин,²⁸ пометы которого есть на полях рукописи.

3. Погодинский список (П) находится в сборнике ГПБ, Погод., № 1597, написанном скорописью середины XVII в. на 120 листах, в 4-ку.²⁹ В сборнике помещены: 1) «Выпись» о втором браке (лл. 2—18); 2) «Прение митрополита Даниила с Максимом Греком» «Список судного списка. Прение Даниила митрополита» — лл. 18—26, 36 об.—61 об.); 3) Речь Ивана Грозного к Ивану Раките («Речь великого царя Иванъна к Максиму Греку Святогорцу» — лл. 61 об.—88 об., 26—32, 89—120). «Выпись» по списку П издана О. Бодянским.³⁰

4. Летописный список (Л) помещен в составе так называемого Летописца князя И. Ф. Хворостинина в рукописи ГИМ, Увар., № 11, написанной скорописью середины XVII в. на 321 листах, в 4-ку.³¹ В основу Летописца, состоящего из 164 глав, положена Степенная книга. «Выпись» в нем составляет гл. 151 (лл. 301—308 об.). После нее в качестве гл. 152 помещена запись из Степенной книги о втором браке Василия III. Отрывка из Иоанна Златоуста нет.

5. Академический список (А) находится в сборнике ГПБ, собрание СПб. ДА, № 270/1 на 418 листах.³² Текст «Выписи» (гл. 64) помещен на лл. 85—97 первой тетради сборника, написанной скорописью 70—80-х

²⁵ Водяные знаки — однорукие кувшинчики с розеткой или полумесяцем над ними (20—30-е годы XVII в.; см.: Гераклитов, №№ 504—521). На л. 351 запись: «Сия книга, глаголемая Корьмчий, Стефана Юрьева сына Красовского».

²⁶ Упомянута: Н. Н. Розов. Повесть о белом клобуке. — ТОДРЛ, т. IX. М.—Л., 1953, с. 216 (неверные — шифр: «Синод. 456» и дата: «к XVI в.»).

²⁷ Конец: «...во обителех мало иноков жи(тия)».

²⁸ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. VII. Примечания, №№ 277, 343.

²⁹ О. М. Бодянский датировал сборник XVI—XVII вв. (ЧОИДР, 1847, № 7, отд. II, с. 111). А. Ф. Бычков считал, что сборник написан в XVI в. (А. Ф. Бычков. Описание церковно-славянских и рукописных сборников имп. Публичной библиотеки, ч. I. СПб., 1882, с. 75). Ссылаясь на пособия по водяным знакам Лихачева и Брикке, С. Н. Чернов относил сборник ко времени не ранее 40-х годов XVII в., а точнее — «ко второй половине XVII в.» (С. Н. Чернов. К ученым несогласиям о суде над Максимом Греком, с. 56). Н. А. Казакова датировала сборник первой половиной XVII в. (Н. А. Казакова. О «судном списке» Максима Грека. — Археографический ежегодник за 1966 год. М., 1968, с. 26). В сборнике есть водяные знаки: 1) две буквы «С» вокруг шестиконечного креста, увенчанного короной (Лихачев, Вод. зн., №№ 2909, 2910); 2) голова шута уродливой формы (там же, № 2911). Аналогичные знаки встречаются в рукописи Александровской летописи, которую, по Лихачеву, следует датировать «близко к половине XVII столетия» (Лихачев, Вод. зн., т. 1, с. 334). Аналогичные знаки у Гераклитова датируются 1649—1650 гг. (Гераклитов, №№ 373—381).

³⁰ ЧОИДР, 1847, № 8, Смесь, с. 1—8. На л. 4 об. запись: «А подписал сию книгу аз, Денис».

³¹ См.: Леонид. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А. С. Уварова, ч. III. М., 1894, с. 76—79, № 1386. На л. 1 киноарная запись: «Сия глаголемая книга Летописец князя Ивана Федоровича Хворостинина Ярославского». Отец владельца рукописи князь Федор Хворостинин умер в 1608 г. Среди водяных знаков рукописи — столбы типа: Гераклитов, №№ 1139—1141—1644 г., гербовый щит с лилией в центре и короной над ним типа: Тромонин, №№ 490, 536, 640 — 1637—1644 гг. Сборник принадлежал когда-то И. П. Сахарову.

³² А. Родосский. Описание 432-х рукописей, принадлежащих С.-Петербургской духовной академии. СПб., 1894, с. 247—249. Водяной знак — голова шута с 7 бубенцами.

годов XVII в. Состав произведений в этой тетради совпадает с Чудовским сборником. (Послание митрополита Макария 1555 и 1558 гг., «Надписание» о белом клобуке³³ и др.).

6. Чудовский список (Ч) находится в сборнике ГИМ, Чудов., № 53/355, написанном скорописью первой трети XVII в. на 348 листах, в 4-ку.³⁴ В сборнике помещены главы Хронографа редакции 1512 г., повести о Динаре и о Казарине, Послание Даниила Заточника,³⁵ грамоты митрополита Макария к новгородскому архиепископу Пимину 1555 и 1558 гг.,³⁶ отрывки из Новгородской III летописи, Написание о белом клобуке,³⁷ «Воспоминание отчасти Святыя Горы Афонския», послание старца Филофея Василию III, послание Василию новгородского архиепископа Федора Тверского о рае, Слово о Святогорском монастыре (начало: «Бе некто купец»), роспись новгородских владык и др. Сборник, судя по составу, сложился в Новгороде, причем не ранее 1603 г.³⁸ «Выпись» помещена на лл. 276 об.—290 (гл. 64 сборника).

7. Рукописный список (Р) находится в сборнике ЛОИИ, собр. рукописных книг, № 256, написанном скорописью конца XVII—начала XVIII в.³⁹ на 60 листах, в 4-ку. Сборник принадлежал А. И. Сулакадзеву (штемпель: «Сулакадзев. 1771»), который и озаглавил его на л. 1: «Шестодел, иже есть в книге сей собраны труды раба божия». ⁴⁰ На обороте переплета и л. 1 есть пометы Сулакадзева, сделанные им после 1816 г. Сборник содержит памятники: 1) Сказание о князьях Владимирских (лл. 2—4); ⁴¹ 2) «Поставление великих князей русских на царство» (лл. 4—5 об.); 3) Чин венчания на царство Ивана IV (лл. 5 об.—21), ⁴² 4) «Выпись» о втором браке (лл. 21—28 об.); 5) «Поведание» старца Исаии («Лета 7000 седмое маиа в день поведана нам старец Исаия Святыя Горы, дают турскому царю на год по 140 коп.» (лл. 28 об.—30 об.); 6) Хождение Трифона Коробейникова 1584 г. (лл. 30 об.—60).

8. Список Ундольского (У) находится в сборнике ГБЛ, собр. Ундол., № 338, написанном полууставом XVIII в. на 428 листах, в 4-ку.⁴³ В сборнике помещено особое вида житие Максима Грека и собрание его сочинений. «Выпись» находится в тексте Жития Максима Грека на лл. 30—44 об., вместе с которым она и была опубликована С. А. Белокуровым.⁴⁴

9. Хлудовский список (Х) находится в сборнике ГИМ, собр. Хлуд., № 74а, написанном полууставом начала XIX в. (водяные знаки 1817—

³³ См.: Н. Н. Розов. Повесть о белом клобуке, с. 215.

³⁴ Сборник подробно описан М. Н. Сперанским. См.: Библиографические материалы, собранные А. Н. Поповым. — ЧОИДР, 1889, кн. 3, с. 12—53. Водяной знак — узорный гербовый щит с рыцарским шлемом в центре — в пособиях Тромонина, Лихачева и Гераклитова не обнаружен.

³⁵ Этот список неоднократно издан. См.: Н. Н. Зарубин. Слово Даниила Заточника. Л., 1932, с. IX—X.

³⁶ ААЭ, т. I, № 253.

³⁷ Упомянуто: Н. Н. Розов. Повесть о белом клобуке, с. 215 (неверный шифр: «Чудов., 355»).

³⁸ На л. 263 упоминается о взятии на новгородскую митрополию игумена Соловецкого монастыря Исидора. Это было в 1603 г. (П. Строев. Списки иерархов. . . , стлб. 36).

³⁹ Водяной знак — герб Амстердама.

⁴⁰ Сборник упоминается: М. Н. Сперанский. Русские подделки рукописей в начале XIX в. (Бардия и Сулакадзев). — В кн.: Проблемы источниковедения, т. V. М., 1956, с. 101.

⁴¹ Внизу на л. 1 рукою Сулакадзева — «1600 года».

⁴² Об этих трех памятниках по Рукописному сборнику см.: Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях Владимирских. М.—Л., 1955, с. 23—24.

⁴³ Славяно-русские рукописи В. М. Ундольского. М., 1870, стлб. 240.

⁴⁴ С. Белокуров. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898 г., Приложения, с. LV—LXV.

1818 г.) на 647 листах, в 4-ку.⁴⁵ В сборнике, кроме Жития Максима Грека,⁴⁶ помещены также Сказание старца Климента о иерусалимских монастырях, а также собрание сочинений Максима Грека. «Выпись» находится на лл. 16 об.—28 об.

10. Шибановский список (III) находится в сборнике ГБЛ, собр. Шибанова, № 122, написанном в 1818—1820 г. полууставом на 640 листах, размером в большой лист.⁴⁷ По составу сборник совпадает с X. «Выпись» помещена на лл. 11—18 об.

11. Толстовский список (T). Помещен в составе Хронографа ГПБ, F. XVII. 17 (из библиотеки Ф. А. Толстого), написанного скорописью середины XVII в. на 475 листах, размером в лист.⁴⁸ Хронограф сложного состава, со сведениями по русской истории, доходящими до 7129 г. Ряд сведений связан с Троице-Сергиевым монастырем (под 7047, 7055, 7064, 7065, 7067, 7102, 7127 г.). Извлечения из «Выписи» помещены под 7032 г. на л. 429 об., — л. 438 об. новой пагинации). Текст их следующий: «От слова старца Паисея Ферапонтова монастыря. Инде же написано, яко сего ради на старца Максима Грека и на прочих гнев бысть великаго князя и предложение вины их, сии речь оболгание безвинное вины их, заради того, дабы изложение и обличения их не было великому князю Василию при совокуплении брака, егда восхоте первую княгиню великую отринуть от себя неплодствия ради и второму браку сопричтатися. И того ради симоновский старец Васиян отсылается в Иосифов монастырь. Сей же есть Васиян-старец, от роду крапецка, Иванов сын Юрьевича. А Максим отсылается во град Тверь, Саву — в Зосимин монастырь, Селивана — в Соловки, доброписца Михаила Медоварцева — на Коломну, иже дан бысть Максиму писати книги, как переводил книги. Прочее же о них писано в Слове старца Паисея Ферапонтова минастыря». Текст этот близок к спискам СПХ («Ферапонтова»), точнее ПХ («Иванов сын»), возможно, X («доброписца Михаила Медоварцова»).

12. Список Оболенского (O), середины XIX в. находится: ЛОИИ, ф. 276, оп. 1, ед. хр. № 45. Писарская копия со списка П, подготовленная для публикации в «Чтениях» (1847 г.) с вариантами по списку С.

13. Уваровский список (Ув) находится в сборнике ГИМ, собр. Увар., № 831, написанном скорописью середины XIX в. на 85 листах, в 4-ку. Сборник представляет собой подборку копий, сделанных с материалов, которые были изданы в ОИДР (в том числе: Прение митрополита Даниила с Максимом Греком, опись книг библиотеки Волоколамского монастыря 1573 г. и на лл. 71—86 — «Выпись» о втором браке).⁴⁹

14. Комиссионный список (K) представляет собой самостоятельную рукопись из фонда Комиссии по печатанию государственных грамот и договоров — ЦГАДА, ф. 179, д. 313, 6 лл. Это — копия середины XIX в. с текста, изданного в ЧОИДР.

Соотношение списков см. на схеме (последние 4 списка не учитываются).

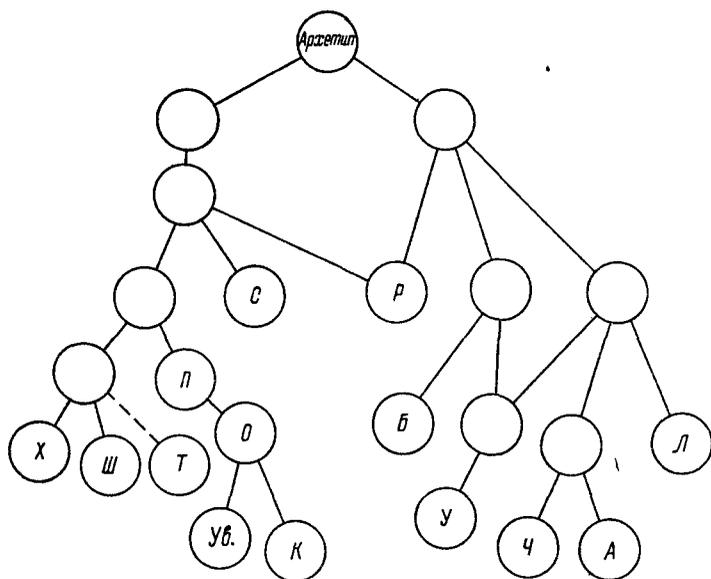
⁴⁵ См.: А. Попов. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872, с. 158—174. О «Выписи», по Хлудовскому списку, упомянул впервые С. Н. Чернов (С. Н. Чернов. К ученым несогласиям о суде над Максимом Греком, с. 53).

⁴⁶ Об этом списке Жития см.: С. А. Белокуров. О библиотеке московских государей. . . Приложения, с. XXX.

⁴⁷ См. на л. 638: «Лета 7327-го года месяца сентября 16 день начата писатися сия книга. . . и совершена 7328 года месяца июня в 7 день».

⁴⁸ Водяной знак — голова шута с 4 бубенцами, близкий к Гераклитову, № 318 — 1651 г.

⁴⁹ См.: Леонид. Систематическое описание. . . , ч. III, с. 269, № 1689.

Один список (Флорищевский) остается неразысканным. Он находился в рукописи № 68 Флорищевской пустыни. Рукопись написана была в XVII в., на 72 листах, размером в лист, и содержала выписки о событиях русской истории из хронографов со времени Ивана IV до 1629 г. Начинаясь сборник «Выписью», озаглавленной: «О сочетании второго брака, чадородия ради, великаго князя Василия Ивановича всеа Руси. Творение Паисея старца Ферапонскаго». ⁵⁰ В описании рукописей Флорищевской пустыни, выполненном В. Георгиевским, сборник № 68 не упоминается. ⁵¹ Заголовок близок к спискам У и Л.

Как установил Ю. Д. Рыков, текст «Выписи» использован в так называемой компилятивной редакции «Истории о великом князе Московском» А. И. Курбского. ⁵² Эта редакция дошла до нас в трех списках: конца XVII в. — ГБЛ, собр. Невоструева, № 42, лл. 218—232 об. и ГИМ, Синод., № 483, л. 813—829 об., и второй половины XVIII в. — ГПБ, Ф. XVII. 11, лл. 1—17. Выяснить соотношение текста «Выписи», использованного составителем компиляции, с сохранившимися списками памятника в настоящее время очень трудно. ⁵³ Во всяком случае в пересказе обнаруживаются черты близости к спискам ПС.

Материалы «Выписи» использованы в предисловии к сборнику сочинений Максима Грека по списку ГБЛ, собр. Пискарева, № 160 (XVIII в.), лл. 3 об.—4, ⁵⁴ по тексту, близкому к спискам СПХ. Начало: «Инде же писано, яко сего ради на старца Максима Грека и на прочих гнев бысть великаго князя и предложени вины их». Конец: «И прочая же о них писано в слове старца Паисея Ферапонтова монастыря».

⁵⁰ П. М. Строев. Библиологический словарь, с. 222.

⁵¹ В. Георгиевский. Флорищевская пустыня. Вязники. 1896.

⁵² Ю. Д. Рыков. Редакции «Истории» князя Курбского. — Археографический ежегодник за 1970 год. М., 1972, с. 130—134.

⁵³ Пересказ начинается словами: «Бе же тогда в монастыре на Симонове монах Васиан Косый» (ГИМ, Синод., № 483, л. 813).

⁵⁴ С. А. Белокуров. О библиотеке московских государей... Приложения, с. ССХ.

26

л. 88 Выпись ¹, ¹ из ²святогорские грамоты³, что прислана к великому князю Василию Ивановичю ⁴ о сочтении второго брака ⁵ и о разлучении первого брака ^а, ^бчадородиа ради ⁶, ⁷. Творение Паисеино⁸, ⁸ старца Серапонского ⁹ монастыря¹⁰.

И ¹¹нравная философская ²учения творити ⁰ не вся глаголем, кая ведаем, ниже вся творим, кая можем, ниже всему верим, кая слышим. Нудит бо мя, нудит и паки нудит словом изглаголати и писанием исписати про державу великаго государя великаго князя Василья Ивановича всеа Русии, нарицаемаго по осмодневному обрезанию Гаврила Тимофеевича¹². Сему убо государю вседержавному ¹³ держащу власть неисчетно градов Руские державы новыя благодати, данней ему от Святого духа по благочестию их от родителей ¹⁴ своих и прародителей ^е, ¹⁵. И правящи добре свое царство ¹⁶ || и тщащуся ¹⁷ молением к создателю истинному Христу, богу нашему, и прибегает всегда к заступнице и к надежи христьяньской к пречистой владычицы ¹⁸, и молит великих ¹⁹ руских святителей ²⁰ Петра и Алексея, Иону и ²¹ Леонтея, архиепископа ростовского, чудотворца, и преподобных отец Сергия, ^ж, ²² Варлама, и Кирила, и всех святых, угодивших богу, о ²³мире, и о пребывании²⁴, и о тишине всего православнаго христианства, о ²⁵ нахождении ²⁶ варвар, и огнем ²⁷ запалении ²⁸, и о своих ²⁹ держава ³⁰ царства своего и о всех ордокелех ³¹, рекше ³² о православных христианех. И творит милостыню велию ³³, и воздвизает обители мнози, и устрояет церкви святых, и поновляет ветхая, и утверждает градостение велие плитное ³⁴. Не токмо бо творит милостыню в своей ⁴. ⁸⁸ об. державе царствия || своего, но и во окрестные места посылает к четырема стихиям, зовомо бяше к четырем патриархом: ко антиохийскому, и к ерусалимскому, и ко александрийскому, и к Новаго Рима византийскому, рекше к царградскому. Достизает еж от ³⁵теплоты сердца своего от правыя веры³⁶, от деснаго его рама ³⁷ милостыня ³⁸, и Святые Горы лавры, и Синопетра, и Дохеридняцкаго, и Григоратцкаго, и Ватопедя, и Костомоника, и скитов, и киновиах и достизает и Синайские горы, и Молдавские малые державы и обители, и Мутьянские, и Влаские ³⁹ земли. И тамо нахождение ⁴⁰ его государево⁴¹ во обители святых мест, идеже⁴² прославляют Святую троицу, Отца и Сына и Святаго духа, и молят пречистую владычицу ⁴³ и всех святых, и веру держат несуменну.

^{а-б} Испр. по СПХЛУ; в ркп. помещено как приписка после слова монастыря. ^еИспр. по ПХЛУАЧР; в ркп. Паисеино. ^жИспр. по остальным спискам; в ркп. нет. ^зИспр. по СПХУАР; в ркп. прапрародителей. ^иИспр. по ПХЛУАЧ; в ркп. нет.

¹ Выписано РХ; нет У. ¹⁻³о первом браке А; о первом и втором браке Ч; о разлучении первого брака У. ²⁻³государевы грамоты СХ; государьския грамоты Л; государевой грамоты П; государевы беседы Р. ³⁻⁴великаго князя Василья Ивановича всеа Русии У; великаго князя Василья Иоанновича старцом Васияном Симонова монастыря Р. ⁵⁻⁶Нет У. ⁶⁻⁷чадородиа ради СПХЛУ; нет АЧР. ⁷⁻¹⁰Нет УР. ⁸Паисеино БС; Паисеино ПХЛУАЧР. ⁹Ферапонтова СПХ. ¹⁰Здесь в ркп. приписка: чадородиа ради. ¹¹⁻¹²Нет У. ¹³самодержавному СПХ. ¹⁴прародителей АЧ. ¹⁵прапрародителей Б; прародителей СПХУАР; з прародителей Л; с прародителей Ч. ¹⁶Доб. а наветников ни от кого не требоваше, но сам зряще на истинну У. ¹⁷Доб. печаль свою утолити У. ¹⁸Богородице АЧУ. ¹⁹Нет СПХЛАЧР. ²⁰Доб. митрополитов московских Л. ²¹Доб. Филиппа и А. ²²Нет БСР; и ПХЛУАЧ. ²³⁻²⁴пребывании мира У; мире и о пребывании Л; мире Р. ²⁵и о АЧУ; от ПЛР. ²⁶нахождения ЛР; нахождения П. ²⁷огнем СПХ; от огненаго ЛУ. ²⁸запаления ПЛ; запаления Х; запаления А. ²⁹всей ХУ; всех С; всех Ч. ³⁰державе АУ. ³¹друкекелх ПХ; друкекелх С; нет У. ³²Нет У. ³³Доб. нищим У. ³⁴оплотное У. ³⁵⁻³⁶теплыми веры и от праваго сердца У. ³⁷и до Рима У. ³⁸Доб. его дойде У. ³⁹Влоские ПЛАЧ; Влаския Р. ⁴⁰находит ЛАЧ. ⁴¹Доб. жалование Л. ⁴²и дело А. ⁴³Богородицу УАЧ.

Но и сие неумолчано будет. || ⁴⁴ Приидет на мя сила действия Святаго духа, о нем же ³ и списати ⁴⁵. Понеже вся тако быша. Скорбну ⁴⁶ бо бяше ⁴⁷ такому ⁴⁸ великому государю, скорбну, и паки ⁴⁹ реку ⁵⁰, печалну о чадородии. Понеже великой княгини его Соломонии заматеревшу ⁵¹ многими легы, безчадна бо бывши. Сей же великий ⁵² государь мышляше сицевая о разлучении ей, дабы ея отлучити и второму браку сочтатися ⁵³ заради всыновления. И держащу ему старца ⁵⁴ во обители, зовомо Симанова монастыря, ⁵⁵ нарицаемаго Васьяна Косаго ⁵⁶, от роду кралеца, ⁵⁷ сий же ⁵⁸, Ивана сына ⁵⁹ Юрьевича ⁶⁰, заради беседы душевные. И не сокровлено от него ничтоже такому старцу. И се ему откры мысль свою, и глаголет сицевая вся: «Воздал ⁶¹ ми человеколюбивый владыка истинный Христос, бог наш, || заступлением владычицы нашеа Богородицы и приснодевы Мариа и молением великих святителей русских Петра, и Алексея, ^и Ионы ⁶², и преподобных отец ⁶³, *Сергия, и Варлама, и Кирилла*, ⁶⁴ и всех святых ⁶⁵. Царство сие великое распространено, воеводы и сарапы ⁶⁶ дасийстии изомножил ⁶⁷, рекше боярстии ⁶⁸, и стратиги воздал, забрало нечестивым, за православию ⁶⁹ и племени Калаковрича ⁷⁰, царство наше по божи благодати изнасяено, аки семенн влажнаго, изомножил в православию урдюкилев ⁷¹, и мнози обители святых отец провосиали в нашей державе. Изомножил владыка Христос и прославил царствие свое и уподобил его ветхой ⁷² державе противу Иерусалиму. Все бо не ⁷³ во утешение, но во едино имеется ⁷⁴ — скорбь, и печаль, и стенание сердца от тешлоты. Понеже суть сия моя мысль. Но ты, великий старец, буди || подпор словесем сим, и дай же ми ⁷⁵ истинна слова ото уст своих, и не учини ми словеси прекословна. Понеже суть не избрал есми такового сходатая и беседовника ⁷⁶, якоже ты мне подпор державе моей, и умягчение сердцу моему, ^и ⁷⁷ утоление гневу моему ⁷⁸, веселие беседы моея, снабжение души моея, ветрило скорбем моим, любви нелицемерней, наставник ми еси, братолюбю ⁷⁹ проводитель ⁸⁰ еси. Рцы ми, рцы и паки воздай ми, о нем же вопрос мой тебе хочет изъявити».

Отвеща Васьян великому государю сиче: «Никогда же в книжном писании есми не избрал такового вопрошения, якоже ты просиши от моих недостойных уст. Есть таково вопрошение ⁸¹ Иродия единой главы Крестителя с такою клятвою ⁸². Аще || хочещи совета блага и послушати мене, недостойнаго, но не впреки тебе, государю, глаголю, но что изознав

⁴⁴Испр. по остальным спискам; в ркп. нет. ⁴⁵Испр. по остальным спискам; в ркп. Юрьевичъ. ⁴⁶⁻⁴⁷Испр. по остальным спискам; в ркп. Иону. ⁴⁸⁻⁴⁹Испр. по ЛУ; в ркп. Кирилла, и Сергия, и Варлама. ⁵⁰⁻⁵¹Испр. по остальным спискам; в ркп. нет. ⁵²Испр. по СПХАЧ; в ркп. и изомножил. ⁵³Испр. по СПХАЧ; в ркп. имеет я. ⁵⁴Испр. по СХЛУАЧР; в ркп. нет. ⁵⁵Испр. по остальным; в ркп. приводитель. ⁵⁶Испр. по остальным спискам; в ркп. вопрошения.

⁴⁴⁻⁴⁵Нет У. ⁴⁶Скорби СПР; Скорбь Х. ⁴⁷сушу Л; быти У. ⁴⁸таковому ПХУАЧ. ⁴⁹⁻⁵⁰Нет У. ⁵¹заматеревшу СР; замоторевши ХЛУ. ⁵²Доб. князь Р. ⁵³сопричтатись СПХ; сочетания УЛ; сочтати А. ⁵⁴Доб. Васьяна ПХ. ⁵⁵⁻⁵⁶Нет СПХР; нарицаемаго Вастьяна А; нарицаема Васьяна Ч; Васьяна, нарицаемаго Косого У; Васьяна Косого Л. ⁵⁷⁻⁵⁸князь Л; нет У. ⁵⁹⁻⁶⁰Иваннова сына С; Иванов сын ПХЛ. ⁶⁰Доб. а в мире его звали Василей Иванович Косой Л; доб. был у отца его у великого князя Ивана Васильевича боярин А. ⁶¹Создал СР. ⁶²⁻⁶³Кирилла, и Сергия, и Варлама БСЧАР; Сергия, и Кирилла, и Варлама ПХ; Сергия, и Варлама, и Кирилла ЛУ. ⁶⁴саравы АЧ; сатравы Х; сатравы П; сарапа Л; нет У. ⁶⁵⁻⁶⁶бояры У; дасистии и изумножил боярстии Р; дасийстии, рекше боярстии, изомножил Л. ⁶⁷и изомножил Б; изомножил СПХАЧ. ⁶⁸⁻⁶⁹племеника Лаковрича СПХ; и племени Колаковрича ЛАЧ; нет У. ⁷⁰и урдюкелев С; урдюкелев Р; урдюкелев ПЛАЧ; друкелев Х. ⁷¹светлой АЧ. ⁷²ми сие Л; ми У. ⁷³имеет я БР; имеется СПХАЧ; имеет мя У; имеет ми душа Л. ⁷⁴Нет СПХ. ⁷⁵собеседника ЛУ. ⁷⁶Нет БП; и СХЛУАЧР. ⁷⁷⁻⁷⁸Нет П. ⁷⁹братолюбия СПХ. ⁸⁰Доб. Ироду царю же рече. И Ирод же царь сие клятвы послушав лживыя, а отдаде истинну. Но и ты, государю У; доб. ты же Л.

учения книжна. Ты, государь, воздай ⁷⁹ ми словеса дело, о нем же ми ⁸⁰ претил еси и запрещал, великий государь. И яз, грешный, колико уразумию, толико отвечаю тебе, великому государю». Сиа со умилением старцу рекшу, а от очию его слезы, яко речныя ⁸¹ быстрины ⁸¹, и от сердца теплоты со вздыханием глаголет.

Великий же государь глаголет ⁸² и изъявляет ⁸³ належашую свою скорбь. Се же вешает старцу Васьяну мысль свою: «Хощу убо разлучитися перваго брака ⁸⁴ своею великою княгиню ⁸⁵ Соломонию заради бесчадия, заматеревши бо еи чадородием и неплодна бывши. И хощу второй брак восприяти, ⁸⁶ заради чадородия ⁸⁷ и чтобы || семени *Владимирския* ⁸⁸ прародителя нашего ⁸⁹ не извелося».

И отвеща Васьян ⁹⁰ великому князю ⁹¹, кроткоумия ⁹² и умилена ⁹³ словеса сице глаголя: «Писание ⁹⁴, государь, пишет: бог сочтал, человек да не разлучает. А совоспросил мя еси, государь мой, о таком великом деле, и яз в законе брака не бывал, не вем, что потребно ⁹⁵ тебе, государю, о таком превеликом деле ⁹⁶ впреред вешати ⁹⁷. А восхощеши испытание ведати, и ты, государь, учини собор отцем своим Данилом-митрополитом ⁹⁸ и всем вселенским собором ⁹⁹ о таком превеликом деле. Да аще ¹⁰⁰ во уме поколеблются ^{11, 1}, и повелят сотворити тебе по твоей воли. Аз же не тако реку, но по святых отец Карфагенских правил и ² во Трули полатнаго: не повелеваю, понеже нарицае || шися по дару Святаго духа ис прародителей своих содержатель ³ хоругви царския ³ и стоиши противу варвар верою несумненною за святыя церкви и за православие. И аще отлучиши от себе первый брак, а второму присовокушишися, нарицаешися прелюбодей. Но и сие не умолчу. Аще за грех человеколюбец бог наведет плен варварский христьяном, воинству же твоему с ними ратоватися невозможно противу силы действия Святаго духа за грех ради наших. И тебя в градостении ⁴ плитном обыдут и разорят градостение ⁵, камо царьской главе твоей детися ⁶? Ано ни ⁷ на ⁴ праг церковный стопам ⁸ ногу твою ⁹ коснутися правила не повелевают. Аще же, государь, приидет гнев божий на град твой ово варварским || нахожением, ово огненным запалением, ово громогласием ¹⁰, земли жрением, или трясением, а застанет тебе в первом брака сочтания, и тебе, государю, повелевает ити в царские двери, взем свои царский скипетр и царскую диадиму, рекше багряницу, и сердоликову крабицу и прапрародителя ¹¹ своего великого князя Владимира Монамаха ялдарила, ¹² рекше шапку, да сести на престоле да предатися в руде бога жива. И ты ¹³ царствию ¹⁴ наследник ¹⁵ и вечных благ в бесконечные веки» ¹⁶.

Князь же великий Василей Иванович исполнися ярости и гнева на старца ¹⁷, повелел изринуты его, ¹⁸ и ¹⁹ велел его ²⁰ взяти дяку своему

⁷Испр. по остальным спискам; в ркп. реки. ⁸Испр. по СУР; в ркп. нет.

⁴Испр. по СПХ; в ркп. царю. ⁴Испр. по СПХЛАЧР; в ркп. требно. ⁵Испр. по остальным спискам; в ркп. сдержатель. ⁴Испр. по остальным спискам; в ркп. нет. ⁶Испр. по СПХЛУАЧ; в ркп. или.

⁷⁹создай СПХАЧР. ⁸⁰мне СР. ⁸¹Доб. течаху ПХЛ. ⁸²⁻⁸³явно ПХ. ⁸⁴⁻⁸⁵своею великою княгиню ЛУ. ⁸⁶⁻⁸⁷за чадородия ради СУ; чадородия ради Х. ⁸⁸Нет Б; Владимирския СУР; Владимирска АЧ; Владимирских ПХ; Владимирскаго Л. ⁸⁸⁻⁸⁹прародителей наших ПХ. ⁹⁰Доб. к СПХР. ⁹¹царю Б; князю. СПХ; государю ЛУАЧР. ⁹²кроткоумием ПУА; краткоумная Л; краткоумно Р. ⁹³умиления С; умиленими ПХ; умилная Р; умиленная Л. ⁹⁴В писании ПХ. ⁹⁵требно ВУ; потребно СПХЛАЧР. ⁹⁶⁻⁹⁷предвешати СПХЛ; впреред вешати Р. ⁹⁸⁻⁹⁹Нет П. ^{100-11, 1} поколеблются во уме СПХ. ²четвертаго собора, иже Л. ³царствия П; царствия У; царской АЧ. ⁴⁻⁵Нет П. ⁶⁻⁷Ино ни ХУ; И они Л; А ныне Р; А ино ни П. ⁸⁻⁹ног твоих ПХ; ¹⁰или Б; и СПХЛУАЧ; или на Р. ¹¹прародителя СПХЛУ. ¹²ялдарила У; алдарила ЛХ; ардарила П. ¹³Доб. будешь У. ¹⁴Доб. небесному П. ¹⁵Доб. будешь ПХАЧ. ¹⁶Доб. веком СПХ; нет У. ¹⁷Доб. слышавшим таковая словеса противна ему и У. ¹⁸Доб. ис полаты своя У. ¹⁹⁻²⁰Нет ПХ.

веденому ^{9, 21} Трифану Ильину, и велел ²² его отвести во обитель архистратига || Михаила, зовомо Чюдово ²³, иде же великий святитель Алексей ^{л. 93} чудотворец и доныне чудеса творит с верою приходящим к раце мощей его ²⁴. И велел у него быти стражем двум дьяком, Ондрею Гостеву да Семену Плешивому, до осужения его и до заточения.

По малех же днех совещавает о нем собор со отцем своим Данилом-митрополитом и составил словеси, предложение ²⁵ вины его, и предъявляет сицевую вину на нь, заради прекословнаго его словеси, и неслабого его ума, и крепкаго его разума. Составил на него свидетеля архимандрита Иону тоя ж обители ²⁶.

Сицево же поречение архимандриче на старца Васьяна: «Во обители твоей, государеве, богомолье Максим Грек и Сава святогорцы жительствуют по твоему, государеву, велению, схода || тая имеют ²⁷ себе добродисца Михаила Медоварца, и трие совокуплени во единомыслие, и толкуют книги и ²⁸, низводят словеса по своему изволению ²⁹, исправляют по своему разуму без согласия и без повеления твоего, и без совета и без благословения митрополическа, и без собора вселеньскаго. И Васьян согласился с ними же. И творят укоризну ³⁰ царствию твоему. А велел еси быти в своей богомольи в брежении старцу Васьяну. И вницают в неподобная и мерская суесловия. С ними же и Селиван, чернец единоголасник. Трие их единомысленники. ³¹

Государь же вня ³² речь у Ионы и отсылает его к митрополиту ³³ Данилу ³⁴: «Подобает тебе сия открыти митрополиту и всему вселенскому || собору, понеже настоящая их вина предложити имат. Аще сие ³⁵ творят, днесь бо подобает о таком великом их совете ³⁶ учинити собор и отлучити подобает ³⁷ их в затоцы» ³⁸.

Архимандрит же изглаголат вся Данилу-митрополиту. Митрополит же Данил скорое ³⁹ шествие ⁴⁰ творит государю. И привел в согласие и Васьяна Топоркова, епископа града Коломны, и архимандриту Ионе велел глаголати на соборе без сумнения.

И вскоре учиниша на них собор и вину предложения их предложили. И отослаша их в затоцы: Васьяна — во обитель Пречистые ⁴¹ Иосифова монастыря, Максима же — во Тверь-град, ко Акакию ⁴² епископу до уроченных лет, по заповеди вины предложения их, Саву — в Зосимин, Селивана — в Соловки, добродисца же ⁴³ отослаша ⁴⁴ Михаила Медоварца ⁴⁵ || во град Коломну. Се же конец предложенной ⁴⁶ вины их, заради того, чтобы изложения и обличения их не было при ⁴⁷ совокупление ⁴⁸ брака ⁴⁹.

Но сие оставим, возвратимся на преднее. Сим бо тако изволиша быти, а государь своя мысляше. По благословиению и по совету Данила-митро-

⁹Испр. по УАЧ; в ркп. веденому. ¹⁰Испр. по СПХЛУАЧ; в ркп. именуют.

²³Чюдо СХ; Чюдов П; Чудов монастырь У; Чюдова Р. ²³⁻²⁴Нет У.

²⁵предложения ПХР; предложения Л. ²⁶Доб. и ПХЛАЧ. ²⁷именуют Б; имеют СПХЛУАЧ; сим имеет Р. ²⁸Нет ВС; и ПХЛУАЧР. ²⁹Доб. и ПХЛАЧ. ³⁰Доб. великую Б; доб. велику УАЧ. ³¹единомыслен сии П; единомысленники Л; единомыслии сии АЧ; единомыслени сии Х. ³²вня СР, внят ПУХ. ³³Доб. к ВС. ³⁴Доб. и прииде архимарит Иона к митрополиту Данилу и глагола ему: Отче святейши У. ³⁵сия Б; сих СЛАЧ; сие ПХ; сия У. ³⁶деле АЧ; деле подобает У. ³⁷⁻³⁸от церкви и в заточении отслати ПХ. ³⁹скоро ПХАЧР; вскоре У. ⁴⁰шествие Б; шествие ПХЛУАЧР; ишествие С. ⁴¹Доб. Богородицы ЛАЧ; доб. Богородицы зачатие У. ⁴²Исакию ПХ. ⁴³Доб. Михаила Медоварца ХЛАЧ. ⁴⁴⁻⁴⁵Нет ЛУАЧ; Михайло Медоварцева П. ⁴⁶предложению СПХ; предложенное А; предложению Р. ⁴⁷про ЛУАЧ. ⁴⁸совокупления СПХ; совокуплени Р. ⁴⁹второго брака ЛАЧ.

⁴⁹Испр. по ПХЛУАЧР; в ркп. нет. ⁵⁰Испр. по СПХЛР; в ркп. далее великую. ⁵¹Испр. по ПХЛУАЧР; в ркп. далее к. ⁵²Испр. по СЛАЧ; в ркп. сия. ⁵³Испр. по ПХЛУАЧР; в ркп. известие.

²³Чюдо СХ; Чюдов П; Чудов монастырь У; Чюдова Р. ²³⁻²⁴Нет У. ²⁵предложения ПХР; предложения Л. ²⁶Доб. и ПХЛАЧ. ²⁷именуют Б; имеют СПХЛУАЧ; сим имеет Р. ²⁸Нет ВС; и ПХЛУАЧР. ²⁹Доб. и ПХЛАЧ. ³⁰Доб. великую Б; доб. велику УАЧ. ³¹единомыслен сии П; единомысленники Л; единомыслии сии АЧ; единомыслени сии Х. ³²вня СР, внят ПУХ. ³³Доб. к ВС. ³⁴Доб. и прииде архимарит Иона к митрополиту Данилу и глагола ему: Отче святейши У. ³⁵сия Б; сих СЛАЧ; сие ПХ; сия У. ³⁶деле АЧ; деле подобает У. ³⁷⁻³⁸от церкви и в заточении отслати ПХ. ³⁹скоро ПХАЧР; вскоре У. ⁴⁰шествие Б; шествие ПХЛУАЧР; ишествие С. ⁴¹Доб. Богородицы ЛАЧ; доб. Богородицы зачатие У. ⁴²Исакию ПХ. ⁴³Доб. Михаила Медоварца ХЛАЧ. ⁴⁴⁻⁴⁵Нет ЛУАЧ; Михайло Медоварцева П. ⁴⁶предложению СПХ; предложенное А; предложению Р. ⁴⁷про ЛУАЧ. ⁴⁸совокупления СПХ; совокуплени Р. ⁴⁹второго брака ЛАЧ.

полита и Васьяна Топоркова исписуют епистолию к четырем патриархам: ко антиохийскому, и к ерусалимскому, и ко александрийскому, и Новаго Рима византийскому, рекше цареградскому, о разлучении брака⁵⁰ и второго брака⁵¹ совокупления заради чадородия.⁵² И доиде вскоре писание⁵³. Они же, великии⁵⁴, согласистася³,⁵⁵ и предложили писание по правилом святых отец: «Не подобает бо⁵⁶ тако тебе, государю, творити, понеже и мирской чади правила святых отец || запрещают».

Но един из четырех великих патриарх восписал сверепством Марко Иерусалимский: «Аще и тако сотвориши, первую от себе⁵⁷ отвержеш и второй совокупишися, заради того чтобы тебе было чадородие, блюдися и, паки реку, блюдися! Аще ти и воздаст человеколюбец бог чадорожения да^е,⁵⁸ речеш в себе: «Сей ми наследник, державы царствия нашего государь». Но не тако. За прелюбодение бо воздаст царем чада порушение царствию их. А тебе мнитсяся^ж, но все попрает^з,⁵⁹ и роди Сарападакийстии⁶⁰, рекше^н,⁶¹ боярстии, и стратигове, и⁶² племени Калаковрича⁶³ и вси урдюкеле^к,⁶⁴ рекше^а христьяне^к во страхе и утесняеми^н,⁶⁵ будут. Но, реку, презрит вся^о,⁶⁶ вселенский собор⁶⁷, и восприимет под свою руку келевдекери^н,⁶⁸ и будет грабитель || чужаго имениа. Моль же поядает ризы, а чужее^в имение граблением⁷⁰ и свое все истребит. И наполнится твое царство⁷¹ страсти и⁷² печали, и будут в та лета убивания, и муки величеству^р,⁷³ Сарападасийских⁷⁴ родов⁷⁵, и юнош нещадение⁷⁶, и ово на кола, а иным усечение главное⁷⁷ и затоцы без милости, и мнози гради огнем поцрани^с,⁷⁸ будут⁷⁹».

Вскоре же доиде епистолия к государю от патриарх. И великому государю о сем скорьб велиа. И посылает отца своего духовнаго к митрополиту и⁸⁰ с епистолиею⁸¹. Митрополит же взя⁸² и прочет, глаголя: «Своей страны⁸⁴ и нечистива имеет царя да блажит его, сего же нашего государя православнаго укаряет⁸⁵. Но, сыну Василей, тебе глаголют, ^т,⁸⁶ великому государю, учини благословение^в,⁸⁷ и возмем на ся и всем вселенским собором и благословим || творити ему паки, о чем печаль имеет». И отвечава же Василей⁸⁸: «Отец сына на зло творити не повелевает и благословения не дарует. Аще сын, прегрешив, падет на нозе отца своего, и

³Испр. по ПЛУАЧ; в ркп. согласиста. ^еИспр. по СПХЛАЧР; в ркп. на. ^жИспр. по остальным спискам; в ркп. доб. наследник. ^зИспр. по ПХЛАЧ; в ркп. поперет. ^нИспр. по СПХЛАЧР; в ркп. нет. ^кИспр. по СПХЛАЧР; в ркп. удрюкеле. ^аИспр. по остальным спискам; в ркп. нет. ^нИспр. по остальным спискам; в ркп. христьян на полях. ^рИспр. по СПХЛАЧР; в ркп. утешняеми. ^оИспр. по остальным спискам; в ркп. весь. ^сИспр. по У; в ркп. келевдекери. ^тИспр. по СПХУР; в ркп. величеству. ^вИспр. по СПХЛУАЧ; в ркп. прани. ^{т-ч}Испр. по СПХЛАЧР; в ркп. учени благословение великому государю.

⁵⁰перваго брака ПЛ; брака перваго У. ⁵¹Нет ПХУ. ⁵²⁻⁵³Нет У; Послание четырех патриарх ПХ. ⁵⁴Доб. патриарх ПХ. ⁵⁵согласиста БСР; согласистася ПЛУАЧ; согласистася Х. ⁵⁶Нет СПХ; убо У. ⁵⁷Доб. жену ПХ. ⁵⁸на Б; да СПХЛАЧР; и У. ⁵⁹поперет Б; попрает ПХЛАЧ; праёт С; попреть У; пратье Р. ⁶⁰Сарападиситии А; Сарападасийстии СПХЛР; Сарападиситии Ч; нет У. ⁶¹Нет БУ; рекше СПХЛАЧР. ⁶²⁻⁶³племенника Лаковрича СП; племенника Лаковрича Х; племена Колаковрича ЛАЧ; племен Колаковрича У; нет У. ⁶⁴урдюкеле Б; урдюкеле СПЛАЧР; нет У. ⁶⁵утешняеми БУ; утесняеми СПХЛАЧР. ⁶⁶⁻⁶⁷вселенная собор Х; вселенския соборы ЛР. ⁶⁸келевдекери Б; келевдекери У; кевдекери АЧ; келевдери СПХ; келевдери Р. ⁶⁹⁻⁷⁰граблением имение С; грабление, а имение Р. ⁷¹⁻⁷²Нет ПХ. ⁷³величеству Б; величеству СПХУР; различны ЛАЧ. ⁷⁴Сарападасийских С; Сарападасийстии их Р; сана У. ⁷⁵детей боярских У. ⁷⁶нещадением СХР; и девиц нещадение АЧ. ⁷⁷Доб. иным же утопление водное и всякое мучение смертное ЛАЧ. ⁷⁸прани Б; попрани СПХЛУАЧ; попалени Р. ⁷⁹Доб. и много развращения и страсти будут ЛАЧ. ⁸⁰Нет ПХАЧЛ. ⁸¹Доб. имение Василия протопона благовещенскаго Л. ⁸²Доб. ю ПХУ. ⁸³⁻⁸⁴В своей стране АЧЛ. ⁸⁵Доб. И рече митрополит к Василию У. ⁸⁶⁻⁸⁷учени благословение великому государю БУ; великому государю учени благословение СПХЛАЧР. ⁸⁸протопон Василее Л.

воздает отец сынови прощение, и совокупляет его, и полагает на него епитимью противу падения⁸⁹ дел его, и душу его снабжает. А тебе дано превыше нашего творити, елико можеша, в твоей воли, якоже ты хоцеша. Аз же укрепления твердости сему делу великому⁹⁰ воздати не могу усты своими,⁹¹ понеже, господине, безумием исполнен, грехи совершен.

И о сем многажды схожение было государю с митрополитом о таком ф. 92 превеликом деле и предивном.⁹³ И вскоре учинил государь езд во Александровское, в⁹⁴ село свое, для кручины своей, а мысляше день и ночь. И велел быти у себе || государю во Александровской слободе Досифею, епископу сарскому и подонскому, да с ним архимандриту Ионе Михайлова Чуда на согласие.⁹⁵ л. 96 об.

В та же времена выеде⁹⁶ ис Крыму посол великаго князя Иван⁹⁷ Колычев.⁹⁷ А вывез с собою Гаврила, старца Серапотанского⁹⁸ монастыря Святые Горы. С тем же старцем писание из Святые Горы от прота и от всех монастырей, и Ватопеда, и Синопатра⁹⁹, и Григорацкаго, и Денисяцкого, и Костомоника, и Дохери¹⁰⁰, и Лавры, и Афона-горы, и всех святых мест к государю благочестие¹⁰⁰ и умиление и вкратце III, 10 браку² изложение от видения правоверно, а не от слышавших. И есмы восписуем твоему благочестивому вопрошению, о нем же еси, тцсяя, тцвися писанием к четырем патриархом о разлучении³ брака перваго заради⁴ бесчадия || и о втором совокуплении наследника ради. Нас же еси, великий православный государь, нищих своих богомолцов презрел¹⁰⁰,⁵ писанием, не вем, за наше нерадение о вопросе сем. А есмы твои богомолцы и за твое царство всех обителей Святые Горы, и скитяне, и киновляне. А из прапра-родителей ваших устроено бяше обитель Пантелеев¹⁰⁰,⁶ монастырь вашему благочестивому⁹ прародительству¹⁰⁰,⁷ в наследие вечных благ. А нам, нищим, подаение милостивно во окуп безсерменскому царю Селим-салтану, Баалзитову сыну, и внуку его Сюлмен-салтану от своего государева рама деснаго, от правые руки во⁸ вся лета тысуци тысячь⁸ и сосуди златии, кацыи⁹ сребрении, и воздуси, украшении драгим камыцем¹⁰ и бисером, и ризное || церковное служение, и оклады образа¹¹ писменом града Корсуни, златом и серебром.¹² И есмы¹³ в той,¹⁴ государь, в величией печали, дабы нашего разума чающи¹⁵ от тебе, государя, презренье Святей Горе за наше¹⁶ будет прегрешение. л. 97 об.

А о сем, великий государь, тебе исписуем вси о браку сочтания. Понеже, государь, во Святей Горе во всех святых обителей богомолцов ваших боле 18 тысящ, кроме неведомых и кроме скитов и затворников. И есмы, государь, твои богомолцы по благословению прота и всех наставник, и пасте-

ф-2 Испр. по СПХЛАЧР; в ркп. предивном деле. 4 Испр. по остальным спискам; в ркп. Иоан. 4 Испр. по остальным спискам; в ркп. доб. Дохери. 100 Испр. по СПХЛАЧР; в ркп. благочестие. 100 Испр. по ПХЛУАЧ; в ркп. презрев. 100 Испр. по СПХР; в ркп. Пантелеев. 9 Испр. по остальным спискам; в ркп. благочестию. 10 Испр. по СПХУЛ; в ркп. прапрародителей. 10 Испр. по остальным спискам; в ркп. по.

90 творения У. 90-91 не могу водати (здати АЧ; создати Л) усты своими УЛАЧ; создати усты своими не могу СПХР. 92-93 предивном деле БУ; превеликом деле и предивном СПХЛАЧР. 94 Нет ПХАЧЛУР. 95 Доб. послание от Святых Горы инок ПХ. 96 выйде ПХАЛЧ; выде С; выдет Р. 97 Васильев сын Колычев У. 98 Ферапонтовскаго СПХ; Серапонтовскаго Л; Серапотоскаго АЧ. 99 Синопрата СПХ; Синопатры АЧ; Синопетра УЛ; Синпетра Р. 100 благочестие Б; благочестие СПХЛАЧР; благочестивне У. 111, 1-2 образу СПХ. 3-4 для ради перваго брака СПХ; перваго брака ради Р. 5 презрев БСР; презрел ПХЛУАЧ. 6 Пантелеев Б; Пантелеев СПХР; Пантелеймонов ЛАЧ. 7 прапрародителей БАЧ; прародительству СПХУЛ. 8 Доб. приидоком к нам на милостыню У. 9 кадильницы Л; кадиила У; нет АЧ. 10 камыщам СХР; каменни У. 11 образом ПХУАЧ; образи Л; образы Р. 12 Доб. украшении У. 13 мы есмы нищи ПХ. 13-14 твои СПХ. 15-16 Нет Р.

рей, и учителей наших учиниша собор ^а, ¹⁷ Ватопеде-монастыре. Спешдшм ^б же ся всем наставником, и пастырем, и учителем, поклонником святым ^{а. 98} иконам, и постником, и затворником, кир ^в иеромонахом, и евфим, || и диаконом, и икономов. И всем на соборе спешдшимся 12 тысяч.

И о сем совоспросил богомолец твой ис прародителей ваших Гаврил ¹⁸. И глаголет сице: «Отец великий протий и вси ¹⁹ учителя! Слышахом скорбь новейшу ^в благочестивому царству, рекше Московьскому ^г, великому государю нашему ныне печалию одержиму, заради наследника — заматеревшу его великой княгине, многими леты безчадна бо быше. А царствию их распространяющуся, и наследника их корени, главизны их, царския болшиа хоругви несть. И о сем воспрос имею от вас, великих ²⁰: подобает ли ему второму браку сочтатися, а первый отлучити или ни?».

Отвеща же прот всем вслух: «Рцйте, господиа, рцйте такому великому || государю в ползу, чтобы неповинно было царствие его иным ^{а. 98 об.} приходящим царем, был бы ему наследник их сродствия, издержатель ²¹ хоругви царские по благочестию их».

Отвещаста ²² же Дохери-монастыря иконом ²³: «Аз, убогий, грубый и грешный калугер, быв в послушании у великаго старца у Семииона у Декаполника ²⁴ по благословиению игуменскому. Егда же прииде ^в от великаго государя ²⁵ во Святую Гору во все обители, во святая места велиа ²⁶ милостыня ²⁷ неизчетна, и в церкви украшения лепна ^ж, ²⁸. А доиде ^з, ²⁹ до его святыни милостыня ³⁰ государьская в потребу ему, понеже великий мой ³¹ настоящий от его посланника ³² взя ю со ^ч, ³³ умилением, и ³⁴ честне ³⁵ благословиением ^к даровал посланного. И по мале времени отходит в по || кров малаго скита, во отход, моления ради, и время ^{а. 99} «продолжи. И ^л в ските пребыл от Ведения Пречистые да ^н, ³⁶ до 20 числа месяца декабря. И прииде во обитель к ³⁷ заутрени, и после заутрени входит в келью, и воздал мне, грешному, благословение не по моему согрешению. И вся изъявил ³⁸, и письмо положил, и поучение дал, и наказание, а мне, нищему, учинил ^о, ³⁹ отшествие: «Чадо Феодорите! Днесь приходит час времени отхода моего. А по преставлении моем вборзе будет поиск о браку государьску, о сочтании втораго браку и о разлучении перваго от великаго князя Василья Ивановича всеа Русий к ваю во святая места, и овии ^п повеления и произволения против вещати востанут по правилу святых отец з ^р, ⁴⁰ запрещением. Понеже ииде в правилах || писание пишет и мирской чади не повелевают ⁴¹, не токмо таким превеликим и ^с, ⁴² вседержавным государем, тако творити. Аз же о сем ⁴³ мног труд ⁴⁴ положил ^т, сходатая ⁴⁵ себе исках ^у, ⁴⁶ учителя в разуме моему

^а Испр. по СПХУАЧ; в ркп. нет. ^б Испр. по остальным спискам; в ркп. спешдше

^в Испр. по остальным спискам; в ркп. доб. ерманахом. ^г Испр. по остальным

спискам; в ркп. новейшему. ^д Испр. по остальным спискам; в ркп. Московской.

^е Испр. по остальным спискам; в ркп. придет. ^ж Испр. по СПХЛАЧР; в ркп.

лепотна. ^з Испр. по СПХУАЛЧ; в ркп. воиде. ^и Испр. по СПХУАЛЧ; в ркп.

нет. ^к Испр. по остальным спискам; в ркп. благословение. ^{л-н} Испр.; в ркп.

продолж. ^о Испр. по СПХЛУР; в ркп. нет. ^п Испр. по СПХЛАЧР; в ркп.

доб. с миром. ^р Испр. по остальным спискам; в ркп. ови. ^с Испр. по СПХЛАЧР;

в ркп. нет. ^т Испр. по СПХЛАЧР; в ркп. нет. ^у Испр. по остальным спискам;

в ркп. положил. ^ф Испр. по СПХЛАЧР; в ркп. доб. и.

¹⁷ Нет ВЛР; в СПХУАЧ. ¹⁸ Доб. инок Мстиславич У. ¹⁹ Нет СПХ.

²⁰ Доб. отец ПХУ. ²¹ Издержал СПХР; и содержатель Л. ²² И вещаста СР;

И отвеща П; Отвещав же У; Отвеща ЛХ. ²³ инок великий Феодорит У; иконом АЧР.

²⁴ Декаполита УР. ²⁵ Доб. с Руси П. ²⁶ великая ПХАУЧ. ²⁷⁻³⁰ Нет ПХ.

²⁸ лепотна ВУ; лепна СПХЛАЧР. ²⁹ воиде ВР; доиде СПХУАЛЧ. ³¹ Доб. старец

ЛАЧ. ³² Доб. с радостию ПХ. ³³ Нет БСР; со ПХУАЛЧ. ³⁴ Нет СПХР.

³⁵ Нет СПХАЛЧР. ³⁶ Нет БАЧ; да С; да Богородици ПХЛУР. ³⁷ в ХЛАЧ; и С.

³⁸ Доб. мя еси П; доб. ми еси Х. ³⁹ учинил с миром ВУ; учинил СПХЛАЧР.

⁴⁰ Нет ВУ; з СПХЛАЧР. ⁴¹ повелевает УЛАР. ⁴² Нет ВУ; и СПХЛАЧР.

⁴³⁻⁴⁴ много труда АЛ; много трудов Р. ⁴⁵ исходатая ЛАЧ. ⁴⁶ Доб. и ВУ.

недостойнству, и едва обретох великаго старца Варсонофия. Той Варсонофий держа себе сходатая и собеседника вседержавные земли государя, он бе десподска ^φ роду, во аггельсте же чину именуется Антоний. Сий ^ψ же учения книжна до конца навыкшу ⁴⁷ и достохвалное житие препороводил до конца своего добре и такому дару сподобившася. Сий великий Антоний и Варсонофий о всем ⁴⁸ вешали между собою по благодати, данной им от Святаго духа. И о сем слышахом, чадо, от них велию речь, беседующим им и вещающим между собою || о прожитии и о насилии от безсерменские веры от царей нечестивых. л. 100

И сие рек тако Варсонофий ко Антонию: «И велие владычне человеколюбие и заступницы нашея, надежа христьянска, пречистыя владычицы ⁴⁹нашея Богородица⁵⁰ и приснодевы Мариа. Такой силный безсерменский царь такое насилие творит Святой Горе, всем обителем и учинил тяжчайшую дань не противу мочи. А аще бы не великий государь в подмогу давал нам ⁵¹, своим богомолцом, князь великий Василей Иванович всеа Русии, и в потребу от ⁵² своего благочестия, а толко ⁵³ бы не его, государево, великое жалованье было к наю во святых обители, и во Святей бы Горе во обителях мало иноков жития их бываемо. Понеже от насилия безсерменския ⁵⁴ веры вси бы изгнани были ⁵⁵ [от хабяшев ⁵⁵ и ароунов ⁵⁶, и тефлизов по повелению нечестиваго безсерменскаго ⁵⁷ царя. ⁵⁸Сюлмен-салтана ⁵⁹, ⁵⁹ Селим-салатанова сына, Баазитова ⁶⁰ внука, ⁶¹из святых сих обителей да велие владычне ⁶² человеколюбие и заступницы нашея надежи владычицы Богородицы и всех святых.

А о сем тебе вешаю же ⁶³, понеже наше инокеско совершение и схожение между собою глаголется душевне, ⁶⁴а и в ⁶⁵ телесных вешаем ⁶⁶, есть во уме моем, тебе хошу изъявити про его же, великаго государя. Понеже, господине, грех ради наших нечестивых ⁶⁷ племени ⁶⁸ плодови⁶⁹ти⁶⁹, а у нашего государя великаго князя Василья Ивановича всея Русии наследника несть ⁷⁰ да заматеревши ⁷¹ супружнице || его, неплодна л. 100 об. бо бяше. И о сем, господине, великому государю скорбь. А желеет ⁷¹ прошением у создателя чадорожению до иссохшая смоковница, понеже плод заматерел⁷², и слышахом про нь⁷³, разлучитися хошет перваго брака, а второму совокушится ⁷⁴ заради ⁷⁵ чадородия и болшиа хоругви царския здержателя⁷⁶. Повелевает ли тако⁷⁷ ему сотворити или ни⁷⁸. || И есть ли л. 101 браку сочтание второму?⁷⁷

^φ Испр. по остальным спискам; в ркп. деспотатак. ^ψ Испр. по остальным спискам; в ркп. сям. ⁴ Испр. по СПХЛАЧР; в ркп. нет. ⁴ Испр. по СПХЛАЧР; в ркп. толке БУ; толко СПХЛАЧР. ⁴⁹⁻⁵⁰ Нет СЛАЧР; ⁵¹ Нет БУ; нам СПХЛАЧР. ⁵² Нет СПХ. ⁵³ толке БУ; толко СПХЛАЧР. ⁵⁴ ПХ бусорманския. ⁵⁵ хабяжев У. ⁵⁶ арауном Б; ароунов ПУ; ароуков Х; ароутнов АЧ; роунов Л; аронов Р. ⁵⁷ бусурманскаго ХП. ⁵⁸⁻⁵⁹ Сюлмена-салтана Б; Сюлмен-салтана УР; Силмен-салтана ПХ; Селмен-салтана АЧЛ. ⁶⁰ Баазитова АЧЛ; Бавзитова У. ⁶¹⁻⁶² Нет У. ⁶³ хоже У; нет ПХАЧЛР. ⁶⁴⁻⁶⁵ а о ПХ; и о Л; а в У; и не Р. ⁶⁶ вешем АХ. ⁶⁷ нечестивым П; нечестивыми Х. ⁶⁸ племена УЛ. ⁶⁹ Доб. сутыи беззаконноуща их чадородия будут У. ⁷⁰⁻⁸¹ и не есть в правилах святых отец браку сочтание второму, и за превеликую государеву милость к нам не повелеваем и мы и запрещаем У. ⁷¹ желеет ПХР. ⁷² заматерев ХР; заматерев П; заматерел Л. ⁷³ ню ЛАЧ; него ПХР. ⁷⁴ присовокушится ПХ. ⁷⁵ для ради ПХ. ⁷⁶ содержителя АЧ; держателя ПХЛ; здержителя Р. ⁷⁷⁻⁸¹ Нет Л.

Златауст ⁷⁸:

Есть залог телесный и есть залог душевный. Телесный бо залог, рече, яко же творят вам, человецы, и вы творите им тако же. Душевный же, аще кто ударит тя в ланиту, обрати ему и другую и прочая. Еще бо вредитися и поврежати от всех святых, есть дело се и выше естества. А еже не врежати, ни поврежати, сие по естеству есть ⁷⁹. А иже поврежати всех, сие не по естеству суть, но зверско ⁸⁰ и бесовско ⁸¹.

Уже в процессе издания Ю. Д. Рыков указал нам еще три списка памятника в сборниках XIX в., хранящихся в ГБЛ. Один из списков «Выписи» — в сборнике из собрания Рогожского кладбища, № 341, на лл. 10—17. Сборник содержит сочинения Максима Грека, Послание Федора Карпова, Сказание о Максиме Философе, Сказание старца Климента и др. Второй и третий списки в сборниках из собрания Егорова, №№ 1512 и 1916, соответственно на лл. 17 об.—29 и 12 об.—21 об. В составе первого из этих сборников, кроме сочинений Максима Грека, — Сказание о Максиме Философе, Надгробная надпись на могиле Максима Грека, Сказание старца Климента и другие статьи. Содержание второго сборника сходно с первой частью рукописи № 1512 (заканчивается гл. 77 сочинений Максима Грека). Заглавия всех трех списков однотипны (нач.: «Выписано из государевы грамоты»). Все списки говорят о Паисии как старце Ферапонтова монастыря.

⁷⁸ Златоустаго речь *ПХ*; Златоуста *АЧ*.

⁷⁹⁻⁸¹ А иже повреждати всех, сие по естеству есть *Р*. ⁸⁰⁻⁸¹ бе и скотско *ПХ*; нет *АЧ*.

А. С. ДЕМИН

Представление о переменчивости жизни в русской литературе XVII века

Моя статья касается проблемы перехода древнерусской литературы к литературе нового времени. Сейчас вопрос о переходе ставится иначе, глубже, чем это было ранее. Лет 40—50 тому назад настойчиво пытались определить формальную хронологическую границу между древней и новой русской литературой. Это оказалось трудно и вызвало споры, постепенно иссякшие. Проблема осталась нерешенной.

За последние годы, в основном благодаря работам Д. С. Лихачева, подход к теме изменился. Там, где раньше исследователи хотели различить ясные межевые знаки, теперь видна огромная «ничейная» полоса, долгий «переходный век», нуждающийся в анализе.

Картина перехода к новой литературе проясняется по мере привлечения все новых жанров. Главные выводы о «веке перехода» вполне естественно базируются на обозрении русской прозы XVII в. (Д. С. Лихачев, А. Н. Робинсон, Н. С. Демкова). Недавно появившиеся исследования русского стихотворства добавляют немало нового и очень интересного (А. М. Панченко). В предлагаемой статье я буду основываться прежде всего на материале драматургии XVII в., которую, несмотря на ее недостаточную изученность, тем не менее с единодушным относит к новым явлениям в русской литературе.

Почему возникновение драматического жанра знаменовало для русской литературы переход к новому времени? Ведь драматургия, например, в западноевропейских литературах имела многовековую давность. Дело, очевидно, в каких-то особых качествах первых русских пьес 1670-х годов, до сих пор еще не оцененных по достоинству.

Даже самое поверхностное сопоставление первых пьес с современными им прозаическими и стихотворными произведениями позволяет указать их отличительную художественную черту. По сравнению с современными им произведениями иного жанра пьесы 1670-х годов были необычайно динамичны, подробно изображали внешние, физические действия людей. Драматические герои находились в постоянном движении. Они не представляли перед зрителями уже расположившимися на сцене, но выходили на глазах у зрителей, шли по сцене, уходили и приходили непрерывно в течение представления. Об этом свидетельствуют авторские ремарки в текстах пьес и сами речи героев. Первая же «сень» «Артаксерксова действия» начиналась с торжественного выхода действующих лиц. «Выдут, — сообщалось в ремарке, — царь Артаксеркс, Мемухан, Мерес, Харсена, Сефар, Мегуман. И сядет царь Артаксеркс с теми своими князьями, и начинают говорить». Заканчивалась первая «сень» уходом одного из героев. «Немедленно иди», — повелевал Артаксеркс, и Мегуман

отвечал: «Аз пошел».¹ Такое построение «сений» многократно повторялось в «Артаксерковом действе» и в последующих пьесах.

Целый процесс выхода героев предусматривали и пьесы Симеона Полоцкого. Например, драма о Навуходносоре открывалась ремаркой: «Изыдет Навходносор с боляры и слугами шестю человек, а вооруженных вой за ним станет шесть же человек. Царь убо, сед на месте уготованном, начнет глаголати». А в конце пьесы герои публично покидали сцену: «И отидут за завесы. По сих эпилог» (с. 162, 170). Такого подробного прослеживания приходов и уходов героев проза, естественно, не знала.²

Отсюда внешняя динамичность пьес, которая усиливалась от того, что иногда в течение одной только «сени» неоднократно приходило и уходило несколько разных лиц. Так, в одной из «сений» «Артаксеркова действа» придворный Гатах трижды появлялся на сцене, предупреждая собеседников: «И ты мало и зде потерпи, аз отхожду», «жди зде», — вновь удалялся и снова приходил (с. 192, 196). А в пьесе Симеона Полоцкого о блудном сыне в течение, пожалуй, 10 минут приходили и отлучались попеременно 5 человек — купец, богатый господин, приказчик, пастух и, наконец, сам блудный сын (с. 151—155). Действующие лица почти не оставались.

Малоподвижных персонажей не было. Недолгая задумчивость героя обязательно прерывалась приходом кого-либо, и затем следовала новая череда приходов и уходов. Так, только задумался Артаксеркс «о семь же, что есть мое житие», как приходила Есфирь, и события вновь захватывали царя (с. 205). Или, например, Темир-Аксак, «седа и на коленях молящися», только произносил первые слова молитвы, как прибегал караул и объявлялся «всполох» (с. 86). Если герою мешали двигаться, насильно препятствовали тому, чтобы он уходил со сцены, опускали его в ров, как Иосифа, хватали его, задерживая, как Вильга того же Иосифа, или привязывали к столбу, как Ахиора, и оставляли в пустынном месте, то тут же на сцену прибегало множество «людей глаголющих», воинов (в «Иудифи», — с. 393) или слуг (в «Малой прохладной комедии об Иосифе», — с. 114), и действие развивалось дальше.

По сравнению с прозой подвижность драматических героев была особенно многообразной. Пребывание каждого персонажа на сцене сопровождалось обилием передвижений, действий, поз, жестов. Герои, появив-

¹ Текст «Артаксеркова действа», подготовленный к печати О. А. Державиной и В. П. Гребенюком, цит. по кн.: Первые пьесы русского театра. Издание подготовили О. А. Державина, А. С. Демин, Е. К. Ромодановская. Под ред. А. Н. Робинсона. М., 1972, с. 105—108. Далее страницы указываются в скобках в тексте. Прочие пьесы цитируются по следующим изданиям. Текст «Иудифи», подготовленный к печати Е. К. Ромодановской, — по кн.: Первые пьесы русского театра; текст «Темир-Аксакова действа», подготовленный к печати О. А. Державиной и В. П. Гребенюком, тексты «Малой прохладной комедии об Иосифе» и «Жалобной комедии об Адаме и Еве», подготовленные к печати О. А. Державиной и А. С. Деминим, и тексты пьес Симеона Полоцкого «Комедия притчи о блудном сыне» и «О Навуходносоре царе», подготовленные к печати А. С. Деминим, — по кн.: Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. Издание подготовили О. А. Державина, А. С. Демин, В. П. Гребенюк. Под редакцией О. А. Державиной. М., 1972. Далее страницы указываются в скобках в тексте.

² Еще ясвенней выделяется это обилие передвижений драматических героев при сравнении пьес с их прозаическими и стихотворными источниками, прежде всего с Библией, а также с переложениями и толкованиями соответствующих библейских сюжетов во второй половине XVII в. То, что, например, в «Артаксерковом действе» рассказывалось об Артаксерксе, было самым подробным в литературном отношении описанием его деяний, неизмеримо превосходящим Библию. Лакоичность Библии известна, а пересказы и толкования были еще короче: см. в «Хронографе» астраханского архиепископа Пахомия середины XVII в., в «Хрисмологоне» Николая Спафария 1673 г., в виршевой библии Мардария Хоникова 1679 г.

шись на сцене, многократно кланялись и преклоняли «колена свои» (ср. многочисленные ремарки); «били челом», иногда до земли (блудный сын говорил отцу: «Отче любезны! Се ти челом бию, под твое нозе преклоняю выю», — с. 144); вставали, вскакивали; поднимались и опускались по ступенькам (Мардохей в «Артаксерксовом действе» просил разрешения «токмо две ступени отступити», — с. 128); оглядывались, показывали и «помаали» рукой (ср. ремарки в «Иудифи», — с. 447; «Темир-Аксаковом действе», — с. 90; «О Навходоносоре» — с. 165).

Герои на сцене находились в энергичном физическом общении. Искали друг друга (например, архангел Гавриил искал на сцене спрятавшегося Адама: «Взыскую, ничтоже обретаю. Адаме! Адаме! Где еси ты? . . . Не слышиш ли, Адаме! Изыди! Где еси ты?», — с. 128), шептали друг другу на ухо (Мардохей говорил Есфири «словце токмо, во ухо», — с. 130); обнимались, «напад на выю» (так отмечено в ремарке пьесы о блудном сыне, — с. 156) и целовались; притом эти поцелуи на сцене иногда имели ясно выраженный любовный характер, как например «лобзания» Артаксеркса, целовавшего Есфирь (с. 206). Герои ели и пили, и зрители, судя по ремаркам, видели, как герой «принимает стокан», «наполнивши»; «держит кубок в руже и говорит» или уже «приходит, скачючи, имея в руках две крушки вина, и поет» («Темир-Аксаково действо», — с. 88. 75; «Иудифь», — с. 446; «Комидия притчи о блуднем сыне», — с. 145). На сцене заключали сделки, били по рукам и считали деньги («Зде по рукам бьют. . . Зде считаютъ», — сообщали ремарки в пьесе об Иосифе, — с. 101—102). Зрители видели, как герои «сядут играти», — одни «в зерни», «прочии — в карты, в тавлеи», как «будут добро проигравати», меняться одеждами и пр. (пьеса о блудном сыне, — с. 147, и др.).

Особенно насыщены действиями были сцены стычек, драк и казней персонажей, когда, например, «о землю ударят и бьют ногами» («Иудифь», — с. 441), «падут на землю обои; бьют и вопят» («Темир-Аксаково действо», — с. 72) или когда все вдруг нападали и грабили кого-нибудь: «Зде вси крикнут: „Емлим, емлим, емлим!“ И расхитят останки» («Комидия притчи о блуднем сыне», — с. 150). На сцене «вязали» людей (пьесы об Иосифе и Навуходоносоре, — с. 102, 167) и обыскивали настолько рьяно, что один из обыскиваемых кричал: «Что же сие движение и осызание! Коего беса ищещи тамо?» («Артаксерксово действо», — с. 165).

Не менее динамичными были уходы героев со сцены. Герои уходили, качаясь («пойдет, сланяся», — говорилось в одной из ремарок о блудном сыне, — с. 147); падали в обморок, «обомирали» (ср. пьесу об Иосифе, — с. 104). Заключение бился головой так, что «голову всю сокрушил, и мозг видеть» («Темир-Аксаково действо», — с. 91). Повешенный метался и содрогался, и палач, глядя на него, говорил: «Виси же, движеся. . . мечися, здрогнися» («Артаксерксово действо», — с. 242). Подобных подробностей в изображении двигающегося человека прозаические и стихотворные памятники не добивались.

Движением на сцене было проникнуто буквально все. Жизнь персонажей выражалась не только в грубых, бросающихся в глаза перемещениях и телодвижениях, но и во множестве мелких движений, нередко относящихся к области мимики. Герой не только «трепещет со страху» (пьеса об Адаме, — с. 128) или «глаголет, дрожаще, яко бы ужаснувся» («Юдифь», — с. 372), но выражает это более тонко. Все детали поведения персонажей, конечно, невозможно было исчерпывающе описать в ремарках, но многое, сверх ремарок, предусматривалось драматургами и поэтому косвенно отражалось в речах героев. Так, например, можно восстановить то, как Астинь в «Артаксерксовом действе» выражала смутение, выслушав царский указ о ее изгнании, потому что о ее растерянности

вспоминал затем один из придворных: «...вспоминаю на ее горькие слезы... как очи тамо абие водою заплылись, яко к тому отдыхати не могла, како к земли упала, яко рыдая стояла и так жалобно жалела» (с. 122). По-видимому, выразительны были мимика и вздохи Олоферна, который, по словам одного персонажа, в течение «болши трех часов... овогда уста отверже, въздыхающе; овогда же очеса свои перемены, роздежену суцу», — на Иудифь (с. 453). Менялась в лице и Вильга в пьесе об Иосифе, и это отмечалось во всеуслышание: «Истинно вижу, — говорил ее супруг, — яко лицем переменилас, ..или ея и некая нужда предстоит, о ней ж никому явно чинити не хочет?» (с. 113). Лицо героя не было маской, его выражение все время менялось.

Это обилие разнообразных движений, меняющихся поз, жестов, мимики создавало представление непрестанной деятельности людей. Даже если на сцене изображалась глубокая ночь, «егда ни человек, ни зверь, ни птица восклицает» («Артаксерксово действие», — с. 218), когда «в темной нощи добре рассмотрети» ничего нельзя («Иудифь», — с. 432), то и тогда герои бодрствовали, были «нощю в бодрости». Ночью Иудифь приходила в лагерь Олоферна, а другой ночью убивала этого полководца. В «полуночи» молилось все войско Темир-Аксака, так что «противные» войска «пред двумя часы великой слышали стон от копий и людей» и «огонь зело велик видели» (с. 82—83). В «Артаксерковом действе» герои почти не смыкали глаз ночью. Артаксеркса мучила бессонница и заботы, и он то принужден был «на вдовем одре... печално же обратиться чрез всю долгую нощ» (с. 123), то всю другую ночь заниматься чтением «царственных книг» (с. 219). Мардохей пребывал «вседневно и нощю у врат градских» (с. 159) и молился всю ночь или подслушивал ночные планы заговорщиков. Аман клялся: «... не будет сна в моих очах», — пока он не отомстит Мардохею (с. 173), и виселицу для него строили тоже ночью. «И сею нощю отнюдь нимало спиши, — приказывал Аман своему сыну, — ...и во всю сию нощ да делают оно древо» (т. е. виселицу, — с. 218). Герои были поглощены делами, не замечая, как проходит ночь; и вдруг один говорил другому, опомнившись: «Сезри, зоря уже к нам прииде» (с. 225). Если же герои ненадолго засыпали, то им снились пробуждающие их страшные сны, заполненные борьбой грозных сил, шумом и громом. Например, Мардохей рассказывал такой сон: «Видех сию нощ во сне борящих двух великих змий, с великим воплем вопиющих. Был и гром ударение, и молния к тому же, и тако во вселенней шум, яко земля и небо от того двизалось» (с. 139—140). Страшные сны пробуждали и Темир-Аксака в «Темир-Аксаковом действе»: «...во сне виделось, так зело утрашило... и с того страху проснулся» (с. 61—62). Ночь оказывалась даже труднее дня. «Днем в печали и страху, нощю же множае в опастве», — говорил тот же Мардохей (с. 153). Драматические герои находились в неустанном движении.

* * *

Чем объяснить насыщенность пьес 1670-х годов действиями, движениями, жестами героев? Насыщенность действием как отличительная черта драматургии общепризнана со времен Аристотеля.³ Однако это не главное объяснение художественного своеобразия первых пьес русского театра. Динамичность драм может быть различной. Вспомним, например,

³ Об этом же писали Г. Гегель и В. Г. Белинский. Это же подтверждают работы последних лет. Ср: М. С. Кургина. Драма. — В кн: Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. Роды и жанры. М., 1964, с. 245—252; В. М. Волкенштейн. Драматургия. Изд. 5-е, дополненное. М., 1969, с. 10, 183; А. А. Карягин. Драма как эстетическая проблема. М., 1971, с. 65—66, 76, 150, 153.

русские школьные пьесы начала XVIII в. Их действующие лица гораздо статичнее, иные почти неподвижны.

Столь обильное насыщение пьес 1670-х годов действиями персонажей не могло возникнуть автоматически, — в силу органической особенности самой драматической формы. Существовала и другая причина. Динамичность пьес была результатом сознательного стремления драматургов к физической «живости» своих героев, о чем авторы упоминали в предисловиях почти ко всем пьесам. «Комедия нарицаецца мастерством, — объяснялось в предисловии к «Темир-Аксакову действу», — потому что она. . . живых персон в речении и ризах показывати. . . приводит» (с. 59—60). Эту сторону драматического мастерства авторы пьес постоянно отмечали. «Яко Артаксеркс, аще и мертв», — говорилось, например, в предисловии к «Артаксерксову действу», но пьеса «того нам жива представляет» (с. 103). О «живости» драматических героев предупреждал зритель и Симеон Полоцкий: «Аки вещь живу узрит милость ваша», «то комидийно мы хоцем явити и аки само дело представити» (с. 136, 162). Недаром предисловие к «комедии» об Адаме и Еве сравнивало пьесу с зеркалом: «. . . в зеркале рассмотримся» (с. 116). Осознанное стремление к отражению на сцене живого действия человека несомненно было характерным для первых драматургов русского театра и проявлялось самым различным образом в их пьесах.

В данном случае для нас не так важно, знали авторы пьес теорию Аристотеля или кого-либо еще. Достижение физической «живости» героев не составляло главной цели драматургов. Иначе пьесы давали бы сравнительно бессодержательный калейдоскоп движений персонажей.⁴ Нетрудно убедиться в этом. Поза, жест, любое действие героя в первых пьесах были тесно связаны с содержанием и, как правило, обозначали изменение ситуации, поворот в ходе изображаемых событий. Когда, например, в «Артаксерковом действе» Артаксеркс спрашивал Амана: «Что же стоиши и на землю зриши?» (с. 225), — то эта поза огорчения, в которой стоял Аман, означала нечто новое в развитии событий — начало падения Амана и возвышение Мардохея. Или, например, когда царь резко поднялся с трона, — это движение было связано с близкой развязкой пьесы.

⁴ Тяготение к удивляющей «живости» сценических картин, вероятно, существовало при заведении театра в России, но не у авторов, а у заказчиков и будущих зрителей. Вот некоторые проявления такой тенденции. Когда в 1659 г. царский посол В. Лихачев составил первое на Руси подробное описание театрального представления, то он ни словом не упомянул о содержании «комедии», виденной во Флоренции, и доложил царю лишь о том, что зримо «объявлялось» на сцене: «Объявились палаты. . . , объявилось море, колеблемо волнами, а в море рыбы, а на рыбах люди ездят. . . А в иной перемене. . . объявилось поле, полно костей человеческих, и враны прилетели. . . А в иной перемене объявилось человек с 50 в латах и почали саблями и шпагами рубиться», и т. д. (Древняя Российская Вивлиофика, ч. IV. Изд. 2-е. М., 1788, с. 350—351). Странное, на наш взгляд, молчание посла о содержании «комедии» исследователи объясняли незнанием языка, непониманием общего смысла непривычного для русского человека зрелища. Думаю, что это не так. Все остальное, виденное и слышанное в Италии, посол понял и передал отлично. Рассказывая же о театре, он преследовал определенную цель: перечислить, что и как можно показать на сцене, чтобы люди и животные казались, по его выражению, «как быть живы». Недаром описание спектакля в отчете В. Лихачева находилось в одном ряду с перечислением различных итальянских «вымыслов мастерских», включая сюда «деланных», как живые, зверей, птиц и рыб в яствах. Как известно, инициатор заведения театра на Руси царь Алексей Михайлович был охотником до механических двигающихся игрушек и поручал создать даже своего рода механический театр, — такое устройство, «чтоб всякие птицы пели, и ходили, и кланялись, и говорили, как в комедии делаетца» (А. И. Заозерский. Царская вотчина XVII в. Из истории хозяйственной и приказной политики царя Алексея Михайловича. М., 1937, с. 196). К счастью, русский театр сразу и безболезненно шагнул далеко за границы примитивных требований.

Так, в «Темир-Аксаковом действе» ремарка сообщала — «Баязет вскочив учал клясть» (с. 84) — незадолго перед пленением Баязета; в пьесе о Науходоносоре ремарка о том, что царь встал (с. 168), непосредственно предшествовала сцене раскаяния царя. Стремлением только к «живости» нельзя объяснить двигательную активность драматических героев 1670-х годов.

Самое важное заключается в следующем. Изображение сменявшихся движений и поз героев было частью широкой картины перемен, рисуемой пьесами. Вместе с позами и жестами непрерывно менялись настроения персонажей. Артаксеркс выходил на сцену радостным: «. .сы ныне аз бо сам в радостех пребываю» (с. 106) — и тут же становился печальным: «Как же в веселии печаль аз обретаю, во многих бо скорбех себе быти признаваю?», — спрашивал себя он (с. 107). Но печальный и тоскующий Артаксеркс при следующем своем появлении на сцене уже находился в негодовании и ярости (третья «сень» первого действия). Затем представлялся умиротворенным и радостным (во втором действии). Потом снова впадал в гнев (в третьем действии), сменявшийся недолгим успокоением. Затем царь выражал свое «бесконечное печалие» (в четвертом действии), потом вновь появлялся радостным и милостивым (в пятом действии), чтобы вскоре предстать крайне разгневанным (в шестом действии) и — вновь обрести равновесие.

Менялось настроение почти у всех героев. Горе и плач сменялись весельем, радость омрачалась досадой, на смену надеждам приходил ужас, и т. д. Особенно экспансивно вел себя блудный сын — то смиренный, то хохочущий на сцене, то впадающий в состояние крайнего беспокойства и самоунижения, то с облегчением радующийся красоте мира. Колебания испытывали даже относительно второстепенные персонажи, общая настроенность которых, казалось бы, оставалась неизменной. Например, в «комедии» об Иосифе неистовая в своей любви Вильга то пыталась свратить Иосифа, то отказывалась от своих намерений («. .аз уже то покину и болши тя к тому привлещи не стану», — с. 111), то вновь искушала его.

Неустойчивы были и внутренние устремления героев. Например, основу действия «Жалобной комедии об Адаме и Еве» составляло изображение колеблющихся желаний главных персонажей (отсутствующее в Библии и в соответствующих апокрифах). Так, в первых сценах Адаму и Еве не хотелось пробовать плод с запретного дерева. «Адаме, знаеши ли древо сие? — спрашивал ангел, — . . да под лишением живота своего от него не яси, ниже ко овощам его да не прикоснешися». — «О, ни, аз в томь не опасаюся», — заверял Адам. «Хотя бы неведомо каков овощ былъ, однакожде не учну для сего и не хочу милость божию погубити», — подтверждала Ева (с. 117, 122). Но в следующей сцене желания их менялись. «Преизрядной цвет сего овоща! — говорила Ева. — Нужда ми его вкушати». «Дажд семо, возлюбленная Евва моя! — просил Адам плод, — . . тем же и аз увижу, кая в нем добродетел сокровенна» (с. 123, 124). Герои признавали — «ныне же весма со мною пременилося», «чувство и естество мое весма превратилос» (с. 124, 126). Меняли свои желания в пьесе и аллегорические персонажи — Правда и Истина. Вначале они требовали беспощадной кары согрешившим людям, чтобы им «муку вечную получитьи», «их до основания погубити», «умерети смертию». Но затем просили «человека беднаго освободить» (с. 133, 137). По-видимому, менялось настроение даже у Бога-отца, и «праведный гнев» у него сменялся милосердием.

Картину изображаемых перемен в пьесах расширяло пестрое чередование эпизодов, нередко противоположных по настроению. Перед гла-

зами зрителей на одной и той же сцене действие постоянно переносилось из страны в страну и из города в город, из царского дворца — к городским воротам или в военный лагерь в поле, с поля или из пустыни — опять во дворец. Если приходилось долго изображать одно и то же место, как например рай в пьесе об Адаме и Еве, то рай менялся прямо на глазах. «Имянно ж видите и слышите, — говорилось в пьесе, — лепотных струев шумы, видите и слышите красных птиц пение. . . , возможно вам утешиться в прекрасных злаках и деревьях и в различных цветах» (с. 119). Но это было не надолго. Вскоре все менялось. «Никая бо птица болши не поет, — говорилось в пьесе, — никий зверь болши не ищет про себя пищи, никий цветок не обретается в прежней бывшей красоте, деревья низ сраняют от печали листы своя, и трава увядает» (с. 127).

Герои не только испытывали перемены, но и стремились к ним. Если человек находился в состоянии душевного равновесия и пребывал в благополучии, то он еще острее желал перемен и активного движения. Так, один из персонажей «Иудифи» досадовал: «Яко вода не текущая, но тихо стоящая смрадный дух скоро приемлет, тако и аз себе аки бы смердящим быти мню, что толь долгое время дома без дела пролежати принужден был» (с. 358).

Пьесы 1670-х годов изображали целый мир, в котором перемены места, движений, настроений, судеб сливались в единую большую тему. Главной темой всех дошедших пьес 1670-х годов было изображение перемен в жизни героев, начиная от библейского Адама и кончая историческим Тамерланом. Жизненные перемены героев обсуждались авторами пьес в предисловиях. «Артаксерксово действо» должно было показать цепь крупных изменений, по словам предисловия, «како гордость сокрушается, — Астия бо отвергается, Есфирь же приемлет коруну, и како Аман гордым есть в научение, его же честь, богатство и славу смиренный приемлет Мардохей» (с. 105). Предисловие к «Иудифи» формулировало ту же тему: «. . . изъяснится в комедии сие, объявляя, . . . как пременяет печаль зелную в счастье» (с. 352). О том «. . . все действия сей комидии, — поясняло предисловие к «Темир-Аксакову действу», — как вначале благочестие служило, а после и печальное время наступило» (с. 59). Соответствующее раскрытие темы пьес можно найти и в речах персонажей. Например, тема пьесы об Иосифе, по словам самого Иосифа: «Братска то любов како переменяли еси в лютое немилосердие», «переменяли братия моя в хищные волки» (с. 99, 102). Блудный сын у Симеона Полоцкого тоже сокрушался из-за контрастов своего существования: «Вчера богат бех, днесь гибну от глада» (с. 151); и сам автор в предисловии к пьесе оправдывал неизбежность изображения перемен: «. . . ибо все стужает, еже едино, без перемен бывает» (с. 138).

В этом — главная причина того, почему первые драматурги русского театра стремились на сцене показать людей «живыми», а события «аки само дело». Широкие картины переменчивой жизни в пьесах отражали представления авторов о «вещи живе» — жизни человеческой.⁵

Мысль о переменчивости человеческого бытия авторы пьес декларировали опять-таки в предисловиях. «Человеческое житие, — начиналось, например, предисловие к «Жалобной комедии об Адаме и Еве», — . . . во оном такожде все прохладжение и радость взыскуем, но обретаем скорбь и беду. Ей, взыскуем в нем меру, но что же обретаем? — Несмирение и

⁵ Подобные представления в немецком литературоведении называют *Lebensgefühl*, *Lebensauffassung*, т. е. жизнеощущение, жизнепонимание. У нас такое явление не имеет определенного терминологического обозначения и чаще всего называется «мир произведения», хотя точнее было бы считать его «миром автора».

бран. Взыскуем посмешение, но обретаем плач и рыдание. Взыскуем в нем здравие, но обретаем болезн и недуг» (с. 116). О той же пестроте и переменчивости жизни толковало, например, предисловие к «Темир-Аксакову действию»: «А что по всей вселенной творится, кроме радости и печали? — спрашивали авторы. — Едина персона радостно играет, а другая печально играет, и скоро благосчастия превратится» (с. 60).

Драматурги часто обращались к вопросу о переменчивости «счастия», подразумевая под «счастьем» широкий круг явлений — от успехов по службе до благополучной жизни вообще. Предисловие к «Артаксерксову действию» поясняло, как «пременяется счастье», как «бог. . . счастье вспять возвращает», «коль чудно и пречудно превращает великий бог советы человеком» (с. 105). Аман в этой пьесе много рассуждал о «непостоянном счастье»: «Счастье убо токмо есть жития сокращение: его же возвыси, того приведет в бедное низпадение» (с. 240—242). О «счастьи» говорил и Артаксеркс, признававший, что и он может «счастьем кола тако же изриновен быти» (с. 205). «Прелестному колебимому счастью» был посвящен большой монолог одного из героев в «Иудифи». «О проклятое и предателное счастье! — восклицал Ахиор. — . . . лишатся по тебе, . . . нежелли в прелестном твоём лоне преопочивати. . . абие со страшным падением прелесть твою уведати» (с. 392). О «прелестном», т. е. обманчивом, «временном» счастье пели даже в песне (с. 399). «Проклятое счастье», — поминал Баязет в «Темир-Аксаковом действии» (с. 87, 90). Жизнь переменчива — вот главное убеждение авторов драмы.

Пьесы 1670-х годов позволяют заметить важный оттенок в жизнеощущении их драматургов. В мире, изображенном пьесами, все происходило стремительно. Все герои спешили, торопили друг друга и торопили события. «Шед скоро, поспешите», «спеши, спеши, не косни», «побежи наскоро и без мотчания», «скоро оставите все и ступайте, не мешкав», «ох, спеши, молю зело ти», «и аз же поспешу», — эти требования, просьбы и обещания герои повторяли постоянно («Артаксерксово действие», — с. 107, 135, 158, 185; «Темир-Аксаково действие», — с. 61, 86). Герои хотели, чтобы все делалось скоро, — «еже велят вам, то скоро творите», «приведу вскоре во исполнение», «тотчас сия исполнена будут» («Иудифь», — с. 405; «О Навходоносоре царе», — с. 163, 167). Надо было скоро говорить и скоро читать — «глаголи же скоро», «повеждь ми скоро, како збылось», «прочитайте скоро», — требовали герои друг от друга («Иудифь», — с. 440; «Темир-Аксаково действие», — с. 63, 84). Надо было быстро принимать и отпускать посольства, — «их посольство нам скоро объявить. . . , чтоб их скоро отпустить»; быстро вести бой, — «да скоро. . . изыти и абие бой сотворити» («Темир-Аксаково действие», — с. 65, 79); быстро обретать любовь — «абие прилежах любов твою получитьи», — признавалась Вильга Иосифу (с. 107); быстро казнить — «абие смертию казнити», «в един час живота лишити» (пьесы об Адаме и о Навуходносоре, — с. 129, 163). Герои не хотели ждать ни дня — «досадно бо ми есть еще так долго. . . ждати», «болши нам претерпети несть возможно» («Иудифь», — с. 358; 412). Блудный сын с нетерпением говорил отцу: «Отче любезный, время ми губиши, аще един день мене удержитиши» (с. 142). Поэтому один персонаж извинялся перед другим: «недолго тя задержу», «еще мало да потерпиши» (пьеса об Адаме, — с. 119, 134). Эта быстрота действий получила отражение даже в ремарках. «Великого фараона скорейшии указ ест, да Пентефрия без мешкоты к нему приидет», — сообщала, например, ремарка в пьесе об Иосифе (с. 109). «Абие да снидет к ним аггел», —

говорилось о мгновенном появлении ангела в пьесе о Навуходоносоре (с. 167).

И в самом деле, события в пьесах развивались очень быстро. Например, в «Артаксерксовом действе» царь повелевал к утру собрать всех красавиц своего огромного государства: «Посылайте же во все государства мои вскоре, дабы сие дело к утрею не продлилось» (с. 124), и в следующей «сени» евнух уже уводил Есфирь в царский дворец, торопя ее и Мардохея: «Не медлите же вы тогда» (с. 130). Ранним утром Артаксеркс требовал от Амана немедленно собрать весь народ для прославления Мардохея: «Аман, тебе реку, в odkлад не откладывай и все, еже аз ти рекл, не мешкав исполняй» (с. 224), и тут же следовала уже подготовленная процессия. Разгневавшись на Амана, царь приказывал того повесить: «Дабы ево абие повесили. . . Скоро, скоро к висялице!» (с. 239), и сразу же начиналась сцена казни.

Развитие действия в больших по объему пьесах убыстрял особый композиционный прием. Авторы опускали лишние разговоры героев, передающих какую-либо весть из уст в уста. Герой выходил на сцену, уже извещенный о происшедшем событии, заканчивая беседу об этом и переходя к новым делам. Например, после внезапной казни Амана не было «сени» о том, как Мардохей впервые узнавал о смерти своего врага. Мардохей выходил, лишь переспрашивая о новости, сообщенной ему где-то за сценой: «Повешен ли Аман ныне? Сам ли ты то видел?». «Сам яз ево изымал и видел, как к смерти шел», — подтверждал свидетель (с. 242), и действие развивалось далее. Так же изображалась, например, царица Астинь после ее низложения. Соответствующей речи придворных к царице не было. Астинь выходила на сцену с вопросом: «Сице ли я, Астинь, пребуду отверженна?». А придворные подтверждали: «Изверженна еси ты и всеми посмеянна» (с. 117).⁶ Этот прием переспрашивания сказанного за сценой использовался и в другой большой пьесе — «Иудифи». «Что слышал есмь? — с таким вопросом появлялся на сцене Олоферн. — Наши вои сее ноци благородную еврейскую жену пленили?». Олоферну подтверждали: «Зело предивную красную жену» (с. 433), — и сразу приводили Иудифь. Действие перескакивало через промежуточные ступени.

Обилие перемен приводило к тому, что в мире, изображенном пьесами, почти все было неустойчиво, зыбко, текуче, могло переходить в свою противоположность. Так, то, что начиналось хорошо, заканчивалось плохо (и наоборот). «Жду по доброй ноци и доброй день», — говорил, например, Аман в «Артаксерксовом действе» (с. 218), а днем его казнили. «Но к благополучной ноци едино еще да напиемся», — предлагал пирующий Олоферн в «Иудифи» (с. 449), и той же «благополучной» ночью он был обезглавлен. Баязет в «Темир-Аксаковом действе» после многих удач мечтал о мировом господстве: «Аз надеюсь, что мы тогда большую часть восточного мира преодолеем»; но тут прибежал гонец с вестью: «Сполох! Сполох! Неприятель уже пред обозом, и роты выезжают» (с. 83), и Баязет попадал в плен.

Обещания героев, даже самые твердые, обычно не выполнялись. Так, Артаксеркс, предупрежденный Мардохеем о заговоре, велел записать имя того «в царственные книги, дабы в забвение то не было во веки», но затем забывал наградить своего спасителя (ср. с. 167 и 222). Заговорщики в том же «Артаксерксовом действе» «записями кровью» клялись действовать заодно, а потом один отрекся от другого (ср. с. 152 и 164). Адам обещал быть послушным богу, но не исполнял этого. Блудный сын

⁶ Другие примеры см. в статье: А. С. Демин. «Артаксерксово действо». — В кн.: Первые пьесы русского театра, с. 468—469.

говорил отцу: «... от мене дому разширится слава» (с. 141), но ничего, кроме позора, не приносил. Он же обещал господину, приютившему его, хорошо работать и быть верным, но не выполнял ни того, ни другого. Верность обещали, в свою очередь, блудному сыну и слуги, и тоже не выполняли обещания. В «Темир-Аксаковом действе» солдаты ручались сохранить жизнь задержанному «мужику»: «Не страпися, — говорил «мужику» один солдат, — я порука, что не убьют». «И я, и я ручаюся», — подтверждал другой солдат. Но, обыскав, тут же убивали «мужика» (с. 69—71).

Почти невозможно найти что-либо утверждаемое в пьесах как постоянное, неподвижное. Даже царские указы, которые нельзя было менять никому, в том числе и царям («... закон есть — никогда разрушати, еже царь едино повеле написати», — напоминали, например, Артаксерксу, — с. 253), даже эти указы в пьесах изменялись и отменялись. Так, Артаксеркс распорядился, чтобы под страхом смертной казни к нему никто не являлся без приглашения: «... никому мужскому и женскому полу вольно ко мне входити» (с. 177), но затем для Есфири делал исключение: «Аще мой есть и указ, но ты еси свободна» — от этого указа (с. 207). Точно так же, разослав указ о расправе над евреями, Артаксеркс потом рассылал «иные писма, яже прежнему указу не вредныя», но фактически его отменявшие (с. 253). Навуходоносор в пьесе Симеона Полоцкого менял не только свои отдельные распоряжения, но и свою веру.

В этой атмосфере неустойчивости⁷ для героев была характерна постоянно высказываемая неуверенность в дне сегодняшнем и дне завтрашнем: «Кто же весть, что еще и днесь приидет, «день чюдно начинался, ... бог весть, что к вечери еще и зде случится» («Артаксерксово действо», — с. 140, 226), «кто весть, кто из нас утре в живых будет?», «кто весть, что в пяти или шти днех вам может добро приключитися?» («Иудифь», — с. 398, 413), «бог убо весть, сколько нам жити» («Темир-Аксаково действо», — с. 75). Даже самоуверенный Змий в «Жалобной комедии об Адаме и Еве» выражал сомнение: «Чаю, чаю, что в сегодишном числе нечто намь противное учинится» (с. 128).

Герои, иногда ожидая любого поворота событий в данный момент, задавали себе вопрос: «Мощно ли сему безопасно и не ложно верити?» («Иудифь», — с. 394) — и поэтому не верили своим глазам. Когда, например, в «Артаксерковом действе» Мардохею по царскому указу воздавали почести, он все-таки сомневался: «Ох, что творят! В правду ли или в вящее поругание?» (с. 225). Когда Иудифь показывала осажденным соотечественникам отрубленную голову Олоферна, те, не смея надеяться на лучшее, сомневались: «Но истая ли то и самого ли Олоферна глава?» (с. 453). Когда возвращался домой долгожданный блудный сын, отец не верил этому, так что его спрашивали: «Се идет в двери, что не даш веры?» (с. 156).

Персонажи в пьесах как бы находились в готовности принять противоположное мнение о событиях или людях, вопреки тому, которое они обычно высказывали. Например, Олоферн в «Иудифи», абсолютно уверенный в своей победе, все-таки добавлял: «В три дни граду тому или в руках наших, конечно, быти, или мне, Олоферну, сию главу на плечах не носить» (с. 427). Служанка Иудифи знала, что ее госпожа не выйдет замуж.

⁷ Дополнительные примеры неустойчивости ситуации в пьесах, когда одно неверно понятое слово резко меняло судьбу героев, см.: О. А. Державина, А. С. Демин и А. Н. Робинсон. Появление театра и драматургии в России в XVII в. — В кн.: Первые пьесы русского театра, с. 37—39 (в написанном мною разделе «Общие черты драматургии 1670-х годов»).

«Вся вода вверх подимется, вси же горы и холми в глубину морскую повернутся, и вся вселенная переменится, когда госпожа моя едино замуж хочет итти», — говорила она и все-таки добавляла: «Аще же она за великого Олоферна пойдет, и аз же тогда возмогу. . . пойти» (с. 446). В «Малой прохладной комедии об Иосифе» сыновья с самого начала подготавливали отца, поверившего в гибель Иосифа, к противоположному предположению: «Кто вест, не ушел ли и еще в живых есть?» (с. 104).

Поэтому герои меняли мнение легко, почти мгновенно; и не составляло большого труда убедить, например, Артаксеркса в том, что «всего царства отец» Аман на самом деле «супостат», «смутитель», «злодей» и «убойца» (с. 235—238); внушить Еве и Адаму, что запретный плод вполне доступен — «прими токмо да вкушай» (пьеса об Адаме и Еве, — с. 121); доказать Навуходоносору, что одна вера лучше другой. Поэтому Вильга в пьесе об Иосифе с легкостью отказывалась от своей веры и от своего мужа: «Се и аз всех богов наших отвергуся. . . , тогда азъ мужа моего убью» (с. 110).

Из этих многочисленных картин и эпизодов пьес вытекал один и тот же вывод — все быстро меняется, все зыбко. В своих суждениях, обычно сосредоточенных в предисловиях, драматурги подчеркивали стремительность перемен в человеческой жизни. Предисловие к «Иудифи», например, указывало, что в мире столь быстро «премениет печаль зелную в счастье, что токмо скорбь пребыть во окомгновении» (с. 352). Эту мысль поддерживали и речи героев. Так, один из них убеждал собеседника: «Не веси ли, яко аще высокие дрevesа долго растут, но однакожде внезапно скоро токмо от единого громового удару или от бури болшия сокрушаютца?» (с. 380). В предисловии к пьесе об Иосифе внезапность перемен во взаимоотношениях людей сравнивалась со внезапностью укуса скорпиона, который «скоро воздвигнется» и «абие яд своей смертаносной испущает» (с. 93).

Не было и недостатка в высказываниях о неустойчивости жизненных обстоятельств и поэтому о необходимости быть настороже, не искушать судьбу своей уверенностью. «Кому бо не известно, — говорилось в «Иудифи», — что единая точию муха предражайшее благоуханное миро смердящим сотворити может?» (с. 356). В «Артаксерксовом действе» перемены «счастия» и судьбы сравнивались с капризами погоды. «Мню, — констатировал один из персонажей, — яко счастия ветр хочет обратитися» (с. 226). «О, царская милость со проклятыми честьми, — каялся другой персонаж, — яже удобнее, нежели ветр ся движет!» (с. 241). Поэтому Иудифь говорила: «Жизнь наша ничем иным есть, токмо опасением» (с. 406). В «Темир-Аксаковом действе» мысль об «опасениях» развивалась подробно. «Ничто человека так устрашит, — сообщалось в начале пьесы, — но как ожидание предбудущие дела, про которые он зело опасен и кручен. Занеже нам с породы скрытныя дела объявить не мочно и не можем знать, к добру или ко упадку» (с. 62). «Комидия притчи о блудном сыне» призывала в послесловии «на младый разум свой не уповати» (с. 160). Драматурги вполне отчетливо излагали и выражали свое жизненное кредо.

По количеству и логической четкости формулировок видно, что пьесы 1670-х годов писались уже с ясно осознанной мыслью о «пременности» мира; эта идея не зарождалась из самого материала пьес, а была ясна драматургам заранее и многое определила в тематике и структуре их произведений. Эта идея была даже шире того, что нашло художественное воплощение в театральных постановках. Например, в предисловии к «Артаксерксову действу» авторы, хоть и в смягченной форме, допускали мысль о «пременности» царской власти вообще («. . . сего же Артаксеркса власть, аще бысть велика, обаче ныне несть подобна»), о «пременности»

власти царя Алексея Михайловича («Натура скифетр оный иматъ положити»), о текучести всей вселенной («... и вся вселенная пройдет». — с. 103). В целом все дошедшие пьесы 1670-х годов были глубоко проникнуты идеей о неустойчивости, стремительной переменчивости окружающего мира и человеческой жизни.

* * *

Теперь уместно вернуться к вопросу: куда можно включить начальную русскую драматургию — в литературу древнюю или новую? Выраженное в пьесах художественное представление о разнообразии жизни и отсюда стремление к «живости» изображаемых людей выходили за рамки традиционной церковной идеи о брэнности человека и мира, о подготовке к потустороннему существованию. Если в древнерусских произведениях XV—XVI вв. иногда встречались изобразительные куски, описывавшие движения или внешность героев, то, как правило, лишь для того, чтобы подчеркнуть греховность или скоротечность прелестной жизни. Так, Александр Македонский в «Александрии» как бы совершал «экскурсию» в земную жизнь, постоянно в предчувствии смерти и суетности славы человеческой.⁸ Митрополит Даниил в поучениях живописал целующихся и наряжающихся, чтобы сурово вопрошать: «Почто упражняемся в суетных и мимотекущих прелестного сего житиа?»; «Что есть течение мира сего или есть сладость его? Что ли есть величество и слава его мимотекущая? Вся басни, вся паугина, вся дым — и трава, и цвет травный, и сень, и сон».⁹ Автор «Казанской истории» показывал, например, как красиво скачет его герой на коне, но скачет к смерти: «О прегоркая смерти злая, не милующи красоты человека. . . И где тогда красота, и храбрость, и величание? Все мимо иде, аки сон!».¹⁰ Драматурги же XVII в. не столько задумывались о скоротечности человеческого существования, сколько призывали погрузиться в «чюдные» и «пречюдные» течения и повороты реальной земной жизни.

Это было новое мироощущение; оно было сродни позднейшим литературным явлениям. Картины меняющегося мира и размышления по поводу многообразия перемен в жизни человека мы найдем у русских писателей и поэтов XVIII—XX вв. — от Кантемира, Радищева до Бунина и Шолохова. По этому признаку русскую драматургию 70-х годов XVII в., как мне кажется, можно связывать с литературой нового времени.

Новое мироощущение драматургов вело к новой, еще невиданной на Руси изобразительности. А «рост изобразительности», по наблюдениям Д. С. Лихачева, тоже являлся признаком перехода к литературе нового времени; тогда «принципиально важен был переход к детализированному видению».¹¹ Начальная русская драматургия явно вышла за пределы древнерусской литературы.

⁸ См. об этом: Я. С. Л у р ь е. Средневековый роман об Александре Македонском в русской литературе XV в. — В кн.: *Александрия. Роман об Александре Македонском. По русской рукописи XV века. Издание подготовили М. Н. Ботвинник, Я. С. Лурье и О. В. Творогов.* М.—Л., 1965, с. 155 и сл.

⁹ В. Ж м а к и н. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881, Приложения, с. 7, 37.

¹⁰ «Казанская история». Подготовка текста, вступительная статья и примечания Г. Н. Моисеевой. М.—Л., 1954, с. 139.

¹¹ Д. С. Л и х а ч е в. XVII век в русской литературе. — В кн.: *XVII век в мировом литературном развитии.* М., 1969, с. 304, 311. Ср. также: Д. С. Л и х а ч е в. 1) *Поэтика древнерусской литературы.* Л., 1971, с. 318, 383; 2) *Развитие русской литературы X—XVII веков. Эпоха и стили.* Л., 1973, с. 146, 153.

Однако сейчас уже недостаточно констатировать сходство тех или иных памятников XVII в. с литературой нового времени. Необходимо подробнее рассмотреть сам процесс перехода в пределах XVII—начала XVIII в. Внешняя картина такого перехода оказывается довольно неожиданной.

Прежде всего, каков круг «кандидатов» в новую литературу? Как ни странно, — это произведения, переведенные или сочиненные в России преимущественно в 60—70-х годах XVII в., не раньше и не позже. Это, во-первых, некоторые переводные повести, как например Повесть о Петре Златых Ключей и Повесть об Оттоне. Во-вторых, это отдельные стихотворения Симеона Полоцкого, — в дополнение к его пьесам. И, в-третьих, это сочинения протопопа Аввакума, в особенности «Житие». Указанные произведения 60—70-х годов XVII в. выделяются той яркой изобразительностью, за которой сквозит представление о непрерывной переменчивости мира. Люди в этих произведениях пребывают в движении, позы и жесты их детально прослеживаются. Общеизвестны, например, Аввакумовы описания того, как «волочатся» и «вякают» его герои. В отмеченных произведениях беспокойны даже младенцы, до изнеможения «ползающе под ногами и хватающе за нос», «осязавше руками своима» своих родителей (Повесть об Оттоне¹²).

Неустойчиво настроение людей, оно меняется все время. Как и в драматургии, герои то радуются, то «обомирают», то впадают в неистовый гнев, то каются. Вот характернейший факт внимания автора к людскому настроению. В короткой записке о последних увещаниях Симеона Полоцкого и Артемона Матвеева, обращенных к Аввакуму, тот предпочел не столько сообщить о самих переговорах, сколько описать колебания настроений боярина Матвеева. То у них много «крику», то боярин «говорил мягче», «со слезами», «кланяется низенко и прощается умилно», то вдруг «ему стыдно стало и против тово в сквозь зубов молвил».¹³ Переменчивый человек был в центре внимания Аввакума.

Можно привести примеры того, как в произведениях 60—70-х годов XVII в. неоднократно менялась внешность героев, так что они не узнавали друг друга, менялся интерьер и пейзаж. В Повести о Петре Златых Ключей дворцовые палаты то украшали, то приказывали «все украшение с стен снять и обить черными утварьми», то вновь указывали «купить драгих ковров», дабы покрыть стены «обитием драгим».¹⁴ Как и в драматургии, взлеты и падения героев следовали непрерывной чередой, — вчерашний ссыльный стоял «у руки» царя, нищий из богадельни становился королем, и, наоборот, как писал Аввакум о боярыне Морозовой, — «ездила, ездил в коретах; да и в свинарник попала».¹⁵

Как и драматурги, авторы повестей рассуждали о переменчивости человеческого бытия. «А то всегда на сем свете бывает, яко богатому, так и убогому. Не может человек, чтоб без какой печали и болезни век свой прожить», — так объясняла перипетии своих героев Повесть о Петре Златых Ключей.¹⁶ Симеон Полоцкий посвятил немало стихотворений вращающемуся колесу непостоянного «счастия». Аввакуму своя жизнь представлялась кораблем, испещренным «разными пестротами». Все они удивлялись «дивной сей вещи» — неисчерпаемой переменчивости жизни.

¹² Повесть зело душе полезна, выписана от древних летописцев из римских хроников. . . Изд. А. Е. Белякина. М., 1848, с. 20, 22.

¹³ Памятники истории старообрядчества XVII в., кн. I, вып. 1. — РИБ, т. XXXIX. Л., 1927, стлб. 704—706.

¹⁴ Текст цит. по кн.: В. Д. Кузьмина. Рыцарский роман на Руси. Бова, Петр Златых Ключей. М., 1964, с. 314, 324.

¹⁵ Памятники истории старообрядчества XVII в., стлб. 930.

¹⁶ В. Д. Кузьмина. Рыцарский роман на Руси, с. 321.

«Подумаю, да лише руками возмахну!», — говорил Аввакум по этому поводу.¹⁷

Сходство в мироощущении авторов столь различных по жанру произведений, как драматургия, переводная беллетристика, стихи Симеона Полоцкого и проза протопопа Аввакума, несомненно объясняется их общей ориентацией и реакцией на историческую действительность России 60—70-х годов XVII в. Однако в предлагаемой статье я не могу раскрыть эту тему и ограничиваюсь выяснением лишь внешней картины перехода русской литературы XVII в. к литературе нового времени.

Можно ли указанный круг произведений 60—70-х годов XVII в. причислить к новой литературе? Думаю, что все-таки нельзя. Перед нами явление именно п е р е х о д н о е. Художественное представление о переменчивости жизни недостаточно четко отделилось у авторов от церковной идеи бренности мира. Авторы, включая протопопа Аввакума, еще нередко попадали в традиционную колею поучений о скоротечности и ничтожности сей жизни. Поэт и монах Симеон Полоцкий мог в драме прославлять красоту и многообразие мира и одновременно сочинять стихотворение «Жизние наша пара», т. е. «Пара тонка и едва видится, тако жизнь наша кратка и в немнозе зрится».¹⁸

Представление о переменчивости жизни не было достаточно глубоким в XVII в. Оно в основном охватывало события вокруг человека, внешнее положение героя, его настроения, но не связывалось с изображением человеческих характеров. В нем было много механистического. В драматургии, по словам Д. С. Лихачева, высказанным в связи с данной статьей автору этих строк: «Движение действующих лиц — это какая-то замена настоящей внутренней жизни героя. Театр — кукольный, где действующие лица много жестикулируют потому, что нет иных средств выразить душевную жизнь. А душевная жизнь потому так экспрессивна, что она еще не доходит в своих тонких и сложных проявлениях. Кричать надо для глухого, жестикулировать и много двигаться — для того зрителя, который не привык к тесноте сценической площадки. Историю, битвы, судьбы людей надо втиснуть в размеры комнаты: вот и выход „рвать кулисы“, — как говорили в старину. Движения — эрзац размеров».

Переход к литературе нового времени происходил замедленно, о чем свидетельствует следующее явление. После 60—70-годов, в последней четверти XVII в., наблюдается определенный художественный спад. Нельзя указать таких произведений конца XVII в., в которых представление о переменчивости жизни воплотилось бы с такой же изобразительной силой, как ранее. Нет Аввакума, нет Симеона Полоцкого, нет драматургии. Зато получают распространение сочинения о суетности мира, близости смерти и пр. — различные вирши о смерти, «лествицы к небеси»; изображаются ад и орудия адских мучений, как например в «Пентатеугуме» Андрея Белобочко.¹⁹ Лишь с начала XVIII в. замечается возвращение к прежней изобразительности, в частности, в Повести о Фроле Скобееве и переводных драмах театра Кунста-Фюрста. Но в промежутке между 70-ми годами XVII в. и началом XVIII в., в последние десятилетия XVII в., пожалуй, происходит спад развития литературы. Переход к новому времени времени замедляется.

Если охватить взглядом литературу второй половины XVII в., то видно, что произведения 60—70-х годов, подошедшие наиболее близко

¹⁷ Памятники истории старообрядчества XVII в., стлб. 926.

¹⁸ Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. Вступительная статья, подготовка текста и примечания А. М. Панченко. Л., 1970, с. 128.

¹⁹ Об этих темах в поэзии последней четверти XVII в. см.: А. М. Панченко. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973, с. 202—207.

к литературе нового времени, окружены массой памятников, которые застыли на более низких ступенях перехода. Так, движущийся изменчивый главный герой уже появился во многих повестях со второй половины XVII в., но меняется лишь он один среди неподвижных «добрых людей». Таков молодец в «Повести о Горе-Злочастии», днем одетый в «драгие порты, чирь и чулочки», а вечером — уже в «гунку кабацкую». Таков Савва Грудцын, сегодня купец, завтра солдат, а послезавтра инок, — странный, беспокойный герой в окружающем его инертном мире. Таков королевич Василий Златовласый, переодетый в «матросское платье». Таковы, наконец, герои демократической сатиры XVII в. — какие-нибудь Фома и Ерема, муж ревнивый, «голый и небогатый человек», — неустойчивость судьбы и суетливость движений которых вызывают осуждение и раздражение у тех же неподвижных «добрых людей». Во всех этих произведениях подвижен лишь главный герой и нет авторских обобщений о переменчивости жизни и мира.

К этой группе повестей примыкает множество произведений второй половины XVII в., в которых ощущение всеобщей переменчивости выражено еще более примитивно. Их занимает человек лишь в его внешней, живой подвижности. По сравнению с прошлым движения людей в этих произведениях необычайно раскованы, но не более. Например, в «Великом Зерцале» могли описываться самые фамильярные жесты и движения пьяниц, которые требовали вышивки, «перстом к щеке шелкнув», а потом «нача тонцовати, часто выскакую и вертяся, мерзкие песни припевая».²⁰

Стремление описать человека в движении широко распространилось во второй половине XVII в. Оно ощущалось и в житийных чудесах, например в Житии Прокопия Устюжского, в известной повести о бесноватой Соломонии; оно ощущалось и в деловой письменности, особенно в грамотах царя Алексея Михайловича и в челобитных патриарха Никона. Новое стилистическое явление отразилось и в официальных руководствах и «чинах». Так, «Урядник сокольничья пути» предусматривал, например, что подсокольничий должен был подходить к царю «человечно, тихо, бережно, весело», — целая гамма движений и жестов!²¹ При желании можно собрать большую хрестоматию текстов изобразительного стиля второй половины XVII в. Но по своему мироощущению эти произведения еще сравнительно далеки от литературы нового времени.

То состояние, в котором пребывала русская литература второй половины XVII в., можно называть переходом к литературе нового времени, но переходом в широком смысле слова. Некоторые произведения 60—70-х годов XVII в. близко подошли к новой литературе, но начала ее не последовало. Большинство же памятников заметно отставало от высшего достигнутого уровня. По существу это был не столько непосредственный переход, когда до новой литературы оставалось сделать один шаг и он был сделан, сколько затянувшийся период подготовки; еще один период в развитии русской литературы, если угодно. Краткий же и бурный процесс непосредственного перехода, последний шаг перед возникновением новой русской литературы приходится, как мне кажется, на 10—20-е годы XVIII в.

Вторая половина XVII в. — период многосторонней подготовки к новому времени. Развитию русской литературы помогало изобразительное искусство. Кажутся сходными творческие устремления драматургов и

²⁰ Текст цит. по кн.: О. А. Державина. «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве. М., 1965, с. 201, 244.

²¹ Полное собрание законов Российской империи, т. I. СПб., 1830, с. 764.

некоторых иконописцев 60—70-х годов. Если первые хотели представлять на сцене, по их выражению, «живых персон», а события — «аки вещь живу», то вторые говорили о необходимости «живства» и «живоподобия» изображений. Влияние оказало и западноевропейское барокко. Недаром, по моим наблюдениям, существует сходство между пьесами первых драматургов России и драмами их знаменитого современника в Германии Андреаса Грифиуса. Короче говоря, периоды «последней» подготовки к новому времени и непосредственного перехода к нему требуют более внимательного и систематического изучения, чем это делалось до сих пор.

Н. Н. ПОКРОВСКИЙ

Новые сведения о крестьянской старообрядческой литературе Урала и Сибири XVIII века

Крестьянская старообрядческая литература XVIII в., выражавшая политический протест «под религиозной оболочкой»,¹ по своей форме была тесно связана с письменностью средневековой Руси; она законно привлекает к себе внимание русских медиевистов. Крестьянская старообрядческая литература далеко не всегда сохранилась в своем первоначальном виде. Сочинения сибирских старообрядцев XVIII в. отразились в главном историческом произведении наиболее мощного направления урало-сибирского раскола — в «Родословии часовенного согласия», которое, в свою очередь, было использовано в нескольких апологетических сочинениях старообрядческой историографии XX в. Однако авторы этих сочинений вовсе не ставили перед собой задач научной критики интересного источника, не пытались вычленивать его наиболее древние части и даже не всегда оговаривали, что именно из «Родословия» они черпали свои сведения о событиях XVIII в. В научной литературе «Родословие» известно не было, библиографии и описания старообрядческих сочинений (включая капитальный труд В. Г. Дружинина) молчат о нем.²

Между тем уже первая Тувинская археографическая экспедиция Сибирского отделения АН СССР летом 1966 г. познакомилась с двумя списками этого памятника и установила, что он достаточно распространен среди старообрядцев Сибири. Однако в первые годы экспедиционных работ невозможно было не только приобретение, но даже копирование «Родословия». В настоящее время Институт истории, философии и филологии Сибирского отделения Академии наук СССР (ИИФиФ) располагает одним списком памятника, а также копиями трех других списков. Следы пятого списка, виденного в Туве в 1966 г., в настоящее время утеряны. Все эти списки относятся к XX в. Кроме того, приобретен очень краткий конспект некоторых разделов «Родословия» в двух различных вариантах. В Государственном архиве Тюменской области в Тобольске (ГАТОТ) обнаружена небольшая рукопись конца XIX—начала XX в., озаглавленная «Жития сибирских отцов», оказавшаяся особой редакцией исторического сочинения XVIII в. — «Рукописи о древних отцах», использованной составителем «Родословия» и иногда помещаемой вместе с ним.

Два наиболее исправных списка «Родословия» переписаны примерно лет 40 назад рукой умершего в 1970 г. бывшего руководителя одного из тувинских скитов о. Палладия (в дальнейшем обозначаем эти списки в их

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 4, с. 228.

² Аф. Кузнецов. Исторические очерки уральского старообрядчества. — Уральский старообрядец, 7423 (1915) г., № 11, с. 16—30; № 12, с. 21—30; ср.: В. Г. Дружинин и др. Писания русских старообрядцев. Перечень списков, составленный по печатным описям рукописей. СПб., 1912.

хронологической последовательности — P_1 и P_2). ИИФиФ располагает сейчас лишь микрофильмом списка P_2 и ксерокопией списка P_1 (рукописи были возвращены переписчику).

Скит Палладия был связан преемственно с ялуторовским скитом XVIII—XIX вв. Дионисия—Максима—Нифонта, история которого стоит в центре внимания «Родословия». Эта связь подчеркнута и в самих списках P_1 и P_2 , где прослеженная составителем «Родословия» линия преемственности черноризцев часовенного согласия продолжена вплоть до самого Палладия (данные этого продолжения заслуживают доверия: многочисленные очевидцы подтвердили нам и реальность существования упоминаемых здесь лиц, и правильность фиксации отношений между ними). Имеется и другой вариант подобного продолжения — алтайский.

Перечисленные выше рукописи «Родословия» (или восходящие к нему памятники) заметно отличаются друг от друга по составу, а иногда — по стилю и полноте. Такое разнообразие в списках основного исторического сочинения часовенных объясняется, на наш взгляд, крайней децентрализованностью этого согласия и сохранением среди переписчиков-часовенных древнерусской традиции свободного обращения с материалом переписываемого памятника.

Списки P_1 и P_2 дают наиболее полный и исправный текст памятника; в рамках собственно «Родословия» имеются лишь незначительные расхождения между P_1 и P_2 . Но в списке P_1 «Родословие» почти незаметно переходит в самостоятельный памятник XIX в. «О священной епархии христианской и пустынных жителей» (имеющий общие с «Родословием» источники XVIII в.); его можно считать здесь одной из глав «Родословия», следующей после раздела 6. В списке же P_2 вместо этого текста к «Родословию» присоединена обширная выписка из «Винограда Российского» С. Денисова. Это сочинение видного деятеля поморского согласия XVIII в. было широко использовано историографом часовенных для своего «Родословия», особенно — при освещении событий XVII—начала XVIII в.

Приобретенный в 1969 г. ИИФиФом в г. Бийске список «Родословия» (в дальнейшем — *В*) значительно отличается от списков P_1 и P_2 . В списке *В*, созданном в XX в., вообще отсутствует раздел 6, имеющий немало параллелей с разделом 5. Весь предыдущий текст подвергся значительным сокращениям, хотя позднее часть из них была восстановлена иным почерком, другими чернилами на полях и между строками, и смыслового значения вся эта правка не имеет. Вместо раздела 6 в списке *В* в качестве составной части «Родословия» приводится, начиная с л. 8, самостоятельное догматическое сочинение конца XIX в. о прекращении приема священников официальной церкви в часовенное согласие. Оно включено в текст без какого-либо структурного вычленения или указания на источник и несомненно базируется на более древних материалах, хорошо знакомых составителю «Родословия». Затем в списке *В* следует сокращенная редакция «Рукописи о древних отцах», памятника первой половины XVIII в., который был очень широко использован в «Родословии», что привело к многочисленным дословным повторениям в списке *В*. Далее без какого-либо перехода или вычленения следует краткая редакция небольшого исторического сочинения конца XIX в. «О священной епархии христианской и пустынных жителей». Пропущенный раздел 6 «Родословия» очень кратко законспектирован на обороте последнего листа памятника тем же почерком, которым были восстановлены сокращения в первых разделах.

Эта же «Рукопись о древних отцах», лишь слегка переработанная, составила упомянутую выше небольшую книгу конца XIX—начала XX в. (в 8-ку, 16 л.), хранящуюся в ГАТЮТ. Первоначальный текст XVIII в. был подвергнут очень незначительному языковому и стилистическому

редактированию, но был разбит на две части («Житие Феодосия» и «Житие Авраамия»); заголовки этих частей и общий заголовок книги называют их житиями, хотя перед нами повествование исторического, а не агиографического жанра. Кроме того, в текст списка, хранящегося в ГАТОТ, включены фрагменты какого-то другого сибирского исторического повествования XVIII в.

«Родословие» остается главным историческим сочинением часоенных. Одновременно оно выполняет нелегкую задачу исторически и догматически оправдать смену отношения к приему православных священников, которая произошла у часоенных на грани первой и второй четвертей XIX в., когда это согласие на практике превратилось из поповского в беспоповское. Связанная с этим полемика, внутренние раздоры, упреки со стороны других согласий заставили руководителей часоенных с особым вниманием относиться к проблеме достоверности исторических сведений XVIII в., приведенных в «Родословии», специально доказывать непогрешимость его «источниковедческой базы», фиксировать историю его создания. Поскольку лишь «Родословие» и некоторые сопутствующие ему памятники знакомят нас с многими ранее неизвестными произведениями сибирской крестьянской литературы XVIII в., все эти проблемы представляют немалый интерес и для нас.

Из числа известных в настоящее время рукописей наибольшее внимание к истории создания «Родословия» и к его источникам проявляет сборник, найденный в Тувинской АССР, в составе которого находится список П₁. Собственно говоря, почти все памятники этого сборника связаны с «Родословием», его источниками и позднейшими соборами часоенных; составитель постарался включить в него все доступные ему источники «Родословия» и отразить историю его создания.

Сборник написан в 4-ку, на 143+5 лл., на белой, зеленой и синей бумаге, линованной, без штемпелей и водяных знаков, полууставом середины XX в., приближающимся подчас к скорописи. Переплет — доски в коже, застежки.

Содержание сборника

Лл. 1—8 об. — Правила Иппонского собора (на них ссылаются постановления Рамыльского собора).

Лл. 9—15 — Постановления Рамыльского собора часоенных 21 января 1890 г., с включением правил Теренкульского собора 1881 г. (лл. 11—14).

Лл. 16—20 об. — Постановления Екатеринбургского собора 11 января 1887 г. (сокращенная копия).

Лл. 21—24 — Бийское соборное уложение (22—25 ноября 1912 г.).

Лл. 24—25 — Постановления второго Бийского собора (6 ноября 1916 г.).

Лл. 26—31 об. — Постановления собора на займке Юльевской «Чулымской местности» (1—2 февраля 1909 г.).

Лл. 32—37 об. — Послание отца Саввы с братиею к матушке Анатолии с сестрами, с рассказом о раздорах среди часоенных и изложением своих постановлений.

Лл. 38—64 об. — Послание неизвестного к Алексею Дмитриевичу с братией, содержащее ответы на их вопросы, возникшие у них в спорах с Коноваловым. Ответы подробно говорят о часоенном «Родословии» и истории его создания о. Нифонтом (после Екатеринбургского собора 1887 г.).

Лл. 65—100 об. — Родословие часоенного согласия («Краткое описание о бегстве православнаго христианскаго благочестиваго священства, влекущаго благословение от Иосифа-патриарха по лестнице нисходящей друг друга предатне, аки жребий предающе; веруем, яко сие и до нас последних дойде») — список П₁.³

³ После л. 95 вложен лист в 8-ку, на котором рукой Паллады сделан список «Священники после инока схимника Максима». Лист этот написан и вложен сюда после 1967 г., когда Паллады отдал археографической экспедиции СО АН более подробный вариант этого списка, написанный им несколько десятилетий назад, в молодости. Список представляет собой краткий конспект соответствующих листов сборника (лл. 92—94).

Лл. 101—102 об. — «О священной епархии христианской и пустынных жителей». Сочинение уральского инокка Кастора, написанное им около 1866 г., с биографией инокка схимника Максима (XVIII в.) и перечнем его преемников.

Лл. 103—108 — «Рукопись о древних отцах»; начинается с крещения Руси. Сочинение XVIII в. об урало-сибирских поповцах XVII—XVIII вв., в основном — о Феодосии (его пребывание на Дону), Авраамии и его последователях.

После *л. 108* вклеены 5 листов, на которых почерком Палладия переписаны:

а) *лл. 1—3 об.* — «Рукопись инокка Тарасия» (1724 г., 11 января) с изложением решений собора 29 мая 1723 г. на р. Ирюме, в дер. Крысановой;⁴

б) *лл. 4—5 об.* — Послание Мирона Ивановича Галанина Стефану Ивановичу Тюменскому от 2 октября 1774 г. с описанием своего заточения в Тобольске и жестокости митрополита Павла Конюсевича.

Лл. 109—140 — «Предлагается собранное от Божественного писания во здраворазсудное рассмотрение чтущим и послушающим, еже имети великое опасение, и никакого же ни в чем же не творити снисхождения к новшествам, нарушающим древняя святых отец предания утверждения, хранити в ненарушимости вечно христианом оная, собранное инокком схимником Максимом». Пространные выписки из Кормчей, творений отцов церкви с «надсловиями праваго разумения отца Максима».

Лл. 141—143 об. — Выписки из печатных исторических книг о расколе — А. К. Бороздина, Александра Б.[ровковича] и др.

Хотя, возможно, не во всем список P_1 отражает первоначальную редакцию «Родословия», из всех имеющихся в нашем распоряжении списков памятника он основной; список P_1 включен в тщательно тематически составленный тувинский сборник в качестве главной части его, окруженной другими тесно связанными с «Родословием» памятниками.

* * *

Послание к Алексею Дмитриевичу (лл. 38—64 об.)⁵ так излагает историю создания «Родословия». На Екатеринбургском соборе 11 января 1887 г. в присутствии многочисленных представителей основных центров часовенных Урала и Сибири «было взыскание о том более, почему наши претки принимали священство от росийския церкви, а потом впоследствии то же священство и от той же церкви не стали принимать» (л. 40). Как известно, основной догматической причиной своего радикального поворота к беспоповству часовенные объявляют распространение «обливательного» крещения в «никонианской» церкви, которое уже не может быть «исправлено» ранее принятым у часовенных перекрещиванием вторым чином. В итоге споров на Екатеринбургском соборе эта точка зрения была еще раз подтверждена и было признано желательным создание сочинения, укрепляющего подобный взгляд ссылкой на историческую традицию часовенных, на авторитет лиц, выступавших в XVIII в. против «обливательного» крещения. Сочинение это должно было одновременно стать «родословием» тогдашних скитских и заводских центров часовенных, обязано было

⁴ Собор этот принял первое в истории урало-сибирских софонтиевцев (часовенных) решение о приеме белуго священника — известного впоследствии Семена Васильевича Ключарева, утвердил несколько обрядов и чинов. Соборные отцы стремились быть законопослушными и лояльными к светской власти, о чем свидетельствует, в частности, третий пункт их «уложения»: «Установлено правительством христианам платить двойной оклад за веру [в] 1716 и 1722 году, носить особое платие из зипунов со стоящим клееным козырьком. Собор постановил не прекословить, а повиноваться власти». Как известно, старообрядцы Урала и Сибири на практике не очень часто слушались этого постановления. Соборное уложение 1723 г. вторично подчеркивает: «Власть земную не оскорблять, но молиться за них, и дары им приносить, дабы тихо и безмолвно житие поживем». Подкуп старообрядцами властей был явлением обыденным, сочетался с неприкрытым вымогательством со стороны светской и духовной администрации. Но все это не ликвидировало постоянных острых конфликтов староверов с властями. Сейчас нам важно подчеркнуть тенденцию самих соборных решений.

⁵ Здесь и далее обозначение листов без указания рукописи относится к тувинскому сборнику со списком P_1 (собр. ИИФиФ СО АН, № 9/71-2).

проследить линию преемственной связи этих центров с известными старообрядческими деятелями XVII—XVIII вв. и рассказать об их «подвигах». Последняя тема неизбежно приводила к не очень-то желательным для законопослушных уральских старообрядческих руководителей конца XIX в. сюжетам — к истории борьбы часовенных XVIII в. с официальной церковью и властями. Хотя и заслоненные, затупеванные догматическим обрамлением, сюжеты эти не могли быть, однако, совсем обойдены в «Родословии», с его широким использованием подлинных источников XVIII в.

Собор постановил поручить составление «Родословия» о. Нифонту — тогдашнему руководителю одного из наиболее древних и авторитетных скитов, расположенного в ялutorовских лесах (заимка братьев Колмаковых). В его распоряжение предоставлялись все древние рукописи, как часовенных, так и других согласий, издания документов, исторические монографии, какие только могли добыть участники съезда. Перед Нифонтом съезд поставил четыре задачи: описать мученическую кончину одних противников Никона и официальной церкви, бегство и скитания других, историю основанных ими центров старообрядчества, решение старообрядцами XVII—XVIII вв. вопроса о приеме священников, бежавших от «никониян».

Послание к Алексею Дмитриевичу, написанное одним из учеников Нифонта, подробно славословит ту тщательность, с которой Нифонт, исполняя поручение, основывал свое сочинение на подлинных древних рукописях, старательно сверяя их друг с другом. Славословия эти далеки от истины: источниковедческого анализа, критики источников на основе их сравнения в «Родословии» практически нет, это — компиляция из многочисленных источников, главным образом XVIII в., сохранившая поэтому немало повторений и противоречий. Но как раз компилятивный характер труда Нифонта увеличивает ныне его ценность в качестве единственного подчас источника, позволяющего судить о тех произведениях урало-сибирской крестьянской литературы XVIII в., которые были в распоряжении Нифонта, но теперь утрачены (к счастью, некоторые из источников Нифонта были разысканы и скопированы позднее вместе с «Родословием» в только что описанном нами тувинском сборнике и в нескольких других сборниках, обнаруженных в 1972—1974 гг. экспедициями СО АН).

Написанный рукою Нифонта автограф «Родословия» в начале XX в. хранился в скиту Нифонта, где с него были сняты две точных копии; ни автограф, ни эти копии сейчас неизвестны, а последующие списки, сохраняя ядро памятника, видоизменяли и распространяли заключительные части его. Так, например, в списки P_1 и P_2 в конце раздела 6 умело вставлены панегирик самому Нифонту и традиционно-правоучительное описание его кончины в 1890 г. Интересно отметить, что конспект этого раздела, приписанный на обороте списка B , был сделан по какому-то более раннему варианту «Родословия», где посвященный Нифонту текст еще отсутствовал. Как уже говорилось, из текста «Родословия», Послания к Алексею Дмитриевичу и других памятников сборника, содержащего список P_1 , можно узнать довольно много об источниках «Родословия».

Именно эта проблема интересует нас в первую очередь, ибо ее решение дает исключительную возможность получить сведения о крестьянской урало-сибирской литературе XVIII в. Компилятивный характер «Родословия» заставляет отнестись со вниманием и к тем известиям этого сочинения о XVIII в., источник которых не назван, — они, как правило, доносят до нас фрагменты каких-то памятников, созданных в XVIII в. сибирскими и уральскими крестьянами-старообрядцами.

Автор «Родословия» неоднократно снабжает свой текст указаниями на его источники. Не будем останавливаться на тех из них, которые не

имеют прямого отношения к нашей теме, — труды историков XIX в., издания документов, в частности, «Собрание государственных грамот и договоров», общеизвестные исторические сочинения XVIII и XIX вв., произведения старообрядческих писателей других согласий, особенно А. и С. Денисовых и И. Курносова. За вычетом всего этого в «Родословии» остается немало ссылок на памятники урало-сибирской старообрядческой литературы XVIII в. и обширных цитат из них; некоторые приведены полностью в тувинском сборнике, в качестве своеобразного приложения к списку *П*₁.

Суммируя все эти указания, цитаты и полные тексты, можно несомненно констатировать, что крестьянская старообрядческая литература Урала и Сибири в XVIII в. была обширна и многообразна. Памятники ее бережно хранились в крестьянских избах, затерянных в тайге заимках и скитах. Несмотря на розыски, конфискации, гонения со стороны официальной церкви, в конце XIX в. еще существовало немало произведений этой литературы, и Нифонт смог воспользоваться ими при составлении «Родословия».

Анализ «Родословия» позволяет говорить о наличии в XVIII в. на Урале и в Сибири оригинальных сочинений, в первую очередь — исторических повествований, посвященных старообрядческим центрам и их руководителям («описания о жизни претков наших» не раз упоминаются среди источников Нифонта), агиографических произведений, синодиков, догматических сочинений сибирских старообрядцев по основным проблемам полемики поповщины и беспоповщины, соборных определений, различных посланий.

Однако несколько исторических повествований XVIII в., использованных в «Родословии», дошло до нас и в самостоятельном виде: в копии, помещенной вслед за списком *П*₁, в двух сборниках, бытовавших в Горной Шории и на Алтае, и в иной редакции — в упомянутой рукописи ГАТот и в одном из сборников Синодальной коллекции Центрального государственного исторического архива (ЦГИА).⁶ Эта «Рукопись о древних отцах» (так она озаглавлена в тувинском сборнике) заслуживает особого внимания.

Повесть излагает сначала некоторые события общерусской истории раскола, преимущественно — последней четверти XVII в., связанные с именем известного донского расколоучителя попа Феодосия, а затем переходит к урало-сибирскому старообрядчеству первой четверти XVIII в.; имеется одно небольшое упоминание о тобольских делах, которые документами архива сибирского архиерейского дома⁷ несомненно датируются серединой XVIII в. Это упоминание (так же как и ссылка на крещение Руси при Владимире) случайно и не мешает определению хронологических рамок событий, описанных в повести, — последняя четверть XVII—первая четверть XVIII в.

Хотя автор «Рукописи о древних отцах» несколько раз говорит о себе в первом лице, он не называет себя. Не делают этого и позднейшие переписчики памятника. Автор принадлежал, видимо, к старообрядческому монашеству, по всей вероятности — скитскому. Об этом свидетельствует не только характерная близость к скитскому повествованию о жизни «древних отцов» — пустынников. О том же говорит и заключительная фраза памятника: «Тако, братия истиннии послушницы, по прошению вашему поведал вам виденное и слышанное от древних отцов» (л. 108).

⁶ Собр. ИИФиФ СО АН, № 1/73-2; ГАТот, ф. рукописных книг, № 220; ЦГИА, ф. 834, оп. 2, № 1418, лл. 4 об.—15 об.

⁷ ГАТот, ф. 156, оп. 1, 1750 г., № 170, л. 196.

Мирянин употребил бы другое обращение. Подобная же формула заключает первую часть повести, посвященную Феодосию (л. 105 об.); говоря о свидетельстве того или иного очевидца, автор повести подчеркивает: «... так нам (а не мне, — Н. П.) поведал» (л. 104 об.), имея в виду несомненно какую-то скитскую братию. В заглавии этого же памятника, помещенном в сборнике XIX в. Синодальной коллекции рукописей (ЦГИА), прямо сказано, что автор его — инок, хотя и не говорится, какой братии. Это не братия скита Дионисия — Максима—Нифонта (автора «Родословия»). В центре внимания автора «Рукописи о древних отцах» жизнь другого старообрядческого района — Западной Сибири: по р. Ирюму, близ деревни Ильиной. Главный персонаж сибирской части повествования — инок Авраамий, наиболее авторитетный расколуучитель тех мест, и его ученик Тарасий. Возможно, именно поэтому Нифонт широко использовал лишь общерусский материал «Рукописи о древних отцах»; урало-сибирские сведения этой повести отражены в «Родословии» очень незначительно (ср. лл. 97 и 105), причем всё, относящееся к Авраамию и Тарасию, Нифонтом опущено.

Автор «Рукописи о древних отцах» был очевидцем многих описанных в ней событий, а о других узнал непосредственно из рассказов участников, от самих «древних отцов» или их учеников. Он сообщает, в частности, что рассказ о жизни Феодосия написал со слов своего ученика Корнилия Ипатьева, который побывал в Сибири уже после смерти учителя, около 1723 г.

Рассказывая о начале отделения жителей уральских демидовских заводов от официальной никонианской церкви и их переходе в старообрядчество, автор «Рукописи о древних отцах» ссылается на собственные воспоминания, подчеркивая, что он сам еще застал на заводах первых тамошних «древних отцов». Перечень этих отцов достоверен и подтверждается документами Сената, Синода и Тобольской консистории.⁸ Но, к сожалению, во всех известных списках он начинается фразой с весьма фантастической датой: «В заводе отцов было древних много, мы застали [в] 7208-м году». В 1700 г. не было еще ни самих демидовских заводов, ни многих из перечисленных далее «отцов» и иконов. Все они действовали на Урале и в Западной Сибири позднее, в 1730—1740 гг. (среди них, например, упоминается известный руководитель массового антицерковного движения середины 30-х годов XVIII в. Евфимий Сибиряк; большинство перечисленных здесь лиц пришло на Урал с Керженца в 20-е годы, — л. 97 об.). Возможно, здесь мы имеем дело с частой в древнерусской письменности ошибкой переписчика, спутавшего в дате букву $\bar{\text{И}}$ (8) с буквой $\bar{\text{Н}}$ (50); тогда первоначальная дата должна была быть 1741—1742 гг., и, следовательно, сама «Рукопись о древних отцах» была в таком случае создана позднее этой даты. Упомянутый список «древних отцов» не сопровождается каким-либо рассказом об их деятельности, за ним следует лишь несколько риторических фраз, не содержащих каких-либо конкретных фактов. Рассказ же нашего памятника о реальных урало-сибирских событиях ограничен более ранним временем — первой четвертью XVIII в.

Главное лицо рассказа — инок Авраамий, ушедший из Далматова монастыря вследствие несогласия с никоновскими реформами и основавший крупный старообрядческий центр на р. Ирюме. Его жизнь описана простым, подчас даже разговорным языком (например, рассказ о дерзком побеге уже престарелого Авраамия из тобольских архиерейских застенков, — л. 106 об.); какие-либо риторические украшения, отступления от конкретного рассказа отсутствуют. И лишь в самом конце, как бы спохва-

⁸ ЦГАДА, ф. 248, оп. 14, кн. 779, лл. 500—594; кн. 783, лл. 400—800; ЦГИА, ф. 796, оп. 17, № 272; ГАТот, ф. 156, оп. 1, 1753 г., № 53.

тившись, автор «Рукописи о древних отцах» отдает дань этикетным требованиям агиографического повествования о кончине благочестивого пустынноика и обильно снабжает рассказ всеми приличествующими случаю чудесами и рассуждениями.

Но и здесь законов житийного жанра выдержать не удалось: изложением посмертных чудес от мощей Авраамия его жизнеописание вовсе не завершается, как следовало бы для жития. Автор вдруг вспоминает некоторые ранее опущенные им факты из жизни Авраамия на Ирюме, весьма важные как для общей повествовательной линии памятника, так и для его догматической тенденции (в связи со старообрядческими спорами о причастии).⁹ Это — факты получения Авраамием запасного причастия с Дона, от Феодосия. И рассказ о них, связующий воедино обе части «Рукописи о древних отцах», непоследовательно помещается вслед за описанием посмертных чудес, связанных с мощами Авраамия; элементы этикетных требований агиографического жанра отступают на задний план перед необходимостью связать повесть об урало-сибирском расколе с общерусской историей старообрядчества. (Второй раз подобная связь будет сделана в самом конце памятника, когда уже после рассказа об ученике Авраамия Тарасии автор опять вернется к Авраамию для патетического, хотя и не вполне достоверного, сообщения о его встрече с известным керженским деятелем, родоначальником будущих часовенных — Софонтием, — л. 108).

Элементы агиографического жанра в «Рукописи о древних отцах» делают понятной попытку одного из старообрядческих переписчиков XIX в. представить весь этот памятник, слегка переработав его, в виде двух житий — Феодосия и Авраамия.¹⁰ Попытка эта вполне объяснима еще и потому, что культ старообрядческих «древних отцов», поклонение их мощам, рассказы о различных чудесах были обычным явлением для религиозного сознания урало-сибирских старообрядцев не только XVIII—XIX вв., но и более позднего времени.¹¹

Однако попытка превратить «Рукопись о древних отцах» в два жития лучше всего показала, насколько слабы агиографические элементы в этой повести о начале урало-сибирского старообрядчества. Лишь кое-где — в описании «страданий за веру», чудес — в этих странных «житиях» чувствуется агиографическая традиция, все же остальное необходимо не столько для рассказа о том или ином «подвижнике», сколько для логики повествования о данном старообрядческом направлении в целом.

Такая широта задачи повести сочетается с крайней узостью материала: «древние сибирские отцы» для автора «Рукописи» — почти исключительно ирюмские расколоучители; ему известны и некоторые другие имена, но о жизни этих других, заводских, расколоучителей, он ничего не знает. История ялutorовского центра Дионисия—Максима здесь полностью

⁹ Эти сведения подтверждаются судебными делами Тобольской консистории: ГАТОТ, ф. 156, 1746 г., № 24, лл. 52—53; 1750 г., № 170, лл. 120—122.

¹⁰ ГАТОТ, ф. рукописных книг, № 220.

¹¹ Вопрос о мощах, житиях и иконах старообрядческих «лжеучителей» был обычным в XVIII в. Значительная часть обширного следствия в Тобольской консистории по делу ирюмского скита Гаврилы Мороки была посвящена механике организации многочисленных чудес этим экзальтированным фанатиком, выходящем из крестьянской семьи (ГАТОТ, ф. 156, оп. 1, 1746 г., № 24). О поклонении мощам самого Гаврилы Мороки сообщается в одном донесении, видимо в связи с эсхатологическими взглядами крестьян, в 1784 г. (ГАТОТ, ф. 156, оп. 1, 1783 г., № 149, II, лл. 24—25). Летом 1970 г. археографическая группа ИИФиФ СО АН видела и скопировала на Рудном Алтае (Восточно-Казахская область) житие настоятельницы Покровского монастыря на р. Убе матушки Ираиды, умело составленное между 1912 и 1926 гг. одной из учениц Ираиды — Афанасией; житие заканчивалось посмертными чудесами.

отсутствует, хотя имя самого Максима мельком упоминается. Нет здесь и тарского центра старообрядцев-поповцев, довольно близких к Авраамии по своим догматическим взглядам. А ведь именно тарские старообрядцы в 20-е годы XVIII в. прославились значительным и резким выступлением против никониан и царской власти. Но на причинах этого умолчания удобнее остановиться позднее.

«Рукопись о древних отцах», переработанная в жития Феодосия и Авраамия, была пополнена в тобольской редакции другим иркутским материалом XVIII в. — о старообрядцах, живших здесь до прихода сюда в начале 20-х годов XVIII в. известного руководителя урало-сибирских староверов-поповцев Никифора, и о Корнилии Ипатьеве, ученике Феодосия. Хотя источник этих сведений не указан, нетрудно доказать, что они заимствованы из какого-то не дошедшего до нас исторического повествования, принадлежащего перу смелого и весьма колоритного крестьянского писателя — Мирона Ивановича Галанина.

* * *

Имя это было хорошо известно в середине XVIII в. делопроизводителям и чинам тобольского архиерейского дома, а спустя 30 лет оно уже не раз встречалось в делах Синода и даже Сената.

В 40-е годы в деревнях, затерянных среди обширных болот и лесов с. Кармацкого Тюменского уезда, вокруг крестьянина-старообрядца Мирона Галанина складывался один из очагов пассивного сопротивления духовным и светским властям. Проповедь Галанина увлекала в далекие лесные избушки многих крестьян, убежавших от налогов, от притеснения попов-«щепотников». В начале 50-х годов, когда фанатическая жестокость митрополита Сильвестра Гловатского вызвала целую волну протеста мастеровых и крестьян и привела к десяткам массовых самосожжений, в лесных убежищах Мирона Галанина стало особенно многолюдно. Шумные «сборища» укрывавшихся здесь окрестных жителей обсуждали неизбежность традиционного трагического ответа на преследования в случае, если они будут обнаружены военными командами, посланными для их поиска. Но беглецов тогда не обнаружили, и самосожжение не состоялось.

Местоположение тайных лесных избушек Галанина стало известно несколько позднее, в октябре 1753 г., когда с удалением Сильвестра Гловатского общий накал борьбы стал временно стихать.¹² О главном тайнике Мирона Галанина, расположенном вдали от населенных мест, «между непроходимыми и великими болотами, на острове, в великих лесах в двух избушках», донес в Тобольскую консисторию церковный дьячок с. Кармацкого Антон Бабайлов. Он сообщил, что там же, кроме «беглых мужиков», живет известный расколучитель инок Пахомий. В марте 1754 г. трое кармацких церковнослужителей, взяв с собою трех вооруженных татар, преодолели по зимнему пути болото и попытались захватить обитателей этого скита. С Галаниным в это время, кроме его друга Михаила Девяшина, было лишь четверо беглых крестьян (Пахомий успел уйти). Тем не менее священнику Григорию Мухину пришлось донести, что экспедиция его не увенчалась успехом: «Оных раскольников за многолюдством и отгнанием оружием и копьями мне в малолюдстве взять было невозможно».

Перед началом этого «отгнания» раскольники успели не без гордости сообщить, что в подобных избушках собралось немало крестьян Исетской

¹² ГАТОН, ф. 156, оп. 1, 1755 г., № 245.

провинции, убежавших от преследований и готовых «гореть за веру Христову». Открывшийся после этого двухчасовой диспут на предмет выяснения истинной веры окончился не в пользу служителей официальной церковной догмы: Мирон и Михаил «на увещания не склонились, но точно лаятели и терзатели мать нашу церковь кафолическою явились и называли еретической». Мало того, Галанин даже называл при этом самого тобольского митрополита халдеем — аттестация, весьма оскорбительная для каждого, почитающего Ветхий Завет (вскоре Галанин имел возможность и смелость повторить эту выразительную характеристику в застенках Тюмени и Тобольска).¹³

Не осилив своих идейных противников в открытом споре, церковники прибегли к более привычному методу убеждения — они вызвали военную команду во главе с самим тюменским воеводой; Галанин и пятеро его товарищей были арестованы. Еще несколько лет воинские команды вылавливали по окрестным лесам крестьян, бывших «в зборище к сожжению с Мироном Галаниным», и безуспешно разыскивали Пахомия. Интересно отметить, что при захвате в декабре 1755 г. группы крестьян из окружения Галанина у них была найдена среди других «книга письменная гладью (т. е. скорописью, — *Н. П.*) о разном раскольническом толковании, да тетрадок гладью писаны и малерованая, всего 11».¹⁴ Почти 30 лет спустя, в 1784 г., при новом аресте друга Галанина Михаила Девяшева (он и на этот раз был арестован одновременно с Галаниным), было захвачено 30 книг и рукописей.¹⁵

Первое заточение Мирона Галанина было очень длительным и мучительным. Он смог опять вернуться на родину, на Ирюм, лишь через 20 долгих лет, претерпев в «тобольских казематах» немало пыток и истязаний. 2 октября 1774 г. он сообщает своему другу Степану Ивановичу Тюменскому: «Пищу со слезами от радости, друг мой присный, что сподобил мя господь видеть родной мой край; много было горя, когда я находился в городе Тобольске» (л. 104). В тюремных подвалах Тобольского архиерейского дома, в кельях Знаменского монастыря, узников, законченных в колодки, притянутых цепями к стене, в перерыве между пытками консисторские чины убеждали вернуться в ограду официальной церкви; отказавшиеся обратиться в православие погибали обычно довольно быстро, и следственные дела таких упрямцев заканчивались стереотипным приказанием митрополита — «загрести мертвые телеса» в овраге за городом тайно, без погребального обряда. Неудивительно, что обращение узников в православие при таких условиях было частым явлением. Тобольские митрополиты в рапортах своих в Синод любили приписывать это убедительности собственной богословской риторики.

Но Галанина не удалось ни сломить, ни замучить. Много позднее, в 1784 г., во время новых духовно-полицейских «увещаний» обратиться в православие, Мирон Иванович не без гордости отвечал священникам, что оставался тверд и в более тяжелых испытаниях: «... и голова-де уже моя на плахе была, и кнутом бит неоднократно, и руки в хомуте были, и рога на шее носил, и в книги ваши росписи духовные (православных прихожан, — *Н. П.*) меня не пишете».¹⁶

Гордо и стойко перенесший все муки крестьянин пользовался в Ялуторовском уезде огромным влиянием и умело использовал свой нелегко добытый престиж мученика. Уже через несколько лет после возвращения Галанина на родину Тобольская консистория и Синод убедились, какую

¹³ ГАТОН, ф. 156, оп. 1, 1753 г., № 193, XV, лл. 1—8.

¹⁴ ГАТОН, ф. 156, оп. 1, 1755 г., № 245, лл. 1—11.

¹⁵ ГАТОН, ф. 156, оп. 1, 1783 г., № 149, IV, л. 144.

¹⁶ Там же, л. 145.

дорогую цену официальной церкви придется уплатить за традиционно полицейское завершение диспута о вере с Галаниным в 1754 г. и его последующие многолетние мучения. Весь свой большой авторитет Мирон Галанин, действуя вместе с ялutorовскими крестьянами Сергеем Софоновым, Елизаром Печерским и Михаилом Девяпиным, направил на поддержку и активизацию, пожалуй, наиболее массового из антицерковных выступлений западносибирских крестьян XVIII в.

Осенью 1783 г. священник Василий Машенов и дьячок Захар Вавилов обнаружили в деревне Курсановой одну из таких сходок, проводимых Мироном Галаниным. В доносе они так описывали эту сходку: «Помянутой дьячек Вавилов, пришед к дому крестьянина Мирона Галанина, и услышал у ево избы, что он говорит голосно и. . . , не входя в избы, отодвинул притвор окошка, и увидел, что он, Галанин, среди избы на стуле сидит и книгу в руках держит, которую, слышно, и читал, только понять с наулечья не можно было. На что он, Вавилов, спросил ево, Галанина: „Чему ты учишь?“. И Галанин-де, свернувши книгу ту, спрятал за пазуху и ему не показал, и в то время было у него, Галанина, людей в избе на пример человек двадцать или тридцать мужеска и женска пола, и он-де, Галанин, видно явной лжеучитель».¹⁷

Направленная против никонианской церкви страстная агитация Мирона Галанина и других крестьянских вожakov происходила в благоприятный момент: после поражения Крестьянской войны вместо открытых социальных требований и лозунгов на первый план опять выдвигались более пассивные, завуалированные (в том числе, и религиозной оболочкой) формы протеста. Несколько тысяч ялutorовских крестьян, охваченных этим движением — за оформление выхода из православных приходов, демонстрировали на каждом шагу свою враждебность к официальной церкви и ее служителям, отказывались от уплаты всех налогов и поборов в пользу церкви и духовенства. Делом этим пришлось заниматься не только Синоду, но и Сенату.¹⁸ Положение сибирского духовенства осложнялось запутанными просветительскими проектами генерал-губернатора Е. П. Кашкина и противоречивой на первых порах позицией правительства, не желающего обострять положение и справедливо опасавшегося новых самосожжений в ответ на репрессии. В конце концов светские власти все же уступили церковникам и санкционировали проведение экзекуций военно-карательными экспедициями, пойдя одновременно на некоторые уступки старообрядчеству в расчете на социальное и политическое расслоение последнего.¹⁹ Мирон Галанин и его друзья снова были подвергнуты аресту, на сей раз временному; о продолжительности его и дальнейших событиях бурной жизни Галанина мы сведений пока не имеем.

Незаурядная фигура ялutorовского крестьянина Мирона Галанина представляет интерес не только потому, что перед нами неизвестный ранее науке стойкий и смелый организатор массового антицерковного движения урало-сибирских крестьян, не раз вызывавшего серьезную тревогу духовных и светских властей. Мирон Галанин был одновременно писателем.

Его перу принадлежит, в частности, повествование, посвященное истории урало-сибирского старообрядчества первой половины XVIII в. Само

¹⁷ Там же.

¹⁸ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания. Т. II (1773—1784 гг.). Пгр., 1915, с. 405—410.

¹⁹ См. об этом: Н. Н. Покровский. Массовое антицерковное движение урало-сибирских крестьян и секретный указ 9 марта 1783 г. — В кн.: Вопросы истории Сибири досоветского периода. Бахрушинские чтения. 1969. Новосибирск, 1973, с. 182—204.

это сочинение еще не найдено, но в «Родословии» часовенного согласия и тобольской (житийной) редакции «Рукописи о древних отцах» имеются несомненные заимствования из него. «Родословие» использует его в начальных (более древних) строках раздела 6 (л. 95), где речь идет о связи «первых основателей» уральского старообрядчества с родоначальником софонтиевского поповского толка керженским священником Софонтием и через него — с легендарной эпопеей Соловецкого восстания. Далее перечислялись имена самых первых, по мнению Галанина, урало-сибирских «отцов», постриженников Софонтия, бежавших сюда еще до Никифора, бывшего, по «Родословию», основателем софонтиевских скитов на Урале. Таким образом, Галанин рисует несколько иную, по сравнению с «Родословием» Нифонта, картину возникновения поповского старообрядчества на Урале и в Сибири. Нифонт добросовестно изложил точку зрения Галанина, заключив ее бесценным для нас свидетельством, что все вышеизложенное «заимствовано с рукописи ирюмского жителя Мирона Ивановича Галанина» (л. 95; это указание имеется не только в обоих полных списках раздела 6 P_1 и P_2 , но даже в кратчайшем конспекте его на обороте списка B). Однако тут же Нифонт скептически замечает, что никакого «известного летописания о сих отцах не обретоно», и в других местах «Родословия» поддерживает традиционную точку зрения своего скита, согласно которой основателем уральской софонтиевщины был другой постриженник Софонтия — Никифор, переселившийся на Урал несколько позднее.

Тобольская редакция «Рукописи о древних отцах» использовала то же перечисление Мироном Галаниным первых уральских софонтиевцев и тесно связанный с этим перечислением рассказ о Корнилии, ученике одного из первых отцов — Ипатия. Корнилий Ипатьев, бывший до приезда в Сибирь учеником Феодосия, — важный персонаж «Рукописи о древних отцах». В отличие от Нифонта автор этой «Рукописи» не сообщает, что приведенные им сведения о Корнилии, Ипатии и других «древних отцах» заимствованы им у Мирона Галанина. Но об этом несомненно свидетельствует сопоставление текста тобольской «Рукописи» с выдержками из сочинения Мирона Галанина в разделе 6 «Родословия», вскрывающее немало точных совпадений обоих текстов.²⁰

* * *

До недавнего времени наши сведения о Мироне Галанине как писателе ограничивались вышеизложенным. Летний археографический сезон 1970 г. принес нам впервые полный текст одного из его произведений — послания к некоему Стефану Ивановичу Тюменскому от 2 октября 1774 г. Послание это, направленное одним мирянином-старообрядцем другому, возбудило, как это часто случалось, широкий общественный интерес и стало известно не только адресату. Не случайно оно в конце концов оказалось среди других произведений старообрядческой литературы XVIII в. в скитских собраниях рукописей; оно было, вероятно, известно Нифонту и уже в XX в. в составе «Родословия» переписывалось в тувинских скитах.

Послание написано хорошим повествовательным слогом, язык его прост и близок подчас к разговорному, он абсолютно лишен характерных для многих старообрядческих авторов цветистых риторических украшений или тяжеловесных подражаний древнерусскому стилю. Вместе с тем —

²⁰ ГАТОН, ф. рукописных книг, № 220, лл. 5—6; «Родословие» по списку P_1 , л. 95.

это эмоциональный, страстный рассказ. М. И. Галанин умело сочетает собственные наблюдения с документальным материалом. Послание содержит яркое описание долгих лет его заточения в Тобольске, сообщает о других узниках тобольских церковных тюрем, приводит новые штрихи для характеристики митрополита Павла Конюскевича.²¹ Очень интересны упоминания о том, что в Тобольске, в Знаменском монастыре, «находился первый наш подвижник и страдалец за истинную веру протопоп Аввакум». Сведения о жизни Аввакума в Тобольске и его ссылке на Лену Галанин заключает чрезвычайно любопытной ссылкой на источник: «... много было жития Аввакумова выписано из архивы, записи сибирской истории, лист 119». Через несколько строк — новая ссылка на архив: «... если прочитать дела тобольского архива», — пишет Галанин, — то можно узнать про «страшные и зверские попытки властей, как духовных, [так] и гражданских», уничтожить сибирское старообрядчество.²² Галанин приводит даты этих попыток; некоторые из них явно испорчены при переписке («1075», «115» гг.), другие же соответствуют реальным датам гонений на урало-сибирских старообрядцев, которые прослеживаются по делам архива Тобольской консистории (40-е и 50-е годы XVIII в.). Затем он сообщает о законодательных мерах Елизаветы (1744 и 1752 гг.) против раскола. Излишние в частном письме к человеку, хорошо знакомому с ее указами на практике, они необходимы Мирону Галанину в качестве составной части его повествования по истории преследования урало-сибирских старообрядцев.

В конце послания Галанин сообщает интересные данные о внутренних распрах ялугоровских староверов, в частности — его собственного согласия, о важных и показательных спорах, знаменующих начало перехода из поповщины в беспоповщину. В связи с этим стоят вопросы об отношении самого М. И. Галанина к властям светским и духовным и к иерархии старообрядческой организации.

На первый взгляд, послание к Стефану Ивановичу Тюменскому оставляет впечатление обычного для крестьянской психологии сочетания резко отрицательного отношения к местным властям и почтительной веры в «милостивую» царицу. Это наблюдение в определенной мере справедливо, но дело обстоит несколько сложнее. Отношение крестьянина Галанина к сибирским гражданским властям ярко проявилось в упомянутой уже гневной фразе о «страшных и зверских попытках» уничтожения старообрядчества не только церковными, но и светскими властями Сибири.

²¹ В связи с резким столкновением между Екатериной II и Павлом Конюскевичем в литературе, как известно, идут споры о справедливости обвинений Павла в жестокости.

²² Мысль о том, что узник, неоднократно подвергавшийся пыткам, смог так хорошо знать дела тобольского консисторского архива, кажется невероятной. Однако приходится признать, что грамотному и смелому крестьянину это как-то удалось. Само рассматриваемое послание, несомненно, не подделка. Многочисленные фактические данные, приводимые в нем Мироном Галаниным, легко проверяются и соответствуют действительности; это относится не только к его рассказу об архивных делах, но и к сведениям, основанным на личных наблюдениях в Тобольске, например: «Видел и те монастырские темницы, где томили и морили нашего страдальца инока Авраамия и священника Симеона; священника заморили голодной смертью». «Как лютыя вставали звери на нас в Знаменском монастыре при Пятницкой церкви, томили в оковах нас со иноком Иоакимом дважды». Эти сведения об Аврааме, Семене Ключареве и Иоакиме Харчевникове полностью подтверждаются другими источниками, как повествовательными старообрядческими, так и документами светских и церковных властей. Весьма возможно, что Галанин оставался в Тобольске довольно долго уже после своего освобождения; одно неясное указание в его письме можно толковать как доказательство того, что между его освобождением и разрешением вернуться на родину прошло около 10 лет.

Позиция, вполне понятная для крестьянина-беглеца, годами скрывавшегося от посланных для его поимки воинских команд.

Царистские иллюзии сибирского крестьянства тоже несомненно видны в этом послании, направленном единомышленнику и, конечно, не предназначавшемуся для правительственных глаз. Галанин глубоко благодарен Екатерине II за облегчение участи старообрядцев и собственное освобождение: «Настало время тишины, с воцарением императрицы Екатерины Второй в 1762 году нам дарована свобода». «И мне, грешному и недостойному, сподобил господь пользоваться милостиею царицы Екатерины, и свободили меня на свободу из тобольских казематов монастырских, славить нужно всевышняго бога в молитвах и молиться за державную императрицу, за здравие ея». Следует, однако, внести здесь важные коррективы.

Прежде всего, славословия в адрес милостивой царицы Екатерины II (чаще именно царицы, а не императрицы, — Галанин так же, как и большинство старообрядцев, обычно не признавал императорского титула, что светские власти склонны были рассматривать как политическое преступление) сочетаются в послании с враждебным отношением к предшущей царице — Елизавете, преследовавшей старообрядцев. «Боюся описывать, как с нами. . . обращались властью престола царицы Елизаветы Петровны, какия строгия меры были приняты в 1744 году». Таким образом, царистские настроения крестьянства здесь уже обусловлены реальным отношением царской власти к последователям «старой веры». В тех случаях, когда союз господствующей православной церкви и царского самодержавия принимает наиболее откровенные формы полицейских преследований, направленных против идеологических противников церкви, старообрядческая оппозиция никонианам неизбежно приводит и к осуждению «власти престола царицы». Более гибкая форма союза церкви и государства при Екатерине II опять возрождает у Галанина надежды на «милости царицы Екатерины».

Но отношение Галанина к императорской власти опять резко меняется, как только от имени этой власти начинают издаваться указы, губительные для урало-сибирского старообрядчества. Просветительские прожекты пермского и сибирского генерал-губернатора Е. П. Кашкина в обстановке широкого антицерковного движения привели к изданию нескольких секретных указов 1783 г., обернувшихся массовым полицейским сыском и принудительным обращением в православие староверов Урала и Сибири. Галанин встретил эти указы, конечно, враждебно; церковные власти поспешили донести о сознательном неповиновении императрице крестьянского бунтаря, гордо заявившего: «Я-де в етом (вопросах религиозной совести, — Н. П.) государыне не подсуден и приказу ея не слушаю».²³ Галанина тут же попытались объявить сумасшедшим, а когда это не получилось, арестовали за неповиновение императорской власти и организацию массового выхода крестьян из православных приходов. Такова мотивированность царистских иллюзий сибирского крестьянина-старообрядца М. И. Галанина.

Его отношение к господствующей церкви было менее противоречиво — это ровная, однозначная ненависть. Она сквозит в каждой строке его послания, донесшего до нас страстные свидетельства очевидца и жертвы полицейских преследований церковников, Послание и некоторые высказывания позволяют проследить взгляды Мирона Галанина на одну из самых острых внутренних проблем его согласия — вопрос об отношении к старообрядческой иерархии вообще, священству — в частности. За горячими догматическими спорами о крещении, порядке перекрещивания

²³ ЦГИА, ф. 796, оп. 16, № 409.

и приема в старообрядчество никонианских священников стояли реальные вопросы существования института священства в целом среди сибирских софонтиевцев — наиболее массового течения сибирского старообрядчества. Самые умеренные и законопослушные староверы из числа влиятельных демидовских приказчиков выдвигают еще в 1735 г. план получения священников с благословения Синода для службы по старому обряду — что-то вроде будущего единоверия. Наиболее радикальные элементы, наоборот, пытаются покончить со священством вообще, т. е. ликвидировать беглопоповский обычай приема в прежнем чине священников, бежавших от никонианской церкви. Они доказывают, что среди духовенства господствующей церкви распространяются «обливательное» крещение и пороки, так что уже не осталось священников «истинного» крещения и поставления, которых можно было бы принять в старообрядцы при помощи обычной процедуры «исправления». Догматические обличения «неправильного» крещения этих священников смыкались с традиционным крестьянским протестом против притеснений и поборов православного духовенства, осуждением их далеко от аскетической жизни. В ходе массовых антицерковных движений 1783—1784 гг. эти крестьянские настроения выявились особенно отчетливо.²⁴

Авторитетный скит Дионисия—Максима, из которого впоследствии вышло «Родословие», занимал позицию, промежуточную между этими двумя крайностями и на практике довольно умеренную. Не одобряя плана принятия священников от Синода, иноки этого скита не желали и пресечения священства и предпринимали немало усилий, чтобы сохранить его. В 1765 г. сам Максим ездил в Москву «для разыскания истинных священников». Сообщая в своем послании о поездке Максима, М. И. Галанин не высказывает по существу догматического спора, но с явным неодобрением замечает, что прием священников «от ересей» по новым правилам, выработанным Максимом и его единомышленниками, привел к пагубным раздорам. Недавно Л. С. Соболевой и автору этих строк удалось обнаружить два сборника сибирских часовенных (Алтай и Горная Шория), содержащих указания на то, что М. И. Галанин вел открытую борьбу против этой линии Максима. На соборе 1777 г. он вместе со своими единомышленниками выступил против приема беглых священников «никонианской церкви», и Максим вынужден был пойти на уступки. Оказалось также, что переход софонтиевцев к беспоповской практике, начавшийся уже в XVIII в., был смело санкционирован самим М. И. Галаниным.²⁵ Как известно, позднее умеренная партия, желавшая сохранить священство, потерпела поражение, — прием беглых священников постепенно прекратился и софонтиевщина окончательно стала беспоповской.

В связи с этим уместно вспомнить те чрезвычайно резкие нападки на «никонианское» духовенство, которые были характерны для Мирона Галанина и его ближайшего окружения в 1783—1784 гг. Так, например, 17 июля 1784 г. в споре со священником Гавриилой Курбаковским друг Галанина С. Софонов и Е. Печерский произносили слова, весьма предосудительные с точки зрения поповцев XVIII в., но хорошо согласующиеся с практикой часовенных — софонтиевцев XIX в.: «На что нам ваша церковь, у меня церковь — дом мой, а я сам и поп, и все их мирские требы исправляю»; «...мы все таковы — молитвям, крестим и на поминок берем».²⁶

²⁴ Н. Н. Покровский, Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974, с. 185—186, 196—197.

²⁵ Собр. ИИФяФ, № 9/73, лл. 23—32; л. 55 об.

²⁶ ГАТот, ф. 156, оп. 1, 1783 г., № 149, IV, л. 145 об.

Что же касается постепенно заменившей иерархию священников софонтиевской иерархии скитских монахов (обычно — выходцев из крестьян), то в известных нам сочинениях М. И. Галанин говорит о них всегда с почтительным уважением. Однако сам он, хотя и долго прожил в скитах, иноком не стал.

* * *

Наряду с историческими повествованиями, житиями и посланиями в сибирской старообрядческой литературе XVIII в., так же как в литературе староверов других районов, видное место принадлежало специфическим полемическим произведениям, возникавшим в связи с многочисленнейшими догматическими спорами с господствующей церковью и внутри старообрядческого мира, между старообрядцами и господствующей церковью. Догматико-полемическим сочинениям русских старообрядцев посвящено уже немало исследований,²⁷ однако о подобной литературе в Сибири XVIII в. в научных трудах имеется лишь одно небольшое упоминание.²⁸ Сборник со списком «Родословия» II₁ содержит полный текст большого урало-сибирского сочинения этого жанра. Оно принадлежит перу того самого инока Максима (Михаила), который в 1765 г. ездил в Москву в поисках «истинного священства», и посвящено как раз спорам о священстве.

Несколько других сочинений того же сборника сообщают нам довольно много фактов из биографии самого Максима, ранее бывшего холопом. В частности, в произведении инока Кастора «О священной епархии христианской и пустынных жителей» (лл. 101—102 об., вторая половина XIX в.) приводится рассказ Стахия Васильевича Кривоспицына (умер в 1788 г.), хорошо знавшего Максима. Он сообщает, что Максим «родом был от страны срацынския, агарянских родителей, нарицаемых нагльских татар» (Б, л. 20). Около 1724 г. он, еще малолетним, был взят в плен русскими войсками и затем стал слугой некоего господина Змеева. Хозяин не только крестил своего холопа (Михаилом), но и обучил его грамоте и письму. У Змеева Михаил «проживал в совершенной его милости и по домашней экономии в полной доверенности». Но он все же убежал от своего господина: «. . . со старообрядцами от него, господина Змеева, отлучился», — дипломатично описывает этот поступок С. П. Кривоспицын. После долгих скитаний по «разным градским и пустынным местам» Михаил в 1729 г. добрался до Нижнетагильского завода, где беглые чувствовали себя тогда безопасно. Здесь он был принят известным священноиноком Иовом и через некоторое время пострижен под именем Максима. Принятие пострига из столь авторитетных рук сразу выдвинуло его. К тому же Максим не захотел оставаться одним из многочисленных иноков в Нижнем Тагиле, а ушел в 1731 г., после смерти Иова, в знаменитый скит Дионисия, расположенный тогда в лесах близ Черноисточенского завода. После смерти Дионисия он был избран его преемником. Широкая операция В. Н. Татищева в 1735 г. по поимке обитателей уральских скитов, в большинстве своем беглых, стоила свободы четыремстам уральским пустынножителям, но, кажется, не коснулась Максима и его скита. Однако частые набеги разбойников заставили в конце концов Максима и его братаю покинуть леса и поселиться в Нижнетагильском заводе, под покровительством демидовских приказчиков.

²⁷ П. С. Смирнов. Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII в. СПб., 1909; Александр Б. [р о в к о в и ч]. Сочинения исторические. СПб., 1861.

²⁸ В. Г. Дружинин. Писания русских старообрядцев, с. 346.

Из Нижнего Тагила в 1765 г. Максим, как уже говорилось, ездил в Москву в поисках «истинного священства». Там он познакомился с поставлением священников грузинской церкви. Оно показалось ему «истинным», и он смог убедить в этом многих своих единомышленников; с тех пор беглые попы из Грузии появляются среди старообрядцев Урала и Сибири. Около 1781 г. Максим с братией опять удалился в лесную пустынь — на Веселых Горах, в 15 верстах от Нижнего Тагила и 20 — от Невьянска, где и умер в 1783 г., оставив своим преемником известного художника из жителей Невьянского завода Григория Роскина.

В среде урало-сибирских часовенных (софонтиевцев) сочинения Максима пользовались немалой популярностью. Когда Нифонт писал часовенное «Родословие», в его распоряжении было какое-то «отца Максима описание о претках наших» (л. 42). Поскольку история скита Дионисия—Максима—Нифонта составляет основу «Родословия», допустимо предположение, что именно из этого произведения Максима заимствовал Нифонт многие данные о прошлом своего скита, источник которых в «Родословии» не указан. Встречаются упоминания каких-то «ответов отца Максима» — по всей видимости, догматического сочинения в столь частой у старообрядцев вопрос-ответной форме, традиционной для древнерусской литературы. Упоминается и его обширное догматическое сочинение о священстве. Сейчас в нашем распоряжении имеется, наконец, полный текст его, помещенный в сборнике со списком *П*₁ вслед за посланием М. И. Галанина, на лл. 109—140.

Сочинение это представляет собой собрание многочисленных выписок из Священного писания, Кормчей, отцов церкви. Эти выписки сгруппированы в определенном тематическом порядке и сопровождаются комментарием — «надсловием здравого разумения отца Максима»; ему же принадлежат обширное вступление и заключение, а также несколько связующих рассуждений. Все они написаны торжественным, тяжелым языком, — Максим хорошо усвоил правило, обязательное для старообрядческого книжника, рассуждающего о столь высоких проблемах. Во вступлении он отвечает единомышленникам, которые просили Максима наставить их в трудных и спорных вопросах о священстве и таинствах. В полном соответствии с этикетом и требованиями жанра, прежде чем перейти к изложению, Максим говорит о важности предмета спора и необходимости соединения усилий многих книжников. Но обычно следующие далее уничижительные фразы о недостаточности для этого собственных скромных сил автором опущены.

Язык сочинения Максима архаизирован, фразы чрезвычайно длинны, придаточные предложения нанизываются одно на другое. Основная мысль настойчиво повторяется опять и опять с небольшими модификациями, подтверждается многочисленными примерами. Она вовсе не продиктована стремлением сохранить священство любой ценой, как раз наоборот! Несмотря на то что именно стараниями Максима сибирские старообрядцы стали принимать беглых грузинских попов, а позднее он санкционировал принятие на тех же правах и рязанских священников, догматические сочинения Максима явились впоследствии важной теоретической базой как раз беспоповских настроений в софонтиевщине. Мы не имеем сейчас достаточно фактов для объяснения этого парадокса, пока еще невозможно даже датировать догматические и исторические сочинения Максима. Не исключена возможность, что влиятельнейшие старообрядцы из администрации уральских заводов, занимавшие обычно более умеренную позицию, могли гораздо сильнее воздействовать на непосредственную политику главного «заводского» скита, чем на литературное творчество его руководителя. В делах Синода случайно сохранилось небольшое письмо

Максима, где он резко осуждает попытки каких-то далматовских крестьян-старообрядцев обойтись без священства.²⁹

Как бы то ни было, основной пафос обширного догматического сочинения Максима направлен как раз против неразборчивого приема беглых никонианских попов ради сохранения священства. Выстраивая логическую систему доказательств, Максим немалое место отводит той смелой мысли, которая в свое время сыграла важную раскрепощающую роль в борьбе средневековых ересей против засилья господствующих иерархий католицизма или православия. Это мысль о том, что для спасения не обязательна церковная организация с ее иерархией священников, но достаточно индивидуальной веры и добрых дел. «Имеющим бо веру с житием (жизнью добродетельной, — *Н. П.*), аще и посреде Содомы и Гомора обрящется, якоже Лот, и не получаяй никое же от иереов действо, спастися может с правым житием и разумом» (л. 112 об.). Этот итог, подкрепленный десятками ссылок на авторитетные для старообрядцев тексты, завершает первый круг рассуждений Максима и не раз повторяется в дальнейшем. Максим не восстает прямо против принятого в софонтиевщине беглопоповского обычая «исправления» крещения входящих из господствующей церкви священников, но весь ход его рассуждений, сила его аргументов направлены на осуждение неразборчивого приема никонианских попов. Ни слова не говоря о допустимости обычной тогда в его среде практики принятия таинств от «исправленных» никонианских священников, Максим настойчиво подчеркивает очень популярное у беспоповцев положение: «...сих тайн от еретик действо и приятие не суть освящение, но паче осквернение, и не спасение души, но потемнение и погибель» (л. 128).

Проблема отказа от священников тесно связана с вопросом о таинствах, совершаемых ими. Максим идет здесь абсолютно по тому же пути, что и писатели-беспоповцы, опирается на те же самые доводы Священного писания и предания. Он доказывает, что спасение возможно лишь при помощи трех «нужно необходимых» таинств (крещения, покаяния, причащения), которые могут совершаться и мирянами.

Мало того, Максим идет дальше и выдвигает весьма спорный, с догматической точки зрения, тезис о том, что одно лишь страстное стремление найти священство и через него таинства может в определенных условиях быть столь же «действенным» для спасения, как непосредственно и сами эти таинства. Защита этого беспоповского положения доставила впоследствии часовенным немало хлопот.

Общий вывод Максима о священниках достаточно категоричен и двусмыслен: «Сиде убо и о сих нам разумеется: аще по правилу святоотеческому к приятию иереов не обрящем, быти без иереов за нужду, нежели противно правилом приемля сих имети» (л. 124). Прием беглых священников урало-сибирскими софонтиевцами постепенно уменьшался и окончательно прекратился после 1829 г., когда был принят последний священник (из Грузии). Наиболее значительное из направлений урало-сибирского раскола, в полном соответствии с предсказаниями беглого холопа Максима, на практике стало целиком беспоповским.

* * *

Новые памятники литературы, относящиеся к старообрядческому населению Урала и Сибири XVIII в., свидетельствуют, что в этой крестьянской по своему характеру среде не только интенсивно переписывались

²⁹ ЦГИА, ф. 796, оп. 63, № 295, л. 3 об.

традиционные сочинения древних авторов, но и создавались оригинальные произведения различных жанров. Творцам их была привычна и понятна жизнь крестьян-старообрядцев, полная ожесточенной борьбы с феодальной церковью и государством; многие из крестьянских писателей принимали в этой борьбе самое активное участие. Атмосфера этой постоянной борьбы хорошо чувствуется не только в посланиях и исторических повествованиях, но и в таком, казалось бы, неподходящем для этого жанре, как догматические сочинения.

Д. К. УО

К изучению истории рукописного собрания П. М. Строева*

За последние годы заметно вырос интерес к истории собраний древнерусских рукописей. Появились и общие работы по библиотекам Древней Руси, и публикации описей монастырских библиотек, и исследования отдельных собраний; совсем недавно было высказано предложение о создании новой научной дисциплины — библиогеографии.¹ С этими направлениями в изучении рукописного наследия Древней Руси связано развитие кодикологии, т. е. «комплексного исследования» рукописных книг, пытающегося объединить изучение истории отдельных рукописей² и целых собраний. Такой подход является одним из необходимых требований научного описания рукописных материалов, как отмечалось в проекте инструкции по составлению каталогов древних славянских рукописей, составленной Редакционно-текстологической комиссией Чехословацкого комитета славистов по инициативе IV Международного съезда славистов в Москве (1958 г.); это же подчеркнул Д. С. Лихачев в своем докладе на «Тихомировских чтениях» в 1972 г.³ Но до сих пор еще не появилось работ, посвященных истории собраний древних рукописей в новые времена (если исключить историю комплектования нынешних советских хранилищ).⁴ Особенно важно было бы исследовать

* Автор настоящей работы приносит глубокую благодарность М. А. Толмачевой за помощь в подготовке статьи.

¹ См., например: М. И. Слуховский. Библиотечное дело в России до XVIII века. М., 1968; С. П. Луппов. Книга в России в XVII веке. Л., 1970; М. В. Кукучкина. 1) Библиотека Соловецкого монастыря в XVI веке. — Археографический ежегодник за 1970 г., М., 1971, с. 357—372; Археографический ежегодник за 1971 г., М., 1972, с. 341—356; 2) Пути создания рукописных собраний в северных монастырях (Соловецком, Антониево-Сийском, Николо-Корецком, Александров-Свирском) в XVI—XVII вв. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины, IV. Л., 1972, с. 105—120; Н. Н. Розов. Искусство книги Древней Руси и библиогеография (по новгородско-псковским материалам). — В кн.: Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972, с. 24—51.

² См.: И. Н. Лебедева. Кодикология — наука о рукописных книгах. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины, IV. Л., 1972, с. 66—77. О примерах применения кодикологии см.: Б. М. Клосс. Деятельность митрополичьей книгописной мастерской в 20-х и 30-х годах XVI века и происхождение Никоновской летописи. — Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972, с. 318—337. См. также: Г. М. Прохоров. Кодикологический анализ Лаврентьевской летописи. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины, IV. Л., 1972, с. 77—104; С. М. Каштанов. Очерки русской дипломатики. М., 1970, гл. 4.

³ F. V. Mages. Инструкция для составления каталогов древних славянских рукописей. — Slavia, год. XXXII, 1963, s. 240—250; Д. С. Лихачев. Задачи составления методик описания славяно-русских рукописей. — Археографический ежегодник за 1972 год. М., 1974, с. 235—236.

⁴ В виде исключения можно указать введения к некоторым описаниям рукописей. См., например: Д. Н. Абрамович. Описание рукописей С.-Петербургской духовной академии. Софийская библиотека. Вып. I. СПб., 1905. Однако такие введения едва ли охватывают материал в желательной полноте.

судьбу таких собраний в первой половине XIX в., когда интерес к прошлому России возрос и среди ученых, и среди любителей старины. Именно в это время формировались такие важные частные собрания, как Погодинское, Толстовское и другие, история которых почти не изучена.

В настоящей статье излагаются предварительные замечания по исследованию одного из самых интересных и значительных частных собраний первой половины XIX в. — собрания выдающегося археографа П. М. Строева. Хотя мною рассмотрена только часть Строевского собрания (приблизительно одна шестая, главным образом исторические сборники⁵) и завершение работы в полном объеме здесь не представляется возможным, тем не менее можно надеяться, что публикуемые наблюдения принесут пользу исследователям, которым часто приходится прибегать к строевским рукописям, занимающимся сейчас их научным описанием. В первой части статьи изложены общие замечания по составлению Строевым своего собрания; во второй части приводятся подробные результаты исследования отдельных рукописей этого собрания, иллюстрирующие отношение Строева к собранным им рукописным материалам.

Как известно, Павел Михайлович Строев начал свою научную деятельность в 1815 г., когда ему было только девятнадцать лет.⁶ Почти сразу же (по его собственному утверждению — начиная с 1817 г.) он стал собирать рукописи для своей библиотеки.

Строев так объяснил в 1841 г. в описи рукописей, которую он составил до продажи собрания, принципы составления своей библиотеки: «Главной целью было собрать все, что относится собственно к отечественной истории, гражданской, церковной и литературной. . . Историческая литература наших предков, кроме летописей, хронографов и других книг сего рода, преизобилует отдельными сочинениями, известными под названиями сказаний, повестей и отрывков исторических. Ни одна библиотека не представляет полного собрания их; они рассеяны всюду и до сих пор мало оценены. Исторические сборники этого собрания заключают в себе до 1000 таких статей».⁷

В 1815—1828 гг. служба дала ему возможность заниматься во многих видных хранилищах рукописей, в том числе в Архиве МИД, в археографических экспедициях в Волоколамском, Новоиерусалимском и других

⁵ Мною просмотрены, правда не с одинаковой тщательностью, следующие рукописи, входившие в собрание Строева (указан номер в собрании Погодина и в скобках — номер собрания Строева, установленный мною по ярлыку или данным описи Строева).

683 (123)	1480 (71)	1555 (93)	1565 (32)	1574 (41)	1587 (240)
688 (126)	1481 (72)	1556 (96)	1566 (36)	1575 (44)	1588 (239)
689 (127)	1484 (70)	1557 (92)	1567 (35)	1576 (46)	1589 (238)
798 (241)	1494 (18)	1558 (23)	1568 (34)	1577 (42)	1590 (237)
799 (242)	1503 (69)	1559 (24)	1569 (33)	1579 (27)	1629 (68)
8 ¹⁰ (243)	1504 (73)	1560 (25)	1570 (39)	1580 (51)	1642 (230)
801 (244)	1550 (97)	1561 (26)	1571 (37)	1581 (50)	1693 (15)
1143 (195)	1552 (91)	1562 (28)	1572 (38 ⁹)	1582 (47)	1704 (89)
1434 (108)	1553 (94)	1563 (31)	1573 (40)	1583 (48)	1952 (45)
				1584 (49)	1957 (54)

Кроме этих рукописей, ныне находящихся в собрании Погодина, я исследовал Q.IV.172 в ГПБ, 34.2.14 в БАН и ГБЛ, собр. Ундольского, № 867, принадлежавшие в свое время Строеву. Я не мог использовать неизданную переписку Строева и другие его неопубликованные бумаги (ныне главным образом в ГБЛ и ЛОИИ).

⁶ Подробно о его биографии см.: Н. Б а р с у к о в. Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878; ср. критические замечания анонимного рецензента в «Русском Вестнике» — т. 139, 1879, февраль, с. 882—893.

⁷ Цит. по: Н. Б а р с у к о в. Жизнь и труды П. М. Строева, с. 375, — рукопись ГБЛ, собр. Ундольского, № 867.

монастырях, в библиотеке графа Ф. А. Толстого и т. д. С момента официального назначения Строева археографом в 1828 г. и за время его путешествий в составе Археографической экспедиции Академии наук в 1829—1834 гг. ему удалось лично ознакомиться почти со всеми важными собраниями древнерусских рукописей в Европейской части России.⁸ Как будет показано, большинство приобретений, сделанных Строевым для собственной библиотеки, приходится именно на годы существования Археографической экспедиции, хотя он и пополнял свою коллекцию вплоть до 1842 г., когда ввиду финансовых трудностей ему пришлось продать все рукописи (более трехсот) и некоторые старопечатные книги М. П. Погодину за небольшую сумму в 8500 руб. ассигнациями. Рукописи Строева составляли приблизительно 15% числа рукописей Древлекранилища Погодина, когда последний продал свое собрание имп. Публичной библиотеке в 1851 г. Собрание Погодина и теперь занимает одно из самых почетных мест среди богатств Государственной Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

Что можно сказать о путях сбора Строевым рукописей? Хотя я и не полагаю полными данными, но очевидно, что он очень активно занимался поисками рукописей для себя и для других, одни рукописи покупал, другие продавал или менял и т. д. Первые приобретения для библиотеки были сделаны им еще в студенческие годы.⁹ По-видимому, во время службы библиотекарем у графа Толстого в его обязанности входили и поиски, и покупка рукописей, и Толстой обращался к нему с подобной просьбой даже после начала деятельности Археографической экспедиции.¹⁰ Так, для Толстого он просмотрел рукописи известного собирателя А. И. Сулакадзева, по просьбе Погодина сообщил свое мнение о рукописях Филатова.¹¹ Разумеется, такие поручения, а еще более — назначение археографом — дали Строеву блестящую возможность комплектовать собственную библиотеку по мере финансовых возможностей (по-видимому, всегда весьма ограниченных).

По смерти своего бывшего сотрудника Калайдовича в 1832 г. Строев купил рукописи покойного.¹² Их насчитывалось 139, но, к сожалению, мне пока ничего неизвестно ни об одной рукописи из собрания Калайдовича в нынешнем Погодинском собрании, где должна была бы находиться хотя бы часть этой библиотеки. Нынешняя рукопись Погодинская № 1923 была куплена Строевым за 40 руб., а Погодинская № 896 (бывшая Строевская № 57) — за 50 руб. В 1834 г. была приобретена Погодинская № 1413; покупкой также были приобретены все строевские списки Судебника 1550 г. (Погодинские №№ 1841—1843, бывшие Строевские №№ 104—106), один из них — в 1832 г.¹³ Можно думать, что покупки

⁸ Важнейшим исключением является библиотека Соловецкого монастыря. См.: Н. Б а р с у к о в. Жизнь и труды П. М. Строева, с. 184.

⁹ Пятнадцать лет он купил «Историю» Щербатова и затем несколько томов «Древней российской библиофики» — см.: Н. Б а р с у к о в. Жизнь и труды П. М. Строева, с. 3. Данные о покупках Строева в опубликованных материалах весьма скудны, но дополнительный материал может храниться в его неопубликованных бумагах. Так, А. Ф. Бычков отмечает некоторые покупки Строева, ссылаясь на неопубликованные «Материалы к Библиологическому словарю» (см. ниже).

¹⁰ Н. Б а р с у к о в. Жизнь и труды П. М. Строева, с. 129—130, 180—181, 186.

¹¹ Н. Б а р с у к о в. 1) Жизнь и труды П. М. Строева, с. 238; 2) Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 6. СПб., 1892, с. 363.

¹² Н. Б а р с у к о в. Жизнь и труды П. М. Строева, с. 137.

¹³ П. М. Ст р о е в. Библиологический словарь и черновые к нему материалы. СПб., 1882, с. 55, 372. Псковские летописи, вып. 1. Подготовка к печати А. Н. Насонова. М.—Л., 1941, с. IX; Н. Б а р с у к о в. Жизнь и труды П. М. Строева, с. 342. Ссылаясь на «Материалы» Строева, А. Ф. Бычков отмечает в примечаниях к «Библио-

Строева составляют значительную часть его приобретений, но пока еще трудно определить — какую именно.

К осени 1835 г. Строев получил от купца Царского две рукописи в обмен на 100 древних грамот, а через год вообще продал Царскому свое собрание грамот. В результате этой сделки в Академии наук, по-видимому, возникли подозрения, что проданные Строевым грамоты были из числа собранных им в период службы официальным археографом (и, таким образом, должны были принадлежать Академии), но дело ничем не кончилось.¹⁴ Не вполне ясно, как можно разграничить приобретения Строева за время экспедиции, сделанные для Академии и для себя лично. Наверно, это не было ясно и ему. Он не препятствовал использованию того, что находилось в его библиотеке, напротив, не раз посылал в Археографическую комиссию нужные ей рукописи из своего собрания и сделал копии самых важных (по его представлению) материалов из своих сборников для публикации в «Актах, собранных Археографической комиссией».¹⁵

Кроме купленных рукописей, в собрании Строева есть копии, сделанные им с древних рукописей, главным образом в годы деятельности Археографической экспедиции. Копии эти как будто посылались им в Археографическую комиссию (за исключением тех материалов, которыми Строев еще занимался для составления «Библиологического словаря»), но какая-то часть их (фрагменты) осталась у него и теперь находится как в Погодинском, так и в других собраниях.¹⁶

Вопрос о том, как составил Строев свою коллекцию, возник еще в XIX в. Через год после смерти Строева анонимный рецензент его биографии, написанной Барсуковым, пронизательно заметил в «Русском Вестнике» за 1879 г.: «Мы ожидали найти (у Барсукова, — Д. У.) и не нашли объяснений или сведений о том, как составилось это собрание. Давно существуют и... распространены слухи, что во время своих археографических путешествий... он выдергивал и вырезал... для

логическому словарю» (с. 23), что Погодинская № 1541 (бывшая Строевская № 79) «принадлежала утлецовому мещанину Ивану Крашенинникову, у которого в 1813 г. П. М. Строев квартировал в Ярославле».

¹⁴ Об этом см.: Н. Барсуков. Жизнь и труды П. М. Строева, с. 302—305; А. И. Андрусов. Из переписки П. М. Строева. — ЛЗАК за 1927—1928 годы, вып. 35. Л., 1929, с. 221—230. Между прочим, Строев писал 6 сентября 1836 г., что собирал коллекцию актов последние 15 лет (с. 225). Кроме сделки с Царским, Строеву удалось продать 17 пергаменных грамот Археографической комиссии.

¹⁵ Например, документы в Погод. № 1573, лл. 79 об.—83, 174—179, опубликованные в: ААЭ, т. III, № 141, № 182, — происходят именно из этого списка. Интересно, однако, отметить, что, посылая летописи из своего собрания в Археографическую комиссию, Строев отправил только №№ 2—7, но не включил № 1 — рукопись, возможно, похищенную им. См. табл., с. 193; ср.: Д. С. Лихачев. Текстология. На материале русской литературы X—XVII вв. М.—Л., 1962, с. 108—109.

¹⁶ Например, Погодинская № 1562, лл. 108—110 об., списанные Строевым 5 июля 1832 г. в Новгороде; Погодинская № 1549 — рукопись, целиком составленная из списков, сделанных Строевым в Антониево-Сийском и Онежском Крестном монастырях, в Архангельской семинарии в 1829 г. и в одном случае — в 1830 г., в библиотеке Толстого (см.: А. Ф. Бычков. Описание церковнославянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки, вып. I. СПб., 1882, с. 106—112); БАН, 32.2.14, где равные списки частично выполнены Строевым в 1826, 1827 и 1829 гг. Ср.: Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 3, вып. 3. Исторические сборники XVIII—XIX вв. Составители Н. Ю. Бубнов и др. Л., 1971, с. 23, — где указано, что рукопись составлена в 1826 г. (по бумаге с датой 1826 г. в филигрань). Ошибочность этого указания следует из записи Строева на л. 18 о том, что он описал эту часть 18 января 1827 г. К тому же мы знаем, что части, начинающиеся на л. 1 и 35, он мог списать в Холмогорах только в 1829 г. Возможно, что выписки из кирилловских летописей Синодального собрания были сделаны им в 1825 г., так как известно, что он использовал указанные рукописи ранее октября этого года (см.: Н. Барсуков. Жизнь и труды П. М. Строева, с. 107).

своей библиотеки статьи. . . Слухи эти теперь находят фактическое подтверждение, и уже с некоторой решительностью можно говорить, что из этих-то надерганных и вырезанных статей составились те замечательные сборники, которых оказалось так много в Строевском собрании рукописей. . . Все почти эти сборники составлены из статей, писанных в разные столетия. . . , иногда из десяти, двадцати отрывков. . . , умелю рукою соединенных в одну книгу, большею частью по однородности их содержания, что редко встречается в наших старинных сборниках. Нет сомнения, что люди, изучавшие рукописи разных монастырских библиотек и с некоторым удивлением и сожалением тщетно искавшие в иной рукописи статью, указанную в ее оглавлении (где есть такие оглавления), теперь, читая описание строевских сборников, будут рады встретить в них эти потерянные статьи. . . Мы говорим по опыту».¹⁷

Автор рецензии привел в доказательство пример обнаружения в 40-х годах XIX в. харьковским епископом Иннокентием в собрании Погодина среди рукописей Строева сочинения, которое должно было бы находиться в собрании МДА, но исчезло оттуда.¹⁸

В следующем номере «Русского вестника» появились ответ на столь резкую критику покойного Строева, написанный его сыном Александром Павловичем, и вместе с тем объяснение редактора журнала М. Каткова, что рецензия была опубликована «по недоразумению».¹⁹ Сын Строева справедливо потребовал от рецензента более конкретных доказательств его обвинений.

Такие доказательства появились через несколько лет в статье С. А. Белокурова о малоизвестном сочинении Сильвестра Медведева «Известие истинное о новоправлении книжном». Белокуров подробно написал о том, как трудно ему было найти хороший список данного сочинения, хотя сам Строев ссылаясь на существование его в Синодальном собрании.²⁰ Наконец, нужный список был найден в рукописи собрания Погодина, № 1245 (прежде собрания Строева, № 262). Белокуров объяснил, что, по всей вероятности, рукопись исчезла из Синодальной библиотеки в 1833 или 1834 г., когда Строев приводил в порядок сундук непереpleтенных рукописей этого хранилища, которые ему разрешили временно взять домой. И не только это сочинение таким образом попало в сборники Строева, но и иные «черновые письма» Медведева.²¹

¹⁷ Русский вестник, т. 139, 1879 г., февраль, с. 889—890. Возможно, под «слухами», в частности, подразумевалась анонимная статья про Николаевский Корельский монастырь, которая сообщала в 1852 г.: «. . . другие, может быть и не менее интересные документы. . . по устным сказаниям, а частью историческим сведениям едва ли не взятые из монастыря изыскателями древностей гг. Свиньиным и Строевым» (цит. по: Н. Барсуков. Жизнь и труды П. М. Строева, с. 180).

¹⁸ Русский вестник, т. 139, 1879 г., февраль, с. 890—891; Н. М. В - о в. Иннокентий, архиепископ херсонский и таврический. 1800—1857 гг. III. — Русская старина, 1878 г., ноябрь, с. 392—393.

¹⁹ А. П. Строев. Объяснение по поводу рецензии на книгу г. Барсукова. — Русский вестник, т. 140, 1879 г., март, с. 455—477.

²⁰ С. Белокуров. 1) Сильвестр Медведев об исправлении богослужебных книг при патриархах Никоне и Иоакиме. — Христианское чтение, ноябрь—декабрь 1885 г., с 703—708; 2) Сильвестра Медведева известие истинное православным и показание светлое о новоправлении книжном и о прочим. — ЧОИДР, 1885, кн. 4, отд. II, с. XXVI. Судя по тону замечаний Белокурова, он вполне мог бы быть автором рецензии в «Русском вестнике».

²¹ Они находятся сейчас в Погодинской № 1245, а также № 1963, лл. 189—215; можно догадаться, что собственноручные письма монаха Евфимия Чудовского, сейчас находящиеся в Погодинской № 1963 были взяты Строевым в это время таким же образом. См. описание Погодинской № 1963 в кн.: А. Ф. Бычков. Описание церковнославянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки, вып. I,

Другие данные об источниках собрания Строева появились совсем недавно. Р. П. Дмитриева обнаружила вторую половину списка Летописца, написанного известным монахом Ефросином, в Погодинской № 1554, тогда как первая половина все еще находится в Кирилло-Белозерской № 22/1099.²² В своей книге по дипломатике С. М. Каштанов сделал подробный кодикологический анализ сборника Погодинского № 1905 (бывшего собрания Строева), где находится очень ценный свод иммунитетных грамот XV и XVI вв., вырванных, как Каштанов убедительно доказывает, из разных копийных книг Троице-Сергиевского монастыря.²³ Эти копии грамот исчезли, по-видимому, в 1831 г., когда Строев работал в монастыре и даже получил разрешение взять домой одну из монастырских копийных книг. Каштанов указывает на то, что в собрании Погодина среди рукописей Строева есть и другие копии грамот, вырванных из копийных книг монастырских библиотек: в Погодинской № 1846 (Строевской № 284), 1564 (Строевской № 29), 1848 и 1913 — из Троице-Сергиевского монастыря, в Погодинской № 1847 — из Симонова монастыря, в Погодинской № 1910 — из Савва-Сторожевского монастыря, в Погодинской № 1911 — из Двинского Михаило-Архангельского монастыря и, наконец, в Погодинской № 1906 — из Соловецкого монастыря.²⁴

Итак, оказывается, что обвинение Строева анонимным рецензентом было оправдано. Как же можно объяснить поведение человека, заслуги которого в спасении, описании и опубликовании древнерусских рукописей безусловно огромны? Случаи похищения рукописей в библиотеках не редки, и есть известные примеры конца XVIII и первой половины XIX в. Синодальная библиотека в Москве пострадала в 70-х годах XVIII в. от расхищения ее профессором Х. Ф. Матеем, приехавшим из Саксонии для описания греческих рукописей этого собрания.²⁵

В годы после сожжения Москвы в 1812 г. интерес к русской старине оживился и спрос библиоманов стал таким, что цены росли безумно, любители старины путешествовали для разыскания рукописей и книг и приобретения их любым образом; появился целый ряд фальсификаций.²⁶ Расхищение библиотек случалось, конечно, не только в России, но и в других странах. Один такой случай стал *cause célèbre* в Лондоне в 1845 г., когда рукописи Тринити-колледжа в Кембридже были обнаружены в собрании Британского музея; виновником объявили некоего

с. 350—365. Интересно, что, хотя в описи своей коллекции Строев лишь в редких случаях давал оценку рукописей, про № 262 (Погодинская № 1245) он написал — «собрание редкое» (Н. Барсуков. Жизнь и труды П. М. Строева, с. 384).

²² Р. П. Дмитриева. Взаимоотношение списков «Задонщины» и текст «Слова о полку Игореве». — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». М.—Л., 1966, с. 251, прим. 78.

²³ С. М. Каштанов. Очерки русской дипломатики, гл. IV.

²⁴ Там же, с. 338—339.

²⁵ См.: С. Белокуров. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898, с. 3—24, — где он, в частности, пишет и о расхищении Типографской библиотеки.

²⁶ См.: П. Н. Берков. Русские книголюбцы. Очерки. М.—Л., 1967, с. 164. О приемах известного собирателя Ф. Ф. Мазурина см.: там же, с. 113—114. Строев хорошо знал последствия такого спроса на рукописи: см. его речь, читанную в 1823 г. в Обществе истории и древностей Российских (Н. Барсуков. Жизнь и труды П. М. Строева, с. 73). Известны подделки Бардина и Сулакадзева, см.: М. Н. Сперанский. Русские подделки рукописей в начале XIX века (Бардин и Сулакадзев). — В кн.: Проблемы источниковедения, V. М., 1956, с. 44—101; I. Ševčenko. The Date and Author of the So-Called Fragments of Toparcha Gothicus. — *Dumbarton Oaks Papers*, № 25 (1971), p. 115—188.

Дж. О. Халливелла, который позже стал известным специалистом по Шекспиру.²⁷

Современники Строева, архимандрит Порфирий Успенский и В. И. Григорович, во время путешествий на Балканах и Ближнем Востоке, пополнили свои собрания за счет библиотек православных монастырей, которые они посетили.²⁸ Рукописи собрания Успенского до известной степени производят то же впечатление, что и сборники Строева, — они составлены из отрывков, взятых из разных хранилищ.²⁹ Из-за деятельности этих и других ученых в православных монастырях на Балканах монахи, по-видимому, начали подозрительно относиться к намерениям приезжих ученых.³⁰

Хотя в некоторых случаях движущей силой могли быть финансовые соображения, но были и такие люди, как Григорович и Строев, которые имели основания быть уверенными, что если бы они не взяли самых ценных рукописей, те могли бы затеряться или быть испорчены. Григорович очень ярко рисовал ужасное состояние монастырских библиотек на Афоне. В одном месте он даже отозвался о монахах: «все невежды», в другом месте написал: «Не перестану жаловаться на жестокосердие лукавого невежества, которое, не умея само пользоваться драгоценными документами, лишает других полезного наставления».³¹ Очень близко к этому мнению Григоровича отношение Строева к хранителям библиотек церковных учреждений: «В библиотеках духовного ведомства. . . лежат тысячи славянских рукописей, хартий и старинных книг. Их было бы больше, но нерадение и невежество в разных видах постоянно содействуют их уменьшению. Многие документы, незадолго перед тем целые, уже не существуют. По плану учебных курсов в духовных академиях и собраниях оные рукописи. . . бесполезны для сих училищ: преподаватели, студенты, не умея ими пользоваться, презирают и не берут их, настоятели монастырей. . . отчуждают, портят, даже истребляют. Сбор славянских рукописей. . . в С.-Петербург и Москву, в библиотеки государственные, есть дело крайне необходимое. Только в столицах существуют ученые, способные ими пользоваться. Только светские ученые и критики принесли пользу отечественной истории».³²

Под влиянием такого рода соображений Строев вполне мог с чистой совестью собирать рукописи для собственной библиотеки за счет духовного ведомства. Мне представляется очень показательным для характера Строева один момент, когда во время переговоров с Погодиным о продаже собрания возник спор: Погодин настаивал на получении рукописей до выплаты всей суммы. Он писал Строеву: «Я купил у Вас библиотеку не смотря — неужели это не знак доверенности. . . Не поверил ли я Вам также, что Вы отдаете все рукописи сполна?». Огорченный такими сло-

²⁷ D. A. Winstanley. Halliwell Phillips and Trinity College Library. — The Library, 5th ser., vol. II, № 4, March 1948, p. 250—282. За эту ссылку я признателен проф. Ф. Леви.

²⁸ Н. Петровский. Путешествие В. И. Григоровича по славянским землям. — ЖМНП, новая серия, LIX (1915, № 10), отд. 2, с. 254—261.

²⁹ Там же, с. 255—256; Е. Э. Гранстрем. Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ, вып. 6. Рукописи XIV века. — Византийский временник, т. XXVII. М., 1967, с. 273—294, №№ 514, 516—521, 530 и многие другие.

³⁰ О. Бодянский. По поводу описания славяно-русских рукописей ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря. — ЧОИДР, 1871, кн. 1, отд. V, с. 208—209.

³¹ Н. Петровский. Путешествие В. И. Григоровича по славянским землям. с. 244, 248.

³² В записке Строева президенту Академии наук С. С. Уварову в начале 1833 г., цит. по: Н. Барсуков. Жизнь и труды П. М. Строева, с. 256.

вами, Строев ответил: «Я, быть может, человек тяжелый, но целою жизнью своей доказал, что человек честный, и такую репутацию дорожу всего более. . . Граф Толстой был мой друг и благодетель, его огромная библиотека находилась в совершенном моем заведывании несколько лет и, когда должно было сдавать в императорскую Публичную, никаких утрат не оказалось. . . Г. Царский мне также хороший приятель, все его книги гостили у меня по месяцам, все сдано в целости».³³

Несомненно Строев был для своего времени лучшим знатоком русской старины и без излишней скромности полагал, что никто, кроме него, не знал лучше, какие рукописи и какие материалы в них представляли наибольшую ценность. Он, конечно, не мог знать (до развития кодикологии и понятия «конвоя» в наши дни), что сохранение одних только вырванных фрагментов хотя иногда и спасает рукописи, но зато очень затрудняет зачастую работу позднейших исследователей. Как преодолеть возникшие в результате этого трудности — на этот вопрос мы пытаемся дать ответ в следующем разделе этой статьи.

После поступления в собрание Погодина рукописи Строева были распределены по тематическому принципу — на корешке каждой поверх строевского номера приклеен красный ярлык Погодинского древлехраннителя, но этим изменения и ограничились.³⁴ Так как характерные строевские переплеты сохранились до сих пор (во всех известных мне случаях), было бы сравнительно легко выделить коллекцию Строева для отдельного изучения, хотя до сих пор никто не пытался даже составить список соответствия строевских шифров нынешним погодинским.³⁵

Рукописи Строева переплетены в картон, покрытый коричневой мраморной бумагой, с желтоватой кожей на корешке, где вытеснено название рукописи. На внутренней стороне обложки ярлык Строева, на котором обычно написан чернилами или бледным карандашом шифр рукописи по его описи. На бумаге, приклеенной к переплету, обычно видны филигранные XIX в., и можно думать, что это бумага переплетчика, которому Строев отдавал свои рукописи.³⁶ После бумаги, приклеенной к обложке,

³³ Письма Погодина и Строева цитированы Барсуковым (Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 6, с. 358—359).

³⁴ Наличие на корешке номера Строева, например, неожиданно обнаружилось, когда ярлык Погодина наполовину отклеился.

³⁵ Хотя сейчас на рукописях не всегда явно видны строевские номера, их можно установить при помощи описи, составленной Строевым 28 февраля 1841 г. Эта опись опубликована Барсуковым (Жизнь и труды П. М. Строева, с. 376—385) в неполном виде (сборники опущены), поэтому мы включаем в приложение к этой статье опущенные номера, взятые из той же рукописи, которую использовал Барсуков (ГБЛ, собр. Ундольского, № 867). Хотя опись, составленная Строевым, представляется полной, возможно, что в течение года после ее составления и до продажи рукописей он приобрел и другие списки. По данным, которыми я располагаю, не вполне ясно, какие именно из строевских рукописей (по описи) могут быть описаны у разных авторов. Например, в ПСРЛ, т. XV. 1863, с. VI описывается Погодинская № 970, ранее принадлежавшая Строеву; но в описи Строева такая рукопись не упоминается (в 2°, на 197 лл., белорусской скорописью). Не совсем также ясно, каким рукописям по строевской описи соответствуют собрание грамот, о которых пишет С. М. Каптанов (Очерки русской дипломатики, с. 338—339; следует исправить его указание, что Погодинская № 1564 носила № 24 у Строева; более вероятно, что это бывшая Строевская № 29). Поскольку мне не удалось увидеть сборники грамот, этот вопрос трудно решать на основании одних только опубликованных данных.

³⁶ Обычно это дешевая бумага, на которой не всегда видна филигрань. В случаях присутствия филигранны она иногда включает дату, обычно на год раньше изготовления переплета (например, в Погодинской № 689 дата на бумаге 1833 г., а переплет датируется 1834 г.; в Погодинской № 1578 дата на бумаге 1834 г., а переплет датируется 1835 г.). Есть, однако, исключения, когда дата на бумаге оказывается гораздо более ранней, чем дата переплета (например, Погодинская № 1572, где бумага 1827 г., а переплет —

идет заглавный лист, на котором рукой Строева проставлен заголовок рукописи. Если в сборнике несколько статей, то на следующих листах помещено оглавление, написанное Строевым (если его не было ранее), в конце которого он обычно указывает дату и место составления им оглавления. Во многих рукописях встречаются подзаголовки, разделяющие статьи или тетради. Листы, написанные Строевым, чаще им и вставлены: это частично хорошая бумага XIX в., частично же — отдельные белые листы старой бумаги, взятые из различных тетрадей, приобретенных им.³⁷ Иногда подзаголовки написаны на первом или последнем белом листе тетради, включенной в сборник (например, Погодинская № 1952, л. 1).

Одно из первых пожеланий по изучению собрания Строева — составить хронологический список рукописей по датам приобретения, а если это невозможно, то по крайней мере — по датам переплета. Последнее сделать сравнительно нетрудно. Если дата стоит в конце оглавления, мы знаем, что это дата окончательной подготовки Строевым рукописи к переплету. Где даты нет, можно использовать данные филиграней (в первую очередь бумаги переплета, так как запас бумаги переплетчика пополнялся, по-видимому, сравнительно быстро), а кроме того, данные вставленных листов (хотя здесь надо учесть, что запас хорошей бумаги у Строева, вероятно, возобновлялся не часто, да и филигранные на этих листах недостаточно полны для датировки). Если в разных недатированных рукописях собрания встречается та же бумага, можно условно сгруппировать их вместе. Мраморная бумага обложки также группируется по оттенкам, и это поможет уточнить дату переплета там, где нет филиграней.³⁸ К сожалению, исследуя строевские рукописи, я сравнительно поздно обратил внимание на эту последнюю возможность. Используя вышеупомянутые сведения, мы получим список, приведенный в таблице.

К этому списку мы добавили и летопись деятельности Строева, так как нам представляется, что сопоставление дат его работы в определенных местах и хранилищах с датами переплета отдельных рукописей помогает выяснить, откуда он мог получить ту или иную рукопись.³⁹ Ока-

1832 г.). Кажется, что иногда переплетчик сам восстанавливал рукописи (например, Погодинская № 1629, где подклеена бумага с литерами ПЩ, встречающаяся в других переплетах).

³⁷ У Строева был запас бумаги с одной филигранью (лилия, слева от нее литеры УФ, справа — ЛП, внизу в середине дата — 1826 г.). Листы этой бумаги находятся во многих строевских рукописях, например Погодинской № 1589 (дата подготовки к переплету 13 марта 1833 г.), Погодинской № 1558 (16 сентября 1833 г.); второй вариант филигранны с лилией в середине, УФ — слева и ЛП — справа, тоже часто встречается: Погодинская № 1568 (13 марта 1833 г.), Погодинская № 1562 (17 декабря 1833 г.) и т. д. Примерами использования Строевым листов старой бумаги могут служить Погодинская № 1574, где, судя по сигнатурам и пятнам от сырости, л. 1 шел после л. 65, и Погодинская № 1565, где л. 1, по-видимому, той же бумаги (птица в гирлянде), что и в кусках, взятых из Синодальной № 850 (об этом см. ниже).

³⁸ Например, недатированная Погодинская № 1629, которая по различным данным группируется с датированными Погодинскими №№ 1503, 1573 и 1576, имеет ту же мраморную бумагу с сероватым оттенком. Наверно, эта бумага могла бы помочь определить дату переплета гораздо точнее, чем вставленные листы или бумага, приклеенная к переплету. Окраска бумаги разных оттенков — красного, зеленого и т. д., — и мне не приходилось повторно встречать одну и ту же мраморную бумагу в переплетах Строева, виды которой различались бы друг от друга по времени даже на несколько недель.

³⁹ В описании деятельности Строева я руководствуюсь работой Барсукова. При этом я не стараюсь включить названия всех хранилищ, где Строев работал, так как мне представляется, что он редко мог пропустить какое-либо собрание. В любом случае для установления столь подробного списка, вероятно, пришлось бы обратиться к неопубликованному рукописному наследию Строева.

Дата	Рукопись	Место деятельности Строева	Примечания
1829 г. Март Апрель		Отправление из Москвы Онега, Архангельск	В архиве удельной конторы писцовые книги важских дворцовых волостей; ср. Строевская № 273— Грамоты Важской области
Июнь		Холмогоры (архив собора), Пинега, Красногорск, Анто- нииево-Сийский монастырь	В рукописи БАН, 30.2.14, есть две выписки, сделанные Строевым «из летописца, находящегося в Холмогорском соборе под № 33, в лист». Погодинская № 1402 (бывшая Строевская № 1) является бывшей № 33 из библиотеки Холмогорского собора (см.: Псковские летописи, вып. I. М.—Л., 1940, с. XV; ср. также: Библиологический словарь, с. 360)
Июль		Шенкурск, Вельск, Вер- ховажье	
Июль—сентябрь		Вологда, Тотьма, Устюг, Сольвычегодск, Яренск, Усть- вым	См. Строевскую № 276 («Списки с грамот разных северных монастырей»)
Ноябрь		Спасо-Прилуцкий мона- стырь	
Декабрь		С.-Петербург	
1830 г. Март—апрель Май		Москва Вологда, Кадниковский и Грязовецкий уезды	
Май—июнь		Кирилло-Белозерский мо- настырь	
Июль—август		Кострома, Галич, Буй, Чух- лома, Солигалич, Судислав, Макарьев-на-Уньке	
Сентябрь		Ярославль, Москва	

Т а б л и ц а (продолжение)

Дата	Рукопись	Место деятельности Строева	Примечания
1831 г. 8 января ? 3 марта Март—апрель Май—август Июнь—июль Август Октябрь Конец года	Погодинская № 1569 (Строевская № 33) Погодинская № 1481 (Строевская № 72) Погодинская № 1570 (Строевская № 39)	 С.-Петербург Монастыри Московской епархии Троице-Сергиева лавра, Духовная академия Ярославль Ростов Москва, С.-Петербург	 Вставляю здесь Погодинскую № 1481 на том основании, что на бумаге переплета есть дата—1827 г., как и в Погодинской № 1569, а также потому, что почерки в обеих рукописях, по-видимому, относятся к одной северной среде. Необходима дополнительная проверка мраморной бумаги 13 мая приобрел лл. 67—77 нынешней Погодинской № 1557
1832 г. ? ? ? Конец февраля	Погодинская № 1905 Погодинская № 1846 (Строевская № 284) Погодинская № 1564 (Строевская № 29)	 Москва (архив Пушкарского приказа, Патриаршая библиотека, библиотека архива Министерства иностранных дел)	Погодинская № 1905 состоит почти целиком из грамот Троице-Сергиевского монастыря; часть Погодинских №№ 1846 и 1564—тоже троицкие грамоты. Так как мне не пришлось познакомиться с этими рукописями, включаю их условно, поскольку, по всей вероятности, Строев получил троицкие грамоты в предыдущем году, но смог найти время подготовить их к переплету только в начале 1832 г. В Москве он сделал «подробный разбор» Патриаршей библиотеки и впервые в жизни занимался рукописными книгами Архива Министерства иностранных дел

Дата	Рукопись	Место деятельности Строева	Примечания
1832 г. 1 марта 23 апреля ?	Погодинская № 1577 (Строевская № 42) Погодинская № 1572 (Строевская № 38) Погодинская № 1571 (Строевская № 37)		
Июнь—июль		Новгород (Софийская библиотека)	<p>Погодинская № 1571 включена здесь потому, что в ней (л. 2) есть запись Строева, датированная 30 апреля, и бумага переплета сходна с бумагой Погодинской № 1577</p> <p>Строев не раз писал о «примечательных» рукописях в Софийской библиотеке из собрания Кирилло-Белозерского монастыря. В его собрании есть разные кирилловские отрывки (в частности, в Погодинской № 1566); несколько отрывков из Софийской библиотеки: Погодинская № 1563, л. 60, Погодинская № 1566, л. 20 об., — копия Строева; лл. 48—61; Погодинская № 1562, лл. 108—110</p>
Конец июля Сентябрь 12 сентября	Погодинская № 1567 (Строевская № 35)	Псков Тверь	<p>Погодинские №№ 1567 и 1841 — единственные известные мне рукописи, где оглавление написано Строевым не в Москве</p>
16 сентября	Погодинская № 1841 (Строевская № 104)		
Сентябрь Сентябрь—октябрь 2 октября	Погодинская № 1566 (Строевская № 36)	Рязань Тверь, Москва	<p>Погодинская № 1566 — сборник отрывков, происходящих, по-видимому, из Кирилло-Белозерского монастыря, был составлен Строевым в очень короткий промежуток между приездом из Твери в Москву и отъездом обратно. Так как он привез с собой материалы, собранные в Новгороде, и одна часть Погодинской № 1566 (лл. 48—61) была взята из собраний Софийской № 1462, можно думать, что и остальные части Погодинской № 1566 также происходят из Софийской библиотеки</p>

Таблица (продолжение)

Дата	Рукопись	Место деятельности Строева	Примечания
1832 г. Октябрь		Тверь	В Погодинской № 1550, л. 40, есть фрагмент рукописи и запись Строева: «Октября 22, 1832, Тверь»
Конец года		Москва	
1833 г. Начало года Конец февраля 1 марта		С.-Петербург Москва	Погодинские №№ 1568 и 1589 содержат части той же рукописи; в Погодинской № 1568 лл. 40—42 и 164—170 взяты Строевым из ГИМ, Синодальное собр., № 850, вероятно, в предыдущем году
13 марта	Погодинская № 1559 (Строевская № 24) Погодинская № 1568 (Строевская № 34)		
13 марта	Погодинская № 1589 (Строевская № 238)		
Конец апреля Май Июнь—июль Июль Начало сентября 15 сентября		Патриаршая библиотека Владимир Нижний Новгород Казань, Свияжск, Юматово Москва	
16 сентября	Погодинская № 1132 (Строевская № 81) Погодинская № 1558 (Строевская № 23)		Погодинские № 1132, 1558 и 1484 в совокупности составляют одну полную рукопись
15—16 сентября	Погодинская № 1484 (Строевская № 70)		
19 сентября	Погодинская № 1588 (Строевская № 239)		Погодинская № 1579 включена сюда потому, что бумага переплета, очевидно, та же, что и в Погодинской № 1588, где встречается на обложке та же мраморная бумага, что и на Погодинской № 1588. Эта же бумага на обложках Погодинских №№ 1552 и 1555
?	Погодинская № 1579 (Строевская № 27)		

Дата	Рукопись	Место деятельности Строева	Примечания
1833 г. ? ? ?	Погодинская № 1552 (Строевская № 91) Погодинская № 1555 (Строевская № 93) Погодинская № 1591 (Строевская № 236)		Погодинская № 1591 включена сюда условно — в ней встречается та же бумага, которая, по-видимому, находится в частях Погодинских №№ 1588 и 1565
24 сентября 27 сентября	Погодинская № 1565 (Строевская № 32) Погодинская № 799 (Строевская № 242)		
1834 г. Январь		С.-Петербург, Москва	В Москве разбирал бумаги Соликамского и Кунгурского архивов, присланные ему
4 апреля 6 апреля (?)	Погодинская № 1952 (Строевская № 45) Погодинская № 1413 (Строевская № 5)		Строев купил Погодинскую № 1413 6 апреля в Москве (Псковские летописи, вып. I, с. IX)
7 апреля 7 апреля 7 апреля (?) 29 сентября	Погодинская № 801 (Строевская № 244) Погодинская № 798 (Строевская № 241) Погодинская № 689 (Строевская № 127) Погодинская № 1575 (Строевская № 45)		В Погодинских №№ 689, 798, 801 есть части одной рукописи
Октябрь		Архив Оружейной палаты	
1835 г. Январь Конец января—начало февраля		С.-Петербург Москва	

Т а б л и ц а (продолжение)

Дата	Рукопись	Место деятельности Строева	Примечания
1835 г. 1 марта	Погодинская № 1563 (Строевская № 31)		В Погодинской № 1563 лл. 94—99 взяты из Патриаршей библиотеки (Синодальное собр., № 850), л. 60 — из Софийского собрания в Новгороде
15 марта	Погодинская № 1494 (Строевская № 18)		
27 марта	Погодинская № 1853 (Строевская № 48)		
27 марта	Погодинская № 1503 (Строевская № 69)		Погодинские №№ 1503, 1573, 1629 и часть № 1576 составляют части одной рукописи
28 марта	Погодинская № 1573 (Строевская № 40)		
28 марта	Погодинская № 1576 (Строевская № 46)		
27 или 28 марта	Погодинская № 1629 (Строевская № 68)		
8 апреля	Погодинская № 1582 (Строевская № 47)		
24 апреля	Погодинская № 1578 (Строевская № 43)		
?	Погодинская № 1957 (Строевская № 54)		Погодинские №№ 1957, 1584, 1480 вставлены здесь условно на том основании, что на бумаге переплета есть сходные филигранны, которые находятся в других рукописях, подготовленных к переплету весной 1835 г.: знаки включают буквы ПЩ, дату 1834 г. и знак мастера В (ср., например, Погодинскую № 1578, где находятся ПЩ и 1834). Однако надо учесть, что бумага с этими буквами одинакова не везде, где она встречается в собрании Строева
?	Погодинская № 1584 (Строевская № 49)		
?	Погодинская № 1480 (Строевская № 71)		
2 июня	Погодинская № 1574 (Строевская № 41)		
12 июня	Погодинская № 800 (Строевская № 243)		

Дата	Рукопись	Место деятельности Строева	Примечания
Сентябрь		Библиотека Чудова монастыря	Кончил просмотр чудовских рукописей до 16 сентября (ЛЗАК, вып. 35, с. 198); пишет в том же письме от 16 сентября про размен с Царским двух рукописей
3 ноября	Погодинская № 1560 (Строевская № 25)		
26 ноября	Погодинская № 688 (Строевская № 126)		
1836 г. Декабрь		Москва, С.-Петербург	
1837 г. Январь		Москва (архив Министерства иностранных дел, собр. Монастырского приказа; Архив старых дел при Сенате, собрание кн. Оболенского)	Продолжает работу над соликамскими и кунгурскими документами
22 октября	Погодинская № 1143 (Строевская № 195)		
1838 г. 17 декабря	Погодинская № 1562 (Строевская № 28)	Работа в архиве старых дел продолжается	
1839 г.		Архив старых дел	
1840 г. Апрель			Послал в Археографическую комиссию рукописи №№ 2—7 из своего собрания
30 апреля	Погодинская № 1561 (Строевская № 26)		
12 мая	Погодинская № 1590 (Строевская № 237)		
17 мая	Погодинская № 1581 (Строевская № 50)		
Ноябрь			Погодин впервые запрашивает Строева о покупке собрания

В 1842 г., в феврале месяце, Строев продает собрание своих рукописей и старопечатных книг Погодину. В 1851 г. Погодин продает свое собрание имп. Публичной библиотеке.

зывается, что большинство рукописей падает на годы существования Археографической экспедиции и первый год после окончания ее деятельности (так как нет никаких датированных рукописей до начала экспедиции, мы исключили его службу до этого). Переплеты сделаны обычно в Москве осенью или зимой, как и следует ожидать для тех лет, когда всю весну и лето Строев проводил в разъездах по провинции. Таким образом, можно сделать вывод, что эти рукописи представляют собой собрание материалов, обнаруженных Строевым предыдущим летом или во время текущей работы в московских хранилищах. Иногда можно с некоторой уверенностью сказать, что он приобрел какую-либо рукопись или тетрадь в определенном хранилище; в тех же редких случаях, когда место подготовки рукописи к переплетению — не Москва,⁴⁰ это указывает, на вероятно иное место ее происхождения. Но надо иметь в виду и то, что, во-первых, некоторые рукописи могли быть куплены у частных лиц, а во-вторых, что Строев не раз сохранял отдельно тетради, приобретенные в одном году, и переплетал их вместе гораздо позже, только тогда, когда их набиралось достаточно для сборника с определенной тематикой. В годы работы в Археографической экспедиции у него, по-видимому, было мало свободного времени даже зимой, так как он постоянно занимался в московских архивах и библиотеках, — а это значит, что Строев смог привести свои бумаги в полный порядок только по окончании экспедиции — в 1834 г.⁴¹

Рукописи Строева обычно содержат данную им сплошную пагинацию листов, включая все вставленные листы.⁴² Номера проставлены в верхнем правом углу листа и почти всегда написаны арабскими цифрами, чернилами. Иногда — там, где уже была старая сплошная пагинация, — Строев просто продолжал ее, добавляя в конце другие тетради (например, Погодинская № 1555). Почти в любой строевской рукописи можно найти следы прежней нумерации тетрадью или листов, но обычно такую нумерацию трудно восстановить из-за того, что при переплетении почти все рукописи были срезаны по краям (например, Погодинская № 1573), или потому, что сам Строев смывал прежние номера (например, Погодинская № 1571, лл. 54—60) или изменял их так, чтобы они соответствовали его нумерации (см. Погодинская № 1494, лл. 249 и сл.). Нумерация статей в рукописи была добавлением Строева — она проставлена чернилами, римскими цифрами и находится или на вставленных титульных листах, или на полях самой рукописи.

В соответствии со своими задачами Строев иногда считал возможным разделить текст: в случаях, когда он указывает, что начала или конца недостает (см. Погодинскую № 1565, л. 169 об.), или добавляет отсутствующие строки (см. Погодинскую № 1552, л. 37). В начале или в конце отдельных произведений, особенно если они открывают или завершают рукопись, Строев иногда зачеркивал или заклеивал отдельным листиком строки, казавшиеся ему излишними (например, Погодинская № 1573, л. 1; № 1568, л. 57 об.); в некоторых случаях даже вырезана половина

⁴⁰ Мне известно два примера полных рукописей — Погодинские № 1567 и № 1841, датированные 12 и 16 сентября 1832 г. в Твери, и несколько примеров отдельных листов и тетрадью (см. таблицу).

⁴¹ Эту работу он, по-видимому, кончил только в 1836 г., когда, по требованию Археографической комиссии, отправил в Петербург материалы, оставшиеся у него после окончания экспедиции, за исключением тех, над которыми еще работал для составления «Библиологического словаря» и «Списка настоятелей монастырей» (см.: А. И. Андруеев. Из переписки П. М. Строева, с. 226—230).

⁴² Подробное описание особенностей нумерации текста и т. п. в рукописях Строева см. у Каштанова (Очерки русской дипломатики, с. 339—340).

листа и вместо нее приклеен листок чистой бумаги (см. Погодинскую № 1563, л. 28). Создается впечатление, что Строев хотел придать своим рукописям внешнее единообразие, при котором лишние фрагменты, записи и номера опускались.⁴³

Хотя проблемы, возникшие в результате такого обращения с рукописями, до известной степени можно преодолеть и определить источники строевских рукописных фрагментов, — как это уже было указано Белокуровым, Дмитриевой, Каштановым и будет дополнительно продемонстрировано в следующей моей статье, — есть и другая сторона строевской деятельности, о которой еще никто не писал.

Многие рукописи в его собрании состоят из одного или по крайней мере немногих сочинений, — и далеко не всегда это известные исторические сборники, описанные Бычковым. Сейчас мы располагаем достаточными данными (см. т. XXXII), чтобы утверждать следующее: очень часто Строев (как и Сахаров, и Халливелл в Англии, и многие другие) разделял рукописи и переплетал их части отдельно или в разных комбинациях с тетрадями из других рукописей. Особенно важным представляется то, что в подобных случаях большинство таких составных частей и сейчас находится в собрании Строева. Конечно, вероятно, что он продавал, менял и т. п. ненужные части, но все же можно сравнительно легко реконструировать многие рукописи, разделенные им. Хороший пример представляют Погодинские №№ 1503, 1573, 1576 и 1629; и, хотя я не располагаю возможностью проверить эти выводы, мне представляется, что многочисленные отдельные жития в этом собрании в значительной части произошли из весьма небольшого числа рукописей.

К подробному рассмотрению примеров мы обратимся в продолжении этой статьи, которая будет опубликована отдельно.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

№ 23. Сборник исторический, в 53 статьях, писан скорописью XVII в., в лист, на 252 лл.

№ 24. Сборник исторический, в 10 статьях, XVI и XVII вв., в лист, на 87 лл.

№ 25. Сборник исторический духовный, в 25 статьях, XVII в., в лист, на 107 лл.

№ 26. Сборник исторический, в 12 статьях, писан скорописью XVII в., в четвертку, на 159 лл.

№ 27. Сборник исторический, в 17 статьях, разных почерков, XVII в., в четвертку, на 133 лл.

№ 28. Сборник исторический, в 16 статьях, скорописный, XVII в., в четвертку, на 110 лл.

№ 29. Сборник исторический, в 19 статьях, разных почерков, XVI и XVII вв., в четвертку, на 165 лл.

№ 30. Сборник исторический, в 9 статьях, разных почерков, XVI и XVII вв., в четвертку, на 146 лл.

⁴³ Привожу для сравнения описание того, как поступил с украденными рукописями Тринити-колледжа Халливелл: «Почти все они были намеренно переплетены отдельными частями, расчленены или изменены другим образом, так что ни одна не оставалась в первоначальном виде, и указания бывшей принадлежности были скрыты... Все они находятся или находились в переплетах, изготовленных для г-на Халливелла, и страницы пронумерованы им». «Отдельные трактаты были недавно разъединены и переплетены (в одном случае — в трех отдельных частях)» попеременно с сочинениями из других томов. . . Первоначальная нумерация страниц стерта, и ни в одном случае ни один том не остался в первоначальном виде» (из бумаж сара Фредерика Маддена, хранителя рукописей Британского музея, 1845 г.). Цит. по: D. A. Winstanley. Halliwell Phillips and Trinity College Library, p. 256—257, 263.

¹ Номера описи собрания Строева, пропущенные Барсуковым в его публикации этой описи, приведены здесь по ГБЛ, собр. Ундольского, № 867 (в 4°, 21 л., написана Строевым 28 февраля 1841 г.).

- № 31. Сборник исторический, в 19 статьях, разных почерков, XVI и XVII вв., в четвертку, на 134 лл.
- № 32. Сборник исторический, в 8 статьях, разных почерков, XVII в., в четвертку, на 209 лл.
- № 33. Сборник исторический, в 4 статьях, XVI и XVII вв., в четвертку, на 130 лл.
- № 34. Сборник исторический, в 10 статьях, скорописный, XVII в., в четвертку, на 170 лл.
- № 35. Сборник исторический, в 10 статьях, разных почерков, XVI и XVII вв., в четвертку, на 110 лл.
- № 36. Сборник исторический, в 5 статьях, XVI в., в четвертку, на 70 лл.
- № 37. Сборник исторический, в 14 статьях, XVI и XVII вв., в четвертку, на 127 лл.
- № 38. Сборник исторический, в 10 статьях, XVI и XVII вв., в четвертку, на 130 лл.
- № 39. Сборник исторический, в 43 статьях, скорописный, начала XVII в., в четвертку, на 247 лл.
- № 40. Сборник исторический, в 19 статьях, скорописный, XVII в., в четвертку, на 179 лл.
- № 41. Сборник исторический, в 10 статьях, скорописный, XVII в., в четвертку, на 182 лл.
- № 42. Сборник исторический, в 13 статьях, писан полууставом XVI в., в четвертку, на 182 лл.
- № 43. Сборник исторический, в 3 статьях, скорописный, XVII в., в четвертку, на 174 лл.
- № 44. Сборник исторический, в 6 статьях, скорописный, XVII в., в четвертку, на 168 лл.
- № 45. Сборник исторический, в 9 статьях, разных почерков, XVI и XVII вв., в четвертку, на 152 лл.
- № 46. Сборник исторический, в 10 статьях, скорописный, XVII в., в четвертку, на 162 лл.
- № 47. Сборник исторический, в 9 статьях, скорописный, XVII в., в четвертку, на 100 лл.
- № 48. Сборник исторический, в 18 статьях, скорописный, XVII в., в четвертку, на 259 лл.
- № 49. Сборник исторический, в 6 статьях, XVI и XVII вв., в четвертку, на 111 лл.
- № 50. Сборник исторический, в 7 статьях, полууставный, XVII в., в четвертку, на 116 лл.
- № 51. Сборник исторический, в 2 статьях, полууставный, XVII в., в четвертку, на 116 лл.
- № 52. Сборник исторический, в 5 статьях, скорописный, XVII в., в четвертку, на 34 лл.
- № 54. Сборник исторический, в 7 статьях, писан в начале XVIII в., в лист, на 59 лл.
- № 55. Сборник исторический, в 8 статьях, нового почерка, в лист, на 118 лл.
- № 56. Патерик печерский, писан полууставом в начале XVI в., в лист, на 248 лл.
- № 57. Патерик печерский, писан полууставом в 1518 г., в четвертку, на 205 лл.
- № 58. Патерик печерский, писан полууставом в 1591 г., в четвертку, на 238 лл.
- № 59. Патерик печерский, писан полууставом, в начале XVI в., в четвертку, на 238 лл.
- № 60. Патерик печерский, писан полууставом в XVI в., в четвертку, на 176 лл.
- № 61. Патерик соловецкий, писан полууставом в конце XVI в., в четвертку, на 240 лл.
- № 62. Патерик соловецкий, полууставный, начала XVII в. в четвертку, на 208 лл.
- № 63. Патерик соловецкий, полууставный, начала XVII в., в четвертку, на 240 лл.
- № 67. Патерик печерский, полууставный, XVI в., в осьмушку, на 287 лл.
- № 71. Летописец казанский, писан скорописью XVII в., в четвертку, на 230 лл. (Здесь у Барсукова ошибочно повторяются данные о Строевской № 70).
- № 91. Сборник исторический, в 4 статьях, скорописный, XVII в., в осьмушку, на 75 лл.
- № 92. Сборник исторический, в 5 статьях, скорописный, XVII в., в осьмушку, на 77 лл.
- № 93. Сборник исторический, в 4 статьях, скорописный, XVII в., в осьмушку, на 160 лл.
- № 94. Сборник исторический, в 15 статьях, скорописный, XVII в., в осьмушку, на 240 лл.
- № 95. Сборник исторический, в 24 статьях, полууставный, исхода XVI в., в осьмушку, на 419 лл.
- № 96. Сборник исторический, писано скорописью, XVII в., в осьмушку, 133 лл.
- № 97. Сборник исторический, в 4 статьях, скорописный, XVII в., в осьмушку, 40 лл.

- № 98. Сборник исторический, в 5 статьях, разных почерков начала XVII в., в осьмушку, 64 лл.
- № 99. Сборник исторический юридический, в 16 статьях, скорописный, XVII в., в лист, на 148 лл.
- № 100. Сборник исторический юридический, из 11 статей, скорописный, в лист, на 100 лл.
- [№ 175. *Доб.*: 65 л.].
- № 236. Сборник житий и служб русских святых, числом 7, писано полууставом в начале XVII в., в четвертку, на 111 лл.
- № 238. Сборник духовно-исторический, в 19 статьях, писано скорописью в XVII в. в четвертку, 358 лл.
- № 239. Сборник житий, слов и отрывков, писано скорописью в XVII в., в четвертку, 250 лл.
- № 240. Сборник житий кратких, написан в начале XVII в., в четвертку, на 84 лл.
- № 241. Сборник житий кратких и слов, числом 37, писано полууставом в исходе XVI в., в четвертку, 372 лл.
- № 242. Сборник житий кратких и слов, числом 54, писано скорописью XVII в., в четвертку, 320 лл.
- № 243. Сборник житий кратких и слов, числом 47, писано полууставом исхода XVI в., в четвертку, 402 лл.
- № 244. Сборник житий кратких и слов, числом 35, писано полууставом, XVI в., в четвертку, 296 лл.
- № 245. Сборник поучений, числом 19, писано полууставом 1591 г., в четвертку, на 257 лл.
- № 246. Сборник поучений, числом—, писан скорописью в XVII в., в четвертку, на 292 лл.
- № 252. Сборник житий русских святых, писано полууставом в исходе XVI в., в осьмушку.
- № 253. Сборник житий русских святых, писано полууставом в начале XVII в., в осьмушку, 124 лл.
- [№ 258. *Испр.*: XVIII в.].
- [№ 269. *Доб.*: неизвестного автора].
- [№ 282. *Доб.*: в четвертку, на 218 лл.].
- № 290. Сборник законов с 1654 по 1700 г., числом— 138 указов, рукопись XVIII в., в лист, на 271 л.
- № 291. Сборник законов с 1676 по 1699 г., числом до 100, рукопись XVIII в., в лист, на 208 лл.
- № 292. Сборник законов с 1667 по 1718 г., числом 42, рукопись XVIII в., в лист, на 120 лл.
- № 293. Сборник законов с 1685 по 1735 г., числом 14, списки современные, в лист, 96 лл.
- № 294. Сборник законов с 1698 по 1740 г., числом 60, списки современные, в лист, 146 лл.
- № 295. Сборник законов с 1702 по 1762 г., большею частью — печатных экземпляров, числом 15, в лист, 80 лл.
- № 296. Сборник законов с 1701 по 1729 г., числом — указов, рукописных и печатных, в лист, 84 лл.
- № 297. Сборник законов с 1730 по 1740 г., числом — указов, рукописных и печатных, в лист, 267 лл.
- № 298. Сборник законов с 1741 по 1761 г., числом — указов, рукописных и печатных, в лист, 113 лл.
- № 299. Сборник законов с 1761 по 1770 г., числом — указов, по большей части — печатные, в лист, 288 лл.

ПОЛЕМИКА

А. Л. ГОЛЬДБЕРГ

К истории рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха

Предметом исследования является семья литературных памятников, повествующих о происхождении правителей Руси и их регалий. Наибольший вклад в изучение этих сочинений внесли И. Н. Жданов,¹ Р. П. Дмитриева,² А. А. Зимин,³ причем мнения их о датировке и о взаимосвязи отдельных памятников во многом разошлись.

Рассказ о потомках Августа и о дарах Мономаха принадлежит к числу легендарно-политических сказаний, распространенных в русской литературе XIV—XVI вв.⁴ Особенностью такого рода произведений являлось то, что сюжет их был прикреплен к определенным историческим событиям, но осложнен фантастическими, легендарными мотивами.⁵ Мифы и легенды входили в эти произведения на тех же началах, что и исторические факты, и это позволяло авторам подобного рода сказаний придавать их сюжету желательную направленность, т. е. изображать прошлое именно таким, каким требовала руководящая авторами политическая идея.⁶

Рассказ открывается историей потомков Ноя, изложенной по-иному, чем в традиционной библейской версии, и уделяющей особое внимание роду Сима.⁷ В рассказе названы потомки Сима — Арфаксад, Месрем и Хус, Фарсис, Гандуварий, Сеостр, Филикс («...и той пооблада вселенной») и Нектанав, являвшийся будто бы отцом Александра Македонского («...сей второй пооблада вселенною»).

¹ И. Н. Жданов. Русский былевой эпос. СПб., 1895.

² Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях владимирских. М.—Л., 1955; здесь опубликованы тексты важнейших сочинений, содержащих изучаемый рассказ: «Послание Спиридона-Саввы» (далее: ПСС); «Сказание о князьях владимирских» в двух редакциях (далее: СКВ-1, СКВ-2); «Повесть о Аугусте-кесаре» (далее: ПА); повесть о разделении вселенной Ноем (далее: ПН); упоминается также (с. 37—38) «Корень родства великих князей русских» (далее: КР). В статье Р. П. Дмитриевой «К истории Сказания о князьях владимирских» (ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1961, с. 343—346) приведены данные о редакции рассказа, помещенной в родословном сборнике БАН, Арх. Д., 193 (далее: РА).

³ А. А. Зимин. 1) [Рец. на кн.: Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях владимирских. М.—Л., 1955]. — ИА, 1956, № 3, с. 236—237; 2) Основные проблемы реформационно-гуманистического движения в России XIV—XVI вв. — В кн.: История, фольклор, искусство славянских народов. М., 1963, с. 105—106; 3) Античные мотивы в русской публицистике конца XV в. — В кн.: Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972, с. 129—138.

⁴ М. О. Скряпиль. Легендарно-политические сказания Древней Руси. — Доклады и сообщения Филологического института ЛГУ, 1950, вып. 2, с. 49.

⁵ История русской литературы. Гл. ред. Д. Д. Благой. М.—Л., 1958, с. 191.

⁶ А. Н. Робинсон. Историография славянского возрождения и Паисий Хилендарский. М., 1963, с. 85—88; М. О. Скряпиль. Легендарно-политические сказания... с. 53.

⁷ Кн. Бытия, II, 27; Матв., I, 17.

На этом прямая родословная линия, ведущая от Сима, обрывается, и далее речь идет о судьбе власти, которой располагали его преемники, — она оказывается в руках династии Птоломеев, а затем переходит от последней правительницы Египта Клеопатры к римскому императору Августу. «Кесарь Август» вступает во владение регалиями, находившимися ранее у Сеостра и Филикса, и благодаря этому становится преемником изначальных «обладателей вселенной». История Августа заканчивается описанием раздела вселенной между вассалами «кесаря римского», причем особенно подробно говорится о владениях, отведенных мифическому «сроднику» Августа — Прусу, в стране, которая по имени Пруса зовется «Пруская земля».

Из этой-то «Прусской земли» и происходил, по утверждению автора рассказа, первый русский князь Рюрик. Основатель правящей на Руси династии выводился, таким образом, «от рода римска царя Августа», и генеалогическое древо русских князей, доведенное в летописях лишь до Рюрика, присоединялось к более протяженной цепочке, восходящей к правителям древних мировых держав.

Дальнейшее развитие этого мотива содержится в эпизоде перехода на Русь византийских императорских регалий. Упоминание о принадлежности одной из них «кесарю Августу» придавало акту передачи регалий дополнительную историческую глубину и подчеркивало, что корни русской государственности восходят не только к Византии, но и к Риму. Таким образом, легенды о родстве Рюриковичей с Августом и о дарах Мономаха «связали историю Московского государства двойным узлом с давним величием Римской империи».⁸

Вслед за историей даров Мономаха в ПА, КР, ПН и в большинстве списков СКВ-1 и ПСС находится повествование о литовских князьях XIII—XV вв. Р. П. Дмитриева убедительно показала, что рассказ и повествование тесно связаны друг с другом.⁹ Хотя повествование сложилось, по-видимому, значительно раньше, чем рассказ, однако автор рассказа считал нужным присоединить повествование к своему произведению, и с этого момента они стали составлять единый комплекс. Очевидно, объединение их было вызвано тем, что легендарная генеалогия русских правителей выглядела еще более значительной на фоне приведенного в повествовании родословия литовских князей.

Литературная история повествования до присоединения его к рассказу заслуживает специального исследования. В настоящей работе повествование рассматривается как составная часть единого с рассказом комплекса, поскольку это необходимо для уточнения обстоятельств появления его на свет и для восстановления последовательности его редакций.

Хотя рассказ и начинается с библейского мифа, однако почти на всем протяжении он носит светский характер (лишь в раздел о дарах Мономаха введена история раскола между восточной и западной церковью). Образование мировых держав, переход власти от одних правителей к другим — все это происходит в рассказе без вмешательства божественного промысла и обуславливается в каждом случае волей земных монархов.

Легенда о потомках Августа не имела прямых аналогий в предшествующей русской письменности. До сих пор остается в силе наблюдение В. Н. Татищева о том, что «у нас ни в каких старых хрониках сего, чтоб род Рюриков от прусов и от цесарей римских пошел, нет».¹⁰ Тем не менее нельзя сказать, что данный сюжет возник вовсе на пустом месте, и прав был И. Н. Жданов, занявшийся вопросом о том, «под влиянием каких

⁸ И. Н. Жданов. Русский былевой эпос, с. 85.

⁹ Р. П. Дмитриева. Сказание... с. 36, 87.

¹⁰ В. Н. Татищев. История Российская, т. I. М.—Л., 1962, с. 291.

литературных и общественных веяний сложилась эта повесть?». ¹¹ Жаль только, что он рассматривал эти «веяния» в отрыве от других особенностей духовной жизни того времени.

Известно, что всем сферам средневековой культуры была свойственна высокая оценка старины: люди искали свои идеалы не в будущем, а в прошлом. Наибольшим авторитетом и моральным достоинством обладало то, что существовало от века, и поэтому столь распространено было стремление «доказать глубокую древность и, следовательно, респектабельность и законность» действовавших установлений. ¹²

Посредством апелляции к давности происхождения утверждался и престиж феодальных сеньоров, которые в заботе о своих генеалогиях выводили род от легендарных или полубогатых предков. ¹³ При этом стремление доказать древность правящих династий сочеталось с тенденцией — ввести историю своей страны в рамки традиционной сакральной схемы «спасения человечества». С этой целью не раз делались попытки возвести генеалогическое древо местных государей к тому историческому персонажу, который, по тогдашним представлениям, занимал особое место среди земных правителей, поскольку «сам спаситель пожелал родиться в царствование столь великого государя». ¹⁴ Происхождение «из рода Августа» обеспечивало правителю почетное место в кругу других государей и одновременно ставило его выше всей местной знати, не обладавшей столь замечательной генеалогией. ¹⁵

Легенды такого рода встречаются в средневековой литературе начиная с самых ранних ее памятников и вплоть до XVI в. В знаменитой «Христианской топографии» Козьмы Индикоплова говорилось о том, что правители Византии принадлежат к «нескончаемой линии Августа». ¹⁶ Традиция «родословий от Августа» отразилась и в славянской письменности: болгарские книжники конца XII—начала XIII в. стремились связать род Асений с римской императорской семьей, ¹⁷ а в сербской литературе долго была распространена легенда о том, что Стефан Неманя «бысть великий жоупань от племена благочестиваго и корене ветвь, превнук Константине сестры великаго Константина, от племена Рашькаго господства и сьродства Августа кесаря». ¹⁸

Автор русского рассказа о потомках Августа мог знать или не знать те или иные из приведенных выше легенд, но им безусловно руководили те же представления, которые побуждали византийских или южнославянских писателей возводить их генеалогические постройки. Для сред-

¹¹ И. Н. Жданов. Русский былевой эпос, с. 98.

¹² А. Я. Гуревич. Категории средневековой культуры. М., 1972, с. 154, 161, 166.

¹³ В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. 2, кн. 1. Киев, 1908, с. 65; К. Ротман. *Przeźsłość jako przedmiot wiary*. Warszawa, 1968, s. 14—28.

¹⁴ А. Нескани. *De laudibus divine sapientiae*. — In: Roma Aeterna. Hrg. von B. Kutzler. Zürich—München, 1972, S. 392. Ср. послание Ивана IV А. Полубенскому (1577 г.): «[Христос] божественным своим рождением Августа кесаря прославив — в его же кесарство родитися благоизволи, и его и тем воспрослави, и распространи его царство, и дарова ему не токмо римскую властью, но и всею вселенною владети» (Послания Ивана Грозного. М.—Л., 1951, с. 200).

¹⁵ G. Olšř. *Gli ultimi Rurikidi e le basi ideologiche della sovranità dello stato Russo*. Roma, 1947 (*Orientalia christiana periodica*, 1946, XII, № 3—4), p. 37.

¹⁶ Cosmas Indicopleutis. *Christiana topographia*. — In: J.-P. Migne. *Patrologia graeca*, t. 88. Paris, col. 115.

¹⁷ И. Дуйчев. Византия и византийская литература в посланиях Ивана Грозного. — ТОДРЛ, т. XV, М.—Л., 1958, с. 161.

¹⁸ Летопись царем сербскимъ. — Гласник друштва србске словесности, кн. XI, 1859, с. 144. В этой легенде подчеркивалось, что при Августе «роди се господь нашъ Исусъ Христосъ». (Л. Стојановић. Српски родослови и летописи. — Гласник Српског ученог друштва, кн. 53, 1884, с. 48).

невековой литературы это был хорошо проторенный путь, и усилия бывали обычно направлены скорее на поиски собственной тропинки, выводящей к нему, чем на то, чтобы торить иную, непохожую на него дорогу. Типологическое сходство рассказа об Августе и дарах Мономаха с генеалогическими легендами других народов не вызывает сомнений, причем оно не ограничивается «манерой псевдоисторических домыслов»,¹⁹ но и распространяется на их содержание, поскольку узловой точкой сюжета оказывается установление связи соответствующей династии с императором Августом и его державой.

Однако при очевидном тождестве типа сюжетов «августинской легенды» русская версия ее была оригинальной и опиралась не на чужеземные, а на отечественные литературные традиции. Автор рассказа использовал прием, который задолго до этого был уже применен в русской исторической литературе: приход к власти правящей в стране династии объявлялся результатом «призвания» братьев-князей, превосходивших местных жителей своей знатностью. Эпизод призвания Рюрика в рассказе о потомках Августа воспроизводит сюжетный ход «варяжской легенды» древнейшей русской летописи. При этом в рамки известия о призвании было вложено совсем другое содержание: старое предание, связывавшее род Рюриковичей с некогда могущественными, но давно сошедшими со сцены варягами, было заменено новой легендой, включавшей Русь в круг мировых держав. Эта литературная находка была тесно связана с целевой установкой автора и вряд ли могла быть заимствована им откуда-то уже в готовом виде.

В отличие от истории Пруса—Рюрика легенда о дарах Мономаха имела, по-видимому, более давнее происхождение. И. Н. Жданов, сопоставивший ее с другими литературными памятниками (Повесть о Вавилонском царстве, рассказ о венчании Владимира Святославича и др.), пришел к выводу о существовании предшествовавшего ей древнерусского устного предания, согласно которому «какой-то князь Владимир вел войну с греками, одолел их и получил от побежденных богатые дары».²⁰ Однако и этот сюжет претерпел в рассказе существенную трансформацию, в результате чего мысль о причастности Руси к числу мировых держав была в нем значительно усилена.

Таким образом, легендарно-политическое сказание о потомках Августа и о дарах Мономаха, отразившее в своем содержании традиционные для средневековой христианской культуры идеи, давало их в формах, тесно связанных с мотивами и сюжетами древнерусской литературы.

Когда и при каких обстоятельствах сложились редакции рассказа?

При перечислении литовских правителей в заключительном фрагменте ПСС, РА, ПА, КР упоминается «Жигмонт краль нынешний». Король Сигизмунд I (о котором идет речь) правил с 1507 по 1548 г., и, следовательно, общий источник текста, содержащегося в ПСС, РА, ПА, КР, был создан в рамках этого периода.

А. А. Зимин, относящий возникновение рассказа к более раннему времени, утверждает, что фрагмент, в котором говорится о Сигизмунде I, «носит характер вставки».²¹ Однако единственный аргумент А. А. Зимина — отсутствие данного фрагмента в списке ПА: ГБЛ, Волон., 627, — неубедителен, поскольку в этом списке текст ПА вообще не доведен до конца. Между тем в остальных двух списках ПА (Чудов., 264, и Румянцев., 253),

¹⁹ И. Н. Жданов. Русский былевой эпос, с. 101.

²⁰ Там же, с. 118—133; Д. Прозоровский. Об утварях, приписываемых Владимиру Мономаху. СПб., 1880, с. 16.

²¹ А. А. Зимин. Античные мотивы... с. 134.

а также в ряде списков других редакций рассказа этот фрагмент присутствует,²² так что нет оснований противопоставлять его остальному тексту и пренебрегать им при датировке начального этапа истории рассказа.

Важное наблюдение было сделано И. Н. Ждановым, отметившим, что в ПСС упоминаются во множественном числе двоюродные братья Василия III — «Андреевичи». Поскольку об обоих «Андреевичах» говорится как о здравствующих лицах, то, следовательно, этот текст написан до смерти Ивана Андреевича в 1523 г.²³

Анализ содержания рассказа дает возможность еще точнее установить время создания его протографа. Так, до сих пор не находило объяснения то обстоятельство, что легендарная генеалогия русских правителей выводила их род из «Прусской земли». В самом деле: почему автору рассказа пришла на ум именно эта страна? Ведь владения обосновавшегося там Тевтонского ордена никогда не граничили с русскими землями, да и сношения Пруссии с Россией на протяжении почти всей истории Московского государства носили случайный характер.

Впрочем, был период, когда московские правители не только установили тесный контакт с прусскими властями, но и заключили с ними союз, подкрепленный (едва ли не единственный раз в дипломатической практике Руси XVI в.) солидной денежной субсидией, направленной из Москвы в Кенигсберг.²⁴ В 1517 г. был подписан договор о совместных действиях Московского государства и Тевтонского ордена против Сигизмунда Ягеллона. Правда, союз этот оказался малоэффективным и не принес никаких результатов,²⁵ однако никогда — ни до, ни после этого — прусские дела не представляли для Московской Руси такого серьезного интереса.

Главной целью Тевтонского ордена было возвращение под его власть земель, отошедших к Ягеллонам по условиям Торуньского мира 1466 г. В русских дипломатических документах 1520 г. об этих землях говорится вполне конкретно: «. . . магистру. . . доставати тех своих городов, которые король держит за собою его города пруские неправдою: Гданеск, Торунь, Марборок, Хвойницу».²⁶

А теперь вернемся к нашему рассказу. При описании «раздела вселенной» Августом здесь говорится (в скобках разночтения по другим спискам): «. . . (постави) Пруса в брезах Вислы реки в град, глаголемый Морборок (Марборок), и Торун, и Хвоиница, и пресловы Гданеск (и иных многих градов)».

Как видим, автор, описывая родину Рюриковичей, упоминает именно о тех прусских городах, которые были предметом спора между Тевтонским орденом и государством Ягеллонов.²⁷ Вряд ли это было случайным совпадением. Вернее будет предположить, что рассказ об Августе был создан как раз в то время, когда вопрос о прусских городах был для московских властей особенно злободневным.

²² ПСС: ГИМ, Синод., 791, БАН, 34.2.31; КР: ГИМ, Вахрамеев, 435.

²³ И. Н. Жданов. Русский былевой эпос, с. 68.

²⁴ K. F o r s t r e u t e r. Preussen und Russland von den Anfängen des Deutschen Ordens bis zu Peter dem Grossen. Göttingen, 1955, S. 83—100; E. D o n n e r t. Russland an der Schwelle der Neuzeit. Berlin, 1972, S. 291.

²⁵ В. Н. Б а л я з и н. Россия и Тевтонский орден. — ВИ, 1963, № 6, с. 71.

²⁶ Сборник Русского исторического общества, т. 53. СПб., 1887, с. 201. Ср.: там же, с. 209, 229—230, 238. Речь идет о нынешних городах: Гданьске, Торунь, Малборке и Хвойнице.

²⁷ Сочетание названных четырех городов впервые появляется в русской дипломатической переписке в 1520 г. Ранее говорилось, что «за королем польским Пруская земля Гданеск, да Хвойницы, да Турун и иные городы» (документы 1489 и 1498 гг. — Сборник Русского исторического общества, т. 53, с. 40, 97), или «города пруские Данеск, да Торунь, да Виена (?), Хвойница» (документы 1517 и 1519 гг. — Сборник Русского исторического общества, т. 53, с. 29, 141).

Дальнейшее содержание изучаемого нами произведения также тесно связано с событиями 1510-х годов. Р. П. Дмитриева указала в свое время на связь тематики ПСС с проблемами, злободневными для Московского государства тех лет, и в частности — с вопросом о царском титуле и об порядке венчания русских правителей.²⁸ Речь идет о расширявшейся практике употребления титула «царь» в русской и иностранной дипломатической переписке²⁹ и о попытках папы Льва X навязать Василию III принятие царской короны из папских рук («царя всеа Русии хочет короновати в христианского царя»)³⁰. Возрождение старинной легенды, напоминавшей о древности имеющихся на Руси «царских регалий», было в тот момент весьма актуальным.

Столь же злободневным был тогда и вопрос о взаимоотношениях русской церкви и папского престола. Папа Лев X в 1519 г. сообщил о своем желании принять Василия III «и всех его людей Русские земли в едначество и согласие римские церкви».³¹ Московские власти начисто отвергли этот план, поскольку в России господствовало убеждение в том, что западная церковь уклонилась от «православных веры христианские». Включение в рассказ о дарах Мономаха эпизода, напоминающего об обстоятельствах церковного раскола XI в., представляется в этом свете вполне закономерным.

Наконец, объяснимо и обращение автора рассказа к повествованию о литовских князьях, созданном, видимо, еще в середине XV в. на тверской почве.³² Мы пока не знаем, каким именно образом оно оказалось в руках московских книжников, но можно понять, какой ценной находкой был для них этот антилитовский памфлет. Ведь начиная с 1512 г. Московское государство вело новую войну с Литвой, прерывавшуюся малопродуктивными переговорами и вновь продолжавшуюся вплоть до перемирия 1522 г. В такой обстановке обе стороны особенно ревниво оберегали авторитет своих государей. Присоединение ко вновь созданному рассказу, устанавливающему связь русской государственности с мировыми державами, истории литовских князей, происходивших якобы от «раба» Гедимина, подчеркивало превосходство русской династии над правителями соседней Литвы.

Итак, исходная версия рассказа, судя по всем данным, была создана в конце 1510-х—начале 1520-х годов. Кто же мог быть ее автором? По поводу этого высказано несколько предположений.

Х. Шедер считала, что к созданию рассказа был причастен прусский посол в России Д. Шенберг, придумавший легенду о происхождении русских князей от Августа, чтобы польстить Василию III.³³ Однако, как уже говорилось выше, сюжет всего рассказа, и этой легенды в частности, свидетельствует о таком знании традиций русской историографии, какое вряд ли имелось у прусского посла. Кроме того, как заметил И. Н. Жданов, имена персонажей античных эпизодов рассказа приводятся в форме, присущей не западноевропейской, а греко-славянской письменности (Врутос, Патрикий и т. д.), что заставляет искать его автора в восточноевропейской культурной среде.³⁴

²⁸ Р. П. Дмитриева. Сказание... с. 102—105.

²⁹ А. А. Зимин. Россия на пороге нового времени. М., 1972, с. 140—141.

³⁰ Из речи прусского посла Д. Шенберга в Москве в 1519 г. — Сборник Русского исторического общества, т. 53, с. 86.

³¹ Сборник Русского исторического общества, т. 53, с. 86; Ф. Успенский. Сношения Рима с Москвою. — ЖМНП, ч. ССXXXIV, 1884, с. 390—391.

³² Я. С. Лурье. [Рец. на кн.: Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях владимирских. М.—Л., 1955]. — ИОЛЯ, т. XV, 1956, *вып. 2, с. 172.

³³ H. Schaedel. Moskau das Dritte Rom. Darmstadt, 1957, S. 102.

³⁴ И. Н. Жданов. Русский былевой эпос, с. 102.

Сам И. Н. Жданов предположил, что изучаемое нами сочинение «вышло из-под услужливого пера. . . Пахомия Сербина, который много и охотно работал по заказу московского правительства».³⁵ Эта догадка была порождена стремлением И. Н. Жданова установить прямую связь легендарной генеалогии русских князей с сербскими литературными источниками. Между тем наличие такой связи весьма проблематично, и это ставит под сомнение гипотезу И. Н. Жданова, тем более что он сам доводит деятельность Пахомия Сербина (Логофета) лишь до 1480—1490-х годов, а рассказ, по-видимому, был создан несколькими десятилетиями позже.

По мере изучения рассказа увеличиваются наши знания о круге интересов и эрудиции его автора. Хотя в первоначальной редакции рассказа отсутствовали дословные выписки из письменных источников, однако сохранилось немало следов знакомства автора с Библией, хронографической литературой, летописями, «Александрией» и устными русскими преданиями. Уделяя сравнительно меньше внимания церковным сюжетам, он охотно описывал войны, дипломатические переговоры и речи государственных мужей. Любая попытка идентификации автора должна исходить из учета данных обстоятельств.

В этом свете вызывает особый интерес литературная деятельность русского дипломата и переводчика Дмитрия Герасимова. Известно, что он получил образование в Ливонии, был активным членом литературного кружка новгородского архиепископа Геннадия, участвовал в переводе библейских книг и продолжал переводческую работу вплоть до 1530-х годов, причем наряду с церковно-служебными и богословскими сочинениями переводил труды светского содержания (латинская грамматика и др.).³⁶ Н. А. Казакова по праву считает деятельность Д. Герасимова «одним из наглядных примеров начинавшегося в то время процесса секуляризации русской культуры».³⁷

В 1525 г. Д. Герасимов был отправлен послом в Рим и там беседовал с известным писателем Паоло Джовио, рассказавшим об этих беседах в своей книге.³⁸ По словам Джовио, Д. Герасимов «был послом при королях шведском и датском и великом магистре прусском»³⁹ и при описании Московии отмечал, какой частью она «обращена к Пруссии»⁴⁰ и с какой стороны «середина Пруссии и Ливонии входит в московские пределы».⁴¹ В разговоре был поднят, среди прочего, вопрос об императорских регалиях, причем Д. Герасимов обнаружил знание «древних обычаев», на основе которых вручались эти регалии.⁴² Наконец, рассказывая своему собеседнику о состоянии книжного дела на Руси, Д. Герасимов сообщил, что, «кроме отечественных летописей. . . , у них имеется история Александра Великого, римских цезарей, а также Марка Антония и Клеопатры».⁴³

Конечно, совпадение всех этих деталей с содержанием рассказа может оказаться случайным. И тем не менее нельзя обойти это молчанием, по-

³⁵ Там же, с. 111.

³⁶ Я. С. Л у р ь е. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI века. М.—Л., 1960, с. 199, 266, 272, 499.

³⁷ Н. А. К а з а к о в а. Дмитрий Герасимов и русско-европейские культурные связи в первой трети XVI в. — В кн.: Проблемы истории международных отношений. Л., 1972, с. 266.

³⁸ Павел Иовий Н о в о к о м с к и й. Книга о московском посольстве. — В кн.: С. Г е р б е р ш т е й н. Записки о московских делах. СПб., 1908.

³⁹ Павел Иовий Н о в о к о м с к и й. Книга о московском посольстве, с. 252.

⁴⁰ Там же, с. 257.

⁴¹ Там же, с. 260.

⁴² Там же, с. 255.

⁴³ Там же, с. 271.

скольку автором рассказа был, по всей вероятности, человек именно такого склада, как Д. Герасимов, — хорошо эрудированный, имеющий опыт литературной работы и способный воплотить в конкретной форме новые историко-политические идеи, сложившиеся в московских правящих кругах.⁴⁴

В числе возможных авторов рассказа называют и опального митрополита Спиридона-Савву, «Послание» которого к неизвестному адресату содержит одну из редакций изучаемого произведения. Р. П. Дмитриева, скрупулезно собравшая биографические данные о Спиридоне-Савве, считает, что ПСС было первоначальным вариантом рассказа и что все последующие редакции являются результатом «дальнейшей обработки ПСС».⁴⁵

Эта гипотеза вызывает серьезные сомнения. Ведь первые же слова ПСС дают основание считать, что Спиридон не сочинял рассказ заново, а лишь воспроизводил уже известную его заказчику историю.⁴⁶ Оригиналом, воспроизведенным в ПСС, явилась наиболее ранняя редакция рассказа, которая не включала прямых цитат и дат, почерпнутых из письменных источников. Детальный анализ показывает, что в большинстве случаев ПСС содержит наиболее ранние из всех известных нам чтений. В большинстве случаев — но не во всех! Можно обнаружить в ПСС чтения, которые, по всей видимости, хуже передают текст протографа, нежели другие редакции рассказа.

Так, в ПСС отсутствует упоминание о родстве Пруса с Августом, хотя основной смысл рассказа состоит в выведении генеалогии русских князей через Пруса и его потомков из рода Августа.⁴⁷ Вместе с тем ПСС вносит дополнительные черты в характеристики некоторых упоминаемых в рассказе деятелей: здесь говорится, что Август был венчан «внемцем римского царства в похвалу добродеем, а в местъ злодеем»;⁴⁸ о Владимире Святославиче сказано: «... просветивый землю Русскую святым крещением, нареченный в святом крещении Василие»; князь великий Свеслав (Святослав) Игоревич, «порекло имыи Легкы, иде в галиахх (ладиях) на двою тысящъ (и седмиюсот), и взят на Константинове граде тяжчайшую дань, и възвратися в свое отечество». Более вероятно предположить, что эти и некоторые другие детали были внесены Спиридоном-Саввой, нежели считать отсутствие их в других вариантах рассказа результатом сокращений, осуществленных при его редактировании. Таким образом, признавая близость ПСС к первоначальной редакции рассказа, мы не считаем их идентичными и не разделяем мнения Р. П. Дмитриевой о том, что автором рассказа был Спиридон-Савва.

Следующим этапом литературной истории рассказа явилась его вторая редакция, об основных чертах которой дает представление сборник БАН, Арх. Д., 193, включающий текст рассказа и повествования вперемежку с летописными и родословными записями. В тексте РА исключено содержащееся в ПСС упоминание об Ивановичах и Андреевичах — это

⁴⁴ Предположение о том, что «теория родства великих князей с императорами древнего Рима» была создана «московскими дипломатами», высказал в свое время Д. С. Лихачев (Национальное самосознание Древней Руси, М.—Л., 1945, с. 102—103).

⁴⁵ Р. П. Дмитриева. 1) Сказание... с. 71; 2) О некоторых источниках «Послания Спиридона-Саввы». — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, с. 441—445.

⁴⁶ «Слышание мое, еже потребовал еси от нас своим писанием и нашими черньцы, ищучи от нас неких прежних лет ото историкиа Ханаонова предела».

⁴⁷ В РА, ПА, СКВ-1, СКВ-2, ПН Прус именуется «сродником» Августа, а в родословных книгах — его «братом».

⁴⁸ В разрядку даны слова, содержащиеся только в ПСС и отсутствующие в других редакциях.

могло быть связано со смертью Ивана Андреевича в 1523 г. и с обострением отношений между Василием III и его удельными братьями после вступления великого князя во второй брак в 1525 г. Кроме того, в заключительном фрагменте РА содержатся хронологические расчеты, согласно которым «протече же до нынешняго времени от Августа лет 1578. А от начала великаго князя Рюрика первого русскаго до нынешнего лета 7035-го протече лет 665». Таким образом, создание второй редакции рассказа относится к периоду между 1523 и 1527 гг.

Главной особенностью этой редакции является корректировка первоначального текста рассказа на основе ряда источников. Так, например, в РА введена отсутствующая в ПСС фраза: «... и истреви Ное от вина и разуме, елико сътвори ему сын его менший, и рече: „Проклят буди Хам, раб братама своима“». Эта фраза, воспроизводящая (неточно) библейский текст (Кн. Бытия, IX, 24—25), встречается в древнерусских памятниках, причем в одних случаях Хам именуется просто «сыном» Ноя,⁴⁹ в других — «средним сыном» (в соответствии с библейским рассказом)⁵⁰ и лишь в некоторых — «меньшим сыном».⁵¹ Последний вариант и был перенесен в текст рассказа создателем второй редакции. Из Хронологической Александрии перенесен в РА расчет времени правления Александра Македонского.⁵²

В отличие от первоначальной редакции, отраженной в ПСС, известие о приходе Рюрика во второй редакции датировано. Примечательно, что призвание Рюрика отнесено к 6370/862 г., т. е. эта дата заимствована из традиционного летописного известия о призвании варягов. Так вновь созданная легенда вводилась в общепризнанные рамки русской истории.

Особенно много дат и выписок из летописи составитель второй редакции ввел в повествование о литовских князьях, существенно изменив при этом его содержание: если в ПСС описываются взаимоотношения литовских правителей с тверскими князьями и ни слова не сказано о московских князьях, то в РА упоминаются как тверские правители, так и их московские современники, причем московским князьям отводится более почетное место, что куда больше соответствовало не только летописному рассказу, но и политической конъюнктуре начала XVI в.

Конъюнктурными соображениями объясняются и многие другие изменения, внесенные во вторую редакцию повествования. Было, в частности, учтено происхождение новой жены Василия III — Елены Глинской, поскольку о ее предках — литовских князьях — говорится здесь гораздо почтительнее, чем в ПСС. Среди известий о потомках Гедимины в РА появился отсутствующий в ПСС рассказ о пленении сына Гедимины — Наримонта татарами, о выкупе его из Орды Иваном Калитой и о принятии им христианской веры. Сравнение рассказа о Наримонте, содержащегося в РА, с версией его, представленной в сочинении, именуемом «Начало государей литовских»,⁵³ показывает, что текст РА вторичен по сравнению с «Началом» и в него внесены изменения «в пользу» Наримонта.

Привлечение этой истории свидетельствовало об особом интересе редактора к потомкам Наримонта. Наиболее известным из них в то время

⁴⁹ Хронограф 1512 г. — ПСРЛ, т. XXII, ч. 1. СПб., 1911, с. 30.

⁵⁰ А. Н. П о п о в. Книга бытия небеси и земли (Палея историческая). М., 1881, Приложения, с. 15.

⁵¹ Еллинский летописец II редакции: ГПБ, Кирил.-Белозер., 1/6, л. 24; Троицкий хронограф: ГПБ, Новое собрание рукописных книг, 1918, F.27, л. 4; ГБЛ, Ундол., 1, лл. 9 об.—10.

⁵² В. М. И с т р и н. Александрия русских хронографов. М., 1893, Примечания, с. 241.

⁵³ ПСРЛ, т. XVII. СПб., 1907, стлб. 597.

был Василий (Вассиан) Патрикеев. Еще в заключительной части ПСС было приведено (очень неточно) родословие В. Патрикеева. В РА оно дополнено рядом подробностей, заимствованных, по-видимому, из того же «Начала государей литовских». ⁵⁴ Корректировка родословия В. Патрикеева, так же как и включение фрагмента о его предке — Наримонте могут объясняться, по-видимому, тем, что создатель второй редакции рассказа и повествования был близок к кругу сторонников князя Василия, находившегося до конца 1520-х годов в числе ближайших советников Василия III. ⁵⁵ Напомним, кстати, что та часть сборника БАН, Арх. Д., 193, в которую входит комплекс РА, была написана в конце 1520-х годов в мастерской близкого к В. Патрикееву М. Медоварцева. ⁵⁶ Все это еще более укрепляет нас в мнении о том, что вторая редакция изучаемого нами сочинения была создана в 1523—1527 гг., ибо позднее В. Патрикеев оказался в опале, завершившейся преданием его в 1531 г. соборному суду по обвинению в ереси.

Третья редакция рассказа удержала все коррективы, внесенные во вторую редакцию, и включила результаты новой сверки рассказа и повествования с хронографическими и летописными источниками. Особый интерес представляет появившийся в ПА, КР, СКВ, ПН и отсутствующий в первой (ПСС) и второй (РА) редакциях эпизод встречи императора Августа с правителем Иудеи — Иродом. По совету О. В. Творогова, было произведено сравнение этого фрагмента с текстом так называемого Троицкого хронографа. ⁵⁷

Троицкий хронограф

ПА

Августу же кесарю грядущу с вои многы на брань Клеопатрину, сrete Ирод, творя ему велику службу вои же и пищею. Предаст же бог Клеопатра (!) в руци Августу царя, и оттоле преста сила егупетьскаа (!).

В лето 5457 Августу, кесарю римскому, грядущу во Египет со многими вои на брань Клеопатрину, понеже бе прияла власть египетскую рода суще Птолемея. И сrete его (Ирод) Антипатров сын, творя ему велику службу вои и пищею. Предай же бог Египет и Клеопатру в руце Августу.

Как видим, создатель третьей редакции рассказа, отразившейся в ПА, обнаружив в Троицком хронографе близкое к сюжету рассказа известие о встрече Августа с Иродом, включил этот фрагмент в изучаемое нами произведение, предпослав ему дату, согласующуюся с летописной традицией. ⁵⁸ Текст повествования в третьей редакции был дополнительно откорректирован по летописи и восполнен отсутствовавшими во второй редакции летописными известиями (о поездке в 6825/1317 г. в Орду Юрия

⁵⁴ Там же, стлб. 598.

⁵⁵ Н. А. К а з а к о в а. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.—Л., 1960, с. 72.

⁵⁶ Предположение о причастности В. Патрикеева к созданию исходной редакции рассказа было впервые высказано Р. П. Дмитриевой (Сказание о князьях владимирских, с. 82), любезно обратившей впоследствии мое внимание на статью: Н. В. С и н и ц ы н а. Книжный мастер М. Медоварцев. — В кн.: Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972, с. 317.

⁵⁷ Список начала XV в. ГБЛ, Троицко-Серг., 728, л. 347 об.; список XV в. — ГПБ, НСРК, 1918, Ф.27, л. 291 об.; список конца XV в. — ГБЛ, Ундол., 1, л. 379 об. О списках Троицкого хронографа см. в статье: Б. М. К л о с с. Книги, редактированные и писанные Иваном Черным. — Записки Отдела рукописей ГБЛ, вып. 32. М., 1971, с. 65.

⁵⁸ См. Сокращенный летописный свод 1495 г.: «Бывает убо всех лет от Адама до начала царства Августова по известным летописцем лет 5400 и 57» (ПСРЛ, т. XXVII. М.—Л., 1962, с. 303). Ср.: ПСРЛ, т. VII. СПб., 1856, с. 247.

Даниловича Московского и Михаила Ярославича Тверского,⁵⁹ о доблестях Ольгерда⁶⁰ и др.).

Третья редакция рассказа представлена в КР (включающем позднейшие интерполяции) и ПА. Особое внимание ПА уделил А. А. Зимин, считающий, что ПА (или «Чудовская повесть», как он ее называет) «дает первоначальный текст рассказа».⁶¹ Согласно гипотезе А. А. Зимина, создание рассказа следует поставить в связь с венчанием внука Ивана III — Дмитрия Ивановича (1498 г.), когда впервые были использованы упомянутые в рассказе «барма и шапка Мономаха».⁶² Решающее значение А. А. Зимин придает присутствию в сборнике ГИМ, Чудов., 264, содержащем самый ранний список ПА, «чина поставления» Дмитрия Ивановича: именно это обстоятельство, по его мнению, свидетельствует о старшинстве ПА по сравнению с другими редакциями рассказа.

Следует напомнить, что Чудовский сборник написан в 1540 г.⁶³ Правда, входящие в его состав произведения созданы, как правило, до начала XVI в., однако соединение их в одном сборнике с ПА само по себе не является гарантией того, что последняя возникла одновременно с ними, а не позднее. К тому же в Чудовском сборнике находится отнюдь не лучший список ПА (уступающий, например, во многих отношениях, более позднему списку — ГБЛ, Румянцев., 253), тогда как, по смыслу гипотезы А. А. Зимина, именно Чудовский сборник должен был бы содержать текст в том первоначальном виде, какой сложился в момент венчания Дмитрия Ивановича. И, наконец, самое главное: сопоставление всех известных вариантов рассказа свидетельствует о старшинстве ПСС и РА по сравнению с ПА, носящей многочисленные следы дополнительной редакторской правки.

Важным доводом в пользу своей гипотезы А. А. Зимин считает то, что при перечислении князей Патрикеевых в ПА В. Патрикеев назван мирским, а не монашеским именем, тогда как в ПСС упомянут «князь Василий, нареченый Васиян», и это А. А. Зимин объясняет тем, что ПА (в отличие от ПСС) была создана до пострижения В. Патрикеева (1499 г.).⁶⁴ Однако мирское имя В. Патрикеева присутствует и в РА, датированном 1527 г., причем перенесено оно сюда из уже упомянутого выше «Начала государей литовских». Следовательно, наличие в ПА мирского имени князя Василия говорит не о том, что ПА создана до 1499 г., а о зависимости третьей редакции, представленной в ПА, от второй редакции, уже содержавшей это заимствованное из другого источника именование.

Таким образом, гипотеза А. А. Зимина не находит текстологического подтверждения.

Создание третьей редакции следует, очевидно, отнести к 1530 г. Несколько позднее возникла четвертая редакция рассказа, известная под названием «Сказание о великих князьях владимирских». Название это относится только к двум вариантам рассказа (СКВ-1 и СКВ-2), и распространять его на весь изучаемый цикл памятников столь же неправомерно, сколь переносить название одного сравнительно поздно сложившегося вида на все семейство исследуемых явлений.

⁵⁹ ПСРЛ, т. VII, с. 188; т. XVI. СПб., 1889, с. 62; т. XXVII, с. 56.

⁶⁰ ПСРЛ, т. V. СПб., 1851, с. 236; т. VII, с. 207; т. XVI, с. 103; т. XXIV. Пгр., 1921, с. 117, и др.

⁶¹ А. А. З и м и н. Античные мотивы. . . , с. 129, 137.

⁶² Там же, с. 133.

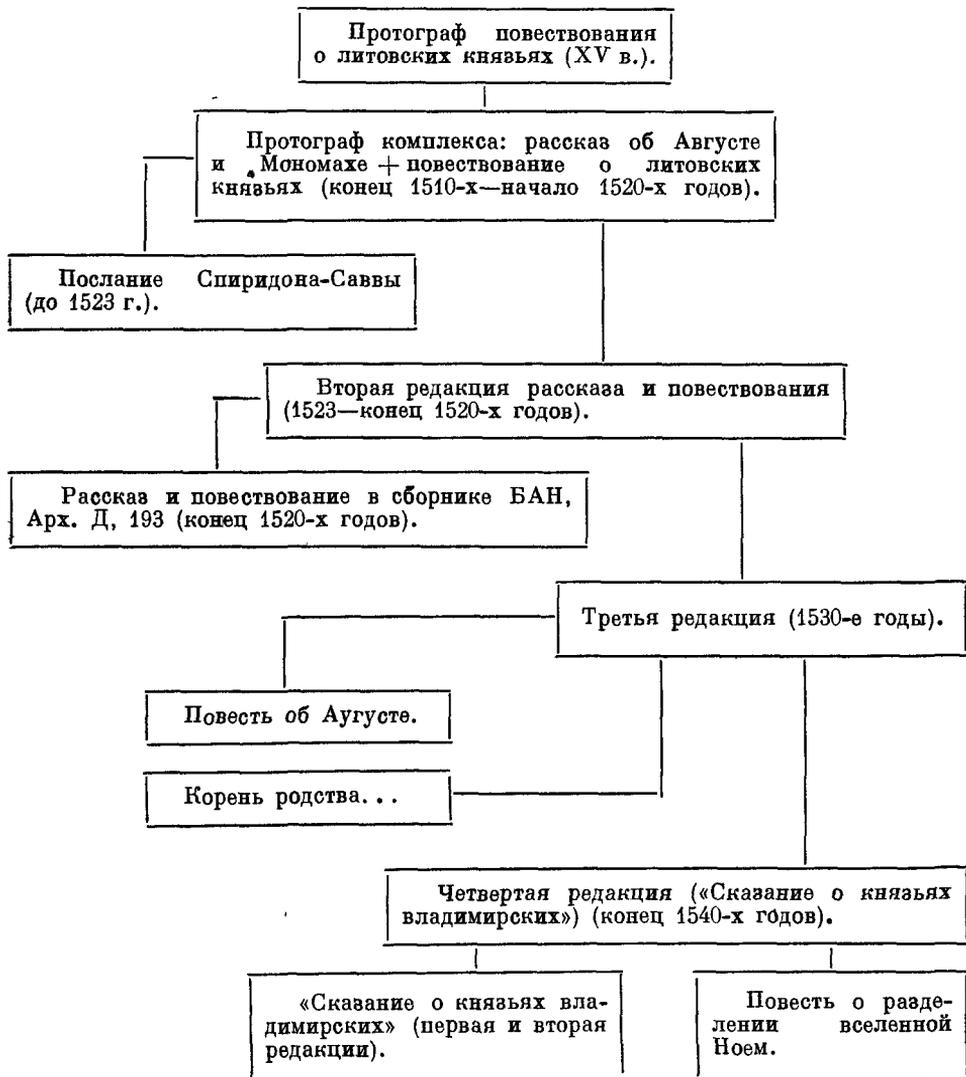
⁶³ Т. А. С у м н и к о в а. Чудовский сборник. — В кн.: Материалы и исследования по истории русского языка. М., 1960, с. 126.

⁶⁴ А. А. З и м и н. Античные мотивы. . . , с. 134.

Существенно важным является разночтение в заключительной фразе эпизода о Мономахе: «И оттоле и доныне тем венцем венчаются царским величии князи володимерьстии, его же прислал греческий царь Конь-стантин Манамах». Слова «и доныне» отсутствуют во всех остальных вариантах рассказа, кроме СКВ-1, ПН и СКВ-2. Появление этих слов объясняется, видимо, тем, что данная редакция сложилась в связи с торжественным венчанием на царство Ивана IV в 1547 г.

Плодотворно наблюдение Р. П. Дмитриевой, отметившей, что «списки СКВ-1 так или иначе связаны с родословными книгами», а также ее предположение, согласно которому «связь между „Сказанием“ и родословными книгами обусловлена тем, что „Сказание“ первой редакции использовалось как вступительная статья к ним».⁶⁵ Продолжая эти наблюдения,

Схема. Литературная история рассказа об Августе и дарах Мономаха

⁶⁵ Р. П. Дмитриева. Сказание... с. 35—36.

можно установить, что СКВ-1 встречается в определенной группе родословных книг, а именно — в книгах, содержащих редакцию «в 43 главы с приписями» (вторая половина XVI в.).⁶⁶ Это — единственная группа родословных книг, включающая полный текст рассказа и повествования о князьях литовских в отличие от остальных родословных книг, использующих лишь фрагменты рассказа. Возможно, что СКВ-1 представляет собой такой вариант четвертой редакции рассказа, который был предназначен специально для этой группы родословных книг и в таком случае появился на свет одновременно с нею.

Подводя итоги сказанному, можно сделать следующие выводы (см. схему).

Исходная редакция рассказа о происхождении русских князей и их регалий, созданная в конце 1510-х—начале 1520-х годов, представляла собой легендарно-политическое сказание, не включавшее прямых заимствований из других произведений русской письменности. Это сказание было объединено в рамках одного литературного комплекса с ранее созданным повествованием о литовских князьях. Наиболее точное представление о тексте этой исходной редакции (протографа) рассказа дает ПСС, написанное до 1523 г.

В результате переработки рассказа была создана (в 1523—1527 гг.) вторая его редакция, главным отличием которой было приведение текста в соответствие с традиционными историческими источниками и придание повествованию о литовских князьях иной политической направленности. Текст второй редакции лучше всего представлен в РА. Дальнейшая обработка рассказа привела к созданию третьей (1530-е годы) и, наконец, четвертой редакции, озаглавленной «Сказание о великих князьях владимирских» (около 1547 г.).

Вся эта редакционная правка не изменила основной идейной направленности рассказа о потомках Августа и дарах Мономаха. Изложенная в нем идея связи русского государства с мировыми державами полностью сохранила свое содержание.

В ходе подготовки к печати данного тома Трудов автор имел возможность ознакомиться с публикуемой ниже полемической статьей Р. П. Дмитриевой. Приведенные в ней дополнительные аргументы в поддержку гипотезы о том, что ПСС является исходной редакцией изучаемого рассказа, представляются автору весьма серьезными. Однако мнение Р. П. Дмитриевой о взаимоотношении последующих редакций рассказа, с точки зрения автора, спорно, и он надеется более подробно изложить текстологические исследования этих памятников в своих дальнейших работах.

⁶⁶ М. Е. Бычкова. Родословные книги XVI—XVII вв. как исторический источник. М., 1975, с. 56—58.

Р. П. ДМИТРИЕВА

О текстологической зависимости между разными видами рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха

Этот цикл произведений, более известный в научной литературе по названию одного из них — Сказанию о князьях владимирских, широко представлен в рукописной традиции как в виде самостоятельных списков, так и в составе родословных и летописных статей. Содержание его на протяжении всего XVI в. использовалось в конкретных политических целях — для утверждения престижа великокняжеской власти как в самом Русском государстве, так и в международной практике. А. Л. Гольдберг наглядно показывает, как генеалогическая линия данного рассказа ставила русских представителей в один ряд с западноевропейскими династиями.¹

Естественно, что произведение такого большого политического значения со временем изменялось. Однако текстуальная близость между всеми вариантами этого рассказа вполне ощутима, поэтому историю происхождения каждого из них прежде всего необходимо выводить из их текстологической взаимосвязи.

Послание Спиридона-Саввы, на мой взгляд, является еще тем не достаточно совершенным оригиналом, который положил начало всем последующим переделкам. Сказание о князьях владимирских первой редакции — одна из наиболее ранних переделок, предпринятая с целью придать произведению такой вид, в каком можно было его использовать в официальной политической практике. Все остальные варианты этого цикла имеют в своей основе или Послание, или Сказание, либо оба этих текста, — с включением дополнений по другим источникам.²

Против моей концепции о первоначальности текста Послания Спиридона-Саввы выступил А. А. Зимин,³ который связывает появление этого произведения с коронованием внука Ивана III Дмитрия и первоначальным вариантом его считает текст в Чудовской рукописи (ГИМ, собр. Чудовское, № 264; далее: ПА). А. Л. Гольдберг высказывает иную точку зрения на текстологическую зависимость между произведениями этого цикла.⁴ Он отрицает первичность текста ПА, но в то же время и не признает авторства за Спиридonom-Саввой. А. Л. Гольдберг выдвигает свою гипотезу об авторе первоначального варианта. Среди аргументов, позволяющих

¹ А. Л. Г о л ь д б е р г. К истории рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха, — см. в настоящем издании, с. 204—216 (далее будут указаны лишь страницы).

² Эта точка зрения высказана была мною в книге: Р. П. Д м и т р и е в а. Сказание о князьях владимирских. М.—Л., 1955 (далее: Дмитриева. Сказание.).

³ Об этом см. в статье А. Л. Гольдберга (с. 214).

⁴ Далее для обозначения названий произведений цикла используются условные обозначения, принятые в статье А. Л. Гольдберга «К истории рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха».

ему связывать написание оригинала с именем дипломата Д. Герасимова, интересным представляется привлечение материалов о сношениях Русского государства с Тевтонским орденом. А. Л. Гольдберг отмечает совпадения в перечислении прусских городов Гданьск, Торунь, Марборок и Хвоиница в русских дипломатических документах 1520 г. и в интересующих нас произведениях. Кстати, следует отметить, что во второй части ПСС использованная (в Родословии литовских князей) легенда о Гедимине восходит к преданию, известному по прусским хроникам XV в.⁵ Поэтому отразившийся в ПСС интерес к историческим и политическим проблемам Тевтонского ордена едва ли следует объяснять только дипломатическими переговорами 1520-х годов. На мой взгляд, предположение А. Л. Гольдберга о Дмитрие Герасимове как авторе первоначального варианта рассказа о происхождении русских князей от Августа не имеет серьезных оснований. Дипломат Д. Герасимов в 20-х годах XVI в. при составлении произведения политического характера не мог допустить такой промах, как признание ведущей роли тверских князей в политических событиях XIV—XV вв. (вторая часть рассказа, посвященная родословию литовских князей). Для Спиридона-Саввы же обращение к материалам немецких хроник и включение в произведение такого анахронизма, как упоминание о тверских князьях, вполне естественно, — оно объясняется его биографией. После Царьграда Спиридон подвизался в Литве, где его очень плохо приняли, родом он был из Твери, а в 20-е годы не мог уже вполне гибко реагировать на политические события, так как был стар и жил в заточении.

Притязания Спиридона-Саввы на авторство этого рассказа, высказанные им самим,⁶ подтверждаются также текстологической зависимостью дошедших вариантов рассказа.

Для первоначальной истории цикла наибольший интерес представляют четыре варианта: 1) Послание Спиридона-Саввы (ПСС); 2) Сказание о князьях владимирских первой редакции (СКВ); 3) текст в составе летописных записей по рукописи БАН, собр. Арх., Д, № 193 (РА); 4) Повесть о разделении вселенной Августом, или Чудовская повесть (ПА).

Необходимо подчеркнуть, что при сопоставлении вариантов рассматриваются как единое целое обе части произведения: и рассказ, касающийся происхождения русских князей, и повествование о родословии литовских князей. Во всех четырех названных вариантах рассказа обе эти статьи следуют одна за другой и изменениям подвергаются обе части рассказа. Поэтому при установлении текстологической связи между данными вариантами учитываются особенности текста той и другой статьи в каждом из рассматриваемых произведений.

В отличие от А. А. Зимина, который первоначальным текстом цикла считает ПА, А. Л. Гольдберг признает, что ближе всех оригиналу текст в ПСС. Однако он его воспринимает как переработку, наиболее полно сохраняющую текст не дошедшего до нас оригинала. Чтения ПСС, приведенные А. Л. Гольдбергом как вторичные, на основании которых отрицается авторство Спиридона, на самом деле нельзя признать безусловно вторичными («необратимыми»).

⁵ Józef Wolff. Rod Gedimina. Kraków, 1886, s. 6.

⁶ Слова вступления ПСС «Слышание мое, еже потребовал еси от нас своим писанием и нашими чернецы, ищучи от нас неких прежних лет ото историка Ханаонова предела» можно понимать, видимо, по-разному. Толкование их А. Л. Гольдбергом как требования от Спиридона-Саввы копирования уже имеющегося произведения не является обязательным. Я воспринимаю их как обращение к нему с заказом на сочинение с определенной темой. Каким был основной письменный источник Спиридона, для нас остается неизвестным, но его Послание положило начало всем остальным произведениям на эту тему.

Главным аргументом, по мнению А. Л. Гольдберга, в пользу того, что ПСС является только одной из переработок не дошедшего до нас оригинала, служит то, что якобы в ПСС не упомянуто о родственной связи между императором Августом и Прусом, в то время как все произведение посвящено теме генеалогической связи русских князей с Августом через Пруса.⁷

Однако это не совсем верно. При первом упоминании имени Пруса в ПСС действительно ничего не сказано о родственной связи его с Августом. Но ниже, в речи Гостомысла («... да послете в Прусскую землю мудра мужа и призовите князя от тамо сущих родов римска царя Августа рода») и в упоминании о Рюрике как о князе «суца от рода римска царя Августа»,⁸ эта мысль высказана достаточно определенно и четко. В заключительных строках своего рассказа о происхождении русских великих князей Спиридон снова подчеркивает, что «царству их начяток» — от Августа. Почему в ПСС не сказано о родственной связи Пруса с Августом при первом упоминании имени Пруса, можно объяснить по-разному. Вероятнее всего, автор допустил нечеткость в изложении, чтобы не быть стилистически однообразным, так как он уже несколько раз в этой части текста использовал слова «сродник» и «брат». Таким образом, этот пример можно воспринимать скорее как нечеткость выражения авторской мысли, чем как безусловное доказательство вторичности текста в целом. Последующие редакторы совершенствовали текст, уточняя историческую достоверность известий и улучшая политическое звучание произведения. В том числе — обратили внимание и на эту деталь, постарались сильнее подчеркнуть родственную преемственность Пруса от Августа, назвав первого братом Августа.

Кстати, надо заметить, что и по форме изложения, и по содержанию весь отрывок о разделении вселенной Августом построен довольно примитивно и, вопреки кажущейся исторической конкретности, не является достоверным и восходящим к определенному историческому документу.

Перечисленные правители, которым Август раздавал свои владения, не только не находились в родственной связи с ним, но и (многие из них) не были реально существовавшими историческими лицами.

Первым в этом ряду Спиридон называет Патрикья, который якобы был поставлен царем Египта. В Хронике Амартола под этим именем упоминается пруснийский епископ, действовавший в I в., во времена правления империей Титом.⁹ Вторым упомянут Августалий, как брат Августа, которого последний определил властодержцем Александрии. Появление этого имени, по всей видимости, было обусловлено все тем же знакомством Спиридона-Саввы с Хроникой Амартола, где об Августалии говорится как об епархе александрийском, жившем в V в.¹⁰

Названный Спиридоном в качестве властодержца Сирии Кирией действительно во времена Августа был воеводой Сирии при царе Ироде.¹¹ В хронографах 1512 г. и западнорусском о Кириее говорится как о лице, руководившем государственной переписью в царствование Августа.¹²

⁷ См. статью А. Л. Гольдберга, с. 211.

⁸ Дмитриева. Сказание, с. 162.

⁹ В. М. И с т р и н. Хроника Георгия Амартола в древнеславянском переводе, т. I. Пг., 1920, с. 304.

¹⁰ Там же, с. 381.

¹¹ В. М. И с т р и н. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе, кн. X. Одесса, 1912, с. 3.

¹² ПСРЛ, т. XXII, ч. I. СПб., 1911, с. 233; ч. II. Пг., 1914, с. 50. Имя Кирияея как исторического лица широко было известно по хронографии XVI в. Поэтому надо считать, что упоминание о нем в СКВ было опущено случайно. Пропуск этот, скорее всего, объясняется однообразием фразеологии всего отрывка — повторами слов «властодержец», «постави», «положи». В ПА и РА этого пропуска нет.

Ирод Антипатр Асколонитянин, игравший видную роль в Иерусалиме во времена Августа, — тоже хорошо известное в русской хронографии XVI в. историческое лицо.¹³

Происхождение имени Евлагерда мне установить не удалось, но «земля Асия» (Азия, Асийская страна), которая, по словам Спиридона-Саввы, была отдана Евлагерду, в хрониках упоминается неоднократно. Названные ниже в тексте ПСС правители Илирик и Пион не являются историческими лицами, а созданы фантазией Спиридона. Илирия, или Илирик, — это географическое название области, расположенной по течению Дуная.¹⁴ Да и, по словам самого Спиридона, Илирик получил правление землями «в повершиа Истра».¹⁵ Пионами в Хронографе 1512 г. называется племя угров.¹⁶ Спиридон это первое обозначение племени угров использовал как собственное имя их правителя («И Пиона постави в Затоцех Златых, иже ныне наричютца Угрове»)¹⁷.

На примере эпизода деления вселенной Августом видно, как свободно Спиридон комбинировал и исторические сведения, относящиеся к разным эпохам и просто вымысел для создания историко-политической концепции. Такое слишком свободное обращение Спиридона-Саввы с историческими именами и фактами или иными нетрадиционными терминами и названиями в дальнейшем редакторы в некоторых случаях пытались устранить.

Именно некоторые из этих нетрадиционных и не повторяющихся в остальных вариантах цикла упоминаний в ПСС А. Л. Гольдберг склонен считать добавлениями Спиридона, свидетельствующими о вторичности его варианта по отношению к не дошедшему до нас оригиналу. Эти чтения — действительно отличительная черта ПСС, но ни одно из них не служит доказательством первичности или вторичности текста в ПСС. На мой взгляд, изменение текста шло обратным путем. Стремясь сделать произведение доступным для официальной практики, редакторы заменяли нетрадиционные формулировки и названия общепринятыми и распространенными в XVI в. Подобно сообщению Спиридоном-Саввой прозвища Святослава Игоревича — «Легкы» (о котором как о вторичном чтении в ПСС говорит А. Л. Гольдберг) так же необычно в ПСС сказано и о Ироде — «Ирод Антипатов от Аманит». В хронографической литературе XVI в. о нем везде говорится одинаково — «Ирод, Антипатов, Асколонитянин».¹⁸ Сообщение о нем во всех других вариантах рассказа об Августе, кроме ПСС, следует этой общепринятой традиции. Еще раз подчеркиваю, что данные особенности ПСС не решают вопроса о первичности или вторичности его текста.

Однако в ПСС имеются особенности, на основании которых можно сделать заключение, что во всех остальных редакциях текст по отношению к ПСС является вторичным. Прежде всего — это относится к началу произведения, где рассказывается о разделении вселенной между сыновья-

¹³ У Спиридона вместо прозвища «Асколонитянин» стоит «от Аманит», об этом см. ниже.

¹⁴ Это название неоднократно упоминается в хронографах (ПСРЛ, т. XXII, ч. I, с. 188, 273, 278, 354, 392, 406; ч. II, с. 9, 94).

¹⁵ Обозначение Дуная Истром в Хронографе 1512 г. встречается неоднократно (ПСРЛ, т. XXII, ч. I, с. 301, 328, 363).

¹⁶ ПСРЛ, т. XXII, ч. I, с. 368 («Пиони, глаголемии угри»).

¹⁷ Дмитриева. Сказание, с. 162.

¹⁸ Источники этих оригинальных чтений в ПСС неясны. В Палее (по ркп. собр. Погодина, № 1435, л. 413) об Ироде сказано: «Ирод же Асколонитянин, сын Антипатов, идумеанин родом и матери же Кюприады, свободимыя от Аравиа». На этот текст Палее обратил мое внимание О. В. Творогов. Искренне благодарю его как за это сведение, так и за другие консультации по хронографической литературе.

ями Ноя.¹⁹ Разговор пойдет главным образом о соотношении между ПСС и СКВ. Текста о разделении земель между потомками Ноя ПА не содержит, а об особенностях редакции РА будет сказано несколько ниже.

Спиридон-Савва в своем вступлении говорит о том, что от него потребовали изложения событий «ото историкиа Ханаонова предела, рекомо ото Арфаксадова, первого сына Ноева, рождшегося по потопе».²⁰ Как увидим далее, Спиридон в своем изложении и отдает предпочтение пределу Ханаона. Эта вступительная фраза ПСС перешла и в СКВ. Однако в дальнейшем об Арфаксаде, сыне Ноя, в СКВ ни разу не упоминается.

Главное различие между ПСС и СКВ заключается в том, что, по версии Спиридона, предел Хама (или сына его Ханаона)²¹ Ной передал своему четвертому сыну, Арфаксаду, а в СКВ этот предел перешел к сыну Сима, тоже Арфаксаду.²²

Последующее изложение событий и имен, вплоть до Птолomeев, за исключением небольших отклонений, связанных все с тем же именем Арфаксада, и в ПСС, и в СКВ почти совпадает текстуально. Задача заключается в решении вопроса — о котором из Арфаксадов шла речь в оригинале.

Спиридон, согласно первоначальному замыслу, вселив Арфаксада, сына Ноя, в предел Ханаона (речь идет о Египте), перечисляет лиц, царствовавших там: Месрем, Хус, Сеостр. Это перечисление он прерывает некоторыми известиями о пределах Афета и Сима. Касаясь предела Сима, Спиридон говорит о сыне Сима Арфаксаде, а также о Гандуварии, которого называет правнуком этого Арфаксада. Затем он снова возвращается к истории Египта и опять упоминает о Сеостре.

В СКВ о Месреме и Хусе и о пределе Афета говорится точно так же, как в ПСС. Но сообщение о сыне Сима Арфаксаде здесь исключается, так как о нем речь шла выше, в связи с делением земель между сыновьями Ноя. Последующий текст о Гандуварии совпадает с ПСС. Но устранение в СКВ упоминания об Арфаксаде, сыне Сима, изменило генеалогическую зависимость перечисленных далее имен. Гандуварий оказался правнуком Фарсиса (Фариса), а не Арфаксада, тем не менее упоминание о том, что он жил в пределе Сима, осталось (правда, были исключены слова «прародителя своего»). В результате в целом о Гандуварии в СКВ оказались противоречивые сведения: он — потомок Афета, но живет в пределе Сима.

П С С

И Афету излившаяся племена от вечерних стран даже до полунощиа. И воста некий началник из рода того имянем Фарсис в Калаврийских странах и създа град в има свое. Имяше же и Сим, сын Ноев, сын имянем Арфаксад. От его же рода правнук его имянем Гандуварий, сей первее написа астрономию в Асирии в пределах Симовех, прародителя своего.

С К В

Афету же излишая племена от северных стран даже и до полунощиа. И воста некий началник того же рода имянем Фарис в Калаврийских странах и созда град во имя свое именем Арфакса. Правнук же его именем Гайдуварий, сей первый написа астрологию в Асирии в пределах Симовех, и по сем Сеостр.²³

Противоречивость текста СКВ, обусловленная внесением изменений в связи с именем Арфаксада, свидетельствует о его вторичности по отношению к тексту ПСС. Обращение к хронографическому материалу еще раз

¹⁹ Соотношение этих текстов ПСС и СКВ рассмотрено в книге: Дмитриева. Сказание, с. 62—64.

²⁰ Там же, с. 159.

²¹ И в ПСС, и в СКВ этот предел одинаково называется по имени сына Хама «Ханаоновым пределом».

²² Спиридон-Савва здесь оригинален, ни в каких источниках Арфаксад, сын Ноя, не упоминается, СКВ придерживается версии Библии.

²³ Дмитриева. Сказание, с. 159—160, 172.

подтверждает, что текст менялся в СКВ, а не в ПСС. В Виленском хронографе о Гандуварии сохранились следующие сведения: «В лета же от племени Арфаксадова обретесе муж некий мурин мудр индианин астроном именем Гандуварий, иже исписал първее в Индиох астрономию».²⁴ Сообщение о Гандуварии в ПСС и СКВ одно и то же и очень близко тексту Виленского хронографа. Различия в содержании ПСС и СКВ определяются только окружающим контекстом (известия о самом Гандуварии не менялись). Виленский хронограф тоже подтверждает, что текст менялся в СКВ, так как в хронографе прямо говорится о том, что Гандуварий — потомок Арфаксада, а не Фариса, как сообщает СКВ. Спиридон-Савва обращался к первоисточнику, а редактор СКВ, внося свои изменения, не смог сохранить историческую точность в передаче родословной Гандувария.²⁵

Отклонения в СКВ от первоисточника, появившиеся в результате правки текста оригинала (ПСС), наблюдаются и в известиях о Сеостре. По сведениям Виленского хронографа, Сеостр (Феост) правил в Египте после Ермия (Гермеса), который появился в Египте во времена царствования Местрема (Месрема).²⁶ Спиридон именно этой версии и придерживается в изложении начальной истории Египта. Противоречивость сведений СКВ, начавшаяся с Гандувария, коснулась и Сеостра. Он в СКВ назван прямым потомком Гандувария, который жил в пределе Сима. Но далее СКВ продолжает изложение известий о Сеостре, точно следуя ПСС, как о правителе Египта (в пределах Ханаона).²⁷

РА является компилятивным сочинением. В рассказ о делении земель между потомками Ноя редактор РА, как и редактор СКВ, включает текст, взятый из Библии: «И истрезве Ное от вина, и разуме, елико сътвори ему сын его менший, и рече: „Проклят буди Хам, раб будет братома своима“». Но в следующем предложении он излагает текст в редакции ПСС, хотя в СКВ соответствующее место читается ближе к библейскому тексту.²⁸ В вопросе об Арфаксаде составитель РА поступил по-своему. Вначале он, как и редактор СКВ, назвал его сыном Сима. Во втором случае, когда в СКВ исключено упоминание о нем, составитель РА назвал Арфаксада сыном Ноя. Но так же, как и редактор СКВ, составитель РА не избежал противоречий в изложении дальнейшего содержания. Говоря о Гандуварии как о потомке Арфаксада, сына Ноя, он не убрал упоминания Спиридона о том, что Гандуварий написал «астрономию в Асирии в пределах Симовех, прародителя своего».²⁹ Из этой фразы сле-

²⁴ В. М. И с т р и н. Александрия русских хронографов. М., 1893, с. 329 (в ркп. — л. 31 об.).

²⁵ Надо заметить, что это отклонение от исторического источника является именно оплошностью редактора СКВ. Во всех трех вариантах рассказа (СКВ, ПА и РА) по сравнению с ПСС наблюдается стремление редакторов уточнить текст на основании летописных и хронографических источников (эту особенность редактирования в ПА и РА отмечает и А. Л. Гольдберг).

²⁶ В. М. И с т р и н. Александрия русских хронографов, с. 332 (в ркп. — л. 33 об.).
²⁷ А. Л. Гольдберг истолковал эту часть рассказа только как историю рода Сима (с. 204). Надо признать это переложение содержания неточным. А. Л. Гольдберг не может отрицать, что в СКВ упоминается и Афет, и один из его потомков — Фарис. Спиридон-Савва родоначальником Месрема и Хуса называет Арфаксада, сына Ноя, но дальнейшее изложение в основном посвящает Ханаонову пределу — истории египетских правителей, хотя и упоминает о пределе Сима и о пределе Афета. В СКВ родоначальником Месрема и Хуса назван Арфаксад, сын Сима, но далее речь идет так же, как и в ПСС, в основном о пределе Ханаона.

²⁸ БАН, собр. Арх. Д, № 193, л. 389. А. Л. Гольдберг указывает на близость здесь РА библейскому тексту, но не отмечает еще большей близости к нему СКВ (с. 212).

²⁹ БАН, собр. Арх. Д, № 193, л. 389: «От Арфаксадова же рода, сына Ноева, правнук его имяем Гандуварий; сей первые написа астрологию в Асирии в пределах Симовех, прародителя своего».

дует, что Гандуварий происходит от Сима, но это противоречит предыдущей фразе, так как если Арфаксад является сыном Ноя, то его потомки не имеют отношения к Симу.

Следует отметить, что замена сыновей Ноя и Сима в РА, в отличие от СКВ, не исказила изложения сведений о Сеостре — о нем, согласно ПСС и хронографам, говорится как о потомке Месрема и о царе Египта.

Таким образом, наличие варианта РА показывает, что стремление убрать упоминание о четвертом сыне Ноя в переложении библейской легенды вполне естественно. Но в то же время правка РА свидетельствует о том, что вариант СКВ не удовлетворял редактора РА и тот искал свои пути согласования содержания рассказа с существующей исторической литературой.

Сопоставление второй части рассказа — родословия литовских князей — по всем названным четырем вариантам также позволяет установить отдельные факты, которые подтверждают, что ПСС — оригинал, легший в основу всех остальных вариантов цикла.

Говоря о борьбе за великокняжеский стол между сыновьями и внуками Гедимина, Спиридон-Савва приводит такие данные, которые во многом не согласуются с известиями и литовских хроник, и русских летописей.

Не буду перечислять всех отклонений и неточностей в повествовании Спиридона-Саввы, остановлюсь только на тех из них, которые помогают уяснить взаимосвязь между разными вариантами данного цикла произведений.

По версии Спиридона-Саввы, в результате спора за великокняжеский стол между Наримантом, Евнутием и Ольгердом последний уехал в Орду.³⁰ По свидетельству литовских хроник, после Гедимина в Вильне сел Евнутий, против него выступили Ольгерд и Кестутий, Евнутий был пленен, в Вильне вместо него сел Ольгерд.³¹ Русские летописи о борьбе за власть между сыновьями Гедимина сообщают следующее: «Того же лета (6853) створися в Литве замятня велика: изгони город Вилно Алгерд с братом Кестутием, и князь великий Евнутий перевержеся чресь стену и бежа в Смоленск, а Наримонт бежа в Орду к цесарю».³²

Из сопоставления названных источников следует, что Спиридон-Савва плохо знал конкретные факты этой борьбы за виленский стол.

Неточные отрывочные сведения Спиридона о борьбе за власть между сыновьями Гедимина и в СКВ, и в ПА, и в РА были заменены одним и тем же текстом, заимствованным из статьи «Начало государей литовских».³³ Разница между РА, с одной стороны, и СКВ и ПА — с другой, заключается в том, что в СКВ и ПА сохранилось упоминание о Евнутии, идущее от ПСС («Евнут же вселися идеже ныне Вильна»),³⁴ а в РА — нет. Поэтому утверждение А. Л. Гольдберга, что отрывок из «Начала государей литовских» впервые был включен именно в РА, требует доказательств.³⁵

³⁰ Дмитриева. Сказание, с. 168.

³¹ ПСРЛ, т. XVII. СПб., 1907, с. 71—72. Эти же сведения приведены в литовской летописи; БАН, собр. Арх. Д., № 193, в которой переписан также текст РА.

³² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, с. 358.

³³ См. об этом в статье А. Л. Гольдберга (с. 212). По мнению М. Е. Бычковой, этот иной вариант родословия литовских князей в родословные книги был включен в 40-х годах XVI в. (М. Е. Бычкова. Отдельные моменты истории Литвы в интерпретации русских генеалогических источников XVI в. — В кн.: Польша и Русь. М., 1974, с. 369).

³⁴ Дмитриева. Сказание, с. 180, 203.

³⁵ А. Л. Гольдберг считает, что текст из статьи «Начало государей литовских» был включен в РА ввиду особого интереса редактора РА к потомкам Нариманта (с. 212). Упоминание о Евнутии в СКВ и ПА свидетельствует о слиянии двух источников:

Борьбу Кейстута за виленский стол Спиридон передал также в искаженном виде: он говорит о вражде между Кейстутом и Скиргайлом.³⁶ На самом деле Кейстут выступил против Ягайла, к которому перешло великое княжение после Ольгерда.³⁷ Спиридон ошибается, подменяя имя Ягайла Скиргайлом. Кроме того, он называет Скиргайла братом Кейстута, следовательно, считает его (что неверно) сыном Гедимина. Скиргайло был сыном Ольгерда. Необходимо подчеркнуть, что это не случайная описка. Спиридон и ранее, при перечислении сыновей Гедимина, говорит о Скиргайле как о его сыне (вместо Люборта).

Отметим, что как и в первой части своего рассказа, так и здесь, Спиридон допускает фактические ошибки, но логических противоречий в ходе изложения истории Литовского княжества у него нет. Он хотя и не точен, однако последователен.

Текст ПСС о борьбе Кейстута за великокняжеский стол полностью и без изменений использован и в СКВ, и в ПА. В том и другом произведении, как и в ПСС, Скиргайло ошибочно назван сыном Гедимина. Наличие этой фактической ошибки подтверждает вторичность текста ПА по отношению к ПСС. Выясняется это следующим образом. Имя Скиргайла в ПА упомянуто не два раза, как в ПСС и СКВ, а три. В третьем случае он назван не сыном Гедимина, а, как и соответствует действительности, сыном Ольгерда (среди сыновей Ольгерда от первого брака). Дело в том, что в ПА по сравнению с ПСС и СКВ сделано добавление в перечислении сыновей Ольгерда.³⁸ Противоречивость в фактических сведениях о Скиргайле свидетельствует о том, что в ПА был использован дополнительный источник, из которого пополнился список сыновей Ольгерда.

Составитель РА оказался более осмотрительным. Он контролировал содержание рассказа о литовских князьях при помощи краткого литовского летописца, который переписан был в той же рукописи;³⁹ он устранил фактические ошибки, допущенные Спиридоном, и избежал упомянутых выше оплошностей СКВ и ПА. Прежде всего в перечислении сыновей Гедимина заменил имя Скиргайла на Люборта.

Начальный этап борьбы за власть между сыновьями Гедимина составитель РА передал так же, как СКВ и ПА, — текстом, заимствованным из «Начала князей литовских». Но далее он не последовал за редакторами СКВ и ПА, которые сохранили содержащий фактические ошибки текст ПСС о борьбе между Кейстутом и Скиргайлом. Вместо этого он переписал

редактор не отдавал себе отчета в том, что вселиться в Вильне — и означает получить великокняжеский стол (сведения из ПСС), а о том, что великокняжеский стол занял Ольгерд, он сказал здесь же, заимствовав это из «Начала государей литовских».

³⁶ «Скиргайло же з братом своим с Кестутом сътвориста себе селение при некоем озере за 20 верст от Вилны. И уби Скиргайло брата своего Кестута. Сын же Кестутов Витовт избежа в немци и тамо събра дружину себе и, пришед от немец, уби дядю своего Скиргайла и два сына его» (Дмитриева. Сказание, с. 168).

³⁷ Русские летописи об этом говорят так: «В то же лето (6889) бысть мятежь в Литве, богу поущицью на них гнев свой: всташа сами на ся, и убиша князя велика Кестутя Гедиминовича, и бояр избиха; а сын его Витовт побеже в немце и много зла створи Литовской земли, подъял бо быше Кестутий княжение под Ягайлом» (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, с. 378).

³⁸ ПСС и СКВ приводят список сыновей Ольгерда только от второго брака. В ПА он тоже сохранен. Между прочим, надо отметить, что этот список у Спиридона-Саввы содержит грубые фактические ошибки. Например, в этом списке упоминают Олелко Киевский. На самом деле у Ольгерда не было сына с таким именем. Под прозвищем Олелка известен внук Ольгерда Александр Владимирович, который владел Киевом в 1443—1455 гг. Эта ошибка перешла и в СКВ, и в ПА (в последнем он назван Олегом Киевским).

³⁹ Текст летописи опубликован: Г. Б о г у с л а в с к и й. Сокращенная Литовская летопись начала XVI в. — Смоленская старина, вып. 1, ч. II. Смоленск, 1911, с. 1—19.

из упомянутого летописца перечисление уделов, полученных сыновьями Гедимины после вокняжения в Вильне Ольгерда. Точно так же составитель РА поступает и с перечислением сыновей Ольгерда. У Спиридона этот список неполон и неточен. СКВ его повторяет. ПА следует за СКВ, но дополняет его перечислением сыновей от первого брака. РА дает полный и точный список, заимствуя его из упомянутого уже краткого литовского летописца (тот же список приведен и в «Начале государей литовских»).

Таким образом, составитель РА, устраняя ошибки предыдущих редакторов, дает более точные, хотя и более скудные сведения о литовских князьях. Он меняет текст Спиридона в тех случаях, когда сведения явно неверны. Способ работы этого редактора сравнительно прост — он устраняет весь текст, содержащий фактические ошибки, заменяя его отрывками из другого источника. Но подобный компилятивный характер работы помогает нам сделать выводы о взаимоотношениях РА с другими произведениями этого цикла. Можно утверждать, таким образом, что РА не был промежуточным этапом между ПСС, с одной стороны, и ПА и СКВ — с другой.⁴⁰ Если РА устраняет ошибку Спиридона о Скиргайле, то вероятно, чтобы СКВ и ПА ее снова восстанавливали.

Изложенные выше сравнения ПСС с другими произведениями этого цикла позволяют утверждать, что ПСС послужил оригиналом для всех других дошедших до нас переделок этого рассказа. Тексты СКВ, ПА и РА вторичны по отношению к ПСС. Однако в какой же зависимости они находятся друг к другу? Рассматриваемые произведения, передавая в целом общее содержание, расходятся в некоторых деталях и подробностях, при этом РА и ПА занимают промежуточное положение — многими чтениями РА более близок ПСС, а ПА — СКВ. Собственно это и заметил А. Л. Гольдберг, судя по излагаемым им выводам. На самом же деле взаимосвязь между ними сложнее.

Берусь утверждать, что СКВ восходил непосредственно к ПСС, без РА и ПА в качестве промежуточных звеньев. Доказательством этого служит несовершенство переделки в СКВ, которую пытались исправить редакторы РА и ПА.

Составитель СКВ ввел в свой текст ряд конкретных дат (о походе Августа в Египет — 5457 г., крещении Руси — 6496 г.). Особенно много дат включено в родословие литовских князей. Составитель СКВ, меняя упоминание о тверских князьях сведениями о московских, пользовался при этом летописным материалом. Однако конкретные даты он проставлял, основываясь на данных, приведенных у Спиридона. Дата вокняжения Витена — 1322 (6830) г., проставленная в СКВ, ошибочна. Уже в 1316 г. Витену наследовал Гедимин. Эта ошибочная дата появилась на месте слов Спиридона: «В лета великого князя Александра Михайловича».⁴¹ Появление именно 6830 года можно объяснить только тем, что составитель СКВ, учитывая названные слова Спиридона-Саввы, пользовался летописью, в основе которой лежал Московский свод. В московском летописании под этим годом впервые упоминается об Александре Михайловиче как самостоятельно действующем князе.⁴² О получении им великого княжения в 6834 г. (Тверской сборник⁴³) в Московском своде не упомянуто.

⁴⁰ См. иную точку зрения у А. Л. Гольдберга, рассматривающего РА как воспроизведение в основных чертах текста второй редакции рассказа, предшествующей ПА (с. 211—213).

⁴¹ Дмитриева. Сказание, с. 166.

⁴² ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949, с. 167.

⁴³ ПСРЛ, т. XV. М., 1965, с. 415.

Появление даты — 6830 г. в СКВ объяснимо только при наличии прямой зависимости СКВ от ПСС. Только исходя из содержания ПСС можно было поставить эту дату. ПА в данном случае не мог служить источником для СКВ, ибо дает точную дату вокняжения Витена (6801 г.), а весь текст, относящийся к этой дате, не содержит никаких упоминаний ни о тверских, ни о московских князьях.

РА подтверждает этот ход рассуждений. Составляя свою компиляцию, редактор РА привел дату — 6835 г., оставив в тексте обоснование ее — «в лета великого князя Ивана Даниловича Володимерьскаго и Московскаго и в лета великого князя Александра Михайловича Тверскаго». ⁴⁴ Ярлык на великое княжение Александр Михайлович получил в 6834 г., а Иван Данилович — в 6836 г.

Составитель ПА, имея перед собой данный текст в переработанном виде (СКВ), в котором не было упоминания о тверских князьях и речь шла только о литовских князьях, естественно, должен был заменить явно ошибочную дату в этом тексте на точную дату вокняжения Витена.

Появление в СКВ следующей даты (6825 г.) было определено сообщением в ПСС о том, что Александр Михайлович Тверской отпущен из Орды на великое княжение. Меняя имя тверского князя на московского, составитель СКВ должен был выбрать или Юрия Даниловича, или Ивана Даниловича. Первый получил ярлык в Орде до Александра Михайловича, второй — после. Предпочтение он отдал Юрию Даниловичу, известиями о нем и был заменен текст ПСС.

Выбор даты 6849 г. ⁴⁵ был обусловлен следующим. Спиридон-Савва, заканчивая рассказ об Александре Михайловиче, сообщил о его смерти и отметил, что в то же время умер и Гедимин. Александр Михайлович умер в 6847 г., а Гедимин — в 6849 г. Редактор СКВ поставил дату — 6849 г., так как именно в этом году московский князь Семен Иванович получил ярлык на великое княжение.

Как раз на этом отрывке хорошо видно, насколько редактор СКВ находился в зависимом положении от своих источников: он не может соблюсти хронологической последовательности. Под 6849 г. он сначала сообщает о Семене Ивановиче, и здесь же, несколько ниже, говорит о том, как Иван Данилович освободил Нариманта из татарского плена. Хронологическая последовательность должна быть обратной: Семен Иванович получил великое княжение после смерти Ивана Даниловича. Последовательность изложения здесь зависит от последовательности использования разных источников.

Появление даты 6858 г. объясняется очень легко. Спиридон-Савва после описания борьбы за литовский стол сообщил о Михаиле Александровиче и о его разногласиях с литовскими князьями, которые, по словам Спиридона, завершились браком Ольгерда с тверской княжной Ульяной. Составитель СКВ заменил весь этот текст летописной статьей 6858 г. ⁴⁶ Как и в других случаях, дословное следование источнику делает содержание в целом недостаточно четким. Внимание редактора СКВ летописная статья 6858 г. привлекла главным образом сообщением о браке между Ольгердом и Ульяной, о чем говорилось и в ПСС. Редактор СКВ перенес из нее в свое произведение все, что касалось литовских князей, в том числе и обращение Ольгерда к московскому князю по поводу его брата

⁴⁴ БАН, собр. Арх. Д., № 193, л. 410.

⁴⁵ Многие списки СКВ здесь приводят ошибочные даты (ГБЛ, собр. Волк., № 572, ГПБ, собр. Кир.-Белоз., № 27/1104 — 6859 г., ГПБ, Q. IV. 497—6059 г.; ГПБ, O.IV.21—6858 г.).

⁴⁶ ПСРЛ, т. XXIII. СПб., 1910, с. 109.

Корияда. Но по тексту СКВ остается неясным, чем было вызвано это обращение. В летописи в более ранней статье сообщалось о том, что Семен Иванович выкупил из Орды Корияда.

ПА здесь полностью следует за СКВ; составитель РА принял версию СКВ о браке Ольгерда с Ульяной через посредство Семена Ивановича, но не включил в свое произведение сообщения о Корияде.

Таким образом, появление некоторых дат в СКВ можно объяснить только исходя из того, что при написании его был использован текст ПСС, а не какое-либо другое произведение на эту тему. Наличие в руках редактора СКВ текстов РА или ПА не позволило бы ему допустить многих исторических и логических неточностей. И, в свою очередь, некоторая дополнительная правка в РА и ПА отдаляет их от ПСС больше, чем СКВ.

О прямой зависимости СКВ от ПСС свидетельствует и еще один пример. Это касается сведений, куда были посланы Бореик и Гедимин для собиранья дани.

П С С: «Посла Бореика некоего на Волынскую землю и на Киевскую. . . Посла же и сего Гегиминика с седмью сыны его об сю страну Немиа».⁴⁷

С К В: «Посла убо сего Гегименика на Волоскую землю и на Киевскую и обь сю страну Меньска. . . И с ним посла некоего мужа славна именем Бореика».⁴⁸

П А: «Посла убо и сего Гегименика на Киевскую землю и на Волыньскую и от ту страну Днепра. . . И с ним посла сынов его, даже и некаего мужа славна именем Бореика».⁴⁹

Р А: «И посла Бореика некоего именем на Волынскую землю и на Киевскую. . . Тако же посла и сего Гегиминика и с седмью его сыны обь сю страну Немна».⁵⁰

Из сопоставления текстов видно, что РА полностью следует за ПСС, где говорится, что Бореик был послан на Волынь и на Киевскую землю, а Гедимин — в бассейн р. Немана. Редактор СКВ, выдвинув на первое место Гедимина, отправил его собирать дань во всех перечисленных в ПСС землях — и западных, и юго-западных. ПА, как и СКВ, на первое место ставит Гедимина, но говорит о сборе дани только в юго-западных землях (в бассейне р. Днепра).

Путь такого значительного отклонения в содержании ПА от ПСС объясняется наличием промежуточного этапа в ходе изменения текста — через СКВ. Первичность чтений ПСС здесь очевидна, Спиридон последователен, он говорит о Гедимине как об одном из вассалов тверского князя, которого последний отправил для сбора дани в бассейн р. Немана, в район исконной территории Литовского княжества. В СКВ на первое место выдвинут Гедимин, а о Бореике сказано как о его помощнике, и, таким образом, владения Гедимина оказались значительно расширенными за счет земель Бореика, при этом Неман был переименован в Минск. В ПА упоминание о западных землях исчезло совсем, так как Минск был переименован в Днепр. Предположить, что в СКВ меняли текст на основании ПА, можно только при наличии одновременного обращения редактора СКВ к ПСС как к дополнительному источнику. В какой же зависимости от ПСС и СКВ находятся тексты РА и ПА?

ПСС и РА имеют целый ряд общих чтений, отсутствующих в ПА и СКВ («и Августалия александрийска», «и кацию», «и исмирну с многими благовонными цветы индийска земли съставлену, и ливан от злата ара-

⁴⁷ Дмитриева. Сказание, с. 167.

⁴⁸ Там же, с. 179.

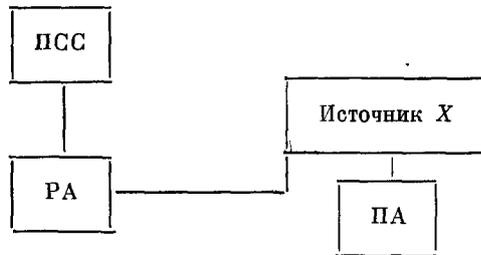
⁴⁹ Там же, с. 202.

⁵⁰ БАН, собр. Арх. Д, № 193, л. 410—410 об.

войска трома смешения имат», «от того часа»).⁵¹ Все, что касается Александра Михайловича Тверского, в РА сказано так же, как в ПСС. В ПА и СКВ вообще отсутствует упоминание о нем. Наличие этих чтений в РА свидетельствует о том, что составитель РА, независимо от ПА и СКВ, непосредственно обращался к тексту ПСС.

В то же время в ПА есть два заимствования из ПСС, которых нет ни в РА, ни в СКВ: 1) некоторые фразы и отрывки текста об отпадении римской церкви («Благочестивому же Коньстянтину Маномаху от таковых вещей во мнозе печали сушу. И собирается сабор повелением царьским по благословению святейшаго потриарха Кир Илия»; «даже и до низжайших чинов, сиречь попов и дьяконов»; «И от тех времен и донныне лытают» и отрывок текста, посвященный папе Формосу); 2) фраза из родословия литовских князей — «сатвориша себе селение». Однако надо отметить разницу между названными выше чтениями в РА и этими. Тексту с общими чтениями ПСС и РА (отсутствующими в ПА и СКВ) в ПА соответствует текст по СКВ. Здесь же в первом случае параллельный текст в РА отсутствует, во втором текст в РА не дан по СКВ, а заимствован из третьего источника. Имея в виду эти соображения, мы не можем утверждать, что редактор ПА самостоятельно вторично обращался к тексту ПСС. Дело в том, что имеется целый ряд мелких чтений ПСС, которые одновременно встречаются и в ПА, и в РА и отсутствуют в СКВ. Поэтому и отмеченные выше два чтения ПСС, сохранившиеся в ПА, мы должны причислять к последним.

Таким образом, остается сделать следующее предположение: редакторы РА и ПА не самостоятельно сводили воедино тексты ПСС и СКВ, а обращались к основному общему источнику, в котором сочетались уже чтения ПСС и СКВ. В целом этот общий источник был ближе СКВ, но имел отдельные вкрапления из текста ПСС, отсутствующие в СКВ.

О существовании этого общего источника (X) свидетельствует следующее обстоятельство. ПА и РА имеют на протяжении всего текста некоторые общие небольшие чтения, которых нет ни в ПСС, ни в СКВ («постави», «по словеси его», «в лето 6370», «скончася» — о Гедимине, «в руже иноплеменником», «И бысть у Олгерда от первыя жены пять сынов», «божиею милостию», «в лето 6885»).

Эти чтения носят двойкий характер. Одни из них являются мелкой стилистической правкой. Из чтений этого рода следует обратить внимание на фразу «в руже иноплеменником». Эта фраза входит в отрывок, заимствованный из «Начала государей литовских». Однако появление этого чтения здесь определено не непосредственно «Началом», где в данном месте читается «в ружи тотаром», а через текст СКВ, в котором татары названы «иноплеменники».

⁵¹ Здесь и далее отдельные чтения всех четырех произведений цит. по кн.: Дмитриева. Сказание, с. 159—181, 196—205, и по ркп.: БАН, собр. Арх. Д., № 193, лл. 389—392 об., 410—413.

Три чтения носят характер исторической справки — вставлены две даты (вояж Рюрика, дата смерти Ольгерда) и упомянуто о 5 сыновьях Ольгерда от первого брака.

Этот общий источник ПА и РА более полно отразился в ПА (не считая отсутствующего начала в нем). В ПА имеется ряд чтений, общих с СКВ, которые отсутствуют в РА, но во всех этих случаях РА соответствующее место передает либо по ПСС, либо по дополнительному третьему источнику. Таким образом, этот общий источник РА и ПА в целом ближе СКВ, но в некоторых случаях предпочитает чтения ПСС. В отличие от ПСС и СКВ в него были включены некоторые дополнительные сведения.

О существовании этого неизвестного по рукописям варианта данного цикла свидетельствует текст родословия литовских князей, включенный в Новгородскую IV летопись по списку Дубровского (ГПБ, Ф. IV. 238).⁵² Сопоставление текста по рукописи Дубровского и ПА в известной степени может уточнить представление об особенностях этого варианта. Оно показывает идентичность текстов списка Дубровского и ПА, за исключением небольших отступлений. Список Дубровского передает не все индивидуальные чтения ПА, — в таких случаях он следует за СКВ. Отклонения эти несущественны. Наиболее интересным для нас является сохранение в списке Дубровского чтения СКВ «об сю страну Менска» вместо «от ту страну Днепра» в ПА (см. об этом выше).

Таким образом, ПА представляет собой сложную контаминацию текстов разных вариантов цикла, посвященных одной и той же теме. Прежде чем текст принял тот вид, который дошел до нас в Чудовской рукописи (ПА), он сопоставлялся по крайней мере с двумя вариантами, сверялся по хронографу (имеется в виду начало ПА⁵³), уточнялся по летописным источникам, из которых было заимствовано несколько дат и включены сведения о борьбе за великокняжеский стол между Юрием Даниловичем Московским и Дмитрием Михайловичем Тверским,⁵⁴ внесена некоторая стилистическая правка.

Сводный характер работы составителя РА обнаруживается с первого предложения, которым начинается родословие литовских князей: «В лета великого князя Ивана Даниловича Володимерьскаго и Московскаго и в лета великого князя Александра Михайловича Тверскаго».⁵⁵ Первая фраза здесь взята из СКВ, вторая — из ПСС. Как уже говорилось выше, РА представляет собой компиляцию, составленную на основании ПСС, особого варианта СКВ (общего источника ПА и РА), заимствований из краткого литовского летописца. Кроме того, в рассказ о происхождении русских князей здесь включен отрывок типа родословия, в котором перечислены русские князья от Рюрика до Владимира Мономаха.⁵⁶

Работа составителя РА не заключалась только в сведении воедино нескольких источников. Внесенная им при этом правка свидетельствует о вдумчивом отношении к содержанию, о стремлении включить в свое произведение достоверные факты. Проведенное им сопоставление разных

⁵² Текст опубликован: ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. 2. Л., 1925, с. 477—478, 480—482.

⁵³ См. об этом в статье А. Л. Гольдберга (с. 213).

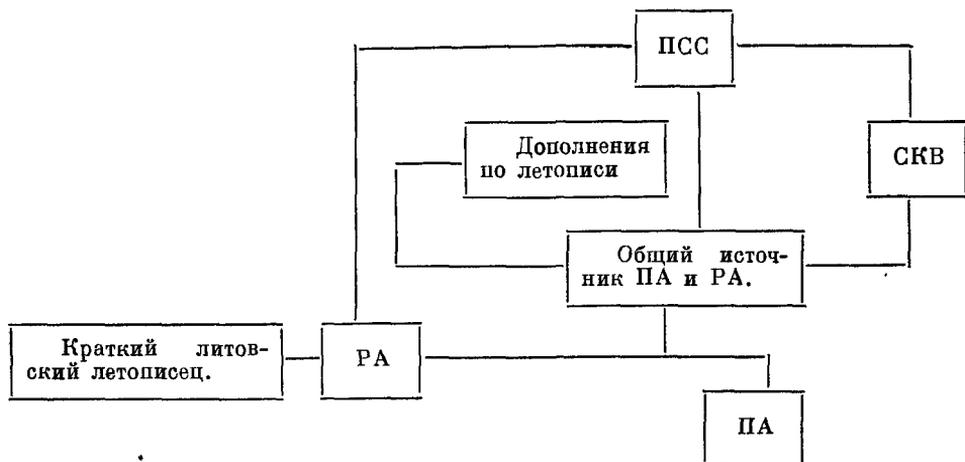
⁵⁴ В летописи по списку Дубровского эти события изложены близко к ПА (ПСРЛ, т. IV, ч. I, вып. 2, с. 478). Близость эту можно объяснить заимствованием текста в летопись из общего источника ПА и включенного в летопись родословия литовских князей.

⁵⁵ БАН, собр. Арх. Д, № 193, л. 410.

⁵⁶ Первая часть РА, посвященная русским князьям, от второй, посвященной литовским князьям, в рукописи отделена родословием великих князей московских, удельных и боярских родов.

вариантов цикла с дополнительными материалами позволило ему в некоторых случаях действительно уточнить исторические данные.⁵⁷

Учитывая все особенности упомянутых вариантов цикла, взаимосвязь между ними можно изобразить в виде следующей стеммы.

На основании приведенных выше доводов нельзя согласиться с концепцией А. А. Зимина о первичности текста в варианте ПА и о возникновении его в связи с коронацией внука Ивана III Дмитрия, как и нельзя принять предложенную А. Л. Гольдбергом историю возникновения разных вариантов этого цикла. Варианты РА и ПА не могли быть промежуточными звеньями между оригиналом и СКВ, взаимоотношения между ними были более сложными. Таким образом, у нас нет оснований не верить сообщению Спиридона-Саввы о том, что именно он является автором первоначального варианта рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха.

⁵⁷ В ГБЛ, собр. Румянцова, № 349, и ГПБ, ф. IV. 264, использован текст родословия литовских князей из РА (изд.: ПСРЛ, т. XVII, с. 603—605).

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Н. А. МЕЩЕРСКИЙ

К изучению языка «Слова о законе и благодати»

«Слово о законе и благодати», с полным основанием приписываемое митрополиту Илариону, известному церковно-политическому деятелю Киевской Руси, жившему в середине XI в., справедливо признается одним из ценнейших произведений древнерусской литературы в начальный период ее развития. Это выдающийся памятник искусства слова, свидетельствующий как о большом мастерстве его создателя, так и о высоком уровне речевой культуры Руси в ту эпоху, когда произведение было написано. Язык «Слова», хотя и дошедшего до нас в относительно поздних списках, не восходящих ко времени ранее рубежа XIII—XIV столетий, несомненно заслуживает глубочайшего изучения. Между тем до сих пор «Слово о законе и благодати» не подвергалось, к сожалению, специальному историко-языковому исследованию.

Немногочисленные отдельные замечания по поводу языка «Слова» в популярных трудах и пособиях носят общий и поверхностный характер. В большинстве случаев эти высказывания отражают традиционную теорию сложения древнерусского литературного языка. Так, Г. О. Винокур в своем очерке «Русский язык» (1945 г.) характеризовал язык «Слова о законе и благодати» как старославянский. Он писал: «Старославянский язык Илариона, насколько можно судить по поздним спискам, в которых сохранилось его „Слово“ (основная редакция его известна лишь в списке XVI в.), безупречен».¹ Далее приводится отрывок из текста «Слова», долженствующий подтвердить высказанное мнение.

Вслед за Г. О. Винокуром подобную же характеристику языка «Слова о законе и благодати» повторил В. Д. Левин в своем «Кратком очерке истории русского литературного языка» (изд. 1-е — в 1958 г.; изд. 2-е — в 1964 г.). Этот ученый полагает, что картина языковых особенностей «Слова», как и произведений Кирилла Туровского и Феодосия Печерского, «вполне типична и для других памятников церковно-книжного стиля русского литературного языка». Хотя тут же В. Д. Левин оговаривается, что в языке этих произведений могут встречаться русизмы, называемые им «невольными» или «случайными».²

Л. П. Якубинский уделил в своей книге «История древнерусского языка» (посмертное издание)³ специальную главу «Слову о законе и благодати», которая, впрочем, содержит преимущественно общеисторические сведения о жизни и деятельности Илариона как первого из русских, воз-

¹ Г. О. Винокур. Русский язык. — В кн.: Избранные работы по русскому языку. М., 1959, с. 45.

² В. Д. Левин. Краткий очерк истории русского литературного языка. Изд. 2-е. М., 1964, с. 39—40.

³ Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953.

веденного на митрополичий стол в Киеве. Этот раздел в книге Л. П. Якубинского призван проиллюстрировать и подтвердить развиваемое им положение о том, что якобы до второй половины XI в. старославянский язык был единственным официальным государственным языком в Киевском государстве. Но никаких прямых доказательств этого положения, которые извлекались бы из конкретного анализа памятника, в данной главе не содержится.⁴

Л. П. Якубинский считал язык Илариона «свободным. . . от древнерусских элементов (поскольку об этом можно судить по сравнительно поздним копиям его «Слова»)». Это обстоятельство дало основание Л. П. Якубинскому утверждать, что «Иларион ясно отличал. . . свой разговорный язык от литературного церковнославянского языка».⁵

Особую позицию в освещении вопроса о языке произведений Илариона заняли составители учебника по истории русского литературного языка, изданного во Львове в 1957 г., — В. В. Бродская и С. О. Цаленчук. Названные авторы признают язык Илариона отражающим восточнославянскую речевую основу, находят в «Слове о законе и благодати» следы знакомства Илариона с древнерусскими юридическими памятниками, такими, как «Русская Правда», а к числу якобы восточнославянской лексики, встречающейся в произведениях Илариона, относят, например, слова «девица» и «сноха».⁶

Одной из причин того, что по поводу языка «Слова о законе и благодати» появились столь противоположные и безосновательные высказывания, послужило то обстоятельство, что ученые не обращались к рукописным материалам и судили о языке памятника лишь по далеко не совершенным в текстологическом отношении изданиям.

«Слово о законе и благодати» впервые было издано в 1844 г. А. В. Горским по единственному сохранившемуся полному списку первой редакции памятника (Синод., № 591).⁷ Издание это послужило исследователям, высказывавшим свои суждения о языке памятника; им же воспользовался в своей монографии, опубликованной в Висбадене в 1962 г., и славист ФРГ Лудольф Мюллер.⁸

Как было недавно показано Н. Н. Розовым, издание «Слова о законе и благодати», подготовленное А. В. Горским, лишено необходимой точности в лингвистическом отношении. Очевидно, А. В. Горский, печатая свой труд в церковном издании, был вынужден идти навстречу желаниям синодальных властей и поэтому приспособлял язык памятника к тому стандарту церковнославянского языка, который был принят церковной практикой XIX в. и преподавался в духовных академиях и семинариях.⁹ Изучая язык «Слова о законе и благодати», нельзя опираться на несовершенные в текстологическом отношении издания. Необходимо обратиться к рукописям памятника, прежде всего к наиболее древним и полным в смысле состава текста.

⁴ Там же, с. 95—99.

⁵ Там же, с. 95.

⁶ В. В. Бродская, С. О. Цаленчук. История русского литературного языка. Ч. I. X—XVIII вв. Львов, 1957, с. 39—42.

⁷ Памятники духовной литературы времен великого князя Ярослава I. (Прибавления к творениям святых отцов в русском переводе), ч. 2. М., 1844.

⁸ Des Metropolitens Ilarion Lobrede auf Vladimir den Heiligen und Glaubensbekenntnis nach der Erstaussgabe von 1844, neu herausgegeben und erläutert von Ludolf Müller. Wiesbaden, 1962. Это издание далее сокращенно обозначается нами — М, указываются страница и строка.

⁹ Н. Н. Розов. Из истории лингвистических публикаций литературных памятников XI в. (Издание А. В. Горским «Слова о законе и благодати»). — В кн.: Вопросы теории и истории языка. Л., 1969, с. 270—278.

Старшим по времени из числа дошедших до нас рукописей «Слова о законе и благодати» является список так называемых «Финляндских отрывков», правда сохранившийся лишь в относительно небольшом отрывке. Этот фрагмент, состоящий из одного листа, записанного в два столбца с обеих сторон, по 33 строки в каждом столбце, содержит центральную часть произведения. Рукопись хранится в БАН под шифром «Финл. № 37».¹⁰

Текст отрывка, на который впервые было обращено внимание И. И. Срезневским¹¹ в 1869 г., в 1906 г. был полностью опубликован Ф. И. Покровским.¹² Оба ученых датировали рукопись временем XII—XIII вв. Более пристальное палеографическое изучение списка, произведенное недавно О. П. Лихачевой, показало, однако, что рукопись по многим признакам сближается с новгородскими памятниками письма, восходящими к концу XIII в., и поэтому точнее будет ее датировать временем последней четверти XIII столетия.¹³ Тем не менее, при всех условиях, показания данного списка должны быть признаны особенно ценными при восстановлении первоначальной языковой основы памятника, поскольку список со всей несомненностью восходит к эпохе до второго южнославянского влияния на русский литературный язык и поэтому свободен от искусственной славянизации, отраженной в позднейших списках.

Текстуальное сопоставление списка Ф с изданием Горского показывает, что в большинстве случаев Ф сохраняет более достоверные и несомненно более первоначальные в отношении языка чтения.

Прежде всего отметим весьма существенное разночтение. В Ф говорится о том, как оценивали иудеи деятельность Иисуса Христа, и сказано: *они же нарекоша и льстьца. и от блюда рожена. и о Вельзаулѣ бѣсы изгоняща* (Ф, 2, 28—30). В рукописи Синод., № 591, по которой издавал текст памятника Горский, слова *и от блюда рожена* выскоблены, и издатель восполнил их в своем тексте по другому списку (ГИМ, собр. Уварова, № 1772). По названному списку текст «Слова» был в 1848 г. опубликован О. М. Бодянским, отвесшим свою рукопись к XIV столетию.¹⁴

Наличием данного места в древнейшем списке «Слова о законе и благодати» подтверждается его аутентичность и принадлежность к древнейшему языковому пласту памятника. Само же наличие таких слов не может быть объяснено параллелями с Новым заветом или с патристической письменностью, как это бывает в других случаях в текстологии «Слова», насыщенного цитатами. Мюллер, признавший невозможным, что Иларион сам мог бы слышать подобные высказывания в отношении Христа от кого-либо из своих современников-иудеев, считал наиболее вероятным, что Иларион заимствовал цитату из греческого текста произведений Ефрема Сирина.¹⁵

Как нам кажется, утверждение Мюллера не имеет под собой достаточных оснований, и нет причин сомневаться в том, что сам автор «Слова»

¹⁰ Текст списка далее будет обозначаться сокращенно: Ф, цифра, обозначающая столбец, и цифра, обозначающая строку.

¹¹ И. И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, № 41. — Записки Академии наук, т. XXVIII, кн. I. СПб., с. 1—38.

¹² Ф. И. Покровский. Отрывок Слова митрополита Илариона «О законе и благодати» в списке XII—XIII вв. — ИОРЯС, т. XI, 1906, кн. 3, с. 412—417.

¹³ О. П. Лихачева. Палеографическое описание сборника поучений XIII века (РО БАН СССР, Финл. собр., № 38). Машинопись.

¹⁴ О. М. Бодянский. Славянорусские сочинения в пергаменном сборнике И. Н. Царского. — ЧОИДР, 1848, т. III, вып. 7, с. 21—41.

¹⁵ М., с. 155.

мог непосредственно полемизировать с иудеями-талмудистами, жившими в Киевской Руси в его время.

Со стороны грамматики список *Ф* показывает, как и следовало ожидать, бóльшую архаичность в употреблении словоформ, чем другие списки этого памятника. Так, если в позднейших текстах формы супина обычно уже заменены аналогичными формами инфинитива, то в *Ф* систематически выдерживается употребление супина в функции обстоятельства цели при глаголах передвижения: *Приде на землю посѣтитъ их* (*Ф*, 3, 21—22); *не придохъ разоритъ закона, къ исполнитъ* (*Ф*, 2, 19—21).

Весьма показательным кажется нам наличие в списке *Ф* лексики с полногласными сочетаниями. Так, в *Ф*, 4, 20—21 читаем: *пришедше бо римляне. полониша Иер^слмъ*. Во всех остальных списках и изданиях на месте данного глагола неполногласный его вариант *плѣниша*.

Характерна также мена гласного *a* на *o* в корне слова *заря*. *Ф*, 4, 24—25: *и законъ по семь, яко веч(е)рняя зоря погасе*. В остальных списках и изданиях — *заря* или *зарѣ*.

Поскольку список *Ф*, без сомнения, переписывался на территории древней Новгородской земли, отметим в нем яркий фонетический новгородизм: *къ овцамъ погыбшимъ* (*Ф*, 2, 18). В остальных списках закономерно: *къ овцамъ*.

Таким образом, привлечение данных этого древнейшего списка «Слова», несмотря на его отрывочность, позволяет все же в какой-то степени уточнить наши представления о первоначальной языковой основе памятника.

Обратимся к сопоставлению текста «Слова о законе и благодати» по изданиям Горского и Мюллера с текстом списка Синод., № 591.¹⁶ Названный список с большой точностью опубликован Н. Н. Розовым в 1963 г.¹⁷ Следует подчеркнуть также, что Н. Н. Розову, благодаря тщательно произведенному палеографическому анализу рукописи, удалось на основании бумажных филиграней уточнить датировку этого единственного полного списка полной редакции «Слова». Список *С* следует относить не к XVI в., как это было принято до сих пор, а к XV.¹⁸ Таким образом, самый ценный в текстологическом отношении список «Слова» оказывается на целое столетие более древним, что во много раз увеличивает авторитетность его языковых показаний.

Отметим, что список *С* бесспорно представляет текст памятника, подвергшийся уже второму южнославянскому влиянию. Об этом свидетельствует систематическое наличие в нем буквы «юс большой» в соответствии с буквенным сочетанием *ou*, а также написания йотированного *a* без йотации: например, *от всякоа рати и плѣненіа* (*С*, 194б, 19). Приведем еще сугубо славянизирующее написание: *не въздѣваемъ бо рукъ нашихъ къ бѣж тжѣму* (*С*, 198а, 4—5).

Очевидно, под воздействием того же второго южнославянского влияния форма *полониша*, которую мы отметили в тексте *Ф*, заменена в списке *С* обычной церковнославянской — *плѣниша* (*С*, 179а, 18). Однако тем показательнее для древнейшей языковой основы памятника, сохраненной вопреки славянизирующей моде в тексте *С*, такая его черта, как написание с полногласием имени киевского князя, которому посвящается произведение: *похвалим же и мы, по силѣ нашей, малыми похвалами. великая и диеннаа стѣворишаго нашего учителя и наставника великаго кагана нашеа*

¹⁶ Далее список Синод., № 591, обозначается нами сокращенно: *С*, лист, строка.

¹⁷ Н. Н. Розов. Синодальный список сочинений Илариона — русского писателя XI в. — *Slavia*, гоѣ. XXXII, 1963, сеѣ. 2, с. 141—155.

¹⁸ Там же, с. 144, прим. 15. Анализ филиграней *С* был произведен М. В. Щепкиной и В. С. Голышенко.

земли Володимера (С, 184б, 12—18). В изданиях Горского и Мюллера в данном месте тоже обычная церковнославянская форма имени — *Владимера* (М, 38, 11—12). Нет сомнения, что именно написание этого имени с полногласием стояло в протографе «Слова»; это тем более очевидно, что в С, несколько ниже, сохранилось другое своеобразное написание того же имени с гласным *о* после *л* в первом корне: *благороденъ отъ благородныхъ, каганъ нашъ Владимиръ* (С, 185а, 9—10). Ср. с этим подобное же написание, с явными следами недавнего полногласия: *соуцаа въ работѣ. въ плоненіи* (С, 199а, 7—8). В изданиях в обоих случаях вместо этих написаний обычные неполногласные: *Владимеръ* (М, 38, 20), *въ плѣненіи* (М, 51, 15—16).

Типичны для словоупотребления в нашем памятнике такие лексемы, как *котора* (в значении «спор», «ссора») и *робичичь* («сын раба»: *и бываахъ между ими многи распрѣ и которы* (С, 172б, 3—4); *и бывааху между ими распрѣ многи и которы* (М, 26, 21—22)). Слово *котора*, изредка встречающееся в собственно старославянских памятниках, как Супрасльский сборник,¹⁹ вполне обычно для древнерусской письменности старшей поры.²⁰

Существительное *робичичь* фигурирует в тексте «Слова о законе и благодати» в разнообразных написаниях: *роди же агарь раба. отъ авраама раба робичишть* (С, 170б, 19—20); *насиловаахъ на хртіанья. робичишти на сыны свободаа* (С, 172б, 1—3); *роди же Агарь раба отъ Авраама робичищъ* (М, 25, 7); *насиловаху на христіанья, робичичи на сыны свободныа* (М, 26, 20—21). Характерно, что даже в изданиях Горского и Мюллера сохранены восточнославянские варианты этого слова. Сама же лексема весьма типична для восточнославянского речевого употребления.²¹

Отметим своеобразную семантику слова *зоря* («заря»). В то время как в старославянских памятниках этому слову присуще значение «сияние», «свет», «проблеск», а также «деница»,²² в «Слове о законе и благодати», как свидетельствует пример на с. 234, значение этого существительного совпадает с современным русским — «яркое освещение горизонта перед восходом и после захода солнца». Ср.: *и законъ, яко вечернѣи зарѣ, погасе* (С, 179а, 19—20); *и законъ посемъ, яко вечерняя заря, погасе* (М, 33, 4—5).

Для морфологии списка С характерно систематическое использование восточнославянской флексии *-ѣ* в род. пад. ед. ч., в именит./винит. пад. мн. ч. склонения на *-ја* и винит. пад. мн. ч. склонения на *-јо*: *отъ дѣвицѣ* (С, 176а, 15), *отъ троицѣ* (С, 176а, 19), *п'теньцѣ* (С, 179а, 12), *за овцѣ* (С, 195б, II), *жены и младенцѣ спси* (С, 199а, 6) и др. Естественно, что в изданиях все подобные флексии заменяются обычно церковнославянскими: *-я*, *'-а*; впрочем, см. *младенцѣ* в М, 51, 15.

Не менее типичны для текста С и флексии местоимения ж. р. в род. пад.: *отъ неѣ* (С, 170б, 10), *къ рабѣ еѣ* (С, 170б, 16). В изданиях эти флексии заменены на церковнославянские *отъ нея* (М, 25, 1), *къ рабѣ ея* (М, 25, 5).

Сохранение восточнославянских флексий в списке С вопреки воздействию второго южнославянского влияния дает нам основание отнести написание подобного рода к протографу «Слова о законе и благодати». Подобного рода флексии в изобилии представлены, например, в таком восточнославянском памятнике письменности XI в., как «Изборник 1076 г.». Там мы находим: *вельможѣ, срачицѣ, ларѣ* (множественно) и др.²³

¹⁹ Slovník jazyka staroslovenskeho, seš. 15. Praha, 1967, s. 56.

²⁰ Срезневский. Материалы, т. I, стлб. 1300.

²¹ См.: Срезневский. Материалы, т. III, стлб. 2.

²² Словарь старославянского языка, вып. 12. Прага, 1966, с. 657.

²³ Изборник 1076 года. М., 1965, л. 271 об., строка 11; л. 271, строка 7; л. 272 об., строка 8; л. 274, строки 5, 7; л. 272 об., строка 4, и др.

Рассматривая употребление восточнославянской флексии -ѣ в тексте *С*, следует внимательнее остановиться на характерном случае словоформы *распрѣ*, которая вызывала в литературе разноречивые толкования. Так, если в *С* мы читаем: *бываахъ между ими многы распрѣ и которы* (*С*, 172б, 3—4), то в *М* соответственно: *и бывааху между ими распрѣ многы и которы* (*М*, 2б, 21—22). Мюллер комментирует данное место следующим образом: «Ошибка; писец воспринимал „распрѣ“ как форму единств. числа и должен был поэтому отнести слово „многы“ к „которы“. Распрѣ, однако, — это все же множ. число = древнеславянское „распра“», которое в русском изводе церковнославянского языка дает „распрѣ“». ²⁴ Все рассуждения по данному поводу для Мюллера явились бы излишними, если бы он имел возможность обратиться непосредственно к рукописи *С*, минуя издание Горского!

Восточнославянизмами, характерными именно для памятников XI в., мы можем признать неоднократно встречающиеся в тексте *С* примеры отсутствия второй палатализации *к* перед *ѣ* в дат./местн. пад. ед. ч. ж. р. существительных и прилагательных. Так, мы читаем в рукописи: *не въ хждѣ бо и невѣдомѣ земли владычствовавша. нѣ въ ржсъѣ* (*С*, 185а, 4—5), и далее: *паче же слышано емж бѣ всегда ѿ благовѣрнѣи земли гречьскѣ* (*С*, 185б, 11). В изданиях это несоответствие нормам церковнославянского стандарта устранено, и мы читаем: *но въ Русской* (*М*, 38, 17) *и о благовѣрнѣи земли Гречьстѣи* (*М*, 39, 4). Однако в дальнейшем текст *С* содержит и такое характерное написание, как: *владыкѣ наши огрози странаѣмъ*. И это отступление от стандарта удержалось даже в изданиях: *Владыкѣ наши огрози странаѣмъ* (*М*, 51, 12). Мюллер считает *ѣ* после *к* явной опиской, — вместо *ы*. ²⁵ Он обращает внимание также на чрезвычайную редкость употребления титула «владыка» по отношению к русским князьям.

Особенного внимания заслуживает, по нашему мнению, несколько загадочное начертание слова *кжшка* в тексте *С*. Вместо обычного церковнославянского существительного *куща* мы читаем: *сѣдѣцъ емж прѣд дверьми кжшкѣ его въ полудне* (*С*, 171а, 4—5). В изданиях указанное нарушение стандарта устранено: *сѣдѣцу ему предѣ дверьми куща своа, въ полудне* (*М*, 25, 12).

Все эти написания текста *С*, как нам кажется, могли бы восходить к его протографу IX в. или по крайней мере к одному из древнейших промежуточных списков полной редакции памятника.

Таковы пока еще отрывочные наблюдения над языком рукописей «Слова о законе и благодати», которые должны быть уточнены и продолжены в связи с дальнейшим углубленным текстологическим изучением памятника по всем спискам, плодотворно начатым Н. Н. Розовым.

Однако уже и сейчас можно было бы сделать отдельные предварительные выводы. Во-первых, изучение «Слова о законе и благодати» и его языка должно происходить не по несовершенным его изданиям, а непосредственно по рукописям, пока отсутствует достоверное критическое издание текста. Во-вторых, уже выборочное привлечение данных языка рукописей обязывает нас отказаться от поверхностного и предвзято составленного представления о нем как о «безупречно старославянском».

Несомненно, в языке «Слова» старославянизмам принадлежит видное место, они несут существенную стилистическую функцию. Не случайно сам автор этого произведения обращается к своим слушателям как к знаатокам и ценителям книжного красноречия: *не къ невѣдѣщимъ бо пишемъ. нѣ прѣблиха насытитъ емѣд сладости книжныа* (*С*, 169б, 18—19). И сам

²⁴ *М*, с. 68, прим.

²⁵ *М*, с. 139.

оратор «преизлиха насытил» свое «Слово» выдержками из древнеславянских церковных книг: цитаты из книг Ветхого и Нового завета, из произведений патристики и гимнологии находятся буквально в каждой строке памятника. Однако и отдельные яркие восточнославянские элементы, характеризующие живую речь автора, даже и по сравнительно поздним спискам «Слова», достаточно устойчивы и ощутимы. Эти восточнославянские элементы в языке произведений Илариона не могут быть признаны, по нашему убеждению, ни невольными, ни случайными. Они не случайны для словоупотребления Илариона как сына своего народа и своего времени и не невольны, поскольку каждому из таких употребленных им восточнославянских элементов языка присуща своя незаменимая и неотъемлемая смысловая и стилистическая функция, пусть в церковнокнижном стиле, но в стиле языка славянорусского, смешанного по своей сущности и происхождению литературно-письменного языка Киевской Руси.

Г. М. ПРОХОРОВ

Летописная повесть о Митяе

Повесть о Митяе — это небольшой рассказ о том, как в XIV в. московский князь пытался поставить во главе великорусской церкви, выделив ее из митрополии «всая Руси», близкого себе человека. Речь идет о беззакониях, насилии, обмане, подделке документов, подкупе. События начинаются до, а кончатся после Куликовской битвы. Героев этого повествования мы видим сначала в Москве, затем в Константинополе, по пути туда они встречаются с Мамаем, — как раз накануне его похода на Русь. В наше поле зрения попадают греки, итальянцы, татары, турки. Подобной истории международных церковно-политических интриг мы не найдем в современной и предшествующей Повести русской литературе. Едва ли не впервые русское историческое повествование приобретает здесь черты памфлета, иронию и недоговоренность, оппозиционный политический подтекст.

Повесть о Митяе принадлежит к не существующему в наши дни роду литературы, к непривычной нам сейчас «синкретической» жанровой системе, не допускающей ни откровенного вымысла, ни поисков правды научными средствами. Нам необходим перевод не столько языковой, сколько жанровой — из одной литературной системы в другую. В современной литературе летописная повесть может «стать» либо историческим романом,¹ либо историко-филологическим исследованием. Мною избран второй путь.

Публикуемая ниже работа — необходимый этап на этом пути. Ее задача — проделать ту предварительную работу, без которой невозможно понять, ни о чем написана Повесть, ни почему именно так она написана, — не ответить еще на эти вопросы, а сделать то, без чего невозможно на них уверенно ответить: установить историю текста Повести о Митяе и проследить историю ее изучения.

1

Повесть о Митяе дошла до нас в разных видах в составе ряда летописных сводов под 6885 (1377—1378) г. По принципу схожести текста Повести летописи группируются следующим образом.

1. Рогожский летописец,² Симеоновская летопись,³ Троицкая летопись.⁴

¹ Знаю лишь один такой опыт: Н. Н. Алексеев-Кунгурцев. Брат на брата. Историческая повесть-хроника. СПб., 1904. Вещь слабая и наивная.

² ПСРЛ, т. XV, вып. I. Пгр., 1922, с. 124—132.

³ ПСРЛ, т. XVIII. СПб., 1913, с. 121—125.

⁴ См. выписки Н. М. Карамзина из Троицкой летописи в прим. 54—60 к т. V «Истории государства Российского» (СПб., 1892, Примечания, с. 16—18).

2. Московский свод конца XV в.;⁵ так наз. Ростовская летопись;⁶ Типографская летопись;⁷ Воскресенская летопись.⁸

3. Ермолинская летопись;⁹ Летописный свод 1497 г.¹⁰ Уваровская летопись (свод 1518 г.);¹¹ Львовская летопись.¹²

4. Сокращенный летописный свод 1493 г.¹³

5. Владимирский летописец.¹⁴

6. Никоновская летопись.¹⁵

Из Никоновской летописи Повесть перешла в список конца XVII в. Новгородской летописи — БАН, 31.4.22, л. 73.

Кроме того, Повесть о Митяе содержится в некоторых рукописях отдельно, вне летописного текста.¹⁶ Это показывает, что читателями она воспринималась как способное к самостоятельному существованию произведение. Но такие списки не дают ничего нового по сравнению с тем, что мы находим в летописях.

Как мы увидим ниже, три вида текста Повести о Митяе: двух первых групп летописей и шестой — Никоновской можно признать редакциями; остальные три представляют собой их сокращения.

Отличительной особенностью Повести в первой группе летописей (см. схему, а) является отсутствие заголовка и слитность с предшествующим ей рассказом «О Алексее митрополите»: в последнем предложении этого рассказа речь идет о покойном митрополите, Повесть же начинается фразой с местоимением: «По преставлении же е го». Может быть, поэтому отдельных списков этой редакции Повести мы не находим.

Все содержащие Повесть летописи в погодных статьях тех лет, которые охватывают ее действие (1378—1382 гг.), имеют записи о тех же событиях. Повесть, как уже сказано, помещается под 6885 г. В статье же 6887 г.

⁵ ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949, с. 196—199.

⁶ Рукопись ЦГАДА, ф. 181, № 20/25, конец XVII—начало XVIII в., лл. 354—359.

⁷ ПСРЛ, т. XXIV. Пгр., 1924, с. 137—144.

⁸ ПСРЛ, т. VIII. СПб., 1859, с. 28—32.

⁹ ПСРЛ, т. XXIII. СПб., 1910, с. 121—124.

¹⁰ ПСРЛ, т. XXVIII. М.—Л., 1963, с. 79—81.

¹¹ Там же, с. 242—243.

¹² ПСРЛ, т. XX, 1-я половина. СПб., 1910, с. 199. Само по себе то, что Повесть о Митяе объединяет летописи в группы именно так, а не иначе, не удивительно: известно и родство Рогожского летописца с Симеоновской и Троицкой летописями (см., например: М. Д. П р и с е л к о в. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.—Л., 1950, Введение, с. 12), и зависимость так наз. Ростовской, Типографской и Воскресенской летописей от Московского свода 1479 г. («конца XV в.») (см., например: А. А. Ш а х м а т о в. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, с. 367—371), и родство с Ермолинской летописью Свода 1497 г., Уваровской и Львовской (А. А. Ш а х м а т о в. Обзорение. . ., с. 368; А. Н. Н а с о н о в. История русского летописания XI—начала XVIII в. Очерки и исследования. М., 1969, с. 373—374).

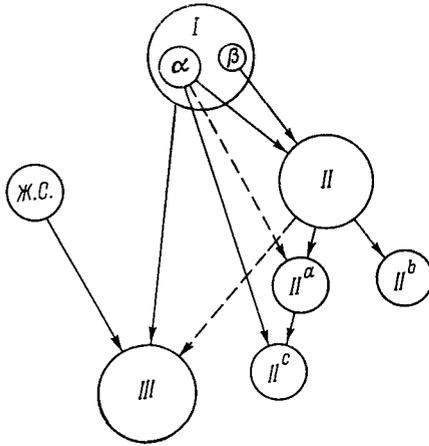
¹³ ПСРЛ, т. XXII. М.—Л., 1962, с. 249—251.

¹⁴ ПСРЛ, т. XXX. М., 1965, с. 125—127.

¹⁵ ПСРЛ, т. XI. СПб., 1897, с. 35—41.

¹⁶ В сборниках ГБЛ, Музейное собр., № 3271, последняя четверть XV—начало XVI в., лл. 27 об.—33, и ГИМ, Хлудовское собр., № 147—Д, XVI в., лл. 449—460 об., помещена Повесть того же вида, что в группе летописей, обозначенных у нас цифрой 2. В сборнике ГБЛ, Волоколамское собр., № 572, середина XVI в., лл. 231—234 об., — вид текста Сокращенного летописного свода 1493 г. Редакция Никоновской летописи содержат следующие рукописи: 1) сборник ГПБ, собр. Погодина, № 1404-а, XVI в., лл. 702—708; 2) рукопись БАН, 34.4.32, первая четверть XVII в., лл. 654—660; Повесть заключает прибавления к Хронографу 1512 г. и Псковской летописи; 3) сборник ГПБ, СПб. ДА, № 432, XVII в., лл. 93 об.—123 об. (здесь несколько изменена композиция начала Повести).

летописей первой группы (см. схему, β) указан путь бегства в Царьград Дионисия Суздальского, в то время как Повесть о пути его бегства не говорит, и, кроме того, в статье с торжеством прокомментирована смерть

I — текст первой группы летописей: α — Повесть о Митяе, β — статья 6887 г. (Первая редакция). *II* — Повесть о Митяе второй группы летописей (Вторая редакция). *II*^a — Повесть о Митяе третьей группы летописей. *II*^b — Повесть Сокращенного летописного свода 1493 г. *III* — Повесть о Митяе Владимирского летописца. *III* — Повесть о Митяе Никоновской летописи (Третья редакция). Ж. С. — Житие Сергия Радонежского.

Митяя, в то время как в Повести говорится о его смерти сдержанно и без комментариев: «. . .внезапу Митяй разболеся в корабле и умре на мори».¹⁷ Во второй группе летописей избыточная информация погодных статей внесена в текст Повести.

Повесть
первой группы
летописей
(Рогожский летописец)

(Дионисий) побежа к Царюграду, обет свой измени, а поручника свята выдал.

И бысть по времені поиде Митяй к Царюграду на митрополию с Москвы.

Статья 6887 г.
первой группы
летописей
(Рогожский летописец)

Того же лета поиде в Царьград епископ Дионисий Суздальский в судех Волгою к Сараю.

Митяй поиде по суху к Орде, а Дионисий Влгою в судех к Сараю.

Повесть
второй группы
летописей
(Московский свод
конца XV в.)

. . .побеже к Царюграду из своей епископии из Новагорода Нижнего Волгою к Сараю, обет свой изменив, а поручника свята выдав.

И поиде Митяй к Царьграду в лето 887 по суху; в то же время и Дионисий поиде по Волзе к Сараю. Поиде Митяй с Москвы.

¹⁷ В сокращенном, по сравнению с летописями первой группы, виде находится известие об отправлении Митяя и Дионисия в Царьград в статье 6887 г. Западнорусской летописи по Супрасльскому списку: «В лето 6887 поиде на митрополию Михайлогугмен в Царьград, намесник митрополича», и «Того же лета поиде во Царьград священный епископ Деонисий Суздальской в судех Волгою ко Сараю» (ПСРЛ, т. XVII. СПб., 1907, стлб. 40—41). Комментария к смерти Митяя здесь нет. Нет также и самой Повести о Митяе. Очевидно, это результат сокращения источника, каковым был летописец, близкий к летописям первой группы.

Статья 6887 г.
первой группы летописей
(Рогожский летописец)

Се же преславно явление показа бог неизреченными его судбами, глаголетъ бо апостол: «Никто же о себе честь возмет, но званый от бога». Сего же епископи вси, и игумени, и прозвутери, и мниси, и священници все не хотяху, но един князь великий хотяше. Он же на то надеяшеся на княжескую любовь, не въспомяну пророка, глаголюща: «Добро есть надеяться на бога, нежели надеяться на князь». Есть же инако разумети, но глаголати не мощно противу судбам божим, многожды бо наводит бог на ны скорби и предает ны в руже немилостивым пастухом и суровым за грехы наша, но «не до конца прогневаютсяъ господь, ни в веки враждует, ни по грехам нашим воздал нам», рече бо: «Просите и дастся вам» — и пакы рече: «Призови мя и услышу тя, просите и примете». Все же епископи и прозвутери и священници того просиша и бога о том молиша, дабы не попустил Митяю в митрополитех быти, еже и бысть, и услыша бог скорбь людей своих, не изволи быти ему пастуху и митрополиту на Руси.

Повесть второй группы
летописей
(Московский свод конца XV в.)

Се же преславно явление показа бог неизреченными его судбами, яко же апостол глаголетъ: «Никто же вземлетъ честь о себе, но званый от бога». Сего бо предреченного Митяя не хотя же никто же в митрополи; епископи же и игумени, прозвутери и весь чин священнический, и мниси, — вси моляху о том бога, да бы не попустил Митяю в митрополитех быти, но един князь великий хотяше его видети в том чину. Тои же уповаше на любовь княжескую, о ином же ни о ком не брешаше, аще бо и книги добре сведяше, но не въспомяну пророка, глаголюща: «Добро есть уповати на господа, нежели уповати на князь». И пакы глаголетъ: «Не надейтесь на князя, на сыны челоувечьскы, в них же несть спасения». Есть бо инако разумети, но глаголати не мощно противу судбам божим, многожды бо наводит бог на нас скорби и предает в руже немилостивым и суровейшим пастухом за грехи наша, но не до конца прогневаются. Тако же и сему не попусти, ни изволи быти пастырю и митрополиту на Руси.¹⁸

Трудно представить себе обратное, — что сообщение о пути бегства Дионисия и этот комментарий в летописи не дополнили со временем Повесть, а были изъяты из нее так, что не оставили в ней следов, и перенесены в погодную статью. В статье же 6887 г. второй группы летописей вместо рассказа о событиях и комментария к ним мы обнаруживаем своего рода отсылку читателя к тому месту, куда редактор перенес отсюда материал: «Поиде Митяй в Царьгород на митрополью, тако же и Деонисей епископ Суздальскы, о них же прежде написаном в лето 85».

В числе отличий редакции второй группы летописей от редакции первой группы есть два сообщения о том, что княжеские грамоты были не только снабжены княжеской печатью, но и подписаны: «. . . не написану, а подписану и запечатану», «. . . имущу подпись и печать великого князя». Однако известно, что ни Дмитрий Донской, ни другие

¹⁸ Факт этого переноса ускользнул от внимания А. Н. Насонова, вследствие чего он счел этот период вставкой третьей четверти XV в. в гипотетический общий источник Московского свода 1479 г. и Ермолинской летописи (см.: А. Н. Насонов. 1) Московский свод 1479 г. и его южнорусский источник. — Проблемы источниковедения, М., IX, 1961, с. 361; 2) История русского летописания XI—начала XVIII века, М., 1969, с. 274). Если бы А. Н. Насонов искал этот текст не в Повести о Митяе под 6885 г., а в статье 6887 г., то он нашел бы его и в Рогожском летописце, и в Симеоновской летописи, и в реконструированной (в данном случае по Симеоновской) Троицкой (см.: М. Д. Приселков. Троицкая летопись, с. 417). Поупуно укажу и на другие замеченные мной погрешности в аргументах А. Н. Насонова. Так, в ряду «известий моск. свода 1479 г., которых нет в известных нам первоисточниках этого свода и которые есть в Ермолинской летописи, Львовской и Софийской II», он называет известие 6906 г. о поездке Софьи Витовтовны в Смоленск и известие 6916 г. о приезде на Русь князя Свидригайла (А. Н. Насонов. 1) Московский свод 1479 г. и его южнорусский источник, с. 362; 2) История русского летописания. . . , с. 274). Но оба эти известия есть в выписках Н. М. Карамзина из Троицкой (в прим. 175 и 200 к т. V «Истории государства Российского») и включены М. Д. Приселковым в реконструкцию Троицкой (см.: М. Д. Приселков. Троицкая летопись, с. 449 и 467). Лишь второе известие здесь изложено короче.

князя его времени, ни их ближайшие потомки грамот не подписывали. В XV в., начиная с первой четверти, на княжеских документах появляются лишь подписи духовных лиц, митрополитов.¹⁹ Следом за ними, спустя примерно 100 лет, начинают подписывать свои грамоты сами князья. Древнейшая подписанная князем грамота датирована 1521 г.²⁰

В Повести о Митяе первой группы летописей таким образом передается просьба Митяя к князю: «... да ми даси хоратию ненаписану, а за печать твою печатью князя великаго». И точно так же говорится об удовлетворении этой просьбы: «И дал князь великий таковую харатию не едину и печать свою с приложим». ²¹ Эта версия, конечно, древней.

Поскольку в первую группу летописей входит Троицкая, ясно, что этот вид Повести существовал по крайней мере в 1408 г.

Редакция второй группы летописей возникла не позже (но, судя по добавкам про подписи на грамотах, и не раньше) конца XV в., так как она содержится в Московском своде конца XV в.

Редакция Повести Никоновской летописи является сводной: основную связь она обнаруживает с текстом Повести первой группы летописей, но некоторые особенности роднят ее и с текстом второй группы; кроме того, как мы увидим, в этой редакции использовано Житие Сергия Радонежского.²²

Очевидно, редакцию Повести, содержащуюся в Рогожском летописце, Симеоновской и Троицкой летописях, следует назвать как I, вид текста Московского свода конца XV в., так наз. Ростовской, Типографской и Воскресенской летописей — II, а редакцию Никоновской летописи — III.

Свод 1493 г. дает сильное сокращение редакции II (см. схему, II^b).²³ Ермолинская, Свод 1497 г., Уваровская и Львовская летописи — особое сокращение той же редакции, возможно с незначительной правкой по I (см. схему, II^a; подробнее об этом ниже), а Владимирский летописец — сокращение Повести Ермолинской летописи и др., т. е. сокращение сокращения, инкрустированное вставками, иногда сравнительно пространными, из редакции I (см. схему, II^c; об этом дальше тоже [будет сказано подробнее]).

2

Редактор, результатом работы которого явилась в XV в. вторая редакция, бережно относясь ко всей основной информации Повести и даже пополнив ее за счет статьи 6887 г., несколько обработал текст, сократив длины, убрав повторения, кое-что обобщив, сделав язык Повести более простым и ясным. Вот несколько примеров его правки.

¹⁹ Первая среди них по времени — подпись митрополита Фотия под грамотой великого князя Василия Дмитриевича 1423 г., см.: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., 1950, № 22, с. 62; см. также №№ 24, 56, 58, 59, 61, 63, 65, 67, 69, 70, 72, 73, 75, 76, 79 и т. д.

²⁰ См.: там же, № 99, с. 414.

²¹ Дав Митяю чистые грамоты с печатями, великий князь Дмитрий Иванович поступил аналогично византийскому императору XIII в. Михаилу VIII Палеологу, который выдал своему полководцу, отправлявшемуся в Морю, «чистые бланки грамот, скрепленных золотой печатью (*χαρτία ἄγραφα ἐβούλλασεν με τὸ χρυσοβούλλον του*), чтобы в случае необходимости он мог жаловать пронии и привилегии. . . , заполняя эти грамоты так, как он сочтет нужным» (И. П. М е д в е д е в. Мистра. Очерки истории и культуры поздневизантийского города. Л., 1973, с. 53).

²² Это объясняется уже отмеченной в науке зависимостью его от Московского свода 1479 г. («конца XV в.»), см.: Б. М. К л о с с. О времени создания русского хронографа. — ТОДРЛ; т. XXVI, Л., 1971, с. 248, прим. 27.

Р е д а к ц и я I

... но и печатник, ю же на себе ношаше печать князя великаго.

... с собою в Царьград и имам ю приготовану таковую хоратию на запас.

... а Ивана оставиша поругана и отринуша и. Иван же виде себе тако небрегома от них и отъриновена и рече к ним.

... на превысокий степенъ старейшинства, на двор митрополичъ възде и ту живяше, пребываше с всякою областию, елико довлеет и достоин митрополиту владети, то тем всем владяше Митяй.

Они же отътоле искаху подобна времени и съвет сотвориша на Ивана, яко да умут его. И пришедше возложиша руже на Ивана, и яша его, посадиша его в железа. Ивана Петровского архимандрита, московского киновиарха, начальника общему житию! Сковаша нозе его в железа, смириша в оковах нозе его, понеже не единомудрствует с Цименом.

... и раздаваша и сюду и сюду, тем едва утолиша всех.

... в самый праздник възнесения господня, и многу звонению бывшу во вся колоколы, и многу народу спедшуся на сретение его, яко весь град подвижеся.

Тогда сняша с него клобук белый с главы его и разведоша около его дружину его и клиросници его, отъяша от него и ризницу его и приставиша приставника к нему, некоего боярина Ивана.

Р е д а к ц и я II

... еще же и печатник.

... с собою на запас.

... а Ивана оставиша. Иван же рече.

... на превысокий степенъ възде и творяше все, еже достоин митрополиту.

Они же съвет сътвориша, яша его, и железа възложиша на нь, не единомудрствоваше бо с ними по Пимене.

... и раздаваша много на все стороны.

... на праздник възнесения, и сrete его весь народ града Москвы.

... и ту разведоша от него вся сущая люди, бывшаа с ним, и сняша с него клобук белый, и весь сан митрополический отъяша от него, и приставиша к нему Ивана.

Редактор, как можно заметить, часто прибегает к удобному слову «все»: «... творяще в с е, еже достоин митрополиту», «... раздаваша... на в с е стороны», «... съгласившеся в с и в едину думу», «... в с я сущая люди, бывшаа с ним», «... в с ь сан митрополический».

Иногда, правда реже, редактор не сокращал, а расширял текст:

Р е д а к ц и я I

... прежереченаго Митяя на митрополию.

... или отъкуду бе сий Митяй.

... и тшашеся и наряжашеся ити к Царьгороду.

... не истинствуете ходяще.

Р е д а к ц и я II

... прежереченаго Митяя по своем животе на митрополию.

... и откуду бе и что ради дръзновение таково и власть имаше.

... и пристраяеть себе вся сущая, к путному шествию потребнаа к Царьгороду.

... не истинствуете ходяще, но с лжею глаголете и ходите.

Эти распространения (есть еще несколько подобных случаев) не изменяют смысл рассказа, но делают его более рассудочно-точным. (Здесь опять встречается оборот с «вся»: «... вся сущая, к путному шествию потребнаа»).

Прояснено во второй редакции и место, где говорится об остановке Митяева корабля. Согласно первой редакции: «... неци и... поведаша», согласно второй: «Поведаху же тогда тамо бывшей на корабли том и глаголаху: егда разболеся Митяй, тогда корабль той». Уточнено, как видим, и время события.

В ряде случаев редакция II слегка отступает от смысла исходной версии.

1) Согласно редакции I, Митяй стал «воружатися на мнхы и на игумены», согласно II — «на игумены, и на с в я щ е н н и к и, и на черноризцы», т. е. можно понять, что — и на белое духовенство.

2) Из редакции I следует, что Митяй «въсхоте поставитися в епископы на Руси» еще до того, как задумал идти в Царьград («. .но еще дотоле, преже даже не иде к Царьграду»); по II — он сначала собрался в Царьград, а затем отложил путешествие («. .но того лета не поиде»), решив прежде «поставитися на Руси в епископы сущими епископы в Русской земли».

3) По редакции I можно понять, что Митяй непосредственно разговаривал с Дионисием, по II — через посла («. .и посла к нему, рек»).

4) Из двух условий редакции I, при которых князь Дмитрий Иванович позволял Дионисию Суздальскому идти в Константинополь («без моего слова» не идти и «ждати до году Митяевы митрополии»), редакция II оставляет только второе.

5) По редакции I князь Дмитрий Иванович дал Митяю харатью «не едину». В результате исчезновения этих слов в редакции II получается, что князь дал только одну грамоту («. .и дасть ему такую харатию»), хотя ниже все равно оказывается, что у Митяя чистых княжеских грамот было несколько.

6) Согласно редакции II, «съгласишася в с и в едину думу и яшася за Пимена». В результате сокращения и обобщения исчезло важное сведение редакции I, что за Пимена «яшася» б о я р е. Дальше в редакции II убрано место, где говорится, что послы-заговорщики вынуждены были искать «подобна времени» для ареста архимандрита Ивана Петровского (еще одно свидетельство о расколе среди послов?).

Наиболее существенным из того нового, что дает редакция II, является, во-первых, указание места, откуда бежал Дионисий Суздальский («. .из своей епископии, из Новгорода Нижнего»), и, во-вторых, указание места рождения Митяя («бысть убо сей Митяй родом коломнятин»). Но вряд ли редактор пользовался каким-то неизвестным нам источником: откуда бежал Дионисий, он мог домыслить (даже бессознательно, невольно), зная, что Нижний Новгород был престольным градом Дионисия и что бежал он Волгой, а о месте рождения Митяя — зная место, откуда тот попал в Москву («. .саном бѣаше поп, един от коломенских поп»).

Суммируя впечатления, производимые редакторскими сокращениями, поправками и дополнениями, можно сказать, что иного источника, кроме Повести редакции I и погодных статей летописи, редактор не имел. Его работа свелась к некоторому сокращению и переработке старого текста. Им руководило главным образом стремление к четкости и ясности. Там, где ему казалось, что повествование загромождают маловажные конкретные подробности, излишние детали, перечисления, он их убирал или обобщал; там, где можно было пополнить рассказ данными погодной статьи, он его пополнял; там, где можно было что-то прояснить на основе здравого смысла, он прояснял. Кроме того, редактор четко обозначил начало и конец повествования. Редакция II снабжена заглавием «О Митяе архимандрите», в первой ее фразе митрополит Алексей назван по имени и приведена вся его титулатура. Вместо неторопливой и несколько загадочной концовки редакции I: «Господня есть земля и конци ея. До сде скратим слово и скончаем беседу и о всех благодарим бога, яко тому слава в веки. Аминь» — в II концовка деловито-лапидарная: «Сия же до зде. И пакы глаголем бывшее».

В общем редакция II суше, безличней и поверхностней, чем редакция I. Благодаря включению в текст Повести комментария к известию о смерти Митяя скрытая пружина действия (конфликт князя и церкви) оказалась как бы выставленной наружу.

3

Мы уже говорили, что в Ермолинской, Уваровской, Львовской²³ летописях и в Своде 1497 г. Повесть представляет собой сокращение редакции II (II^a). Об этом свидетельствуют 23 случая близости ее оборотов и выражений к оборотам и выражениям редакции II, не находимым в редакции I. Например, здесь сказано: «Митяй же большее оправдание оттого въсприйт и нача устремлятися к путешестввию»; в редакции II: «Митяй же большее себе оправдание прият... и егда уже к путному шестввию Митяй устремляшеся»; в редакции I нет слов «прият», «путное шествие», «устремляшеся». Другие примеры:

Редакция I	Редакция II	Повесть Ермолинской летописи
... а с ним вкупе поидоша.	... с ним же поидоша.	... с ним же поидоша.
... мусолинский.	... с Мусолина.	... с Мусолина.
... немного удержан	... немного дръжав... немного подръжав... .
быв... отпущен быть.	отпусти.	жав... пусти.
Въскую сице.	Что сице.	Что сице.
И минувшу же седмому месяцу.	По седми же месяцах.	По седми же месяцах.
... разведоша около его дружину его, и думци, и клиросници.	... разведоша от него вся сущая люди, бывшая с ним.	... и разведоша от него сущих с ним.

В редакции I Митяя вложили «в варку, еже есть в меньшее судно»; создатель редакции II, сокращая, выпустил пояснение греческого слова «варка», так что уже в Парижском списке Воскресенской летописи оно трансформировалось в «раку». В Повести Ермолинской и связанной с ней группы летописей Митяя тоже кладут в раку, а не в варку. Примеры эти можно умножить, как сказано, до 23.

Но есть в Ермолинской и других летописях третьей группы 5 мест, близких не к редакции II, а к I:

Повесть редакции I и Ермолинской летописи	Редакция II
доброгласен	красен
Книгами говорити	от книг сказати
достойт	подобает
видоша	всодоша
плаваху семо и овамо	миноваху сюду и овуду

Либо создатель «Ермолинского» вида Повести имел перед глазами обе редакции, и, взяв за основу II, как более насыщенную фактической информацией при более кратком и деловитом изложении, в некоторых случаях предпочел выражения I, либо он располагал каким-то более первоначальным текстом редакции II, чем тот, которым располагаем мы. Это наблюдение говорит как будто в пользу гипотезы А. Н. Насонова

²³ В Львовской летописи сохранился только конец Повести.

о существовании общего источника Московского свода 1479 г. и Ермолинской летописи (однако в ходе нашего исследования обнаружилось и факты, ей противоречащие).²⁴ В Ермолинской летописи изменилось, упростилось начало Повести, обнажилась инициатива князя в возвышении Митяя («. . . князь великий Дмитрей в о з в е д е»), исчезли многие подробности рассказа, слились воедино некоторые сцены. Повесть стала значительно короче.

В основу Повести о Митяе Владимирского летописца (II^о), как уже сказано, положен текст Ермолинской летописи. Это — неожиданно, по-скольку Владимирский летописец, согласно существующим в науке представлениям, являет собой сокращение свода, составленного, во-первых, из источника, очень близкого по характеру к Троицкой летописи, и, во-вторых, из новгородской летописи типа Новгородской IV.²⁵ Оказывается, что Владимирский летописец родствен также и Ермолинской летописи. Как и в Ермолинской летописи, в нем изменена композиция начала Повести (вперед вынесена характеристика Митяя). Приведу несколько примеров, обнаруживающих близость Повести Владимирского летописца к версии именно Ермолинской летописи:

Московский свод
1479 г.

По преставлении иже в святых отца нашего Алексея митрополита всея Руси възведе на степень его некоторый архимандрит, именем Михаил, нарицаемый Митяй.

. . . дондеже състаресе старецъ Иоан, нарицаемый Непейца, архимандрит спаский, иже остави архимандритию в старости глубоце и сниде в келию молчания ради. И тогда възыскание бысть, кому быти.

—

Ермолинский
летописец

По преставлении же сего преосвященного митрополита князь великий Дмитрей възведе на степень спасьскаго архимандрита Митяя.

По сем же архимандрит спасьски Иван Непейца быв в старости глубоце и сниде в келью. И тогда князь великий повеле себе Митяя постричи.

Он же, шед в Новгород Нижний, ни мала помедлив, поиде Волгою в судех к Сарая, хотя ити в Царьгород.

Владимирский
летописец

По преставлении святого митрополита Алексея князь великий Дмитрий Иванович възведе на степень спасьскаго архимандрита Митяя.

А у Спаса преже архимандрит был Иван Непейца, в старости глубоце сниде в келью. И тогда князь великий Дмитрий Иванович повеле сего Митяя постричь.

Дионисий же ни мало не медля, иде в Нижний Новгород, а оттоле иде Волгою в судех в Сарая, хотя к Царьград.

Содержавшаяся в Троицкой летописи редакция I Повести оказалась лишь вспомогательной для Повести Владимирского летописца: ей версия Владимирского летописца обязана только отдельными словами, фразами и небольшими периодами,²⁶ вторгающимися в текст, в целом восходящий

²⁴ См. выше, прим. 18.

²⁵ М. Н. Тихомиров. Летописные памятники б. Синодального (Патриаршего) собрания. — ИЗ, т. 13 (1942 г.), с. 261; Л. Л. Муравьева. Новгородские известия Владимирского летописца. — Археографический ежегодник за 1966 год. М., 1968, с. 37—40.

²⁶ На основании редакции I написано следующее: 1) период от слов «И во един от дний беседует Митяй» до слов «. . .умышление его безделно естъ» (ПСРЛ, т. XXX, с. 126); 2) период от слов «Деонисий преухитри великого князя» до слов «. . .уже ему не ити в Царьград» (там же); 3) слова — «пумышление и негодование», «И дасть

к версии Ермолинской летописи. Отметим также, что Повесть во Владимирском летописце «разорвана» статьями 6885 и 6886 гг. пополам.

Как видим, усиливающейся от свода к своду тенденцией обработок Повести является стремление сократить ее текст, сохранив основную информацию. Сначала (в редакции II) Повесть делается строже, логичней, нравоучительней, затем (в Ермолинской и родственных ей летописях, в Сокращенном своде 1493 г., во Владимирском летописце) становится все суше и суше, приближаясь постепенно по стилю к погодным статьям. Во Владимирском летописце и Тверском летописном сборнике, составленном в 1534 г., Повесть перестала быть единым произведением; будучи сильно сокращена, она растворилась в погодных летописных статьях.

В основу изложения о Митяе Тверского сборника (статьи 6885 и 6887 гг.) положена, как показывает сличение текстов, редакция I.

Редакция I	Редакция II	Тверской сборник
... на его место и на его степень.	... на степень его.	... на его место.
... и перемонатку митрополичю и печать и посох митрополичь.	... и перемонатку митрополичю и посох.	... и печать митрополичю.
Бе бо преже князь великий.	Прежде бо сего великий князь.	Бе бо князь великий Дмитрий прьвее сего.
Намаканон.	—	... в Намаканоне.
Неции же от младоумных.	Неции же от малоумных.	... неции от младых.
Не подобаше ти.	Что ради.	Не подобаше ли ти.
... пожди егда прииду.	... но егда прииду.	Потрьпи, прииду.
... таковую харатию не едины.	... такую харатию.	... не едину харатию.
... в корабли.	—	... в корабли.

Это говорит о неизвестной до сих пор зависимости Тверского сборника от летописи типа Троицкой. К редакции II Повести могут восходить в Тверском сборнике только слова «Вългою к Сараяу». Но вероятней, что они тоже взяты из летописи типа Троицкой (в статье 6887 г.).

4

Редакция Повести о Митяе в Никоновской летописи — результат противоположной тенденции: стремления пополнить, распространить текст. Редакция III почти в два раза больше первой.

ему князь великий такову хоратию за своей печатью», «И перевезеса Оку реку меса июля 26 день» (там же), «Олепенский», «. . . отпущен бысть. И прииде к Кафинскому морю и вниде в корабль и преплы пучину морскую» (там же, с. 127); 4) период от слов «. . . овии хотя поставити митрополитом Ивана» до слов «. . . имущу печать великого нязя» (там же, с. 127); 5) слова «. . . того единого избрал на Русии», «. . . царю и патриарху, а отвещоста Русии», «о Пимене», «утолиша», «Аще Русь право глаголють или не право, но мы истинствуем. И тако постави Нил патриарх», «Кириан митрополит ис Киева», «. . . князь великий Дмитрий Ивановичь прият его с великою честью», «на Русь», «думцов», «чин» (там же, с. 127). В остальном текст основывается на версии Ермолинской летописи, свода 1497 г., Уваровской и Львовской летописей, хотя следует ей не во всем, имеет собственные слова и обороты, например, «смоленских» (вм. «коломенских»), «велими горд», «и паметлив и доумен», «и многоразумен», «И по сих восхоте поставитися епископом без митрополита на Русь», «И о сем возненавиде Митяй Деонисия», «исправление» (вм. «оправдание»), «. . . напишет на той харати еше что занял» (там же, с. 126), «коломенский» (зм. «московский»), «игумен» (вм. «дьякон»; там же, с. 127).

В распоряжении создателя редакции III были обе первые редакции Повести о Митяе. В этом убеждает как сравнение текстов, так и история летописания, т. е. известный факт использования составителем Никоновской летописного текста, близкого к Троицкой летописи, и Московского свода конца XV в.²⁷ Положив в основу своей работы редакцию I, в отдельных случаях этот редактор предпочел выражения редакции II. Вот несколько примеров:

Редакция I	Редакция II	Редакция III
Бе бо преже. ... в пругло диваоле впадет. ... покинул архимандритию.	Преже бо сего. ... в сеть впадет диваолу. ... оставль архимандритию. ... поведе тако сему быти. ... и егда уже к путному шествию Митяй устремляшеся.	Преже же сего. ... впадет и в сеть дьяволу. ... остави архимандритию. ... восхоте тако быти. Он же нача уготавлитися к путному шествию.
—		
—		

Какую же работу, помимо включения некоторых выражений из редакции II, проделал создатель редакции III над I? Вопрос этот важен, ибо в Никоновской летописи содержится ряд новых сведений и подробностей. В какой степени им можно верить?

Сравнивая тексты, мы видим, что почти каждая фраза и сообщение редакции I в III расширены, дополнены, прокомментированы:

Редакция I	Редакция III
... на его место. ... в сан митрополичь и возложи на ся белый клобук и монатию со источники и ськрижалми.	... на его место святительское. ... и весь сан митрополичь и възложи на себя белый клобук митрополичь и манатию митрополичь со источники и со ськрижалми.
... яко же и апостол глаголеть: «Подобае епископу непорочну быти и не новоуку, да не, развеличався, в пругло диваоле впадет». Князь же великий много.	... и сия апостол утвержаа глаголеть, к иным добродетелем и сие прирече: И ненауку, да не, разгордевся, во осуждение впадет и в сеть дьяволу; и пакы той же апостол глаголеть: сии убо да искушаются преже, потом же да служат, непорочни суще; Митяю же архимандриту еще новоуку сущу во иночестве и обучастися благими делы и нравы; и сие аще восхоцет бог и сотворит о нем, аз же недоволен емь на сие. Князь же великий много.
... а инии мнози корабли плаваху мимо его, минующе семо и овамо. И вложиша Митяя в варку.	... а инии мнози корабли плаваху мимо его семо и овамо, и един той люте томим, аки Ионы ради. Егда же тогда Иона в корабли, море волняшеся и корабль потопляшеся; егда же Иону в море ввергоша, и море преста от вълнения, и корабль свободися от потопления; сие же и ныне: егда Митяй бе в корабле, море не даше поступати кораблю, егда же Митяя выняша из корабля, и корабль свободися и хожаше, амо же хотяше. И вложиша Митяя в варку.

Простое перечисление редакции I — «... и перемонатку митрополичь, и печать, и посох митрополичь» — в Никоновской приобретает такой вид:

²⁷ М. Д. Приселков. История русского летописания. Л., 1940, с. 117.

«... и крест злат с парамандою с златом и бисером усаженною митрополичу, и посох злат митрополичь, и печать митрополичу на себе возложи, и прочее». В числе источников у создателя Никоновской летописи было Житие Сергия Радонежского; ср. там: «... повеле митрополит изнести крест с парамандом, златом же и камением многоценным украшен».²⁸ В Житии Сергия об украшении креста важно было сказать потому, что Сергей откажется его принять, мотивируя это тем, что он никогда не был «златоносцем». В Никоновской же летописи «золото» служит лишь литературному вкусу редактора.]

Есть и другие примеры подобного «нагнетания блеска» в редакции III. Так, к словам редакции I «раздаваша сюду и сюду» в III добавлено: «... а яже поминков и даров, никто не может рещи или изчислити». О прибытии Киприана в Москву и в редакции I сказано как о событии важном и торжественном: «... и многу звонению бывшу во вся колоколы, и многу народу спедшуся на сретение его, яко весь град подвижеся. Князь же великий Дмитрий Иванович прия его с великою честью и со многою верою и любовию». В летописной статье 6889 г. добавлено: «И бысть в тѣй день у князя у великого пир велик на митрополита, и радовахуся светло». В редакции III тот же сюжет разворачивается перед нами сложной и пестрой картиной: «И начаша звонити во вся колоколы, и снисходяша людие, и стечеса народ мног, и отсюду приидоша архимандриты, и игумены, и священници, и иноци, и многу звонению бывшу, и подвижеся весь град, с женами и з детми и со младенцы и сосущими млеко изыдоша во сретение далече из града. И князь великий сам сrete его далече от града з детми своими и со всеми бояры с великою честью, и со многою любовию, и с верою, и смирением. И возвратишася во град, и внидоша во церковь, и знаменася Киприан-митрополит по иконам, и певше молебен, и духовной любви насладишася; и бысть торжество в той день великому князю с митрополитом, и возрадовашеся и возвеселишася в радости и в веселии мнозе, и милостыню странным и нищим многу сотвориша, и Христа-бога прославша, ему же слава во веки веком аминь». В редакции I значителен сам факт прибытия Киприана «в свою митрополию»; кстати, эти важные слова исчезают в редакции III; здесь делается самоценным описание торжества, фасад события, а не его смысл.

Во вкусе этого редактора конкретизация и усугубление всех упоминаемых в Повести насилий. Если в редакции I человека «посадиша в железа», то в III — «посадиша его в вериги железны и гладом нудяше его, и возхотеша его ввергнути в море». В редакции I спутников Пимена «разведоша около его»; в III — князь повелед их «развести и в вериги железны посажати». Согласно редакции I, Митяй «нача вооружатися на мних и на игумены»; согласно III, Митяй «нача вооружатися на священники, и на иноки, и на игумены, и на архимандриты, и на епископы, и осуждаше, и продаваше многих, и възстааше со властью, не обинуяся никого же... многих бо и в веригы железны сажаше, и наказываше, и смиряше их со властью, и никто же можаше рещи противу его». Слова недовольных Митяем епископов и пресвитеров «воля господня да будет», с которыми в I и II редакциях корреспондирует неожиданность смерти Митяя, в III редакции отсутствуют.

Подробней, ярче и наивней стала характеристика Митяя: «Возрастом же велик зело и широк, высок и напруг, плечи велики и толсты, брада плоска и долга, и лицом красен, рожаен, и саном превзыде всех человек; речь

²⁸ Житие преп. Сергия-чудотворца. Сообщил арх. Леонид. ПДП, вып. LVIII, СПб., 1885, с. 130 (далее: Житие Сергия).

легка, и чиста, и громогласна, глас же бе его красен зело, изнасящ словеса и речи сладостны зело; грамоте добре горазд, течение велие имея по книгам, и силу книжную толкуа, и чтение сладко и премудро, и книгами глаголати премудр зело, и никто же обреташеся таков, и пети нарочит, и в делах, и в судех, и в рассуждениях изящен и премудр, и слово и речь чисту и незакосневающу имея, и память велию, и древними повестями, и книгами, и притчами — и духовными и житийскими — никто же таков обреташеся глаголати». Сообщение редакции I «и пребысть в таковом чину и устроении многа лета» в III расширяется следующим образом: «. . . славу и честь имея велию паче всех, и по вся дни ризами драгими изменяшеся и сияше в одеяниях драгих, яко же некое удивление, никто же бо таковаа одеяния ношаше и никто же тако изменяшеся по вся дни ризами драгими и светлыми, яко же той поп Митяй; и вси чествоваху его, яко же некоего царя. И что прочее глаголати? Никто же в таковой чести и славе бысть, яко же он, понеже и отець бысть великому князю, и властвовахше, яко же хотяше, и много лет бысть в таковом житии и устроении, и любляху его вси». Как видим, тут появляются и честь, и слава, и сияние, и неограниченная власть, и сменяющиеся каждый день «ризы драгие», «одеяния драгие», «ризы драгие и светлые», и уподобление «некоему царю», и всеобщая любовь.

Изменило смысл замечание по поводу головокружительной карьеры Митяя:

Редакция I

И ту бяше видети дива плъно: иже до обеда белець сый, а по обеде архимандрит; иже до обеда белець сый и мирянин, по обеде мнихом начальник и старцем старейшина, и наставник, и учитель, и вожь, и пастух.

Редакция III

И сице до обеда бысть поп мирской, та же инок, а по обеде архимандрит; иже до обеда прииде поп мирской и пострижесе во иноческий чин, а по обеде начальник, и пастырь, и учитель.

Насмешливое удивление («дива плъно»), параллель с попом-царем Иоанном Сказания об Индийском царстве («до обеда поп, а по обеде царь») ²⁹ исчезли; получилось буквально, что до обеда Митяя постригли в монахи, а после обеда поставили в архимандриты.

Редактор этот не только расцветивает и «доделывает» каждое сообщение редакции I, часто основываясь на «логике вещей», он домысливает происходящее в Повести и насыщает ее новыми образами, объяснениями и целыми эпизодами. Так, в редакции I сказано: «. . . и отроци предстояху ему»; в III дополнено: «. . . и егда где двигяшеся, сии вси, рищуще, предтицаху ему». Яркая картинка! Редактор ввел целый отдельный эпизод уговоров Митяя с прямой речью князя, произносимой «с умилением и смирением». Также в целое действо разросся диалог Митяя с Дионисием Суздальским. В редакции I просто говорится: Митяй «рек», «Дионисий же рече». В редакции II лишь намечается драматизация: Митяй «посла к нему, рек». В III — Митяй «смутился и возколебася», затем «посла к Дионисию, епископу суждальскому, глаголя», «Дионисий же, епископ Суждальский, въстав, иде к нему и, пришед, рече ему: „Присылал еси ко мне, глаголя“; услышав же сия князь велики Дмитрие Ивановичь и негодова на Дионисиа-епископа».

Редактор берется объяснять действия персонажей: Дионисий «возхоте

²⁹ Наблюдение В. Л. Комаровича см.: История русской литературы, т. II, ч. I. М.—Л., 1945, с. 226—227.

ити ко Царюграду, желаше бо и сам на митрополском столе себя видети». Понятно, на чем основана эта добавка: из летописи редактор мог узнать, что несколькими годами позже Дионисий действительно был поставлен в Константинополе в митрополиты. Но к тому времени изменилась вся «конфликтная ситуация»; так что редакторское объяснение бегства Дионисия не может быть принято как безусловно достоверное.

Сдержанное сообщение редакции I о том, что за Дионисия поручился перед князем Сергий Радонежский, редактор Никоновской летописи, опираясь на Житие Сергия,³⁰ разворачивает в целую картину взаимоотношения Митяя, Дионисия и Сергия: «Митяю же не вверяшеса Дионисий, епископ суждальский, сице же и преподобный игумен Сергий Радонежский; мяше бо Митяй на Сергия, яко советоваше он Алексею-митрополиту не благословити Митяя по себе на митрополию русскую; ныне же мяше Митяй, яко съединилися единомысленно преподобный игумен Сергий Радонежский с Дионисием, епископом суждальским, и не хотят поставления его в митрополиты. И тако негодоваше на них обоих Митяй зело и вооружашеся. Преподобный же игумен Сергий рече: „Молю господа бога сокрушенным сердцем, да не попустит Митяю хвлящюся разорити место сие святое и изгнати нас без вины“».

Казалось бы, благодаря этой вставке-пересказу кусочка Жития Сергия, а также сравнению задержки в море Митяева корабля с библейским чудом с Иной смерть Митяя получает, хотя и несколько иное, чем в прежних редакциях, но мистическое объяснение. Однако здесь же смерти Митяя дано объяснение совершенно иного характера: «Инии глаголаху о Митяи, яко задушиша его, инии же глаголаху, яко морскою водою умориша его». Приведено и обоснование новому объяснению. Это — любопытным образом измененная фраза из комментария к смерти Митяя летописной статьи 6887 г.: «... понеже и епископи вси, и архимандриты, и священници, и иноци, и вси бояре и людие не хотяху Митяя видети в митрополитех, но един князь велики хотяше». В соответствующей фразе комментария не говорится о светских людях и иное сказуемое: не «не хотяху Митяя видети», а «моляху о том бога, да бы не попустил», — т. е. воле князя в редакции III противостоит не молитва церкви, как в I, а нежелание подданных, из которого проистекает убийство.

Редактор не заметил возникшего благодаря его добавкам противоречия: то Митяя «любляху... вси», то вдруг «вси» его «не хотяху».

Примечательно, что этот редактор, вообще склонный к сведению источников и распространением, не счел нужным вставить в свой текст Повести весь комментарий к смерти Митяя (как это сделал автор редакции II) целиком, с цитатой пророка: «Добро есть уповати на господа, нежели уповати на князя»³¹ (в редакции II, кстати, эта цитата подкреплена еще одной: «Не надейтесь на князя, на сыны человеческия, в них же несть спасения»);³² т. е. редактор Никоновской летописи явно старался убрать из Повести о Митяе противопоставление князя и церкви.

Так коренным образом изменилась в Повести вся трактовка истории Митяя: конфликт князя и церкви, в котором неправ князь, сменился конфликтом князя и его подданных (в том числе и церкви), на которых падает подозрение в убийстве. Бог в этой редакции на стороне князя.

³⁰ Житие Сергия, с. 132.

³¹ Псалом 117, 8—9.

³² Псалом 145, 3.

Характерна добавка к речи одного из второстепенных персонажей: «... сотворили неправду перед богом и перед великим князем».³³

Отмеченное изменение идеологической направленности Повести о Митяе хорошо объясняется тем, что возникновением Никоновской летописи мы обязаны правительственной инициативе.³⁴

Оценивая редакцию III Повести в целом, надо сказать, что наряду с новой идеологической направленностью от предшествующих редакций ее отличает и новая литературная манера. Редактор-рассказчик научился видеть гораздо более «поверхностно», «наружно»; он хочет не столько назвать события, сколько показать, как они протекали, — то, о чем не считал нужным говорить автор XIV в. Редактор начитан, в поисках необходимого материала он обращался к источникам, так что многое из добавленного им или верно, или правдоподобно. Но, естественно, материала источников не хватало, и, чтобы его создание могло удовлетворить новым вкусам, редактор вынужден был его домысливать. Новых деталей оказалось такое количество, что вся Повесть резко изменила характер. Ее новый облик относится к первоначальному примерно так же, как собор Василия Блаженного к Троицкому собору Сергиевой лавры.

Редактор Никоновской летописи пересказывает историю Митяя как современную ему историю XVI в. Вольно или неволью, он уводит нас от событий и интересующего нас литературного произведения XIV в.

5

Первым опыт классификации редакций Повести о Митяе сделал Е. Голубинский. Но у него об их соотношении сложилось фантастическое представление: «... летописи... — пишет он, — предлагают нарочитые о нем (Митяе, — Г. П.) повести: две повести о Михаиле в Никоновской летописи под 1378 г. (вторая начинается: «Подобает ведати, кто есть сей»). В Воскресенской летописи и так называемой Типографской повести соединены в одну и в некоторых местах представляют свою редакцию».³⁵ Таким образом, в редакции Никоновской летописи, — той, которую мы назвали III, — исследователь увидел первоначальную повесть и даже не одну, а две: «В летописях мы имеем не одно сказание о Михаиле, а два: из этих двух сказаний одно написано не сторонником его, но и не врагом», «... другое сказание написано явным его врагом и по своему содержанию представляет не что иное, как обвинительную против него записку (сказание о Михаиле, враждебное ему, занимает в Никоновской летописи первое место)».³⁶ Содержащуюся в Воскресенской и Типографской летописях редакцию II Повести Е. Голубинский счел, как видим, вторичной по отношению к Никоновской.

Из этой исходной ошибки историка проистекает целый ряд ошибок производных и просто неверных путей его мысли. Так, оценивая характеристику Митяя в Никоновской летописи, порождение литературы XVI в., Е. Голубинский рассуждает, был ли сторонником Митяя ее автор, и делает «несомненное заключение», «что Михаил действительно представлял

³³ Слова эти напоминают выражение Дионисия Суздальского в его Повинном послании князю Дмитрию Ивановичу с просьбой явить на нем («на согрешившем к богу и тебе») свою милость. (Православный собеседник, 1866, ч. I, с. 250). Не имел ли редактор Никоновской в своем распоряжении и это Послание?

³⁴ Н. Ф. Лавров. Заметки о Никоновской летописи. — Летопись занятий Постоянной историко-археографической комиссии за 1926 г., вып. I (34). Л., 1927, с. 90.

³⁵ Е. Г о л у б и н с к и й. История русской церкви. Период второй, Московский. Т. II, 1-я половина. М., 1900, с. 226 и прим. 2.

³⁶ Там же, с. 229 и прим. 2.

из себя редким образом замечательного человека» и что это была «исключительная и совершенно выдававшаяся личность». Далее историк размышляет, «был ли заражен Михаил суетной наклонностью к пышности и щегольству или это требовалось от него положением и нарочито, как от любимца, было требовано великим князем».

В изданной в 1913 г. книге-диссертации Пл. Соколова «Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV века» текстологическая проблема Повести о Митяе решена следующим образом: «В первоначальном виде мы находим ее (Повесть о Митяе, — Г. П.) целиком в Ермолинской летописи под 6885 годом; с сравнительно небольшими, но очень характерными интерполяциями находим под тем же годом в Воскресенской летописи»; т. е. первоначальным видом Повести, заслуживающим «полнейшего доверия по своей прагматичности и обстоятельности»,³⁷ ученый счел вторичное ее сокращение. Редакция II показалась ему второй по отношению к этому вторичному сокращению. Ошибка Пл. Соколова объясняется тем, что, верно почувствовав вставной характер комментария к смерти Митяя в II, он не сравнил эту редакцию с редакцией I и с погодными статьями содержащих редакцию I сводов (он мог воспользоваться Симеоновской летописью; Рогожский летописец еще не был издан). При сокращении редакции II с некоторой правкой по I комментарий был исключен из Повести, и потому этот ее вид (II^a) показался Пл. Соколову первоначальным.

Первым, кто посмотрел на Повесть о Митяе «историко-филологически», был В. Л. Комарович. Но посмотрел он вскользь, интересуясь не ею самой, а одним из ее героев — Дионисием Суздальским, — как человеком, причастным к созданию Лаврентьевской летописи. Ученый назвал 5 летописных сводов, где содержится Повесть, но различил лишь две ее редакции; Повесть, говорит он, читается «в двух разных редакциях в Симеоновской, Рогожской, Ермолинской, Воскресенской и Никоновской».³⁸ В перечисленных сводах, как мы видели, можно найти 4 варианта Повести: в Симеоновской и Рогожской — редакцию I, в Воскресенской — II, в Ермолинской — сокращение редакции II, в Никоновской — редакцию III. По-видимому, В. Л. Комарович имел в виду редакции I и II сокращенную (II^a), потому что в другом месте он пишет об одной из них как о распространенной и цитирует при этом редакцию I.³⁹ Все литературоведческие замечания В. Л. Комаровича относятся, однако, именно к редакции I.

В. Л. Комарович первым высказался относительно литературных свойств Повести о Митяе: «... написанная очевидцем на основании бесспорных фактов, повесть эта выдержана в стиле реалистического памфлета, с некоторыми, однако, чертами литературной пародии»,⁴⁰ ее «публицистическая тенденция скрыта приемом литературной пародии».⁴¹

Последним затронул интересующую нас тему Н. И. Прокофьев в работе о русских хождениях XII—XV вв. Он расклассифицировал виды Повести, как он пишет, «по основной идеологической тенденции: Московский свод конца XV в. и Сокращенный летописный свод 1493 г. с недоброжелательностью ведут рассказ о Митяе, а заодно и о Дмитрие Ивановиче Донском, по велению которого московским митрополитом был назначен Митяй. В остальных сводах личность Митяя не подвергается осуждению, выгод-

³⁷ Пл. Соколов. Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV в. Киев, 1913, с. 427—428.

³⁸ В. Л. Комарович. Из наблюдений над Лаврентьевской летописью. — См. в настоящем издании, с. 52.

³⁹ История русской литературы, т. II, ч. I. М.—Л., 1945, с. 226—227.

⁴⁰ В. Л. Комарович. Из наблюдений. . . , с. 52.

⁴¹ История русской литературы, т. II, ч. I, с. 226.

ному Киприану и его сторонникам». Нетрудно догадаться, что принципом этой классификации является присутствие или отсутствие в тексте Повести комментария к смерти Митяя, заимствованного из статьи 6887 г. летописей, содержащих редакцию I Повести. Сам Н. И. Прокофьев этого не понял, так как именно эти летописи (Рогожский летописец, Симеоновская и Троицкая летописи) оказались почему-то им обойдены. Пренебрегая мнением предшественников (Пл. Соколова, В. Л. Комаровича), но бездоказательно, Н. И. Прокофьев утверждает, что Повесть о Митяе была создана в то время, когда события, связанные с назначением митрополита после смерти Алексея, уже утихли и стали поучительной историей. В основу Повести, считает он, положены, во-первых, «записи об избрании московского митрополита после смерти Алексея», правленные Киприаном или кем-то из его сторонников, и, во-вторых, «очерковые записки, в которых рассказывалось о путешествии русской делегации в Царьград». Какой из видов Повести древнейший, Н. И. Прокофьев не указывает. Составитель Никоновской летописи, полагает он, воспользовался непосредственно «хождением» Митяя, до нас не дошедшим, поэтому версии Никоновской летописи Н. И. Прокофьев отдает явное предпочтение. «Современники писали, — утверждает он, например, — что Митяй был отравлен его противниками». Как мы помним, о такого рода слухах («инии глаголаху») говорится лишь в Никоновской летописи. Имея в виду несомненно ту же Никоновскую летопись, но не называя ее, Н. И. Прокофьев отмечает, что «личность самого Митяя в одних частях повести освещается прямо-таки восторженно, в других — он осуждается за тщеславие и карьеризм».⁴²

Как видим, исследователи касались Повести о Митяе мимоходом и поверхностно. История ее текста до сих пор не была установлена. Тем самым был закрыт путь к серьезному изучению одного из интереснейших явлений в русской литературе XIV в., а также и путь к пониманию самих событий, о которых в Повести идет речь. Они его, конечно, заслуживают: при общей исторической важности событий и литературы переломного XIV в., борьбе вокруг русской митрополии 70—80-х годов, эпохи Куликовской битвы, борьбе политической, идеологической и литературной, борьбе восточноевропейского масштаба, в которой так или иначе участвовали все значительные тогда силы, — этой борьбе принадлежит громадное, до сих пор еще по достоинству не оцененное значение и в истории России, и вообще в истории Европы.

⁴² Н. И. Прокофьев. Русские хождения XII—XV вв. — Ученые записки МГПИ, № 363. Литература Древней Руси и XVIII в. 1970, с. 128—134.

И. П. МЕДВЕДЕВ

Внучка Дмитрия Донского на византийском престоле?

Обстоятельства появления русской княжны Анны, дочери великого князя московского Василия I Дмитриевича и внучки Дмитрия Донского, при византийском дворе не раз обращали на себя внимание исследователей (правда, в связи с другими проблемами), хотя заранее известные и весьма скудные сведения источников, проливающие свет на это интересное событие в истории русско-византийских связей начала XV столетия, казалось бы, не давали для этого оснований.¹ Тем не менее попытку пересмотреть данные источников делаем и мы, так как не все в интерпретации их нашими предшественниками кажется удовлетворительным. Непосредственным же поводом для написания статьи явилось желание приобщить к «делу Анны» известное само по себе изображение на саккосе Фотия, чего раньше не делалось.

Среди более чем 100 изображений (на всевозможные темы евангельской мифологии), вышитых на хранящемся в Государственной Оружейной палате так называемом «Большом» саккосе митрополита Фотия (1408—1433 гг.), есть одно, особенно нас интересующее: на подоле в прямоугольнике изображена византийская императорская чета со всеми подобающими ей атрибутами и царскими регалиями, в окружении нимбов и в сопровождении соответствующих греческих надписей, из которых мы узнаем, что представленный здесь император есть Ἰω(άννης) ἐν Χ(ριστῶ) τῷ Θεῷ πιστός βασιλεὺς ὁ Παλεολόγος, а его жена — Ἀν(ν)α ἡ εὐσεβεστάτη Αὔγουστα ἡ Παλεολογήνη.² Разумеется, речь идет о византийском императоре Иоанне VIII Палеологе и его первой жене, русской княжне Анне, дочери великого князя московского Василия Дмитриевича³ и княгини Софьи Витовтовны, которые тут же (справа от Анны)⁴ и изображены, но уже без нимбов и в сопровождении славянских надписей: «Князь велики Василие Дмитриевичъ» и «Княгина велика Софѣя». И все было бы

¹ Последние по времени и наиболее серьезные попытки рассмотреть это событие были предприняты в работах немецкого византиста Петера Шрайнера и американского ученого Джона Баркера, — см.: J. W. B a r k e r. Manuel II Palaeologus (1391—1425). A Study in Late Byzantine Statesmanship (Rutgers' Byzantine Series). New Brunswick, New Jersey, 1969, p. XXXI, XXXIII, 153, note 45, p. 345, note 86, p. 350, 347—348; P. S c h r e i n e r. Chronologische Untersuchung zur Familie Kaiser Manuels II. — Byzantinische Zeitschrift, 1970, 63, S. 294—295.

² Прекрасное издание всего саккоса и отдельно интересующего нас изображения см.: А. В. Б а н к. Византийское искусство в собраниях Советского Союза. М.—Л., 1967, №№ 285—287 (на с. 328 приведена библиография работ, в которых упомянут саккос).

³ Исправим попутно ошибку Василия Греку, который в своем издании Дуки назвал Анну дочерью Василия Темного, — см.: D u c a s. Istoria turco-bizantina (1341—1462). Ed. V. Grecu. București, 1958, p. 133.

⁴ А. В. Б а н к. Византийское искусство. . . , № 288.

прекрасно, если бы не одна существенная «загвоздка», а именно: в науке утвердилось мнение, что Анна никогда не была византийской императрицей, так как умерла в 1417 г.,⁵ задолго до того, как Иоанн Палеолог стал не только «единодержавным» императором (1425 г.), но и соимператором (1421?).⁶ Между тем саккос Фотия единодушно считается специалистами византийским изделием и датируется В. Н. Лазаревым 1411—1417 гг.⁷ У большинства специалистов, имевших дело с саккосом Фотия, вообще не возникло мысли об отмеченном противоречии, и лишь в двух работах Иоанн Палеолог назван «будущим» императором,⁸ но опять-таки неясно, считают ли авторы, что саккос был изготовлен позднее или же что его создатели «авансом» произвели наследного принца в императоры, наделив вместе с ним и его некоронованную супругу званием императрицы. Во всяком случае, мысли о том, что это подделка, видимо, не возникло, хотя такая мысль была бы вполне естественна еще и потому, что на саккосе Фотия имеется изображение самого Фотия — факт, весьма подозрительный. В этом смысле обследование шитья саккоса на предмет обнаружения позднейших напластований было бы весьма актуальным. Но, пока эта работа не проделана, мы не можем сбрасывать со счетов значение саккоса как исторического источника. А он в данном случае недвусмысленно свидетельствует, что Анна была императрицей. В чем дело?

⁵ «В августе месяце (1417 года) умерла и государыня госпожа Анна Русская (ή δεσποίνα κυρά Άννα ή από τής Ρωσίας) от чумы и была погребена в монастыре Лива», — указывает византийский хронист Георгий Сфрандзи: Georgios Sphrantzes. *Memorii 1401—1477*. București, 1966, с. V, 2, р. 8 (In anexa. Pseudo-Phrantzes. *Cronica 1258—1481*, р. 248). Одна из кратких византийских хроник утверждает, что η δεσποίνα ή Ρώσα умерла в 6924 г., т. е. в 1415—1416 гг.: Sp. Lambros. *Braχέα Χρονικά*. Έν Αθήναις, 1932, № 44, σελ. 77, — но, как справедливо отметили уже Баркер и Шрайнер (J. W. Barker et Manuel II Palaeologus...), р. 348, п. 93; P. Schreiner. *Chronologische Untersuchung...*, S. 294, Anm. 45), это ошибка, далеко не единственная в данной хронике. О погребении Анны в столичном монастыре Липса (Лива) упомянуто в «Хождении» Зосимы: «Монастырь женский Липеси... тут лежит царицы руская Анна, дщи московского великого князя Василия Дмитриевича» (Н. И. Прокорьев. *Хождение Зосимы в Царьград, Афон и Палестину* (текст и археографическое вступление). — В кн.: *Вопросы русской литературы*. М., 1971 (= Ученые записки Московского гос. педагогического института им. В. И. Ленина, т. 455), с. 25.

⁶ Эту дату на основании некоторых данных источников (к ним мы еще вернемся) установил Дэльгер (см.: F. Dölger. *Die Krönung Johannes VIII. zum Mitkaiser*. — *Byzantinische Zeitschrift*, 1936, 36, S. 318—319), и она с тех пор неизменно воспроизводится в специальной литературе, в том числе и новейшей (см., например: *История Византии*, т. 3. М., 1967, с. 175), хотя уже в своих «Регестах» Дэльгер (или его сотрудник П. Вирт?) без всякого объяснения указывает совсем другое время соправительства Иоанна VIII — 1 октября 1422—21 июля 1425 г., см.: F. Dölger. *Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches*, 5. Teil (Schluß). München u. Berlin, 1965, S. 148.

⁷ В. Н. Лазарев. *Московская живопись, шитье и скульптура первой половины XV в.* — В кн.: *История русского искусства*, т. III. М., 1955, с. 192.

⁸ Л. В. Писарская. *Памятники византийского искусства V—XV вв. в Государственной Оружейной палате*. Л., 1964, с. 23; *Оружейная палата*. Под ред. В. Н. Иванова. М., 1964, с. 184. О саккосе см. также: Арх. Савва. *Указатель для обозрения Московской патриаршей ризницы и библиотеки*. М., 1858, с. 38—39 (воспроизведены греческие надписи); А. И. Успенский. *Патриаршая ризница в Москве*. — *Мир искусства*, 1904, № 10, с. 240 (подчеркнуто, что указанные изображения «современны названным государям, государыням и митрополиту, являются их точными портретами и как таковые представляют большой интерес»); *Художественные памятники Московского кремля*. Под ред. М. В. Аллатова. М., 1956, рис. 78, с. 111 (саккос датируется началом XV в.); *Государственная Оружейная палата Московского Кремля*. М., 1958, рис. 257; С. А. Берховская. *Западноевропейская вышивка XII—XIX веков в Эрмитаже*. Л., 1961, с. 8 (под фотографией саккоса помечено: «Византийская вышивка XV в.»).

Попробуем, однако, вернуться к началу нашей истории. Инициативу заключения этого матримониального союза русские источники приписывают как раз владельцу саккоса — митрополиту Фотию. Грек родом, выходец из Пелопоннеса, он уже в 1408 г. был рукоположен митрополитом Киевским и всея Руси,⁹ но еще в 1409 г. находился в Константинополе, приняв участие в соборе и подписавшись 'Ο ταπεινός μητροπολίτης Κιόβου καὶ πάσης Ῥωσίας Φώτιος под «Определением» (август 1409 г.),¹⁰ и только 22 апреля 1410 г., как сообщают русские летописи,¹¹ прибыл в Москву. А в 1411 г., по свидетельству Никоновской летописи, «Совѣтъ сотвори князь велики Василей Дмитриевич со отцемъ своимъ Фотѣм-митрополитомъ о дщери своей Аннѣ, юже хотяще дати въ Греки въ Костянтинѣградъ за царевича Ивана Мануилова сына; Фотѣй же митрополитъ благоволи ему тако быти и благослови его. Того же лѣта князь велики Василей Дмитриевич отдаде дщерь свою княжну Анну в Царьградъ за царевича Ивана Мануиловича».¹² Отметим, однако, что Никоновская летопись датируется XVI в. Софийская же первая летопись, которая является сводом первой половины XV в. и к которой в конечном счете восходят все прочие летописи в освещении этих событий, ничего не говорит об участии Фотия в переговорах о заключении брака. Она просто констатирует, что «того же лета (г. е. 6919) князь великий Василей Дмитриевич далъ дщерь свою, княжну Анну, въ Царьградъ за царевича Ивана Мануиловича», — и это лапидарное сообщение с незначительными стилистическими вариациями воспроизводят почти все русские летописи.¹³

Следует ли из всего этого, что уже в 1411 г. княжна прибыла в Константинополь? Шрайнер полагает, что дело обстояло именно так,¹⁴ зато Баркер на этот счет совсем другого мнения. Полагая, что решение великого князя Василия Дмитриевича «отдать руку Анны» Иоанну Палеологу приходится

⁹ Е. Голубинский. История русской церкви, II. М., 1900, с. 358—361.

¹⁰ V. Laurent. Le trisépiscopat du Patriarche Matthieu Ier (1397—1410). Un grand procès canonique à Byzance au début du XVe siècle. — Revue des études byzantines, 1972, 30, p. 56—57, 145. Ср.: P. Schreiner. Chronologische Untersuchung. . ., S. 294.

¹¹ ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853, с. 139; т. XXIII. СПб., 1910, с. 143. В СЛ указан только год — 1410 (ПСРЛ, т. V. СПб., 1851, с. 258), а в Никоновской — 1 сентября 1410 г. (ПСРЛ, т. XI. СПб., 1897, с. 211). Ср.: М. Н. Тихомиров. Греки из Морей в средневековой России. — Средние века, 1964, т. 25, с. 166.

¹² ПСРЛ, т. XI. СПб., 1897, с. 217.

¹³ ПСРЛ, т. V. СПб., 1851, с. 258; ср.: СЛ — «отда» (ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853, с. 139); Супральский список — «отпустил» (ПСРЛ, т. XVII. СПб., 1907, с. 55); Ермолинская летопись — «дасть» (ПСРЛ, т. XXIII. СПб., 1910, с. 143); Московский летописный свод — «отдает» (ПСРЛ, т. XXV, М.—Л., 1949, с. 240). Мне, как и Баркеру (ср.: J. W. Barker. Manuel II Palaeologus. . ., p. 345, n. 85), непонятно, откуда Мюральт взял свою дату этого события — 1 марта 1411—1412 гг. (см.: E. de Murgalt. Essai de chronographie byzantine 1057—1453, II. St.-Petersbourg, 1873, p. 793). Он, правда, ссылается на «Soph. 6919», имея в виду, очевидно, какую-то из так называемых софийских летописей, но я не обнаружил в последних этой точной даты. Следует также отметить, что в Никаноровской и большинстве списков Вологодско-Пермской летописи — статья о замужестве Анны помещена под 6917 г., но это, как убедительно показал Я. С. Лурье, ошибка, явившаяся результатом непонимания составителями редакции протографа, — см.: J. S. Luria. 1) The London and L'vov Manuscripts of the Vologda-Perm'Chronicle: the Problem of Reconstructing Grand-Princely Chronicle — Writing of the early 1470 s. — Oxford Slavonic Papers, N. S., vol. V, 1972, p. 94, 95 and n. 17; 2) Никаноровская и Вологодско-Пермская летописи как отражение великокняжеского свода начала 70-х годов XV в. — В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины, вып. V. Л., 1973, с. 228—229, 245.

¹⁴ P. Schreiner. Chronologische Untersuchung. . ., S. 294.

действительно на 1411 г., он считает, что «непрерывные войны с турками в течение 1413 г. могли задержать ее проезд, и она прибыла в Константинополь, по всей вероятности, не раньше 1414 г., в возрасте около 11 лет».¹⁵ Поскольку Баркер при этом ссылается на византийского историка Дуку, то представляется необходимым рассмотреть свидетельство последнего.

Дука говорит: «Император Мануил (II, Палеолог, 1391—1425 гг.), воспользовавшись безопасностью и не имея на пути того, кто мешал (т. е. турецкого султана Мехмеда, с которым Мануил в 1413 г. заключил мир, — *И. М.*), пожелал устроить бракосочетание (γάμος ποιῆσαι) своему сыну Иоанну и, отправив посольство (στέλας) к королю (России) (εἰς τὸν ῥῆγα Ῥωσίας),¹⁶ увез (ἠγάγετο) в качестве невесты его дочь. А обручив ее (ἀρμόσας αὐτήν) и переименовав имя ее на Анну, не пожелал тогда же венчать на царство (οὐκ ἠβουλήθη στέφαι τότε εἰς βασιλεία),¹⁷ ибо девушке было только одиннадцать лет (согласно римско-византийскому праву, брак до двенадцати лет не считался законным, — *И. М.*). По прошествии же трех лет, когда столица была поражена чумой и множество народу умерло, умерла и царица (ἡ βασιλίς) Анна, оставив по себе великую скорбь среди граждан (μέγα πένθος καταλιποῦσα τοῖς Πολίταις).¹⁸

Итак, по ясному свидетельству Дуки, Анна умерла (а мы уже знаем, что это случилось в 1417 г.) спустя три года после прибытия в Константинополь. Получается, таким образом, что ее прибытие действительно приходится на 1414 г. Этому соответствует и контекст, в котором находится данный отрывок сочинения Дуки: посольство Мануила II (отметим в этой связи, что инициатива переговоров приписывается византийским историком византийской стороне) стало возможным после заключения мира с турками в 1413 г. и могло состояться в 1414 г.¹⁹ Более того, согласно Дуке, получается, что княжна Анна, будучи обручена с Иоанном, так и не стала женой последнего, не говоря уже о том, чтобы быть коронованной в качестве императрицы. Вопрос только в том, можем ли мы целиком и безоговорочно положиться на сведения, которые сообщает нам Дука? Зная, что его сочинение было написано гораздо позже описываемых в нем событий и что автор отнюдь не отличается особой точностью в их изложении,²⁰ мы бы ответили на этот вопрос отрицательно и уж во всяком случае предпочли бы данные русских летописей о выдаче великим князем Василием Дмитриевичем его дочери замуж за Иоанна Палеолога и (этого в летописях, собственно, нет, но подразумевается) о прибытии ее в 1411 г. в Константинополь. Именно в 1411 г., — 1413 год, с его внешнеполитическими неурядицами, которые якобы задержали проезд Анны, здесь не при чем. И решение императора Мануила II повременить со свадьбой и

¹⁵ J. W. B a r k e r. Manuel II Palaeologus. . . , p. 345.

¹⁶ О титуле ῥῆξ, или *Регс*, которым в византийских и западных источниках наделялись русские князья, см.: A. V. S o l o v i e v. «Reges» et «Regnum Russiae» au moyen âge. — Byzantion, 1966, 36, p. 144—173.

¹⁷ Собственно буквальный перевод выражения στέφαι εἰς βασιλεία — «венчать в качестве императора», «венчать в императоры», т. е. в общем значении — «венчать на царство».

¹⁸ D u c a s. Istoria turco-bizantina, XX, 3, p. 133—135.

¹⁹ Что и принял на веру Дэльгер, зафиксировавший это посольство в своих «Регестах» именно под 1414 г. См.: F. D ö l g e r. Regesten. . . , № 3337.

²⁰ Так, например, Дука рассматривает как хронологически близкие события смерть Анны (17 августа 1417 г.) и смерть Дмитрия-Юсуфа (сына турецкого султана Баязида), хотя мы знаем от Сфрандзи, что Дмитрий-Юсуф умер до 1413 г.; см.: D u c a s. Istoria turco-bizantina, p. 135, 137; ср.: R.-J. L o e n e r t z. Byzantina et Franco-gaesa. Roma, 1970, p. 15, n. 2.

с коронацией из-за малолетства Анны относилось, конечно же, к ее приезду в 1411 г.

Но откуда же все-таки у Дуки появилось выражение «по прошествии трех лет»? Невольно возникает мысль, не выпало ли из его рассказа какое-то событие, связанное с нашей историей, от которого Дука и ведет свое исчисление и которое приходится как раз на середину того отрезка времени, в течение которого Анна находилась при византийском дворе, т. е. на 1414 г.? Гадать, разумеется, можно сколько угодно, поскольку источники хранят молчание, но думается, что наши догадки будут не совсем беспочвенны, если учесть некоторые события, разыгравшиеся в этом году в Византии.

Дело в том, что именно в 1414 г. (а не в 1413 г., как полагали раньше, на основании чего Шрайнер сделал ошибочное заключение о дате — до июля 1413 г. — предполагаемого им бракосочетания Анны и Иоанна²¹) император Мануил II Палеолог покинул столицу, чтобы совершить свой знаменитый объезд еще оставшихся византийскими «жалких остатков монархии Константина»,²² на целые два года оставив в Константинополе в качестве регента империи своего сына Иоанна. Разумеется, начиная свое предприятие, старый император просто обязан был позаботиться, наконец, о бракосочетании и приближении молодой четы к трону, и нам остается только пожалеть о том, что византийские хронисты не зафиксировали этот момент.²³ «Die Regentschaft — nicht das Kaiseramt», — говорит в другой связи Дэльгер,²⁴ и спорить с этим, разумеется, не приходится, но кто не знает, насколько неясными и неопределенными были в Византии правила не только регентства и соправительства,²⁵ но и престолонаследия! Ближайший пример — случай с племянником Мануила II Палеолога, тоже Иоанном, который, будучи оставлен во время знаменитого путешествия императора Мануила по Западной Европе

²¹ P. Schreiner. Chronologische Untersuchung..., S. 294.

²² Маршрут путешествия Мануила хорошо известен: 25 июля он отбывает из Константинополя, лето находится на о. Фасосе, осенью отправляется в Фессалонику и там зимует, а 29 марта 1415 г. высаживается в Пелопоннесе, где и пребывает целый год, имея резиденцией г. Мистру; в Константинополь возвращается в марте 1416 г.; см.: J. W. Barkes. Manuel II Palaeologus..., p. XXXII, 298—313; И. П. Медведев. Мистра. Очерки истории и культуры поздневизантийского города. Л., 1973, с. 34—35.

²³ Некоторые русские источники, например Хронограф западнорусской редакции (ПСРЛ, т. XXII, ч. 2, СПб., 1914, с. 196), рассказывают даже подробности о свадебных торжествах, но все это обесценивается тем, что женихом Анны в них изображен не Иоанн VIII, а сам император Мануил, и Шрайнер прав, усмотрев в этом смешение бракосочетания Анны и Иоанна VIII с бракосочетанием императора Мануила и сербской княжны Елены Драгаш; см.: P. Schreiner. Chronologische Untersuchung..., S. 294.

²⁴ F. Dölger. Regesten..., Einleitung, S. V.

²⁵ Об институте соправительства и регентства см.: E. Stein. Postconsulat et *αυτοκρατορεία*. — *Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientale*, II, 1933/1934 (Mélanges Bidez), p. 864—912; F. Dölger. Das Byzantinische Mitkaiserium in den Urkunden. — *Byzantinische Zeitschrift*, 1936, 36, S. 123—145 (=Byzantinische Diplomatie. Ettal, 1956, S. 102—129); Ai. Christophorulu. 'Εκλογή, ἀναγόρευσις, καὶ στέψις τοῦ βυζαντινοῦ αυτοκράτορος. Ἀθήναι, 1956; L.-P. Raubaud. Le gouvernement et l'administration centrale de l'empire byzantin sous les premiers Paléologues (1258—1345). Paris, 1968, p. 54—108; Ai. Christophorulu. 'Η ἀντιβασιλεία εἰς Βυζάντιον. — *Σύμμεικτα*, 2, 1970, σελ. 1—144; P. Schreiner. Zur Bezeichnung «Megas» und «Megas Basileus» in der byzantinischen Kaisertitulatur. — *Byzantina*, III, 1971, S. 175—192; G. Tsirpanlis. The imperial Coronation and Theory in «De Ceremoniis Aulae Byzantinae» of Constantine VII Porphyrogennitus. — *Κληρονομία*, 4, 1972, p. 63—91; W. Ohnsorge. Die Idee der Mitregentschaft bei den Sachsenherrschen. — *Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchivs*, 25, 1972, S. 539—548.

(1399—1403)²⁶ в качестве регента империи, сделался фактическим императором (под именем Иоанна VII), издавая указы за своей подписью как βασιλεὺς Ῥωμαίων.²⁷ Что же касается Иоанна VIII, то он, родившись 16 декабря 1392 г.,²⁸ как будто с самого юного возраста был возведен в звание «императора» (не отсюда ли и его ласкательное, получившее столь широкое распространение, имя «Калоян», «Калоиоанн» = καλὸς Ἰωάννης?). В самом деле, уже в одном из своих писем, которое Берже де Ксivre датирует 1406 г., император Мануил II называет своего сына «басилевсом» (καὶ τοιοῦτον ἀποφῆναι βασιλέα τὸν υἱόν);²⁹ Мануил Хрисолора в своем знаменитом Σύγκρισις старого и нового Рима, составленном в 1411 г., обращается к Иоанну как к императору: Ἄριστε βασιλεῦ;³⁰ Иоанн Хортасмен в монодии на смерть Феодора Антиохита, последовавшую, вероятно, 4 января 1407 г. (и, стало быть, монодия датируется тоже приблизительно этим временем), называет Мануила II ὁ μέγιστος βασιλεὺς, а Иоанна VIII, которого Феодор обучал «эллинской мудрости» во время пребывания его в Мистре в 1400—1403 гг., — ὁ νέος βασιλεὺς.³¹ Правда, до нас не дошли (судя по «Регестам» Дэльгера) документы, исходившие от Иоанна VIII периода его двухлетнего регентства, поэтому неизвестно, подписывал ли он их как βασιλεὺς Ῥωμαίων. В пользу этого, видимо, говорит одно из писем Иоанна Хортасмена императору Мануилу, находившемуся в Пелопоннесе.³² Хортасмен хвалит «наследника престола» (τῶν σκληρῶν διάδοχον) за то, что он, сидя на троне (ἐπὶ τοῦ βασιλείου θρόνου καθήμενος) и занимаясь государственными делами (καὶ τοῖς ἐν τέλει χρηματίζων), показал себя в высшей степени достойным императорского звания (ὄραν μὲν ἐστὶ βασιλικώτατος), как простой, доступный, слушающий ученых (λόγων ἀκοῦσαι ἐπιεικῆς), проявляющий величай-

²⁶ О нем см.: M. J u g i e. Le voyage de l'empereur Manuel Paléologue en Occident. — Echos d'Orient, 15, 1912, p. 322—332; A. A. В а с и л ь е в. Путешествие византийского императора Мануила II Палеолога по Западной Европе. — ЖМНП, ч. XXXIX, (май—июнь) 1912, с. 41—78, 260—304; A. M o n f e r r a t o s. Διπλωματικαὶ ἐνέργειαι Μανουὴλ Β' τοῦ Παλαιολόγου ἐν Εὐρώπῃ καὶ Ἀσίᾳ. Ἐν Ἀθήναις, 1913; G. S c h l u m b e r g e r. Un empereur de Byzance à Paris et à Londres. Paris, 1916; M. A n d r e e v a. Zur Reise Manuels II. Palaiologos nach West.-Europa. — Byzantinische Zeitschrift, 1934, 34, S. 37—47; D. M. N i c o l. A. Byzantine Emperor in England. Manuel II's visit to London in 1400—1401. — University of Birmingham Historical Journal, XII (2), 1970, p. 204—225.

²⁷ F. D ö l g e r. Johannes VII, Kaiser der Rhomäer. 1390—1408. — Byzantinische Zeitschrift, 1931, 31, S. 21—36; J. W. B a r k e r. John VII in Genoa a problem in late Byzantine source confusion. — Orientalia Christiana Periodica, 28, 1962, p. 213—238; P. W i r t h. Zum Geschichtsbild Kaiser Johannes' VII. Palaiologos. — Byzantion, 35, 1965, p. 592—601.

²⁸ Georgios S p h r a n t z e s. Memorii, s. XXVIII, § 7 (In anexá Pseudo-Phrantzes. Cronica, с. II, § 19, p. 346).

²⁹ E. L e g r a n d. Lettres de l'empereur Manuel Paléologue. Paris, 1893, № 53, p. 83; ср.: J. B e r g e r d e X i v r e y. Memoire zur la vie et les ouvrages de l'empereur Manuel Paléologue. Académie des inscriptions et belles lettres. Mémoires de l'Institut de France, t. XIX, Paris, 1853, fasc. 2, p. 196 sq.

³⁰ Patrologia graeca, vol. 156, col. 24A.

³¹ Johannes C h o r t a s m e n o s (ca. 1370—ca. 1436/1437). Briefe, Gedichte und kleine Schriften. Hrgs. von Herbert Hunger. Wien, 1969, S. 141, z. 69, 71, 90. Дата 4 января 1407 г. проставлена самим Хортасменом на поле рукописи, но означает ли она дату смерти Феодора Антиохита или же дату завершения (произнесения?) монодии — неясно. Хунгер считает более вероятным первое (там же, с. 54).

³² Там же, № 49, с. 204—205. Хунгер как будто склонен датировать письмо временем первого посещения Мануила II Мистры (1408—1409 гг.), но это мне кажется в высшей степени сомнительным. Весь тон и контекст письма, его соседство в рукописи (автограф Хортасмена!) с письмами последнего к находившемуся как раз в это время (1415—1416 гг.) в Пелопоннесе Димитрию Пешагомену говорят за то, что указанное письмо Хортасмена датируется временем второго пребывания Мануила Палеолога в Мистре.

шее благоразумие. И наращивая подобного рода эпитеты, Хортасмен, наконец, заключает: «Таков у нас император: нам посчастливилось, что мы имеем столь прекрасного, о император, наследника и преемника (κατηρόνρον καὶ διάδοχον) твоей империи и доблести».³³

Далее: упоминая об Иоанне при описании событий 1416—1417 г., византийский историк и современник Георгий Сфрандзи везде называет его ὁ βασιλεὺς κὺρ Ἰωάννης,³⁴ а русский монах Зосима, один из сопровождавших юную княжну в Константинополь, оставил в этом отношении просто уникальное свидетельство. Рассказывая о том, что ему довелось увидеть в Константинополе, Зосима добавляет: «. . .яко же прежде бех, коли со княжною во царство благочестиваго царя греческаго кир Мануила, и въ то время венча сына своего старейшаго Калуюна (так русские хронисты тоже называли Иоанна VIII, — И. М.) на царство греческое, со старевшия ему».³⁵ Поразительно, что исследователи не обратили внимания на концовку этой фразы, в то время как она недвусмысленно дает понять, что император Мануил сопричислил своего сына к трону еще при жизни Анны. Кстати, последняя у Дуки тоже называется ἡ βασίλις, — императрица.³⁶ И, наконец, опять же этот саккос митрополита Фотия!

Хорошо, — спросит кто-нибудь, — но как же тогда быть с упомянутыми датами — 1421 г. и 1422 г. — как датами начала соправительства Иоанна VIII? Что касается второй даты, то мы уже сказали, что не знаем, на основании каких данных она выведена Дэльгером. На первой стоит остановиться подробнее. Собственно, большинство из рассмотренных Дэльгером 4 свидетельств не указывает прямо на эту дату (1421 г.): Сфрандзи называет лишь число и месяц (19 января), и Греку, видимо на основании контекста, проставляет год — 1419-й;³⁷ Cod. Bonon., 3632, говорит о 6929 г., что может соответствовать сентябрю 1420—августу 1421 г.,³⁸ Cod. Ath. I vir., 388, вообще называет невозможную дату — 6900 (1392)г.;³⁹ и только Cod., 127, Афинской библиотеки указывает, что Иоанн был коронован в 6929 г., 14 индикта, в воскресенье Ἀσώτου.⁴⁰ Поскольку последнее приходится в 6929 (1421) г. на 19 января, о котором сообщает и Сфрандзи, то, заключает Дэльгер, из этого следует, что день коронации Иоанна — 19 января 1421 г.⁴¹ Но можно ли быть абсолютно уверенным в том, что эта дата, если она и верна, есть дата коронации Иоанна как соправителя? Дело даже не в противоречивости датировок, а в том, что «коронация» Иоанна упоминается в связи с торжествами по случаю его бракосочетания со второй своей женой — «латинянкой» Софией Монферратской. Собственно, речь идет не столько о «коронации» Иоанна, сколько о венчании Иоанна и Софии. Но если даже 19 января 1421 г. действительно патриархом были коронованы Иоанн VIII и София Монферратская, то и

³³ Там же, с. 204, строки 16—20; с. 205, строки 46—47.

³⁴ Georgios S p h r a n t z e s. *Memorii*, с. IV, § 4; с. VI, §§ 1, 2.

³⁵ Н. И. П р о к о ф ъ е в. *Хождение Зосимы*. . . , с. 26.

³⁶ D u c a s. *Istoria turco-byzantina*, с. XX, § 3, p. 135. Это еще одно доказательство того, что не все в данной цитате из Дуки благополучно: только что сообщив о том, что император Мануил воздержался от венчания Анны на царство, он констатирует ее смерть «по прошествии трех лет», называя ее уже ἡ βασίλις. Ясно, что из рассказа Дуки выпало событие, сделавшее Анну «императрицей». Правда, у Сфрандзи Анна названа не βασίλις, а δέσποινα (Georgios S p h r a n t z e s. *Memorii*, с. V, § 2), но это уже особенность языка автора, ибо так же он назвал и Софью Монферратскую (вторую жену Иоанна VIII), хотя говорит и о короновании ее в храме св. Софии, и о торжествах по этому поводу (там же, гл. V, §§ 1, 2).

³⁷ Georgios S p h r a n t z e s. *Memorii*, с. VI, § 2.

³⁸ Sp. L a m b r o s. *Βραχέα Χρονικά*, № 48, σελ. 82.

³⁹ Там же, №№ 27, 29, с. 58.

⁴⁰ Sp. L a m b r o s. In: *Νέος Ἑλληνομυμ*, 7, 1910, σελ. 148—149.

⁴¹ F. D ö l g e r. *Die Krönung Johannes VIII. zum Mitkaiser*, S. 319.

тогда не исключается возможность того, что в 1414 г. Иоанн и Анна были тоже коронованы, но не патриархом по праздничной форме (ибо о двойном помазании и коронации патриархом в поздневизантийское время сведений мы не имеем), а самим императором Мануилом (без патриарха), с возложением пилоса (πίλος — головной убор, украшенный драгоценными камнями), т. е. так же, как был в первый раз коронован сам Мануил, а еще раньше — Иоанн VI Кантакузин (1341 г.) и его сын Матфей Кантакузин (1353 г.).⁴² Возможно, что это проходившее в спешке предполагаемое первое венчание и коронование было обставлено с гораздо меньшей пышностью, чем второе, и поэтому не привлекло к себе внимания хронистов. Как бы то ни было, все сказанное дает нам право утверждать, что причастность русской княжны Анны к византийскому трону в качестве императрицы весьма вероятна, причастность хотя и краткая по времени, но несомненно оставившая след в истории русско-византийских отношений.

⁴² См. об этом: P. Schreiner. Hochzeit und Krönung Kaiser Manuels II. im Jahre 1392. — Byzantinische Zeitschrift, 1967, 60, S. 74.

Г. Н. МОИСЕЕВА

Троицкая летопись 1408 г. в сочинениях Екатерины II

В 1812 г. в московском пожаре сгорела библиотека Общества истории и древностей российских, в которой находилась в то время пергаменная летопись начала XV в., принадлежавшая Троице-Сергиевой лавре.

Было принято считать, что впервые эта летопись была привлечена в науку Н. М. Карамзиным.¹ В примечаниях к первым пяти томам «Истории государства Российского» он использовал Троицкую «харатейную» (т. е. пергаменную) летопись.

В недавнее время в «порфелях» известного историка XVIII в. Г. Ф. Миллера был обнаружен отрывок Троицкой летописи, переписанный его рукою.² Кроме того, Г. Ф. Миллер внес по Троицкой летописи поправки в изданную в Петербурге в 1767 г. Кенигсбергскую (Радзивиловскую) летопись.³ Но работа эта не была доведена до конца и прервана на известии о расселении славянских племен.

Так как сам Г. Ф. Миллер нигде не говорил о своем изучении Троицкой летописи, о времени его работы над этим памятником и о причинах ее прекращения, приходится высказывать лишь догадки. Очевидно, что сопоставление текста печатной Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи, изданной в «Библиотеке российской исторической» в 1767 г., с Троицкой летописью Г. Ф. Миллер проводил после этого года.

В 1767 г. генерал-прокурор Сената А. А. Вяземский от имени Екатерины II писал московскому митрополиту Платону о том, что, по имеющимся сведениям, в библиотеке Троице-Сергиевой лавры имеются древние «книги», список которых с кратким содержанием рукописей необходимо переслать в Петербург. В том же году была составлена опись 6 рукописей, в числе которых названа и Троицкая пергаменная летопись: «Летописец российской, в малой лист, писан на пергамене самым древним уставным письмом. Начинается от Рюрика и продолжается до княжения великого князя Василия Дмитриевича, на 371 листе».⁴

Очевидно, что обращение А. А. Вяземского к московскому митрополиту Платону было санкционировано Екатериной II, которая в 1762 г., во время коронационных торжеств в Москве, посетила Троицкую лавру и осмотрела

¹ В предисловии к т. I «Истории государства Российского» Н. М. Карамзин писал, что в 1804 г. он посетил Троице-Сергиеву лавру, ознакомился с ее библиотекой, в которой «нашел... харатейный летописец XV века», — см.: Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. I. СПб., 1815, с. XXXII—XXXIII.

² Г. Н. Моисеева. Отрывок Троицкой пергаменной летописи, переписанный Г. Ф. Миллером. — ТОДРЛ, т. XXVI, М.—Л., 1971, с. 93—99.

³ При реконструкции Троицкой летописи М. Д. Приселков учитывал правку Г. Ф. Миллера по изданию, осуществленному М. Оболенским, — см.: М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.—Л., 1950, с. 8—9.

⁴ С. И. Кочетов. Троицкий пергаменный список летописи 1408 года. — Археологический ежегодник за 1961 год. М., 1962, с. 23.

в лаврской и семинарской библиотеках древнерусские рукописи. Тогда же она заказала копию со сборника исторического содержания, большую часть которого занимает «История в память предидущим родом» Авраамия Палицына. В настоящее время копия, снятая в 1762 г. с обширного (215 лл.) сборника исторического содержания, принадлежавшего Троице-Сергиевой лавре, хранится в Эрмитажном собрании ГПБ (№ 370).⁵ Эта копия с Троицкого исторического сборника была, таким образом, одной из первых рукописных книг, которые положили основание Эрмитажному собранию Екатерины II, выросшему к 90-м годам XVIII в. до 40 000 книг.⁶ В библиотеке императрицы, занимавшейся русской историей, было собрано около 150 рукописей.⁷ В основном это были копии с древнерусских рукописей, хранившихся в монастырских библиотеках и в частных собраниях. Подлинных древних рукописей было значительно меньше, так как «державный историк» Екатерина II не могла их свободно читать, и для нее делали списки, переписанные крупным и четким каллиграфическим почерком.

В нашем распоряжении имеется документ, сохранившийся в архиве Екатерины II, из которого видно, какие рукописи, полученные из библиотеки Троице-Сергиевой лавры (в числе рукописей, присланных и из других монастырей), были по «реестру» возвращены в 1778 г. в Москву, где предполагалось их печатание в Синодальной типографии.

Ниже приводим текст, относящийся к рукописям Троице-Сергиевой лавры:⁸ «Реестр, учиненный из присланных из епархий и монастырей ведомостей, какие где по тамошним каталогам оказались книги, следующие до российской истории, и которые святейшим Синодом определено к изданию в печать рассмотреть синодальному члену преосвященному московскому».

л. 4 об.

Троицкой Сергиевой лавры в Семинарской
библиотеке

1

Летописец в лист

В котором содержится 1-е — родословие князей российских, как то суздальских, резанских, тверских, смоленских; 2-е — История о епископиях, подлежащих митрополиту киевскому, которых 19-ть; 3-е — имена митрополитов русских от крещения России; 4-е — архиепископия великаго Новаграда, Пскова, проч. Кончится похвальною и благодарною государя царя и великаго князя Алексея Михайловича грамотою

л. 5 Троицкия Сергиевы лавры к архимандриту || Иоасафу с братиею и Указом патриарха Иоакима, насланном в Троицкую лавру, дабы отправлять в некоторых церквах повседневное священнослужение, имеет в себе 1709-ть листов, и как по древности, так и по содержанию своему любопытство заслуживает.

⁵ Историческая коллекция Эрмитажного собрания рукописей. Памятники XI—XVII вв. Описание. Составил Д. Н. Альшиц. М., 1968, с. 119.

⁶ Ж. К. Павлова. 1) Библиотека Государственного Эрмитажа 1762—1962. К выставке, посвященной 200-летию библиотеки музея. Л., 1962; 2) Книжное собрание Эрмитажа 1762—1917. (Из истории русской культуры второй половины XVIII—нач. XX в.). Автореф. диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1972, с. 5—8.

⁷ В. С. Иконников. Императрица Екатерина II как историк. — Русский архив, М., 1911, № 7, с. 306—307.

⁸ ЛОИИ, ф. № 203 (ф. Екатерины II), оп. 1, № 66, лл. 1—6 об.; «Реестр» с небольшими сокращениями опубликован в приложении к изданию сочинений Екатерины II, — см.: Сочинения Императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей и с объяснительными примечаниями академика А. Н. Пыпина, т. XI. СПб., 1906, с. 480—483.

2-е

Летописец Руския земли в лист

Начинается с 6362-го года [Сергиева] М[онастыря]: царствованием Рюрика; кончится убиением Бориса и Глеба; сверх того, к концу книги прибавлена Грамота князя Всеволода, в которой содержатся привилегии на вклад [Сергию] великаго Ивана, что на Петрятине Дворце, имеет в себе 77-мь листов, писана полуставным писмом,

3

Хронограф в лист от начала света об России, начинается повесть крещением [великаго] Владимира и кончится на 7154-м году [Сергиева] М[онастыря] началом царствования царя Алексея Михайловича. Сей хронограф [хотя] и невесма древен, но обстоятелен, короток и нетемен.

4

Находятся еще два летописца, один со времени также Рюрика, гораздо полнейший и обстоятельнейший, писанной на пергамене, в лист, кончится же нашествием на Москву Едигея, князя ординскаго, при князе Василе Дмитриевиче, другой начинается с 7022-го года, когда князь Иван Васильевич ходил под Смоленск, потом о пришествии из Царя-Града в Москву Исидора, митрополита киевского и всея России, который хотел греческое исповедание соединить с римским, о Исидорове послании к российскому духовенству, о приходе ево с осмаго собора [римскаго], о послании папы Евгения к великому князю Василью Васильевичу, о белевском бою, который имело войско его с царем Махмутом и проч[его] много. Сей летописец объявляет происшествия достойных примечания, но кратко кончится на 7028-й год от рожд[ества] Христ[ова].

5-е

Синописис, или История козаков, в лист, весьма достойной примечания, в котором, во-первых, о начале и проименовании оных, о обладании [и некогда] Киевом и другими российскими странами, о воевании половцев и печенегов на Россию, упоминается также о Батые во второй грани, о подпадении малой России литовскому игу. 3. Грань — о мужестве и образе жития козаков, о бранех их с турками и татарами, в 3-й же грани — с волохами при гетмане козацком Шахе, в 4-й — с [поляками], || в 5-й — л. 5 об. о Хмельницком и о войне на Цороре, в 6-й — о войне с ляхами под Переяславлем и проч[ем]. В сих и следующих гранях многие случаи относятся до Великороссии.

6

История о Казанском царстве, писанная в лицах; в оной, во-первых, предлагается о взятии Батьем царем престольнаго града Владимира, при Георгии Всеволодовиче, который и убит тогда, и при первопрестольном митрополите Антонии, потом о Саине, преемнике Батыя, построившем Казань на том самом месте, где Ярославль Всеволодовичь шедшего его войною на Русь встретил и принудил многими дарами примириться с собою, а далее все повествование состоит о бранех между казанцами и россиянами о взятии Казани.

7

История о Сибирском царстве; напереди оной находится уведомление о разстоянии почтай всех мест того государства, начинается самая История описанием земли Сибирской, какое наиболее состояние натуральное и топографическое все оные или идополоклонники, или закона магометанскаго, потом о [последовании] царей и князей сибирских на реке Ишме от царя Она, которой побежден [был] от разбойника и подданнаго своего Чингива, о создании города Сибири [Магометом, сыном Обдеровым], о послании царем Иоанном Васильевичем воинства против живших по рекам Доне и Волге козаков, которые разбивали суда его и послов козылбашских и бухарцев, о собрании войска царем Кучуком против русских войск, и какия составлены между обоими рати, и что победа и превозможение преклонилось наконец к руским, о взятии Сибири, покорение отяцкаго князья Бояра и татар сибирских, пленения царевича Маматкула и о прислании с Москвы в Сибирь первых воевод и проч[ее]. На конце приложен реестр, кто были в Сибире, Тобольске и во всех сибирских городах и при острогах со времени взятия атамана Ермака Тимофеева, бояре, окольные, стольники, стряпчие, воеводы и с приписью подьячие.

8

Летописец русский упомянув кратко о начале и происхождении народов, обитавших в России, о местах селения и о Кие, Щеке и Хориве, о прозашествиях по пресечении Киева рода, родословие князей русских начиная от Рюрика до самого царя Ивана Васильевича; предлагает сочинитель и кто за кем княжил, в сем или том городе, какия при том или другом князе были перемены и прозашествия, в каком состоянии внутри л. 6 и от вне находилось каждое княжение. ||

9

Повесть временных лет черноризца Феодосия Печер[ского]: мон[астыря] (в четверть), начинается разделом света, Ноевыми детьми, и от Кня выводятся начало Киева, а потом и России, окончилась на смерти царя Ивана Васильевича, имеет в себе 261-н лист, писано писмом полуставным кратко и ясно и примечания достойно.

10

Сказание о избавлении Троицкия Сергиевы лавры от нахождения поляков, в коем начальствовал Сапега, литовских людей и изменников, сколько времени пробыл монастырь в осаде, и о победе поляков, сочинение Троицкия Сергиевы лавры келаря Авраамия Палицына; в сей же книге повесть о граде Муроме. Житие С[вятого] Василия, московского чудотворца, о крещении Мурова, писано полуставом, а прочее все скорописью (в четверку).

Под № 4, как видим, помещено первое описание интересующей нас Троицкой пергаменной рукописи 1408 г.: «...со времени... Рюрика, гораздо полнейший и обстоятельнейший, писанной на пергамене в лист, кончится же нашествием на Москву Едигея, князя ординскаго, при князе Василие Дмитриевиче».⁹

В нашем распоряжении имеется еще один «Реестр, сочиненный при святейшем Синоде из присланных в оной по высочайшему ея императорского величества повелению из разных духовных мест книг, в коих находятся записки касательно российской истории». Здесь в разделе «из Троице-Сергиевой лавры» под порядковым номером 114 еще более подробно описана Троицкая пергаменная летопись: «Летописец, писанный на пергамене, начинающийся от лета мироздания 3368-го и продолжающийся по лето 3913-е. В нем, кроме действий российских князей и походов их на Царьград, Смоленск и другие города, описывается их рождение, строение в разных российских городах церквей и поставление епископов, хождение во орду и послания во оную послов, пожары, бывшие в Москве, в Киеве и других местах, послание воев от князя Василия Дмитриевича Суждальского в Сарай, поход его под Тверь, прихождение татар с войсками к Новгороду, разбитие войск Мамаевых на Дону, взятие Москвы от Тахтамыша, сражение под Смоленском, взятие новгородцами града Устюга, бракосочетание князей российских, хождение князя Ивана Михайловича с войском под Кашии, пришествие с войсками на Рускую землю Едигея».¹⁰

Все рукописи, принадлежавшие Троице-Сергиевой лавре, были возвращены в Москву. В 1804 г. эти рукописи, в том числе и Троицкую пергаменную летопись начала XV в., «нашел» в библиотеке Троице-Сергиевой лавры Н. М. Карамзин, который оставил подробное описание своего посещения и сообщил сведения о судьбе рукописей: «В Лавре две библиотеки: одна принадлежит Семинарии, а другая — монастырю; первая состоит из 600 книг иностранных и русских, исторических, нравоучительных, богословских и прочих; а во второй — одне церковные книги и

⁹ Архив ЛОИИ, ф. 203, № 66, л. 5.

¹⁰ ЦГАДА, ф. 1270 (Мусиных-Пушкиных), оп. 1, № 46, л. 14.

рукописи. . . Все исторические рукописи были из Троицкой библиотеки посланы к Екатерине Великой, которая столь ревностно занималась нашею историею».¹¹

В настоящее время в Эрмитажном собрании ГПБ находятся некоторые копии троицких рукописей, упомянутых в «Реестре» 1778 г. и в «Реестре», сохранившемся в собрании Мусиных-Пушкиных. Так, перечисленный под № 5 «Синописис, или История козаков, в лист», представлен копией ГПБ, Эрмитажное собрание, № 372.¹²

Под № 6 описана «История о Казанском царстве, писанная в лицах». В копии Эрмитажного собрания (№ 375),¹³ переписанной полууставом, переходящим в четкую скоропись, оставлены пустые места, и в каждом случае имеется запись: «Здесь в подлиннике изображение в лицах», «Здесь в подлиннике оставлено белое место приметно для изображения в лицах». На картонном переплете наклейка с названием «История о Казанском царстве» и указание — «Из Троицкой лавры». Любопытно отметить, что при копировании рукописи стремились сохранить внешний характер подлинника, придерживаясь формата рукописи и даже количества листов. По сведениям архимандрита Леонида, «История о Казанском царстве» переписана полууставом XVII в., «в лист, на 231 л., разделена на 79 глав, с рисунками, сделанными пером, всех рисунков 51 (во второй половине, начиная с гл. 47 имеются лишь места для рисунков). Заставки и рамки киноварные».¹⁴ Копия «Казанской истории» Эрмитажного собрания, № 375, имеет тот же размер, что и подлинник, — в лист, заголовки стилизованы под древнерусские, обозначены места для рисунков и места, не заполненные рисунками. Количество листов 230, в подлиннике — 231.¹⁵

Под № 8 в «Реестре» обозначен «Летописец русский. . . родословие князей русских начиная от Рюрика до самого царя Ивана Васильевича». В копии Эрмитажного собрания № 424 он назван: «Сокращенный летописец из летописца Троицы-Сергиевского монастыря. О делах и подвигах великих князей российских. . . От основания Новгорода до 1547 г.».¹⁶

Под № 10 в «Реестре» описано «Сказание о избавлении Троицкия. . . лавры от нахождения поляков. . . сочинение Троицкия Сергиевы лавры келаря Аврамия Палицына». В Эрмитажном собрании имеется копия с этой рукописи, переписанная в 1775 г. (№ 465). На л. 1 запись: «Авр. Палицына Сергиевы лавры келаря История российская со времен царя Федора Ивановича до 1620 г.».¹⁷

В 1791 г. московский митрополит Платон прислал в Петербург копии летописей. Об этом сохранилась запись в «Дневнике» секретаря Екатерины II А. В. Храповицкого.

«1791, октябрь 29. Занимаются главнейше российскою историею и делами французскими. Получены вновь летописцы от митрополита Платона, и мне два раза подтвердили, чтобы скорее переплести».

Октябрь 30. . . поднес переплетенные летописцы, от митрополита Платона присланные, и, приискав тут известие о кончине киевского великого князя Владимира Рюриковича, получил благодарность».

¹¹ Н. М. Карамзин. Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице. — Сочинения Карамзина, т. I. СПб., 1848, с. 481.

¹² Историческая коллекция Эрмитажного собрания рукописей, с. 108; в «Сведениях» арх. Леонида сообщено, что «Синописис» Троице-Сергиевой лавры переписан полууставом начала XVIII в. Рукопись принадлежала архиеп. Петру Смелячу. См.: ЧОИДР, 1883, апрель—июнь, кн. 2, отд. II, с. 162.

¹³ Историческая коллекция Эрмитажного собрания рукописей, с. 95.

¹⁴ Сведения о славенских пергаменных рукописях. — ЧОИДР, 1883, кн. 2, с. 156.

¹⁵ Историческая коллекция Эрмитажного собрания рукописей, с. 95.

¹⁶ Там же, с. 47.

¹⁷ Там же, с. 97—98.

Октябрь 31. Два раза призван был для разговора о российской истории. Довольны, что нашли в Степенной книге имя опекуна короля шведского Вольдемара I, с коим сражался св. Александр Невский.¹⁸

В Эрмитажном собрании ГПБ (№ 376) сохранилась копия «Истории о Сибирском царстве» (№ 7), переписанная в 1791 г.¹⁹ с рукописи XVII в., принадлежавшей семинарской библиотеке Троице-Сергиевой лавры.²⁰

Сопоставление «Реестра» троицких рукописей с описанием Эрмитажного собрания показывает, что большая часть копий, снятых для Екатерины II, хранится до настоящего времени в Государственной Публичной библиотеке. Но копии некоторых из перечисленных в «Реестре» рукописей не сохранились. Так, не имеется копии с рукописи, обозначенной в «Реестре» под № 9, — «Повесть временных лет черноризца Феодосия Печерского [монастыря], в четверку, начинается разделом света, Ноевыми детьми и от Кня выводится начало Киева, а потом и России».

Эта бумажная троицкая рукопись XV в., которую архимандрит Леонид перепутал с пергаменной троицкой 1408 г.,²¹ в 1778 г. возвращена в библиотеку Троице-Сергиевой лавры и использована в вариантах к изданию Лаврентьевской летописи.²²

Не имеется в настоящее время в Эрмитажном собрании ГПБ также копии с Троицкой пергаменной рукописи 1408 г., указанной в «Реестре» под № 4: «. . . со времени. . . Рюрика, гораздо полнейший и обстоятельнейший, писанной на пергамене, в лист, кончится же нашествием на Москву Едигея, князя ординского, при князе Василе Дмитриевиче».

В распоряжении Екатерины II, как мы покажем ниже, была копия с пергаменной Троицкой летописи 1408 г., которую она неоднократно использовала в работе над «Записками касательно российской истории», изданными впервые в журнале «Собеседник российской словесности» в 1783—1784 гг. Поэтому можно с большим основанием полагать, что копия Троицкой летописи была изготовлена для «державного историка» до возвращения всех троицких летописей в Москву по «Реестру» 1778 г. Все эти рукописи, за исключением Троицкой пергаменной 1408 г., стorerшей в 1812 г., хранятся в настоящее время в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина.

Основываясь на выводах А. А. Шахматова,²³ М. Д. Приселкова²⁴ и новейшего обобщающего исследования Я. С. Лурье,²⁵ покажем дополнительные известия, которые отличают Троицкую летопись 1408 г. от ее непосредственного источника — Лаврентьевской летописи 1305 г. Далее приведем примеры, иллюстрирующие, что в «Записках касательно рос-

¹⁸ Дневник А. В. Храповицкого. 1782—1793. По подлинной его рукописи, с биографическою статьею и объяснительным указателем Николая Барсукова. СПб., 1874, с. 381.

¹⁹ Историческая коллекция Эрмитажного собрания рукописей, с. 120.

²⁰ Сведения о славянских пергаменных рукописях, поступивших из книгохранилища Свято-Троицкой Сергиевой лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии в 1747 г. архимандрита Леонида. — ЧОИДР, 1883, кн. 2, отд. II, с. 164.

²¹ Леонид. Новые сведения о Троицком списке Несторовой летописи, погибшей в московском пожаре 1812 г. — ЧОИДР, 1880, апрель—июнь, кн. 2, отд. II, с. 49; на ошибку архимандрита Леонида указал М. Д. Приселков, — см.: Троицкая летопись, Введение, с. 15—16.

²² Лаврентьевская и Троицкая летописи. — ПСРЛ, с. I. СПб., 1846, с. XV.

²³ А. А. Шахматов. Образование русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938.

²⁴ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940.

²⁵ Приношу сердечную благодарность Я. С. Лурье, ознакомившему меня с результатами своего исследования до выхода из печати статьи «Троицкая летопись и московское летописание XIV в.», подготовленной к публикации в сборнике «Вспомогательные исторические дисциплины» (Л., 1974, т. VI).

сийской истории» отразились фактические сведения, имевшиеся только в Троицкой пергаменной летописи 1408 г.

Под 6704 (1196) г. в Троицкой, судя по цитате Карамзина, Симеоновской и Владимирской летописям, сообщалось о женитьбе князя Константина (сына Всеволода Большое Гнездо); в Лаврентьевской летописи этого известия нет.²⁶ В сочинении Екатерины II пересказан текст Троицкой летописи, но событие приурочено к 1197 г.: «В 1197 году Всеволод Юрьевич Ростовский женил старшего сына своего Константина на Агафии, дочери Мстислава Романовича, и венчан был в церкви святых Богородицы во Владимире на Клязме Иоаном, епископом ростовским, при котором браке были сам Всеволод Юрьевич Ростовский со своею княгиней и со всеми детьми, рязанский князь Роман Глебович и братья его Всеволод Глебович Пронский и Владимир Глебович со сыном своим Глебом, да муромский князь Давыд и брат его Юрий со княгини, и бояры их, и праздновали семь дней с великим веселием».²⁷

В Троицкой летописи читались и пропущенные в Лаврентьевской известия о смерти княгини Марии и других событиях 6714 (1206) г.²⁸

В «Записках касательно российской истории» подробно передан рассказ о смерти княгини Марии: «Мать же Константина княгиня Мария лежала в немощи семь лет, и, видев кончину свою, отпустила своего сына Константина, и, призвав всех братьев его, завещала им Константина, яко старейшего, иметь вместо отца, а Константин дабы их любил яко братию, и наставлял на всякое дело благое, и оберегал их, на завтра постриглась в монастыре, созданном ею, и, пробив в оном 18 дней, марта 19 скончалась при дочери своей княгине Верхославе, супруге Ростислава Рюриковича; по смерти положена в гроб каменной и погребена в церкви святые Богородицы Успения».²⁹

В своде 1408 г. содержалось, «судя по цитате Карамзина, Симеоновской и Владимирской, и отсутствующее в Лаврентьевской известие 6738 (1230) г. о подчинении болгар князю Юрию».³⁰

В «Записках касательно российской истории» сообщено о присылке болгарским князем богатых даров князю Юрию Всеволодовичу, а также о заключении мирного договора на 6 лет: «В то время князь болгарский, уздав в Руси великую скудость жит, прислал к великому князю Юрию Всеволодовичу Владимирскому (на Клязьме) послов для учинения мира; князь же великий принял их с честью, и посланы были с обеих сторон знатные люди на особое место близ границы русской на остров, именуемый Коронев, и оные составили мир на шесть лет в такой силе: купцам ездить в обе стороны с товары невозбранно и пошлину платить по уставу каждого града безобидно; рыболовам ездить в обе стороны до межи и иметь любовь и мир; пленников всех освободить, а ежели будет распря, судить съехався судиям от обеих сторон на меже».³¹

Опубликованные при жизни Екатерины II 6 частей «Записок касательно российской истории» заканчивались 1271 г. В т. XI «Собрания сочинений императрицы Екатерины II» А. Н. Пыпин напечатал на основании черновых материалов продолжение «Записок» до 1393 г. И в этой части можно снова видеть отражение известий Троицкой пергаменной летописи 1408 г.

²⁶ Я. С. Лурье. Троицкая летопись и московское летописание XIV в., с. 92.

²⁷ Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей и с объяснительными примечаниями академика А. Н. Пыпина, т. IX. СПб., 1901, с. 149—150 (далее: Сочинения Екатерины II).

²⁸ Я. С. Лурье. Троицкая летопись и московское летописание XIV в., с. 92.

²⁹ Сочинения Екатерины II, т. IX, с. 165.

³⁰ Я. С. Лурье. Троицкая летопись и московское летописание XIV в., с. 92.

³¹ Сочинения Екатерины II, т. X, с. 184.

В результате исследования Я. С. Лурье пришел к выводу о том, что «особенно значительными становятся дополнения Троицкой к своду 1305 г. при изложении конечных известий этого свода — за конец XIII—начало XIV в. . . . с 6801 (1293) г. Троицкая (судя по цитатам Карамзина, Симеоновской и Владимирской) расходится с Лаврентьевской не только в датировке годовых статей (такое расхождение встречалось и в предшествующей части), но и целым рядом известий».³²

В «Записках касательно российской истории» можно прочесть и рассказ о татарской рати Неврюя, и о жестоком столкновении между русскими князьями, и о походе Федора Ростиславича Ярославско-Смоленского в 1298 г. на Смоленск «на братанича своего князя Александра Глебовича Смоленского».³³

Под 6810 (1302), а не под 6812 (1304) г. в «Записках» подробно описана кончина князя Ивана Переяславского и его волеизъявление, а также последствия этих действий. В Лаврентьевской летописи этих известий нет. «В 1302 году мая в 15 день преставися князь Иван Дмитриевич Переславский, внук Александров, бездетен. Бе тих, кроток, смирен, любовен, милостив, добродетелен, к церквам прилежен зело, почиташе и любяше священнический и иноческий чин, к нищим и странным яко отец. По себе отчину Переславль даде, по любви к нему и по дружбе с ним, даде своему родному князю Даниилу Александровичу Московскому. Сей же, узнав о сем, иде в Переславль и сяде на место племянника своего, и, вскоре возвратясь к Москве, оставил в Переславле сына своего князя Юрия Даниловича и наместники своя. Узнав о кончине князя Ивана Дмитриевича Переславского, князь великий Андрей Александрович Владимирский на Клязьме, яко старший в роде, послал своего наместника с людьми в Переславль, но их во град не пустили».³⁴

М. Д. Приселков отмечал,³⁵ что в Троицкой летописи опущено известие Лаврентьевской о поездке великого князя Андрея в 1303 г. в Орду (в Лаврентьевской — «в Татары»). Однако Н. М. Карамзин в примечаниях в т. IV «Истории государства Российского», ссылаясь на Троицкую летопись, писал: «Великий князь Андрей поиде в Орду».

В черновых материалах «Записок» Екатерины II под 6810 (1302) г. помещено сообщение: «. . . князь великий Андрей Александрович Владимирский на Клязьме поиде в Орду к хану».³⁶

Начиная с 6813 (1305) г. Троицкая летопись составлена из известий, полностью отсутствующих в Лаврентьевской летописи.³⁷ И все известия Троицкой летописи до 1393 г., как можно судить по реконструкции М. Д. Приселкова, имеют отражение в «Записках» Екатерины II, что особенно ясно видно в подробных рассказах о тверских и ростовских событиях XIV в., «перекрывающих» краткие сообщения примечаний Н. М. Карамзина.

Троицкая пергаменная летопись 1408 г., «гораздо полнейшая и обстоятельнейшая» (как она охарактеризована в «Реестре»), послужила Екатерине II одним из основных материалов в ее работе над сочинением по истории России X—XIV вв.

Судьба библиотеки Екатерины II, собранной ею в течение 34 лет (с 1762 по 1796 г.), еще недостаточно ясна. В ее собрании были сосредото-

³² Я. С. Лурье. Троицкая летопись и московское летописание XIV в., с. 93.

³³ Сочинения Екатерины II, т. XI, с. 41.

³⁴ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. IV. СПб., 1817, с. 384, прим. 188.

³⁵ М. Д. Приселков. История русского летописания, с. 108.

³⁶ Сочинения Екатерины II, т. XI, с. 46.

³⁷ Я. С. Лурье. Троицкая летопись и московское летописание XIV в., с. 93—94.

чены громадные ценности — и подлинные древнерусские рукописи (например, «Избранник Святослава»), и ценнейшие копии (как, например, копия свода 1480 г., обнаруженная в Эрмитажном собрании акад. А. А. Шахматовым).³⁸ Не исключена возможность обнаружения копии пергаменной Троицкой летописи 1408 г., которая несомненно находилась в ее библиотеке.

Для поисков копии Троицкой пергаменной летописи начала XV в. мы имеем в настоящее время некоторые ориентиры. Подтвердился, во-первых, вывод М. Д. Приселкова о формате летописи: она была в лист.³⁹ Следовательно, и копия Троицкой летописи также была листовой. Известно количество листов текста — 371. Мы помним, что при копировании памятников приблизительно сохранялось то же количество листов. Возможно, в заглавии копии Троицкой пергаменной летописи будет указано, что она из библиотеки Троице-Сергиевой лавры. Упоминание местонахождения подлинной рукописи, как мы видели на примерах копий с других троицких рукописей, помещалось в приписке либо на первых, либо на последних листах. Заглавие, вероятнее всего, может быть либо — «Летописец великий русский» (в «Реестре» не указано заглавия), либо «Летопись Несторова». Эти ориентиры могут оказаться полезными в поисках копии Троицкой пергаменной летописи 1408 г.

³⁸ А. А. Шахматов. Симеоновская летопись XVI в. и Троицкая начала XV в. — ИОРЯС, СПб., 1900, кн. 2, с. 451—553.

³⁹ М. Д. Приселков. Реконструкция Троицкой летописи, с. 46—49.

Б. И. КУЗНЕЦОВ

«Слово о двенадцати снах Шахаиши» и его связи с памятниками литературы Востока

В 1879 г. А. Н. Веселовский опубликовал текст древнерусского памятника «Слово о двенадцати снах Шахаиши» по списку, который, по его мнению, был написан не позднее 70-х годов XV в.¹ Веселовский, вслед за известным востоковедом И. П. Минаевым, высказал предположение, что одно из действующих лиц этого памятника, Шахаиша, — не имя собственное, а титул персидских царей (шаханшах).² В заключительной части своего исследования, приложенного к публикации текста «Слова», Веселовский писал: «Если бы этимология Шахаиши оказалась состоятельной, определилась бы для сравнительно древнего времени (во всяком случае для XV в.) возможность непосредственного литературного общения Древней Руси с Востоком, — общения, в круг которого вошли бы, вместе со „Снами Шахаиши“, и сказка о Руслане — Рустаме, и „Суд Шемяки“, и восточная повесть, принятая в сборник „1001 Ночи“ и отразившаяся в русской былине о Подсолнечном царстве».³

Не только этимология «Шахаиши», но и целый ряд других признаков указывают на непосредственное проникновение «Слова» из Персии на Русь. Согласно упомянутому выше списку XV в., город, в котором царствует Шахаиша, называется Ириин, а мудрец, толкующий сны царя, носит имя Мамера.⁴ Можно утверждать, что Ириин — название не города, а страны, т. е. Иран. Это название является достаточно древним, поскольку встречается уже в древнеперсидском памятнике Авесте (в форме «Арья-нама», т. е. «Страна ариев»). Оно было официальным названием страны с давних пор, таковым является и сейчас, но вплоть до последнего времени не было широко известным.

Название «Ириин», как оно встречается в «Слове», отражает североиранское произношение (парфянское), существовавшее еще в первые века нашей эры. То же произношение можно видеть и в слове «шахаиша», которое соответствует североиранскому «шахіншах». Это слово, просуществовав многие столетия, вошло в современный персидский, вытеснив пер-

¹ А. Н. Веселовский. «Слово о двенадцати снах Шахаиши». По рукописи XV века. — СОРЯС, т. XX, № 2. СПб., 1879.

² Там же, с. 22.

³ Там же, с. 47.

⁴ В поздних списках «Слова» царь и мудрец (философ) поменялись местами: царь носит имя Мамера (иногда — Ириней), а мудрец назван Шеховиц. По мнению А. Н. Веселовского, перестановка имен появилась в результате неясно понятого заглавия: сны царя истолковывались Мамером, в этом смысле они были «Сны Мамера», т. е. истолкованные им, а дальнейшее перемещение имен в тексте явилось следствием этого изменения заглавия, — см.: А. Н. Веселовский. «Слово о двенадцати снах . . .», с. 2.

сидскую форму «шахánшах». Отмеченные особенности дают возможность предполагать, что имя «Мамер», вероятнее всего, соответствует имени «Амер», тем более что в таком виде оно зафиксировано в одном из списков «Слова».⁵ В этом случае форма имени «Амер» будет также отражать североиранское (парфянское) произношение, соответствуя древнеперсидскому имени Митра.⁶ Персидские имена и названия, встречающиеся в «Слове», подтверждают догадку А. Н. Веселовского о вероятном проникновении этого памятника литературы на Русь непосредственно с Востока, так как в противном случае, при передаче «Слова» через народы-посредники, восточные имена и названия вряд ли сохранили бы в столь чистом виде отмеченные фонетические особенности.

Мудрец Мамера (Амера, Митра), толкуя сны шахиншаха, т. е. персидского царя, пророчесствует о грядущих бедствиях, которые ожидают человечество, и предрекает в конечном счете гибель всему миру. Столь большая ответственность, которую он берет на себя, давая с претензией на абсолютную точность весьма мрачные прогнозы, может служить намеком на высокое, а может быть, и высшее положение этого пророка при дворе.

Судя по центральноазиатским источникам, которые основываются на индийской и иранской исторических традициях, персидский пророк Митра — лицо историческое.⁷ Этот пророк, чаще всего именуемый в тибетских источниках как «Совершенный жрец» (тиб. «Шен-раб»), родился в Персиде (Пасаргадах) и был не только современником создания Киром Великим персидской империи Ахеменидов (VI в. до н. э.), но и, вероятно, одним из главных сановников персидского «царя царей» (шахиншаха). На долю Митры выпала задача привести в систему религиозные культы разноязычной и разноплеменной Персидской империи, которую сами персы отождествляли со всем известным им миром. Основная концепция, которую проповедовал Митра, состояла в том, что в мире существует одна религия, общая для всех, так как все люди на земле верят в одних и тех же богов, только именуют их по-разному, каждый на своем языке.⁸

На тибетском языке сохранилась биография Митры.⁹ Согласно тибетской традиции, ее текст был сначала переведен с «иранского» (среднеперсидского) на шаншунский язык, который в первые века нашей эры был распространен в северных районах Тибета, а затем уже с шаншунского на тибетский.¹⁰ Никаких дат, которые указывали бы на время перевода, не существует, но, согласно той же традиции, во времена тибетского

⁵ Древнерусская повесть. Составили В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Покровская. М.—Л., 1940, с. 90.

⁶ Приношу свою благодарность иранисту, доценту Восточного факультета ЛГУ С. Н. Соколову за постоянные консультации по персидскому языку, а также за его ценные замечания и советы, которые он делал по ходу моей работы.

⁷ Тибетский историк Сумпа-кхано (XVIII в.), который основывался на версии своего предшественника Таранаты (1608 г.), черпавшего факты из индийских источников, дает следующие варианты имени древнего персидского религиозного деятеля: «Мáтхур», «Мáтхара» — и делает, как и Тараната, Заратуштру (тиб. «Ардхо», «Арадхоха» от перс. «Зардухашт») последователем Матхуры (Митры), — см.: S u m p a - K h a n - p o . History of the Rise, Progress and Downfall of Buddhism in India. Ed. by S. Ch. Das. Calcutta, 1908, p. 88. В других тибетских источниках, основанных на иранской исторической традиции, имя персидского пророка дается как «Мура», что соответствует среднеперсидскому «Михр» (от древнеперс. «Митра»). См., например: Tibetan-Zang-zung Dictionary. Delhi, 1967, p. 6, 18.

⁸ Б. И. Кузнецов. Кто основал религию бон? — В кн.: Центральная Азия и Тибет. Новосибирск, 1972, с. 132—134.

⁹ 'Dus-ra rin-po-che'i gnyud gzer-mig. Delhi, 1965.

¹⁰ Эта традиция изложена тибетцами в послесловии к изданию биографии Митры: 'Dus-ra rin-po-che'i gnyud. . . , p. 1127—1138, 1167.

царя Кхрисрона (VIII в. н. э.) биография Митры оказалась в числе запрещенных книг и была спрятана от уничтожения в местности Сам-е (Центральный Тибет), что имело место в 753 г. Сочинение находилось в тайнике около 144 лет, откуда оно было извлечено почитателями учения Митры и снова получило распространение.¹¹

В биографии Митры подробно рассказывается о рождении будущего учителя, или пророка, о его юных годах и дальнейшей деятельности как проповедника. Идеи, которые он проповедовал, не были оригинальными и представляли собой хорошо известные концепции индоиранских народов: дуализм света и тьмы, добра и зла. Нужно почитать богов, которые относятся к сфере света и добра, и бороться против темных сил. Посредниками между богами и людьми являются жрецы, которые получили свыше откровение, мудрость, знание ритуалов, одним словом — моральное право непосредственно обращаться к высшим силам, а также с помощью заклинаний и обрядов изгонять нечистую силу.

Далее в том же сочинении рассказывается о том, как перед пророком Митрой, который находился в южной части Ирана, появился посланник верховного божества, именуемого Мудрым (иран. «Мазда»), и призвал Митру обратить в истинную веру царя северного Ирана — Мидии, а также его подданных. Происходит война между южным и северным Ираном, которая изображается с большой долей фантастики: Митра, в окружении разных чудовищ, его сторонников и почитателей, громит армии врагов, подчиняет себе северян (мидиян) и наставляет их, а также их царя на путь «истинной веры».

Затем в том же источнике рассказывается о проповеди Митры на северо-востоке и востоке Ирана, его путешествии в Центральную Азию (Шаншун и Тибет), после чего он отправляется на запад — в Вавилон. Его появлению на западе предшествует подробное и длинное описание событий, которые там имели место примерно на протяжении ста лет, вплоть до появления персов во главе с Митрой. В последней главе содержится пророчество о грядущих бедствиях на земле: «В те времена деяния людей ослабнут, болезни, моль (черви), оружие, огонь и вода деяния людей прекратят, и милостью будет изгнание (?). Множество грехов увеличится, оставшиеся (уцелевшие) люди будут мучимы долго, и нигде им не будет опоры».¹² Далее говорится о том, что окончательное спасение придет в Иран в лице пророка, последователя учения Митры.¹³

Пророчества, содержащиеся в тибетской книге, близки по духу тем, которые мы находим в «Слове о двенадцати снах Шахаиши». Основное различие между ними состоит в том, что в биографии Митры тема пророчеств о грядущих бедствиях едва намечена. Это всего лишь краткий конспект по сравнению с развернутым и красочным повествованием «Слова», что является вполне естественным, если принять во внимание время создания биографии Митры: ядро этого сочинения складывается в VI—V вв. до н. э., в последующие века на него накладываются наслоения, и только около начала нашей эры биография приобретает свой окончательный вид. Таким образом, с момента ее создания до появления «Слова» на Руси прошло не менее тысячи лет. Поскольку в пророчествах биографии Митры нет достаточно ярких образов, которым можно было бы подобрать вполне убе-

¹¹ Там же, с. 1137—1138.

¹² Там же, с. 1118—1119.

¹³ Книга заканчивается поздней припиской к основному тексту, в которой дается перечисление имен наиболее знаменитых проповедников религии Митры в Персии, Индии, Риме и других странах, что, вероятно, должно было служить намеком на универсальный характер религии, которую проповедовал Митра, — см.: 'Dus-ra gin-ro-che'i ggyud... , p. 1123.

дительные параллели в «Слове», постольку приведенное выше соображение о возможной связи тибето-персидского сочинения с древнерусским пока что остается простым предположением.

В XIII в. в Персии было создано сочинение «Заратушт-нама» («Книга Заратуштры», т. е. биография Заратуштры), автором которого был Заратушт-и-Бахрам,¹⁴ последователь учения Заратуштры. В самом начале своего сочинения персидский писатель говорит, что видел книги на пехлеви (среднеперсидском), в которых излагаются события, происходящие в мире, деяния и поступки предков. При этом он ссылается также на устную зороастрийскую традицию.¹⁵ Сопоставление тибетской биографии Митры с «Книгой Заратуштры» показывает, что биография Заратуштры построена в очень большой степени на биографии его религиозного предшественника, т. е. пророка Митры, с вполне очевидным использованием фактов из его жизни и деятельности. «Книга Заратуштры», как и биография Митры, заканчивается пророчествами о грядущих бедствиях, которые оказываются по содержанию уже настолько близкими к пророчествам «Слова», что становится возможным говорить об их общем происхождении. Но прежде чем мы перейдем к сопоставлению наиболее важных эпизодов из биографии Митры и Заратуштры и затем — к сопоставлению персидских и русских пророчеств, попытаемся в самых общих чертах пояснить, почему биография Заратуштры включает в себя много эпизодов из биографии совсем другого лица.

Можно предполагать, что в древнем Иране VI—V вв. было два основных религиозных направления: политеизм, основанный на индоиранских культах богов, реформатором которого был Митра, и монотеизм, возникший под влиянием иудейской религии, но на основе древних иранских обрядов и представлений. В эпоху Ахеменидов (VI—IV вв. до н. э.) в Иране господствовал политеизм, который затем был постепенно вытеснен монотеизмом, создание которого обычно приписывают Заратуштре (VI—V вв. до н. э.). Как уже отмечалось в научной литературе, в Авесте, священной книге зороастрийцев, соединились две противоположных религии: зороастризм, который, очевидно, не индоиранского происхождения, и другая, восходящая к древним иранским культам.¹⁶ Как нам кажется, это соединение двух разных религий в одну под названием зороастризм способствовало объединению двух разных биографий — Митры и Заратуштры.

Отметим то общее, что имеется в персидском и тибетском сочинениях. «Книга Заратуштры» начинается рассказом о тех временах, когда мир был омрачен злом и не было на земле ни управления, ни мудрых наставлений, ни власти среди безрассудных людей. Презирая бога и его предписания, они отвратились от божественной веры. Вселенная попала под власть злого демона, и весь мир «удалился» от справедливости и закона. Злой дух, Ариман, ликовал и радовался заблуждению людей.¹⁷

Сходные мотивы содержатся в первой главе биографии Митры, а именно — что люди пылают гневом, как огонь. Другие кипят страстями, третьи окутаны глупостью, невежеством, и все они творят самые разнообразные плохие деяния на радость демону. Как и в персидском сочинении, сказанное относится к «древнему» периоду жизни людей, который предшествует появлению пророка.¹⁸

¹⁴ Le Livre de Zoroastre (Zarâtusht nâma) de Zaratusht-i-Bahrâm ben Pajdu. Publié et traduit par F. Rosenberg. St.-Petersburg, 1904.

¹⁵ Там же, с. 8.

¹⁶ L. de la Vallée-Poussin. Indo-européens et Indo-iraniens l'Ind jusque vers 300 an. J. C. Paris, 1924, p. 65—67.

¹⁷ Le Livre de Zoroastre. . . , p. 4.

¹⁸ 'Dus-pa rin-po-che'i rgyud. . . , p. 2—15.

Далее в обоих сочинениях одинаково рассказывается о том, как на небе высшие силы решают послать на землю руководителя для людей, который должен будет вести их за собой по истинному пути. Заблаговременно выбирается народ и знатная семья, царского происхождения, в которой должен родиться будущий пророк, по персидскому тексту — Заратуштра, по тибетскому — Митра.¹⁹

Мать Заратуштры незадолго до рождения сына видит во сне облако, остановившееся над дворцом, из которого дождем сыпятся на землю львы, тигры, драконы и прочие твари. Прорицатель, толкующий сон, предсказывает рождение великого человека, «который будет сиять в мире как солнце и которого никто не превзойдет в блеске и могуществе».²⁰ По тибетской версии, боги, разные чудовища и духи, но не во сне, а наяву, «спускаются с неба, словно дождь», чтобы приветствовать рождение будущего великого учителя.²¹ Заратуштра и Митра рождаются ранним утром на рассвете, причем при их появлении все вокруг заливается ярким светом.²² Стоит обратить внимание на то, что эпизод из биографии Митры о поклонении ему богов, духов и т. д. мотивирован, так как появление последних только тем и оправдано, что они воздают почести будущему пророку. В биографии Заратуштры этот эпизод уже лишен всякого смысла, и поэтому трудно уловить какую-либо связь между сном и его толкованием.

В дальнейшем события из жизни и деятельности двух учителей, о которых рассказывается в персидской и тибетской книгах, иногда совпадают, иногда не имеют между собой ничего общего. Естественным совпадением можно считать рассказ о том, как злые демоны и различные враги боролись против пророков и пытались их погубить, а также рассказ об их ритуальном омовении. Сходным образом оба изгоняют нечистую силу: Митра, читая заклинания, а Заратуштра — Авесту и Зенд.²³ Наиболее существенным несовпадением является то, что Заратуштра проповедует монотеизм, а Митра — политеизм, что достаточно ярко свидетельствует в пользу гораздо большей древности тибетской версии сравнительно с персидской, чего, собственно говоря, и следовало бы ожидать, исходя из истории появления обоих памятников. Попробуем это показать еще на одном примере.

В «Книге Заратуштры» есть один эпизод, который в его биографии не играет особой роли, но зато является центральным в биографии Митры — это рассказ о битве армий севера и юга (Мидии и Персиды). В персидском источнике он излагается следующим образом: «Заснув, Заратуштра увидел во сне сильную и многочисленную армию севера, которая двигалась на него с враждебным видом. Заняв дорогу, она закрыла ему весь проход. Когда Заратуштра посмотрел в другую сторону, то [увидел, что] появилась другая армия, храбрая и враждебная, которая заняла южную сторону. Они начали сражаться одна против другой, и армия севера была разгромлена. Это было то, что бог показал Заратуштре во сне».²⁴

Далее дается толкование этого сна: Заратуштра знает таинства «хорошего закона». Если он покинет бога, то вернется на «темную землю»; если откажется открыть людям «благой закон», откажется от истины, то демоны и колдуны, узнав об этом, «окопашутся на битву».²⁵

¹⁹ Le Livre de Zoroastre. . . , p. 4; 'Dus-pa rin-po-che'i rgyud. . . , p. 15—78.

²⁰ Le Livre de Zoroastre. . . , p. 5—9.

²¹ 'Dus-pa rin-po-che'i rgyud. . . , p. 60—61.

²² Le Livre de Zoroastre. . . , p. 9; 'Dus-pa rin-po-che'i rgyud. . . , p. 68—70.

²³ Le Livre de Zoroastre. . . , p. 10—16, 24—26; 'Dus-pa rin-po-che'i rgyud. . . , p. 604—714.

²⁴ Le Livre de Zoroastre. . . , p. 23—24.

²⁵ Там же, с. 24.

То, что в персидской версии изображается как нечто нереальное, в тибетской версии происходит наяву, причем об этом рассказывается как о вполне реальном историческом событии, с указанием на вполне конкретные исторические лица, города и страны.²⁶

Дальнейшее развитие персидского сюжета о битве армий севера и юга в плане эсхатологии можно видеть в той части книги пророка Даниила, составление которой относят к началу нашей эры (гл. XI—XII). Уже отмечалось в научной литературе, что этот раздел испытал на себе сильное влияние персидских идей и представлений.²⁷

«Книга Заратуштры», как и биография Митры, заканчивается пророчествами о грядущих тяжелых временах. Пророчества Мамеры (Митры), как они изложены в рукописи XV в., ближе всего по содержанию к пророчествам, содержащимся в «Книге Заратуштры». В самом начале пророчеств персидской книги сообщается следующее: «Все рожденные тогда, к концу этой эпохи, будут злодеями. Среди людей тогда ты не найдешь никакой добродетели, а будет только гнев, злоба, мятежи и раздоры. Хлеб и соль не будут уважаться, старики не будут почитаться. Враги заповедей [бога] будут угрожать жизни того, чья душа ищет заповедей. Ты не найдешь ни разума, ни [доброй] воли среди этих людей, и не будет добра в их словах, не будет больше мощи и державы у верных, у людей почитаемых и честных».²⁸

В самом начале своего толкования первого сна Шахаиши пророк Мамера говорит следующее: «Прииде время то злое от востока до запада. и по всем градом зло много будет. и мятежь въ всех человецех. не будет права сердца ни мысли. и божиа заповеди не съхранять. другъ другу будет врагъ. а князь будет на князя. и стареишины також. и в то время злое не будет кто добра смыслити, или сътворити, языком глаголетъ добро. а в сердца мысли злая».²⁹

Далее по порядку в обоих текстах, в персидском и в толковании первого сна Шахаиши, также есть общие мотивы: говорится о стихийных бедствиях, следствием которых явятся неурожай, голод, «истощение» крупного и мелкого рогатого скота (персидский текст³⁰), «и птицы, рыбы умалится. а овоща скудость будет. лета и месяци съкратятся. и потом изгыбнет миръ».³¹

Затем в персидском тексте говорится о забвении людьми священных ритуалов, о впадении людей в ересь, говорится о том, что многие знатные и блестящие люди будут блуждать вдали от родных очагов.³² Этому рассказу есть некоторые соответствия в толковании на второй сон Шахаиши: «. . . и роди, и племена от божиа службы укланяться. и никтоже добра сътворитъ скупости ради брашенныя. своих племян отлучатся. и своих друзей, видяще их въ убожестве телесне».³³

Основной и главной частью «Слова» является толкование на первый сон Шахаиши, в котором полностью изложена суть пророчеств: в будущем человечество ожидают многие тяжкие испытания и беды, после чего наступит конец света. Толкования на остальные сны — это всего лишь повторение, иногда более подробное изложение сюжетов или дополнения к ним,

²⁶ 'Dus-pa rin-po-che'i rgyud. . . , p. 91—150.

²⁷ J. W. S w a i n. The Theory of the Four Monarchies. — Classical Philology, Chicago, 1940, vol. XXXV, № 1, p. 1—21.

²⁸ Le Livre de Zoroastre. . . , p. 68—69.

²⁹ А. Н. Веселовский. «Слово о двенадцати снах. . . », с. 5.

³⁰ Le Livre de Zoroastre. . . , p. 70.

³¹ А. Н. Веселовский. «Слово о двенадцати снах. . . », с. 6.

³² Le Livre de Zoroastre. . . , p. 70.

³³ А. Н. Веселовский. «Слово о двенадцати снах. . . », с. 6.

которые даны в первой части «Слова». Так как именно толкование на первый сон обнаруживает наибольшую близость к тексту персидского сочинения, то очевидно, что эта часть пророчеств «Слова» и «Книги Заратуштры» восходит к одному общему для них персидскому источнику. Стоит обратить внимание на одно важное несоответствие между русским и персидским текстами: в русском тексте говорится о конце света, тогда как в персидском, а также в тибетском речь идет только о конце определенной эпохи, которая будет отмечена появлением одного из очередных «спасителей», последователей учения Заратуштры и Митры. Объясняется это несоответствие, вероятнее всего, тем, что «Слово» имело хождение в христианской среде, что и вызвало соответствующее изменение в русском тексте, которое было сделано в духе новой идеологии.

В последующих пророчествах Мамеры, в его толкованиях третьего-одиннадцатого снов царя, есть сходные с персидскими мотивы: о скупости, мятежах и т. д., но поскольку эти пророчества в обоих текстах идут несинхронно и поскольку характер изложения в них разный, постольку мы этих сюжетов касаться не будем.

В конце «Книги Заратуштры» содержатся пророчества о войнах между народами.³⁴ Эти эпизоды находят себе некоторые параллели в толковании на двенадцатый сон, т. е. последний, по поздним спискам «Слова». А. Н. Веселовский отмечал близость этих пророчеств к отрывку из «Слова Мефодия Патарского», в котором говорится о «сынах Измаиловых».³⁵

Сопоставление пророчеств, содержащихся в тибетском, русском и персидском текстах, дает некоторые основания предполагать за тибетским наибольшую древность. Русский текст, восходя к неизвестному для нас персидскому оригиналу, отражает их вариант, развившийся и обогатившийся на протяжении нескольких, а может быть, и многих столетий за счет вполне реальных событий. В «Книге Заратуштры» можно видеть использование той же самой персидской версии пророчеств, которая легла в основу «Слова». Так как «Книга Заратуштры» создавалась в более позднее время, в XIII в., то она, естественно, была дополнена новым материалом, основанным на реальных исторических событиях, которые наблюдал или о которых слышал персидский автор. Ту же самую тенденцию к обогащению содержания можно предполагать в поздних списках «Слова», но говорить об этом более подробно можно будет только после опубликования критического издания «Слова», выполненного по всем основным спискам.

Изучение «Слова» в связи с памятниками литературы Востока дает, как нам кажется, интересный материал для более глубокого понимания тех взаимоотношений, которые существовали в прошлом между народами в области культуры и литературы.

³⁴ Le Livre de Zoroastre. . . , p. 73—74.

³⁵ А. Н. Веселовский. «Слово о двенадцати снах. . . », с. 13.

С. К. ЧЕРЕПАНОВ

К вопросу о южном источнике Софийской I и Новгородской IV летописей

Вопрос об источниках общерусского летописного свода, дошедшего до нас в Софийской I (далее: СI) и Новгородской IV₁ (далее: НIV) летописях (свода 1448 г.), не может считаться окончательно выясненным. Несомненно, что в основе этого свода лежат новгородский и общерусский источники, а кроме того, ряд местных источников, среди которых был и южнорусский свод.¹ Следы особого южного источника, частично сходного с Ипатьевской летописью (далее: ИЛ), А. А. Шахматов обнаруживал и в Московском своде 1479 г. (далее: М), отразившемся в позднейших сводах, Воскресенской, Никоновской.² А. А. Шахматов предполагал, что источником южных известий СI—НIV и М был митрополичий свод начала XV в. — Полихрон 1423 г., в свою очередь восходивший к Полихрону начала XIV в.³ Но предположение о существовании Полихрона начала XIV в. в настоящее время в науке отвергнуто,⁴ вызывает сомнение и существование Полихрона начала XV в.⁵ С другой стороны, А. Н. Насоновым доказано, что непосредственным источником М и Ермолинской летописи (далее: Е), в которой А. А. Шахматов видел прямое отражение Полихрона начала XV в., была особая летописная компиляция второй половины XV в., которую А. Н. Насонов предложил называть «Сводом Феодосия-Филиппа».⁶ Очевидно, необходимо вновь поставить вопрос о южнорусском источнике (или источниках) свода 1448 г. Не претендуя на окончательное решение этого вопроса, автор данной заметки пытается разобраться в отличительных особенностях южного источника свода 1448 г. по сравнению с хорошо известным южнорусским сводом, названным по имени одного из его списков Ипатьевской летописью (ИЛ). Автор стремится также уточнить взаимоотношения южных известий свода 1448 г. и «Свода Феодосия-Филиппа» (М—Е), не выходя при этом за рамки существующих традиционных представлений о взаимосвязи самих сводов. Для выяснения особенностей самих южных известий СI—НIV по сравнению с ИЛ необходимо прежде всего отделить те известия свода 1448 г., которые с несомненностью могут быть возведены

¹ М. Д. Приселков. История русского летописания. Л., 1940, с. 153; Я. С. Лурье. Общерусский свод — протограф Софийской I и Новгородской IV летописей. — ТОДРЛ, т. XXVIII. Л., 1973, с. 125—128 (далее: Лурье. Общерусский свод).

² А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов. М.—Л., 1938, с. 275 (далее: Шахматов. Обзорение).

³ Там же, с. 277, 280—281.

⁴ М. Д. Приселков. История русского летописания, с. 95—96.

⁵ Лурье. Общерусский свод, с. 114—115.

⁶ А. Н. Насонов. История русского летописания XI—нач. XVIII в. М., 1969, с. 293.

к другим источникам: Новгородской I и Лаврентьевской или Троицкой.⁷ Исключив заимствования из указанных летописей, мы получаем ряд южных известий, часть из которых близка к ИЛ.⁸ Но извлечены ли эти «ипатьевские» известия непосредственно из оригинала ИЛ (архетипа существующих списков), Ипатьевского списка XV в. или же, как думал А. А. Шахматов, из общего источника Ипатьевского списка и свода 1448 г., каковым ученый считал Полихрон 1423 г.⁹ Признание Полихрона источником южных известий свода 1448 г. делает ненужным предположение о связи последнего с оригиналом ИЛ, так как Полихрон 1423 г., согласно А. А. Шахматову, восходил через посредство Полихрона начала XIV в. не к самой ИЛ, а к особой Черниговской летописи 1284 г., отразившей, в свою очередь, киевский свод конца XII в. Для ответа на поставленный вопрос важно выяснить, есть ли необходимость возводить южные известия свода 1448 г., сходные с ИЛ, к оригиналу ИЛ (а не к какому-то иному летописному своду), учитывая при этом отличие оригинала ИЛ — отсутствие хронологической канвы за XIII в. Зная эту особенность оригинала как целого, мы должны будем искать ее отражение на отдельных «ипатьевских» известиях, попавших в СИЛ—НИВЛ. Полезно также сопоставление текста СИ—НИВ с разночтениями по Погодинскому и Хлебниковскому спискам ИЛ. Как показывает такое сопоставление, «ипатьевские» известия свода 1448 г. иногда оказываются ближе к этим спискам, чем к Ипатьевскому.¹⁰

Это дает основание считать, что некоторые южные известия СИ—НИВ восходят к общему протографу *И*, *Х* и *Л*. Можно также доказать, что южный источник СИ—НИВ содержал в своей последней части текст, не разбитый по годам. Об этом свидетельствует известие СИ—НИВ за 6747 г. Речь идет о походе татар на города Чернигов и Переяславль. Об этом же сообщает ИЛ, но в *И* это известие читается под 6745 г.

⁷ Анализ этих известий дается в работе: Лурье. Общерусский свод, с. 126—127.

⁸ Сюда относятся следующие известия: 6620 г. (подробности половецкого похода), 6655 г. (убийство Игоря Ольговича), 6664 г. (о смерти Нифонта Новгородского). Фрагменты рассказа об убийстве Андрея Боголюбского — 6683 г.; часть рассказа о битве на Калке — 6732; 6747 г. — поход татар на русские города, 6748 г. — взятие Киева. Кроме того, известие НИВ 6688 г. — поход Мстислава на Полоцк.

⁹ Такое предположение было сделано А. А. Шахматовым на основании знакомства с приписками на Ипатьевском списке ИЛ, которые, по мнению исследователя, сделаны автором списка на основе Полихрона 1423 г. и которые есть в контексте этих известий в СИ—НИВ. Подробнее см.: Шахматов, Обзорение, с. 100—102. Ипатьевская летопись, по мнению А. А. Шахматова, не может считаться общим источником списка и свода 1448 г. по той причине, что отмеченных особенностей Ипатьевского списка, сблизивших его с СИ—НИВ, нет в других списках ИЛ: Хлебниковском, Погодинском и Ермолаевском, т. е. не было и в оригинале ИЛ. Надо, впрочем, отметить, что наблюдение А. А. Шахматова не противоречит предположению о прямом использовании сводом 1448 г. Ипатьевского списка, так как его составление датируется А. А. Шахматовым 1425 г. Если принять эту датировку, то возможно, что дополнения и приписки, встречающиеся на полях Ипатьевского списка, составитель свода 1448 г. заносил в основной текст свода. Не пытаюсь здесь решить этот вопрос, заметим лишь, что датировка списка требует дальнейшего уточнения.

¹⁰ Ср. разночтения по Ипатьевскому (далее: *И*), Хлебниковскому и Погодинскому (далее: *Х*, *Л*) спискам ИЛ (ПСРЛ, т. II. СПб., 1908) в рассказе 6655 г. об убийстве Игоря Ольговича: «свитки изволокоша» (СИ—НИВ, *Х*, *Л*) — «свитки изволокоша» (*И*, разночтение 25, стлб. 351); под 6747 г. СИ—НИВ и 6745 г. ИЛ: «сосуды церковныя бесчисленныя серебряныя и златыя» (НИВ—СИ, *Х*) — «сосуды церковныя бесчисленныя златыя» (*И*, разночтение 46, стлб. 782); под 6620 г. СИ—НИВ и 6619 г. ИЛ: «Владимер с полки своими и Давид с полки своими» (СИ—НИВ, *Х*, *Л*) — «Володимер с полки своими и Давид» (*И*, разночтение 24, стлб. 267), и т. д. Иногда текст СИ—НИВ соответствует лишь *И*. Ср. 6620 г. — «летяху» (СИ—НИВ, *И*) — «видяху» (*Х*) — «выдыху» (*Л*, стлб. 268, разночтение 26); под 6688 г. НИВ и 6685 г. ИЛ: «сосуды служебныя» (НИВ, *И*) — «сосуды церковныя» (*Х*, *Л*, стлб. 608, разночтение 76), и т. д.

СІ—НІВ, 6747 г.

ИЛ, 6745 г.

Иную же рать посла на Чернигов. Пришедше же, посланци оступиша град Чернигов в силе тяжце. Слыша же Мстислав Глебович нападение иноплемennых на град и прииде на ня с своими вои. Бившиися им крепко, люто бо бе бои у Чернигова, оже и тараны на нь поставиша и меташа на нь каменнем полтора перестрела, а камень же, яко же можаху 4 мужа сильнии подъяти. И побежен бысть Мстислав; множество от вои его избьено бысть. И град взяша и запалиша огнем, а епископа оставиша жива и ведоша в Глухов. А оттоле приидоша к Киеву с миром и смирившася с Мстиславом и Володимиром и с Данилом.

В то же время посла на Чернигов. Обступиша град в силе тяжце. Слышав же, Мстислав Глебович нападение на град иноплемennых, приде на ны со всеми вои, бившимся им, — побежден бысть Мстислав и множество от вои его избьены бысть, а град взяша и запалиша огнем. Епископа оставиша жива и ведоша в Глухов.

Текст СІ—НІВ в этом случае оказывается полнее известия ИЛ. Откуда же взяты сцена боя у Чернигова и эпизод примирения, неуместные в этом рассказе СІ—НІВ? Оказывается, эти добавочные фрагменты СІ—НІВ также имеются в ИЛ, но помещены под 6742 г., в рассказе галицкого летописца о войне Даниила с черниговскими князьями.

Ср. ИЛ, 6742 г.: «Даниил же поиде ко Володимиру и поидоста Чернигову, и приде к нима Мстислав Глебович. Оттуда же поидоша пленячи землю, поимаша грады многы до Десне, ту же взяша, и Хоробор, и Сосницю, и Сновеск, иный град многии. И придоша же опять Чернигову, створиша же мир со Володимиром и Данилом Мстислав и Черниговцы, люто бо бе бои у Чернигова, оже и таран на нь поставиша, меташа бо каменнем полтора перестрела, а камень якоже можаху 4 мужа сильнии подъяти. Оттуда с миром преидоша Киеву».¹¹

Несомненно, что составитель «галицкой части» ИЛ разорвал цельный текст описания похода татаро-монгол и боя у Чернигова, а затем поместил их в разных частях своего свода. Об этом свидетельствует «инородность» рассказа о черниговском бое в контексте известия 6742 г.¹²

Итак, совершенно очевидно, что составитель этой «галицкой части» ИЛ имел перед собой цельный вариант рассказа о походе татар на русские города. Естественно, в нем не могло быть непонятного и неправдоподобного известия о примирении татар с Даниилом, Владимиром (кстати, уже не киевским князем) и Мстиславом, поскольку эпизод примирения относился к иному рассказу — о войне Даниила и Владимира с Мстиславом Черниговским, т. е. к тому, который мы читаем сейчас в ИЛ под 6742 г.

Теперь задумаемся, почему автор свода 1448 г. поместил известие о татарском походе под 6747, а не под 6745 г.? Ответ ясен: в его источнике не было даты — 6745 г., как не было и даты — 6742 г., т. е. перед ним была летопись, лишенная разбивки известий по годам. Такой летописью мог быть лишь оригинал ИЛ — южнорусский сборник конца XIII—начала

¹¹ О том, что фрагменты ИЛ 6742 г. и 6747 г., сходные с СІ—НІВ, заимствованы галицким летописцем из общерусского источника, см. прим. 15 и 16 настоящей работы. Косвенным доказательством того, что эпизод о бое под Черниговом взят из рассказа о татарском нашествии, может служить упоминание о таранах. В рассказах о междоусобных войнах тараны не упоминаются.

¹² Сплетение галицких и черниговских источников в ИЛ в известии 6742 г. отмечал и Л. В. Черепнин, — см.: Л. В. Черепнин. Летописец Даниила Галицкого. — Изв., т. 12. 1941, с. 249.

XIV в. Даты же — 6742 и 6745 гг. — поставил составитель *И*.¹³ Как мы предположили, составитель «галицкой летописи» разбил единый рассказ на две части, в результате чего эпизод боя у Чернигова оказался соединенным с предшествующим изложением, повествующим о примирении Даниила с Мстиславом.

Составитель свода 1448 г. проделал обратную работу: он объединил две части рассказа в один, но при этом захватил из отрывка, читающегося сейчас в ИЛ под 6742 г., «лишнюю фразу», — т. е. сцену примирения, которая не относилась к первоначальному цельному известию о татарском походе. Эта лишняя фраза («оттоле приидоша к Киеву с миром и смиришася с Мстиславом и Володимером и с Даниилом»), измененная в соответствии с новым смыслом известия, которое целиком посвящено татарскому походу, убедительно доказывает, что составитель свода 1448 г. был знаком с южнорусским сборником в завершеном состоянии, т. е. его «галицкой частью», причем в таком виде и с такими особенностями, которые известны нам сейчас. Сделаем краткий вывод. Разобранное известие 6747 г. в СИ—НІV показывает, что составитель свода 1448 г. пользовался той же редакцией «галицкой летописи», которая дошла до нас в ИЛ. Заимствуя отдельные известия из «галицкой летописи», автор свода 1448 г., однако, не заимствовал хронологии, т. е. помещал эти известия под иными датами. Такая «вольность» говорит о том, что в «галицкой летописи», вероятно, не было хронологии. Эти наблюдения позволяют отождествлять галицкий источник СИ—НІV¹⁴ с галицким источником ИЛ, т. е. считать известия СИ—НІV, сходные с ИЛ, заимствованными из оригинала ИЛ.

Но исчерпывались ли южнорусские источники СИ—НІV только оригиналом ИЛ? Уже А. А. Шахматов отметил, что какая-то южнорусская летопись, не совпадающая с Ипатьевской, отразилась (по мнению А. А. Шахматова — через Полихрон) на летописании XV в. Существование такой летописи обнаруживается из сличения ИЛ и Воскресенской летописи, т. е. Московского свода 1479 г. (М). М содержит ряд первоначальных чтений по сравнению с ИЛ.¹⁵ Действительно, в М под 6747 г. читаем полную версию рассказа о татарском нашествии на Чернигов. Характерно отсутствие в М известия о примирении, явно не относящегося к рассказу о татарском нашествии. Очевидно, что рассказ 6747 г. М в данном слу-

¹³ Если это так, то мы должны признать, что составитель *И* не пользовался никаким общим со сводом 1448 г. источником, ибо трудно допустить, чтобы, имея под рукой свод, близкий к своду 1448 г., составитель списка не воспользовался им для заимствования хронологической канвы. Очевидно, он заимствовал ее из другого источника. Что касается наблюдений А. А. Шахматова по поводу приписок в *И*, то даже беглое знакомство с их палеографическими особенностями показывает, что они сделаны разными почерками, следовательно, разными читателями, скорее всего, на основании различных письменных летописных источников. Так что нет никаких оснований считать приписки *И* сделанными на основе какого-то единого летописного свода, т. е. Полихрона, согласно А. А. Шахматову, тем более что часть этих приписок датируется 1450 г. Отметим еще, что А. А. Шахматов не исследовал всех приписок, ограничившись только их рассмотрением в рамках ПВЛ.

¹⁴ Заимствованными из «галицкой части» в СИ—НІV следует признать и фрагменты рассказа о битве на Калке 6732 г., не восходящие к НІЛ. В пользу галицкого происхождения этих фрагментов говорит довольно близкое совпадение известия о завещании Мстислава Немого в рассказе СИ—НІV 6732 г. и ИЛ 6734 г.

¹⁵ Шахматов. Обзорение, с. 278—280. Однако А. А. Шахматов считал, что этот общий источник ИЛ и М ограничивался XII в. Такого же мнения придерживался А. Н. Насонов. В настоящее время высказано предположение, что общий источник М и ИЛ переходил за грань XII в. См.: Ю. А. Лимонов. О южнорусском источнике Московского свода 1480 г. — В кн.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963, с. 148—149.

чае можно отождествить с протографом двух рассказов ИЛ — 6742 и 6747 гг.¹⁶

Этот рассказ отсутствует в более ранних летописях, которые мог использовать М (СІ, Троицкая летопись), поэтому считаем, что он взят из источника, общего с ИЛ, но отличающегося от ее оригинала.

М, 6747 г.: «А ивую же рать посла на Чернигов. Пришедше же послании оступиша город в силе тяжце. Слышав же Мстислав Глебович, внук Святослава Ольговичя, нападение иноплеменных на град и приде на нь с вои своими. И бившемся им крепко. Лют бо бе бои у Чернигова, оже и тараны на нь поставиша, и меташа на нь камением полтора перестрела, а камень же яко можаху 4 мужи сильнии подыяти его. Но побежен бысть Мстислав, и множество от вои его избиено бысть, и град взяша и запалиша огнем, а епископа оставиша жива и ведоша и в Глухово и оттоле пустиша и».

Отразилась ли эта южнорусская летопись, кроме М, также и на С—НИУ? Существование общего южного источника свода 1448 г. и протографа М—Е¹⁷ обнаруживается из известия 6668 г., которого нет ни в ИЛ, ни в Лаврентьевской, ни в Троицкой, ни в НИЛ. Очевидно, оно восходит к источнику М—Е, поскольку читается в М в более развернутой форме.

С I—H IV

И бипаса на реце на Жалане. И ту убиша Изяслава Давидовича. И еще ему живу лежашу, приеха над онь Ростислав и Мсьтислав и плакастася, рек: «Брате Изяславе! Се ли ти годе? Мала ти есть Черниговская волость, и Киева к Чернигову хотел еси. И то ти было не годе. И из Белаграда хотел мя еси выгнати».

M—E

И ту паде, лете с коня; еще же ему живу суцу, приехаста над онь Ростислав и Мсьтислав, и нача над ним плакатися Ростислав, река: «Брате Изяславе, се ли ти уже досыти, мало ти было волость Черниговская, оже мя еси ис Кыева выгнал, и того ти не досыти, но и из Белагорода хотел мя еси выгнати». Он же лежав спроси: «Воды, воды пити». И повелеста ему дати вина; он же испив, и ту абие предаст дух.

Подведем итоги. Во-первых, мы убедились в зависимости свода 1448 г. от оригинала ИЛ, как в его «киевской», так и в «галицкой» частях. Во-вторых, обнаружили, что некоторые южные известия СІ—НИУ читаются в более первоначальном виде, чем в ИЛ, потому что частично восходят к южному источнику М—Е.

¹⁶ О том, что часть рассказа 1237 г. ИЛ заимствована из какого-то общерусского свода, писал М. Д. Приселков, — см.: История русского летописания, с. 95.

¹⁷ Признавая существование общего южного (не галицкого) источника у СІ—НИУ и М—Е, мы вправе задать вопрос: случайно ли совпадение датировок в рассказе СІ—НИУ и М—Е о походе татар на Чернигов? Ведь в «галицком» источнике СІ—НИУ, как мы видели, дат не было. На каком основании этот рассказ помещен в СІ—НИУ под 6747 г.? Не потому ли, что под этим годом он читался в общем с М—Е источнике?

А. И. ИВАНОВ

Несколько замечаний по поводу издания нового списка «Судного дела Максима Грека»

Известие о находке в Сибири в 1968 г. нового списка «Судного дела Максима Грека», более древнего (конец XVI в.) и более полного, чем известные до сих пор списки Погодинский (XVII в.) и Барсова (XVIII в.),¹ вызвало живой интерес ученых — историков и литературоведов.

Возникла надежда, что эта находка поможет внести определенную ясность в темное судное дело Максима Грека, которое в ученой литературе до последнего времени служило предметом разногласий.

В то время как одни исследователи склонны были признать справедливыми предъявленные Максиму Греку на соборах 1525 и 1531 гг. тяжкие обвинения политического и церковно-религиозного характера (Макарий, В. С. Иконников, В. И. Дунаев, И. И. Смирнов, И. Б. Греков и И. Денисов), другие — категорически отрицали эти обвинения, — или все полностью, считая их сплошной клеветой враждебно настроенных против Максима судей (Е. Е. Голубинский), или наиболее важные из них, касающиеся политического облика обвиняемого (В. Ф. Ржига, С. Н. Чернов).²

Причиной разногласий было то, что в своих суждениях ученые опирались почти исключительно на материалы «Судного дела Максима Грека», как оно изложено в списках Погодинском и Барсова. Между тем крайняя запутанность, противоречивость и явная тенденциозность содержания дошедшего до нас списка давно уже вызывали сомнение некоторых ученых в подлинности этого документа.

Е. Е. Голубинский считал, что Судный список — не официальные протоколы судебного производства на соборах, а чьи-то частные записи о суде, принадлежащие, вероятнее всего, самому митрополиту Даниилу.³ С. Н. Чернов, специально изучавший текст Погодинского списка, пришел к выводу, что он является копией дефектного экземпляра списка; но ученый не высказывал сомнений в существовании официального архетипа.⁴

¹ См. статью: Н. Н. Покровский. Новое о Максиме Греке. — ВИ, 1969, № 11.

² См. подробно: Н. А. Казакова. 1) Вопрос о причинах осуждения Максима Грека. — Византийский временник, т. XXVIII. М., 1968; 2) Очерки по истории русской общественной мысли. Первая треть XVI века. Л., 1970, с. 7—44, 177—195.

³ Е. Голубинский. История русской церкви, т. II, первая половина тома. М., 1900, с. 712.

⁴ С. Н. Чернов. К ученым несогласиям о суде над Максимом Греком. — В кн.: Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пгр., 1922, с. 52—53.

В последнее время вопросом о судном деле Максима Грека занималась Н. А. Казакова.⁵

В настоящее время, как указано выше, круг источников, относящихся к судебным процессам против Максима Грека, пополнился находкой в Сибири нового, более древнего и более полного судного списка.⁶ К сожалению, вопреки ожиданиям и эта находка не внесла чего-либо существенно важного в дело изучения суда над Максимом Греком. Определенный интерес в смысле исторического значения имеют сопутствующие судному списку материалы сибирской находки: письма о деле Максима Василия III, Даниила, Иоасафа, Макария, сведения об отношении к этому делу Вассиана Патрикеева, «Судный список Исака Собаки 1549 г.». Но эти материалы помогают лишь составить более отчетливое представление об окружающей Максима Грека обстановке и о характере главных причастных к его делу лиц. Что касается самого содержания и хода судебных процессов над Максимом Греком, как они изложены в перечисленных судных списках, то указанные выше материалы не содержат никаких новых важных сведений. Издатель Сибирского списка Н. Н. Покровский после тщательного изучения документа пришел к выводу, что этот памятник, как и ранее известные списки Погодинский и Барсова, не является подлинным официальным протоколом соборов, так как имеет невозможные для официального документа погрешности. Допуская, что Сибирский список опирался на официальные записи соборных заседаний, Н. Н. Покровский отмечает в нем наличие таких ошибок и противоречий, которые заставляют признать его крайне неумелой переработкой официального оригинала и отнести время создания его протографа к 40-м годам XVI в. Оценивая научное значение Сибирского судного списка, издатель его заявляет, что и с появлением этого документа «многие противоречия и недоумения остаются. Мало того, можно сказать, что «судный список» представляется теперь еще более противоречивым памятником, чем раньше».⁷ К таким же заключениям пришла и Н. А. Казакова. Путем текстуального сопоставления Сибирского списка со списками Погодинским и Барсова и на основании других наблюдений она считает возможным утверждать, что Сибирский список не является копией подлинника судных списков Максима Грека. Его архетип представлял собой литературно-публицистическую обработку судных списков, которая была составлена, очевидно, вскоре после второго собора на Максима Грека. . . . Автором обработки было лицо, близкое к митрополиту Даниилу, имеющее доступ к подлинникам судных списков.⁸

Таким образом, все имеющиеся в нашем распоряжении списки «Судного дела Максима Грека» (Погодинский, Барсова и Сибирский), по единодушному утверждению занимавшихся изучением их исследователей (С. Н. Чернова, Н. Н. Покровского и Н. А. Казаковой), не восходят к подлинным судебным протоколам, а представляют собой лишь искажение или свободную их переработку, сделанную во враждебных Максиму Греку иосифлянских кругах и, следовательно, крайне тенденциозную. Указанные выше исследователи не сомневаются в существовании подлинного Судного списка, но, по предположению Н. А. Казаковой, он погиб в начале XVII в. во время польско-литовской интервенции, а по мнению издателей Сибир-

⁵ Н. А. Казакова. 1) О «судном списке» Максима Грека. — Археографический ежегодник за 1966 год. М., 1968, с. 28—35; 2) Вопрос о причинах осуждения Максима Грека, с. 117—125.

⁶ Судные списки Максима Грека и Исака Собаки. Изд. подготовил Н. Н. Покровский. М., 1971.

⁷ Судные списки Максима Грека и Исака Собаки, с. 37—38, 44.

⁸ Н. А. Казакова. Очерки по истории русской общественной мысли, с. 192.

ского списка, документ сгорел во время «великого пожара» в Москве в июне 1547 г.⁹

Мы склонны думать, что подлинных официальных судебных протоколов по делу Максима Грека вообще не существовало. Судилище над Максимом было создано по инициативе митрополита Даниила и построено им на ложных обвинениях и на таких же ложных показаниях, заранее инспирированных, «свидетелей». Что главным и скорее всего единственным инициатором суда над Максимом Греком был митрополит Даниил, ясно из авторитетного свидетельства самого Максима, которому лучше, чем кому-либо другому, было известно, кто являлся истинным виновником его ужасной участи. В своем послании митрополиту Макарию, написанном в середине 40-х годов, Максим, приводя в пример несправедливо пострадавших «древних мужей», заявляет: «Такожде и аз пострадах, пад во гнев несправеднем Даниилове. Да не поставит бог ему грех сей».¹⁰

Чем была вызвана лютая ненависть Даниила к Максиму Греку?

Несомненно, основная причина заключалась в том, что Даниил, возглавлявший после Иосифа Волоцкого партию иосифлян, которая яростно отстаивала неприкосновенность церковных и монастырских земельных богатств вместе с селами, не мог допустить появления на арене русской церковной жизни рядом с Вассианом Патрикеевым нового и еще более грозного обличителя церковных и монастырских стяжаний.

Нестяжательские взгляды Максима Грека проявились в первые же годы пребывания его в России. Он вынес их из наблюдений над жизнью некоторых нищенствующих монашеских орденов на Западе, а также над проведенной на его глазах при Савонароле реформой монастыря св. Марка во Флоренции на началах полного нестяжания и нищеты¹¹ и, наконец, над бытом и порядками афонских монастырей. Эти взгляды Максима нашли отражение в следующих произведениях, написанных им в России до суда 1525 г.: «Повесть страшна и достопамятна и о совершенном иноческом жителства»;¹² «Послание Максима Грека Василию III об устройстве афонских монастырей (1518—1519 гг.)»;¹³ «Сказание инокса Максима ко старцу Вассиану о святой горе жителства»¹⁴ и «Об Афонской горе и тамошних монастырях».¹⁵

Перечисленных сочинений Максима Грека, вполне определенно выражающих нестяжательские воззрения автора, было достаточно для того, чтобы вызвать гнев Даниила и поднять против писателя гонение.¹⁶ Какое важное значение придавалось ссылкам Максима на нестяжательство афон-

⁹ Там же, с. 192—193; Судные списки Максима Грека и Исака Собаки, с. 6.

¹⁰ Послание опубликовано Филаретом (Гумилевским) в качестве приложения к статье «Максим Грек» (Москвитянин, 1842, ч. VI, № 11), по рукописи: ГБЛ, № 264, лл. 37—40 об. (с. 96).

¹¹ F. F. P e r r e n s. Jérôme Savonarole. D'après les documents originaux. Paris, 1856, p. 75—80.

¹² Сочинения Максима Грека, ч. III. Казань, 1862, с. 178—205.

¹³ Текст опубликован Н. В. Сенициной (Византийский временник, т. XXVI. М., 1965, с. 110—136), по списку: ГПБ, Соф., № 1498, лл. 289—305 об.

¹⁴ Сочинения Максима Грека, ч. III, с. 243—245. Сказание было включено в подготовленную Вассианом Патрикеевым новую Кормчую (ГПБ, Ф. II. 74, лл. 351—352).

¹⁵ Сочинение не издано. Находится в рукописях: ГБЛ, Рум., № 264 (XVI в.), лл. 133 об. — 134; ф. 304—Тр. I, № 200 (XVII в.), лл. 13 об.—14; ф. 310 — Унд., № 488 (XVII в.), л. 604—604 об. Н. Н. Покровский без всяких оснований заявляет, что это сочинение не было известно соборам 1525 и 1531 гг. (Судные списки Максима Грека и Исака Собаки, с. 62, прим. 1).

¹⁶ Попытка Н. А. Казаковой отнести к раннему дособорному периоду сочинение Максима Грека «Инокса Максима слово душеполезно zelo внимающим ему: Беседает ум к души своей, в нем же и на лихонство» не имеет прочных оснований (Н. А. К а з а к о в а. Очерки по истории русской общественной мысли, с. 166—168).

ских монастырей, видно из того, что Даниил и Досифей на суде прямо указывали на эти ссылки и в опровержение их приводили в качестве доказательства житие Саввы, архиепископа сербского, и принесенные с Афона грамоты прежних государей, в которых говорилось о дарении греческим монастырям сел.¹⁷ Но в указанных документах речь шла о дарениях греческим монастырям земель и сел за пределами Афона, чего Максим Грек не считал нужным касаться в своих сочинениях об афонских монастырских порядках. На самом же Афоне монастырских сел с зависимым населением действительно никогда не существовало.

Помимо принципиальных расхождений по вопросу о монастырских имениях, у митрополита Даниила имелись мотивы личного характера для неприязненных отношений к Максиму Греку.

Как свидетельствует сам Максим, Даниил трижды обращался к нему с просьбой перевести на русский язык «Церковную историю» Феодорита, но Максим отказался, опасаясь, что подробно изложенные в ней мнения еретиков Ария и Македония могут «звести в соблазн» простых читателей. Этим отказом он так обидел Даниила, что последний припомнил ему свою обиду на судебном процессе.¹⁸ Несомненно, немалую роль сыграли в неприязни Даниила к Максиму Греку и обличения последним пороков высшего русского духовенства — вначале устные, а позже и письменные, тем более что некоторые из обличений Даниил имел основания относить лично к себе.¹⁹ Наконец, одним из важных поводов к преследованию Максима послужила критика им, в связи с возведением на митрополичью кафедру Даниила (1522), порядка поставления русских митрополитов,²⁰ о чем подробно будет сказано ниже.

Таким образом, было достаточно причин для того, чтобы возбудить в Данииле ненависть к Максиму Греку и посадить его на скамью подсудимых. Но здесь возникает вопрос, что побудило великого князя Василия III отдать Максима Грека, к которому он прежде благоволил, в руки церковного суда.

В русской историографии конца XVIII—середины XIX в. господствовало мнение, что причиной опалы Максима Грека было его противодействие разводу и второму браку Василия III.²¹ После опубликования в 1847 г. Судного списка Максима Грека это мнение было отброшено, и исследователи, опираясь на данные судебного дела, стали выдвигать другие причины осуждения Максима. Однако в последнее время решительным сторонником старой версии о связи развода Василия III с осуждением Максима Грека выступил А. А. Зимин. Объединив вопрос об отрицательном отношении Максима Грека к разводу Василия III с вопросом о политических взглядах ученого Грека, А. А. Зимин утверждает, что Максим Грек был враждебно настроен как по отношению ко второму браку московского князя, так и к его внешней и внутренней политике.

¹⁷ Судные списки Максима Грека и Исака Собаки, с. 113.

¹⁸ Сочинения Максима Грека, ч. II. Казань, 1860, с. 372—373; см.: «Инок Максим Грека послание о смирении к бывшему митрополиту Даниилу, уже извержену» (с. 367—376). Об этом факте столкновения между Максимом и Даниилом в «Судебном деле» нет упоминаний.

¹⁹ Так, например, в сочинении «...слово душеполезно зело внимающим ему: Беседует ум к души своей, в нем же и на лихоимство» Максим перечисляет такие пороки высшего иерарха, которые могли быть отнесены в первую очередь к митрополиту Даниилу (Сочинения Максима Грека, ч. II, с. 39—44). Сочинение скорее всего написано после суда, но в нем изложены мысли, которые Максим высказывал несомненно до судебного процесса.

²⁰ Сочинения Максима Грека, ч. III, с. 154—156.

²¹ См.: Н. А. К а з а к о в а. Очерки по истории русской общественной мысли, с. 7—11, 177.

Ввиду того что суждения А. А. Зимина по указанным вопросам нам кажутся недостаточно обоснованными, мы считаем необходимым кратко остановиться на них.

А. А. Зимин считает Максима Грека одним из виднейших участников оппозиции второму браку Василия III. В доказательство он тщательно выписывает родословную тех лиц, которые так или иначе соприкасались с Максимом Греком или были известны ему. Но все эти генеалогические изыскания не могут служить доказательством отрицательного отношения Максима Грека ко второму браку московского князя. Мало убедительными являются и ссылки А. А. Зимина на некоторые исторические источники («История о великом князе Московском» Курбского, «Выпись о втором браке Василия III»), так как тенденциозность и недостоверность изложенной в этих источниках версии о противодействии второму браку Василия III Вассиана Патрикеева и Максима Грека не подлежат сомнению.²² На какие же данные конкретно опирается в своих утверждениях об отрицательном отношении Максима ко второму браку Василия III А. А. Зимин? На этот вопрос он сам отвечает следующим образом: «Взгляды Максима по вопросу о разводе Василия III могут быть восстановлены только по косвенным свидетельствам — по близости к Сабуровым и по взглядам Вассиана».²³ Если вспомнить, что Максиму Греку в какой-то степени (возможно, весьма отдаленной) был знаком только один из Сабуровых, дальний родственник Соломонии, ее двоюродный брат Иван Данилович, то опора для заключений А. А. Зимина окажется весьма шаткой. Здесь, кстати, нельзя не отметить и еще одного предположения А. А. Зимина: «Выступая из канонических соображений, — пишет он, — против предполагавшегося развода Василия III, Максим Грек и его окружение тем самым отстаивали права Юрия Дмитровского на московский престол». А в примечании к этому утверждению он говорит: «О связях Максима Грека с князем Юрием у нас сведений нет».²⁴

Наконец, по нашему мнению, является ошибочным основное положение А. А. Зимина о выступлении Максима Грека против развода и второго брака Василия III «по каноническим соображениям». Церковные каноны разрешают не только второй, но и третий брак при живой жене после развода при известных обстоятельствах (сумасшествие жены, измена, бесплодие). Как известно, Соломония обвинялась в бесплодии. Церковь налагала только на второбрачных и третьобрачных более или менее строгую епитимию (покаяние).²⁵ Максим Грек, конечно, знал церковные правила по вопросу о браке, а потому не мог вмешаться в дело о разводе и втором браке Василия III по каноническим соображениям. В основе борьбы против этого брака лежали политические мотивы, к которым Максим Грек не был причастен.

Рассмотрение вопроса о политических обвинениях, предъявленных Максиму на следствии и суде, А. А. Зимин начинает с заявления, что после обстоятельного исследования Н. А. Казаковой²⁶ материалы «Суд-

²² Там же, с. 115—120.

²³ А. А. Зимин. 1) Максим Грек и Василий III в 1525 г. — Византийский временник, т. XXXII. 1971, с. 80; 2) Россия на пороге нового времени. М., 1972, с. 293. В книге добавлено: «... и по рассказу „Выписи о втором браке“» (сомнительная ценность этого документа отмечена нами выше).

²⁴ А. А. Зимин. Максим Грек и Василий III в 1525 г., с. 70.

²⁵ Обзор постановлений о браке в православной церкви. — Православный собеседник, Казань, 1859, чч. II—III, с. 140—145, 329—347; Епископ Никодим (Дальский). Православное церковное право. Перевод с сербского М. Г. Петровича. СПб., 1897, с. 634—646. Указаны все церковные постановления о браке.

²⁶ Н. А. Казакова. Вопрос о причинах осуждения Максима Грека. — Византийский временник, т. XXVIII, с. 109—126; т. XXIX. М., 1968, с. 108—134.

ного дела Максима Грека» могут привлекаться с очень большой осторожностью. Но в дальнейшем автор опирается на другой памятник сходного типа — отрывок из следственного дела Берсеня Беклемешева. А. А. Зимин утверждает, что как Берсень, так и Федор Жареный были привлечены к суду по доносу Максима Грека. Последний стал и главным свидетелем обвинения по делу Берсеня. «Максим Грек, — пишет А. А. Зимин, — вероятно, надеялся, что он, как иноземец, обладает известным иммунитетом, который он решил подкрепить еще доносом на И. Н. Берсеня и тем самым вызвать признательность со стороны властей. Но он не знал, что гнев Василия III (и тем более — митрополита Даниила) направлен был прежде всего по его адресу, а Берсень оказался втянут в судебное разбирательство как бы между делом. Игра Максима Грека была проиграна еще до того, как она началась».²⁷ То же самое А. А. Зимин повторяет и в своей монографии, прибавив, что Максим Грек — «человек сомнительной моральной чистоты».²⁸

По поводу высказываний Берсеня (переданных Максимом) о вредном влиянии на русские порядки Софьи Палеолог А. А. Зимин пишет: «...выпячивая в рассказе Берсеня антигреческую тему, Максим Грек как бы стремился отделить себя от своего прежнего друга и представить себя вполне благонадежным человеком».²⁹ Касаясь в другом месте беседы Максима Грека с Берсением о русско-турецких отношениях, А. А. Зимин заявляет: «В данном случае, может быть, покривил душою Максим Грек, передавая смысл своей беседы с Берсением. Обвиняя своего старого приятеля в недружелюбном отношении к Турции (как и в брани по адресу Василия III), Максим Грек мог просто надеяться, что ему удастся утопить Берсеня, а самому выйти сухим из воды».³⁰ В итоге автор приходит к выводу, что «в своих показаниях Максим Грек старался представиться вполне лояльным человеком, стремясь всю вину за крамольные беседы возложить на Берсеня».³¹

Нам кажется, что такой метод использования сомнительных материалов нельзя признать обоснованным. Не следовало бы забывать, что сохранившийся отрывок следственного дела Берсеня и Максима Грека, которым автор пользовался, представляет собой черновую запись допросов, имеющую многочисленные исправления.³² Характер исправлений не вызывает сомнений в том, что как текст следственного дела, так и внесенные в него поправки принадлежат лицам из враждебного Максиму митрополичьего лагеря.³³ Для примера достаточно привести две выдержки из следственных записей. В том месте, где говорится о жалобах Берсеня и Максима на жестокость великого князя, вычеркнуто из текста следующее показание Максима: «Да Максим же говорил: истинну, господине, вам скажу, что у меня в сердце, ни от кого есмь того не слышал и не говаривал ни с кем, а мнением есмь своим держал в сердце; вдовицы плачут, а пойдет государь

²⁷ А. А. Зимин. Максим Грек и Василий III в 1525 г., с. 66, 71, 77.

²⁸ А. А. Зимин. Россия на пороге нового времени, с. 278—279.

²⁹ А. А. Зимин. Максим Грек и Василий III в 1525 г., с. 74.

³⁰ Там же, с. 75.

³¹ Там же, с. 76—77.

³² Отрывок издавался трижды: ААЭ, т. I. СПб., 1836, № 172, с. 141—145; Сборник князя Оболенского, № 3. М., 1838, с. 1—15; Библиотека для чтения, т. XXI. СПб., 1837, Отдел «Критика», с. 51—63. В последнем издании документ опубликован под заглавием: «Следственное дело Максима Грека», с добавлением в конце: «Отдельные листки, черновые, того же Следственного дела. Сказка Максима Грека», с. 59—61.

³³ С. Н. Чернов подробно рассматривает имеющиеся в сохранившемся отрывке следственного дела Берсеня и Максима исправления, — см.: С. Н. Чернов. Заметки о следствии по делу Максима Грека. — В кн.: Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности акад. А. С. Орлова. Л., 1934, с. 465—474.

к церкви, и вдовицы плачют и за ним идут, и они их бьют; и аз за государя молил бога, чтобы государю бог на сердце положил и милость бы государь над ними показал». ³⁴ Там, где речь идет об очной ставке Берсения с Максимом, в записях прибавлено: «И Максим на Берсения очи на очи говорил те же речи, что и в списке написаны». ³⁵

Понятно, что такого рода документ не может служить вполне надежной опорой при суждении о политических взглядах Максима Грека и требует критического отношения к себе.

Максим Грек был привлечен к суду не великим князем Василием III, а митрополитом Даниилом. Но по церковным канонам Максим Грек был подсуден главе той церкви, к которой он принадлежал, т. е. константинопольскому патриарху. Об этом он сам заявлял в своем «Исповедании православной веры»: «Весте бо и сами добре устав великаго первого собора Никейского, яко крепко заповедует вездесущим преосвященным святителям не судити отнюдь кроме своих предел и области, но всякому ведати своя область. Аще убо или добр аз и прав есмь о православной вере, или развратен, судилищу и разсуду вселенского патриарха повинен есть, а не святителю благоверных русских земли; грек бо аз и в гречестей земли и родився, и воспитан, и постригся в иноки. Сего ради и греческия земли святителем повинен есмь по божественным правилам и уставом святых собор». И дальше Максим заявляет, что, если он в каком-либо злом умысле повинен перед великим русским князем, как стараются доказать его враги, то он готов принять казнь. ³⁶ Кроме того, по тем же канонам духовное лицо, которому предъявлено обвинение церковно-религиозного характера, имеет право в течение года представить доказательства своей невинности и только при отсутствии таковых предается суду. ³⁷ Все это не устраивало Даниила. Чтобы посадить на скамью подсудимых и вернее погубить Максима, враги его во главе с митрополитом решили предъявить ему ряд тяжких политических обвинений, использовав его знакомство с некоторыми лицами из боярско-служилой среды, действительно отрицательно настроенными к проводимой в то время правительством внешней и внутренней политике. Таким образом, Максим Грек был привлечен вначале как государственный преступник и втянут в следственное дело Берсения—Беклемишева и Федора Жареного. Этим путем Даниилу удалось навлечь на Максима опалу великого князя со всеми ее последствиями. Максим оказался на положении подсудного не только церковному, но и светскому суду, что развязывало руки митрополиту Даниилу. Так организованы были беспрецедентные в церковной практике судебные процессы против Максима Грека, когда освященные соборы творили суд одновременно и по политическим, и по церковно-религиозным преступлениям, которые предъявил Максиму Греку главный обвинитель митрополит Даниил. Что касается роли великого князя, то она была пассивной. Василий III в середине 20-х годов XVI в. порвал с нестяжателями и подпал под влияние иосифлян, во главе которых стоял митрополит Даниил. Последний являлся теперь опорой великого князя во всех его предприятиях. Естественно, что Василий III всецело доверил своему духовному отцу дело Максима Грека, подкрепляя своим авторитетом все решения Даниила, как это видно из писем, посланных митрополитом и великим князем в Волоколамский монастырь с извещением об осуждении Максима на со-

³⁴ Сборник князя Оболенского, № 3, с. 10; ААЭ, т. I, № 172, с. 142, прим. 1.

³⁵ ААЭ, т. I, № 172, с. 143, прим. 7.

³⁶ Сочинения Максима Грека, ч. I. Казань, 1859, с. 36—37.

³⁷ Правило 79 Карфагенского собора. — Правила православной церкви с толкованиями епископа Никодима, т. II. СПб., 1912, с. 230—231.

боре 1525 г. и с предписанием волоколамскому начальству держать его в заточении в полной изоляции от внешнего мира.³⁸

Итак, инициатором и главным виновником суда над Максимом Греком был митрополит Даниил. Привлекая Максима к суду, Даниил принял все меры к осуждению подсудимого. Чтобы усилить свои позиции на соборе, он произвел предварительную чистку среди иерархов. На место сочувствующих нестяжателям епископов и архимандритов он назначил близких ему лиц из среды иосифлян.³⁹ Вместе с тем заранее были подобраны и соответствующим образом подготовлены лжесвидетели. При такой организации соборного суда над Максимом Греком вести официальные, подробные и точные протоколы судопроизводства для инициаторов суда было рискованно. Поэтому формальная сторона судебных процессов 1525 и 1531 гг. свелась, как справедливо указывал еще Е. Е. Голубинский, к частным записям, составленным писцами Даниила в его канцелярии и под его диктовку. Эти записи не имели характера официального документа и не предназначались, да и не могли предназначаться, для широкого употребления. Они хранились тайно в казне митрополита и только через некоторое время после соборов, скорее всего — после смерти Даниила (1539 г.), были литературно обработаны, причем крайне неумело, и собраны в единый свод «Судного дела Максима Грека». Эта обработка и явилась архетипом всех дальнейших известных нам судных списков.⁴⁰

После обстоятельного изучения и исчерпывающей оценки сохранившихся судных списков названными выше учеными — Н. Н. Покровским и, особенно, Н. А. Казаковой — едва ли необходима и даже возможна какая-либо дискуссия относительно научного значения этих памятников как исторических источников. По заключению большинства исследователей, «судное дело Максима Грека», как оно изложено в дошедших до нас списках, представляет собой сплошное нагромождение противоречий, явных несообразностей и клеветнических измышлений. Так, касаясь некоторых выдвинутых на суде обвинений против Максима, Н. Н. Покровский справедливо заявляет, что «специфическая логика обвинений состояла в том, чтобы доказать недоказуемое, настоять на заведомо абсурдном».⁴¹

Вполне понятно, что на основании такого рода материалов строить какие-либо категорические суждения или выводы о взглядах и поступках Максима Грека совершенно невозможно. Каждый вопрос, возникающий в связи с судным делом, требует дополнительной документальной проверки. И самым надежным критерием в данном случае могут служить сохранившиеся сочинения Максима Грека.

Впервые применил плодотворный прием проверки сомнительных материалов судного дела Максима Грека путем привлечения произведений писателя В. Ф. Ржига. В своем очерке, посвященном вопросу об отношении Максима Грека к внешней политике русского правительства, он широко использовал публицистическое наследие Максима и пришел к выводу, что творчество этого выдающегося культурного деятеля свидетельствует о его глубокой преданности интересам России и что все обвинения,

³⁸ Судные списки Максима Грека и Исака Собаки. с. 50—53, 121—125.

³⁹ А. А. Зимин. Максим Грек и Василий III в 1525 г., с. 78.

⁴⁰ Такого мнения придерживается в сущности и Н. Н. Покровский. «„Судный список“ соборов 1525 и 1531 гг., — пишет он, — создавался в качестве своеобразного функционального заместителя подлинных судебных протоколов и был призван выполнять их роль» (Судные списки Максима Грека и Исака Собаки, с. 89).

⁴¹ Там же, с. 64.

предъявленные ему на следствии и суде, во враждебных России сношениях с Турцией являются клеветой.⁴³

В последнее время метод привлечения источников, и в первую очередь — литературного наследия Максима Грека, для проверки материалов его судебных процессов широко применила Н. А. Казакова в своих работах, посвященных вопросу о причинах его осуждения.⁴³ Это позволило автору прийти к следующему, вполне обоснованному, бесспорному выводу: «Весь тот ассортимент разнообразных обвинений, который был предъявлен Максиму на судебных процессах: ересь, отрицание русских богослужебных книг, осуждение поставления митрополитов на Москве, порицание русских чудотворцев, изменнические сношения с Турцией, враждебное отношение к России, к русскому правительству, волхование против великого князя и другие, — был создан организаторами процессов с помощью лжи и клеветы. Все эти обвинения не соответствовали действительности. Основной причиной осуждения Максима Грека на соборах 1525 и 1531 гг. служили его обличения вотчинных прав и стяжания монастырей и церкви и вопиющих пороков высшего духовенства и монашества.⁴⁴

Вполне соглашаясь с основными доводами и выводами Н. А. Казаковой, мы хотели бы, однако, сделать несколько дополнительных замечаний по некоторым пунктам. К этому нас побуждает желание внести полную ясность в вопрос о судебном деле Максима Грека.

На первое место из предъявленных Максиму обвинений. Н. А. Казакова ставит «осуждение Максимом поставления русских митрополитов без санкции константинопольского патриарха».⁴⁵ Как и все предшествующие исследователи, она считает это обвинение вполне справедливым и относит его к числу политических «вин» Максима. В качестве доказательства она ссылается на сочинение Максима Грека, которое озаглавлено: «Сказание ко отрицающимся на поставлении и кленущимся своим рукописанием русскому митрополиту и всему священному собору, еже не принимати поставления на митрополию и на владычество от римского папы латынския веры и от царьградского патриарха аки во области безбожных турок поганого царя, и поставленного от них не принимати».⁴⁶

По мнению Н. А. Казаковой, здесь Максим дал теоретическое обоснование своему отрицательному отношению к независимости русской церкви от константинопольского патриарха. Правильно ли такое понимание? По нашему мнению, в самом заглавии указанного сочинения сквозит другая мысль.

Известно, что после Флорентийской унии (1439 г.) и особенно после пленения Царьграда агарянами (1453 г.) в московских светских и церковных кругах укрепилась мысль, что на греческом востоке истинное христианство «нарушилось». Получила широкое распространение и признание теория — «Москва — третий Рим», по которой православие переместилось с Востока на «богохранимую» Русь и центром всего христианства стала Москва. В Москве считали, что в результате турецкого завоевания Царьград потерял значение хранителя и защитника вселенского православия, а царьградский патриарх под властью «поганого царя» утратил силу и святость священства, а следовательно, и право поставлять других (архиереев)

⁴³ В. Ф. Р ж и г а. Опыты по истории русской публицистики XVI в. Максим Грек как публицист. — ТОДРЛ, т. I. Л., 1934, с. 86—95.

⁴³ Н. А. Казакова. Вопрос о причинах осуждения Максима Грека. — Византийский временник, т. XXVIII, с. 109—126; т. XXIX, с. 108—134; Очерки по истории русской общественной мысли, с. 155—244, гл. IV — «Максим Грек».

⁴⁴ Н. А. Казакова. Очерки по истории русской общественной мысли, с. 240—243.

⁴⁵ Там же, с. 196.

⁴⁶ Сочинения Максима Грека, ч. III, с. 154—156.

и раздавать благословения. Был случай, на который ссылался Максим, когда великий князь отказался принять благословение от царьградского патриарха, переданное через приехавшего из Константинополя архиепископа Григория, а митрополит Даниил даже не принял Григория, благословив его через порог.⁴⁷ Особенно наглядно проявилось отрицательное отношение русских церковных кругов к константинопольскому патриарху в том, что в обещательные грамоты вновь поставляемых русских митрополитов и архиереев была внесена (с 1475 г.) особая формула, где поставляемый клятвенно отрицал каноническое значение поставлений как от римского папы, так и от константинопольского патриарха и давал обещание не принимать поставленных от них архиереев.⁴⁸

Здесь, как мы видим, поставление от константинопольского патриарха, находящегося под властью «поганого царя», приравнивается к поставлению от римского папы латинской веры и тем самым объявляется неканоническим и недопустимым. Против такого взгляда на главу греческой церкви и выступил Максим Грек в своем «Сказании ко отрицающимся на поставлении и кленущимся своим рукописанием», которое он написал в связи с поставлением на московскую митрополичью кафедру Даниила, когда впервые ознакомился с упомянутой выше формулой. Максим высказывает в «Сказании» ту ясную мысль, что если отказ от поставления римского папы «аки отпадша лика православных архиереев» является правильным, то этого нельзя сказать об отказе принимать поставления от константинопольского патриарха, хотя он и находится под властью «поганого царя». Власть неверных не может нарушить «чистоты православия» и лишить царьградского патриарха иерархической благодати. В доказательство Максим ссылается на древнюю церковь, которая до Константина Великого на протяжении 300 лет находилась под властью нечестивых царей, но не осквернилась, а «сияла, яко солнце, посреде нечестия». Здесь же Максим дополнительно отмечает, что патриарх получает силу благодати священства непосредственно от бога, а не от царя.

Таким образом, основная мысль «Сказания», как признала и сама Н. А. Казакова, сводилась к утверждению, что чистота церкви и священства не оскверняется фактом подчинения неверным.

Та же мысль о неосквернении святых в результате иноверного завоевания проводится Максимом Греком и в другом его сочинении — «Сказание о том, яко не оскверняются святая николиже, аще и многа лета обладаеми суть от поганых»,⁴⁹ в котором он опровергает мнение какого-то старца, что старый Иерусалим «сделался непотребным», поскольку много лет им владеют сарацины, и потому Иерусалимом должна называться Москва.

Но ни в приведенных выше сказаниях, ни в одном из других своих произведений Максим Грек не делает и намек на то, что он осуждает независимость русской церкви от константинопольского патриарха и считает поставление русских митрополитов собором русских епископов неканоническим. Максим осуждал русских иерархов за то, что они, вопреки церковным канонам, отказываются от иерархического общения с греческим патриархом и не оказывают ему подобающей чести как утратившему все преимущества первоиерарха в силу агарянского пленения.

Исследователи (в том числе и Н. А. Казакова), считавшие, что Максим Грек выступал против независимости русской церкви от константинопольского патриарха, допускали неправильное понимание слова «поставле-

⁴⁷ Судные списки Максима Грека и Исака Собаки, с. 119.

⁴⁸ Е. Г о л у б и н с к и й. История русской церкви, т. II, первая половина тома, с. 695.

⁴⁹ Сочинения Максима Грека, ч. III, с. 156—164.

ние», употребленного Максимом в «Сказании». В греческой и русской церквях это слово применялось в двойном смысле: в смысле избрания и в смысле возведения на кафедру по установленному церковному чину (интронизация). По церковным канонам право поставления главы церкви (патриарха или митрополита) в том и другом смысле должно принадлежать собору архiereев без всякого вмешательства извне. Но в условиях византийского абсолютизма это право редко соблюдалось. В Византии в большинстве случаев патриарха избирали (назначали) из числа угодных им лиц императоры, которые почитали себя, по словам византийского историка Никиты Хониата, «богодуховенными руководителями церкви», «непогрешимыми судьями дел божественных и человеческих». ⁵⁰

Так, Михаил III низложил неугодного ему патриарха Игнатия (857 г.) и поставил (избрал) на его место из мирян Фотия. Роман I Лекапин отстранил от патриаршества Трифона и поставил патриархом своего младшего несовершеннолетнего (16 лет) сына Феофилакта (933 г.). Примеры вмешательства императоров в дело избрания патриархов в Византии были многочисленны. В этих случаях за собором епископов оставалось лишь право интронизации — возведения на патриаршую кафедру избранного императором кандидата по церковному чину, хотя собор обыкновенно старался соблюсти формально и предварительную церемонию избрания. ⁵¹

До середины XV в. (до 1448 г.) правом поставления русских митрополитов и в смысле избрания, и в смысле интронизации пользовались константинопольские патриархи, под юрисдикцией которых находилась русская церковь. Но так как сами патриархи всецело подчинялись власти императора, то поставление митрополитов на Руси совершалось с полного согласия и часто по прямому указанию последнего. Естественно, что ставленники Царьграда на русском митрополичьем престоле являлись проводниками на Руси провизантийской политики. ⁵²

После завоевания Византии турками верховная власть над греческой церковью перешла к турецкому султану, а вместе с тем — и право вмешательства в поставление патриархов. И хотя права греческого духовенства и патриарха определялись особыми султанскими грамотами, так называемыми баратами, в действительности эти права постоянно нарушались. Султаны низлагали и избирали патриархов по своему усмотрению. Какой произвол царил в этом отношении, можно видеть на примере патриарха Кирилла Лукариса (1621—1638 гг.), который 7 раз низлагался и снова возводился на престол и после восьмого низложения в 1638 г. по приказу султана был удушен, а труп его брошен в воды Босфора.

Вполне понятно, что вся деятельность патриархов, особенно в области внешних сношений, строго контролировалась турецким правительством. Если бы теперь константинопольские патриархи пожелали сохранить свою власть над русской церковью и поставлять на Русь своих митрополитов, то они могли осуществлять это только с согласия и одобрения турецких властей и направлять в Россию только угодных султану кандидатов, готовых проводить в Москве протурецкую политику.

Мог ли Максим Грек в таких условиях выступать в защиту подчинения русской церкви Царьграду и поставления оттуда русских митрополитов?

⁵⁰ Никиты Хониата История, т. I. СПб., 1860, с. 271; т. II. СПб., 1862, с. 122—123.

⁵¹ Проф. П. Соколов. Избрание патриархов в Византии с половины IX до половины XV века (843—1453 гг.). СПб., 1907.

⁵² Интересный вопрос о роли поставляемых на Русь царьградским патриархом митрополитов во взаимоотношениях Византии и Древней Руси остается недостаточно изученным.

Допускать подобную мысль было бы абсурдом. Сами константинопольские патриархи не считали возможным теперь претендовать на подчинение им русской церкви и на поставление (избрание) на Русь своих митрополитов.

Русская церковь уже около столетия (с 1448 г.) самостоятельно, без согласия константинопольского патриарха, ставила своих митрополитов, и никто на Востоке, в том числе и патриархи царьградские, не только не протестовали против установившегося порядка, но стремились поддерживать хорошие отношения с русской церковью. Об этом свидетельствуют все сохранившиеся послания на Русь константинопольских патриархов и других иерархов Востока.⁵³ Так смотрел на русскую церковь и ее предстоятелей и Максим Грек. В его обращениях к русским иерархам нет ни малейшего намека на какое-либо пренебрежение к ним, как не имеющим канонического достоинства. Даже своего гонителя митрополита Даниила после его низложения (1539 г.) Максим продолжал именовать «священнейший отче и владыко» и смиренно умолял: «. . .развори многолетное твое, еже на мя, негодование и покажи ко мне бедному священную любовь».⁵⁴ Но просьба Максима о примирении не имела успеха. Можно ли после этого допустить, чтобы Максим Грек повосил митрополита, великого князя и весь русский церковный клир как еретиков, сравнивая их с Иудой, и объявлял достойными проклятия? Все обвинения, предъявленные в связи с этим на суде Максиму лжесвидетелями Афанасием Греком, Феодором и Арсением Сербиной, о приверженности его к Флорентийской унии, о восхвалении им православных взглядов униата Исидора и другие являются очевидной клеветой.

Но, спрашивается, о каком же «поставлении» русских митрополитов (и епископов) константинопольским патриархом писал Максим Грек в своем «Сказании», а возможно, и говорил устно?

Несомненно, он имел в виду поставление в смысле интронизации, возведения в соответствующий иерархический сан по церковному чину. Это поставление имело чисто ритуальный характер и ни в какой мере не связано с вопросом об административном подчинении. На Востоке во все времена наблюдались случаи, когда глава той или иной автокефальной церкви принимал поставление в смысле интронизации от предстоятеля другой церкви, чаще всего — от константинопольского патриарха, не теряя своей независимости. Рассуждения Максима Грека о поставлении русских митрополитов константинопольским патриархом (в смысле интронизации) имели к тому же чисто теоретический характер и не предусматривали безусловной обязательности такого поставления.

Некоторые исследователи (И. Денисов, Б. И. Дунаев), доверяя материалам «Судного дела», задавались вопросом: какие побуждения лежали в основе выступлений Максима против независимости русской церкви от константинопольского патриарха, и пришли к выводу, что в данном случае Максим Грек действовал как агент константинопольского патриарха — прибыл в Россию с поручением втянуть русских в войну с Турцией для освобождения Греции и добиться восстановления юрисдикции константинопольского патриарха над русской церковью.

Несостоятельность такого взгляда довольно убедительно выявлена Н. А. Казаковой.⁵⁵ Мы добавим здесь еще одно соображение. После завершения перевода Толковой Псалтыри, для чего он и вызван был в Россию,

⁵³ А. Н. Муравьев. Сношения России с Востоком по делам церковным. СПб., 1858.

⁵⁴ Сочинения Максима Грека, ч. II, с. 369, 373.

⁵⁵ Н. А. Казакова. Очерки истории русской общественной мысли, с. 199—203.

Максим Грек настойчиво просит Василия III отпустить его на Афон, где иноки Ватопедского монастыря с нетерпением ожидают его возвращения.⁵⁶ Если бы он имел указанные выше агентурные поручения, то не только не стремился бы возвратиться на Афон после кратковременного пребывания в России (полтора года), но постарался бы всячески задержаться в Москве, чтобы воздействовать на правительство и церковные круги в желаемом направлении, тем более что после перевода Псалтыри он приобрел большую благосклонность великого князя и митрополита Варлаама.

Итак, Максим Грек выступал не против самостоятельного поставления собором русских епископов своего митрополита, а против крайне оскорбительного отношения русских церковных кругов к константинопольскому патриарху, наиболее наглядно выраженного в указанной выше клятвенной формуле. Его целью было доказать неоскверненность православной греческой церкви, несмотря на факт подчинения ее неверным, и восстановить сильно пошатнувшийся в глазах русских людей после падения Царьграда авторитет константинопольского патриарха. Эта основная цель Максима была искажена намеренно его обвинителями и неправильно истолкована позднейшими исследователями.

Совершенно излишне касаться всех прочих обвинений политического и религиозно-догматического порядка в адрес Максима Грека. Все они рассмотрены Н. А. Казаковой с исчерпывающей полнотой и вполне беспристрастно. Мы отметим только одно заслуживающее внимания обстоятельство. В официальных документах, касающихся осуждения Максима, обычно упоминаются лишь религиозно-догматические обвинения, и то не все. Так, митрополит Даниил в своем письме в Иосифов монастырь, извещающем начальников монастыря о соборном суде над Максимом 1525 г., ссылается на «Хульное учение» Максима о «мимошедшем седении Христа одесную отца» и на его отрицательное отношение к поставлению русских митрополитов без согласия константинопольского патриарха. О всех остальных обвинениях Даниил умалчивает, ограничиваясь заявлением, что осужденный «исполнен множайшего демонского нечестия, и ереси, и пагубы».⁵⁷

В соборном списке митрополита Макария от 1549 г. об отлучении от священства Исака Собаки перечисляются две указанных выше «вины» Максима Грека и, кроме того, его «хульные строки» в переводе Метафрастова жития пресвятой Богородицы и порицание стяжательской деятельности монастырей. При этом митрополит Макарий утверждает, что все эти материалы он извлек из найденного в царской казне якобы подлинного соборного «списка Даниила» о ереси Максима Грека.⁵⁸ Такое выделение в важных официальных документах лишь нескольких (4) пунктов из обширной серии предъявленных Максиму Даниилом обвинений на судебных процессах нельзя признать случайным. Только по этим пунктам, не имеющим по существу криминального характера, обвинители Максима располагали какими-то конкретными данными, которые они могли использовать для привлечения его к суду, пустив при этом в ход ложные истолкования и клеветнические домыслы.

Итак, вновь найденный в Сибири и опубликованный «Судный список Максима Грека» не вносит чего-либо существенно нового в вопрос о «Судном деле Максима Грека». Он только более наглядно подчеркивает ту несомненную истину, установленную беспристрастными исследователями

⁵⁶ Сочинения Максима Грека, ч. II, с. 317—318.

⁵⁷ Судные списки Максима Грека и Исака Собаки, с. 121—122.

⁵⁸ Там же, с. 125—129.

на основании прежних материалов, что судебное дело против Максима Грека было создано митрополитом Даниилом и построено на ложных клеветнических обвинениях и ложных показаниях послушных Даниилу свидетелей. Естественно, что после суда над Максимом в дальнейшем нигде не встречается даже упоминания об этом скандальном процессе. Мы нигде не находим и намека на то, чтобы кто-нибудь из современников Максима Грека отозвался о нем как о государственном преступнике и еретике. Наоборот, после суда авторитет и слава Максима Грека непрерывно растут. Его произведение получают все более широкую известность и распространение. Их читают все «книжные люди» на Руси и даже представители высшей церковной и светской власти — митрополит Макарий и царь Иван IV. Максим Грек ведет с ними переписку, дает им советы.

В пользу Максима раздаются авторитетные голоса с православного Востока. За него ходатайствует Ватопедская обитель, откуда он был вызван на Русь в 1518 г. для переводческой деятельности. В 1544 г. константинопольский патриарх Дионисий, извещая московского царя о своем избрании, настойчиво просит его от себя лично, от иерусалимского патриарха Германа и от избравшего его собора епископов отпустить инока Максима на Афон, чтобы он мог быть погребен на месте своего пострижения.⁵⁹ В 1845 г. в Москву была прислана грамота престарелого александрийского патриарха Иоакима, в которой в весьма энергичной форме выражалось требование освободить Максима от темничных уз и вернуть его на Афон. Патриарх гневно осуждал царя в неправильном задержании Максима и незаконном осуждении его. В качестве причины осуждения в грамоте назывались «действие дьявольское» и «козни злых челоуков» и подчеркивалось, что для этого осуждения не было никаких оснований, так как Максим не являлся ни злоумышленником, ни еретиком.⁶⁰

Можно с уверенностью сказать, что возрастающий авторитет Максима Грека после суда и общее убеждение современников в его невинности уже в 40-х годах XVI в. ставили перед высшей церковной властью вопрос о пересмотре судебного дела. Но эта проблема, как справедливо замечает Н. Н. Покровский, была довольно сложной и щекотливой.

Во-первых, для оправдания Максима Грека требовался созыв нового освященного собора, что сделать было нелегко, так как в правящих кругах церкви по-прежнему господствующее положение занимали иосифляне. Во-вторых, оправдание Максима означало бы осуждение Даниила и его соборов 1525 и 1531 гг. и, следовательно, признание неканоничности действий русской церкви, тем более что Максим Грек, как отмечалось выше, заявлял о своей неподсудности суду русских иерархов. В-третьих, при новом царе Иване IV правительство снова намеревалось поставить вопрос о церковно-монастырских землевладениях. В этих условиях оправдание Максима Грека как вождя русских нестяжателей было опасно для имущественных интересов церкви. В-четвертых, хотя Макарий относился к Максиму с большим уважением, он не мог решиться на его реабилитацию, так как оставался сторонником иосифлян.

Наконец, пересмотр судебного дела Максима Грека мог вызвать нелестные для авторитета русской церкви отклики за рубежом, и прежде всего — на Востоке.

Одним словом, оправдание Максима Грека и осуждение митрополита Даниила и его соборов было бы для русской церкви делом «засорным». Вот почему митрополит Макарий на одно из посланий Максима с просьбой

⁵⁹ См.: ЖМНП, СПб., 1834, ч. III, с. 272.

⁶⁰ Там же, с. 275—276.

снять с него церковное отлучение и отпустить на Афон писал: «Узы твои целуем, яко единого от святых, пособити же тебе не можем».⁶¹

После смерти Максима Грека вопрос о бывшем суде над ним не поднимался ни в официальной переписке, ни в литературных произведениях на протяжении свыше 300 лет. Вновь всплывает этот вопрос после опубликования О. Бодянским в 1847 г. «Судного дела Максима Грека» по списку Погодина, вызвавшего разногласия и споры среди русских исследователей, которые продолжают до настоящего времени.

Нам кажется, что после обстоятельных изысканий Н. П. Покровского, и особенно Н. А. Казаковой, и ввиду отсутствия новых каких-либо источников дальнейшая дискуссия по вопросу о «Судном деле Максима Грека» является бесполезной. Гораздо важнее было бы сосредоточить внимание исследователей на изучении разных сторон литературной деятельности этого выдающегося русского писателя. До сих пор остаются не освещенными такие, например, вопросы, как значение Максима Грека в истории создания русской грамматики, его роль в возникновении русского книгопечатания, влияние на постановления Стоглавого собора 1551 г., роль в идеологической борьбе русского общества первой половины XVI в. В обширном литературном наследии этого деятеля можно найти материалы и по многим другим вопросам, имеющим весьма большое значение для истории русской культуры и общественно-политической мысли XVI в.

⁶¹ Филарет (Гумилевский). Максим Грек, с. 91—96; ср.: А. И. Иванов. Литературное наследие Максима Грека. Л., 1969, с. 170.

М. Д. КАГАН-ТАРКОВСКАЯ

Младшие редакции «Повести о двух посольствах»

Во второй половине XVII в. «Повесть о двух посольствах», продолжая существовать в списках краткой и распространенной редакций, появилась в двух новых обработках, которые условно можно назвать третьей и четвертой редакциями «Повести». Условно, потому что тема посольств постепенно теряет в этих редакциях свое значение; на заключительных этапах формирования младших редакций стабильным остается только вновь возникший текст, все же основные эпизоды «Повести» частично, а то и полностью утрачиваются. Остатки текста «Повести» играют теперь роль рамки, обрамляющей разросшееся и распространившееся пророчество цесаря Максимилиана.

Изучение немногих списков младших редакций позволяет представить их отношение к старшим редакциям: третья редакция несомненно возникла на основе полного текста распространенной редакции, а четвертая имела в своей основе текст третьей.¹

В последнем случае не обошлось и без явно видимых швов. В третьей редакции о правлении Годуновых сказано: «. . . царь от мала рода и конюшего боярства», «. . . и не по многих летех душу свою в скорбии испустит. И потом жена воцарится и, мало дни пребыв, в безчестии изыдет ис царскаго дому». В четвертой редакции «жена» отсутствует, а все, что с ней связано, переадресовано царю «из конюших» — «. . . и, мало на царстве дней пребыв, в безчестии изыдет царьскаго дому и в скорбех душу испустит», отчего переписчики исправляли на полях «дней» на «лет», а слова «изыдет царьскаго дому» так и оставались редакционной неувязкой, ибо мало применимы были к Борису Годунову.

Составители младших редакций, отказываясь от темы посольств, все внимание сосредоточивают на пророчестве цесаря Максимилиана о будущих смутах в Русской земле и о последующем за ними укреплении царской власти: «Да еще в вашей земли будет трясение великое, потому что многие власти, а несогласны. А смятение в вашей земли лет з десять, мало больши или меньши десяти. А земля ваша распространитца вельми и царь многими царьствы обладает». «Тако же и у вас во царстве смятение будет, а после царя вашего рука будет высока и обладает всем и скончается в век».² Возникает новая задача — раскрыть содержание слов цесаря-предсказателя. Тема посольств сменяется темой пророчеств.

¹ Известно 4 списка третьей редакции и 6 — четвертой. Списки третьей редакции более полно сохранили текст старших редакций по сравнению со списками четвертой, исключения из которых составляют только списки ГПБ, собр. Вяземского, О. IX, и собр. Погодина, № 1605.

² М. Д. Каган. «Повесть о двух посольствах» — легендарно-политическое произведение начала XVII века. — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, с. 251, 252.

В третьей редакции очерчены рамки «Смутного времени», его начало и конец. «Смута» начнется воцарением на русском престоле самозванного царя «от мала рода и конюшего боярства» и закончится через 10 лет, когда власть из рук бога получит «останок царского роду вашего царя, в детстве убо ни во что же вменен».

Читатели без труда узнавали в первом — Бориса Годунова, неправдою «восхитившего» царский престол, а во втором — Михаила Романова. Упомянутая между ними жена — скорее всего вдова Бориса Годунова, Мария. Появление ее в пророчестве Максимилиана объясняется едва ли не влиянием текста пророчества Псевдо-Мефодия Патарского, называющего в веренице сменяющих друг друга правителей и воцарившуюся жену.³

Третья редакция — явно антигодуновское произведение, несущее на себе печать идеологии, сформулированной еще в 1630 г. «Новым летописцем» и взятой на вооружение укреплявшейся на русском престоле династией Романовых. Весь пафос третьей редакции в противопоставлении Романовых — законных наследников Ивана IV, продолжателей его рода, Годунову, «самоназванному царю».

Свою точку зрения автор подкрепляет примерами из Библии, сравнивая Бориса Годунова с Саулом, а Михаила Романова с Давидом. Тема царя-преследователя, наказанного богом, возможно, приобретала в «Повести» и другое значение. В библии, объясняя причины гибели Саула, хронист пишет: «И умре Саул за беззакония своя, ими же беззаконова господеви, по словеси господню, понеже не сохрани, яко вопроси Саул волшебницы, еже вопросити, и отвеца ему Самуил пророк. И не взыска господа Саул: сего ради уби его, и возврати царство его Давиду, сыну Иесееву».⁴ Бориса Годунова также обвиняли в склонности к колдовству и колдунам, которых он, будучи еще правителем, спрашивал, суждено ли ему быть на царстве.⁵

Другая параллель этой редакции также восходит к Библии, к пророческим снам Даниила, видевшего битву единорогого козла с двурогим овном.⁶ И хотя под влиянием Библии, Александрии и старших редакций «Повести о двух посольствах» сюжет этот традиционно трактуется как победа Александра Македонского над царем Дарием, автор третьей редакции находит возможным применить его к своей теме: «И то конюшей самозванный царем падетца, а останок царьскаго роду вельми воцаритса, яко же Александр Македоньский».

В четвертой редакции история «Смутного времени» в предсказании Максимилиана изложена более подробно. Взяв точкой отсчета «брата» цесаря Максимилиана — царя Ивана Грозного, автор четвертой редакции дает характеристики последующим царям, не называя их имен: сыну его Федору — «кроток зело и без свирепства», Борису Годунову, неродовитому «конюшему» боярину, «злокозньством» восхитившему царский престол, самозванцу Отрепьеву — «от последних некто» «вскочит яко пес на царский престол» и «вскоре зле живот свой извержет». Благогосклонно отзываясь он о Шуйском, честном и знатном, но несчастливом на престоле, наконец, говорит о Михаиле, избрание которого объяснялось «изволением

³ В. Истрин. Откровения Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах. М., 1897, с. 270, 296.

⁴ Библия. Паралипоменон, кн. I, гл. X, 13—14.

⁵ Е. Н. Елеонская. К изучению заговора и колдовства в России, вып. I. Тип. Шамородинской пустыни, 1917, с. 11; В. П. Адрианова-Перетц. Повести XVII в. и устное народное творчество. — ТОДРЛ, т. IX. М.—Л., 1953, с. 77; «Иное сказание». — РИБ, т. XIII. СПб., 1909, стлб. 10—11.

⁶ Библия. Книга пророка Даниила, гл. VIII, 4—7.

божим», — «и той преполовит дни своя во благоденствии и кротости и многими окрестными странами почитаемъ будет кроме меча».

Хотя библейская параллель с козлом и овном в четвертой редакции отсутствует, антигодуновская тема звучит в ней еще резче, так как под злыми лукавыми хищниками, которые изведут царский корень — Романовых, подразумевается тот же Борис Годунов. В пророческих традициях описана и смута в Русском государстве: «... мнози бо междоусобныя брани тогда будут, кровопролитие человеческо безъчислено на время, и будут в земли вашей труси и мятежи по местом». В кратком летописце, помещенном в одном из сборников после четвертой редакции «Повести»,⁷ пророчество Максимилиана «расшифровывается», все имена названы: Федор завещал царство Федору Никитичу Романову, но тот «кознию лукавою и предкновением московскаго боярина и конюшего Бориса Годунова таковаго дара получитьи не сподобилъся»; о Лжедмитрии сказано: «... бысть сей от родства не славных, ни великородных, но от последних людей», «мерзостный вепрь». Так текст краткого летописца перекликается с характеристиками «Повести» и поясняет изложенную в ней политическую ситуацию.

Основной особенностью четвертой редакции является характеристика царя, Алексея Михайловича: «... яко буй вол будет на царстве, напрасно многия страны и орды под свою руку мечем подклонит». Если «напрасно» принять здесь в древнерусском значении «с гневом», то облик царя Алексея, гневного, безумного — «бuego», трудно объяснить, исходя только из текста четвертой редакции, не обращая к ее «конвою» в сборниках.

Пять сборников, содержащих четвертую редакцию, по своему составу или по месту происхождения связаны со старообрядческой средой. В них преобладают сочинения эсхатологического содержания — об Антихристе и конце мира. Как правило, это характерные для старообрядческого репертуара подборки из произведений Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина, Кирилла Иерусалимского, Палладия-мниха, Иоанна Дамаскина и других. В этих же сборниках встречается грамота патриарха Адриана о пострижении «брад» и сочинение «о браде» Константина Панагиота, направленные против мероприятий Петра I и использовавшиеся на рубеже XVII—XVIII вв. старообрядцами, объявившими царя Петра Антихристом.⁸ Что касается царя Алексея и патриарха Никона, то они в представлении раскольников олицетворяли два рога Антихриста, которые «усердно самому» путь «готовят».⁹ На связь имени царя Алексея четвертой редакции с темой Антихриста указывает и приписка в одной из рукописей сразу после текста «Повести». «В полской книге будет Ц М С, тот Антихристу всю область даст, и путь очистит, и стезю угладит»,¹⁰ где зашифрованную часть приписки можно прочесть как «царя Михаила сын». Бытование четвертой редакции в таком окружении и нелестная характеристика царя Алексея Михайловича позволяют предположить ее старообрядческое происхождение. Из этой традиции выпадает шестой список — ГПБ, собр. Погодина, № 1605, — летописная компиляция начала XVIII в. В нем пропущены слова: «... яко буй вол будет на царстве, напрасно» — и текст читается панегирически по отношению к Алексею Михайловичу: «... сын же того царя многия страны и орды под ся мечем подклонит».

⁷ ГПБ, собр. Вяземского, О. IX, лл. 417, 418 об.

⁸ П. С. Смирнов. Споры и разделение в русском расколе в первой четверти XVIII в. СПб., 1909, с. 146—167, Приложение, с. 0143; В. Г. Дружинин. Писания русских старообрядцев. СПб., 1912, с. 389, 286.

⁹ А. Н. Робинов. Зарождение концепции авторского стиля в украинской и русской литературах конца XVI—начала XVII века. — В кн.: Русская литература на рубеже двух эпох. М., 1971, с. 39.

¹⁰ Ц, М, С расположены в кружках; ГПБ, собр. Вяземского, О. IX, л. 416.

Почему же старообрядцы обратились к «Повести о двух посольствах», в которой не предполагалось никаких сюжетов, совпадающих с их интересами? Можно представить, что определенную роль здесь сыграло имя Арсения Суханова, в Хронографе которого с его собственноручными приписками мы находим трезью редакцию «Повести».¹¹

Арсений Суханов — монах и церковный деятель, но одновременно и дипломат, путешественник, писатель, деятельность которого связана как с патриаршим двором, так и с Посольским приказом. Он отправлялся в Грузию, Молдавию, Константинополь не только по делам церкви, но и с политическими поручениями, и в Посольский приказ подавал свои статейные списки — отчеты.¹² «Повесть о двух посольствах» могла интересовать Арсения Суханова как своей дипломатической, так и антитурецкой темой, ибо он воочию сталкивался с турками-завоевателями на Востоке, и не раз во время путешествий его имущество, да и собственная жизнь подвергались опасности: был случай, когда Арсению Суханову пришлось надеть чалму и выдать себя за мусульманина, чтобы избежать грабежа и плена.¹³

Роль Арсения Суханова в событиях раскола двойственна. Его «Прения» с греками о вере, происходившие в 1650 г. в Валахии, в Терговищах, касались различий между обрядами, вопроса, от кого Русь приняла крещение, проблемы самостоятельности русской церкви. Арсений Суханов доказывал, что вера греков претерпела ущерб от владычества турок, и называл их еретиками. «Прения», возможно, были ответом на изданную в 1648 г. «Книгу о вере», проводящую мысль о чистоте и истинности греческой веры. Произведение Арсения Суханова распространялось среди лиц разного общественного положения и взглядов. Большую популярность получили они у будущих деятелей раскола — Ивана Неронова, протопопа Аввакума, попа Никиты Пустосвята, диакона Федора. «Прения» влияли на их сочинения, в которых встречаются «не только те же самые мысли, но и те же самые выражения».¹⁴ Впоследствии старообрядцы не только использовали «Прения», но и приписывали Арсению Суханову свои собственные сочинения.

В его еще более знаменитом «Проскинитарии» — статейном списке о путешествии в Иерусалим в 1651—1653 гг. — присутствует та же мысль о неправославии греков, высказанная, может быть, не столь прямолинейно, как в «Прениях». На «Проскинитарий» также ссылались позднее старообрядцы в «Поморских ответах».¹⁵ Тем самым, может быть невольно, Арсений Суханов, не будучи деятелем раскола, сыграл роль его теоретика, его «духовного отца».

С другой стороны, Арсений Суханов был сподвижником и доверенным лицом патриарха Никона, выполнял его поручения по розыску греческих книг на Афоне; сведениями Арсения пользовался Никон, меняя церковные обряды и исправляя богослужебные книги, предпринимая постройку своего любимого Нового Иерусалима. Последние годы своей жизни провел Арсений Суханов на почетных должностях сначала келаря Троице-Сергиева монастыря, потом руководителя Печатного двора, где под его надзором выходили исправленные по греческому образцу богослужебные книги.

¹¹ ГПБ, Ф, XVII.17.

¹² С. Белокуров. Арсений Суханов. — ЧОИДР, 1891, кн. 1—2, с. 193—199, 206, 438.

¹³ Д. Н. Альшиц. Египет глазами русского путешественника XVII в. — Звезда, 1958, № 8, с. 183—185.

¹⁴ С. Белокуров. Арсений Суханов. — ЧОИДР, 1891, кн. 1, с. 243—244.

¹⁵ «Поморские ответы». Напеч. в Мануиловском Никольском монастыре, 1884, с. 282—284 — ответ 90; с. 286—287 — ответ 91, 92.

Так или иначе, но авторитет имени Арсения Суханова у старообрядцев — вот возможная причина появления старообрядческой редакции произведения, попавшего в поле зрения этого деятеля.

Переход «Повести о двух посольствах» в младших редакциях из жанра посольских повестей в жанр политических пророчеств можно объяснить как «пророческим зерном», которое было в ее содержании, так и общим интересом читателей XVII в. к политическим темам. Рубеж XVI—XVII вв., время, предшествовавшее политическому кризису, и последующие события — народное восстание и иностранная интервенция — давали богатую почву для распространения в литературе жанра пророчеств и видений. «Смуту» и политический кризис не без оснований предполагали как англичанин Дж. Флетчер, чья книга о России («Of the Russe Common Wealth») была напечатана в 1591 г. в Лондоне,¹⁶ так и русский автор Валаамской беседы, «предсказавший» глад, мор, междоусобные брани, гибель городов и частую смену царей.¹⁷ На эту же тему написано «Проречение Кирилла Новоезерского», встречающееся в списках XVII в. Умирая, Кирилл поведал «с рыданием» братии: «. . .се убо время уже мятеж в людех будет, бо беда велия на земли нашей и гнев велий на людех, падуть во острии меча и пленени будут во вся языки, и труси, и глады, и моры будут велицы, яко яви ми господь»; однако далее он видит на престоле царя и двух отроков в царских венцах, а Русское царство «усмирено богом и устроено во-веки».¹⁸ На этот же текст обратил внимание Юрий Крижанич, составляя в 1674 г. свое толкование исторических пророчеств.¹⁹

Известный литературный стереотип таких «пророчеств» давали популярные и не раз переводившиеся на Руси библейские и апокрифические пророчества Даниила и откровения Псевдо-Мефодия Патарского, трактующие о смене царств и царей и заканчивающиеся известием о приходе Антихриста и конца мира.²⁰ Почти так же построены третья и четвертая редакции «Повести о двух посольствах», где картины землетрясения и морской бури ассоциировались с концом мира и в известной мере соответствовали эсхатологическим взглядам старообрядцев.

Однако пророчества младших редакций «Повести» появились гораздо позже «предсказанных» в них событий, являясь заведомо пророчествами *post factum*. Они использовали жанр пророчеств так же нарочито, как в свое время старшие редакции использовали жанр деловых документов.

Перед нами такие же псевдопророчества, как в старших редакциях — псевдостатейные списки. Политические пророчества используются как удобный способ выразить свои политические взгляды и дать характеристики как минувшим событиям и ушедшим государям, так и современным.

Кроме того, тяга к форме пророчеств в публицистике XVII в. связана с присущей этому времени неуверенностью человека в тревожном и меняющемся настоящем и непонятном будущем, с желанием объяснить настоящее и предвидеть будущее. Такие настроения типичны для литературы барокко и в известной мере отразились в младших редакциях «Повести». Барочные черты можно усмотреть не только в «пророчествах», но и в словесных портретах-эмблемах, лаконично характеризующих русских царей и политическую атмосферу их правления.

¹⁶ Дж. Флетчер. О государстве русском. Изд. 3-е. СПб., 1906, с. 20—21.

¹⁷ Г. Н. Моисеева. Валаамская беседа — памятник русской публицистики середины XVI века. М.—Л., 1958, с. 165—166 (текст первоначальной редакции).

¹⁸ БАН, собр. Архангельское, № 257, лл. 215 об. — 216. См.: Г. Н. Моисеева. Валаамская беседа. . ., с. 195, Приложение III.

¹⁹ ЧОИДР, 1891, кн. 2, Собрание сочинений Юрия Крижанича, с. 40.

²⁰ В. Истрин. Откровения Мефодия Патарского. . ., с. 270, 296.

* * *

Третья и четвертая редакции «Повести о двух посольствах» тяготеют ко второй половине XVII в.

В тексте третьей редакцией датирующим является имя царя Михаила, что дает нижнюю границу — 1613 г. Нам неизвестно, упоминается Михаил еще как здравствующий или уже как умерший, поэтому 1645 год мы не можем использовать как верхнюю границу для датировки. Однако нам неизвестны списки третьей редакции ранее середины XVII в. Если Хронограф Арсения Суханова датируется на позже 1661 г., и уж во всяком случае не позже 1668 г. — года смерти Арсения, то эти годы и следует, по-видимому, принять верхней границей для третьей редакции.

Четвертую редакцию мы считаем раскольничьей. Следовательно, ее нижняя граница — начало раскола, — 1652—1658 гг. Мы также не знаем, упоминается ли царь Алексей Михайлович как живущий и не можем использовать 1676 год в качестве верхней границы. Списки четвертой редакции, как правило, датируются концом XVII—началом XVIII в., но известно, что текст ее существовал в 1700 г. из начала списка БАН, 33.14.5: «Выписано из монастырския книги у Прокопия-старца, а ему каргополец иконник принес из монастыря в лето 1700 году». Разумеется, текст четвертой редакции возник ранее этой даты, поэтому датировку можно отнести к концу XVII в.

Списки третьей редакции

1. БАН, 21.10.17, конволют, в 4-ку, XVII в., филигранны — шуты двух типов, с 5 и 7 бубенцами; ср.: Гераклитов, № 1290 — 1650 г. и № 1383 — 1680 г., скоропись, лл. 13—23 об. Текст с пропусками из-за утраты листов в данной рукописи.
2. ГПБ, Ф. XVII.17 (собр. Толстого, I. 198). Хронограф Арсения Суханова с его приписками, в лист, XVII в., 60-е годы (из приписок с датами — 1661, 1663 гг.), скоропись, лл. 257—258, 456 об. — 457.
3. ГПБ, собр. Погодина, № 1561, конволют (строевский), в 4-ку, список конца XVII—начала XVIII в., филигрань — амстердамский герб, скоропись, лл. 119—120 об.
4. ГПБ, О. XVII.86, конволют, в 8-ку, список конца XVII—начала XVIII в., филигрань — амстердамский герб с буквами DC, скоропись, лл. 262 об.—266 об.

Списки четвертой редакции

1. ГПБ, собр. Вяземского, О.IX, конволют, в 8-ку, список конца XVII—начала XVIII в., филигранны — амстердамский герб и орел со скипетром и державой, полуустав, лл. 408—416. Список издан в ПДП, изд. ОЛДП, 1883, без ссылки на рукопись.
2. ГПБ, О.I.72 (собр. Толстого, III.85), сборник, в 8-ку, XVIII в., филигрань не определена, полуустав, лл. 264—265.
3. ГПБ, собр. Соловецкое, 231/231, конволют, в 8-ку, список конца XVII в., филигранны — шуты двух типов, двуглавый орел, полуустав, переходящий в скоропись, лл. 240—241 об. Список издан: Описание рукописей Соловецкого монастыря, ч. II. Казань, 1885, с. 236—237.
4. ГПБ, собр. Погодина, № 1605. Летописная компиляция начала XVIII в., в 4-ку, филигрань — амстердамский герб, скоропись, лл. 96 об. — 101 об.
5. ИРЛИ, Древлехранилище, Карельское собр., № 36, конволют, в 4-ку, XVIII в., филигрань не определена из-за ветхости рукописи, скоропись, лл. 37—38 об. Список идентичен ГПБ, О.I.72.
6. БАН, 33.14.5, конволют, в 8-ку, список XVIII в., бумага других тетрадей имеет дату — 1785 г., скоропись, лл. 46—48. В приписке указание на существование текста в 1700 г.

Текст третьей редакции издается по списку ГПБ, собр. Погодина, № 1561; текст четвертой редакции — по списку ГПБ, О.I.72. Разночте-

ния других списков не влияют на содержание и идеологическую направленность текста, характерного для младших редакций «Повести», и в данном издании не приводятся.

Тексты издаются по правилам, принятым в ТОДРЛ для произведений XVII в.

Т Е К С Т Ы

Третья редакция

Лета 7085 году государь царь и великий князь Иоанн Васильевич всеа *л. 119*
России самодержец посылал своего гасударства посла князя Захарья Ивановича Согорскаго к цысерю крестьяньскому царю.

И цесарский король рече Максимиан: «Про государя вашего пишут мудрых философы, да которые знают его и детей его, что он подобен храбростию и ратию Александру царю Македоньскому и прославися во всех нас ^а царех, и возрасту и досужеству подобен царю Коньстянтину.

Да еще в вашей земли будет смятение великое, потому что будет властели несогласнии. Тогда воцарится самоназваться царь от мала рода и конюшего боярства самоизвольшего и не по многих летех душу свою в скорбии ислустит ^б. И потом жена воцарится и, мало дни пребыв, в безчестии изыдет ис царскаго дому. А смятение будет в вашей земли лет десеть и мало больши. ||

Да воцарится останнок царскаго роду вашего царя, в детъстве ^в убо *л. 119 об.*
ни во что же вменен, но паки воспоминет господь бог Росийскаго царьства спасению, кои же и евреским людем израильтяном Моисеом пророком от Египта свобождение, Иерусалиму отъятие богом от Саула царства и давшу царю Давиду Иисеову сыну, взыскану Самуилом пророком. Тако же и того изволит бог быти Росискому государству.

И во храбрости уподобитца дивию козлу-единорогу, пришедшу от запада и поразившу превознесенънаго возсточнаго двоерогова овъна, вознесагося до небес. Дивный козел единороги — македонски царь Александр, а превознесенъный овен двоероги — перский царь Дарий. И то конюшей самозванный царем падетца, а останок царьскаго роду вельми воцарится, яко же Александр Македоньский, во всей || вселенъней. *л. 120*

А земля ваша роспространитъца вельми наипаче, и царь многими царьствы обладает, и дани и выходы наложит, и обладает до царьствующаго града, и просвятит благочестием, и утвердит православием. Да памятуйте Максимиан, короля цысарскаго крестьяньскаго, что я говорил, то все в вашей земли збудетъца.¹

(ГПБ., собр. Погодина, № 1561, лл. 119—120).

Четвертая редакция

В лето 7084.

Государь царь и великий князь Иван Василиевичь всеа Русии о том послал к ближнему своему благоприятному приятелю к римскому и к цысарскому королю Максимиану-царю вопросити о том, как ему, царю, писати к турскому царю. И послал посла своего князя Захария Ивановича Сухорского да дьяка Андрея Арцыбашева и велел им о том доложити и допроситися, как которым королем и царем турский царь пишет свои титулы и коим обычаем. *л. 264*

^а Испр.; в ркп. надъ. ^б Испр., в ркп. исустит. ^в Испр.; в ркп. дестъстве.

¹ Далее идет притча о сыне мертвой матери, обычная для старших редакций «Повести», — см.: М. Д. Каган. «Повесть о двух посольствах». . . , с. 251—252.

И же: В винограде ездя, царь посла государева спрашивал сам, сколь велика Руская земля и сколь сильно ходит царь ваш, а мой сродичь. И посол государев князь Захарий Иванович сказал: «Земля наша велика, и чудотворцов в нашей земли много, и милость от них велика, а з государем нашим царем ходит силы четыре ста тысящ головами». И цысарь подивился и, похвалив бога, рек: «Распространится и впредь Руская земля».

И король цысарской сказал: «Про государя вашего пишут мудрыя философы, которыя пишут и знают его и детей его, что он подобен храбрости и ратию Александру царю Македонскому и прославился во всех царех нас, а подобен возрасту и досужеству || Константину царю».

Потом учал король Максимиан государеву послу говорить: «По брате моем будет в вашей земли на царстве сын его, и той будет кроток зело и без свирепства, и будет от многих царств и государств почитаем зело. Но не по мнозех летех злии лукавии человецы хищницы изведут корень брата моего. Да еще будет в вашей земли смятение великое, потому что в вашей земли многии властели, а несогласны. И тогда будет в вашей Росии на царском престоле от малаго некто роду и конюшего боярства, своим злокозньством той восхитит царьский престол собою и, мало на царстве дней^а пребыв, в безчестии изыдет царьскаго дому и в скорбех душу испустит.

А смятенье в вашей земли будет в те годы лет з десять и мало болши. Тогда от последних некто вскочит, яко пес, на царский престол, и той вскоре зле живот свой извержет. Потом возведен будет на царский престол от вашего росийскаго рода, аще и от честных, но не благоденствовати^б имать, мнози бо междоусобныя брани тогда будут, кровопролитие человеческо безъчислено на время, и будут в земли вашей труси и мятежи по местом. По состоянии же того и по смятении || земли вашей паки воспомянет бог Росийскаго государства спасения, яко же еврейским людем израильтяном Моисеом-пророком свободу даде и во Иерусалиме отъят царство от Саула и дав Иесеову сыну Давиду, възскано Самоилом-пророком.

Изволением божиим встанет в вашей земли царь, брата же моего племянник, и той преполовит дни своя во благоденствии и кротости и многими окрестными странами почитаемъ будет кроме меча. Сын же того царя яко буй вол будет на царстве, напрасно многия страны и орды под свою руку мечем подклонит.

А останок царьскаго рода племени велми воцарится, яко же Александр царь Македонский всей вселенней. А земля ваша распространится воипаче, цари мъногими обладает и царствы, дани и выходы положит. И обладает царствующаго града, и просветится напочестие, и утвердит православие».

И, едучи из винограда, молвил: «Помните Максимиана^с царя цысаря христианскаго слово, что вам говорил, то у вас збудется. Тако же у вас в царстве смятенье будет велие, а после государя царя вашего рука будет высока, и обладает всеми, и скончается век».

(ГПБ, О. I. 72, лл. 264—265).

^а В ркп. на полях лет. ^б Испр.; в ркп. ва пропушено. ^с Испр.; в ркп. Максимиана дважды.

О. А. БЕЛОБРОВА

К изучению «Книги избранной вкратце о девятих мусах и о седмих свободных художествах» Николая Спафария

Среди памятников древнерусской литературы, созданных в 70-е годы XVII в., своеобразное место занимает «Книга избранная вкратце о девятих мусах и о седмих свободных художествах». Это произведение представляет собой ученый трактат об искусствах и науках, в котором сочетаются античные мифы и средневековые аллегории.

«Книга избранная вкратце» состоит из предисловия, 8 глав и заключения; первая глава посвящена только музам («О девятих мусах сказание и о Аполлоне»), в остальных же 7 главах рассматриваются — по одному в каждой главе — «свободные художества» (грамматика, риторика, диалектика, арифметика, мусика, геометрия, астрология). Изложение изобилует ссылками на писателей и философов древности, приводятся цитаты, в том числе стихотворные.

Известны время и место появления «Книги избранной вкратце» — 1672 год, Москва; известен ее составитель — переводчик «еллино-греческаго языка» Николай Спафарий, работавший вместе с подьячим Петром Долгово. Известно, что «Книга избранная вкратце» возникла в ряду книг светского исторического содержания, «строившихся» по инициативе и при участии главы Посольского приказа Артемона Сергеевича Матвеева. Эти сочинения готовились «в поднос» царским особам и для нужд Посольского приказа в одном-двух, реже трех, экземплярах, получая притом богатое художественное оформление. Наиболее известны «Титулярник», или «Корень великих государей российских», «Книга о избрании на царство Михаила Федоровича», «Хрисмологион», «Василиологион», «Книга о сивиллах» и даже первая пьеса русского театра XVII в. — «Артаксерксово действо».¹

Отнесенная к сочинениям переводным и компилятивным, «Книга избранная вкратце» упоминалась то в общих трудах,² то в работах, посвящен-

¹ См. публикацию документов Посольского приказа 1670—1680-х годов в кн.: Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографического комиссиею, т. VI. СПб., 1857, № 43, с. 188—200 (далее: ДАИ), а также исследования: И. М. Кудрявцев. 1) «Издательская» деятельность Посольского приказа (к истории русской рукописной книги во второй половине XVII века). — Книга. Исследования и материалы. Сборник VIII. М., 1963, с. 179—244; 2) Артаксерксово действо. Первая пьеса русского театра XVII в. М.—Л., 1957, с. 8—9, 90—98, 100—101.

² А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. Библиографические материалы. СПб., 1903, с. 169—170.

ных Николаю Спафарию,³ то, наконец, в справочных изданиях.⁴ Некоторое отражение нашла «Книга избранная вкратце» и в искусствоведческой литературе,⁵ поскольку ее подносной экземпляр был лицевым (в документах назван писец двух списков старец Маркел и иконописец Иван Максимов⁶).

В настоящее время мы располагаем 7 списками «Книги избранной вкратце» Николая Спафария. Среди них — подносной экземпляр с миниатюрами (ГИМ, Синодальное собр., № 527; далее: *М*)⁷ и второй лицевой список конца XVII—начала XVIII в. (ГПБ, Q. XVII.13; далее: *Л*).⁸ Остальные 5 списков входят в состав сборников; 4 относятся еще к концу XVII в.: БАН (Арханг. С.129 и Арханг. Д.429; далее *Г* и *А*),⁹ ГБЛ (Вологодское собр., № 170; далее: *В*),¹⁰ ГПБ (Q.XV.119; далее: *Б*);¹¹ пятый датируется первой половиной XVIII в. (ГПБ, собр. Вяземского, Q.81; далее: *Д*).¹² Именно этот список — *Д*, самый поздний из всех известных в настоящее время, опубликовал Ф. Булгаков в качестве сочинений Иоанна Дамаскина.¹³ Публикация осталась незамеченной не только составителем описания рукописей П. П. Вяземского, но и исследователями творчества Николая Спафария. Сведений об этой публикации Спафариева труда не находим ни в картотеке акад. Н. К. Никольского, ни в толковой картотеке акад. В. Н. Перетца, ни в известном «Словаре» И. У. Будовнича.

³ И. Н. Михайловский. 1) Очерк жизни и службы Николая Спафария в России. Киев, 1895, с. 6—9; 2) Важнейшие труды Николая Спафария (1672—1677). Киев, 1897, с. 18—22; E. P i s o t. Spathar (Nicolas). — In: E. L e g r a n d. Bibliographie Hellénique ou description raisonnée des ouvrages publiée par de grecs au dixseptième siècle. T. IV. Notices biographiques. Paris, 1896, p. 62—104; Д. У р с у л. Философские и общественно-политические взгляды Н. Г. Милеску — Спафария. Кишинев, 1955, с. 30.

⁴ См., например: П. М. Строев. Библиологический словарь и черновые к нему материалы. СПб., 1882, с. 262—265; И. У. Будовнича. Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы до XVIII века. М., 1962, с. 324, 163, 192.

⁵ См., например: А. Н. Свириин. 1) Древнерусская миниатюра. М., 1950, с. 138; рисунки на с. 136 и 137; 2) Искусство книги Древней Руси. М., 1964, с. 147—148; Н. Е. Мнева и М. М. Постникова-Лосева. Миниатюра и орнаментальные украшения рукописей. — В кн.: История русского искусства, т. IV. М.—Л., 1959, с. 474.

⁶ ДАИ, т. VI, с. 194, 198—200.

⁷ С а в в а, арх. Указатель для обозрения Московской патриаршей (ныне Синодальной) библиотеки. М., 1858, с. 212. Ср.: Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). Составила Т. Н. Протасьева. Ч. I. М., 1970, с. 83, № 692. Две миниатюры этого списка опубликованы в приведенной выше работе А. Н. Свирина 1950 г. («Аполлон среди муз» и «Грамматика»).

⁸ К. К а л а й д о в и ч и П. Строев. Обстоятельное описание славяно-русских рукописей. . . Ф. А. Толстова. М., 1825, с. 377. Три миниатюры этого списка опубликованы в кн.: А. И. Успенский. Царские иконописцы и живописцы XVII века, т. I. М., 1913, табл. 72—74 между с. 108—109 («Аполлон», «Риторика», «Диалектика»; я благодарю Т. П. Дмитриеву и В. М. Загребина за это указание).

⁹ А. Е. Викторова. Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России. СПб., 1890, с. 32—33 и 102.

¹⁰ Описание сборника — в машинописной описи Вологодского собр., составленной Я. Н. Щаповым (я благодарю Н. Б. Тихомирова за указание на этот список). Сборник назван и датирован И. М. Кудрявцевым (1674—1676 гг.) в книге «Артаксергово действо» (с. 100).

¹¹ Этот список отмечен в кн.: М. Н. Сперанский. Рукописные сборники XVIII века. М., 1963, с. 110.

¹² Описание рукописей кн. П. П. Вяземского. СПб., 1902, с. 255—256.

¹³ О девяти музах и семи свободных художествах. О разуме. О мысли. (Из Диалектики Иоанна Дамаскина). — ПДПИ, вып. 23а. СПб., 1881.

Наличие в центральных рукописных хранилищах 7 близких по времени списков «Книги избранной вкратце» свидетельствует о быстром распространении этого сочинения. Среди сохранившихся списков мы не находим чернового, с которого переписывался подносный экземпляр *М*. В то же время списки *Г* и *В*, входящие в сборники произведений Николая Спафария, сходного состава, определенно переписаны в Посольском приказе в 1670-е годы, о чем свидетельствует, кроме содержания, общность бумаги и переплетов названных рукописных книг.¹⁴ К этой группе может быть причислен и список *А*, дошедший в подобном же сборнике (только неполном, явно переписанном с *Г*), который, в свою очередь, был позднее включен в конволют. Сборник со списком *Г* имеет на переплетной доске владельческую запись В. В. Голицына, передавшего рукопись в неизвестный храм или монастырь.¹⁵ Возможно, что вкладчик сделал дарственную надпись, находясь уже не в Москве, а в ссылке на Севере (заметим, что эта рукописная книга к 1890 г. хранилась в Архангельской духовной семинарии, а прежде, во времена П. М. Строева, — в Антониево-Сийском монастыре, откуда происходит и сборник со списком *А*). Долгое время пребывала на Севере и рукописная книга сочинений Николая Спафария со списком *В* (поступила в ГБЛ в составе Вологодского собр.); по предположению И. М. Кудрявцева, она могла быть вывезена вместе с другими книгами высланным из Москвы после 1676 г. на Север боярином А. С. Матвеевым.

По всей вероятности, «Книгу избранную вкратце» Николай Спафарий готовил только для нужд царского дома — для воспитания и обучения царских детей. В документах Посольского приказа отмечено: «Книга на александрийской средней бумаге в полдесть, „Мусы, или Седм свободных учений“, в лицах, писана книжным писмом, оболочена отгласом червчатым, вместо застежек — тесемки немецкие; великому государю поднесена».¹⁶ Нигде нет сообщений, что какой-либо список «Книги избранной вкратце» был оставлен в Посольском приказе, как например записано о «Титулярнике»: «... а дестовой (т. е. книге в десть, — О. Б.) указал великий государь быть в Посольском приказе».¹⁷

Из приписки на одном документе известно, что «Маркел писал 2 книги „Мусы“, по 8 тетрадей в книге в полдесть».¹⁸ Указанному размеру рукописей и количеству «тетрадей» в них соответствуют оба лицевых списка — *М* и *П*. Но список *П* переписан на бумаге более позднего происхождения (герб Амстердама с лигатурой PL, 1675—1722 гг.) и имеет ряд дефектных чтений, немислимых под пером Маркела. Но если список *М* сохранил еще и через 300 лет черты своего былого великолепия в оформлении книги в целом, то этого нельзя сказать о списке *П*. Во-первых, он украшен миниатюрами иного характера — не только менее искусными, но и менее «западными»; во-вторых, он носит следы интенсивного пользования рукописью, скорее всего как учебной, может быть, на протяжении всего XVIII в. Определенно учебные функции выполнял сборник риторик, открывавшийся списком «Книги избранной вкратце» *Б* (без начала и без конца), — это отметил в свое время М. Н. Сперанский.¹⁹

¹⁴ На тождество бумаги и переплетов книг, изготовлявшихся в 1670-е годы в Посольском приказе, указывал И. М. Кудрявцев (Артаксерксово действо, с. 96—100, рисунки на с. 88 и 89).

¹⁵ Эту запись отмечали П. М. Строев (Библиологический словарь и черновые к нему материалы, с. 262—263) и А. Е. Викторов (Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России, с. 32—33).

¹⁶ ДАИ, т. VI, с. 199. Это описание соответствует всем приметам списка *М*.

¹⁷ ДАИ, т. VI, с. 198—199.

¹⁸ ДАИ, т. VI, с. 191.

¹⁹ М. Н. С п е р а н с к и й. Рукописные сборники XVIII века, с. 110.

При изучении «Книги избранной вкратце», как и всех прочих сочинений Николая Спафария, неизбежно возникает вопрос, что это за памятник — оригинальный авторский или переводный? Исследователями справедливо отмечалась несомненная компилятивность почти всех трудов Николая Спафария. В документах прямо говорится о компилятивности метода писателя: «А слагал те книги (в их числе «Книгу избранную вкратце», — О. Б.) и собирал из различных книг Посолскаго приказу еллино-греческаго языку переводчик Николай Спафарий да подъячей Петр Долгово».²⁰

Сочетание в «Книге избранной вкратце» двух сфер — античной мифологии (Апполлон и музы) и аллегорий средневековья (семь свободных искусств) — не было вполне оригинальным. Нельзя не вспомнить, например, сочинения Марциана Капеллы «О свадьбе Филологии и Меркурия», ставшего, по выражению И. Н. Голенищева-Кутузова, «подлинной энциклопедией аллегорических образов»;²¹ в этом произведении выступают музы и Аполлон; он-то и приводит Филологии семь служанок — семь свободных искусств. В свое время И. А. Шляпкиным было замечено, что «учение семи свободных мудростей пришло в Россию с Запада (Исидор Испалийский), а не из Византии».²² Нередко сочинения Марциана Капеллы и Исидора Севильского (Испалийского) печатались вместе.²³

А. И. Соболевский, отмечая существование в древнерусской письменности XVII в. списков особого «Сказания о семи свободных мудростях», видел в этом произведении переделку какого-то латинского оригинала XVI в.²⁴ По его мнению, «Спафарий воспользовался готовым произведением и включил его в свой труд».²⁵ Но сопоставляя «Сказание о семи свободных мудростях»²⁶ с соответствующими главами (II—VIII) «Книги избранной вкратце», мы убеждаемся в том, что они не идентичны. Не совпадает, в частности, порядок изложения по главам:

²⁰ ДАИ, т. VI, с. 199—200. В ряде случаев в научной литературе определены источники, из которых Спафарий «сбирал» и «слагал» свои труды (для одной из частей «Арифмологии», для «Книги о сивиллах», для «Хрисмологиона» и др., но не для «Книги избранной вкратце»).

²¹ И. Н. Голенищев-Кутузов. Средневековая латинская литература Италии. М., 1972, с. 56—60; см. также: К. Р. С и м о н. Энциклопедия поздней империи «De nuptiis Philologiae et Mercurii» Марциана Капеллы. — Труды БАН СССР, т. I. М.—Л., 1948, с. 169—193.

²² И. А. Шляпкин. Св. Дмитрий Ростовский и его время (1651—1709 гг.). — Записки историко-филологического факультета Петербургского университета, т. XXIV, с. 84, прим. 2. Однако, судя по стихотворению византийского поэта XIV в. Макуила Фила, в императорском дворце в Константинополе находился стол с изображением семи свободных искусств. Этот факт впервые отмечен в труде: R. van Marle. Iconographie de l'art profane au Moyen Age et à la Renaissance et la decoration des demeures. Allegories et Symboles. La Haye, 1932, p. 211; ср.: Philae Manuelis Carmina, vol. II. Ed. Miller. Parisii, 1857, p. 267.

²³ Например: Isidori Hispaliensis episcopi Originum libri viginti ex antiquitate eruti et Martiani Capellae De nuptiis Philologiae et Mercurii, libri novem. Basileae, 1577.

²⁴ А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков, с. 166—168.

²⁵ Там же, с. 170.

²⁶ К приведенным А. И. Соболевским спискам «Сказания» (ГИМ, Чудовское собр., № 298, и ГБЛ, собр. Румянцева, № 376) добавим указание нам Н. Б. Тихомировым два списка из ГБЛ: собр. А. Н. Попова, № 66, и собр. Большакова, № 318, а также список ГИМ, Синодальное собр., № 353, по которому опубликован недавно текст четвертой (а не пятой, как у Спафария!) мудрости «Мусики»; см. в кн.: Музыкальная эстетика России XI—XVIII веков. Составление текстов, переводы и общая вступительная статья А. И. Рогова. М., 1973, с. 146—150.

«Сказание»

«Книга избранная
вкратце»

Первая мудрость	Грамматика.	Грамматика.
Вторая мудрость	Диалектика.	Риторика.
Третья мудрость	Риторика.	Диалектика.
Четвертая мудрость	Музыка.	Арифметика.
Пятая мудрость	Арифметика.	Музыка.
Шестая мудрость	Геометрия.	Геометрия.
Седьмая мудрость	Астрономия.	Астрология.

Отличаются наименования седьмой мудрости.²⁷ Трудно представить себе, что это лишь случайные перестановки или замены, сделанные по воле переписчика. И. Н. Михайловский отмечал известность в славянских литературах «похвалы грамматике» задолго до Спафария — еще у Мелетия Смотрицкого.²⁸

Для оценки роли Николая Спафария в распространении на Руси учения о семи свободных искусствах немаловажен рукописный список под названием «Мудрость, ili opisanie sedmi swobodnix художеств, кая что в себе содержит. Из еллинскаго диалекта исследованы во словенский язык чрез Николая Спофария лета господня 1673-го».²⁹ Текст этой рукописи (происходящей из библиотеки Д. М. Голицына в подмосковном селе Архангельском) содержит похвалы из соответствующих 5 глав Спафариевой «Книги избранной вкратце», в списке нет конца, недостает двух похвал; в то же время несколько последних листов переписаны дважды. Этот список, судя по филиграммам, — конца XVII—начала XVIII в., вторичен по отношению к «Книге» Николая Спафария, о времени составления которой только здесь сообщается более поздняя дата (1673 г.) и указывается ее перевод «из еллинскаго диалекта». Редкий список «Действа о семи свободных науках» — 1720-х годов, уже не имеет упоминания имени Спафария, но происходит из той же библиотеки Д. М. Голицына (ГПБ, собр. Погодина, № 2003).³⁰

Наименее разработанным представляется вопрос о проникновении в древнерусскую литературу мифа о музах и Аполлоне.

Античная мифология была известна в средневековой Руси довольно отрывочно. О греческих богах, писателях, философах, героях — как о язычниках-еллинах — повествовали переводные хроники Иоанна Малалы, Георгия Амартола. Имена античных мыслителей сохранялись в сборниках изречений типа Пчелы.³¹ Русская хронография лишь выборочно восприняла сведения о богах Олимпа. О «кумирнице» Аполлона упоминалось в апокрифическом «Сказании Афродитиана». Древнерусские памят-

²⁷ Исидор Севильский, называя «мудрости», передает их в том же порядке, который воспринял Спафарием, но последняя мудрость в его сочинении — астрономия, а не астрология, — см.: Isidori Hispalensis episcopi Originum. . . , cap. 2.

²⁸ И. Н. Михайловский. Важнейшие труды Николая Спафария (1672—1677), с. 20, прим. 2. Этой похвалы еще нет в издании «Грамматики» Мелетия Смотрицкого 1649 г.; в издании же 1648 г. похвала находится на лл. 40—44.

²⁹ Дошел в сборнике ГПБ, Q. XVII.29, лл. 1—12 об. Об этой рукописи см.: К. Калайдович и П. Строев. Обстоятельное описание славяно-русских рукописей. . . Ф. А. Толстова, с. 286—287; Филарет, арх. Обзор русской духовной литературы. Харьков, 1859, с. 351—352; И. Н. Михайловский. Важнейшие труды Николая Спафария (1672—1677), с. 18, прим. 1, с. 20.

³⁰ Действо о семи свободных науках. (Подготовка текста и комментарии А. С. Демина). — В кн.: Пьесы школьных театров Москвы. М., 1974, с. 127—192 и 483—491. Упоминание обоих списков в реестре книг Д. М. Голицына под №№ 254 и 293 см. в кн.: Материалы для истории имп. Академии наук, т. IV (1739—1741). СПб., 1887, с. 178—190.

³¹ См.: В. Н. Перетц. Сведения об античном мире в Древней Руси XI—XIV вв. — Гермес, т. 20. Пгр., 1917, с. 205—210, 227—229, 243—247, 259—262.

ники троянского цикла, толковавшие об участии античных богов в людских конфликтах, восходили преимущественно к латинским источникам. Античные мифы хорошо знал Максим Грек.

Признание «богодухновенности» писательского труда (как и всякой сколько-нибудь творческой деятельности), характерное для средневекового христианского миропонимания, почти исключало возможность распространения в древнерусской книжности античного мифа о музах.

Любопытно, что в азбуковниках конца XVI—XVII вв. «муза» толкуется только как «сопель», т. е. музыкальный инструмент; в то же время имеются понятия «история», «историк» («повестник, сиречь в мимошедших временах бывших деяний исповедник») и «мусикия» («сопелное свиряние или гудение»).³²

Между тем в 1667 г., в первый день нового года, 1 сентября, в Москве царю Алексею Михайловичу была торжественно поднесена рукописная «книжица приветственная» Симеона Полоцкого — «Орел Российский». Эта книга вводила высокопоставленных читателей — царя, его малолетнего сына, наследника Алексея, и всю царскую семью — в незнакомый до той поры мир, в котором Аполлон и его девять муз прославляют Орла Российского и царствующих особ.

В панегирике Симеона Полоцкого музы и Аполлон не получают описательных характеристик. По воле поэта, каждая муза произносит пространное «стиховещание»: сначала Урания, затем Клио, Евтерпи, Калиопия, Ерато, Терпомени (так!), Фалиа, Терпсихора, Полиимния. Аполлон завершает эту череду «мудрых девиц», называемых им «честныя девы, умныя камены». На смену музам и Аполлону являются двенадцать «зодий», и т. д.

Сложность и эффектность этого литературного сооружения, построенного по всем правилам барочной литературной архитектоники, отмечались И. П. Ереминым.³³ Н. А. Смирнов, опубликовавший текст «Орла Российского» по списку подносного экземпляра, установил зависимость сочинения Симеона Полоцкого (с его обращением, в частности, к музам) от традиции польских панегириков.³⁴ Значение «Орла Российского» Н. А. Смирнов видел в том, что он знакомил читателя «с неслыханным еще на Москве богатым историко-литературным материалом классического мира», в форме «изложения, где является Аполлон с его „сладкопеснывыми“ музами».³⁵

И. П. Еремин не без основания считал, что для Симеона Полоцкого античная природа поэтического Олимпа была безразлична, «музы у него нередко забывают о своем происхождении и говорят вещи, в устах муз более чем странны». В этом И. П. Еремин видел характерную особенность барочного восприятия античного наследия.³⁶

Поднесенная через 5 лет — в 1672 г. — тому же царю Алексею Михайловичу, «Книга избранная вкратце» Николая Спафария явилась в каком-то смысле дополнением к «Орлу Российскому». Из этого сочинения читатель мог почерпнуть ставшие уже необходимыми, в сущности элементарные, сведения об Аполлоне и музах, о том, каковы их занятия, каков их нрав,

³² Привлекались азбуковники из ГБЛ, собр. Ундольского, № 975 (лл. 41 об.—42, 84 об., 123 об., 125); № 978 (л. 50); № 979 (лл. 38, 58—59); собр. МДА, № 35 (л. 35).

³³ И. П. Еремин. 1) Силлабическая поэзия. — В кн.: История русской литературы, т. II, ч. 2. М.—Л., 1948, с. 346—347; 2) Поэтический стиль Симеона Полоцкого. — ТОДРЛ, т. VI. М.—Л., 1948, с. 125—153.

³⁴ Орел Российский. Творение Симеона Полоцкого. Сообщил Н. А. Смирнов. Изд. ОЛДП, вып. 133. СПб., 1915, с. XXI—XXII, XXX—XXXVIII.

³⁵ Там же, с. XIV, XXI.

³⁶ И. П. Еремин. Поэтический стиль Симеона Полоцкого, с. 138—139.

где они обитают, — и все это со ссылками на авторитеты. И как у Симеона Полоцкого не только музы и Аполлон призваны славить московского царя, — за ними, по его воле, являются знаки Зодиака, — так и в сочинении Николая Спафария на смену музам следуют аллегории наук и искусств.

Различие названных произведений при сходном материале заключается в жанре и назначении каждого из них: у Симеона Полоцкого — это панегирик, у Николая Спафария — ученый трактат, своего рода просветительское и в то же время справочное сочинение. Общая же условно-аллегорическая образность обоих сочинений — несомненная черта русского барокко.³⁷

Оба произведения, поднесенные царю, были весьма продуманно украшены символическими изображениями. Эти изображения давно отнесены к «западным», «барочным». Но они совершенно не изучены, хотя иконография искусства барокко достаточно исследована.³⁸ Между тем именно сочетание картинок с объяснительным текстом может оказаться важной приметой при розысках источников «Книги избранной вкратце» Николая Спафария.

Действительно, еще Ф. И. Буслаев придавал большое значение так называемым народным книгам — старопечатным книгам с гравюрами, издававшимся в Италии, Германии, Голландии, Франции. Особенно много внимания уделил Ф. И. Буслаев характеристике сборников символов и эмблем XVI—XVII вв., в их числе — сборнику Андреа Альчиати и «Иконологии» Чезаре Рипа.³⁹ И. Э. Грабарь среди иллюстрированных латинских, немецких, голландских и польских книг, наводнявших Москву XVII в., называл сочинение Иоахима Камерарио о символах и эмблемах, изданное в 1597 г. в Нюрнберге и входившее в библиотеку Синодальной типографии.⁴⁰ Советские исследователи (например, А. А. Сидоров, А. А. Морозов) в значительной мере раскрыли роль западноевропейской книжной культуры в искусстве Московской Руси и выделили особо «Иконологию» Чезаре Рипы, самого известного теоретика поздней гуманистической эмблематики.⁴¹

В этом сочинении мы находим последовательно расположенные в алфавитном порядке статьи, посвященные различным аллегориям, в том числе — наук, искусств, стихий, времен года и других собирательных понятий, с сопровождающими их гравированными изображениями. Здесь находится и описание девяти муз, в значительной мере напоминающее первую главу «Книги избранной вкратце» Николая Спафария. Правда, большинство

³⁷ Д. С. Лихачев. Развитие русской литературы X—XVII веков. Эпохи и стили. Л., 1973, с. 204—208.

³⁸ Из новых справочных изданий назовем: A. Pigler. Barockthemen. Eine Auswahl von Verzeichnissen zur Ikonographie des 17. und 18. Jahrhunderts, Bd. I—II. Budapest, 1956. Выборочная публикация отдельных миниатюр из списка М «Книги избранной вкратце», к сожалению, свидетельствует о пренебрежении к ее тексту; иначе трудно объяснить, каким образом первая мудрость «Грамматика» названа по крайней мере в трех советских изданиях «Музой» (в том числе — в «Истории русского искусства», — т. IV, М.—Л., 1959).

³⁹ Ф. И. Буслаев. Мои досуги, ч. 2. М., 1886, с. 80—86.

⁴⁰ И. Э. Грабарь. История русского искусства. Т. VI. Живопись. М. [б. г.], с. 515, прим. 2. В Петровском собрании БАН находится франкфуртское издание этого труда И. Камерарио — 1564 г.

⁴¹ А. А. Сидоров. Древнерусская книжная гравюра. М., 1951; А. А. Морозов. 1) Проблемы европейского барокко. — ВЛ, 1968, № 12, с. 118—119; 2) Эмблематика барокко в литературе и искусстве Петровского времени. — В кн.: XVIII век. Сборник 9. Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. Л., 1974, с. 223—226.

изданий «Иконологии» Ч. Рипа (а их было не менее 15, между 1593 и 1672 гг.⁴²) не имеет гравюр с изображением Аполлона и девяти муз. Наиболее полно в средневековой книжной традиции миф о музах, с гравюрами к нему, передан в «Образах античных богов» Винченцо Картари.⁴³

Обращение к «Иконологии» Ч. Рипа и к «Образам античных богов» В. Картари, притом в различных изданиях (ряд которых мог находиться в распоряжении Николая Спафария в Посольском приказе в Москве),⁴⁴ весьма полезно для изучения «Книги избранной вкратце», в частности — ее первой главы. Эта глава носит название «О девятих музах сказание и о Аполлоне» и содержит ряд конкретных сведений, реалий. Так, здесь сообщается, что отцом муз был первый еллинский бог Зевс, а матерью — Мнимосина, «сиречь память» (сделана ссылка на «стих един» «на древнейшем мраморном столпе в Цареграде», который «даже и доньше зрится»). Далее говорится, «яко мусы на горе высокой Еликоне стремнителной обитаху, якоже обретается в греческой земли». «И не токмо во Еликонегоре, но и во Парнасе-горе». Также приведена ссылка, на этот раз — на стихи «иройские» из «Грамматики» Мелетия Смотрицкого, в которой, оказывается, упоминаются «мусы» и «Парнась».⁴⁵ Читателю сообщают далее, что музы «и во иных многих горах и при источниках изобразуются обитати. Та же и пиерии от страны Македонския. . . нарицаются»; после следует поименный перечень муз, с краткой характеристикой каждой из них. Например: «1. Клио, сиречь славная, наречена от славных дел, яже воспевается и историка именуется». Затем идет этимологическое рассуждение о наименовании «мусы». Дается ссылка на Платона (назван его диалог «Кратил»⁴⁶), на Евсевия, и, наконец, приведены стихи Вергилия о девяти музах (как было отмечено еще И. Н. Михайловским, принадлежащие на самом деле Авзонии⁴⁷).

Упоминание этого псевдоэпиграфа в сочинении Николая Спафария особенно существенно. Дело в том, что поэма из 11 стихов «Nomina Musarum» приписывалась Вергилию в эпоху Возрождения, а отразилась эта традиция как раз в двух названных выше популярных книгах Ч. Рипа и

⁴² См.: E. M a n d o w s k y. Untersuchungen zur Iconologie des Cesare Ripa. Hamburg, 1934, S. 113—115. Ф. И. Буслаев пользовался римским изданием 1603 г. — первым иллюстрированным.

⁴³ *Imagini delli Dei de gl'antichi di Vicenzo Cartari Reggiano. In Venetia, 1647*, p. 26—55. Указанием на этот источник я обязана О. Н. Гомзиной. Ср. также: *Imagines Deorum, qui ab antiquis colebantur, in quibus simulacra, ritus caerimoniae, magnaque ex parte veterum religio explicatur olim a Vincentio Chartario Rhegiensi. . . Lugduni, 1581*, p. 35—67. О других изданиях этого сочинения см.: J. C. В r u n e t. *Manuel du libraire et de l'amateur de livres, t. I. Ed. 5-e. Paris, 1860*, p. 1600—1601.

⁴⁴ В Рукописном отделе БАН в составе библиотеки Петра I сохранился, например, экземпляр амстердамского издания «Иконологии» Ч. Рипа, 1644 г., из библиотеки переводчика Посольского приказа А. А. Вишиуса, с русским переводом на полях большинства названий аллегорических фигур. В частности, даны русские наименования всех девяти муз, а также и многих наук — «Грамматика, словесное художество» (с. 285), медицина — «художество лечебное, или врачество» (с. 158), история — «повесть» (с. 200), «философия, или любомудрие» (с. 405), астрология — «звездословие» (с. 486) и астрономия — «звездная мудрость» (там же), «математика, мудрость измерительная», гидрография — «мореописание», архитектура — «художество зданий», и др.

⁴⁵ Цитата сверена по изданию: Мелетий С м о т р и ц к и й. *Грамматика*. М., 1648, с. 331; указанный «иройский стих» читается и в издании 1619 г.

⁴⁶ Ссылка сверена по изданию: *Platonis scripta graecae omnia, vol. IV. Ed. Im. Bekker. Londini, 1826*, p. 247. В издании: С. Р и п а. *Iconologia. In Padova, 1624*, p. 447 — читается также ссылка на Платона и на Евсевия.

⁴⁷ И. Н. М и х а й л о в с к и й. Важнейшие труды Николая Спафария (1672—1677), с. 20, прим. 1 и с. 27, прим. 4; см.: В. Б р ю с о в. Великий ритор. Жизнь и сочинения Децима Магна Авзония. — Русская мысль, 1911, март, с. 42.

В. Картари.⁴⁸ Заметим, что Спафарий не цитирует стихотворение по строкам, как это делает Ч. Рипа, а приводит его целиком, подобно тому как сделано, например, в лионском латинском издании В. Картари 1581 г.⁴⁹ Общими для сочинения Спафария и для труда Картари являются сведения о наименовании муз пиеридами («Sed Pierius Macedo undò mons Pierius est dictus»); как у Картари (в ряде изданий), так и у Спафария (в обоих лицевых списках труда последнего) находим изображение Аполлона среди муз (в одном случае — гравированное, в другом — миниатюры). Отметим, что трактату Спафария присуща изобразительность описания, рассчитанная на представление сразу всех девяти муз: «. . . сего ради изобразиша девять мус во образе девяти дев», «девять убо мусы во образе девяти дев изображены бяху». Дважды подчеркивается их нераздельность, «яже друг друга рукою содержатся», и «мусы сице яже возписуются и друг друга содержат и ликоустраются». В соответствии с этим находится и миниатюра, представляющая муз, во главе которых «сликовствует Аполлон».

Все эти наблюдения позволяют назвать среди далеко не изученных источников Спафариевой «Книги избранной вкратце» два распространенных в Европе XVII в. издания — «Иконологию» Ч. Рипа и «Образы античных богов» В. Картари.⁵⁰

Ниже прилагается текст первой главы сочинения Спафария, подготовленный по списку М с соблюдением правил передачи текстов, принятых в ТОДРЛ.

^аО девятих мусах сказание и о Аполлоне

л. 6

Глава 1^б

Философи древнии хотяще показати, яко всякое учение подобает во память быти и содержатися единому от другаго, понеже аще не во памяти пребывает учение, всуе труждаемса, аще и безчисленныя книги прочитаем и аще едино учение познаваем, другаго же не свемы, хромое такое учение явится^а.

Сего ради сице изобразиша девять мус во образе^б девяти дев, яже друг друга рукою содержатся и на различная учения относятся и лик составляют. Между же их || сликовствует Аполлон, сиречь солнце, знаменуя, яко учение свет есть и ум просвещает, подобно и солнце свет есть и миру сияет.

л. 6 об.

Сего ради сице изобразиша девять мус во образе^в девяти дев, яже различным учением подобатся.

Пишет же о них, яко от отца Зевса, идола перваго, и матери Мнимосини, сиречь памяти родишася, яко на древнейшем мраморном столпе

^{а-б} В ркп. написано киноварью. ^{в-г} В ркп. взято в прямые скобки. ^д Испр.; в ркп. во образъ. ^е Испр.; в ркп. во образъ.

⁴⁸ Guy de Ter v a r e n t. Attributs et symboles dans l'art profane. 1450—1600. Genève, 1958, p. 69.

⁴⁹ Imagines Deorum. . . , p. 39—40. Порядок строк здесь иной, чем в книге Ч. Рипа; отличается он и от порядка строк у Николая Спафария. Судя по различным изданиям сочинений Авзония XVIII—XIX вв., не существовало единообразия в порядке этих строк и в новое время. Впрочем, порядок строк у Спафария совпадает с порядком, принятым в переводе В. Г. Боруховича, опубликованном в кн.: Аполлодор. Мифологическая библиотека. Л., 1972 (серия «Литературные памятники»), Примечания, с. 127 (благодарю А. М. Панченко за указание на этот перевод, сделанный в девять строк, без двух последних).

⁵⁰ Влияние названных источников на труды Николая Спафария обнаруживается и при изучении его «Арифмологии». Исследованию второй части «Книги избранной вкратце» посвящена подготовленная нами статья «Аллегории наук в лицевых списках „Книги избранной вкратце о девятих мусах и о седмих свободных художествах“ Николая Спафария».

в Цареграде при брезе моря даже и доныне зрится. Писано бо есть на столпе сие еллинским древним писмом стих един: «Сия память Зевсовы жены, яже роди мусы».

4. 7 Пишут же, яко от отца, перваго еллин || скаго бога Зевса, родишася знаменующия, яко всякому учению от бога начинатися подобает и оттуду просветитися.

Мати же их память изобразуется, понеже аще кто изучитися много, а не памятует, всеу сей труждается. Подобает убо человеку ученому в разуме и памяти быти совершенну.

Пишут же, яко мусы на горе высокой Еликоне стремнителной обитаху, яко же обретается в греческой земли. Убо учение высоко есть, якоже гора, и яко иже хоцет на гору возходити, сей со трудом возходит. Сие иже 4. 7 об. хоцет учиться, сей трудом учение || получит. И яко во высокой горе тишина от всех есть, сие подобает и человеку мудрому во тишине быти. Сего ради и Еликонския мусы нарицаются. И не токмо во Еликоне-горе, но и во Парнасе-горе, яко и Мелетий Смотрицкый во своей «Грамматице» пишет стихами иройскими:

Сарматски новораствныя мусы стопу перву
Тщащуюся Парнас во обитель вечну зяяти.

И во иных многих горах и при источниках изобразуются обитати. Та же и пиерии от страны Македонския и иная многая имена нарицаются или 4. 8 от гор, идеже изобразовахуся || жити, или от стран, или от источников, о них же долго есть ныне много глаголати.

Девять убо мусы во образе * девяти дев изображены бяху. Им же имена сие положена суть.

1. Клио, сиречь славная, наречена от славных дел, яже возпевається и историка именуется.

2. Калиопи, сиречь доброгласная, ради сладкого ея доброгласия.

3. Ерато, сиречь желаемая, или возлюбленная, или от пения любве, или яко от всех желается.

4. Фалиа, сиречь цветущая, от цветущих слышателей.

5. Мелпомена, сиречь возпеваемая, понеже возпеваец.

4. 8 об. 6. Терпсихора, сиречь || ликовеселящая, понеже лик веселит, яже нарицается и гуселница.

7. Евтерпи, сиречь благоукрашительная, яже благоукрашает, нарицается сия и трубителница, яко предстоит трубам.

8. Полимния, сиречь многопеснивая или многопамятная.

9. Урания, сиречь небесная, понеже о небесных делех учит.

Именованье же им мусы. Платон-философ пишет в слове своем «Кратил», яко от мосфе, сиречь низскати получиша, понеже и учение низскает. Инии же мусы нарицаху, яко о муусах, сиречь вкупе бывающе. Есть бо во учении подобие и некое связание совокупления, в них же вся 4. 9 между ими совокупаются || и сочиняются. Сего ради и мусы сие яже возписуются и друг друга содержат и ликоустраются.

Евсевий же пишет: яко муса от мнин, сиречь учиться произведеса. Сего ради мусы вместо всех ученых и мудростей разумеется и мусеон училище знаменуец.

Изарядне же пишет Виргилий, первый и славный латинский творец, о девятих мусах сими стихами иройскими:

* Испр.; в ркп. во образъ.

Клио бывшая песньствует бывшим времена сказует.
 Мельпомени вопиет жалостно дряхл вопль.
 Фалиа сладкословием утешается глаголю.
 Евтерпи трости сладкошумныя веет.
 Терпсихори похоти гусльми движет, веселит³, стремится. ||
 Ерато фиал⁴ держит, играет ногами, тихим лицом.
 Каллиопи стихи в книгу мужественных пишет.
 Урания небо движения изтызает и звезды.
 Полимния знаменует вся и помавает рукою.
 Аполлонов ум силою сих движет отсюда мусы,
 Посреде седей, объемлет всяческая солнце.

л. 9 об.

О них же убо довольно рекохом, ныне же о свободных художествах начинаем.

(ГИМ, Синодальное собр., № 527, лл. 6—9 об.).

³ Испр.; в ркп. велит. ⁴ Испр.; в ркп. фиол.

А. М. ПАНЧЕНКО

Материалы по древнерусской поэзии. IV

(Стихотворная параллель к «Сказанию о роскошном житии
и веселии»)

Слой оппозиционных к официальной письменности памятников XVII в. принято обозначать термином «демократическая сатира».¹ Этим анонимным текстам, созданным в среде городского плебса, действительно свойственно сатирическое отношение к церкви и феодальным порядкам. В то же время для них характерна и автоирония: осмеивается не только объект, но и субъект повествования, ирония распространяется и на читателей, и на самого автора — смех направлен и на самих смеющихся. Взятые в совокупности, эти памятники составляют пародийный противовес официальной культуре с ее благочестивой «душеполезностью», образуют «мир навыворот», «смеховой антимира».²

Персонажи, населяющие смеховой антимира, живут по особым законам. У них свое богослужение, которое отправляется не в храме, а в кабаке, стихиры и каноны они слагают не святым, а пропойцам, звонят не в колокола, а в «малые чарки» и в «полведришки пивышка» («Служба кабаку»). У них свое представление о справедливости и судопроизводстве (герой «Повести о Ерше Ершовиче» побеждает не потому, что прав, а потому, что ловок и беззащитен). У них свой монастырский устав («Калаязинская челобитная»), где пост и молитва заменены беспечальным бражничеством, обжорством и пьяным разудалым пением; кабаки они превращают в церковь, а церковь — в кабак. Вот смеховая «выписка из крылоских книг», рисующая «службу навыворот»:

Батько, де, плакал,
А дьякон плакал,
А крылошанин пел
И кутью мало не съел,
Тихонько спял
И далеконько спрятал.
А пономарь, де, взял
И подале спехал.

¹ Честь открытия и исследования «демократической сатиры» принадлежит В. П. Адриановой-Перетц, — см.: В. П. А д р и а н о в а - П е р е т ц. 1) Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века. М.—Л., 1937; 2) Русская демократическая сатира XVII века. Подготовка текста, статья и комментарии В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1954 (серия «Литературные памятники»). Цитаты даются по изданию в «Литературных памятниках» (страницы указываются в тексте в скобках).

² См.: Д. С. Л и х а ч е в. Древнерусский смех. — В кн.: Проблемы поэтики и истории литературы. (Сборник статей в честь 75-летия М. М. Бахтина). Саранск, 1973, с. 73—90.

Доколе из риз разболокались,
А виноватя и разбежались.³

В этом мире даже календарь — особый, небывалый, смеховой: служба кабаку поется «месяца китовраса в нелепый день».

Утопический идеал смехового антимира не имеет ничего общего с царством Христовым на земле или на небесах. Это — мечта о небывалой стране, где всего вдоволь и все каждому доступно. Такой сказочный рай обжор и пьяниц описан в «Сказании о роскошном житии и веселии»: «Да там же есть озеро не добре велико, исполненно вина двоинова. И кто хочет, испивай, не бойся, хотя вдруг по две чаши. Да тут же близко пруд меду. И тут всяк, пришед, хотя ковшем или ставцом, припадкою или горьстью, бог в помощь, напивайся. Да близко ж тово целое болото пива. И ту всяк, пришед, пей, да и на голову лей, коня своего мой, да и сам купайся, и ни хто не оговорит, ни слова молвит. Там бо того много, а все самородно: всяк там пей и ежь в свою волку, и спи доволно, и прохладжайся любовно» (с. 41).

В европейской перспективе этот слой памятников представляет собою русскую версию смеховой культуры средневековья, Ренессанса и барокко, к которой принадлежат «Гаргантюа и Пантагрюэль» Рабле, «Похвала глупости» Эразма Роттердамского и «Симплициссимус» Гриммельсгаузена.⁴ В XVI—XVII вв. смеховая литература расцвела и у западных славян.⁵ Польша, ориентировавшаяся на немецкие образцы, пережила этот расцвет в первой половине XVII в.; но и позднее, вплоть до эпохи саксонской династии, сочинения «рыбалтов» и «совизджалов» не исчезали из литературного оборота. Смеховая культура оставила отчетливый след также в украинской письменности.

Именно «Сказание о роскошном житии и веселии» (как известно, оно сохранилось в единственном списке) доказывает, что между европейской и русской традицией существовали прямые соединительные звенья. «А прямая дорога до тово веселья, — говорится в „Сказании“, — от Кракова до Аршавы и на Мозовшу, а оттуда на Ригу и Ливлянд, оттуда на Киев и на Подолеск, оттуда на Стеколно и на Корелу, оттуда на Юрьев и ко Брести, оттуда к Быхову и в Чернигов, в Переяславль и в Черкасской, в Чигирин и в Кафимской» (с. 42). Путь-небылица петляет по Малой и Великой Польше, по Швеции и Лифляндии, по многим украинским городам, по Литве и т. д., но не заходит в Великую Россию. Этот маршрут, а также некоторые полонизмы в языке памятника вызвали следующее предположение В. П. Адриановой-Перетц: «Возможно, что за этим „Сказанием“ стоял какой-то польский оригинал, до сих пор не установленный исследователями. . . Судя по перечню украинских городов. . ., это сказание сложилось где-то на юго-западе, но прошло через руки переписчика-

³ Н. С. Демкова. Незданное сатирическое произведение о духовенстве. — ТОДРЛ, т. XXI. М.—Л., 1965, с. 95 (в публикации Н. С. Демковой заглавие передано как «Выписка из кроловских книг»; мы восстанавливаем первоначальное чтение, основываясь на показаниях списка ГПБ, Соловецкое собр., № 748/1113, л. 3 об., конец XVII в.; список указан О. А. Белобровой).

⁴ См.: М. М. Бахтин. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.

⁵ Богемисты и полонисты (в особенности польские филологи) интенсивно занимались этой тематикой. Библиографию см., например, в следующих работах: Fratové a grobiáni. Z mravokárných satír 16. věku v Čechách. K vydání připravil a úvod napsal Jaroslav Kolár. Praha, 1959; Jaroslav K o l á r. Rozmlouvánan é Šalomouna s Markoltem a lidová smíchová kultura v českých zemích. — Česká literatura, Praha, č. 2, 1974, s. 122—135; Stanisław G r z e s z c z u k. Błażeńskie zwierciadło. Kraków, 1970; Czesław H e r n a s. Barok. Warszawa, 1973.

великоросса».⁶ Допущение В. П. Адриановой-Перетц вполне резонно. Обратим внимание на то, что шутовской путь «до того веселья» начинается в Кракове. Именно Малая Польша и ее столица Краков — средоточие польской смеховой литературы. Здесь она сочинялась, здесь и печаталась. Ее укрывавшиеся под шутовскими псевдонимами авторы вербовались из рядов интеллигентного пролетариата — из бродячих школяров и бакалавров, канторов и певчих, учителей приходских школ. Разумеется, поиски гипотетического оригинала «Сказания о роскошном житии и веселии» могут и не увенчаться успехом: «Сказание» насыщено русскими бытовыми реалиями, что свидетельствует о коренной переделке источника. Однако польские и украинские аналоги «Сказания» существуют.

Они написаны и прозой, и стихом. Из прозаических текстов этого рода больше всего известны «Peregrynacja Maćkowa» (1612 г.) и «Sakwy» (около 1650 г.). В первом вожделенная страна обжор и пьяниц не имеет точной географической локализации — это баснословный Край Jęzmienny (нем. Schlaraffenland); во втором — эта страна помещается в Новом Свете. «Там каждый день ведро, весело, чудесно, никаких забот, работать не надо — одежда, еда и питье всегда готовы». Но, чтобы туда добраться, «нужно двадцать дней карабкаться по перинам, как по облакам».⁷

Из стихотворных произведений для нашей темы наиболее интересна интермедия «Darmostrawski, Kurołarski». Ее герой Darmostrawski так описывает сказочную землю:

Tam wół pieczony chodzi mając w sobie noże,
sboroć się jeść zachciało, kraj sobie, nieboże.
Na kamienicach dachy kryte kołaczami,
a płoty miasto chrustu grozdą kiełbasami.
Co to u nas na dębach rodzą się żołędzie,
to tam migdałów pełno pod dębami wszędzie.
Ale ktoż to tam pomni, co się tam widziało,
Kiedy bym miał wyliczać, czasu by nie stało.⁸

Darmostrawski (это имя по-русски можно приблизительно передать как Дармодед) является зрителю в рубище. Контраст между убожеством нищего бродяги и его рассказом о той стране, где он только что побывал, и создает смеховую ситуацию. Этот зрелищный контраст играет роль текстового эквивалента: он заменяет словесную компрометацию, которая обычно оформляется в шутовском маршруте. Однако в иных случаях используются оба способа компрометации — словесный и зрелищный.

Такое сочетание находим в украинских «вѣршах нищенских», опубликованных В. П. Перетцом по рукописи библиотеки Народного Дома во Львове, № 164, середины XVIII в.⁹ Весь цикл состоит из 7 стихотворений, написанных от первого лица. Здесь дважды использован интересующий нас мотив. Второе стихотворение цикла называет вожделенную страну «Чутьманскими краями» — это, по-видимому, искаженная передача польского выражения Край Jęzmienny:

⁶ Русская демократическая сатира XVII века, с. 241.

⁷ Polska satyra mieszczańska, wyd. K. Badeski. Kraków, 1950, s. 340—341.

⁸ Literatura mieszczańska w Polsce od końca XVI do końca XVII wieku, t. 2. Opracowali K. Budzyk, H. Budzykowa, J. Lewański. Warszawa, 1954, s. 401—402. Перевод: «Там ходит жареный бык, утыканный ножами; Если захотелось есть — отрезай кусок, бедняга. Там дома покрыты калачами, А плетни заплетают не хворостом, — колбасами. У нас на дубах рождаются желудди, А там всюду под дубами полно миндаля. И кто упомянет все, что там видел! Коли обо всем рассказывать, — никакого времени не хватит».

⁹ В. Н. П е р е т ц. К истории польского и русского народного театра. XV—XX. СПб., 1912, с. 124—136 (отд. оттиск — ИОРЯС, т. XVI. СПб., 1911).

От юж и я з далекой земли привандровал,
 сто мьль есми з Чучьманских краев мишуровав
 И видѣлемь там барзо великие дива —
 скажу вамъ всѣмь, если хто купить мивѣ пива.
 Там гори масляние книшами поросли,
 двѣ стоять високие, до купи ся зросли.
 На тих горах двѣ бабѣ, що пероги плещуть,
 два заяцѣ лапами усе у пѣчь мещуть.

Четвертое стихотворение несколько ближе к «Сказанию о роскошном житии и веселии»:

А звѣади там як дивѣ всюди ся валяют,
 свинѣ в золотих коритах мигдали ѣдают,
 рѣка горѣльчаная через рынок течет,
 пий там кождий хоч гарцем, нѣкто слова не речет.
 А воробцѣ у срѣбних там панчохах ходят,
 и ковбаси живии по вербах ся родят.
 Свинѣ в лѣтѣ и зимѣ в дубах ся поросят,
 пчолы меду по чверцѣ в кождий день приносят.

Здесь дан и смеховой маршрут в «землю Чучьманскую»: «З Янова до Крилова, С Крилова до Зборова, [З] Зборова до Яворова, З Яворова до Бузанова, З Бузанова до Кремьянця, С Кремьянця до Камьянця, З Камьянця до Лвова, З Лвова до Кракова, З Кракова до Очакова, З Очакова до Пиотркова, З Пиотркова до Чигирина, З Чигирина до Оринина, З Оринина до Карапчѣва, С Карапчѣва до Олѣва, З Олѣва до Кудринець, А с Кудринець до Фдековець, С Фдековець до Ожеговець, на отжени, Бо там чверть за шелюг свѣжини, З Ожеговець до Городка, Аж там рѣпа солодка, З Городка до Бучача, Аж там по шелюгу кляча. З Бучача идѣть просто в землю Чучьманскую, а будете там мѣти повагу панскую». Любопытно, что словесная компрометация мотива здесь усилена за счет описания обратного пути из «Чучьманского» края на нашу грешную землю. Оказывается, что эта дорога очень трудна — герой пробирался лесами, тонул в болотах, едва избежал встречи с разбойниками. В конце концов он попал в Новый Свет («. . . а прилетѣлем до вас от тут на свѣт новий»)! Новым Светом, как мы помним, назывался в «Sakwach» именно сказочный рай. В украинском стихотворении Новый Свет — реальный мир. На первый взгляд, это находится в противоречии со смеховой идеологией, ибо персонажи смеховой литературы горько разочаровались в реальной жизни и ничего от нее не ждут. Однако противоречие снимается, если мы обратим внимание на жанр опубликованных В. Н. Перетцом стихотворений.

Все тексты цикла — колядки, певаемые на святках. Их исполняли бродячие школяры: «Павперове школы брацькое ведлуг звичаю жебруючи собе поживенья и штуки хлѣба, ходили спиваючи в домах розных». ¹⁰ Если нищенствовали учащиеся, то не далеко от них ушли и учащие — «бакаляры» и «дяки». Жизнь их была незавидной, но на святках они могли рассчитывать на хорошую поживу. На святках и этот мир выглядел как «Новый Свет». Жанром стихотворений предусмотрена и зрелищная компрометация: колядки исполнялись публично, так что каждый мог хорошенько разглядеть школяра.

Человек, который ради куска хлеба рисует картины раблезианского изобилия, — это изгой, неудачник, обиженный жизнью, извергнутый из мира сытых. Он и не пытается туда проникнуть, но мстит этому миру смехом, становится в позу шута, как автор «Сказания о роскошном житии и веселии».

¹⁰ Там же, с. 122.

Основной парадокс шутовской философии гласит, что мир сплошь населен дураками, и среди них самый большой дурак тот, кто не догадывается, что он дурак. Отсюда вытекает, что в мире дураков единственный неподдельный мудрец — это шут, который валяет дурака, притворяется дураком. Поэтому осмеяние мира — своеобразное мировоззрение (а не только художественный прием), выросшее из противопоставления собственного горького опыта «душеполезной» официальной культуре. Между христианскими заповедями и жизненной суетой существует непреодолимый, вечный разлад, в мире царствует не порядок, но абсурд. Признавая реальную действительность абсурдной, смеховая литература строит действительность художественную по законам абсурда.¹¹

В XVII в. русское простонародье обнищало до такой степени, что реальность стала походить на смеховой антимир. Он уже не мог восприниматься лишь эстетически, как художественный «мир навыворот». ¹² Власти буквально загоняли народ в кабаки: «Питухов бы с кружечных дворов не отгонять. . . , искать перед прежним прибыли», — наказывала царская грамота 1659 г.¹³ Обыденная житейская практика слилась с традиционными смеховыми ситуациями. Кабак становился домом, шутовская нагота — наготой реальной. «Хто пьян, тот всяк сказывается богат велми, а как проспится, ино перекусить нечево», — писал автор «Службы кабаку» (с. 57). Только во хмелю бедняк мог вообразить себя богачом. «Безместно житие возлюбихом. . . , — пели питухи. — Наг объявляшеся, не задевает, ни тлеет самородная рубашка, и пуп гол. Когда сором, ты закройся перстом. Слава тебе, господи, — было да сплыло, не о чем думати, лише спи, не стой, одно лише оборону от клопов держи, а то жити весело, а ести нечего» (с. 50). Нелепый, изначальный мир вторгался в жизнь. Отсюда — трезвое и трагическое чувство безнадежности, которое прорывается сквозь пьяный смех.

Смеховая литература не изобретает новых жанров, — она пародирует готовые конструкции, апробированные в фольклоре и в письменности, выворачивая их наизнанку. Чтобы воспринять пародию, чтобы оценить ее по достоинству, читателю и слушателю необходимо хорошо знать пародируемый текст. Поэтому в качестве образца берутся самые обиходные жанры, с которыми древнерусский человек сталкивался изо дня в день, — судное дело, челобитная, роспись приданому, эпистолия, церковная служба. Что пародирует «Сказание о роскошном житии и веселии»? «Сказание» — это антиутопия; следовательно, здесь пародируется жанр утопии.

В XVI—XVII вв. этот жанр культивировали такие европейские мыслители, как Кампанелла и Томас Мор (от последнего и пошло название жанра). Но в эпоху Ренессанса не умерла и средневековая гератологическая этнология, заселявшая «край света» чудовищами и песьеглавцами.¹⁴ Колумб, наблюдая дельфинов, видел в них сирен и с сокрушением отметил в дневнике, что они не так прекрасны, как их изображают. Соединение гератологической этнологии и возвышенных умозрений о совершенном обществе стало питательной почвой для легенд о вполне реальных «счастливых» островах и землях. У Томаса Мора об острове Утопия рассказывает старый моряк, участник экспедиций Америки Веспуччи. Тотчас же нашлись люди, которые серьезно собрались плыть на Утопию. Несколько столетий искали легендарный остров св. Брандена.

¹¹ Stanisław Gerzeszczuk. Błazeńskie zwierciadło, s. 142.

¹² См.: Д. С. Лихачев. Древнерусский смех, с. 90.

¹³ И. Прыжов. История кабаков в России. СПб., 1868, с. 69—71.

¹⁴ См.: В. Olszewicz. Legendy geograficzne średniowiecza. Kraków, 1927; Czesław Hernas. W kalinowym lesie, t. I. Warszawa, 1965, s. 7—71.

Русская литература XVI—XVII вв. не создала и не усвоила утопий ренессансного и барочного типа, хотя их отзвуки и слышны в публицистике Ивана Пересветова и Федора Карпова. Вплоть до Петровской поры читатель продолжал пользоваться сохранявшимися в книжном обороте средневековыми сказаниями о земном рае, о царстве пресвитера Иоанна, а рахманах-гимнософистах. В. П. Адрианова-Перетц справедливо заметила, что «Сказание о роскошном житии и веселии», в котором «все чрезвычайно конкретно», «ни в малой мере не напоминает традиционные представления древнерусской литературы о рае». ¹⁵ Может быть, «Сказание», которое как-никак нельзя считать оригинальным памятником, на русской почве «потеряло» пародиремый объект?

Нет, это не так. Если русская литература XVII в. не знала жанра утопии, то его знала русская устная культура, и дело здесь не в фольклорном царстве с молочными реками и кисельными берегами. В XVII в. ходило много слухов о далеких привольных странах — о Мангазее, «серебряных и золотых островах», Даурии, о богатом острове на «Восточном океане». Там «хлеб, и лошади, и скот, и свиньи, и куры есть, и вино курят, и ткут и прядут со всего с обычая с русского», там много земли непаханой и никто не берет податей. ¹⁶ Вера в эти легенды была столь сильна, что во второй половине XVII в. сотни и тысячи бедняков, целые сибирские села и остроги снимались с мест и бежали неведомо куда. Побег приняли такие размеры, что правительство не на шутку встревожилось: за Уралом особые заставы перенимали беглецов, а сибирские воеводы заставляли поверстанных в казаки гулящих людей целовать крест на том, что им «в Даурскую землю не съезжать и без отпуску не сойти».

В этом контексте «Сказание о роскошном житии и веселии» как бы обретает свойства пародии. Оно разрушает веру в царство с молочными реками и кисельными берегами. Нарочито серьезное описание сказочного изобилия доводится в нем до абсурда, а потом переходит в план небылицы: «А там берут пошрины небольшие, за мыты, за мосты и за перевоз — з дуги по лошади, с шапки по человеку и со всево обозу по людям» (с. 42). Это то самое богатство, которое чудилось во хмелю кабацким голям. В образе смехового богатства представлена реальная и безысходная бедность, «нагота да босота».

¹⁵ Русская демократическая сатира XVII века, с. 240.

¹⁶ См.: К. В. Чистов. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. М., 1967, с. 290—294.

С. Н. ВАЛК

Еще о Болтинском издании Правды Русской

В «Трудах Отдела древнерусской литературы» в свое время была напечатана моя статья о работе Ивана Никитича Болтина над вышедшим в 1792 г. изданием Правды Русской.¹ В 1973 г. в «Вопросах истории» о том же издании появилась своеобразная статья члена Союза писателей СССР А. Л. Никитина.² Последующие строки и будут содержать некоторые замечания, вызванные имеющимися в статье А. Л. Никитина суждениями.

В историографической части своей статьи А. Л. Никитин усматривает в отношении ряда ученых к трудам В. Н. Татищева, А. И. Мусина-Пушкина, а также И. Н. Болтина некоторую «определенную традицию», которую и пытается обличать. По его утверждению, именно любовь к отечеству, одушевлявшая Татищева, Мусина-Пушкина и Болтина, послужила причиной обвинения этих деятелей в «тенденциозности» и даже «фальсификации» (с. 55).

Какие же ученые явились носителями этой «определенной традиции» по отношению к И. Н. Болтину и какова роль этой «традиции» в прошлом и настоящем нашей археографии?

Родоначальником этой «определенной традиции» А. Л. Никитин считает Н. М. Карамзина. Следует, однако, отметить, что еще ранее того К. Ф. Калайдович, знавший А. И. Мусина-Пушкина и получивший от него некоторые сведения, уже писал о Болтинском издании, что «критика всегда потребует отчета в том, для чего не описана рукопись, с коей Правда Русская напечатана».³ Но действительно, Карамзин был первым, кто заявил относительно Болтинского издания Правды Русской, что «в печатном [издании] находятя неисправности, большею частью умышленные, то есть мнимые поправки»; вслед за тем он отмечал эти «неисправности» и в своих примечаниях.⁴

Далее, по указанию опять самого А. Л. Никитина, обратимся к Н. Д. Дубенскому, впервые издавшему Пушкинский список Русской Правды и сравнившего Болтинский текст с текстами, уже известными тогда

¹ С. Н. Валк. И. Н. Болтин и его работа над Русской Правдой. — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, с. 650—654; статья эта включена в несколько переработанном виде в состав исследования: «Русская Правда в изданиях и изучениях XVIII—начала XIX в.» (Археографический ежегодник за 1958 год, М., 1960, с. 142—148).

² См.: А. Л. Никитин. Болтинское издание Правды Русской. — ВИ, 1973, № 11 (далее в скобках в тексте указываются страницы статьи А. Л. Никитина).

³ К. Ф. Калайдович. Биографические сведения о жизни, ученых трудах и собрании российских древностей графа А. И. Мусина-Пушкина. — Записки и труды ОИДР, ч. II. М., 1824, с. 27—28.

⁴ История государства Российского, кн. I, т. II. Изд. 5-е. СПб., 1842, гл. III, прим. 65, 67 и др.

в печати, и с еще одним рукописным. Заключение Н. Д. Дубенского о тексте издания Болтина по существу своему не отличалось от сделанного Карамзиным — текст этот «сводный и достоинством должен уступить новейшим не харатейным, но подлинным и с большею исправностью напечатанным, каковы Крестинина и Софийский».⁵

Из дореволюционных изданий текстов Русской Правды самым выдающимся и остающимся почти в течение целого столетия самым авторитетным было издание, подготовленное Н. В. Калачовым. В распоряжении Калачова оказалось более 40 списков Правды. Сравнив внимательнейшим образом Болтинский текст со всеми известными ему списками, он тщательно отметил варианты Болтинского текста и, таким образом, с еще большим основанием устанавливал, подобно К. Ф. Калайдовичу, что использованная Болтиным рукопись «хотя и названа пергаминной и весьма древней, но вовсе не описана»; относительно же самого текста Болтинского издания Калачов писал: «Можно сказать почти утвердительно, что варианты из других списков издатели вносили в текст для исправления невразумительных им слов, потому что, вопреки их обещанию, в примечаниях не показано никаких отмен, которых, при сравнении списков, должно было оказаться большое количество». Калачов считал, что «рассматриваемое нами издание не имеет для нас важности даже Крестининского списка, хотя, без сомнения, оно напечатано с весьма древней рукописи».⁶

А. Л. Никитин утверждает, что после Н. Д. Дубенского «историю заблуждений и ложных поисков можно подробно не излагать» (с. 56): все же он добавляет, что именно Калачов «сделал следующий и последний шаг» (с. 56). Самое примечательное — это утверждение А. Л. Никитина, будто, «собственно, на этом и закончилось изучение издания 1792 г.».

А. Л. Никитину, очевидно, осталось неизвестным, что именно в советской историографии проявился наиболее напряженный интерес к изучению Правды Русской; он сказался в исследовательской литературе; он сказался и в том, что после столетнего перерыва советским ученым удалось осуществить не одно, а два новых замечательных издания Русской Правды, основанных на изучении обширнейшего количества вновь разысканных рукописей и на совершенно новой их научной классификации.

Но еще до выхода последних советских изданий текстов Правды Русской, имея в руках одно только калачовское издание, не обошел Болтинского издания в своих работах выдающийся советский исследователь всех трех редакций Русской Правды Н. А. Максимейко: он посвятил три разно-сторонние работы именно Пространной Правде. В одной из них — об интерполяциях в ее тексте — Максимейко пришел к заключению, что «хотя в основе Болтинского издания бесспорно лежал какой-то список Карамзинской фамилии, но авторы его изменяли текст своего оригинала, отчасти под влиянием других списков Русской Правды, как печатных, так и неизданных, а отчасти из собственных историко-юридических соображений (міркуваннів)».⁷

Одно из изданий Правды Русской было подготовлено Академией наук УССР. Его составителем был выдающийся знаток истории древнерусского права Серафим Владимирович Юшков. Им в этой связи было изучено около 100 списков Правды, однако Юшков даже и не упомянул о Болтинском тексте как возможном источнике для установления текста Правды.

⁵ Русские достопамятности, ч. II. М., 1843, с. XI—XII.

⁶ Н. В. К а л а ч о в. Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды. Изд. 2-е. СПб., 1880, с. 5—6.

⁷ М. М а к с и м е й к о. Интерполяції в тексті поширеної Руської Правди. Київ, 1929, с. 3 (отгиск).

Так же красноречиво он обошел молчанием это издание и в своем исследовании Русской Правды.⁸

Недопустимым пренебрежением надо признать отношение А. Л. Никитина к вышедшему под редакцией академика Б. Д. Грекова академическому изданию Правды Русской. Используя вдвое большее по сравнению с изданием Н. В. Калачова количество рукописей, советское академическое издание было основано на новой их классификации, автором которой был долгие годы трудившийся над ее выработкой московский, ныне покойный, историк Викторин Павлович Любимов. И это издание исключило Болтинский текст Правды из состава источников для установления текста, с мотивировкой, что он является «компиляцией XVIII в. из разных списков».⁹

Наконец, несомненно наиболее авторитетным является отношение к Болтинскому изданию столь выдающегося знатока Русской Правды, как академик М. Н. Тихомиров. Его мнение особенно существенно, так как в академическом издании Правды Русской им были подготовлены к печати именно те виды карамзинской группы списков Правды (Оболенско-Карамзинский и Музейский виды), которыми жонглирует в своих текстологических упражнениях А. Л. Никитин. Общеизвестны принадлежащее М. Н. Тихомирову выдающееся исследование о Русской Правде, а также и «Пособие для изучения Русской Правды», в составе которого он поместил, в качестве вводной, статью «Историография Русской Правды и происхождение ее редакций».¹⁰

В своем большом исследовании М. Н. Тихомиров сжато охарактеризовал Болтинское издание. Сравнивая его с изданием Крестининского списка, ученый писал, что оно «также отличалось рядом произвольных поправок, внесенных авторами в текст Правды». В своем дальнейшем изложении М. Н. Тихомиров, естественно, ни малейшего внимания Болтинскому изданию уже не уделял.¹¹ Позднее он подробнее повторил свое мнение в учебном издании Правды; здесь, после характеристики издания Крестинина, как выполненного «довольно точно и близко к подлиннику», находим следующие строки об издании Болтина: «Несколько позже (в 1792 г.) было напечатано новое издание Пространной Правды. На этот раз издателем был И. Н. Болтин, напечатавший текст с сохранением надстрочных знаков. К сожалению, и это издание отличалось особенностями, характерными для XVIII столетия. Издатели дополняли и исправляли текст древнего сборника на основании других рукописей и собственных домыслов».¹²

А. Л. Никитин полагает, что он все же обрел единомышленницу в лице А. Т. Николаевой. Действительно, А. Т. Николаева писала приводимые А. Л. Никитиным слова, гласящие, что «характерной особенностью Болтина как археографа является чрезвычайно бережное отношение к публикуемому источнику, стремление донести его до читателя в неприкосновенности» (с. 54). Однако, преследуя другие задачи и не изучив, помимо Болтинского, как явствует из ее изложения, ни одного другого — ни печатного, ни, тем паче, конечно, рукописного — текста Правды, А. Т. Николаева была тем самым лишена даже малейшей возможности судить о составе Болтинского текста, а также установить, что

⁸ Руська Правда. Склад та підготував до друку проф. С. Юшков. Київ, 1935; С. В. Юшков. Русская Правда, происхождение, источники, ее значение. М., 1950.

⁹ Правда Русская, т. I. М.—Л., 1940, с. 13, прим. 6.

¹⁰ М. Н. Тихомиров. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953, с. 9.

¹¹ М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде. М.—Л., 1941, с. 12.

¹² М. Н. Тихомиров. Пособие. . . , с. 9.

понимал Болтин как археограф XVIII в. под словами «бережное отношение» к тексту.

Статья А. Л. Никитина сводит на нет весь большой и успешный труд дореволюционной и советской исторической науки по изучению Болтинского издания. По его утверждению, путь, пройденный в этом направлении, не что иное, как непрерывная сплошная «история заблуждений и ложных успехов» (с. 56). Советские же историки, вплоть до М. Н. Тихомирова (не говоря уже об их предшественниках), объединенные, согласно Никитину, «определенной традицией», оказываются в сонме лиц, мнение которых о Болтинском издании определялось якобы их «неприятною» к его издателю, неприязнью, вызванной тем, что И. Н. Болтин был одушевлен любовью к своему отечеству.

В своих текстологических рассуждениях А. Л. Никитин опирается на следующие слова предисловия Болтина к его изданию Правды Русской: «. . . текст законов точно так напечатан, как он в рукописи находится, без всякия перемены не только в словах, ниже в одной букве» (с. 58). Никитин утверждает, что в примечаниях Болтина «указаны все изменения в тексте, равно как и все варианты других списков» (с. 58). Далее находим у Болтина существенное, однако, ограничение: «. . . где нашлись в списке, которому мы следовали, упущения в словах, небрежением писца учиненные, а в других списках оные слова находятся, те мы внесли в текст без всякого усумнения», — т. е., иначе говоря, без каких-либо оговорок.

А. Л. Никитин ополчается против «критиков» и «скептиков», которые принимали это заявление И. Н. Болтина в его прямом смысле и утверждали, что на деле не все установленные им варианты Болтин считал должным приводить в примечаниях. Согласно утверждениям А. Л. Никитина, «текст издания 1792 г. является точным печатным текстом Болтинского списка Правды Русской» (с. 65). В своем распоряжении, по тем же разысканиям А. Л. Никитина, Болтин при подготовке издания имел, помимо списка с «оригинальным Болтинским текстом» (с. 64), печатные издания (ими была Краткая Правда и Крестининское издание Пространной Правды), а также «неизвестные нам» списки двух видов Пространной редакции: Оболенско-Карамзинского и Музейского (с. 65).

Для уровня историко-археографических познаний А. Л. Никитина характерно то возмущение, с каким он обличает «критиков», которые «распоряжались текстом 1792 года с поразительной бесцеремонностью, обвиняя издателей текста в „антиисторизме“» (с. 57). А. Л. Никитин несомненно не подозревает, что Болтин, издавая Русскую Правду, считался не с теми теориями и правилами, которые А. Л. Никитин, очевидно, усвоил, а с теми, которыми руководились такие выдающиеся критики текста второй половины XVIII в., как например А. Л. Шлецер в его знаменитом «Несторе», как Н. М. Карамзин в своих примечаниях в «Истории государства Российского», как, наконец, даже еще Я. И. Березников при издании им первых томов «Полного собрания русских летописей» в 40-х годах XIX в. Когда Шлецер готовил своего «очищенного» (точнее: «чистого») «Нестора», он имел перед собою несколько летописных списков. Однако на вопрос, что Нестор писал действительно и ему ли принадлежит такое-то слово (иногда — такая-то буква, такая-то строка, такое-то место), исследователь искал ответ не в исторической оценке содержащих текст «Нестора» рукописей, а в установленных им самим критериях исправности чтений, обнаруживая, таким образом, «правильные», по его мнению, чтения то в одной, то в другой, то в третьей и т. д. рукописи. Так и для Н. М. Карамзина — Краткая и Пространная Правда были отнюдь не двумя разными исторически сложившимися редакциями Русской Правды, отразив-

шими каждая иной строй общественно-экономических отношений: первая — XI, вторая — XII в. Все списки Русской Правды были для него равнозначны (что для нас, конечно, антиисторично), и Краткой Правдой он пренебрег в своем изложении «законов Ярославовых» на том основании, что Краткая Правда являлась для него, как он и объяснял в своем примечании,¹³ только «худым списком попа Иоанна». Так поступил с Повестью временных лет и Бередников. Не различая исторически ее текстов в составе Лаврентьевской и Ипатьевской летописей, он напечатал в первом томе ПСРЛ полностью текст ПВЛ в составе Лаврентьевской летописи, и, уже не давая полностью текста Ипатьевской летописи, использовал его только в виде вариантов к Лаврентьевской.

После этого пояснения, неизбежного для понимания «антиисторизма» работы Болтина, вернемся к дальнейшему рассмотрению изысканий А. Л. Никитина.

А. Л. Никитин обнаружил такие чтения «Болтинского оригинального текста», которые «не могут быть объяснены редакционной работой издателя 1792 г., даже если допустить его полный произвол» (с. 61). А. Л. Никитин утверждает, что такие чтения, необъяснимые даже при допущении «полного произвола» Болтина, являются «признаками, характеризующими индивидуальные особенности рукописи, на которую пал выбор при подготовке издания текста», и сам приводит эти «индивидуальные» чтения Болтинского издания. Ну а если бы случилось, что «индивидуальные» чтения Болтинского списка обнаружались не в неизвестной рукописи, а в уже известных нам списках разных редакций и превратились бы таким образом из необъяснимых во вполне объяснимые? Очевидно, согласно представлениям А. Л. Никитина, это доказало бы «полный произвол» Болтина в деле установления им текста своего издания.

Особое возмущение А. Л. Никитина вызвало то, что мною на примере сопоставления текстов первой статьи Краткой и Пространной Правды было показано, что эта первая статья Болтинского текста Правды Русской является «склежкой того, как она читается в Краткой Правде, с тем, как она читается в Пространной Правде», и далее, что Болтин «не только по своему разумению соединяет в одно целое разнородные по своему происхождению части текста, но и то, что дошло в исправном, казалось бы, виде, подвергает часто критике с точки зрения своего понимания и соответственно этому правит текст».¹⁴ Обратимся же к некоторым наблюдениям над установленными А. Л. Никитиным «индивидуальными» чтениями Болтинского текста.

Одно из «индивидуальных» чтений «оригинального Болтинского текста» — «ябегник» — было внесено, как указывает сам Болтин (и что признает А. Л. Никитин), из «Татищева, печатанного при Академии наук», т. е. из комментированного В. Н. Татищевым издания Академического списка Новгородской I летописи, сохранившегося до наших дней в Библиотеке Академии наук СССР. «Оригинальный Болтинский текст», каков бы он ни был, все же является по своему составу одним из текстов Пространной редакции Правды Русской, а Академический список, по которому издана «Татищева печатанная» Правда, является текстом Краткой ее редакции. Итак, уже здесь можно сделать вывод, что Болтин, как и другие археографы того времени, как Шлецер, Карамзин и Бередников, не видел различий исторического происхождения и значения текстов

¹³ Н. М. Карамзин. История государства Российского, кн. I, т. II, гл. III, прим. 67.

¹⁴ С. Н. Валк. Русская Правда в изданиях и изучении XVIII—начала XIX в., с. 144.

Краткой и Пространной Правды. Из объяснений Болтина в соответствующем примечании явствует, что, имея перед собою разные списки Правды Русской и обнаружив в ст. I Пространной Правды «мечника», он увидел в нем «военную службу проходящего». В то же время в татищевском тексте Краткой Правды Болтин обнаружил рядом с «мечником» «ябетника», и тогда ему «вероятнее» показалось видеть в «ябетнике» соответствующего «мечнику» гражданского человека, «отправляющего земскую или приказную службу».¹⁵ Несомненно, что такое антиисторическое смешение Болтиным терминов двух разных редакций с целью получения более полного, по его разумению, текста, являлось, как мы видим из этого примера, приемом совершенно естественным и правильным в рамках его рационалистических взглядов на установление текста. Создавать такой сводный из разновременных источников текст который не отражал никаких исторически реально существовавших ни в XI, ни в XII в. отношений, было Болтину вполне позволительно, но А. Л. Никитину совершенно непозволительно этого не понимать.

Однако обратимся именно к тем «индивидуальным» чтениям «оригинального» Болтинского текста, которые, по утверждению А. Л. Никитина, «не могут быть объяснены редакционной работой издателя» (ибо слово «ябетник», как мы видели, было все же явным порождением редакционной работы Болтина).

Первое, обнаруженное А. Л. Никитиным «индивидуальное» чтение «Болтинского оригинального текста» находится в издании 1792 г. в составе параграфа «о вирах» (§ 5, ч. 16). Именно здесь начало параграфа читается: «. . . а се поклоны вирные были». «Индивидуальным» в этом составе слов является термин «поклоны», и «индивидуальность» этого чтения «Болтинского оригинального текста» А. Л. Никитин обосновывает тем, что «всем, без исключения», спискам Музейского вида присуще чтение не «поклоны», а «поконы». Однако «индивидуальность» Болтинского чтения «поклоны» сохраняется только до тех пор, пока мы остаемся в пределах списков Пространной Правды. Она тотчас исчезает, если мы ознакомимся с Краткой редакцией. Именно там и только там мы находим в этом сочетании «поклон вирный» в ст. 42, как и у Болтина. А нам известно из только что сказанного в связи с «ябетником», что у Болтина была при работе над текстом «Татищева печатанная», т. е. Краткая, Правда. Источник «индивидуальности» Болтинского «оригинала» в данном случае определяется без труда.

А вот следующее обнаруженное А. Л. Никитиным «индивидуальное» чтение в том же параграфе «о вирах» (§ 5, с. 17). Среди перечисления того, что полагается «вирнику взяти», читаем в «оригинальном» Болтинском тексте: «. . . а в среду резана». Действительно, чтение это «индивидуально», но опять только постольку, поскольку, как и в предыдущем случае, мы удовольствуемся, следуя за указанием А. Л. Никитина, только тем, что «всем, без исключения, спискам Музейского вида» свойственно другое чтение, а именно: «. . . а в середу куна». Действительно, чтение «куна» имеется во всех списках Пространной Правды (ст. 9), но «индивидуальное» чтение «оригинального» Болтинского текста «резана» приобрело такое «индивидуальное» значение лишь потому, что А. Л. Никитину остался и на этот раз неизвестен тот же бывший в руках Болтина текст Краткой редакции Правды с «резаной» (ст. 42).

Теперь мы можем сделать некоторые выводы. Прежде всего, А. Л. Никитину незнакома Краткая редакция Русской Правды, изучаемая студен-

¹⁵ Правда Русская, или Законы великих князей Ярослава Владимировича и Владимира Всеволодовича Мономаха. 1792, § 1, с. 8 (далее ссылки на параграфы, главы и страницы приводятся в тексте).

тами на первом курсе исторического факультета. Далее: А. Л. Никитин дал нам тем самым приятную возможность (при собственном содействии) установить и некоторые действительные приемы работы Болтина. А. Л. Никитин писал о «вопиющем противоречии», в котором находится с текстом предисловия Болтина мое утверждение о соединении в одно целое разнородных по своему происхождению частей текста. На примере указанных А. Л. Никитиным случаев мы наблюдали именно это соединение в издании Болтина в одно целое чтений двух редакций Правды Русской, разделенных одна от другой временем больших социальных сдвигов.

Продолжим наши наблюдения над «индивидуальными» Болтинскими чтениями опять-таки при любезном руководстве со стороны А. Л. Никитина.

А. Л. Никитин обнаружил в качестве еще одного «индивидуального» чтения Болтинского издания, что «во всех списках Музейского вида» имеются в составе ст. 27 слова: «. . или нос утнет», а в соответствующем месте Болтинского издания (§ 11) («о мече») они отсутствуют. Однако для точности А. Л. Никитину следовало бы привести целиком ту часть текста Музейского списка, в составе которого эти слова находятся, ибо тогда там же обнаруживается еще и другое будто бы «индивидуальное» Болтинское чтение. В Музейском списке это место читается: «. . или нога, или око, или нос утнет», тогда как в Болтинском: «. . или нога, или око истнет». Иначе говоря, индивидуальность Болтинского текста на сей раз состоит не только в том, что в нем исчезли слова «или нос утнет», но и в том, что далее вместо Музейского «утнет» мы находим чтение «истнет». Но здесь обнаружить источник «индивидуальных» чтений Болтинского текста оказалось бы гораздо труднее, так как такого рода чтения имеются только в двух видах Пространной Правды — Розенкампофском («истгнет») и Ферапонтовском («исткнет») (ст. 27). Отыскав эти «оригинальные» чтения в указанных списках, А. Л. Никитин был бы вознагражден тем, что в этих же списках сразу обнаружил соответственно в статьях 25, 70, 108 и 112 и еще 4 установленных им будто бы «индивидуальных» чтения «оригинального» Болтинского текста: «тылеснею» (§ 11, с. 30), «им же ловлено» (гл. IX, ст. 1, с. 68), «аще братия растяжутся о заднице» (гл. XXII, ст. 3, с. 89), «а заповесть» (гл. XXIV, ст. 3, с. 93).

Однако 4 последних «индивидуальных» чтения тем весьма примечательны, что они особенно ясно раскрывают круг познаний А. Л. Никитина в общем составе текстов Пространной Русской Правды. Именно здесь обнаруживается, что указанные 4 «индивидуальных» чтения, за единичными исключениями, имеются в 11 (из 12) видах (включая знакомые А. Л. Никитину, по-видимому, лишь вприглядку Новгородско-Софийский и Оболенско-Карамзинский) и в 76 (из 84) списках Пространной Правды. Таким образом, теперь наглядно обнаруживается, что А. Л. Никитин не только незнаком с Краткой Правдой, но и что из всего множества видов и списков Пространной Правды он счел достаточным привлечь для своих «изысканий» только один вид — Музейский.

Итог вышеизложенного был бы совершенно гибелен для характеристики труда Болтина, если бы к оценке его применить критерии А. Л. Никитина. Ведь А. Л. Никитин писал по поводу установленных им «индивидуальных» чтений издания 1792 г., что они «не могут быть объяснены работой издателя, даже если допустить его полный произвол» (с. 61). Однако именно потому, что «индивидуальные» чтения оказались итогом тщательного выбора Болтиным чтений из имевшихся у него списков Правды — и Краткой, и Пространной, — мы имеем в издании 1792 г. не простую копию мифического списка Русской Правды и не «полный произвол» в выборе чтений, но труд археографа XVIII в., соответствующий взглядам и теориям того

времени, а не археографическим правилам нашей современной науки, столь догматично усвоенным А. Л. Никитиным.

Для оценки статьи А. Л. Никитина следует обратить внимание на тот характер, которым отличается ее стиль и язык. В ней так и мелькают выражения: «поразительная бесцеремонность», «вопиющее противоречие», есть и «вивисекция», и т. п. Но дело даже не в стиле, гораздо хуже неблагоприятные приемы аргументации, к которым прибегает А. Л. Никитин. Вот так он излагает мое отношение к деятельности И. Н. Болтина: «Отказывая Болтину в самой возможности исторического подхода к тому или иному документу», Валк «пренебрежительно отзывается об исторических взглядах Болтина, а порой в его отношении к историку XVIII в. проскальзывает даже враждебность» (с. 54—55). На самом деле я пишу в заключении своей общей характеристики деятельности Болтина следующее: «... тем не менее после сказанного нетрудно понять значение труда Болтина, давшего критический текст Правды с переводом и комментариями, стоявшими на уровне достижений тогдашней науки, и русской, и общеевропейской».¹⁶

¹⁶ С. Н. Валк. Русская Правда в изданиях и изучениях XVIII—начала XIX в., с. 149.

ПО РУКОПИСНЫМ СОБРАНИЯМ

(Печатается под наблюдением В. И. Мальшиева)

Ю. К. БЕГУНОВ

Древнерусские рукописи фонда Синода в Центральном Государственном историческом архиве СССР в Ленинграде

Центральный Государственный исторический архив СССР в Ленинграде обладает богатой и разнообразной коллекцией древнерусских рукописей. 4065 рукописей фонда Синода (ф. 834) имеют подробное научное описание, составленное в 1897—1910 гг. А. И. Никольским.¹ Первый том и две части второго тома «Описания» соответствуют №№ 1—3 машинописных описей ф. 834. В 1957 г. о некоторых древнерусских рукописях (28), не вошедших в описание А. И. Никольского, сообщила в печати Л. И. Полянская.² А в 1960 г. 442 исторических документа XVII—XVIII вв. стали предметом специального обзора научного сотрудника ЦГИАЛ Г. М. Наспер.³ Эти документы составили машинописную опись № 5 ф. 834. В 1960—1961 гг. Г. М. Наспер, а также автор этих строк выявили и кратко описали 1673 рукописи XIII—XX вв.; среди этих, ранее не разобранных рукописей было обнаружено 800 текстов древнерусских и древнерусской традиции. Вскоре была составлена машинописная опись № 4 ф. 834.

Древнерусские рукописные книги и документы, описанные нами в 1960—1961 гг., судя по наклейкам, штампам, пометам и экслибрисам на них, ранее принадлежали библиотекам Государственного совета, Правильной палаты Санкт-Петербургской синодальной типографии, Библейского общества, Собственной его имп. величества канцелярии, Вятской духовной консистории; другие — отдельным лицам: проф. В. Г. Дружинину, гр. А. А. Бобринскому, семье гр. Строгановых, историку Д. Н. Бантыш-Каменскому, филологу В. И. Григоровичу, писателю А. И. Мельникову-Печерскому, книготорговцам С. А. и Н. С. Большаковым из Москвы, Г. Д. Егорову, братьям Першиным из Коврова, С. А. Кашкину, И. Ф. Мельникову, книготорговцам В. И. Ключкову и П. С. Макарову. Немало рукописных книг поступило от русских монастырей, крестьян-старообрядцев из разных губерний, священников, купцов и многих других лиц.

Содержание древнерусских рукописей весьма разнообразно. Остановимся на характеристике наиболее ценных из них, не вошедших в печатные научные описания.

Назовем две пергаменные рукописи.

¹ А. И. Никольский. Описание рукописей, хранящихся в Архиве святейшего Синода, т. I. СПб., 1904; т. II, вып. 1. СПб., 1906; т. II, вып. 2. СПб., 1910.

² Л. И. Полянская. Памятники древнерусской письменности в собрании Центрального Государственного исторического архива СССР в Ленинграде. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, с. 569—573.

³ Г. М. Наспер. Краткий обзор документальных материалов XVII—XVIII вв. из бывшего Архива Синода. — В кн.: Археографический ежегодник за 1960 год. М., 1961, с. 303—310.

Первая из них — Паремийник (ф. 834, оп. 4, № 45), без конца, второй половины XIII в., пергамен, полуустав в 2 столбца, по 23 строки на листе, длина строки 7—8 см, расстояние между столбцами 1.7—1.5 см, 139 лл. (1 л, воценой бумаги 1880-х годов+138 лл. пергамена), формат — 25.5—26.5×20—21 см (листы неодинакового размера). Переплет картонный, новый, конца 50—начала 60-х годов XX в., некоторые листы пергамена реставрированы белой современной бумагой.

На лл. 1, 2, 3, 100 имеются штампы — «Библиотеки Правильной палаты СПб. синодальной типографии», с датой 16 декабря 1898 г. На л. 1 и 1 об. — дарственная Синоду купца г. Старая Русса В. П. Суханова и священника Болотовской церкви Лужского уезда И. Малышева от 20 июня 1888 г.; рукопись была куплена дедом В. П. Суханова В. В. Сухановым в 1825 г. На нижнем поле последнего пергаменного л. 138 об. запись П. Гильтебрандта от 13 IV 1890: «Въ семь Паримийнике перенумерованных двойных страниц сто тридцать восемь (138)», — и его подпись. Имеется несколько десятков инициалов тератологического стиля, плетеных и жгутовых, в виде гепардов, змей, чудовищ, рисованных киноварью и синей раскраски.

Вторая — Четвероевангелие (ф. 834, оп. 4, № 1266), XV—XVI вв., пергамен, полуустав, по 24 строки на листе, 195 лл., формат 37×27 см. Переплет — доски в коже, с двумя застежками. Имеются инициалы и заставки — 4 больших и 5 малых, — нововизантийского стиля, золотом, киноварью, зеленой, синей и желтой красками. Имеется нумерация 24 тетрадей. Последних листов в конце недостает.

Рукописи исторического содержания

Исторический сборник. Содержит отдельные выписки из разных летописей о Ярославе Мудром, о князьях из рода Владимира Мономаха, о знаменях в Русской земле, о войне Василия II с Димитрием Шемякой, о преставлении архиепископа Феофила и присоединении Новгорода, «О побоищи воеводам великого князя с крымским царем в поле», «О мьногочудесной победе на ливонския немьцы и о взятии градов Ругодива, и Юрьева, и Ракобора, и Велияда, и иных мьногих», «Философа греческого беседа и благочестивое сказание» о князе Владимире I, выписки из Казанской истории, родословную русских князей и царей до Петра I, и др. (1755 г., № 1634); выписки из Никоновской летописи о прении Илариона Мегленского с армянами и толкование образа Софии Премудрости (XIX в., № 1657); Степенная книга (XVIII в., № 1533); Летописец южнорусский до 1597 г. с Повестью временных лет и двумя повестями — «Мучение младенца Иоанна с отцом-варягом» и «Повесть дивная и ужасная о смерти Константина, митрополита киевского» (1766 г., № 583); копия Домовой книги 1600 г. московского Богоявленского «за торгом» монастыря (XVII в., № 1517); Синодик г. Чухломы (XVII в., № 1480); «Помянник» крестьян Филимоновых из с. Кеврола, Мезенской волости, Архангельской губернии (XVII в., № 1409); Летописец соловецкий (XVIII в., № 1546); Хронограф второй редакции, в 170 главах (XVIII в., № 1531); Хронограф третьей редакции (XVII в., № 1514); Разрядная книга 1625—1645 гг. (№ 1512); Родословная книга, принадлежащая стольнику кн. В. Ю. Ухтомскому (XVII в., № 1513); Родословная царя Алексея Михайловича, составленная хорватом Лаврентием Хуреличем (XVII в., № 1523); «Синописис» Иннокентия Гизеля (XVII в., № 1525); «История стрелецкого бунта» Ф. Туманского (XVIII в., № 1545); «Действы императора Петра Великого» П. И. Крещина (XVIII в., № 1539); «О зачатии и рождении великого государя императора Петра Первого, самодержца всероссийского»

(XVIII в., № 1540); «Древняя российская история» — отрывок из «Жития и славных дел Петра Великого», напечатанного в 1774 г. (XVIII в., № 1537); «Ядро российской истории» А. И. Манкиева (XVIII в., № 1544); «История Карла XII в.» (XVIII в., №№ 1536, 1542); копия описей имущества 1703 и 1721 гг. московского Благовещенского собора, составленная при архимандрите Амвросии (XVIII в., № 774); реляция чрезвычайного посла России во Франции кн. А. Кантемира за 1739 г., принадлежавшая историку Д. Н. Бантышу-Каменскому (№ 1529); копия Чина коронавания имп. Елизаветы Петровны (XVIII в., № 95а).

Рукописи юридического содержания

Номоканон, отрывок (XIX в., № 1510); Кормчая 1650 г. (№ 548), выписки из Кормчей (XIX в., № 1509); «Книга правил» Иоанна Зонары (XVIII в., № 1469); «Уложение» царя Алексея Михайловича (XVII в., №№ 1522, 1524); «Зерцало российских узаконений от издания Уложения в 1649 г. Составил в 1840 г. Матвей Рукавников» (№ 1558); Сборник копий указов и судопроизводство по Разрядному приказу за 1676—1677 и 1690—1691 гг. (№ 1516); копия подлинного дела о суде над патриархом Никоном, хранящегося в Синоде на 8 столбцах (XIX в., № 633); доношение секретаря Шацкой провинциальной канцелярии Михайлы Петаковского Екатерины II и в Сенат об улучшении судопроизводства (1764 г., № 1535).

Рукописи литературного содержания

А. Повести оригинальные. Киево-Печерский патерик (XVII в., № 1518), Повесть о новгородском белом клобуке (XVIII в., № 1640), Сказание о четырех временах года (XIX в., № 1650), Беседа отца и сына о женской злобе (1780 г., № 411), Повесть о епископе муромском Василии (XIX в., № 1434), «Слово о отроке некоем убозе Егоре» (XVIII в., № 1583), Повесть о Савве Грудцыне (XVIII в., № 1635), История об Илье Муромце, (XIX в., № 1642); Сказания о богородичных иконах — Казанской (XVII в., № 1580), Толгской (XVII в., № 1627), Тихвинской (XIX в., № 1652), Иверской (XVIII в., № 95а).

Паломническая повествовательная литература представлена Хождением Василия Гагары и Василия Позднякова (XVIII в., № 174, отрывок), Хождением Трифона Коробейникова (XVIII в., №№ 1527, 1637; отрывки — XVIII в., №№ 1531, 1543, 1632; XIX в., № 249), Челобитной Василия Полозова (XVIII в., № 1635; XIX в., № 597).

В конце Хронографа второй редакции (№ 1531) на лл. 475—514 имеются следующие повести: «Святого мученика Иоанна, мучившагося во граде Казани от татар в лето 7033», «О мучении святого мученика Петра, иже в Казани», «О благоверном князе Владимире», «О великом князе Всеволоде Ярославиче», «О блаженном князе Давиде Ярославиче дивна повесть», «О князе Василие, о ослепленном, и о чуде животворящаго креста», «О великом князе Доманте Псковском», «О рождении царя Иоанна Васильевича», «О зачатии царя Иоанна Васильевича», «О благоверном подвиге благоверные царевны Елены», «О браке великаго князя Василия», «О завете сыновом и о преставлении царя и великого князя Иоанна Васильевича», «О знамениях» падения Новгорода и Казани.

Б. Повести переводные. О нашествии персов на Царьград (XVII в., № 1621), Сказание об Индийском царстве (XVIII в., № 1635), о папе Григории (XVIII в., № 1632), о 12 снах царя Мамера (XVIII в.,

№№ 1583, 1635, 1638), о царе Аггее (XVIII в., № 1635; XIX в., № 1587), об отце Пиоре (XIX в., № 259).

Сборники повестей, слов, поучений и житий. Пролог мартовский (XV в., № 1612; XVI в., № 1613), сентябрьский (XVI в., №№ 1616, 1617, 1619), Торжественник (XVIII в., № 104), Измарагд (XVI в., № 1438; XVII в., № 1443), Златоуст (XVII в., № 1440; отрывок — XVIII в., № 1448; на греческом языке — XV в., № 1464), Лимонарь Иоанна Мосха (XVII в., № 1520), «Звезда пресветлая» (XVII в., № 1445).

В. Жития оригинальные. Авраамия Чухломского (1864 г., № 241), Авраамия Ростовского (XIX в., № 263), Алексея митрополита (XVI в., № 1425; XIX в., № 263), Антония Печерского (XIX в., № 263), Артемия Веркольского (XVII в., № 1635), Бориса и Глеба (XIX в., № 263; отрывок — 1816 г., № 1432), Варлаама Хутынского (XVI в., № 1425), князя Владимира (XIX в., № 263), Германа Соловецкого (XVIII в., № 1428), Дмитрия, царевича угличского (XIX в., № 263), Дмитрия Вологодского (XVI в., № 1425; XIX в., № 263), Зосимы и Савватия Соловешких (XVI в., № 1425; XVII в., № 1427; XVIII в., №№ 1429, 1637), князя Игоря Ольговича (XIX в., № 263), Илариона Суздальского (1767 г., № 428), Иоанна Новгородского (XVII в., № 1620; XIX в., № 263), Ионы митрополита (XIX в., № 263), Исайи Ростовского (XIX в., № 263), Кирилла Белозерского и Похвала ему, составленные Пахомием Сербом (XVI в., № 1424), Кирилла Новоезерского (XIX в., № 1430), муромских князей Константина, Михаила и Федора (XIX в., № 1434), Макария Желтоводского (XVI в., № 1618), князя Михаила Черниговского (XVI в., № 1425), Нифонта Новгородского (XIX в., № 263), Петра митрополита (XIX в., № 263), Прокопия Устюжского (XIX в., № 263), Сергия Радонежского (1822 г., № 260), Симеона Юрьевецкого (XX в., № 261), князя Федора Ярославского (XVI в., № 1425), Федора Варяга (XIX в., № 263), Феодосия Печерского (XIX в., № 263), Феодосия Тотемского (XIX в., № 262), Филиппа митрополита (XVIII в., № 1428).

Г. Жития переводные. Агапия (XVIII в., № 1638; XIX в., № 1652), Алексея человека божия (XIX в., №№ 242, 1649, 1670), Анастасии Римлянки (XVIII в., № 1641), Андрея Юродивого (XVII в., № 1627), Арефы (XVI в., № 1425), Артемия (XVI в., № 1425), Варвары (XVI в., № 1425), Василия Великого (XIX в., № 1658), Георгия (XVIII в., № 1637; XIX в., № 1658), Григория Богослова (XIX в., № 1658), Григория Амиритского (XVIII в., № 1643), Гурия, Самона и Авива (XVI в., № 1425), Дмитрия (XVI в., № 1425), Евфимии (XVI в., № 1425), Евстафия Плакиды (XIX в., №№ 244, 245), Екатерины (XVI в., № 1425), Захария пророка (XVI в., № 1425; XVII в., № 1620), Иоанна Богослова (XVI в., № 1425; XVII в., №№ 1620, 1627), Иоанна Златоуста (XVI в., № 1425), Иоанна Трапезунтского (XIX в., № 1483), Ирины (XIX в., № 253), Иулиании (XVI в., № 1425), Кирика и Улиты (XIX в., №№ 1435, 1653, 1670), Луки Столпника (XIX в., № 1652), Макария Египетского (XVIII в., № 1643), Маманта (XVI в., № 1425; XVII в., № 1620), Марии Египетской (XVI в., № 1615; XVII в., № 1621), Марины (XIX в., №№ 258, 1660), Марка Афинского (XVII в., № 1631), Мартирия (XIX в., № 1642), Мины (XVI в., № 1420), Михаила Архистратига (XVI в., № 1425; XVII в., № 1620; XVIII в., № 1635, последний с Похвалой и Сказанием о чудесах), Минодоры, Митродоры и Нимфодоры (XIX в., № 1437), Николая Мирликийского (XVI в., № 1425; XVIII в., № 1366; XIX в., № 198), Павла Исповедника (XVI в., № 1425), Прасковии (XVI в., № 1425; XVIII в., № 1632), Пелагеи (XVI в., № 1425), апостолов Петра и Павла (XVII в., № 1624), семи отроков эфесских (XVII в., № 1631), Сергия пустытника (XVII в., № 1631), Симеона Столпника (XVIII в., № 1635), Спиридона Тримифийского (XVIII в.,

№ 1643), Стефана Первомученика (XVI в., № 1425), Стефана Нового, с Похвалой ему Иоанна Златоуста (XVII в., № 1620), Федора Эдесского (XVII в., № 1426), Феклы (XVI в., № 1425), Фомы апостола (XVI в., № 1425), Якова Персидского (XVI в., № 1420). Отметим также два греческих жития Климента Охридского с переводами на современный русский язык Д. М. Хрусталева (XIX в., №№ 256, 257).

Любопытно написанное в отдельной тетради писарским почерком XIX в. Житие Авраамия, «насадителя благочестия и истребителя идолоиконопочитания». Это сочинение, в котором критикуется православное духовенство и злоупотребления царских властей (№ 240).

Д. А п о к р и ф ы. Беседа трех святителей (XVIII в., № 1449), Евсевия Самосадского «О сошествии Иоанна Предтечи во ад» (XVII в., № 1623; XVIII в., №№ 1643, 1644; XIX в., №№ 251, 1592), Епифания Кипрского «О погребении тела господа нашего Иисуса Христа» (XVII в., № 1623; XVIII в., № 1633; XIX в., № 1277) и Житие Богородицы (XVII в., № 104), Григориево видение (XIX в.; №№ 194, 1433, 1663), Житие Василия Нового (XIX в., №№ 1431, 1633), Иерусалимский свиток (XIX в., № 1642), Макариево видение (XVIII в., 1643), «О видении апостола Павла» (XIX в., № 1670), «О главе Адама, о Адаме и древе честного креста» (XVII в., № 1628), «Сказание о создании твари, и како Адам выгнан из рая, и како сатана свержеся из рая, и како сатана свержеся с небеси» (XVIII в., № 1635), «О Прекрасном Иосифе» (XVII в., № 1623), «Сказание учителя церковнаго Иеронима о Июде, предатели господа нашего Иисуса Христа» (XVIII в., № 1632), «Сон Богородицы» (XVIII в., № 1584; XIX в., № 1670), о Богородице (XVII в., № 1635), «Страсти Христовы» (XVIII в., №№ 1585, 1635, 1638; XIX в., №№ 264, 1584, 1586, 1588, 1590).

Е. Д у х о в н ы е с т и х и и з а п и с и н а р о д н ы х с т и х о в, п р и с к а з к и. Газета из ада (1824 г., № 1589), сборники XIX в., содержащие стихи о последнем времени, похвалу девственникам, о пришествии господнем, плач блудного сына, стих умиленный некоего странника, о кратковременном житии, плач Богородицы и Адама, стихи о смерти и мучении грешникам, плач монахини, стихи о пустыне, плач Иосифа Прекрасного, стих — «Ох ты время, время злое», стих об иноческом житии и др. (№№ 133, 135, 1094, 1593), стихи Богородице (XVIII в., № 1582), стих о Марии Египетской (XIX в., № 1650), «О страсти господни и памяти смертного часа» (XIX в., № 1594), стих-плач Иосифа Прекрасного (XIX в., № 192), стих умиленный (XVIII в., № 134), «стих умилен» о Мивване Белогрудой, ждущей с поля Рина Храброго (XIX в., № 1595). Присказка в рукописи второй половины XVII в. (№ 1442, 1 л.): «Из книги Измарагд. Вопрос: Горе тому граду, в немже есть царь юн, а боляре его любят рано ясти и пити. Ответ: Град есть человеческая душа, а царь есть ум, а боляре — душевные помыслы: аще будет ум несовершен, и души той, и телу горе будет».

Ж. С о ч и н е н и я р у с с к и х п и с а т е л е й. Послание о стригольниках патриарха Антония (XVIII в., № 1640), Начало пасхалии и грамота архиепископа новгородского Геннадия (XVI в., № 1614), выдержка из послания старца Филофея к великому князю Василию III под заглавием «От послания Матфея Патръскаго к великому князю Василию Московскому» (начало: «Стараго убо Рима церкви падеся») (XVIII в., № 1640), Послание Филофея к дьяку М. Г. Мисюрю-Мунехину «на звездочетцы и на латыни» (XVIII в., № 1640), Сказание Максима Грека о символе веры (XIX в., № 1657), Послание Максима Грека к царю Ивану IV против брадобрития (XVIII—XIX вв., № 1483), Сборник слов Максима Грека, составленный им в 1532 г. в темнице (XVII в., № 1622), Ответ митрополита Макария царю Ивану IV (1757 г., № 1532), Прение скомо-

роха с жидовином (XVIII в., № 1635), Послание к патриарху Никону о крестном знамении патриарха константинопольского Паисия и ответ Никона (XIX в., № 1657), Катехизис Лаврентия Зизания (XVIII в., № 1640), Скрижаль (XIX в., № 1657), Увет духовный (1689 г., № 1444), Летопись келейная Димитрия Ростовского (XVII в., № 1521; XVIII в., №№ 354, 635), Хронограф библейский (XVIII в., № 582), «Мир человека с богом» И. Гизеля (1751 г., № 1447), «Книга о вере» (XVIII в., № 1476), «Книга Альфа и Омега» (XIX в., № 1485), «Щит веры» (XIX в., №№ 102, 103), поучения Стефана Яворского (XVII—XVIII вв., № 1468), Феофана Прокоповича (XVIII в., № 95а), речь Антиоха Кантемира к имп. Анне Иоанновне и сатиры (XVIII в., № 95а), «Состояние человеческой жизни» В. Золотницкого (1775 г., № 1538).

Из сочинений старообрядческих писателей находим Соловецкую челобитную (XVIII в., № 1632), Повесть дьякона Федора об Аввакуме, Лазаре и Епифании (XIX в., № 1642), краткую редакцию Жития боярыни Морозовой (XIX в., № 1050). Отметим также старообрядческий сборник середины XVIII в. (№ 1639), содержащий статьи о крещении сочинения Андрея Денисова, Петра Прокопьева, прозведения полемического и догматического характера и др., Сказание об Антихристе (XIX в., № 448), Поморские ответы (XVIII в., № 422). Упомянем слова похвальные архистратигам Михаилу и Гавриилу и на зачатие Иоанна Предтечи болгарского писателя Климента Охридского (XVII в., № 1425).

Рукописи научного и учебного содержания

Азбука гражданская, правленная рукою Петра I 29 января 1710 г. (№ 585), Азбуковник, отрывок (XVII в., № 1625), Космография, отрывки (XVIII в., №№ 1519, 1532), Лечебник (XIX в., № 1606), медицинский трактат «Проблемата» Псевдо-Аристотеля, переведенная с польского языка в 1677 г. (XVIII в., № 426), «Собрания от древних философ» Дамаскина Студита о птицах, рыбах, зверях и землях (XIX в., № 1484).

В этой части фонда Синода хранится также много рукописей, содержащих сочинения греко-византийских писателей III—XV вв. (например, №№ 1425, 1465, 1466, 1478, 1498, 1614, 1627, 1644, 1657 и т. д.), в том числе Апокалипсис Иоанна Богослова с толкованиями Андрея Кесарийского (XVII в., №№ 1466, 1628; XVIII—XIX вв., №№ 1644, 1498), Пандекты Антиоха, 54 главы из 130 (XVIII в., № 1475), Паренесис Ефрема Сирина (XVI в., №№ 1465, 1615; XVIII в., № 1478), Поучения на четырехдесятницу епископа калабрийского Ильи Минятия (XVIII в., № 1449), Стословец, 165 глав Геннадия Константинопольского (XVI в., № 1629), аввы Фалассия «О любви, воздержании и умном жителстве», переведенное с греческого языка Паисием Нямецким (XIX в., № 1491), Стоглав Федора Эдесского (XVI в., № 1426), Поучения недельные и праздничные, выбранные Филофеем и Каллистом и переведенные с греческого языка в 1407 г. (XVII в., № 1441). Палеографический интерес представляют некоторые рукописи богослужебного содержания. Из них выделим: Четвероевангелие, написанное в 1517 г. в Пскове (№ 1253), Минею служебную за август и Триодь цветную первой половины XVI в. (№ 1323). Назовем еще Трефолой 1551 г. (№ 1325), Минею служебную за май, середины XVI в., с записью писца: «Рад заец убѣжавъ ис тенѣта, тако рад писецъ посълѣдней строцѣ» (№ 1326), триоди (Цветная и Постная), второй половины XVI в., и Четвероевангелие, третьей четверти XVI в., с записями писцов типа «попытаю перо и бумага добро ли чернилам» (№№ 1312, 1272), Четвероевангелие 1593 г. (№ 1275) и два трефология

русским святым, XVI в., вклад Н. Г. Строганова в 1597 г. в Пыскорский Преображенский монастырь (№№ 1330, 1331).

Из многочисленных певческих рукописей выделяются сборник на линейных нотах партесного пения Василия Титова (XVIII в., № 1420) и крюковые и нотно-линейные сборники XVII—XIX вв. (№№ 228—231, 235, 236, 1411—1419, 1421—1423). Привлекают внимание своими рисунками лицевые рукописи XVIII—XIX вв. духовно-правственного содержания: № 1296 (одна миниатюра), № 1431 (166 миниатюр), № 1434 (12 миниатюр), № 1585 (31 миниатюра), № 1590 (60 миниатюр), № 1638 (133 миниатюры), № 1650 (25 миниатюр), № 1651 (5 миниатюр), № 1653 (4 миниатюры), № 1660 (13 миниатюр).

Кроме рукописей древнерусской письменной традиции, в фонде 834 имеются богатые материалы по истории русской церкви (например, Дело Маркелла Родышевского, 1726—1737 гг., полученное от историка И. А. Чистовича, см. оп. 4, № 1217), сведения по истории русских церквей и монастырей, описи, каталоги и документы библиотек Афона, Переяславского Данилова монастыря, монастырей Петербургской епархии, зарубежных миссий, сочинения деятелей русской церкви: дневники Антонина Капустина (№№ 1118—1132, 1240), дневники, письма и воспоминания архимандрита Фотия (№№ 1220—1223), копии писем Дмитрия Ростовского (№№ 1181, 1635) и др. Есть крестьянские письма XIX в. (№№ 1604—1607, 1642), записи лекций по гуманитарным дисциплинам и многое другое. Специалистов по истории старопечатной книги должна заинтересовать хранящаяся в Библиотеке Архива коллекция изданий XVI—XVII вв.

Все рукописные материалы, вошедшие в описи №№ 4 и 5 ф. 834 ЦГИА, могли бы составить недостающий т. III «Описания рукописей Синода». Надо пожелать, чтобы это возможно скорее было выполнено.

Е. Н. КЛИТИНА

Новые рукописные приобретения Загорского музея-заповедника

Рукописное собрание Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника в 1972 г. пополнилось 19 книгами (18 рукописей и один гектограф), поступившими в музей от наследников Маньковского Григория Ильича (1897—1965 гг.), члена-корреспондента Академии наук СССР.

Г. И. Маньковский начал заниматься коллекционированием в 1920-е годы. В его собрании представлены не только рукописные материалы, но и книги старой печати (15 книг также поступили в Загорский музей). Большинство их приобретено в Москве в государственных книжных магазинах и от частных лиц. В музей поступила только часть собрания, в числе ее одна рукопись XVII в., 9 — XVIII в., 8 — первой половины XIX в., гектограф конца XIX в. Рукописи разнообразны по содержанию. Среди них можно выделить следующие 4 группы: переводная литература, повести муромского цикла, старообрядческая литература, певческие рукописи.

Повествовательная литература муромского цикла представлена Повестью о Петре и Февронии (первой и второй редакций), Сказанием о Муромском и Виленском крестах, «Повестью дивной» об Улиании Муромской (Лазаревской), Житием Константина и сыновей его Михаила и Федора, князей муромских. Среди произведений старообрядческой литературы — История о Соловецком восстании 1667—1674 гг. (два списка), Челобитная иноков Соловецкого монастыря царю Алексею Михайловичу 22 сентября 1667 г. (два списка), Житие Феодосии Морозовой и Евдокии Урусовой (гектограф) и др. Интересен сборник первой половины XIX в. полемического содержания, состоящий из 52 глав со статьями из церковно-учительных книг и сочинений инока Авраамия, дьякона Федора, Лазаря, Спиридона Потемкина, — по защите основ старообрядчества, по вопросам крещения, причащения, священства и т. д. (№ 860). Среди певческих рукописей большой интерес представляет сборник 40—60-х годов XVII в. (№ 863). Он написан полууставом нескольких почерков, имеет 5 записей писцов, по которым можно судить о складывании сборника в течение нескольких десятилетий, начатого как Ирмологий, а затем дополненного Обиходом, Праздниками, избранными стихирами, Октоихом.

Собиратель не оставил каких-либо сведений о происхождении и месте распространения рукописей. Владельческая запись на упомянутом выше сборнике старообрядческих произведений говорит о бытовании его в крестьянской среде (№ 860). В одном старообрядческом сборнике на форзацном листе и обороте нижней крышки переплета записаны копии деловых документов первой половины XIX в., позволяющие сделать вывод о бытовании его в Вятском уезде (№ 861).

Большая часть рукописей орнаментирована. Обращает на себя внимание Стихирарь месячный середины XVIII в. (№ 864). Заставка-рамка и инициалы «поморского» орнамента выполнены в золоте и красках, заглавные строки написаны вязью золотом и киноварью, кожа на переплете с золотым тисненым рисунком — все сделано с большим вкусом и профессионализмом. Ряд певческих рукописей первой половины XIX в. объединяют искусно выполненные яркие и многоцветные заставки-рамки, заставки-«кринь», инициалы, цветы на полях «гуслицкого» орнамента (№№ 867, 868, 869).

Лицевых рукописи две: Повесть о Петре и Февронии первой четверти XIX в. (№ 853) и сборник слов и чудес второй половины XVIII в. (№ 854). В Повести о Петре и Февронии 43 миниатюры. На двух изображены Петр и Феврония в монашеских одеждах, одна из них предваряет начало повести, другая завершает ее. Остальные миниатюры совпадают по сюжету с известными лицевыми списками повести и житийными иконами. Миниатюры в лист, с плотной раскраской акварельными красками по переводному рисунку. Миниатюры (42) сборника слов и чудес выполнены в стиле живописного лубка с характерными для него примитивностью и красочной яркостью.

Список рукописей

1 (856). Круг великий миротворный, XVIII в. (первая половина), в 4-ку, 70 л., полуустав. Рисунки пером и акварелью, — рук, столпов, лунных и солнечных кругов. Переплет — доски, обтянутые тисненой кожей. Филигрань: MARCHAIX (Amsterdam). (Клепиков, Филигр. и штемп., № 1265, 1719—1721 гг.).

2 (851). Сборник лицевой, XVIII в. (вторая половина), в 4-ку, 51 л., полуустав. 42 миниатюры, заставки, инициалы. Переплет XX в. — картон. Бумага без филиграней. Содержание: «Слово о Созомоне» (лл. 1—6), «Чудо о милостыни zelo чудно» (лл. 6 об.—9), «О некоем милостивом человеке, како предаде себе Христа ради и в милостыню отдаде» (лл. 9 об.—31 об.), «Месяца апреля в 30 день. Слово о Магистриане, иже мертвого своею срачицею покры нага лежаща» (лл. 32 об.—41 об.), «Чудо 13 святаго Николая о трех друзех в Византии» (лл. 42—51 об.).

3 (857). «Номоканон, или Законоправильник» с предисловием Захария Копытенского (с издания Клево-Печерской лавры 1624 г.), XVIII в. (конец), в 4-ку, 180 л., полуустав. Миниатюра — «Успение богоматери» (л. 1 об.). Переплет — доски, обтянутые тисненой кожей. Филигрань: ЯМСЯ (герб Ярославской губ. (тип б)) 1785 г. (Клепиков, Филигр. и штемп., № 777).

4 (852). Сборник, XVIII в. (конец), в 4-ку, 120 л., полуустав. Переплет — доски, обтянутые тисненой кожей. Филигрань: РФИЯ (герб Ростовского уезда). (Клепиков, Филигр. и штемп., № 506, 1787—1797 гг.). Запись: «Муромская летопись. Муром» (форзацный лист, почерк XIX в., чернила). Содержание: Житие Константина и сыновей его Михаила и Федора, князей муромских (47 л.), Повесть о Петре и Февронии Муромских (вторая редакция, 23 л.), «Сказание о явлении чудотворнаго и животворящего креста господня, еже есть в муромских пределах», «Повесть о чудесах честнаго и животворящего креста господня, иже взят в литовском граде Вилне сыном боярским арзамасцем Василием Микулиным» (18 л.), «Повесть дивна об Улиании Муромской (Лазаревской)» (32 л.).

5 (853). Повесть о Петре и Февронии Муромских (первая редакция), XIX в. (первая четверть), в лист, 82 л., полуустав, 43 миниатюры, инициалы. Переплет — доски, обтянутые тисненой кожей. Филигрань: КГКОСН||ММ (герб Костромской губ.) 1809 (Клепиков, Филигр. и штемп., № 282).

6 (854). «Диоптра, или Зердало мирозрительно» (с издания: Москва, 1781 г.). XIX в. (первая четверть), в 4-ку, 180 л., полуустав. Три заставки, выполненные пером. Переплет — картон, обклеенный бумагой. Филигрань: УФ (лилия), 1802, ЛП (Клепиков, Филигр. и штемп., № 650).

7 (855). «Книга Варсонофия Великого», XIX в. (середина), в лист, 301 л., полуустав. Переплет — картон, обклеенный бумагой. Штемпель: (Александровский орел) ИМП: П: Б: Ф (Клепиков, Филигр. и штемп., № 71, 1832—1833 гг.). Запись: «Похваление преподобному Вирсонуфию. Славянская рукопись» (форзацный лист, почерк XIX в., карандаш).

8 (858). Челобитная иноков Соловецкого монастыря царю Алексею Михайловичу 22 сентября 1667 г., посланная с соборным старцем Кириллом, XVIII в. (начало),

в 8-ку, 59 лл., полуустав. Многочисленные изображения рук в двуперстном сложении «истинных» крестов, кадил, просфор, выполненные пером и акварелью. Переплет — картон, обтянутый кожей. Филигрань: (Amsterdam) GWP (Клепиков, Филигр. и штемп., № 1059, 1705 г.). Запись: «прежний потриарх московский: 1. Иов, 2. Ермоген, 3. Филарет, 4. Иосаф, 5. Иосиф, по благочестии; по Никони — 1. Никон, 2. Иоаким, 3. Иосиф, 4. Андрейан, 5. Петерим, осии по отступлении 7166 году» (оборот нижней крышки переплета, полуустав, два столбца, чернила).

9 (859). Сборник старообрядческий, XVIII в. (вторая половина), в 4-ку, 154 л., полуустав. Переплет — доски, обтянутые тисненой кожей. Филигрань: AG (Pro Patria) || AG (вензель) (Клепиков, Филигр. и штемп., № 20, 1762—1763 гг.). Содержание: «Написание сиево изложено бысть вкратце о святей и велицей обители сей Соловецкой» (лл. 1—14 об.), «Сказание о Филипове строении, иже в Соловецком монастыре» (лл. 15—19), Семена Денисова «История о отцех и страдальцех соловецких» (лл. 19—97 об.), Челобитная иноков Соловецкого монастыря царю Алексею Михайловичу 22 сентября 1667 г., посланная с соборным старцем Кириллом (лл. 99—154 об.).

10 (860). Сборник старообрядческий «Сборник изобрана из разных книг на полз», XIX в. (первая половина), в 4-ку, 372 лл., полуустав. Переплет — доски, обтянутые тисненой кожей. Филиграния: ЛП (в круге, обрамленном двумя ветками) УФЛП 1826 (Клепиков, Филигр. и штемп., № 314); УФП и КГ 1829 (Клепиков, Филигр. и штемп., № 668); ЛФСАН 1821 (Клепиков, Филигр. и штемп., № 314). Запись: «Сия книга древни Кородкой крестьянина Лазаря Антонова» (форзацный лист, почерк XIX в., чернила). В составе сборника 52 главы со статьями из церковно-учительных книг, из Поморских ответов и сочинений старообрядческих писателей XVII в. (Спиридона Потемкина, дьякона Федора, Лазаря и инока Авраамия).

11 (861). Сборник старообрядческий, XIX в. (первая половина), в 4-ку, 103 лл., полуустав. Переплет — картон, обтянутый кожей. Бумага без филиграней и штемпелей. Запись: 1) «Сия книга соловецкая челобитная, состоявшая о прем. древняго» (форзацный лист, оборот, полуустав, чернила), 2) «Тома 10-го земской давности по прошествии десяти лет статья 2232-я со исполнением повелевает все прошении оставлять без внимания», 3) «1815-го году документ домоваго превяления Еленюю Онисимовоу в уезном суде явлен в . . . ере, что Егор Кочеров за отца ея Онисима Иванова за . . . нова заплатил долгу Павлу Мельникову — 150 р., Ивану Иванову Хрыпову — 350 р., Ивану Полуянову — 500 р., Степану Филипову Шубину — 500 р. Елена своеручно подписом утвердила в декабре месяце 20 дня», 4) «С одного документа 1847-го года апреля месяца 4-го дня уезной сут по требованию [в] Въязцкую шестигласную думу выдал копию за номером 624-м» (оборот форзацного листа и нижней крышки переплета, почерк XIX в., чернила). Содержание: Семена Денисова «История о отцех и страдальцех соловецких» (лл. 1—61), «Слово о происшедшем в России церковнаго чина премеенении, древлеотеческих предании отложения и новых предании, иже сопротивно древлеправославней церкви предании, от лет Никона патриарха московскаго начало восприятого от создания мира в лето 7160-го» (лл. 63—98), изображение старообрядческих четок с пояснениями их отдельных деталей (лл. 99 об.—100).

12 (862). «История российской церкви. Рассмотрение ея быта и деятельности второй половины XVII в. и начала XVIII столетия. Сочинение старообрядца 1884 года» (лл. 1—163), в «Приложении» — «Житие и страдание новороссийских мучениц царския силгищница Феодосии Морозовой и сестры ея княгини Евдокии Урусовой и Марии сострадальницы их в лето 7170-е» (лл. 1—54), XIX в. (конец), в 8-ку, 217 лл., гектограф. Без переплета. Штемпель: № (двуглавый орел) 6 || ГОВАРДА (в овальной рамке со срезанными концами) (Клепиков, Филигр. и штемп., № 46, 1895 г.).

13 (863). Сборник, певческий, на крюках, 1641—1667 гг., в 16-ю долю листа, 636 лл., полуустав. Переплет — доски, обтянутые зеленым бархатом. Филиграния срезаны. Запись: 1) «Сия книга глаголемая Ирмолой полной почет писать в октябре месяце в 26 день в лето 7150 году писан» (л. 1, полуустав XVII в., чернила), 2) «Сеи Ермолой полной с Охтай и с Розниками дописан в марте месяце 20 числе во сто 54 году» (л. 4, полуустав XVII в., чернила), 3) «Потписал сию книгу Ермолой Гаврилко . . . фев сын Огнев лета 7176-го декабря в 8 день на память иже в святых отца нашего Абросима» (л. 5, скоропись XVII в., чернила), 4) «Помози, господи, си празники написать» (л. 566, скоропись XVII в., чернила), 5) «Сий празник рожевственый празник Ивана Кузьмина сына, а писал Ивашка Кузьмин» (л. 566, скоропись XVII в., чернила). Содержание: Ирмологий (лл. 1—345 об.), Обиход (лл. 347—356), Праздники и избранные стихиры (лл. 356 об.—505), Октоих (лл. 510—632 об.).

14 (864). Стихирарь месячный (сентябрь—февраль), на крюках, XVIII в. (середина), в 4-ку, 236 лл., полуустав. Заставка — рамка, инициалы «поморского» орнамента. Переплет — доски, обтянутые кожей с золотым тиснением. Филигрань: GR (под короной) || (Pro Patria) (Клепиков, Филигр. и штемп., № 1044, 1762 г.).

15 (865). Праздники, на крюках, XVIII в. (середина), в 4-ку, 101 л., полуустав. Прimitивная заставка, выполненная пером, киноварные инициалы. Переплет — доски, обтянутые тисненой кожей. Бумага без филиграней и штемпелей. Запись:

«о. Романа Зиновьева Дмитриева, № 127-й» (форзацный лист, почерк XIX в., чернила).

16 (866). Праздники, на линейных нотах, XVIII в. (середина), в 4-ку, 67 лл., полууустав. Переплет — картон, обклеенный бумагой. Филигрань: Я03 (герб Ярославской губ. (тип 2)) (Клепиков, Филигр. и штемп., № 785, 1734—1741 гг.).

17 (867). Трезвоны, на крюках, 1816 г., в лист, 308 лл., полууустав. Заставка — рамка, заставки — «крины», инициалы, цветы на полях «гуслицкого» орнамента. Переплет — доски, обтянутые кожей с золотым тиснением. Филигрань: МОКФ 1815 || Е (герб Баташевых) Б (Клепиков, Филигр. и штемп., № 357). Запись: «Написася сия святая и богодухновенная книга Трезвоны полныя в лето 7324 месяца мая в 26 день на память святаго апостола Карпа и святаго великомученика Георгия Новаго. Аминь» (л. 308 об., дана как непосредственное продолжение текста, полууустав).

18 (868). Праздники, на крюках, XIX в. (первая половина), в лист, 139 лл., полууустав. Заставки и инициалы «гуслицкого» орнамента. Переплет — доски, обтянутые тисненой кожей. Филиграния: 1) ЛФСАЛ 1826 (Клепиков, Филигр. и штемп., № 313), 2) ОФ || ФМ (Клепиков, Филигр. и штемп., № 397), 3) OF || OF (Клепиков, Филигр. и штемп., № 840).

18 || 27
18 || 26

19 (869). Ирмологий, на крюках, XIX в. (вторая половина), в лист, 254 лл., полууустав. Заставка — рамка, заставки — «крины», цветы на полях, инициалы «гуслицкого» орнамента. Переплет — доски, обтянутые тисненой кожей. Бумага без филиграней и штемпелей.

А. И. МАЗУНИН

Рукописи библиотеки Самаркандского государственного университета имени Алишера Навои

В августе 1970 г., в период кратковременного пребывания в г. Самарканде, я познакомился с собранием рукописей фундаментальной библиотеки Самаркандского государственного университета им. Алишера Навои. Как мне удалось установить, в этой библиотеке имеется несколько неописанных рукописных книг XVII—XVIII вв., представляющих научный интерес. По наведенным с помощью сотрудников библиотеки справкам оказалось, что данные рукописи ранее принадлежали профессорам В. И. Анучину и Г. М. Семенову, работавшим в 30-е годы в самаркандских вузах.¹ Ниже сообщается краткое описание этих рукописей.

1. Дело королевича Вольдемара, конец XVII—начало XVIII в., в 4-ку, 134 л., полуустав одного почерка, переплет — доски в коже. Водяной знак — герб г. Амстердама. Заглавия и начальные буквы киноварные. На внутренней верхней крышке переплета экслибрис Г. М. Семенова. На форзаце почерком XVIII в. чернилами написано: «Сия книга, глаголемая вопрос и ответ святейшего патриарха Иосифа к датцкому королевичу Владимару (*нерзб*). . . в лето 7152 (1644 г.) году, апреля в 21 день». Содержание: л. 1—1 об. — «Речь, как подать послание от патриарха»; лл. 1 об.—8 об. — «Послание великого господина святейшего Иосифа, патриарха московского и всея России, к датцкому королевичу Волдемару Христианусовичю в лето 7152-го (1644 г.) апреля в 21 день»; начало: «Смирнейший Иосиф, божиею милостию патриарх московский и всея России, королевичю Волдемару Христианусовичю, графу шлезвицкому и голстенскому и иных поздравляю и челом бью»; лл. 8 об.—76 — «Перевод с немецкого ответного писма, каково прислал датцкой королевичъ Волдемар Христианусовичъ к великому господину святейшему Иосифу, патриарху московскому и всея России, з думным дяком з Григорьем Львовым в нынешнем во 152-м году апреля в 23 день»; лл. 76—134 — «Божиею милостию мы, смиренный Иосиф, патриарх московский и всея России»; начало: «Благородному королевичю Волдемару Христианусовичю, графу Шлезвицкому».

2. Сборная рукопись, XVIII в. (первая половина—середина), в 4-ку, 213 лл., полуустав разных почерков, переплет — доски в набойной парче. Водяные знаки: герб г. Амстердама, буквы НГ (Клепиков, Филгр. и штемп., № 1061, 1722 г.), ЯМЗ (Клепиков, Филгр. и штемп., № 760,

¹ В. И. Анучин (1875—1941 гг.) — профессор географии и этнографии в Томском, Казанском и Самаркандском университетах (1928—1941 гг.), см.: М. Вексельман и н. О встречах и переписке В. И. Ленина с В. И. Анучиным. — Коммунист Узбекистана, Ташкент, 1963, № 4, с. 94. Г. М. Семенов — профессор гистологии и эмбриологии Самаркандского медицинского института (1930—1938 гг.).

1731 г.). Начала и конца недостает. С о д е р ж а н и е: лл. 1—77 об. (заглавие отсутствует), первые слова — «... кровопролитныя между ими сражахуся, аще бо и велики и равноапостольный Владимир отдели град Муром во одержание сынови своему святому Глебу, но не возможе той отвратити поганяя люди от идолскаго помрачения»; л. 78 — чистый; лл. 79—93 об. — «Сказание о Муромском кресте»; лл. 94—110 об. — Житие Дионисия, архимандрита Троице-Сергиева монастыря; л. 111—111 об. — чистый; лл. 112—118 об. — тропарь, канон, ирмос преподобному Марону; лл. 119—143 — Повесть о Петре и Февронии; лл. 144—146 — Слово на латинов Максима Грека; лл. 146—181 — намоканон, правило 32-е Карфагенского собора, выписки из Книги о вере, из Кормчей, из Маргарита, из Стоглава о пострижении бороды, из Псалтыри, из Потребника, Иоанна Зонары, Ефрема Сирина; лл. 181 об.—182 об. — чистые; лл. 183—192 — статьи из Пролога; лл. 191—192 — чистые; лл. 193—213 об. — статьи из Великого Зерцала; л. 213 об. — Лимонарь, гл. 48.

3. Поморские ответы, середина—вторая половина XVIII в., в 8-ку, 202 лл., мелкий полуустав, переплет — доски в коже. Водяные знаки: герб г. Амстердама. Первые 9 лл. выпадают, конца недостает. Имеется оглавление. На внутренней верхней крышке переплета экслибрис Г. М. Семенова.

4. Лечебник, первая половина XVIII в., в 4-ку, 138 лл., скоропись, переплет — картон в коже. Лл. 134—138 выпадают, конца недостает. На внутренней верхней крышке переплета чернилами написано: «Куплен в Орле 5 февраля 1837 год». Записи: л. 1 — «Сия книга Орловской Богоявленской церкви дьячка Ивана Павлова 1778-го года, августа 21 дня, подписал своеручно»; л. 2 — «Сия книга, имянуемая Лечебник, Сибирского пехотного полку подпоручика Александра Протасова, писана 1734 году в августе месяце в Польше, в столичном городе в... (выскоблено). Писал я, Александр Протасов, своеручно». На л. 138 об. — записи бытового характера от 1793 г. орловского дьячка Ивана Павлова, владельческая помета орловского гимназиста Ивана Фантева (?) начала XIX в. Имеется оглавление, в котором перечислено 349 разделов (в тексте сохранилось 342).

5. Тысяча и одна ночь, вторая половина XVIII в., в 4-ку, 198 лл., скоропись, переплет — картон в набивной парче. Водяные знаки: буквы КПР (Клепиков, Филигр. и штемп., № 463, 1759 г.), АГ (Клепиков, Филигр. и штемп., №№ 475—478, 1753—1756 гг.). На внутренней верхней крышке переплета экслибрис Г. М. Семенова. В сборник входят книги первая и вторая (описано 69 ночей).

6. Деяния Петра I, середина XVIII в., в 4-ку, 314 лл., скоропись, переплет — картон в коже. Водяной знак: буквы АГ (Клепиков, Филигр. и штемп., №№ 475—478, 1753—1756 гг.). На внутренней крышке переплета экслибрис Г. М. Семенова. Л. 1 — «Книга 4-я; начало: «Королус, король швецкой, выступил из Дрездена в 1-м числе сентября 1707 года». Деяния (книги четвертая—пятая) охватывают время с 1707 по 1718 г.

7. Рассуждения о добродетели, о правах благородных дворян, о крепостном праве, купле и продаже деревень, о поездках за границу и пр., вторая половина XVIII в., в лист, 6 лл., скоропись, без переплета. Водяной знак: герб г. Ярославля. Начала и конца недостает (статьи с шестой по сорок третью).

8. Старобрядческий богослужебный сборник (тропари, кондаки, икосы), конец XVIII—начало XIX в., в 8-ку, 273 л., переплет — доски в коже, сохранились следы двух застежек. Водяной знак: Pro Patria. Конца недостает; в тексте 4 рисунка старообрядческих крестов.

Д. В. ДРАГУНСКИЙ

«Лествицы» Пушкинского Дома

Занимаясь разысканиями в области древнерусской рукописной книги, невозможно обойти вниманием Хранилище древнерусских рукописей Пушкинского Дома АН СССР. Оно молодое, но уже весьма значительное и непрерывно пополняющееся. Но это Хранилище привлекает к себе в основном исследователей оригинальной древнерусской литературы, хотя здесь имеется немало памятников литературы переводной. Автор этих строк обследовал Древлехранилище Пушкинского Дома с целью отыскать списки славянского перевода «Лествицы» Иоанна Синаита и обнаружил три рукописи, описание которых и составляет предмет настоящего сообщения.

1. Лествица второй половины XVI в. из колл. В. Н. Перетца, № 40; 329 лл., по наличествующей в рукописи нумерации — 327.¹ Размер листов 14.8×19.8 см, письменное пространство 8.0×13.0 см, строк на листе 20. Тетради — кватернионы, сигнатуры стоят в нижнем внешнем углу листа в начале и в конце или только в конце каждой тетради. На первых двух тетрадах сигнатуры не сохранились. Почерк — слегка наклоненный вправо полуустав. Заглавия и рубрики пишутся киноварью, киноварными крестами на полях отмечаются заглавия, в предпоследней статье на полях киноварью написаны номера. Переплет — современный рукописи: доски в тисненой коже, на задней доске 4 угольника и жуковина, без украшений, две застежки, из которых сохранилась нижняя. С о д е р ж а н и е:² л. 1 — послание от Иоанна Раифского к Иоанну Синаиту; л. 2 об. — ответное послание Иоанна Синаита; л. 5 — «Предисловие слова, ему же именованное скрижали духовные»; л. 5 об. — Житие Иоанна Синаита, приписываемое Даниилу Раифскому; л. 11 об. — оглавление 30 слов «Лествицы»; лл. 12 об.—297 об. — собственно «Лествица», 30 глав; л. 279 об. — статья «Восходите», помещенная без отграничения от текста 30-й главы; л. 298 об. — Слово к пастырю; л. 323 об. — разъяснение о соименных Иоанну Синаиту святых и подвижниках; эта статья написана без киноварной рубрики, только в начале заглавия и главок об Иоаннах стоят киноварные буквы. Киноварью же отмечены на полях порядковые номера упоминаемых лиц; л. 326 — толкование непонятных слов.³ З а п и с и. По нижнему полю лл. 1—5 запись затерта.

¹ В описании употреблена старая нумерация.

² Греческий текст: I.-P. M i g n e. Patrologia Graeca, t. 88. Paris, 596A—1209A. Славянский текст полностью не издан. Существует исследование, где изданы заглавия статей славянского перевода «Лествицы» с многочисленными вариантами по материалам югославских хранилищ, — см.: M. H e r p e l. Some slavonic manuscripts of the «Scala paradisi» («Lestvica»). — Byzantinoslavica, t. 18, 1957, p. 233.

³ Этот список «толкования» не учтен в книге Л. Ковтун «Русская лексикография средневековой эпохи» (Л., 1963). Ссылки на текст этой рукописи есть в работе

На нижнем поле л. 6: «Купил лета 7113» (1605 г.). На л. 327 об.: «Поп Никита продал сию книгу Максиму и руку приложил».

2. Толковая Лествица, середины XVII в., без начала и конца (оп. 23, № 147); 641 л. Размер листов 11.2×17.5 см, письменное пространство 6.0×11.5 см, строк на листе 16. Номер последней тетради — 85. Утрачены тетради 1—3 и некоторые листы. Сигнатуры, проставленные киноварью, находятся в середине нижнего поля начального листа каждой тетради. Почерк — беглый, наклонный полуустав с элементами скорописи, очень аккуратный. Заглавия, имена толкователей, порядковые номера Иоаннов в соответствующей статье и разметка на полях «лествица» и «тол[к]» написаны киноварью. Также киноварью написаны название каждого слова на верхнем поле оборота каждого листа и номер этого слова, стоящий на каждом листе, в верхнем внешнем углу. Переплет — доски в коже с тиснением. Сохранилась только задняя доска, остался кусок от средней застежки, а от двух остальных — только гвозди. **С о д е р ж а н и е:** лл. 1—581 — слова 1—30 с толкованиями, причем толкования идут сразу за толкуемой частью текста; чередования текста и толкования отмечаются на полях способом, указанным выше; из толкователей упоминаются Григорий Синаит и Федор Эдесский; л. 581 — Слово к пастырю (без толкования); л. 616 — разъяснение об Иоаннах; лл. 624—641 — толкования слов «Лествицы» в целом, прерывающиеся на толковании шестого слова. **З а п и с и.** На полях часто встречаются пометки киноварью и обычными чернилами — «зри», «смотри». На л. 265 по нижнему полю киноварью заметка: «Зри плоды злаго уныния студныя» (к слову 13 «Об унынии»).

Рукопись куплена у С. Люстрицкого (г. Кез Удмуртской АССР) в 1969 г.

3. Бrevиарная Лествица Богдана Петрова,⁴ 1718 г. (оп. 24, № 3); 140 лл.; лл. 139—140 чистые. Размер листов 20.0×16.0 см, письменное пространство 16.5×11.0 см, строк на листе 21—23. Скоропись начала XVIII в., заглавия написаны красными чернилами, по верхнему полю каждого листа — сокращенное заглавие находящегося на этом листе текста. Переплет — доски в коже без тиснения. **С о д е р ж а н и е:** Щит веры, выписки из разных книг (сочинений святых отцов, патериков, Степенной книги и др.), заметка о кресте патриарха Никона и перечень хранимых в нем мощей (всего 106 единиц), индексы книг «хороших» и «дурных». Интересующий нас текст находится на лл. 110—138. Содержание этого бrevиария таково.

1. Лл. 110—111 об. — Предисловие, — оно кажется оригинальным и издается целиком в Приложении к настоящему сообщению.

2. Выписки из Лествицы: л. 112 — Слово 1, л. 114 об. — Слово 2, л. 116 — Слово 3, л. 117 об. — «От того ж слова о сонних», л. 118 — Слово 4, л. 119 об. — Слово 5, л. 121 об. — Слово 6, л. 122 об. — Слово 7, л. 123 — Слово 8, л. 123 об. — Слово 9, тут же Слово 10 и Слово 11, л. 124 — Слово 12, тут же Слово 13, л. 126 — Слово 14, л. 127 — Слово 15, л. 128 об. — Слово 16, л. 129 — Слово 17, тут же Слово 18, л. 130 об. — Слово 19, л. 131 — Слово 20, л. 131 об. — Слово 21, л. 132 — Слово 22, л. 132 об. — Слово 23, л. 133 об. — Слово 24, л. 134 — Слово 25, л. 134 об. — Слово 26, л. 136 об. — Слово 27; на л. 138 текст обрывается. На лл. 114, 135 (дважды) и 135 об. находятся толкования, такие же, ко-

В. Н. Перетца «Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII веков» (СОРЯС, т. 101, № 3, 1926, с. 74).

⁴ Рукопись написана строителем Веркольской пустыни Богданом Петровым (см. далее его запись).

торые читаются в соответствующих местах Толковой Лествицы, описанной выше. На л. 133 стоит пометка «зри», обращающая внимание на фразу: «Никто же о помыслох хулных себе виновна быти да помышляет». Кроме этого, Лествица упоминается в рукописи еще несколько раз — на л. 77 об. в индексе «хороших» книг и в следующих выписках: л. 98 — «Иоанна Лествичника от Слова 26», тут же «Того же от Слова 21 и 15 о молитве Иисусове», л. 98 об. — «От Лествицы 22 слова», л. 103 — «Иоанна Лествичника от Слова 23 о неизглаголанних помыслох хулных». Последняя выписка большая, до л. 105, превосходит соответствующую статью в бревиарии. З а п и с и. Лл. 1—13 (по нижнему полю) — «Написал сию книжицу Веркольской пустыни строитель про себя а по смерти своей чюдотворцу Артемию в казну и подписал своею рукою ЧНІ году ноября в Г» (З XI 1718); л. 87 (на верхнем поле) — «Труды Богдана Петрова, письмо ево руки», л. 108 — «Писал по прошению многогрешнаго чернеца Веркольской пустыни Антония».

П Р И Л О Ж Е Н И Е

Предисловие к Лествице Богдана Петрова

Предисловие книги божественныя Лествицы всходныя на небо, объявление л. 110
вкраце.¹

Видех Лествицу добродетелную духовную, всходную на небо. Л. степенную, по возрасту вочеловечения Христова числену. Начало же Лествице сей основано на отвержении мира, и всех земных во всем мудровании, и попечении, и желании. Конец же Лествице сей духовней утвержден во святая святых. И степени же Лествицы сея водружены свойственно порождению своему кратю. Ходити же по Лествице сей непрестанно, да блюдет ногу свою крепко, на коей степени стоит да не покользается. Восходити же по ней мысленно до верху ея восходит и стоит на ней, иже любви бог. Сия же Лествица есть путь спасительный правый истинный. Понеже бо по заповедем жити и добродетели исправляти, яко Лествице восходити. И сего ради и Лествица духовная и всходная на небо именяются заповеди и добродетели. || И ходящии по единой степени ступающии на верх восходят. Аще ли кто через две или три начнет ступати, то по кользается и падет паки на землю и разбивается. И ако же и добродетели аще кто начнет первыя обходити, последни же не имут покорятися, но начнут супротивлятися. Но едино по едино навькати, яко по степенем на Лествицу восходити. Мнози бо восходяще, и вси текут путем тем званни в великий град. Но немнози достизают его, точию избраннии. Прочии же различно удерживаемы, и овии убо точию начевше путь сей шествовати, друзии же убо до полу пути и в различная стезя заблуждаются, сиречь до полу веку жив. Инии же и до великого града дошедши путем сим, но вне врат обновачаху, внутрь же не поспеша внити. Другим же усердно текущим путем тем до великого града, и внутрь радостне достигоша. И сего ради именяет их господь малым избранным || стадом, утешая их. Рече бо — не бойся малое мое стадо, яко изволил отец ваш дати вам царство небесное, уповающим на мя.² Толико же мало избранных его и послушающих, яко один от 1000, едва-едва от мира отторгнется, таже от тех избранных малии избираются спасаемии. Забыша бо вся мудрования земная, яко уметы, и телеса своя презреша. Ко единому же богу любезнейше текуще и горяще духом. И возлюбивше всякия скорби, и напасти, и беды, яко чашу сладкаго меду испивающе. О человече! аще хочещи и желаещи получитьи царство небесное, се ти буде ведома Лествица, и путь спасительный на небо возводящий.

(ИРЛИ, Древлекранилище, Отд. пост., оп. 24, № 3, лл. 110—111 об.).

¹ Текст публикуется с современной орфографией. Греческого прототипа этого текста выявить не удалось.

² Лука, гл. 12, ст. 32.

В. П. БУДАРАГИН, И. И. ГУМНИЦКИЙ

Поездка за рукописями на Северную Двину

Маршрут нашей экспедиции, состоявшейся в июне—июле 1973 г., был ориентирован на районы, хорошо известные археографам. Результаты последней поездки на Северную Двину свидетельствовали о том, что рассчитывать на обильные находки в Виноградовском и Верхнетоемском районах Архангельской области уже не приходится. Тем важнее было провести контрольное обследование этих мест, попытаться максимально пополнить наши сведения о местной рукописной традиции.

Основными пунктами наших поисков стали села Топса, Афанасьевское, Пучуга и Нижняя Тойма. Вытянувшиеся на десятки километров по берегам Северной Двины и ее притоков, они представляют собой почти непрерывную цепь населенных пунктов (включая сюда с. Борок). Находки этого года подтверждают не только существование целого ряда переписчиков древнерусской книги в этих местах, но и наличие непосредственных контактов между ними. Палеографические характеристики находок свидетельствуют о постоянном книжном обмене между этими центрами.

Несколько осложняло нашу работу появившееся в последнее время недоверие местных жителей к людям, интересующимся стариной, рукописной книгой — в частности. Наплыв всякого рода «собирателей» вызвал довольно резкие выступления местной печати, в которых не проводилось, однако, четкой границы между собиранием памятников древнерусской культуры государственными научными учреждениями и частной инициативой.

Изменяется и само понятие «местного жителя», с которыми приходится иметь дело археографам. Дело в том, что много домов в этих северных деревнях оживает только на время летних отпусков и каникул. Находки в таких домах безусловно возможны, но дополнительно осложнены или отсутствием хозяев, или их некомпетентностью, иногда и нежеланием с их стороны расстаться со «старинными книгами».

В Топсе, включающей более 30 деревень, где мы начали поиски, рукописная книга сохраняется прежде всего в деревнях по правому берегу р. Топсы (так называемой Нижней Топсы). Потомки старообрядцев здесь живут и по сей день; приобрести рукописи в этих деревнях довольно трудно. На Северной Двине с рукописями расстаются уже легче. В Нижней Топсе мы приобрели Устав и Триодь постную XVI в., отрывок пасхальной службы из Триоди цветной XVI в., старообрядческое сочинение о крещении XVIII в., Чин панихиды и Синодик поморского письма XIX в., Видение Макарию Египтянину и Поучение Иоанна Златоуста о матерной брани XIX в., Стих об Алексее человеке божьем XX в., и др.

В других деревнях находки были буквально единичны. И только в самой удаленной от Нижней Топсы (и самой ближней к Борку) деревне

Плёсо у А. С. Мининой отыскиались Тропари святым XVI в., Часовник (конволют) XVII в. и Сборник духовных стихов с добавлением Жития Алексея человека божия XIX в., содержащий два варианта стиха о пустыне, стих о Борисе и Глебе, о Иосифе Прекрасном, Иоасафе-царевиче, Богородице, о суге мира сего и Плач Адама. Один из дней мы посвятили обследованию д. Сельменьги, относящейся уже к Борецкому сельсовету. Когда-то, по воспоминаниям старожил, эта деревня была сплошь старообрядческая и старинных книг было много. Нам удалось приобрести лишь Страсти Христовы XVIII в. и Псалтырь XIX в.

Следующим районом наших поисков стало с. Афанасьевское. Судя по рассказам, в это село раньше стекались книги не только из Афанасьевского, но и из Пучуги. Основные наши находки пришлось на д. Першинскую, где Н. Я. Баранова передала нам Минею служебную (январь—февраль) XVI в., службу Смоленской иконе Богородицы XIX в., Сон Богородицы 1905 г., два богослужебных сборника XIX в., и др. Из этого же дома происходит Златоуст XVI в. с вкладной записью 1604 г. Афанасия Митрофанова, переданный нам впоследствии в Верхней Тойме Б. Ф. Щепиным. Из других находок отметим Триодь постную и цветную (на крюках) XVII в., сборник духовно-правственного содержания XIX в., отрывок из повести о старообрядческом священноинкоке Досифее, Устав с добавлениями XIX в., и др.

В с. Пучуге выяснилось, что многие жители отдают теперь «славянские» книги за ненадобностью в макулатуру. Но здесь же учительница истории пучужской школы А. Ф. Масленникова организовала учеников на собрание старинных книг и устроила потом в классе выставку. Мы ознакомились с находками. Для нас безусловный интерес представлял искусно орнаментированный Сборник правил из Номоканона с добавлением русской статьи об обращении с еретиками и язычниками начала XIX в. А. Ф. Масленникова передала сборник Пушкинскому Дому. Интересно, что вскоре мы приобрели сборник старообрядческий полемико-догматического содержания, состоящий из 65 глав, с добавлением присяги (патриарха Иоакима) «вступающим в сан священника», переписанный тем же почерком. А уже в Нижней Тойме к нам перешло «Утверждение пустынного жительства» работы того же безымянного переписчика и художника.

Наиболее древней рукописью, найденной на Пучуге, был богослужебный сборник XVII в. Из более поздних отметим Апокалипсис XVIII в. с добавлением чуда в церкви Фролической пустыни в 1757 г., стих о смерти и стих о пустыни XVIII в.; сборник XIX в., содержащий слова Ефрема Сирина, Иоанна Златоуста, Нифонта Кипрского, Сказание о небесных силах и чего ради создан человек, Поучение к духовному брату (возможно, русское сочинение), статьи из Пролога, патериков и др.; запись Софронова Матвея Ивановича о пробе пера и чернил во время обучения пению в д. Постоихе 1922 г., и др. Особо отметим Лествицу духовную и богоугодную темницу (виды подвижничества), лицевой одиннадцатичастный разворот листа, выполненный в 20-х годах XIX в. и подаренный нам М. Ф. Деревцовой в д. Кодима.

Но лучшие приобретения экспедиции ждали нас в Нижней Тойме. В д. Прилук (в 8 км от Нижней Тоймы) А. М. Коробова принесла с повети вместе с какой-то книгой гражданской печати конца XIX в. и остатками лицевых святцев пучужской работы начала XX в. рукописную Триодь конца XV в. с пометой Михаила Попова сына Игнатьева, близкой по времени написания самой рукописи. Запись на лл. 181 об. — 183 сообщает: «Лета 7053 (1545 г.) продала Онфимья Воронина, жена бяше покровскому попу Ивану, Иосифову сыну, сю книгу Треводь, и взяла еси на

ней десеть алтын; и нет дела да тое книги ни мне, ни моим детем и моему роду-племяни; а подписал человек и со (я)зыка». На л. 130 об. еще одна запись: «Лета 7074 (1566 г.) продал сию книгу Треодь олексеевской игумен Иона ондреевскому священнику Федору, а взял на ней десеть алтын; а подписал игумен Иона своею рукою».

В этой же деревне у Ф. В. Булавина вместе с уже упоминавшимся «Утвержением пустынного жительства» был приобретен объемистый сборник последней трети XIX в., включающий повести о Меркурии Смоленском, о знамении новгородской иконы Богоматери; о Иоанне, архиепископе новгородском; о царе Аггее, о Варлааме и Иоасафе, о царице и львице, о Корнилии Выговском, с добавлением рассказов о Никоне, Слово о Григории — папе римском, Пророчество Кирилла Философа о последних днях, жития Прокопия Устюжского, Симеона Столпника, Киприяна и Устины, духовный стих о пустыне, Сказание об убиении пророка Захарии, о рождестве Богородицы, семи отроках, о Данииле-пророке и многое-многое другое.

Значительно (на 37 рукописей) пополнился архив нижнетоемского писца и рисовальщика В. И. Третьякова. Здесь его рисунки и рукописи, им переписанные, рукописи, принадлежавшие ему. Из числа последних показательно для круга читательских интересов В. И. Третьякова большое количество духовных стихов (среди них много сатирических), сказаний, слов и поучений; есть выписки о почитании книг, отрывки из азбуки, грамматики. Среди рукописей, им самим переписанных, иконописный подлинник, стих о Закхее, сборник, содержащий постановление Курженского собора, сказание о временах года, сатирический стих о табаке, о семи дочерях Антихриста, пословицы, Разговор между книжником и мальчиком и др. Особый интерес представляют записные книжки В. И. Третьякова. В одну из них вшито письмо В. М. Амосова Е. И. Меншикову, свидетельствующее о тесном контакте борецких и нижнетоемских старообрядцев. В Нижней Тойме, кстати, мы приобрели старообрядческое сочинение о еретиках и ересь в 63 главах из библиотеки В. М. Амосова. Есть запись о пребывании в Борке и в записных книжках В. И. Третьякова.

Чрезвычайно интересно то обстоятельство, что на Севере все еще хранится большое количество орнаментированных и лицевых рукописей, настенных листов. Подтверждением тому служат новые находки прекрасных образцов северодвинской миниатюрной живописи. Нет каких-то отдельных центров, где можно было бы ожидать особенно многочисленных находок. Лицевые рукописи, которые привезены нашей экспедицией, были найдены во всех районах.

Содержание миниатюр и настенных листов разнообразно. Несколько псалтырей XIX—XX вв. содержат миниатюры с изображением царя Давида; святцы на ноябрь, декабрь, январь и февраль имеют большое количество иллюстраций, правда грубой работы. Часто встречаются и простые рисунки, — например, старообрядческий сборник XIX в. полемико-догматического характера, помимо многочисленных заставок в красках, содержит несколько раскрашенных рисунков, изображающих кресты, крестное знамение и т. п.

Многие рукописи имеют простое художественное оформление — рамки, заставки, выполненные то киноварью, то чернилами, реже красками. Но есть среди найденных книг и прекрасный образец старопечатного орнамента — это заставки Сборника правил из Номоканона. По красоте и мастерству исполнения заставки нашей рукописи можно смело сравнивать с орнаментом, вошедшим в историю искусства старопечатных книг.

Все художественно украшенные рукописи датируются поздним временем — XIX—XX вв. Но в каждой из них видно стремление художников и писцов придерживаться традиционной системы книжного оформления: везде соразмерны поля и текст книги, начало текста выделено заставкой и буквицей.

В с. Пучуге нами был найден особенно ценный памятник северодвинской живописи — к сожалению, не полностью сохранившийся одиннадцатичастный лист с изображением лестницы и богоугодной темницы, где представлены различные виды подвижничества. Красная, черная и серая краски, использованные художником, общий колорит живописи очень характерны для искусства северодвинской миниатюры.

Особенно интересным материалом для изучения живописи и рисунка настенных листов оказался архив В. И. Третьякова. В этом архиве, необычайно ценном для искусствоведов, помимо собственных произведений В. И. Третьякова, находится записная книжка художника за 1927—1929 гг., содержащая записи о технологии изготовления левкаса, шпаклевки, книжных переплетов, о письме по холсту, наконец, автобиографические сведения. В. И. Третьяков составил также несколько иконописных подлинников в виде отдельных зарисовок, прорисей, изучение которых даст возможность проследить традиции живописи, основные иконографические каноны, имевшиеся в данной местности.

Среди рисунков В. И. Третьякова оказались эскизы росписей прялок. Благодаря этим черновым наброскам уже намного полнее и конкретнее можно обрисовать процесс раскрашивания прялок и появление новых орнаментальных мотивов.

Таким образом, собрание Древлехранилища Пушкинского Дома пополнилось разнообразным и ценным в художественном отношении материалом. И то, что все лицевые и орнаментированные рукописи, настенные листы датируются XIX—XX вв., дает нам возможность продолжать изучение поздней северодвинской традиции живописи.

В итоге нашей поездки Северодвинское собрание увеличилось на 97 рукописей XV—XX вв. И можно предполагать дальнейшее пополнение собрания, если в Верхнетоемский и Виноградовский районы Архангельской области в самое ближайшее время будут направлены новые археографические группы.

Г. В. МАРКЕЛОВ, С. В. ФРОЛОВ

Археографические экспедиции Пушкинского Дома в Латвию

В 1973 г. в Древлехранилище Пушкинского Дома было образовано новое территориальное собрание Латгальских рукописей. «Латгалия» — это условное название юго-восточных районов Латвии, граничащих с территориями России и Белоруссии, Псковскими и Полоцкими землями. Русские издавна селились в Латгалии, а с конца XVII в. из центральных областей России в Латгалию, еще не отошедшую под власть русских государей, начали переселяться старообрядцы, спасаясь от преследований официальной церкви. Пользуясь веротерпимостью местного населения, русские довольно прочно обосновались в этом районе, сохранив и закрепив черты своей культурной автономии. До сих пор здесь имеются целые островки древнерусской культуры и книжности «ревнителее древлего благочестия». В 30-х годах XX в. в Латгалии проживало около 66 тысяч русских старообрядцев из 90 тысяч общего числа их в Латвии.¹ А, как известно, именно в среде старообрядчества и до сих пор сохраняются древнерусские книги. Поэтому этот район не мог не привлечь внимание археографов.

Первое археографическое обследование этих районов в послевоенные годы произвел В. И. Малышев, побывав тут еще в 1945 г. В 1950 г. там же побывал В. А. Петров и Ф. А. Каликин. Они доставили в Библиотеку Академии наук несколько древнерусских рукописей. Семь рукописей из Даугавпилса привезли в Пушкинский Дом Ю. К. Бегунов и А. М. Панченко в 1960 г. Эти находки вошли в состав Причудского собрания.

Результаты первых археографических поездок явились весьма обнадеживающими. Неоднократно указывал на возможность поисков древнерусских рукописей в этих местах большой знаток русской старины И. Н. Заволоко. Поэтому Институт русской литературы решил направить туда археографическую экспедицию.

В декабре 1972 г. в Даугавпилс (б. Двинск) и Резекне ездил Г. В. Маркелов. В результате этой поездки в Древлехранилище были доставлены 24 рукописи XVII—XX вв., проверены уже известные адреса и установлены новые. Завязались личные контакты с целым кругом владельцев древнерусских книг. Здесь древнерусская книга еще находит своего читателя, часто имеет практическое применение, ценится и собирается местными любителями старины.

Одним из таких книголюбов оказался Даниил Давыдович Михайлов, всю жизнь собиравший древнерусские книги. Он занимался также и пере-

¹ И. Н. Заволоко. Старообрядчество в Латвии. — В кн.: Русские в Латвии. Рига, 1933, с. 68—82.

писыванием древних текстов, составлением собственных литературных и певческих сборников, являлся и автором ряда оригинальных сочинений, выполненных в традициях древнерусского искусства. В декабрьскую поездку у Д. Д. Михайлова удалось приобрести несколько рукописных книг.

В январе 1973 г. Д. Д. Михайлов скончался. Часть его библиотеки была тогда же приобретена Пушкинским Домом у наследницы его А. Н. Масляковой. Библиотека Д. Д. Михайлова, его работы и творчество характеризуют его как замечательного деятеля старорусской культуры в Латвии.

Летом того же года Пушкинский Дом направил в районы Латгалии следующую экспедицию в составе научного сотрудника Института Г. В. Маркелова и аспиранта Ленинградской консерватории С. В. Фролова. Целью поездки было обследование ряда городов и сёл. Авторы этих строк побывали в Даугавпилском, Резекненском и Прейльском районах Латвийской ССР и Зарасайском районе Литовской ССР. Итоги экспедиции подтвердили возможность и необходимость продолжения в этих местах археографических поисков. Обследовав целый ряд русских деревень, нам удалось установить и перспективные в дальнейшем районы поисков. Здесь, как и в городах, не перевелись еще читатели старинных книг, звучит зачастую знаменное пение, в общинных книжницах стоят издания XVI—XVII в. Мы встретили у местных жителей понимание целей и задач археографических экспедиций и получили от них помощь, советы и поддержку. Однако работа экспедиции была осложнена тем, что весной этого года здесь побывал матерый спекулянт М. С. Севастьянов, собравший у местного населения немало старинных рукописей и редких печатных изданий.

За 25 дней полевой работы нам удалось собрать и доставить в Древлехранилище Пушкинского Дома 34 рукописи XVI—XX вв. В общей сложности Латгальское собрание насчитывает ныне 75 рукописей. В целом оно уже теперь может дать материал для научных исследований самых различных направлений: исторического, литературоведческого, музыкально-ведческого и т. д.

Одной из главных особенностей Латгальского собрания является наличие в нем произведений и рукописей местного происхождения. Среди них выделяется уникальная рукопись — «Хронограф, сиречь Летописец курляндско-литовский», или Дягучаевская, или Дегуцкая, летопись (№ 51).² В Летописце содержится изложение событий с 1651 по 1850-е годы, связанных главным образом с жизнью русских поселенцев в Латгалии и Курляндии. По сути дела — это хроника компилятивного характера, в погодные записи которой вставлены описания как известных, так и неизвестных событий истории. В Летописце имеются ссылки на московские и местные источники. В нем содержатся описания случаев и происшествий в местечке Дягучай, повесть XVIII в. о местном купце и сбежавшей от него жене, стихотворная раешная «Новая газета» и другие литературные вставки. Приводятся любопытные сведения по истории старообрядческой литературы, даты написания различных произведений. Даны также «степени» (последовательность) наставников. В рукописи содержатся два старообрядческих полемических сочинения — «увещательные грамоты» местного автора. Сам факт создания Дягучаевской летописи свидетельствует о глубоких корнях латгальского книгописания, о выдвижении из среды местных книжников оригинальных авторов, о развитии ими древнерусской литературной традиции.

² Номер в скобках — шифр рукописи Латгальского собрания.

Среди рукописей латгальского происхождения отметим Сборник поучений на воскресные дни всего года, составленный Д. Д. Михайловым (541 л., № 72). Того же авторства — поучения, проповеди, пространные приписки к различным сборникам и др. Отметим также сочинения правоучительного содержания двинского наставника М. А. Власова (№ 24), сборники — «цветники» писца Анания Архипова (№№ 69, 70), Сборник 1886 г. писца С. С. Попова (№ 16).

Из рукописей исторического содержания выделяется Хронограф Дорфея Монеувасийского (№ 1; список 1684 г.), перевод с греческого Арсения и Дионисия Греков 1665 г. Наш список дополнен вставками из русских летописей.

Значительную часть собрания составляют литературные сборники, их более 20. Отметим из них сборник XVIII в. (№ 45), содержащий Пчелу, Повесть о Хмеле, Прение Живота и Смерти, Повесть 1496 г. о видении Антония Галичанина, послания Иосифа Волоцкого, Сказание Феодосия Печерского князю Изяславу о латинской вере, поучения русских патриархов, послания патриарха Иеремии Федору Иоанновичу, русские полемико-догматические сочинения, многочисленные слова, поучения, апокрифы, повести, видения и др. Интересен сборник № 12, в котором содержатся Житие Саввы Вишерского, Повесть о Никоне, ученике Сергия Радонежского, Повесть о воздвижении церкви в Киеве князем Ярославом Владимировичем, Чудо Богородицы в Новгороде при князе Романе Мстиславиче, Повесть о Петре, царевиче ордынском, Повесть об Авраамии Галицком Чюхломском и т. д. Сборник № 16 (1886 г.) включает Сказание об Азбуке Кирилла Философа, Житие Павла Коломенского, из Жития Ефросина Псковского, Повесть о трех иконах шемахинских, Сказание Исидора об иконах и иконописцах, «Разговор проповедника с юношей», повести, сказания и другие выписки из Великого Зеркала, Хронографа, Барония, Диоптры, Старчества, и т. д.

В латгальских сборниках содержатся произведения Иосифа Волоцкого (№ 27), Нила Сорского (№ 55), Максима Грека (№№ 5, 11), Андрея Денисова (№№ 5, 15), приписываемые Иоанну IV стихеры (№ 32), отрывки об Аввакуме и Никоне (№ 5). В рукописях можно найти Пчелу (№ 69), Прение Живота и Смерти (№ 69), повести о Костромской (Федоровской) иконе Богородицы (№ 59), о Савве Вишерском и Всеволоде Псковском (№ 60) и другие произведения древнерусской литературы. Встречаются многие переводные памятники: Сказание Мефодия Иерусалимского об Александре Македонском (№ 69), многочисленные повести из восточных патериков, жития первохристианских подвижников, сочинения крупнейших философов и учителей восточной церкви, поучения к власти имущим, против стяжательства, о нищелюбии, притчи Варлаама и Иоасафа. Все они характеризуют круг чтения и интересов латгальских старообрядцев — крестьян и ремесленников.

Широко представлена апокрифическая литература. В сборнике № 57 содержатся Сны царя Мамера, Эпистолия Иисуса Христа в Рим, а также Житие и откровение Симеона Столпника, Повесть из Палеи Толковой о двух дочерях царя Ассириана. В сборнике № 59 среди других произведений содержится апокриф о Каине. В сборнике № 60 имеется Прение Петра-апостола с Симоном-волхвом.

В сборниках №№ 5, 15, 16, 45, 51, 59, 70 встречаются разнообразные старообрядческие сочинения полемического и нравоучительного содержания, отражающие также и местную критико-догматическую проблематику.

В собрании находится краткий немецко-русский словарь XVII в. (№ 2), «Сказание окозрительному знамению» — оригинальные календарные таблицы песнопений на год с расшифровкой сложных условных

«обозначений в виде ряда певческих крюков как символов той или иной службы или песнопения. Представляет интерес толковая псалтырь (№ 56) с подробными богословскими комментариями к каждому стиху. Как явствует из приписки к книге, толкования составлены «От Анфелога» в Вильно в 1685 г. при участии кн. Феодора Леоновича Лубенского.

Широко представлены в Латгальском собрании жанры духовной лирики. Например, в поморском сборнике (№ 49) среди прочих содержится большое количество редких покаянных стихов, стихи и поминальные плачи по Андрею Денисову и др. В рукописях встречаются и такие образцы стихотворства, как стихи о Борисе и Глебе, «Глас 7», Плач Адама, стихи о страшном суде, «поморских отцов к Неофиту» (№ 5), «о скончании века сего» (№ 11), о блудном сыне, о втором пришествии, «Человек живет на земле», «Жил юный отшельник», «Поздно, поздно вечерами» и др. (№ 48), стих о браке в Кане Галилейской, стих на рождество Богородицы, о двух старцах (№ 50). Большая часть духовных стихов Латгальского собрания распета на крюках. Более древние стихи отражают знаменную певческую традицию, в поздних ощущается влияние крестьянской песенности и городского романса XIX в.

Значительное место в собрании занимают певческие рукописи XVI—XX вв. Их более 20. Основная особенность крюковых рукописей обследованных районов заключается в том, что даже в наши дни они достаточно жизненны и поэтому до последнего времени непосредственно использовались в певческой практике; латгальские старообрядцы поют их по крюкам и сегодня.

Ценными в палеографическом отношении представляются крюковые беспометные рукописи — «Праздники» XVI в. (№ 42) и сборник начала XVII в. (№ 43), содержащий много вариантов роспевов на один текст и демественные роспевы. Большой, малый роспевы и Путь встречаются в «Праздниках» XVIII в. (№ 46), многие из стихир которых имеют по два-три варианта роспева. В одном из сборников XIX в. (№ 53) содержится уникальный памятник древнерусского песнопения — образец «среднего роспева». В крюковых рукописях Латгальского собрания обнаруживается не только продолжение, но и развитие древнерусской певческой традиции. Интереснейшим примером песнетворчества XX в. может служить «Стихера протопопу Аввакуму» (№ 39) и «Душевный вопль грешника» (№ 73), составленные и распеты на крюках Д. Д. Михайловым. Интересным образцом старообрядческого поморского пения является распетый на крюках стих Ефрема Сирина о втором пришествии, отмеченный в рукописи как «прогласица поморская».

В экспедиции нам удалось произвести магнитофонные записи образцов знаменного пения по рукописям XVIII в. Для историков музыкальной культуры Древней Руси эти записи важны прежде всего тем, что во многом соответствуют представлениям музыковедов-медиевистов о правильности методов расшифровки крюковой пометной нотации, проливают свет на особенности исполнительской техники древнерусских певцов. Обнаружилось, что для храмового исполнения характерно воспроизведение роспевов по памяти, интонационное следование головщику, ведущему роспев по книге, тогда как домашнее пение характеризуется точным следованием крюковой строчке. Поэтому домашнее исполнение достигает высокого художественного уровня. Мы записали пение представителей старшего поколения головщиков (А. Т. Бурова — г. Резекне; П. Т. Стрелкова — г. Даугавпилс). В Даугавпилсе же нам удалось записать исполнение и молодого головщика М. С. Поддубникова, отличавшееся особенной тщательностью в следовании крюкам. Удалось также записать на магнитофон чтение нараспев текстов Псалтыри, Апостола и других книг, что

является древнейшей формой исполнения служебных текстов «на подобен», т. е. по ограниченному количеству интонационных формул.

В числе рукописей, привезенных из экспедиции, находятся лицевые и орнаментированные книги. Некоторые из них обязаны своим происхождением искусству местных книгописцев, продолжавших традиции древнерусского оформления книги. Снабжены 16 миниатюрами тонкой акварельной работы иконописного стиля «Праздники» (№ 29) на крюках письма Д. Д. Михайлова. Автор миниатюр — Е. Ф. Иванов. Его же красочная миниатюра Иоанна Дамаскина в рукописи № 73. Миниатюра имеется в крюковом сборнике № 4. Там, как и в триоди XIX в. (№ 3), применен орнамент гуслицкого стиля. Роскошная поморская заставка-рамка и инициалы имеются в рукописи XVIII в. (№ 46). Заставки с лицевыми изображениями находятся в сборнике XVIII в. (№ 45).

Судя по книжному орнаменту и по довольно редким припискам на рукописях, можно также определить и направления миграции отдельных книг из России — с Севера, из Твери, из Гуслиц, Москвы, Екатеринославской губернии и других мест — в Латгалию.

В заключение авторы статьи выражают самую сердечную признательность и благодарность за помощь и поддержку, оказанную в экспедиции, за переданные в Древлехранилище Пушкинского Дома рукописи А. Т. Бурову, П. Т. Стрелкову, А. Г. Волкову, М. С. Поддубникову, И. Ф. Павлову, А. И. Кудряшову, К. А. Зимову, Ф. С. Кузьминой, Н. С. Полякову, С. Т. Белову, А. Т. Данилову, М. П. Роголеву, Ф. И. Вылевой, М. А. Андрееву, Н. Е. Орлову, А. Н. Кисляковой, В. С. Филонову и др.

Археографическое исследование юго-восточных районов Латвии только начинается, и можно надеяться на дальнейшее пополнение Латгальского собрания.

Н. С. ДЕМКОВА

Отчет об археографической экспедиции на Печору

Экспедиция студентов-филологов Ленинградского университета¹ с 6 по 28 июля 1973 г. работала по заданию Древлехранилища ИРЛИ АН СССР и Научной библиотеки им. Горького в традиционном районе археографических исследований Пушкинского Дома — в районе Усть-Цильмы и прилегающих к ней деревень (включая селения по рр. Пижме и Нерице).² Параллельно были предприняты поездки на Верхнюю Печору — в район Подчерья и г. Печоры, а также в низовья — г. Нарьян-Мар, поселки Куя, Никитцы, Тельвиска, Устье и др.

Поиски рукописной книги пришлось вести в трудных условиях досконально изученного в археографическом отношении района. Селения вокруг Подчерья, г. Печоры и Нарьян-Мара не могут быть, как оказалось, объектом археографических изысканий.

В работе были некоторые трудности (несмотря на помощь экспедиции со стороны советских и партийных органов, понимающих всю важность сохранения Академией наук памятников народной книжной культуры): заметно мешали, как и в прошлые годы, экспедиции других организаций (одновременно с нами в Усть-Цильме работали еще две самостоятельные экспедиции — этнографы МГУ и сотрудники Московского института этнографии), причем, как правило, все, работающие на Печоре, интересуются рукописной книгой и приобретают ее у местного населения.

Все тексты (около 30), привезенные в 1973 г. с Печоры, — тонкие тетради в 8-ку, и 4-ку или отдельные листы из рукописей XVIII—XX вв. Более «старых» книг мы в этом году не видели (исключение представляет собрание С. Н. Антонова из д. Скитской, имеющего в своем распоряжении крюковые рукописи XVI в.).

Литературные тексты в находках этого года единичны и относятся в основном к кругу духовно-назидательного чтения: «Слово душеполезно о милостивом человеце» (№ 355),³ повести из Пролога и Великого Зерцала (№ 358), из Великого Зерцала и Звезды Пресветлой (№ 351), «Повесть о христоробивом купце и дочери его милосердной, иначе называемая Повесть о крестном брате Христовом» (№ 361), повести о табаке и «омраченном пьянстве» (№ 366), «Газета из ада» (№ 367).

¹ В экспедиции работали Л. В. Беспалова, Н. М. Герасимова, И. Я. Грабовская, И. А. Долгова, Н. Н. Кудрявцева, Т. В. Постнова, М. В. Селищева, Е. П. Семенова, Е. М. Шварц, руководитель — Н. С. Демкова.

² Экспедиция филологического факультета ЛГУ работала на Печоре второй год. Отчет об экспедиции 1972 г. см.: Т. А. Махновец, Е. К. Пиотровская, Л. В. Ярошенко. Поездка за рукописями на Печору летом 1972 г. — ТОДРЛ, т. XXIX. Л., 1974, с. 351.

³ Номер в скобках указывает шифр рукописей в Усть-Цилемском новом собрании Древлехранилища ИРЛИ АН СССР.

Среди литературных материалов следует отметить также список XIX в. канона «ангелу грозному воеводе» Парфения Уродивого (Ивана IV; № 346), недописанное начало «Повести о семи мудрецах» (№ 343), многочисленные духовные стихи: стих о взятии Соловецкого монастыря в XVII в. (№ 367), «стих монастырских девиц молодых», «стих пустынноика, удалившегося от мира» (№ 344), плач детей по умершей матери (на крюках, № 347), стих о покаянии (№ 350), стихи о юности, о несчастной доле, наставления умирающей матери дочери (№ 359) и др.

Остальная часть привезенных рукописей — синодики (№№ 342, 348, 353, 357; часть из них содержит «помявание» печорских и усть-цилемских «родов»), сборники чтений по усопшим (№№ 345, 360), толкования эсхатологического содержания, приписанные Иоанну Богослову (№ 363), каноны и тропари.

Привезенные рукописи характеризуют в основном сегодняшнее состояние книжности в районе Усть-Цильмы: остался самый поздний и довольно тонкий пласт старинной духовной культуры.

Ярким показателем оскуднения старых книжных богатств этого края является почти полное отсутствие печатной книги XVIII в., все еще широко встречающейся на Пинеге и Двине. Сейчас на руках у крестьян находятся редкие экземпляры богослужебных книг, печатавшиеся в начале XX в. в типографии Преображенского кладбища — Псалтырь, Толковая псалтырь, Часовник, Обиход, Синодик (Вселенская панихида), Чин погребения и другие, в основном — рукописи новейшего письма. Литературные тексты древней традиции — редкость теперь в Усть-Цильме.⁴ Поэтому с большим вниманием участники экспедиции ознакомились с текстами и составом двух объемных сборников 80-х годов XIX в., написанных известным усть-цилемским книжником Иваном Степановичем Мяндиным. Благодаря любезности владельцев рукописей удалось скопировать часть текстов из этих сборников, представляющих несомненный научный интерес (№ 368, I—III — 10 тетрадей). Один из сборников — «Цветник» (рукопись в 8-ку, 168 лл.) — содержит ряд повестей из патериков, «Старчества», Пролога, фацеций, в том числе печорские (по-видимому, мяндинские) редакций «Повести о царе Аггее» (она хорошо известна в Усть-Цильме и в устном пересказе, причем рассказчики добавляют свою концовку: «И стал пророком Аггеем»), об Акире Премудром. Здесь же находятся малоизвестные тексты повестей — «О святом Григории, како крести идольскаго жерца» (одно из чудес Григория Неокесарийского), и «Повесть Августина-епископа о обретенном старце» (одно из чудес блаженного Августина). Принадлежность почерка И. С. Мяндину засвидетельствована его дочерью Е. И. Ермолиной: «Эту книгу писал Иван Степанович Мяндин» (л. 168 об.). По воспоминаниям владелицы рукописи, И. С. Мяндин писал сборник для ее деда, делая выборки из большого сборника (книга предназначалась для чтений в дороге, на покосе, и т. п.).

Другой мяндинский сборник — «Торжественник» (в 4-ку, 400 лл., конволют) — состоит из ряда рукописей, содержащих многочисленные «слова» византийских и русских авторов, в том числе слова Кирилла Туровского, жития византийских и русских святых (Варлаама Хутынского, Кирилла Белозерского, Иосифа Волоцкого и др.), апокрифы («Сказания Афродитиана», о Фоме-апостоле, «како он строил полату индейского царя») и большое количество повестей — о Динаре-царице, о царевне Персике,

⁴ Любителями старины бережно сохраняются даже отдельные листочки из Пролога, фрагменты из старообрядческих изданий «беллетризованной» и исторической литературы.

о табаке и др. в «Торжественнике» находится краткий (и более интересный в литературном отношении) вариант «Повести об Августине-епископе», упоминавшейся выше (см. № 368, III).

Основное письменное богатство современной Усть-Цильмы — рукописи местных мастеров книжного дела XIX—XX вв., создателей печорского полуустава — И. С. Мяндина, И. И. Ермолина, а также А. М. Бажукова,⁵ И. Я. Носова. Рукописей И. С. Мяндина еще много «ходит» по Усть-Цильме. В основном это переплетенные тетради в 8-ку, содержащие тропари и каноны, писанные Мяндиным по заказу усть-цилемских крестьян (тропари покровителям скота и посевов Флору и Лавру, Козме и Дамиану, Власию и Медосту, лицам, почитаемым в старообрядчестве, — «тропарь Соломонии Денисовой, глас 8», общехристианским святым — Екатерине, Анастасии, Алексею и др.). Десять таких рукописей Мяндина передано экспедицией в Древлехранилище (№ 354), привезены также автографы А. М. Бажукова (№ 360) и И. И. Ермолина (записка заавчику о выполненной переписке книги с указанием стоимости переписки, № 364⁶).

В дополнение к известному списку усть-цилемских писцов⁷ укажем имена Ивана Яковлевича Носова, переписывавшего рукописи в 20-е годы XX в. (копия его рукописи «стиха об Алексее человеке божьем» — № 368, II), и Егора Игнатьевича Меньшакова (его рукой в начале XX в. был написан сборничек духовных стихов для «Ирины Деметьевны» — № 359).

Много автографов местных писцов-профессионалов сохранилось на печатных книгах. Так, многочисленные пометы имеет хранящаяся в Усть-Цильме книга «Тактикон» Никона Черногорца (Почаев, 1795 г.): 1) «Читал сию книгу с разбойного (*так!*) корабля матрос Архангельской губернии Кемьскаго уезда сумский мещанин Александр Матвеев Антипин»; 2) «Читал сию книгу Андрей Михайлович Бажуков, хромой. . . Не славен тот лосман (*так!*), которой в море век плавал, а глубины и мели не знал. Не настолько нужно прочитатъ, насколка нужно испытатъ и испытанное людям росказатъ». На полях книги есть читательские пометы рукой В. И. Лагеева («Зри, вино добро есть» и др.).

Известно, какой богатый материал представляют собой читательские пометы и владельческие записи на книгах для выяснения путей их миграции. Экспедиция фиксировала записи, по которым можно судить о привозе книг на Печору с Мезени, с Ваги, Вологодчины, с Волги.

Своеобразной наградой участникам экспедиции был подаренный нам сборник повестей — из Пролога и Великого Зерцала (в 8-ку, конец XIX в.), содержащий 8 миниатюр-иллюстраций довольно тонкой профессиональной работы (№ 358). Этот сборник — уменьшенное (по составу и формату), но точное (выполненное тем же писцом и рисовальщиком) воспроизведение рукописной книги в 4-ку, оставшейся в Усть-Цильме. . . Обе рукописи, по-видимому, не печорского происхождения (владельцы вспоминают о привозе книг из Архангельска).

Несмотря на длительную работу археографов в Усть-Цильме (с 1937 г.), несмотря на большой приток разных «наезжих» людей, любителей печорской старины, Усть-Цильма еще до сих пор не «отдала» всех своих книжных сокровищ. Кроме библиотеки С. Н. Антонова, двух упомянутых выше мяндинских сборников, в Усть-Цильме хранятся прекрасные помор-

⁵ См. о них: В. И. Малышев. Усть-цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960, с. 14—16.

⁶ Стоимость работы И. И. Ермолина указана также непосредственно на одной из рукописей И. Р. Кислякова, оставшихся в Усть-Цильме (полуустановка, около 50 лл., в 4-ку): «Сию книгу писал Игнатей Ермолин 1899 г. 7 апреля. . . цена 1 руб. 50 коп.»

⁷ См.: В. И. Малышев. Усть-цилемские рукописные сборники. . ., с. 16—18.

ские рукописи XVIII в., сборники апокрифов и т. д. Возможны и новые интересные находки.

Из печатных изданий, переданных экспедицией в Научную библиотеку ЛГУ им. Горького, отметим редкий экземпляр Канонника (М., 1652), Пролог (Вильно, 1790), Кириллову книгу (М., 1644), несколько старообрядческих изданий начала XX в.: дефектный экземпляр «Жития протопопа Аввакума» (издание Московской книгопечатни, 1912 г.), представляющий собой перепечатку кириллицей текста редакции В — Казанского списка Жития, изданного А. К. Бороздиным,⁸ краткую историю начала раскола, образования Выга, Синодик с перечнем новгородских и псковских «страдальцев», московских «духовных отцов», а также наставников в «Вятских странах» (дефектный экземпляр, без места и года издания).

Кроме остатков крестьянских библиотек, участниками экспедиции были просмотрены также книжные фонды Ненецкого окружного краеведческого музея (г. Нарьян-Мар) и составлена для музея опись имеющихся там книг, в основном синодальных изданий XVIII—XIX вв.⁹ В настоящее время в экспозиции музея находятся две рукописи: 1) Псалтырь поморского письма, в 4-ку, конца XVIII—начала XIX в., хорошей сохранности, 2) скорописный сборник арифметических упражнений, в 8-ку, начала XIX в.

⁸ См.: А. К. Бороздин. Протопоп Аввакум. СПб., 1898 (1-е изд.); 1900 (2-е изд.).

⁹ Опись составлена Н. Н. Кудрявцевой и Е. П. Семеновой.

М. Д. КАГАН-ТАРКОВСКАЯ, Н. В. ПОНЫРКО

Поиски рукописей в Вологодской области

Археографическая экспедиция в Вологодскую область была предпринята Пушкинским Домом впервые. Выбирая этот район, мы руководствовались сведениями о наличии здесь в начале XX в. значительных групп старообрядческого населения. Полевая работа позволила более отчетливо представить направления будущих поисков.

В 1973 г. нами был обследован юг Вологодского края: Грязовецкий, Череповецкий и Шекснинский районы. Экспедиция начала работу с д. Горка, расположенной неподалеку от г. Грязовца. Некогда она была центром местного старообрядчества. Здесь, в 3 км от монастыря Корнилия Комельского, в начале нынешнего века была построена поморская молельня. С остатками ее библиотеки мы познакомились, когда посетили 90-летнюю Евлампию Евдокимовну Рябухину. Старушка живет в заброшенной молельне и бережет оставшиеся здесь книги и утварь. У Евлампии Евдокимовны мы приобрели 11 рукописей. Самая ранняя из них — сборник XVII в., содержащий выписки из Пчелы, избранные псалмы, обиходник Троице-Сергиева монастыря и др.

Поиски в окрестных деревнях (Косяково, Скоморохово) были не очень плодотворными, так как большая часть книг так или иначе осела в молельне: туда их сносили после смерти владельцев. Однако в с. Запрудное нас ожидала удача. Здесь у Марии Дмитриевны Зваровой нами была приобретена рукопись Канона ангелу грозному воеводе Парфения Уродивого. Хотя список датируется началом XX в., но примечателен наличием в нем обращения автора к «людям земским», что очень важно для атрибуции этого памятника Ивану IV. Среди множества списков Канона до сих пор были известны только два, содержащие подобное обращение. У Марии Дмитриевны также было обнаружено малоизвестное произведение древнерусской книжности — Повесть о Феофане Соловецком.

Население деревень, близких к г. Грязовцу, всегда было смешанным, старообрядцы в нем не преобладали. Сейчас же старообрядческие семьи все редки, и обнаружить их не просто.

Далее экспедиция направилась в так называемую Фроловщину, группу деревень, центром которой является с. Фрол (бывший Фроловский погост), расположенное в 25 км от Грязовца.

Деревни здесь расположены очень густо, в 2—4 км одна от другой, или, как говорят местные жители, «с поля на поле», — так что нам удалось обследовать больше десятка сел.

Если бы пришлось составить карту старообрядческих толков, расположенных ранее на этой небольшой территории, то она оказалась бы очень пестрой. Еще в начале нынешнего столетия здесь можно было встретить и поморцев, и странников, и федосеевцев, и филипповцев. Потомки их, с которыми мы общались, уже не причисляют себя к старообрядцам, но

еще сохраняют оставшиеся от старшего поколения книги. Преимущественно — это печатные издания XIX в., рукописей значительно меньше. Большинство из имеющихся здесь рукописей удалось привезти в Ленинград. Среди них особенный интерес представляет Просветитель Иосифа Волоцкого пространный редакцией в списке XIX в.

Следующим за Грязовецким был Шекснинский район. Но поиски на его территории оказались неудачными. Население здесь главным образом было православное, старообрядцев насчитывалось очень немного.

Более успешной оказалась поездка в Череповецкий район, где была обследована группа деревень почтового отделения Мусора. Здесь, поблизости от д. Воскресенское, в начале нашего столетия располагался крупный скит «неговцев». Как рассказывают старожилы, скит имел мощное скотоводческое и земледельческое хозяйство, а также был культурным центром для крестьян округи. Сюда отдавали детей на выучку грамоте, инокини переписывали здесь рукописи. Сейчас никаких следов скита уже не осталось. Но последние его жители изредка встречались нам все же в районе д. Мусоры и в деревнях, значительно от нее отдаленных. Из рукописей, обнаруженных здесь, можно выделить сборник XVIII в., содержащий повести из Великого Зеркала, о Пафнотии-мниси, об Ираклии-царе и др.

Бесплодной оказалась работа в селах Александрово, Маслово, Завидово. Это были, кстати, единственные пункты, где нам сообщили о собирателях книг, появлявшихся здесь до нас (надо сказать, что частное собирательство задело Вологодскую область в значительно меньшей степени, чем традиционные районы археографической деятельности Пушкинского Дома). Этим, вероятно, объясняется то, что среди множества печатных книг, которые охотно показывали нам в с. Александрово, не оказалось ни одной рукописи. Ничего не дала поездка в д. Митрохово, Ларионово и Фоминское, расположенные в стороне от тракта Череповец—Шексна. Здесь поиски рукописей оказались напрасными.

Неожиданно были обнаружены книги в самом г. Череповце. Во время строительства Рыбинского водохранилища в этот город попало население деревень, расположенных в зоне затопления. Кое-кто из них привез вместе с собой и книги. Из-за непродолжительности экспедиции нам не удалось обследовать Череповецкий район более тщательно, но надеемся, что это будет возможно в будущем.

Привезенные нами книги положили начало Вологодскому собранию, которое насчитывает пока 29 номеров.

ХРОНИКА

Иван Федорович Голубев

(1891—1973 гг.)

Некролог

6 сентября 1973 г. в Калинин скончался на 83-м году жизни Иван Федорович Голубев, известный местный археограф, большой знаток и энтузиаст своего дела. Вся жизнь И. Ф. Голубева прошла в родном крае, ему он отдал все свои знания, силы и способности. Мы потеряли редкого и разностороннего специалиста.

И. Ф. Голубев родился 5 февраля 1891 г. (по новому стилю) в тогдашней Твери в семье служащего. Здесь он в 1909 г. окончил с золотой медалью гимназию; в 1916 г. Иван Федорович успешно завершил Историко-филологический факультет Московского университета. Однако работать в избранной области ему не пришлось; его сразу же мобилизуют в армию. Румынский фронт, участие в боях, тяжелая контузия. Во время Февральской революции солдаты избрали И. Ф. Голубева председателем дивизионного комитета. В феврале 1918 г. его по состоянию здоровья (сказалась контузия) демобилизовали.

Вернувшись домой, И. Ф. Голубев отдался в основном преподавательской деятельности в уездах Тверской губернии, а с 1936 г. до начала Великой Отечественной войны работал заведующим учебной частью Калининского филиала Института повышения квалификации хозяйственников и инженерно-технических работников Наркомхоза РСФСР. Трудился он и на других ответственных постах по подготовке квалифицированных кадров этого наркомата, принимал активное участие в общественной жизни края, в том числе в организации колхозов. В конце 1941 г. в связи с приближением линии фронта к г. Калинин И. Ф. Голубев вынужден был эвакуироваться в Костромскую область. Здесь он прожил до 1944 г., работая колхозным счетоводом в с. Саметь.

Одаренный пытливым умом и завидным трудолюбием, И. Ф. Голубев при любых обстоятельствах стремился к расширению своих знаний. Именно это побудило его в 1929—1931 гг. закончить Институт повышения квалификации кадров народного образования по математическому факультету, а в 1937—1939 гг. — отделение французского языка¹ Центральных курсов заочного обучения иностранным языкам. В 1942—1947 гг., уже в возрасте 56 лет, он заочно окончил с отличием Историко-архивный институт. С 1948 г. И. Ф. Голубев был членом КПСС.

В послевоенные годы творческая деятельность И. Ф. Голубева была в основном связана с двумя калининскими научными учреждениями — Государственным архивом и Педагогическим институтом им. М. И. Калинина (ныне Калининский государственный университет). Немало времени он уделял также работе в Областном краеведческом музее и в созданном при его непосредственном участии Музее тверского быта — филиале Областного краеведческого музея. Уйдя на пенсию, И. Ф. Голубев не переставал

трудиться, поддерживал до конца жизни тесную связь с этими организациями.

В Государственном архиве И. Ф. Голубев работал по разборке и описанию фондов, принимал активное участие в его коллективных трудах, выступал в качестве опытного консультанта и педагога, особенно в области древнерусской письменности, которую он знал превосходно.

В Педагогическом институте И. Ф. Голубев на протяжении многих лет читал курс русской палеографии и преподавал студентам греческий язык, вел с ними семинарские занятия. Своими обширными знаниями архивиста, историка, филолога, знаниями новых и древних языков (он владел в совершенстве французским, немецким, польским, латинским и греческим языками) И. Ф. Голубев охотно делился со всеми, кто обращался к нему за помощью. А приходили к нему за ней часто и работники местных музеев, и студенты-заочники Историко-архивного института, и учителя городских высших и средних школ. Нередко за советом и справками к нему обращались видные ученые и специалисты нашей страны, а также зарубежные.

В 1954 г. И. Ф. Голубеву предложили участвовать в «Трудах Отдела древнерусской литературы», в разделе «По рукописным собраниям Советского Союза». Он живо откликнулся на эту просьбу и вскоре прислал статью о собраниях г. Калинин, которая была напечатана в т. XI ТОДРЛ. С тех пор его связь с Сектором древнерусской литературы, с ТОДРЛ не прерывалась. Он стал настоящим другом Сектора, выполнял его поручения, принимал деятельное участие в проводимых им конференциях и заседаниях, всегда живо интересовался его жизнью, работой Древлехранилища. Многие сотрудники были с ним в длительной деловой переписке.

В ТОДРЛ И. Ф. Голубев напечатал 10 статей. Их отличает новизна материала и исследовательская четкость. Некоторые из опубликованных им здесь стихотворений и прозаических памятников прочно вошли в научный оборот, расширили наше представление о репертуаре древнерусской литературы.

В Калинин И. Ф. Голубев проводил большую работу по изучению местных рукописных собраний, открыл ряд ранее неизвестных ценных памятников древнерусской литературы и фольклора. Его книга «Коллекция рукописей Государственного архива Калининской области» (Калинин, 1960) и его статьи о местных собраниях, опубликованные в ТОДРЛ, являются надежными помощниками ученых при знакомстве с калининскими архивами.

Как человек, И. Ф. Голубев отличался большой скромностью, доброжелательностью к людям и отмеченным уже выше особым трудолюбием. Он не мыслил жизни без работы. Даже тяжело больной, он продолжал трудиться, переводил для архива статью с польского языка.

За многолетнюю плодотворную деятельность И. Ф. Голубев не раз награждался почетными грамотами Главного архивного управления при Совете Министров СССР и Калининского облисполкома.

И. Ф. Голубев принадлежал к тем скромным труженикам науки, которые, не ища высоких степеней и званий, делали между тем большое и полезное для русской культуры дело. И лучшей его научной характеристикой, лучшим венком на его могилу будут оставленные нам его опубликованные и неопубликованные труды. Статьи сказать, некоторые из его неизданных работ настолько важны, что требуют скорейшего напечатания.

Список печатных работ И. Ф. Голубева

1. Очередные задачи (Вниманию сельских культурно-просветительных кружков). — Тверской кооператор, 1920, №№ 4—5.
О необходимости записывать фольклор.
2. Денис Давыдов о партизанской войне. — Северная правда, Кострома, 1942, 3 июня, № 155.
3. К тридцатилетию второй балканской войны. — Северная правда, Кострома, 1943, 2 июня, № 136.
4. Реформа 1861 года и крестьянское движение в Тверской губернии. — Пролетарская правда, Калинин, 1946, 3 марта.
В соавторстве с Н. Ф. Джоковой
5. Новые данные о Л. Ф. Магницком. — Математика в школе, 1948, № 6, с. 26—27.
6. Повесть об Илье Муромце и Соловье Разбойнике. Неопубликованный текст из сборника второй четверти XVIII века. — В кн.: Славянский фольклор. (Материалы и исследования по исторической народной поэзии славян). М., 1954, с. 241—250.
7. Собрания рукописных книг г. Калинина. — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, с. 440—463.
В Приложении опубликовано «Сказание о премудром бражнике».
8. Рукописные книги бывш. Тверской ученой архивной комиссии. — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, с. 513—521.
9. Рукописные и старопечатные книги в краеведческих музеях городов Калязина и Кашина Калининской области. — ТОДРЛ, т. XVI. М.—Л., 1960, с. 570—572.
10. Коллекция рукописей Государственного архива Калининской области (краткий обзор). Калинин, 1960, 62 с.
11. Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Тверской губернии. Сборник документов и материалов. Калинин, 1960, 486 с.
В соавторстве с другими сотрудниками Государственного архива Калининской области.
12. Государственный архив Калининской области. — Путеводитель. Калинин, 1960, 352 с.
В соавторстве с другими сотрудниками Государственного архива Калининской области.
13. Два неизвестных стихотворных послания первой половины XVII в. — ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1961, с. 391—413.
14. Семь рукописных книг XVI—XVIII вв. из собрания Калининского педагогического института имени М. И. Калинина. — ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1961, с. 605—607.
15. Новый список «Послания дворительного недругу». — ТОДРЛ, т. XVIII. М.—Л., 1962, с. 326—328.
16. Выставка рассказывает о чуде. — Смена, Калинин, 1964, 3 марта.
О выставке к 400-летию русского книгопечатания в областном архиве.¶
17. Вирши о смерти и пьянстве. — ТОДРЛ, т. XXI. М.—Л., 1965, с. 80—88.
18. Два прозаических послания из письмовника XVII века. — ТОДРЛ, т. XXI, М.—Л., 1965, с. 183—187.
19. Новые материалы о семействе Бакуниных. — История СССР, 1965, № 2, с. 211—212.
20. Письма Бакуниных. — Калининская правда, 1965, 26 сентября.
21. Забытые вирши Симеона Полоцкого. — ТОДРЛ, т. XXIV. Л., 1969, с. 254—259.
22. «Тверские Пимены». — Смена, 1970, 30 апреля.
23. Этим тверским книгам сотни лет. — Смена, 1970, 30 мая.
24. «Где многие мудрости. . .». — Смена, 1970, 3 сентября.
¶О Д.И. Карманове, краеведе XVIII в.
25. Встреча Симеона Полоцкого, Епифания Славинецкого и Паисия Лигарида с Николаем Спафарием и их беседа. — ТОДРЛ, т. XXVI. Л., 1971, с. 294—301.

И. Ф. Голубевым оставлено более четырех десятков больших и мелких неопубликованных работ. Они посвящены истории местных архивов, исследованию записок и дневников тверяков XVIII—XIX вв., писателю С. Д. Дрожжину, пребыванию в Твери поэта Ф. Н. Глинки, В. Г. Короленко, А. А. Жданова, местным архивам и археографам прошлого (А. А. Живневскому и др.), семейству Бакуниных, вопросам, связанным

с историей местного края. Список их имеется в Древлехранилище Пушкинского Дома, а сами работы хранятся у дочери И. Ф. Голубева Надежды Ивановны Голубевой, которая помогла нам составить библиографию трудов И. Ф. При работе над ней я прибегал также к помощи работников Калининского областного исторического архива. Сообщаем ниже некоторые из неопубликованных работ И. Ф. Голубева.

1. Комитет Тверской военной силы в 1812—1817 гг. Сборник документов 1947 г. 165 машинописных страниц.

Совместно с Н. Ф. Дюковой и М. А. Ильиным.

2. Описание коллекции грамот и актов XVI—XVII вв. Калининского областного краеведческого музея. 1951 г. 50 машинописных страниц.

3. Летопись важнейших событий по истории Тверского края — Калининской области. 1959 г. 167 машинописных страниц.

В соавторстве с М. А. Ильиным.

4. Собрание рукописных книг Государственного архива Калининской области как исторический источник по истории культуры Тверского края. 1965 г. 12 машинописных страниц.

5. Описание славянских рукописей XV—XVI вв. Государственного архива Калининской области. 1968 г. 5 авторских листов.

6. Описание калининских рукописных сборников и памятников литературы XVII—XVIII вв. 1972 г. 15 авторских листов.

В. И. Малышев

Сигизмунд Натанович Валк

(1887—1975)

(Н е к р о л о г)

5 февраля 1975 г. умер Сигизмунд Натанович Валк. Умер человек, бывший учителем десятков поколений гуманитаров, — не только своих непосредственных учеников, но и множества историков и филологов, искавших его совета и помощи. Несравненная эрудиция во всех вопросах источниковедения, археографии, библиографии, текстологии, феноменальная память, не ослабевавшая с годами, сочетались в Сигизмунде Натановиче с радостной готовностью помочь всем, кто к нему обращался. Сколько раз каждый из нас, встречая его на улице или в библиотеке, всегда спешащего, даже на девятом десятке не обретшего старческой медлительности и дряхлости, испытывал особое чувство радости от того, что этот удивительный человек и ученый жив, бодр и продолжает трудиться.

Сигизмунд Натанович Валк родился в 1887 г. Он принадлежал к той блестящей школе Петербургского университета, питомцы которой занимали важнейшее место в нашей науке вплоть до 40-х годов. Это — И. М. Гревс, О. А. Добиаш-Рождественская, А. Е. Пресняков, ~~Е. В. Тарле~~ М. Д. Приселков, Б. Д. Греков, Б. А. Романов, Н. Ф. Лавров, С. Н. Чернов и др. Постепенно все они уходили, и Сигизмунд Натанович оставался последним достойным представителем этой плеяды.

Учителем С. Н. Валка в Университете был А. С. Лаппо-Данилевский — выдающийся источниковед, стремившийся сделать критику источника строго научной теоретической дисциплиной. От него Сигизмунд Натанович воспринял интерес к памятникам Древней Руси. После революции С. Н. Валк, как и многие другие молодые историки, обратился к впервые открытым для науки архивам полиции и охранного отделения и стал одним из крупнейших специалистов по истории русского освободительного движения. Но занятия такими разнообразными сюжетами, как Русская Правда и актовые материалы Древней Руси, историография XVIII в., документальные и мемуарные источники конца XIX—начала XX в., не означали какого-либо разрыва в научных интересах Сигизмунда Натановича. Напротив, разнообразие источниковедческих тем, привлекавших ученого, породило его важнейшие труды — «Советскую археографию» (1948 г.), «Правила издания исторических документов» (1955 г.), ряд теоретических исследований по археографии, истории источниковедения, превосходные издания грамот Новгорода и Пскова, сочинений В. Н. Татищева и т. д.¹

С. Н. Валком была впервые высказана мысль об огромной роли, которую сыграла в судьбе советской историко-филологической науки централизация архивов после революции. О глубине историографической мысли

¹ Список печатных работ С. Н. Валка до 1963 г. см.: Исследования по отечественному источниковедению. Сборник статей, посвященный 75-летию профессора С. Н. Валка. М.—Л., 1954, с. 504—513; до 1972 г.: Археографический ежегодник за 1972 год. М., 1974, с. 291—292.

С. Н. Валка свидетельствуют и его совершенно своеобразные по форме статьи-монографии о Б. А. Романове и И. И. Смирнове, предваряющие сборники, посвященные памяти этих двух историков. Это — не некрологи, а именно историографические очерки о двух коллегах С. Н. Валка: Б. А. Романове, ровеснике С. Н., и И. И. Смирнове, историке более молодого поколения, выросшем в послереволюционную эпоху и чрезвычайно ярко отразившем ее характерные черты.

Исследователи древнерусской литературы многим обязаны С. Н. Валку. Его широчайший научный кругозор позволял ему и в этой области заметить многое, ускользающее от внимания узких специалистов. Очень характерно в этом отношении выступление С. Н. Валка на докторском диспуте Д. С. Лихачева (1947 г.). Специфическая тема диссертации, посвященной летописанию, вызвала традиционные и довольно бесплодные споры о том, какой науке она принадлежит — филологии или истории. Совершенно неожиданно ответил на этот вопрос С. Н. Валк: он указал, что для историка особенно плодотворен именно литературоведческий подход Д. С. Лихачева к летописи, — он выделяет то, что в летописном рассказе принадлежит собственно литературе (фольклорные сюжетные мотивы, этикетные ситуации) и, следовательно, не может рассматриваться как «чистая» историческая информация. Выступал С. Н. Валк и на докторском диспуте В. И. Малышева. Несколько его статей, весьма важных для исследователей древнерусской литературы, опубликовано в наших «Трудах» (ТОДРЛ, тт. XIV, XXIV).

Говоря о Сигизмунде Натановиче как человеку, нельзя не упомянуть об одной его черте. Скромность — важное достоинство ученого, и о ней часто говорят в некрологах. Но Сигизмунд Натанович был не просто скромным, он был органически не способен на всякое демонстрирование своей личности и подчеркивание собственного «я». «Он был из тех не часто встречающихся людей, о которых можно сказать, что они не придают значения факту собственного существования», — эти слова, сказанные об одном замечательном писателе, удивительно точно характеризуют и С. Н. Валка. Достаточно вспомнить его юбилей, на который он был буквально приведен насильно и обрел душевное равновесие лишь тогда, когда ему подарили старинную литовскую грамоту, — и он немедленно углубился в ее изучение. «Сигизмунд Натанович, нельзя же считать себя математической точкой!» — патетически восклицал Б. А. Романов, чей блестящий юбилей отмечался почти тогда же. Вспоминается также шахматовская сессия в Пушкинском Доме. В одном из докладов, прочитанных на сессии, упоминалось, что в числе исключенных за революционную деятельность студентов, восстановления которых добивался А. А. Шахматов, был и Сигизмунд Валк. «Профессор Валк присутствует на этой сессии и, конечно, не откажется поделиться своими воспоминаниями», — радостно провозгласил председатель. В ответ из рядов послышалась неразборчивая речь С. Н., из которой можно было понять, что о себе он рассказывать не будет.

Но удивительная скромность Сигизмунда Натановича вовсе не означала бесстрастности, олимпийского спокойствия. Об этом достаточно красноречиво свидетельствует его последняя работа, напечатанная в настоящем томе. В борьбе за любимую науку против демагогии и того, что он именовал несколько странным словом «халтура́», С. Н. Валк мог быть и гневен, и саркастичен, и беспощаден. И в этом также сказывалась неповторимая личность Сигизмунда Натановича, его безупречная научная честность и беззаветная преданность делу — черты, которые навсегда останутся в памяти всех, кто его знал.

Я. С. Лурье

53

**Указатель статей и материалов, напечатанных
в тт. XXI—XXX «Трудов Отдела
древнерусской литературы»**

(1965—1975 гг.)¹

- Адрианова-Перетц В. П. Афоризмы Изборника Святослава 1076 г. и русские пословицы. XXV, с. 3—19.
- Адрианова-Перетц В. П. Библейские афоризмы и русские пословицы. XXVI, с. 8—12.
- Адрианова-Перетц В. П. Вера Дмитриевна Кузьмина (7 III 1908—6 XII 1968). (Некролог). XXV, с. 355—356.
- Адрианова-Перетц В. П. К вопросу о круге чтения древнерусского писателя. XXVIII, с. 3—29.
- Адрианова-Перетц В. П. К фразеологии «Слова о полку Игореве». XXVIII, с. 412—413.
- Адрианова-Перетц В. П. С. А. Щеглова. (Некролог). XXI, с. 394—395.
- Адрианова-Перетц В. П. Человек в учительной литературе древней Руси. XXVII, с. 3—68.
- Адрианова-Перетц В. П. (см.: Бялый Г. А. Варвара Павловна Адрианова-Перетц; Дмитриев Л. А. «Слово о полку Игореве» в трудах В. П. Адриановой-Перетц; Дробленкова Н. Ф. В. П. Адрианова-Перетц — преподаватель и редактор; Дробленкова Н. Ф. Список печатных трудов члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц за 1957—1968 гг.; Колпакова Н. П. Двадцатые годы; Коновалова О. Ф. В. П. Адрианова-Перетц как исследователь поэтического стиля древнерусской литературы; Лихачев Д. С. Варвара Павловна Адрианова-Перетц — организатор исследовательской работы; Лихачев Д. С. История древней русской литературы в трудах В. П. Адриановой-Перетц; Лурье Я. С. Литература XV—XVI вв. в трудах В. П. Адриановой-Перетц Молдавский Д. М. Встречи с Варварой Павловной; Назаревский А. А. Из воспоминаний о молодых годах В. П. Адриановой-Перетц; Панченко А. М. «Переходный век» в трудах В. П. Адриановой-Перетц); Юбилейная дата в жизни В. П. Адриановой-Перетц.
- Адрианова-Перетц В. П. и Дмитриев Л. А. Памяти Николая Калинниковича Гудзия. XXII, 469—471.
- Адрианова-Перетц В. П. и Староверова И. Н. Из архива академика М. Н. Тихомирова. XXV, с. 319—320.
- Аволинская И. Д., Кукушкина Е. Д. и Махновец Т. А. Поездка за рукописями на Пинегу и Верхнюю Тойму летом 1970 года. XXVII, с. 437—440.
- Алексеев М. П. Юрий Крижанич и фольклор московской иноземной слободы. XXIV, с. 299—304.
- Алпатов М. А. В чем прав и в чем неправ Гюнтер Штёкль? XXVIII, с. 393—403.
- Алпатов М. В. Гибель Святополка в легенде и в иконописи. XXII, с. 18—23.
- Алпатов М. В. О мозаиках Михайловского монастыря. XXIV, с. 80—84.
- Альтшуллер М. Г. «Слово о полку Игореве» в кругу «Беседы любителей русского слова». XXVI, с. 109—122.

¹ Указатель к тт. I—X см.: ТОДРЛ, т. X, 500—505; к тт. XI—XX — ТОДРЛ, т. XX, с. 432—448.

- Ананьева Т. А. Икона с виршами из надгробия царевны Софьи. XXII, с. 437—446.
- Ангелов Б. Ст. Самуил Бакачич в южнославянских литературах. XXIII, с. 293—299.
- Ангелов Боню Ст. «Хождения» в южнославянских литературах до XVII в. (К постановке вопроса). XXIV, с. 183—186.
- Антонова В. И. У Медвежья озера и в Веси Егонской. XXII, с. 188—207.
- Антонова М. Ф. «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского». (Вопросы атрибуции и жанра). XXVIII, с. 140—154.
- Астахова А. М. Один из старейших вариантов хороводной игры в женитьбу. XXIV, с. 284—287.
- Бадалич Й. О югославских переводах «Слова о полку Игореве» (по случаю 125-летия первого югославского перевода «Слова»). XXIV, с. 38—43.
- Бакланова Н. А. Описание русской природы в Хождении митрополита Пимена в Царьград в 1389 г. и отображение этого описания в миниатюрах Лицевого летописного свода XVI в. XXIV, с. 122—128.
- Бегунов Ю. К. Бежецкие отрывки «Повести о Фроле Скобееве». XXI, с. 355—361.
- Бегунов Ю. К. Древнерусские рукописи фонда Синода в Центральном государственном историческом архиве СССР в Ленинграде. XXX, с. 332—338.
- Бегунов Ю. К. Древнерусские традиции в произведениях первой четверти XVIII в. об Александре Невском. XXVI, с. 72—84.
- Бегунов Ю. К. Древнерусское описание Дербента и Ширвана. XXI, с. 126—131.
- Бегунов Ю. К. Житие Александра Невского в сборнике из собрания Н. П. Лихачева. XXX, с. 60—72.
- Бегунов Ю. К. Житие Александра Невского в станковой живописи начала XVII в. XXII, с. 311—326.
- Бегунов Ю. К. Кирилло-белозерские отрывки Жития Александра Невского. XXIV, с. 105—107.
- Бегунов Ю. К. Малоизвестные рукописи Славянской библиотеки в Праге. XXV, с. 327—329.
- Бегунов Ю. К. Мария Борисовна Виднэс (1903—1972 гг.). (Некролог). XXIX, с. 365—367.
- Бегунов Ю. К. Повесть о втором браке Василия III. XXV, с. 105—118.
- Бегунов Ю. К. Речь Моисея Выдубецкого как памятник торжественного красноречия XII в. XXVIII, с. 60—76.
- Белоброва О. А. Изображение Леонтия из Неаполиса Кипрского в древнерусском рукописном сборнике Пушкинского Дома. XXIV, с. 384—386.
- Белоброва О. А. К изучению «Книги избранной вкратце о девятих мусах и о седмих свободных художествах» Николая Спафария. XXX, с. 307—317.
- Белоброва О. А. К изучению «Повести о некоей брани» и ее автора Евстратия. XXV, с. 150—161.
- Белоброва О. А. «Книга Паломник» Антония Новгородского. (К изучению текста). XXIX, с. 178—185.
- Белоброва О. А. О некоторых изображениях Епифания Премудрого и их литературных источниках. XXII, с. 91—100.
- Белоброва О. А. «Повесть душеполезна» Никодима, типикариса соловецкого, о некоем брате. XXI, с. 200—210.
- Белоброва О. А. Повесть о королевиче кипрском Велиаме. XXV, с. 259—267.
- Белоброва О. А. Северодвинские лицевые рукописные сборники XVIII—XIX вв. XXIX, с. 326—330.
- Белоброва О. А. Сказание о богатом купце. XXI, с. 259—265.
- Белоброва О. А. Троице-Сергиевские рукописи XVI—XVII вв. в Пушкинском Доме. XXIII, с. 312—318.
- Белоброва О. А. Черты жанра хождений в некоторых древнерусских письменных памятниках XVII века. XXVII, с. 257—272.
- Белоброва О. А. Чудо 1701 г. с колоколами Троице-Сергиева монастыря. XXVI, с. 302—311.
- Берков П. Н. Книга в поэзии Симеона Полоцкого. XXIV, с. 260—266.
- Бланков Ж. Искусство Древней Руси и западные слависты. XXII, с. 11—17.
- Бобков Е. А. Неизвестное изображение протопопа Аввакума начала XIX века. XXVIII, с. 420—421.
- Боброва Е. И. К новому истолкованию плача Ярославны. XXIV, с. 35—37.
- Богдан Д. П. О некоторых современных вопросах славянской палеографии. XXVIII, с. 414—419.
- Богородский Б. Л. К истории фразеологизма «бросать (бросить) якорь». XXIV, с. 331—339.

- Б р у д н ы й А. А., С у п р у н А. Е. «Объясня снѣ мьгль». XXVI, с. 202—211.
- Б р ю с о в а В. Г. Тверской епископ грек Нил и его Послание князю Георгию Ивановичу. XXVIII, с. 180—187.
- Б р ю с о в а В. Г. Фреска Вседержителя новгородской Софии и легенда о Спасовом образе. XXII, с. 57—64.
- Б у г а н о в В. И., К о р е ц к и й В. И. и С т а н и с л а в с к и й А. Л. «Повесть како отомсти» — памятник ранней публицистики «Смутного времени». XXVIII, с. 231—254.
- Б у д а р а г и н В. П. О происхождении «Повести о Василии Златовласом, королевиче Чешской земли». XXV, с. 268—275.
- Б у д а р а г и н В. П. Северодвинские находки. XXIX, с. 356—358.
- Б у д а р а г и н В. П., Г у м н и ц к и й И. И. Поездка за рукописями на Северную Двину. XXX, с. 348—351.
- Б я л ы й Г. А. Варвара Павловна Адрианова-Перетц. XXIX, с. 44—46.
- В а г н е р Г. К. Литература, апокрифы и фольклор в творчестве мастеров Всеволода III. XXIV, с. 75—79.
- В а г н е р Г. К. «Моление Даниила Заточника» — скульптура Георгиевского собора — «Слово о погибели Руския земли». XXII, с. 46—56.
- В а л к С. Н. «Вельможи» в «Истории Российской» В. Н. Татищева. XXIV, с. 349—352.
- В а л к С. Н. Еще о Болтинском издании Правды Русской. XXX, с. 324—331.
- В а л к С. Н. (см.: Л у р ь е Я. С. Сигизмунд Натанович Валк. (Некролог)). XXX, с. 367—368.
- В а н е е в а Е. И. К изучению истории текста Сербской Александрии (на материале ленинградских списков XV—XVII вв.). XXX, с. 114—123.
- В е т л о в с к а я В. Е. Достоевский и поэтический мир Древней Руси. (Литературные и фольклорные источники «Братьев Карамазовых»). XXVIII, с. 296—307.
- В е т л о в с к а я В. Е. Символика чисел в «Братьях Карамазовых». XXVI, с. 139—150.
- В з д о р н о в Г. И. Книгописание и художественное оформление рукописей в московских и подмосковных монастырях до конца первой трети XV в. XXII, с. 119—143.
- В з д о р н о в Г. И. Роль славянских монастырских мастерских письма Константинополя и Афона в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV—XV вв. XXIII, с. 171—198.
- В и г з е л л Ф. Цитаты из книг священного писания в сочинениях Епифания Премудрого. XXVI, с. 232—243.
- В и д н э с М. Б. Незвестный отрывок Псалтыри из Вестероса в Швеции. XXVI, с. 352—356.
- В и д н э с М. Б. (см.: Б е г у н о в Ю. К. Мария Борисовна Виднэс (1903—1972 гг.). (Некролог)).
- В и н о г р а д о в В. В. Историко-этимологические заметки. XXIV, с. 325—326.
- В о л к о в а Т. Ф., Л и т в и н о в а Н. Н. и Р о ж д е с т в е н с к а я М. В. Археографические разыскания на Ваге и Северной Двине. XXVII, с. 431—436.
- Г о л у б е в И. Ф. Вирши о смерти и пьянстве. XXI, с. 80—88.
- Г о л у б е в И. Ф. Встреча Симеона Полоцкого, Епифания Славинецкого и Паисия Лигарида. XXVI, с. 294—301.
- Г о л у б е в И. Ф. Два прозаических послания из письмовника XVII в. XXI, с. 183—187.
- Г о л у б е в И. Ф. Забытые вирши Симеона Полоцкого. XXIV, с. 254—259.
- Г о л у б е в И. Ф. (см.: М а л ы ш е в В. И. Иван Федорович Голубев. (Некролог)).
- Г о л ь д б е р г А. Л. К истории рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха. XXX, с. 204—216.
- Г о л ь д б е р г А. Л. Три «послания Филофея». (Опыт текстологического анализа). XXIX, с. 68—97.
- Г о л ь д б е р г А. Л. У истоков московских историко-политических идей XV в. XXIV, с. 147—150.
- Г о р ф у н к е л ь А. Х. «Пентатеугум» Андрея Белобочного. (Из истории польско-русских литературных связей). XXI, с. 39—64.
- Г р а б а р А. И. Несколько заметок об искусстве Феофана Грека. XXII, с. 83—90.
- Г р а н с т р е м Е. Э. Греческий оригинал отреченной книги «Путяник». XXIV, с. 72—74.

- Гранстрем Е. Э. Иоанн Златоуст в древней русской и южнославянской письменности (XI—XIV вв.). XXIX, с. 186—193.
- Гранстрем Е. Э. Почему митрополита Климента Смолятича называли «философом». XXV, с. 20—28.
- Гребенюк В. П. и Рождественская М. В. Отчет об археографической экспедиции на поморский берег Белого моря в июле 1969 г. XXVI, с. 316—321.
- Григорьян К. Н. Об одной из последних работ Согдана Салтанова. XXIV, с. 305—308.
- Груздев В. Ф. Рукописные лечебники в собрании Пушкинского Дома. XXIX, с. 343—348.
- Гудзий Н. К. (см.: Адрианова-Перетц В. П. и Дмитриев Л. А. Памяти Николая Калиновича Гудзая).
- Гумницкий И. И. Лицевое Евангелие XVI века из собрания В. Н. Перетца. XXVII, с. 450—453.
- Гумницкий И. И., Бударагин В. П. Поездка за рукописями на Северную Двину. XXX, с. 348—351.
- Гусев В. Е. О фольклоризме русской литературы XVII в. XXIV, с. 280—283.
- Гухман С. Н. «Документальное» сказание о даре шаха Аббаса России. XXVIII, с. 255—270.
- Гухман С. Н. Соловецкая редакция «Документального» сказания о даре шаха Аббаса России. XXVIII, с. 376—384.
- Давидсон К. О двух шведских списках родословной книги. XXVI, с. 357—362.
- Данилов В. В. (см.: Лихачев Д. С. Памяти Владимира Валерьяновича Данилова (20 VII 1881—23 IV 1970)).
- Данилова И. Е. Житийные иконы митрополитов Петра и Алексея из Успенского собора в Кремле в связи с русской агиографией. XXIII, с. 199—216.
- Дворецкая Н. А. Из истории позднего сибирского летописания. XXIV, с. 239—241.
- Демин А. С. Демократическая поэзия XVII в. в письмовниках и сборниках виршевых посланий. XXI, с. 74—79.
- Демин А. С. Для чего Аввакум написал Первую челобитную? XXIV, с. 233—236.
- Демин А. С. Наблюдения над пейзажем в Житии протопопа Аввакума. XXII, с. 402—406.
- Демин А. С. Отрывки из неизвестных посланий и писем XVI—XVII вв. XXI, с. 188—193.
- Демин А. С. Послесловие к первопечатному Апостолу Ивана Федорова 1564 г. как литературный памятник. XXVI, с. 267—279.
- Демин А. С. Представление о переменчивости жизни в русской литературе XVII века. XXX, с. 149—164.
- Демин А. С. Русские пьесы 1670-х годов и придворная культура. XXVII, с. 273—283.
- Демин А. С. Столбцы XVI—XVII вв. из архива академика А. А. Куника. XXIII, с. 319—320.
- Демин А. С. Челобитные Аввакума и одна из неисследованных традиций деловой письменности XVII в. XXV, с. 220—231.
- Демкова Н. С. Из истории ранней старообрядческой литературы. (I. «Писанейце» Аввакума Ф. М. Ртищеву. II. Отрывок из неизвестного сочинения Аввакума об Антихристе. III. О старце Епифании Пелшемском, последователе Аввакума, тезке соловецкого инок Епифания). XXVIII, с. 385—392.
- Демкова Н. С. К вопросу об истоках автобиографического повествования в Житии Аввакума. XXIV, с. 228—232.
- Демкова Н. С. Неизвестные и неизданные тексты из сочинений протопопа Аввакума. XXI, с. 211—239.
- Демкова Н. С. Неизданное сатирическое произведение о духовенстве. XXI, с. 94—95.
- Демкова Н. С. Отчет об археографической экспедиции на Печору. XXX, с. 357—360.
- Демкова Н. С. Рукописи с Двины и Пинеги. XXV, с. 330—332.
- Демкова Н. С. Творческая история Жития протопопа Аввакума. XXV, с. 197—219.
- Демкова Н. С. и Дробленкова Н. Ф. К изучению славянских азбучных стихов. XXIII, с. 27—61.
- Демкова Н. С. и Дробленкова Н. Ф. «Повесть о убогом человеке, како от дьявола произведен царем» и ее усть-цилемская обработка. XXI, с. 252—258.

- Демкова Н. С. и Сазонова Л. И. Отчет об археографической экспедиции 1971 г. на Пинегу, Северную Двину, Верхнюю Тойму. XXVIII, с. 404—407.
- Демкова Н. С. и Сазонова Л. И. Отчет опинезской экспедиции 1969 г. XXVI, с. 322—328.
- Дергачева-Скоп Е. И. Новонайденные листы из Сборника Кирши Данилова. XXI, с. 362—371.
- Дергачева-Скоп Е. И. «Похвала» Сибири С. У. Ремезова. XXI, с. 266—274.
- Дергачева-Скоп Е. И. Старинные рукописные книги в хранилищах Свердловска. XXVI, с. 338—343.
- Державина О. А. Пьеса о царе Науходоносоре на европейской и русской сцене XVII в. XXIV, с. 272—275.
- Державина О. А. и Дробленкова Н. Ф. Хронологический список трудов Веры Дмитриевны Кузьминой. XXVI, с. 368—373.
- Дмитриев Л. А. Жанр севернорусских житий. XXVII, с. 181—202.
- Дмитриев Л. А. Исторический эпизод XVI столетия в устном предании нового времени (беломорский рассказ о сватовстве Ивана Грозного). XXVI, с. 50—53.
- Дмитриев Л. А. Лондонский лицевой список «Сказания о Мамаевом побоище». XXVIII, с. 155—179.
- Дмитриев Л. А. Миниатюры «Сказания о Мамаевом побоище». XXII, с. 239—263.
- Дмитриев Л. А. Первоначальный вид и время возникновения Сказания о молодце и девице. XXIV, с. 205—209.
- Дмитриев Л. А. Повесть о житий Варлаама Керетского. XXV, с. 178—196.
- Дмитриев Л. А. М. Н. Тихомиров. (Некролог). XXI, с. 397.
- Дмитриев Л. А. «Слово о полку Игореве» в трудах В. П. Адриановой-Перетц. XXIX, с. 6—11.
- Дмитриев Л. А. Н. В. Шарлемань. (Некролог). XXVI, с. 374—378.
- Дмитриев Л. А. и Адрианова-Перетц В. П. Памяти Николая Калиновича Гудзия. XXII, с. 469—471.
- Дмитриева Р. П. Волоколамские четьи сборники XVI в. XXVIII, с. 202—230.
- Дмитриева Р. П. «Повесть о Петре и Февронии» в рассказе А. М. Ремезова. XXVI, с. 155—176.
- Дмитриева Р. П. Повесть о Тверском Отроче монастыре и исторические реалии. XXIV, с. 210—213.
- Дмитриева Р. П. Светская литература в составе монастырских библиотек XV и XVI вв. (Кирилло-Белозерского, Волоколамского монастырей и Троице-Сергиевой лавры). XXIII, с. 143—170.
- Дмитриева Р. П. О текстологической зависимости между разными видами рассказа о потомках Августа и дарах Мономаха. XXX, с. 217—230.
- Дмитриева Р. П. Четьи сборники XV в. как жанр. XXVII, с. 150—180.
- Дмитриева Р. П. и Салмина М. А. Археографическая экспедиция Сектора древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР 1966 г. XXIII, с. 328—329.
- Драгунский Д. В. «Лествицы» Пушкинского Дома. XXX, с. 345—347.
- Дробленкова Н. Ф. Библиографическая поправка к XXVII тому ПСРЛ. XXVII, с. 458—460.
- Дробленкова Н. Ф. Летописные заметки о событиях 1378—1395 гг. в сборнике ГИМ, Увар., № 206 (1776). XXV, с. 309—318.
- Дробленкова Н. Ф. В. П. Адрианова-Перетц — преподаватель и редактор. XXIX, с. 26—32.
- Дробленкова Н. Ф. По поводу жанровой природы «Слова о Вавилоне». XXIV, с. 129—135.
- Дробленкова Н. Ф. Ранняя редакция Жития Епифания. XXIX, с. 223—242.
- Дробленкова Н. Ф. Список печатных трудов члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц за 1957—1968 гг. XXIV, с. 15—20.
- Дробленкова Н. Ф. и Демкова Н. С. К изучению славянских азбучных стихов. XXIII, с. 27—61.
- Дробленкова Н. Ф. и Демкова Н. С. «Повесть о убогом человеке, како от диавола произведен царем» и ее усть-цилемская обработка. XXI, с. 252—258.
- Дробленкова Н. Ф., Державина О. А. Хронологический список трудов Веры Дмитриевны Кузьминой. XXVI, с. 368—373.
- Дубовик Н. П. К изучению Повести о воеводе Евстратии. XXVIII, с. 335—344.
- Дубовик Н. П. К проблеме атрибуции Повести о Евстратии. XXIX, с. 198—206.
- Дуйчев Ив. Эпизод из Киево-Печерского патерика. XXIV, с. 89—92.
- Дылевский Н. М. Выражение «копие приломати» в Слове о полку Игореве как отражение дружинной идеологии и как фразеологизм древнерусской лексики. XXIV, с. 21—25.

Дылевский Н. М. Жития Иоанна Рыльского русских древлехранящих и их болгарские источники. XXIII, с. 276—292.

Евгеньева А. П. Несколько замечаний к истории и употреблению в русском литературном языке слов «рокотать» и «трепетать». XXIV, с. 26—31.

Егуннов А. Н. Erotici scriptores в древнерусской «Пчеле». XXIV, с. 101—104.

Жуковская Л. П. Пергаменная рукопись XIV в. из собрания Пушкинского Дома. XXIII, с. 305—311.

Жуковская Л. П. Пергаменные рукописи Пушкинского Дома. XXIV, с. 375—379.

Заволоко И. Н. (см.: Малышев В. И. Иван Никифорович Заволоко (к 75-летию со дня рождения)).

Зимин А. А. Выпись о втором браке Василия III. XXX, с. 132—148.

Зыков Э. Г. Известия о Болгарии в Повести временных лет и их источники. XXIV, с. 48—53.

Зыков Э. Г. Русская переделка древнеболгарского стихотворения. XXVIII, с. 308—316.

Зыков Э. Г. Судьба «Азбучной молитвы» в древнерусской письменности. XXVI, с. 177—191.

Иванов А. И. Максим Грек и Савонарола. XXIII, с. 217—226.

Иванов А. И. Несколько замечаний по поводу издания нового списка «Судного дела Максима Грека». XXX, с. 284—298.

Иванова И. А. Икона Тихвинской богородицы и ее связь со «Сказанием о чудесах иконы Тихвинской богородицы». XXII, с. 419—436.

Иванова И. А. Летописные сведения об иконе «Богородица тихвинская». XXIV, с. 242—244.

Иванова-Константинова Кл. Об одной рукописи XIV в. Погодинского собрания. XXV, с. 294—308.

Каган-Тарковская М. Д. Басня Эзопа «О льве и волке» в русских переделках XVII в. XXIV, с. 245—248.

Каган-Тарковская М. Д. Младшие редакции «Повести о двух посольствах». XXX, с. 299—306.

Каган-Тарковская М. Д. Переписка запорожских и чигиринских казаков с турецким султаном (в вариантах XVIII в.). XXI, с. 346—354.

Каган-Тарковская М. Д. «Титулярник» как переходная форма от исторического сочинения XVII в. к историографии XVIII в. XXVI, с. 54—63.

Каган-Тарковская М. Д. и Понырко Н. В. Поиски рукописей в Вологодской области. XXX, с. 361—362.

Казаква Н. А. К изучению «Сказания о граде Египте». XXVI, с. 256—258.

Казаква Н. А. Новый список сочинений Вассиана Патрикеева. XXIX, с. 194—197.

Казаква Н. А. О загадочном слове «итолок» новгородских и псковских летописей. XXIV, с. 139—141.

Казаква Н. А. К изучению Кормчей Вассиана Патрикеева. XXVIII, с. 345—349.

Казаква Н. А. Первоначальная редакция «Хождения на Флорентийский собор». XXV, с. 60—72.

Казаква Н. А. Хождение во Флоренцию 1437—1440 гг. (Списки и редакции). XXX, с. 73—94.

Казаква Н. А. и Катускина Л. Г. Русский перевод XVI в. первого известия о путешествии Магеллана. XXIII, с. 227—252.

Каликин Ф. А. (см.: Малышев В. И. Слово о Федоре Антоновиче Каликине). (Некролог).

Катускина Л. Г. и Казаква Н. А. Русский перевод XVI в. первого известия о путешествии Магеллана. XXIII, с. 227—252.

Клигина Е. Н. Вкладные книги Троице-Сергиева монастыря. XXVI, с. 287—293.

Клигина Е. Н. Новые рукописные приобретения Загорского музея-заповедника. XXX, с. 339—342.

Клосс Б. М. К вопросу о происхождении Еллинского летописца второго вида. XXVII, с. 370—379.

Клосс Б. М. Митрополит Даниил и Никоновская летопись. XXVIII, с. 188—201.

Клосс Б. М. Неизвестное послание Иосифа Волоцкого. XXVIII, с. 350—352.

Клосс Б. М. Никоновская летопись и Максим Грек. XXX, с. 124—131.

Клосс Б. М. О времени создания русского Хронографа. XXVI, с. 244—255.

- Ковтун Л. С. Планида—фортуна—счастное колесо (к истории русской идиоматики). XXIV, с. 327—330.
- Колпакова Н. П. Двадцатые годы. XXIX, с. 38—43.
- Комарович В. Л. Из наблюдений над Лаврентьевской летописью. XXX, с. 27—59.
- Коновалова О. Ф. В. П. Адрианова-Перетц как исследователь поэтического стиля древнерусской литературы. ХХІХ, с. 22—25.
- Коновалова О. Ф. Изобразительные и эмоциональные функции эпитета в Житии Стефана Пермского. XXVIII, с. 325—334.
- Коновалова О. Ф. Об одном типе амплификации в Житии Стефана Пермского. XXV, с. 73—80.
- Коновалова О. Ф. «Плетение словес» и плетеный орнамент конца XIV в. XXII, с. 101—111.
- Коновалова О. Ф. Принцип отбора фактических сведений в «Житии Стефана Пермского». XXIV, с. 136—138.
- Копанев А. И. Новые записи на древнерусских книгах. XXIV, с. 387—391.
- Копреева Т. Н. К вопросу о жанровой природе «Поучения» Владимира Мономаха. XXVII, с. 94—108.
- Копреева Т. Н. Неизвестный литературный источник Жития Софрония Врачанского. XXIII, с. 261—275.
- Копреева Т. Н. Образ инока Поликарпа по письмам Симона и Поликарпа (опыт реконструкции). XXIV, с. 112—116.
- Корецкий В. И. Вновь найденное противоречивое произведение Зиновия Отенского. XXI, с. 166—182.
- Корецкий В. И. Новые послания Зиновия Отенского. XXV, с. 119—134.
- Корецкий В. И., Буганов В. И., Станиславский А. Л. «Повесть, како отомсти» — памятник ранней публицистики Смутного времени. XXVIII, с. 231—254.
- Кочетков И. А. Слово и изображение в житийной иконе. XXIV, с. 159—162.
- Кувев К. М. Судьба сборника Ивана Александра 1348 г. XXIV, с. 117—121.
- Кузнецов Б. И. «Слово о двенадцати снах Шахаиши» и его связи с памятниками литературы Востока. XXX, с. 272—278.
- Кузьмина В. Д. Бой Бовы с Полканом на муравленых изразцах. XXIII, с. 253—260.
- Кузьмина В. Д. Из истории хорватско-русских литературных связей в XVI—XVII столетиях (русские редакции повести о Бове и хорватский текст Королевицей Франции). XXIV, с. 180—182.
- Кузьмина В. Д. (см.: Адрианова-Перетц В. П. Вера Дмитриевна Кузьмина (7 III 1908—6 XII 1968). (Некролог); Державина О. А. и Дробленкова Н. Ф. Хронологический список трудов Веры Дмитриевны Кузьминой; Пушкарев Л. Н. В. Д. Кузьмина как исследовательница связей древнерусской литературы с культурой нового времени.
- Кукущкина М. В. Неизвестное «Писание» о начале «Смуты». XXI, с. 194—199.
- Кукущкина М. В. Новая повесть о Леопольде и его сестре Маргарите. XXIV, с. 319—324.
- Кукущкина Е. Д., Азволинская И. Д. и Махновец Т. А. Поездка за рукописями на Пинегу и Верхнюю Тойму летом 1970 года. XXVII, с. 437—440.
- Кусков В. В. Дионисий — «читатель» Жития Алексея. XXIV, с. 175—179.
- Кучкин В. А. Фрагменты Ипатьевской летописи в Киево-Печерском патерике Иосифа Тризны. XXIV, с. 196—198.
- К читателю: XXI, с. 3—4.
- Лаурина В. К. Вновь раскрытая икона «Сомествие во ад» из Ферапонтова монастыря и московская литература конца XV в. XXII, с. 165—187.
- Лебедева И. Н. Греческая хроника Псевдо-Дорофея и ее русский перевод. XXI, с. 298—308.
- Левин П. К вопросу о соотношении восточнославянских интермедий и фольклора. XXIV, с. 276—279.
- Левин Ю. Д. Поэма В. К. Кюхельбекера на сюжет «Повести о Тверском отроче монастыре» («Юрий и Ксения»). XXVI, с. 128—138.
- Литвинова Н. Н., Волкова Т. Ф. и Рождественская М. В. Археографические разыскания на Ваге и Северной Двине. XXVII, с. 431—436.
- Лихачев Д. С. Варвара Павловна Адрианова-Перетц — организатор исследовательской работы. XXIX, с. 3—5.
- Лихачев Д. С. История древней русской литературы в трудах В. П. Адриановой-Перетц. XXIV, с. 5—14.

- Лихачев Д. С. Памяти Владимира Валерьяновича Данилова (20 VII 1881—23 IV 1970). XXV, с. 351—354.
- Лихачев Д. С. «Пресвѣтлое солнце» Плача Ярославны. XXIV, с. 409.
- Лихачев Д. С. Русская культура нового времени и Древняя Русь. Предисловие (к тому). XXVI, с. 3—7.
- Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и процесс жанрообразования XI—XIII вв. XXVII, с. 69—75.
- Лихачев Д. С. Сравнительное изучение литературы и искусства Древней Руси. XXII, с. 3—10.
- Лихачева Л. Д. Миниатюристы — читатели новгородских литературных произведений. XXII, с. 335—341.
- Лихачева О. П. К изучению «Слова о твари и о дни, рекомем неделя». XXIV, с. 68—71.
- Лужный Р. «Выдание о добронравии» — древнерусская переработка сочинения Яна Жабчыца «Polityka dworskie» (из истории русско-польских литературных связей XVII в.). XXIV, с. 223—227.
- Лукьянов В. В. Новые поступления в рукописные собрания Ярославского и Ростовского музеев (краткий обзор). XXIV, с. 404—408.
- Лурье Я. С. К изучению летописного жанра. XXVII, с. 76—93.
- Лурье Я. С. К проблеме свода 1448 г. XXIV, с. 142—146.
- Лурье Я. С. Лаврентьевская летопись — свод начала XIV в. XXIX, с. 50—67.
- Лурье Я. С. Литература XV—XVI вв. в трудах В. П. Адриановой-Перетц. XXIX, с. 12—17.
- Лурье Я. С. «Мировые сюжеты» средневековой беллетристики в русской и южнославянских литературах («Александрия» и «Стефанит и Ихнилат»). XXIII, с. 16—26.
- Лурье Я. С. Независимый летописный свод конца XV в. — источник Софийской II и Львовской летописей. XXVII, с. 405—419.
- Лурье Я. С. Новгородская Карамзинская летопись. XXIX, с. 207—213.
- Лурье Я. С. Общерусский свод — протограф Софийской I и Новгородской IV летописей. XXVIII, с. 114—139.
- Лурье Я. С. Московский свод 1479 г. и его протограф. XXX, с. 95—113.
- Лурье Я. С. Сергей Леонидович Пештич. (Некролог). XXVIII, с. 422—424.
- Лурье Я. С. Сигизмунд Натанович Валк. (Некролог). XXX, с. 367—368.
- Лурье Я. С. «Собрание на лихоимцев» — незавершенный памятник русской публицистики конца XV в. XXI, с. 132—146.
- Лурье Я. С. Холмогорская летопись. XXV, с. 135—149.
- Мазунин А. И. Из комментария к Повести о боярыне Морозовой. XXIV, с. 237—238.
- Мазунин А. И. Рукописи библиотеки Самаркандского государственного университета имени Алишера Навои. XXX, с. 343—344.
- Мазунин А. И. Рукописи и старопечатные книги из собрания В. Г. Пуцко (г. Глухов). XXI, с. 390—393.
- Мазунин А. И. Рукописные и старопечатные книги библиотек Алма-Аты и Фрунзе. XXVII, с. 444—449.
- Мазунин А. И. Рукописные и старопечатные книги Государственной библиотеки имени Алишера Навои в Ташкенте. XXVI, с. 349—351.
- Малышев В. И. Возможны ли еще рукописные находки в Усть-Цилемском районе Коми АССР. XXIV, с. 370—374.
- Малышев В. И. Иван Никифорович Заволоко (к 75-летию со дня рождения). XXVII, с. 461—462.
- Малышев В. И. Иван Федорович Голубев. (Некролог). XXX, с. 363—366.
- Малышев В. И. История «иконного» изображения протопopa Аввакума. XXII, с. 382—401.
- Малышев В. И. Москвичи — собиратели письменной и печатной старины. XXI, с. 383—389.
- Малышев В. И. Новые материалы о протопope Аввакуме. XXI, с. 327—345.
- Малышев В. И. О вкладной записи на лицевом сборнике XVII в. из коллекции Ф. А. Каликина. XXVII, с. 454—457.
- Малышев В. И. От редактора отдела. XXV, с. 325—326.
- Малышев В. И. От редактора отдела. XXIX, с. 321.
- Малышев В. И. Слово о Федоре Антоновиче Каликине. (Некролог). XXVIII, с. 425—426.
- Малышев В. И. Собрание древнерусских рукописей Пушкинского Дома. XXV, с. 333—338.
- Малышев В. И. Сочинения протопopa Аввакума в Дрeвлехранилище Пушкинского Дома АН СССР. XXIX, с. 331—338.

- М а л ы ш е в В. И. Сочинения протопопа Аввакума в собрании Пушкинского Дома АН СССР. ХХIII, с. 321—327.
- М а л ы ш е в В. И. Сочинения протопопа Аввакума в собрании Пушкинского Дома АН СССР. ХХVI, с. 312—315.
- М а л ь к Э. «Повесть об астрологе Мустаеддыне» — неизученный памятник переводной литературы XVII в. (из истории польско-русских литературных связей). ХХV, с. 242—258.
- М а м а е в К. К. «Видение Царьградской» в «Повести о Царьграде» Нестора Искандера и его интерпретация в некоторых памятниках прикладного искусства. ХХII, с. 342—352.
- М а р е ш В. Ф. Проложные жития чешских святых в рукописях Пушкинского Дома. ХХI, с. 381—382.
- М а р к е л о в Г. В. Археографическая экспедиция на Онежский полуостров летом 1971 г. ХХVIII, с. 408—409.
- М а р к е л о в Г. В. Новые пополнения Печорского собрания. ХХVII, с. 441—443.
- М а р к е л о в Г. В. Пополнение Карельского собрания. ХХIX, с. 353—355.
- М а р к е л о в Г. В., Ф р о л о в С. В. Археографические экспедиции Пушкинского Дома в Латвию. ХХХ, с. 252—256.
- М а т х а у з е р о в а С. Функция времени в древнерусских жанрах. ХХVII, с. 227—235.
- М а т ь е с е н Р. Текстологические замечания о произведениях Владимира Мономаха. ХХVI, с. 192—201.
- М а х н о в е ц Т. А. и Я р о ш е н к о Л. В. Старопечатные книги XVI—XVII вв. Пушкинского Дома. ХХV, с. 339—341.
- М а х н о в е ц Т. А., К у к у ш к и н а Е. Д. и А з в о л и н с к а я И. Д. Поездка за рукописями на Пинегу и Верхнюю Тойму летом 1970 года. ХХVII, с. 437—440.
- М а х н о в е ц Т. А., П и о т р о в с к а я Е. К. и Я р о ш е н к о Л. В. Поездка за рукописями на Печору летом 1972 г. ХХIX, с. 351—352.
- М а я с о в а Н. А. Литературный образ Ксении Годуновой и приписываемые ей произведения шитья. ХХII, с. 294—310.
- М е д в е д е в И. П. Внучка Дмитрия Донского на византийском престоле? ХХХ, с. 255—262.
- М е й е н д о р ф И. Ф. О византийском исихазме и его роли в культурном и историческом развитии Восточной Европы в XIV в. ХХIX, с. 291—305. 3,11
- М е щ е р с к и й Н. А. К вопросу об источниках «Изборника 1076 года». ХХVII, с. 321—328.
- М е щ е р с к и й Н. А. К изучению языка «Слова о законе и благодати». ХХХ, с. 231—237.
- М и х е л ь с о н Т. Н. Живописный цикл Ферапонтова монастыря на тему Акафиста. ХХII, с. 144—164.
- М о и с е е в а Г. Н. Древнерусские литературные памятники в исторических драмах Екатерины II. ХХVIII, с. 289—295.
- М о и с е е в а Г. Н. Житие новгородского архиепископа Серапиона. ХХI, с. 147—165.
- М о и с е е в а Г. Н. «Казанская история» в творчестве М. В. Ломоносова. ХХIV, с. 357—361.
- М о и с е е в а Г. Н. Литературные и исторические памятники Древней Руси в изданиях Н. И. Новикова. ХХV, с. 276—293.
- М о и с е е в а Г. Н. Отрывок Троицкой пергаменной летописи, переписанный Г. Ф. Миллером. ХХVI, с. 93—99.
- М о и с е е в а Г. Н. Пергаменный синодик Государственного Исторического музея в изданиях Н. И. Новикова. ХХVI, с. 100—108.
- М о и с е е в а Г. Н. Троицкая летопись 1408 г. в сочинениях Екатерины II. ХХХ, с. 263—271.
- М о л д а в с к и й Д. М. Встречи с Варварой Павловной. ХХIX, с. 47—49.
- М о л д а в с к и й Д. М. Изображение солнца в гравюре Василия Кореня. ХХII, с. 447—449.
- М о л д а в с к и й Д. М. О некоторых чертах русской лубочной картины. ХХIV, с. 296—298.
- М о ш и н В. А. Из переписки самозванца Тимошки Акундинова. ХХIV, с. 309—313.
- М о ш и н В. А. Собрания славянских рукописей в Югославии. ХХI, с. 372—380.
- М у л и ч М. И. Отражение «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия в древней сербской литературе. ХХIV, с. 108—111.
- М у л и ч М. И. Сербские агнографы XIII—XIV вв. и особенности их стиля. ХХIII, с. 127—142.
- М у р ь я н о в М. Ф. Алексей человек божий в славянской рецепции византийской культуры. ХХIII, с. 109—126.

- Назаревский А. А. Из воспоминаний о молодых годах В. П. Адриановой-Перетц. ХХІХ, с. 33—37.
- Назаревский А. А. К изучению «Повести о Горе-Злочастии». ХХІV, с. 199—204.
- Накамура Е. Изучение древнерусской литературы в Японии. ХХІІ, с. 463—468.
- Накамура Е. «Слово о полку Игореве» в Японии. ХХІV, с. 44—47.
- Научные заседания Сектора древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР в 1962—1972 гг. ХХІХ, с. 368—376.
- Николаева М. В. О некоторых источниках «Подробной летописи» («Синописис», «Сказание о граде Славенске»). ХХІV, с. 344—348.
- Николаева М. В. «История о гишпанском королевиче Декоронии» (первая половина ХVІІІ в.). ХХІ, с. 275—297.
- Овчинникова Е. С. Повесть о царице Динаре в русском изобразительном искусстве. ХХІІ, с. 222—238.
- От редактора Отдела [В. И. Малышев]. ХХV, с. 325—326.
- От редактора Отдела [В. И. Малышев]. ХХІХ, с. 321.
- Панченко А. М. «История вратце о Бохеме». ХХІ, с. 240—251.
- Панченко А. М. «Переходный век» в трудах В. П. Адриановой-Перетц. ХХІХ, с. 18—21.
- Панченко А. М. Материалы по древнерусской поэзии (I. Стихотворное наставление о чтении вирш. II. Похвала грамматике. III. Декламация Сильвестра Медведея в честь царевн Евдокии). ХХVІІІ, с. 368—375.
- Панченко А. М. Материалы по древнерусской поэзии. IV. ХХХ, с. 318—323.
- Панченко А. М. Несколько замечаний о генеологии книжной поэзии ХVІІ века. ХХVІІ, с. 236—246.
- Панченко А. М. О русском литературном быте рубежа ХVІІ—ХVІІІ вв. ХХІV, с. 267—271.
- Панченко А. М. О цвете в древней литературе восточных и южных славян. ХХІІІ, с. 3—15.
- Панченко А. М. Поездка за рукописями в Красноборский район Архангельской области. ХХV, с. 342—344.
- Панченко А. М. Придворные вирши 80-х годов ХVІІ столетия. ХХІ, с. 65—73.
- Панченко А. М. Скоморошина о чернеце. ХХІ, с. 89—93.
- Панченко А. М. Слово и Знание в эстетике Симеона Полоцкого (на материале «Вертограда многоцветного»). ХХV, с. 232—241.
- Панченко А. М. Юродство как арелище. ХХІХ, с. 144—153.
- Панченко А. М. и Смирнов И. П. Метафорические архетипы в русской средневековой словесности и в поэзии начала ХХ в. ХХVІ, с. 33—49.
- Пештич С. Л. (см.: Лурье Я. С. Сергей Леонидович Пештич. (Некролог)).
- Пiotровская Е. К. К изучению «Летописца вскоре» константинопольского патриарха Никифора. ХХІХ, с. 170—177.
- Пiotровская Е. К. Пометы Н. А. Некрасова на книге «Игорь, князь Северский». ХХVІ, с. 151—154.
- Пiotровская Е. К., Махновец Т. А. и Ярошенко Л. В. Поездка за рукописями на Печору летом 1972 г. ХХІХ, с. 351—352.
- Поздnev А. В. Польский элемент в русских рукописных песенниках ХVІІ в. ХХІІІ, с. 335—338.
- Покровская В. Ф. Как читал древнерусский книжник миниатюры лицевых исторических рукописей ХХІV, с. 167—170.
- Покровский Н. Н. Новые сведения о крестьянской старообрядческой литературе Урала и Сибири ХVІІІ века. ХХХ, с. 165—183.
- Покровский Н. Н. О древнерусской рукописной традиции у староверов Сибири. ХХІV, с. 394—403.
- Понырко Н. В. Выговское силлабическое стихотворство. ХХІХ, с. 274—290.
- Понырко Н. В. Кирилло-Епифаниевский житийный цикл и житийная традиция в выговской старообрядческой литературе. ХХІХ, с. 154—169.
- Понырко Н. В. Поездка за рукописями в Беломорье летом 1971 г. ХХVІІІ, с. 410—411.
- Понырко Н. В. и Каган-Тарковская М. Д. Поиски рукописей в Вологодской области. ХХХ, с. 361—362.
- Поп Р. Древнейший отрывок Послания Симона к Поликарпу. ХХІV, с. 93—100.

- Попов Г. В. Иллюстрации «Хождения Иоанна Богослова» в миниатюре и станковой живописи конца XV в. XXII, с. 208—221.
- Поппе А. В. К чтению одного места в Повести временных лет. XXIV, с. 54—57.
- Поппе А. В. О роли иконографических изображений в изучении литературных произведений о Борисе и Глебе. XXII, с. 24—25.
- Порфиридов Н. Г. Два сюжета древнерусской живописи и их отношение к литературной основе. XXII, с. 112—118.
- Порфиридов Н. Г. О некоторых новых фактах параллелизма словесных и изобразительных памятников. XXIV, с. 85—88.
- Прашковиц Н. И. Из ранних декламаций Симеона Полоцкого («Метры» и «Диалог краткий»). XXI, с. 29—38.
- Прашковиц Н. И. «Прямова Мялешкі» и «Ліст да Абуховіча» — новый этап в истории белорусской литературы. XXIV, с. 314—318.
- Прийма Ф. Я. «Слово о полку Игореве» в творчестве С. Н. Глинки. XXVI, с. 123—127.
- Прохоров Г. М. Еще одно мнение о происхождении «арабских» цифр. XXIV, с. 362—369.
- Прохоров Г. М. Заметка по поводу статьи Н. А. Чернышева «Апокалипсический сюжет Годуновского паникадила Софийского собора в Новгороде». XXIX, с. 359—360.
- Прохоров Г. М. Исихазм и общественная мысль в Восточной Европе в XIV в. XXIII, с. 86—108.
- Прохоров Г. М. К истории литургической поэзии: гимны и молитвы патриарха Филофея Коккина. XXVII, с. 120—149.
- Прохоров Г. М. Келейная исихастская литература (Иоанн Лествичник, Авва Дорофей, Иссаак Сирия, Симеон Новый Богослов, Григорий Синаит) в библиотеке Троице-Сергиевой лавры с XIV по XVII в. XXVIII, с. 317—324.
- Прохоров Г. М. Летописная повесть о Митяе. XXX, с. 238—254.
- Прохоров Г. М. Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи. XXVIII, с. 77—98.
- Прохоров Г. М. Послания Нила Сорского. XXIX, с. 125—143.
- Прохоров Г. М. Прение Григория Паламы «с хионы и турки» и проблема «кидовская мудрствующих». XXVII, с. 329—369.
- Путлов Б. Н. Сказка «Про Мамаю безбожного» и эпическая традиция. XXIV, с. 288—292.
- Пуцко В. Г. Благоразумный разбойник в апокрифической литературе и древнерусском изобразительном искусстве. XXII, с. 407—418.
- Пуцко В. Г. Малоизвестные рукописные собрания Ленинграда. XXV, с. 345—348.
- Пушкарев Л. Н. «Восточная» редакция Повести о Еруслане Лазаревиче. XXIV, с. 214—217.
- Пушкарев Л. Н. В. Д. Кузьмина как исследовательница связей древнерусской литературы с культурой нового времени. XXVI, с. 363—367.
- Пушкарев Л. Н. Обзор коллекций рукописных книг собрания ЦГАЛИ в ЦГАДА. XXVI, с. 329—337.
- Рааб М. Образ древнерусского человека в поэзии пушкинского времени. XXVI, с. 13—32.
- Райан У. Об одной рукописи Космографии Публичной библиотеки в Ленинграде. XXIV, с. 392—393.
- Робинсон А. Н. Идеология и внешность (Взгляды Аввакума на изобразительное искусство). XXII, с. 353—381.
- Рождественская М. В. К литературной истории текста «Слова о Лазаревом воскресении». XXV, с. 47—59.
- Рождественская М. В. О жанре «Слова о Лазаревом воскресении». XXVII, с. 109—119.
- Рождественская М. В. «Слово о Лазаревом воскресении» (характеристика редакций). XXIV, с. 64—67.
- Рождественская М. В. и Гребенюк В. П. Отчет об археографической экспедиции на поморский берег Белого моря в июле 1969 г. XXVI, с. 316—321.
- Рождественская М. В., Литвинова Н. Н. и Волкова Т. Ф. Археографические разыскания на Ваге и Северной Двине. XXVII, с. 431—436.
- Рождественская Т. В. Новый список «Повести о Ерше Ершовиче». XXIV, с. 187—191.
- Розов Н. Н. Древнерусский миниатюрист за чтением Псалтыри. XXII, с. 65—82.
- Розов Н. Н. Из истории русско-чешских литературных связей древнейшего периода. XXIII, с. 71—85.
- Розов Н. Н. Иллюстрации Киевской псалтыри 1397 г. на полях старопечатной книги. XXIV, с. 340—343.

- Ромодановская Е. К. «Повесть о Димитрии Римском». XXIV, с. 218—222.
- Ромодановская Е. К. Славяно-русские рукописи научной библиотеки Томского университета. XXVI, с. 344—348.
- Рыбаков Б. А. Киевская летописная повесть о походе Игоря в 1185 г. XXIV, с. 58—63.
- Сазонова Л. И. Летописный рассказ о походе Игоря Святославича на половцев в 1185 г. в обработке В. Н. Татищева. XXV, с. 29—46.
- Сазонова Л. И. Принцип ритмической организации в произведениях торжественного красноречия старшей поры («Слово о законе и благодати» Илариона; «Похвала св. Симеону и св. Савве» Доментяна). XXVIII, с. 30—46.
- Сазонова Л. И. и Демкова Н. С. Отчет об археографической экспедиции 1971 г. на Пинегу, Северную Двину, Верхнюю Тойму. XXVIII, с. 404—407.
- Сазонова Л. И. и Демкова Н. С. Отчет о пинежской экспедиции 1969 г. XXVI, с. 322—328.
- Салмина М. А. Дневник архимандрита Антонина (Капустина). XXVII, с. 420—430.
- Салмина М. А. Древнерусская повесть о взятии Смоленска Иваном Грозным. XXIV, с. 192—195.
- Салмина М. А. К вопросу о датировке «Сказания о Мамаевом побоище». XXIX, с. 98—124.
- Салмина М. А. «Сказание вкратце о бывшем пожаре града Ярославля». XXI, с. 319—326.
- Салмина М. А. «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича царя Русьского». XXV, с. 81—104.
- Салмина М. А. и Дмитриева Р. П. Археографическая экспедиция Сектора древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР 1968 г. XXIII, с. 328—329.
- Салтыков А. А. Эстетические взгляды Иосифа Владимировича (по «Посланию к Симону Ушакову»). XXVIII, с. 271—288.
- Сапунов Б. В. Народные основы иконы «Чудо Георгия о змие» XVI в. из Олонца. XXIV, с. 171—174.
- Свердлов М. Б. О посольской «речи» в рассказе Повести временных лет под 1075 г. XXIII, с. 330—332.
- Свирии А. Н. К вопросу о связях художественной культуры Древней Руси с античным миром. XXII, с. 450—462.
- Сеник О. Н. Украинские рукописи в коллекции В. Н. Перетца. XXIX, с. 349—350.
- Сергеев В. Н. Духовный стих «Плач Адама» на иконе. XXVI, с. 280—286.
- Сергеев В. Н. Надписи на иконах праотеческого ряда иконостаса и апокрифические «Заветы двенадцати патриархов». XXIX, с. 306—320.
- Серман И. З. Херасков и Курбский. XXIV, с. 353—356.
- Сидорова Т. А. Вологовская фреска «Премудрость созда себе дом» и ее отношение к новгородской ереси стригольников в XIV в. XXVI, с. 212—231.
- Сизов Е. С. Русские исторические деятели в росписях Архангельского собора и памятники письменности XVI в. XXII, с. 264—276.
- Синицына Н. В. Послание константинопольского патриарха Фотия князю Михаилу Болгарскому в списках XVI в. XXI, с. 96—125.
- Синицына Н. В. Рукописная традиция XVI—XVIII вв. собраний сочинений Максима Грека. (К постановке вопроса). XXVI, с. 259—266.
- Скрынников Р. Г. Духовное завещание царя Ивана Грозного. XXI, с. 309—318.
- Смирнов И. П. От сказки к роману. XXVII, с. 284—320.
- Смирнов И. П. и М. А. Панченко. Метафорические архетипы в русской средневековой словесности и в поэзии начала XX в. XXVI, с. 33—49.
- Смирнова Э. С. Житийная икона Александра Ошевенского из Кема. XXII, с. 327—334.
- Советания и конференции, организованные Сектором древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР в 1962—1972 гг. XXIX, с. 377—380.
- Соловьев А. В. «Комоны ржуть за Сулою». XXIII, с. 333—334.
- Станиславский А. Л., Буганов В. И., Корецкий В. И. «Повесть, како отомсти» — памятник ранней публицистики Смутного времени. XXVIII, с. 231—254.
- Староверова И. Н. и Адрианова-Перетц В. П. Из архива академика М. Н. Тихомирова. XXV, с. 319—320.
- Супрун А. Е. и Брудный А. А. «Объсися сийъ мъгль». XXVI, с. 202—211.

- Тарковский Р. Б. «Зрелище жития человеческого». XXIV, с. 249—253.
- Тарковский Р. Б. К истории повествовательных форм русской басни XVII века. XXVII, с. 247—256.
- Тарковский Р. Б. О системе пословного перевода в России XVII в. XXIX, с. 243—256.
- Тарковский Р. Б. Старшие русские переводы как сюжетные источники притч А. П. Сумарокова. XXVI, с. 85—92.
- Творогов О. В. Древнерусский перевод «Троянской истории» Гвидо де Колумна и издание 1709 г. XXVI, с. 64—71.
- Творогов О. В. К изучению древнерусских хронографических сводов (I. Редакция Еллинского летописца. II. О происхождении Хронографа западнорусской редакции). XXVII, с. 380—404.
- Творогов О. В. К истории жанра хронографа. XXVII, с. 203—226.
- Творогов О. В. О составе и источниках хронографических статей Лицевого свода. XXVII, с. 353—364.
- Творогов О. В. О Хронографе редакции 1617 г. XXV, с. 162—177.
- Творогов О. В. Повесть временных лет и Начальный свод. (Текстологический комментарий). XXX, с. 3—26.
- Творогов О. В. Повесть временных лет и Хронограф по великому изложению. XXVIII, с. 99—113.
- Творогов О. В. Притчи Варлаама в собрании древнерусских рукописей Пушкинского Дома. XXIV, с. 380—383.
- Творогов О. В. Хронографы из собрания Пушкинского Дома. XXIX, с. 322—325.
- Тихомиров М. Н. (см.: Дмитриев Л. А. М. Н. Тихомиров. (Некролог)).
- Толкачева Г. А. Древнерусские рукописи Павловского дворца-музея. XXV, с. 349—350.
- Тудоровская Е. А. К вопросу о воздействии старинной литературы на русскую народную сказку. XXIV, с. 293—295.
- Уо Д. К. К изучению истории рукописного собрания П. М. Строева. XXX, с. 184—203.
- Филатов В. В. Икона с изображением сюжетов из истории Русского государства. XXII, с. 277—293.
- Флоровский А. В. Франциск Скорина и Москва. XXIV, с. 155—158.
- Фролов С. В. Певческие рукописи Древлехранилища Пушкинского Дома. XXIX, с. 339—342.
- Фролов С. В., Маркелов Г. В. Археографические экспедиции Пушкинского Дома в Латвию. XXX, с. 252—256.
- Хипписли А. Saemen echiſum у Симеона Полоцкого. XXIX, с. 361—364.
- Чепига И. П. и Шолом Ф. Я. Произведения Иоаникия Голятовского на польском языке. XXV, с. 321—324.
- Черепанов С. К. К вопросу о южном источнике Софийской I и Новгородской IV летописи. XXX, с. 279—283.
- Черепнин Л. В. К вопросу о русской публицистике конца XV в. XXIV, с. 151—154.
- Чернышев Н. А. Апокалипсический сюжет Годуновского паникадила Софийского собора в Новгороде. XXVIII, с. 365—367.
- Шайкин А. А. «Повесть о Дмитрии Басарге и о сыне его Борзосмысле» и народная сказка. XXIX, с. 214—222.
- Шарлемань Н. В. (см.: Дмитриев Л. А. Н. В. Шарлемань. (Некролог)).
- Шептаев Л. С. Стихи справщика Савватия. XXI, с. 5—28.
- Шмидт С. О. О Послании Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь (постановка вопроса). XXIV, с. 163—166.
- Шолом Ф. Я. и Чепига И. П. Произведения Иоаникия Голятовского на польском языке. XXV, с. 321—324.
- Шусторович Э. М. Хроника Иоанна Малалы и античная традиция в древнерусской литературе. XXIII, с. 62—70.
- Щапов Я. Н. Похвала князю Ростиславу Мстиславичу как памятник литературы Смоленска XII в. XXVIII, с. 47—59.

Щеглова С. А. (см.: Адрианова-Перетц В. П. С. А. Щеглова. (Некролог)).

Юбилейная дата в жизни В. П. Адриановой-Перетц. XXIV, с. 3—4.

Якобсон Р. Композиция и космология плача Ярославны. XXIV, 32—34.

Янус Э. Варшавский список «Хождения игумена Даниила». XXIII, с. 300—304.

Ярошенко-Титова Л. В. «Повесть об увозе Соломоновой жены» в русской рукописной традиции XV—XVIII вв. (Характеристика редакций). XXIX, с. 257—273.

Ярошенко Л. В. и Махновец Т. А. Старопечатные книги XVI—XVII вв. Пушкинского Дома. XXV, с. 339—341.

Ярошенко Л. В., Пиотровская Е. К. и Махновец Т. А. Поездка за рукописями на Печеру летом 1972 г. XXIX, с. 351—352.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ	— Акты, собранные... Археографической экспедицией.
АИ	— Акты исторические.
АН СССР	— Академия наук СССР.
АСЭИ	— Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в.
АФЭиХ	— Акты феодального землевладения и хозяйства.
БАН	— Библиотека Академии наук СССР (Ленинград).
Брикe	— С. М. В r i q u e t. Les filligraues. Paris, 1907.
ВИ	— Вопросы истории.
ВЛ	— Вопросы литературы.
ВМЧ	— Великие Минеи Четьи, изд. Археографической комиссии.
ВОИДР	— Временник Общества истории и древностей российских при Московском университете.
ГБЛ	— Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).
ГВЛ	— Галицко-Волынская летопись.
Гераклитов	— А. А. Г е р а к л и т о в. Филигрaни XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963.
ГИМ	— Государственный Исторический музей (Москва).
ГЛМ	— Государственный Литературный музей (Москва).
ГПБ	— Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
ГРМ	— Государственный Русский музей (Ленинград).
ДАИ	— Дополнения к актам историческим.
ЖМНО	— Журнал Министерства народного образования.
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения.
ИА	— Исторический архив.
ИЗ	— Исторические записки.
ИМЛИ	— Институт мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР (Москва).
ИОЛЯ	— Известия Отделения литературы и языка Академии наук СССР.
ИОРЯС	— Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук СССР.
ИпоРЯС	— Известия по русскому языку и словесности Академии наук СССР.
ИРЛИ	— Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР (Ленинград).
Клеников, Филigr. и штемп.	— С. А. К л е п и к о в. Филигрaни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX веков. М., 1959.
КСИИМК	— Краткие сообщения и доклады Института истории материальной культуры Академии наук СССР.
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова.
ЛЗАК	— Летопись занятий Археографической комиссии.
Ляхачев, Бум. мельн.	— Н. П. Л и х а ч е в. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. СПб., 1891.
Ляхачев, Вод. зн.	— Н. П. Л и х а ч е в. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899.
ЛОИИ	— Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР.
МДА	— Московская духовная академия.
НИЛ, НИЛ, НИЛЛ
НВЛ, НВЛ	— Новгородские первая, вторая, третья, четвертая и пятая летописи.

- ОИДР — Общество истории и древностей российских.
 ОЛДП — Общество любителей древней письменности.
 ОЛЯ — Отделение литературы и языка Академии наук СССР.
 ПВЛ — Повесть временных лет.
 ПДП — Памятники древней письменности.
 ПДПИ — Памятники древней письменности и искусства.
 ППС — Православный Палестинский сборник.
 ПЛ, ППЛ, ППЛ — Псковская первая, вторая и третья летописи.
 ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
 РИБ — Русская историческая библиотека.
 РЛ — Русская литература.
 СГГД — Собрание государственных грамот и договоров.
 СОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук.
 СПб. ДА — Санктпетербургская духовная академия.
 СЛ, СЛ — Софийская первая и вторая летописи.
 Срезневский, — И. И. С р е з н е в с к и й. Материалы для словаря древне-
 Материалы — русского языка по письменным памятникам. СПб., 1893—
 1912.
 ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института рус-
 ской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР.
 Тромонин — К. Т р о м о н и н. Изъяснение знаков, видимых на пис-
 чей бумаге. . . М., 1844.
 ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов СССР
 (Москва).
 ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и иску-
 ства (Москва).
 ЦГИА — Центральный государственный исторический архив в Ленин-
 граде.
 ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при
 Московском университете.
 ЧОЛДП — Чтения в Московском обществе любителей духовного про-
 свещения.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Стр.

ИССЛЕДОВАНИЯ

О. В. Творогов (Ленинград). Повесть временных лет и Начальный свод. (Текстологический комментарий)	3
В. Л. Комарович (Ленинград). Из наблюдений над Лаврентьевской летописью	27
Ю. К. Бегунов (Ленинград). Житие Александра Невского в сборнике из собрания Н. П. Лихачева	60
Н. А. Казакова (Ленинград). Хождение во Флоренцию 1437—1440 гг. (Списки и редакции)	73
Я. С. Лурье (Ленинград). Московский свод 1479 г. и его протограф	95
Е. И. Ванеева (Ленинград). К изучению истории текста Сербской Александрии. (На материале ленинградских списков XV—XVII вв.)	114
Б. М. Клосс (Москва). Никоновская летопись и Максим Грек	124
А. А. Зимин (Москва). Выпись о втором браке Василия III	132
А. С. Дёмин (Москва). Представление о переменчивости жизни в русской литературе XVII века	149
Н. Н. Покровский (Новосибирск). Новые сведения о крестьянской старообрядческой литературе Урала и Сибири XVIII века	165
Д. К. Уо (Сиэтл, США). К изучению истории рукописного собрания П. М. Строева	184

ПОЛЕМИКА

А. Л. Гольдберг (Ленинград). К истории рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха	204
Р. П. Дмитриева. О текстологической зависимости между разными видами рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха	217

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Н. А. Мещерский (Ленинград). К изучению языка «Слова о законе и благодати»	231
Г. М. Прохоров (Ленинград). Летописная повесть о Митие	238
И. П. Медведев (Ленинград). Внучка Дмитрия Донского на византийском престоле?	255
Г. Н. Моисеева (Ленинград). Троицкая летопись 1408 г. в сочинениях Екатерины II	263
Б. И. Кузнецов (Ленинград). «Слово о двенадцати снах Шахаиши» и его связи с памятниками литературы Востока	272
С. К. Черепанов (Ленинград). К вопросу о южном источнике Софийской I и Новгородской IV летописей	279
А. И. Иванов (Ленинград). Несколько замечаний по поводу издания нового списка «Судного дела Максима Грека»	284
М. Д. Каган-Тарковская (Ленинград). Младшие редакции «Повести о двух посольствах»	299
О. А. Белоброва (Ленинград). К изучению «Книги избраной вкратце о девятих мусах и о седмих свободных художествах» Николая Спафария	307
А. М. Панченко (Ленинград). Материалы по древнерусской поэзии. IV (Стихотворная параллель к «Сказанию о роскошном житии и веселии»)	318
С. Н. Валк (Ленинград). Еще о Болтинском издании Правды Русской	324

ПО РУКОПИСНЫМ СОБРАНИЯМ

(Печатается под наблюдением В. И. Малышева)

Ю. К. Бегунов (Ленинград). Древнерусские рукописи фонда Синода в Центральном Государственном историческом архиве СССР в Ленинграде	332
Е. Н. Клитина (Москва). Новые рукописные приобретения Загорского музея-заповедника	339
А. И. Мазуни (Ленинград). Рукописи библиотеки Самаркандского государственного университета имени Алишера Навои	343
Д. В. Драгунский (Москва). «Лествицы» Пушкинского Дома	345
В. П. Бударягин, И. И. Гумицкий (Ленинград). Поездка за рукописями на Северную Двину	348
Г. В. Маркелов, С. В. Фролов (Ленинград). Археографические экспедиции Пушкинского Дома в Латвию	352
Н. С. Демкова (Ленинград). Отчет об археографической экспедиции на Печору	357
М. Д. Каган-Тарковская, Н. В. Понырко (Ленинград). Поиски рукописей в Вологодской области	361

ХРОНИКА

В. И. Малышев (Ленинград). Иван Федорович Голубев. 1891—1973 гг. (Некролог)	363
Я. С. Лурье (Ленинград). Сигизмунд Натанович Валк. 1887—1975 гг. (Некролог)	367
Указатель статей и материалов, напечатанных в тт. XXI—XXX «Трудов Отдела древнерусской литературы» (1965—1975 гг.)	369
Список сокращений	383